СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

1949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Редакционная коллегия

Академик *В. В. Струве* (отв. редактор), академик *А. П. Баранников*, академик *И. Ю. Крачковский*, чл.-корр. АН Узб. ССР *А. К. Боровков*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник „Советское востоковедение" VI был подготовлен к печати в мае 1948 г., но печатание его задержалось.

Редакция отдает себе отчет в том, что в сборниках „Советское востоковедение" должны, в первую очередь, находить отражение проблемы изучения современного Востока и актуальные теоретические вопросы истории, истории литературы и языков народов Востока.

Редакция принимает решительные меры к тому, чтобы содержание следующих сборников отвечало этим насущным задачам советского востоковедения.

I

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

А. П. БАРАННИКОВ

ИНДИЙЦЫ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Из всех стран зарубежного Востока Индия до последнего времени находилась в условиях, наименее благоприятных для знакомства с нашей страной вообще и с русской литературой в частности. Это определялось рядом причин.

Во-первых, Индия не имела непосредственных экономических и культурных связей с нашей страной и до последнего времени не имела с ней дипломатических отношений.

Эти два обстоятельства имеют немаловажное значение, так как вследствие отсутствия непосредственных связей в значительной мере были затруднены и сужены возможности приезда индийцев в нашу страну и русских в Индию. Тем самым затруднялось проникновение в Индию памятников русской литературы. В результате этого до крайней степени был сужен круг лиц, которые могли бы заинтересоваться в Индии русской литературой или имели бы стимул к изучению русского языка.

Во-вторых, до недавнего времени Индия была классической колониальной страной, и ее интересы, в том числе и интересы чисто литературные, находились под контролем метрополии, под контролем англичан. В Индии не могло быть свободного развития литературных вкусов и литературных интересов. Те или иные литературные произведения, признанные представителями метрополии нежелательными к распространению в Индии, не могли проникнуть в эту страну. Значительное число книг, допускаемых к обращению в Индии на английском языке, не разрешалось переводить на местные национальные языки. Этот факт совершенно понятен: круг читателей, владеющих английским языком, весьма ограничен, и распространение в его среде даже крайних идей не представляло сколько-нибудь серьезной угрозы для британского владычества в Индии, меж тем как появление той или иной книги в переводе на индийские национальные языки способно привлечь к ней внимание сравнительно широких кругов.

Об этом достаточно красноречиво говорит ряд индийских авторов. Так, например, Хасан Шахид Сахрварди (Hasan Šāhid Sahrwardī)[1] в своей статье, на которой мы остановимся ниже, говорит سے ہونا سیاسی نکتۂنگاہ

[1] جناب حسن شاهد سهروردی — ادبی بات چیت — روس — اردو — اپرل (Стр. 404). ۱۹۲۶

ہمیشہ بعید از مصلحت. خیال کیا گیا ہے — ہمارا اس ملک سے واقف, т. е.: „Наша осведомленность в отношении этой страны (т. е. нашей страны, — *А. Б.*) всегда считалась далеко не желательной".

Весьма важно учитывать и тот факт, что верхушка индийской буржуазной интеллигенции с середины XIX в. в некоторой части оказалась денационализованной в отношении языка и предпочитает не только в чтении, но и в письме пользоваться английским, а не своим национальным языком. На этот факт указывает ряд авторов. Например Шри, Илам Чандра Шарма (Çrī Ilamcandra Çarma)[1] в своей статье, появившейся в 1939 г., говорит:

जितने ही प्रोफेसरों वकीलों तथा कुछ और प्रकार के शिक्षितों द्वारा मातृभाषा को शिक्षा का मध्यम बनाने तथा उसको महत्व का स्थान देने का विरोध देखकर बड़ा दुःख होता है। ...उन लोगों का तो यहां तक कहना है कि हम अपने भावों तथा विचारों को जितना सरल और स्पष्ट ढंग से अंग्रेज़ी में प्रकट कर सकते हैं उसी ढंग से मातृभाषा में नहीं कर सकते हैं ।.

т. е.: „Очень многие профессора, адвокаты и представители различных других интеллигентских профессий выступают против того, чтобы сделать свой родной язык средством преподавания и тем придать ему надлежащее значение. При виде этого является большая печаль... Они доходят до того, что заявляют: «На своем родном языке мы не в состоянии выражать свои чувства и мысли с такой ясностью и простотой, как на английском языке»".

Интерес к русской литературе этого круга индийской интеллигенции невозможно учесть, так как она удовлетворяет его при помощи литературы, написанной на английском языке. Нельзя забывать, что до последнего времени преподавание в индийской высшей школе велось на английском языке, в индийских университетах пользовались исключительно английскими пособиями и английской научной литературой, и это не могло не способствовать языковой денационализации верхушки индийской буржуазной интеллигенции.

Нужно принять, наконец, во внимание, что в последние десятилетия XIX в. и в первые два десятилетия XX в. важнейшие индийские литературные языки развивались по линиям, весьма отдалявшим их от народных разговорных языков, и потому реалистические произведения, особенно же произведения из современной жизни, в указанный период переводились мало, а если и переводились, то переводы выражались в формах, весьма далеких от оригиналов. Это объясняется тем, что в различные индийские национальные языки было введено огромное количество заимствований из средневекового языка высших каст — санскрита, лексические элементы которого, проникшие в различные индийские национальные языки, семантически и стилистически соответствуют явным церковнославянизмам, вошедшим в русский язык. В отдельных индийских литературах дело доходило до того, что предлагалось исключить из литературного употребления все элементы национального языка и заменить их санскритизмами. Совершенно понятно, что лексические элементы, заимствованные из санскрита, мало пригодны для перевода произведений, рисующих современность.

Если в самой Индии был ряд моментов, затруднявших изучение русской литературы в этой стране и появление переводов произведений русской

[1] श्री इलंचन्द्र शर्म | मातृभाषा और बुद्धिविकास | वीणा, मार्च १९३९, इन्दौर (стр. 330—334)

литературы на индийских языках, то, с другой стороны, в царской России изучение Индии было поставлено таким образом, что почти не давало возможности познакомиться с этой страной в ее современном состоянии. Индологи, изучавшие Индию после проф. И. П. Минаева (умер в 1890 г.), сконцентрировали все свое внимание на изучении буддизма, который в Индии исчез больше чем тысяча лет тому назад, и подменили индологию буддологией. Вследствие этого индийские национальные литературы и индийские национальные языки оказались вне сферы внимания русской дореволюционной индологии.

Под этот отрыв русской дореволюционной индологии от изучения реальной Индии было подведено теоретическое обоснование. Русская академическая индология, как и некоторые европейские индологи, следовавшие за индийскими пандитами, считали, что единственным языком, достойным быть предметом научного изучения, является санскрит, т. е. средневековой язык брахманства и придворной поэзии. Новоиндийские языки, т. е. современные национальные языки Индии, литературная традиция на которых развивается в течение целого тысячелетия, до Великой Октябрьской социалистической революции (а в некоторых кругах и значительно позже) считались жаргонами, не заслуживающими внимания серьезных ученых.

Для того чтобы судить, насколько нелепо такого рода отношение к национальным индийским языкам, должно вспомнить, что на каждом из важнейших новоиндийских языков: хинди, бенгальском, маратском, гуджаратском, урду и др., за период, охватывающий много столетий, создалась обширная литература, по своему богатству и общественной значимости не уступающая важнейшим европейским литературам.

Наши академические индологи, после проф. И. П. Минаева, не заботились о пополнении наших библиотек литературой на индийских национальных языках, и потому, за весьма редкими и совершенно случайными исключениями, литература на индийских национальных языках за период до Великой Октябрьской социалистической революции была совсем неизвестна в нашей стране.

Совершенно понятно, что при таких условиях наши знания о проникновении русской литературы в Индию и о ее возможном влиянии на различные индийские национальные литературы будут весьма ограниченными и неполными.

Знание Востока, в особенности же знание Индии, в широких кругах нашей читающей публики недостаточно.

С другой стороны, в Индии до последнего времени сведения о нашей стране в широкой читательской среде были весьма смутные и часто даже почти фантастические, причем фантастичность этих сведений проистекала из совершенно понятной тенденции англо-индийского правительства отгородить Индию от возможного влияния с севера.

О совершенно недостаточном знании нашей страны говорят многие индийские авторы. Особенно красочную картину дает современный известный литературовед Хасан Шахид Сахрварди (Hasan Šāhid Sahrwardī):[1]

غالباً میرا یہ خیال غلط نہیں ہے کہ ہندوستان کے لوگ یورپ کے دوسرے ممالکوں کے مقابلہ میں روس سے نسبتاً کم واقف ہیں... ہماری اس

[1] جناب حسن شاهد سهروردی صاحب — ادبی بات چیت روس — اردو، اپریل ۱۹۲۶ (Стр. 404—405)

ناواقفیت کے کئی سبب ہیں پہلی بات تو یہ ہے کہ روس ہمیشہ سے ہندوستان کے پڑوس پر چھایا ہوا ہے — اور ہمارا اس ملک سے واقف ہونا سیاسی نکتۂ نگاہ سے ہمیشہ بعید از مصلحت خیال کیا گیا ہے — ہمارے نظروں کے سامنے اس ملک کی تصویریں ہمیشہ داستانوں اور کہانیوں کی طرح پیش کی گئیں — کبھی ایسے کلمک دکھائے گئے جو دانتوں میں چہرے پکڑے رہتے ہیں کبھی ایسے مظالم کی داستان سنائی گئی جو پہلے کبھی سننے میں نہ آئے تھے — کبھی ایسے برفستان کا ذکر کیا گیا جن پر کسی کو یقین نہ آئے اور کبھی جبر و تشدد کی روئداد یا بڑے بڑے عہدہ داروں پر بم پھینکنے کے واقعات بتلائے گئے —

т. е.: „Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что индийцы о России, сравнительно с другими странами Европы, осведомлены весьма мало. Есть несколько причин этой нашей неосведомленности. Первая причина заключается в том, что Россия всегда находилась в соседстве с Индией, и с политической точки зрения наша осведомленность относительно этой страны всегда считалась далеко не желательной. Перед нашими взорами всегда рисовались картины этой страны, похожие на сказки и басни. Иногда показывались казаки с отрубленными головами в зубах; иногда рассказывались басни о таких жестокостях, о каких раньше не приходилось и слышать, иногда сообщались басни о стране льдов и снегов, в которые никто бы не поверил, а иногда сообщалось о насилии и жестокостях, или же рассказывалось о фактах бросания бомб в высокопоставленных лиц".

Из представленного свидетельства и аналогичных ему фактов мы видим, что информация индийской общественности относительно дореволюционной России была по меньшей мере весьма тенденциозной, неспособной вызывать большой симпатии, особого желания ближе ознакомиться с ней, с ее культурой и ее литературой.

Переломным моментом в пробуждении в кругах индийской общественности интереса к России была революция 1905 г. и особенно Великая Октябрьская социалистическая революция. Обе революции нашли широкий отклик в Индии.

Интерес Индии к России, вызванный революцией 1905 г., английские власти стремились погасить распространением идей паназиатизма, всяческим восхвалением Японии — азиатской страны, которая с поразительным успехом выступила против величайшей европейской державы, причем откровенно говорилось, что эта азиатская страна является только орудием в руках Англии, которая своей хитроумной политикой заставила ее биться со своим „историческим врагом", каким Россия якобы являлась для Англии. Наряду с этим, рисовались картины несостоятельности и полного развала царской России, не способной бороться ни с внешними опасностями, ни с внутренним развалом страны.

Попытка индо-британских властей продолжать в Индии такую же информацию о России и после Великой Октябрьской социалистической революции не имела успеха, так как в самой Индии высоко поднялась волна национально-освободительного движения, и передовые круги индийской интеллигенции сами взяли на себя задачу информировать индийскую обще-

ственность о Советском Союзе, возбудив глубочайшие симпатии трудящихся Индии к нашей родине.

В качестве образца литературы, которая появилась в Индии после революции 1905 г., мы можем взять „историческую драму“ (تاریخی ڈراما) Зафар Али Хана (Zafar 'Alī Khān'a ظفرعلی خان) о русско-японской войне (جنگ روس و جاپان).

Насколько мне известно, книга Зафар Али Хана является первым печатным произведением индийского автора, писавшего о России. Эта драма первым (литографским) изданием вышла в 1905 г. Второе издание ее появилось в 1914 г. Драма написана на индомусульманском языке урду, т. е. на языке, который пользуется широчайшим распространением, так как на нем говорит около 150 миллионов населения Индии.

Автор драмы, плохой драматург, но скорее публицист, написал это свое произведение, видимо, по специальному заказу кругов, стоявших очень близко к британской власти.

В своей значительной по объему и широкой по замыслу исторической драме Зафар Али Хан пытается представить важнейшие моменты и внутренние движущие причины русско-японской войны. В соответствии с этим он с большой свободой переносит действие своей пьесы в различные страны Азии, Европы и Америки. Отдельные сцены происходят в Манчжурии, но большинство их происходит в различных морях и столицах держав: в Токио, Петербурге, Лондоне, Константинополе, Кабуле, Вашингтоне.

Как отмечено выше, автор показал себя бойким публицистом, но более чем посредственным драматургом. Драма „Русско-японская война“ лишена внутренней динамичности и драматического действия. В ней нет по существу ни одной сколько-нибудь ясно очерченной фигуры. Длиннейшие монологи, которые произносятся различными персонажами драмы даже наедине, мало способствуют драматичности действия, но зато весьма ярко показывают цели, для которых написана драма. На протяжении всей драмы автор противопоставляет Японию России и японцев русским. Японцы в драме Зафар Али Хана оказываются исполненными всяческих достоинств и совершенств, русские же представлены людьми совершенно никчемными. Автор всеми мерами стремится внушить презрение и недоверие к русским: они в драме легкомысленны, беззаботны, недальновидны, неспособны служить большой идее. Даже после тяжких поражений и перед еще более тяжкими несчастьями русские военачальники — от главнейших до самых заурядных — думают не о выполнении больших военных задач, а о балах, скачках, развлечениях.

Автор не считает нужным скрывать мотив, по которому ему понадобилось изобразить русских в столь неприглядном виде. Из политических соображений автор должен был представить Россию ничтожной страной, не способной внушить доверие и надежды тем, кто якобы надеялся на освобождение при помощи России.

В ряде сцен, особенно же в сцене, происходящей в Кабуле во дворце эмира Афганского, автор показывает, что Россия якобы подготовилась к походу на Индию. Русский посол прямо заявляет эмиру, что в случае его согласия участвовать в качестве союзника в походе на Индию, русская армия численностью в полмиллиона солдат в любую минуту готова выступить. Из драмы можно заключить, что только несогласие эмира на эту авантюру предотвратило вторжение русских войск в Индию. Эмир же

афганский якобы не согласился на предложение России потому, что она терпит поражения в войне с Японией, которую Англия своей хитроумной политикой заставила драться со своим „историческим врагом".

Наиболее важные моменты развития драмы Зафар Али Хана происходят на глазах у политических эмигрантов из северо-западных провинций Индии и Панджаба, которые якобы вступили в русскую армию в надежде добиться при помощи России освобождения Индии от британской власти.

Зафар Али Хан заставляет своих соотечественников, эмигрировавших в Россию, на деле убедиться в беспочвенности своих надежд на освобождение Индии при помощи России. На основании „опыта" индийские эмигранты приходят к заключению, что оказаться под властью таких беспечных и недальновидных людей, как русские, было бы несчастьем для Индии. Они убеждаются, что для Индии господство англичан — величайшее благо. Если Индии суждено быть под властью чужеземцев, то этими чужеземцами лучше всего пусть навсегда остаются англичане!

Такова основная и движущая идея всей драмы Зафар Али Хана. Повидимому, только для этого вывода и написана по заказу англичан вся драма, вызванная на свет их боязнью за свое господство в Индии. Весьма интересно отметить тот факт, что второе издание драмы „Русско-японская война" вышло в 1914 г. Ведя войну в союзе с Россией, Англия считала полезным популяризировать в Индии эту драму в назидание возможным „полуэмигрантам".

Несмотря, однако, на рогатки, которые ставились Англией с целью предотвратить знакомство индийцев с нашей страной, с ее культурой и литературой, несмотря на то, что осведомленность индийцев относительно России считалась, как говорят индийские авторы, „с политической точки зрения нецелесообразной", еще до Великой Октябрьской социалистической революции верхушка индийской буржуазной интеллигенции знакомилась с Россией и русской литературой. Ознакомление с русской литературой происходило при помощи европейских, точнее английских, переводов произведений русских авторов. Имена Льва Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова и Горького и их главнейшие произведения были широко известны среди интеллигенции северной Индии. Особенной популярностью пользовался Лев Толстой, мелкие рассказы которого переводились на индийские языки.

Как указано выше, ознакомление индийской интеллигенции с творчеством русских писателей происходило при помощи переводов. Людей, знающих русский язык, в Индии не было, в чем легко убедиться из того, как писались, а частично пишутся и в настоящее время, собственные имена, в частности имена русских писателей. Русские зубные *т* и *д* передаются в Индии при помощи церебральных, что было бы невозможно при знании русского языка, так как во всех индийских языках существуют не только церебральные, но и зубные звуки. Для примера возьмем некоторые имена в написании на урду: دَاسْتَوئسکی, dāsṭaveiskī (Достоевский); ترجنیف, ṭarjnīf (Тургенев); طالسطائی или ٹالسٹائی, ṭālsṭāy (Толстой).

Более обстоятельная и значительно более частая, а главное, более правдивая информация о нашей стране и ее литературе начинается в послереволюционный период, когда, с ослаблением в Индии позиций британского империализма и с высоким подъемом индийского национально-освободительного движения, индийцы сами стали изучать нашу страну и стали сами

писать о Советском Союзе. Об этом говорит цитированный выше Хасан Шахид,[1] который связывает этот факт с пропагандой пролетарской культуры (تہذیب عمومی), начавшейся с 1918 г.

Нет никакого сомнения в том, что Великая Октябрьская социалистическая революция является поворотным моментом, с которого начинается в Индии период очень широкой информации о Советской России (سویٹ روس) вообще, и, в частности, о русской литературе. Только в этот период начинают в заметном количестве появляться переводы произведений русских авторов. Это свидетельствует о новом периоде в развитии культурных отношений между нашей страной и Индией.

Меж тем как в дореволюционный период от интереса к русской литературе индийцы шли к изучению России, в послереволюционный период мы наблюдаем обратное явление: огромный интерес к пролетарской революции пробуждает в Индии интерес к истории нашей страны, ее культуре и ее литературе.

Уже в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции на самых разнообразных языках современной Индии появляется большое количество литературы о России, о революции и ее вождях, об истории России. Уже в период между 1918 и 1925 гг., после коротких газетных заметок и статей, появляются значительного объема книги, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции. И эта литература продолжает развиваться, несмотря на большие цензурные строгости, применяемые особенно сурово с конца 20-х годов, не ослабевая в своей симпатии к Советскому Союзу и регулярно освещая все главнейшие этапы развития нашей революции, борьбы советской власти за свое существование и борьбы за построение социалистического общества.

Бесчисленные заметки и статьи и значительное число книг о Советском Союзе, регулярно появляющихся на национальных языках современной Индии, в подавляющем большинстве случаев исполнены горячей симпатии к Советскому Союзу. В настоящее время слово „Россия“ (روس), точнее „Советская Россия“ (savyaṭ rūs, سویٹ روس), стало известно в самых отдаленных уголках Индии, даже в кругах самого отсталого крестьянства.

В этом отношении весьма показательна небольшая сцена из романа крупнейшего романиста современной Индии Премчанда, скончавшегося в 1936 г. Премчанд рисует отсталую и забитую, всеми эксплоатируемую индийскую деревню. Обираемые и унижаемые бедняки-крестьяне ведут между собою такую беседу:[2]

„Балрадж. Я получаю газету и в ней пишут, что Россия — царство крестьян. Они делают только то, что хотят сами. Там совсем недавно крестьяне свергли царя с престола, и теперь управляет Совет рабочих и крестьян.

Кадир. (С изумлением). Так идем, отправимся в эту страну, там не придется платить оброк.

Дапат. Тамошние крестьяне, должно быть, дошлые и умные ребята, раз они справляются с управлением государством.

---

[1] اردو — اپرل ۱۹۲۶ ادبی بات چیت Стр. 303—304.

[2] प्रेमचन्द, प्रेमाश्राम कलकत्ता १९८०, стр. 69.

Кадир. Мне не верится.

Манохар. В нашей газете лжи не бывает".

Из прессы мы узнаем, что в среде индийских рабочих и передовой интеллигенции находят распространение классики марксизма-ленинизма. Если в первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции популяризировались преимущественно произведения Маркса и Энгельса, то в течение последних лет особой популярностью пользуются произведения И. В. Сталина, в частности „Вопросы ленинизма", о чем мы узнаем из сообщений об обысках и арестах передовых представителей индийского рабочего движения.

Даже буржуазные индийские авторы вынуждены признать мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции. В качестве иллюстрации возьмем небольшую выдержку из буржуазного журнала индийских мусульман „Урду" (اردو), выходящего в Аурангабаде на Декане. В рецензии на одну из книг о русской революции (انقلاب روس) один из крупнейших публицистов этого журнала говорит: [1]

انقلاب روس تاریخ عالم کا سب سے اہم واقعہ ہے — اسنے ماضی اور مستقبل کی دنیاؤں کے بیچ امٹ لکیر کھینچ دی ہے — اس کی اہمیت سے کسی طرح انکار نہیں ہو سکتا — اس کے اثرات دور رس ہیں اور آج سماج کا ہر فرد اس کے سائے کے نیچے سے گزر رہا ہے — لہذا ناگزیر ہوجاتا ہے کہ ہم اس کی ہامیت اور نوعیت کو سمجھیں اور اس کے اشاروں اور نتیجوں سے باخبر ہوں ... جب سویٹ روس تمام حقیقی اور خیالی مظالم کی گرد سے نکلکر انصاف کی کسوٹی پر پرکھا جاتا ہے تو ایک نئے ہادی اور ایک نئے مصیحا کی شکل میں رونما ہوتا ہے —

т. е.: „Русская революция есть величайшее событие в мировой истории. Она провела неизгладимую черту между прошедшим и будущим мирами. Ее значения нельзя отрицать никоим образом. Ее влияние распространяется чрезвычайно далеко, и каждый индивидуум в современном обществе не может избежать ее влияния. Поэтому для нас совершенно необходимо понять ее сущность и ее специфический характер и быть осведомленными относительно ее влияния и результатов... Если Советская Россия, выйдя из всех материальных и идеологических испытаний, проходит испытание на камне справедливости, то она предстает [перед нами] в образе нового духовного учителя и нового мессии".

Журнал „Урду", где напечатана статья Нахуда, издается во владениях крупнейшего из индийских туземных княжеств — во владениях низама Хайдарабадского. Автор статьи, как и редакция журнала, не является приверженцем пролетарской революции. Он только без самообмана смотрит в лицо реальным фактам и говорит на основании изучения настроений различных классов современной Индии.

Сознавая всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, индийские авторы признают также факт большого

[1] Стр. 482—492, рец. на книгу ناخدا انقلاب روس — اردو جلائی ۱۹۳۶

влияния литературы на развитие общества. В частности, один из известных публицистов современной Индии Шри Ханс Кумар Тивари заканчивает свою статью, посвященную вопросу о влиянии литературы на развитие общественной мысли, (सर्वसाधारण का साहित्य) „Литература для масс" следующим риторическим вопросом:[1]

रूस के इस नवजागरण में गारीशन गोकी आदि के साहित्य का क्या हाथ नहीं है?

т. е.: „Разве в современном пробуждении России не видно влияния творчества Гаршина, Горького и других?"

С точки зрения автора статьи, как и многих других индийских авторов, русская литература наилучшим образом доказала свое уменье влиять на массы. В этом отношении она в сильной мере отличается от других европейских литератур. Именно эта особенность русской литературы побуждает индийских литературоведов уделять ей особое внимание. Параллельно со статьями и книгами, посвященными истории пролетарской революции и истории построения социалистического общества, на различных национальных языках Индии появляются очерки по истории русской литературы, в частности по литературе советского периода.

Мы лишены возможности дать полный обзор и анализ этих произведений индийских авторов. Из более поздних статей мы узнаем, что ранние работы о русской литературе, печатавшиеся на различных индийских языках вскоре после революции, были не весьма высокого качества и были написаны людьми, мало сведущими в истории русской литературы. Так, уже названный выше Хасан Шахид в своих „Литературных беседах", посвященных русской литературе и напечатанных в журнале „Урду", говорит:[2]

آج کل یورپ کے رسالوں میں جدید روسی ادبیت کے کارناموں کے تذکرہ آئے دن ہوا کرتے ہیں ابھی کچھ دن... مجھے ایک ہندوستانی رسالے کے پڑھنے کا اتفاق ہوا... اس میں میں نے زمانۂ حال کی روسی زندگی اور اس ملک کے نئے ادبی مظاہرات کے متعلق جو بیانات پڑھے وہ بہت کچھ کنجلک اور مبہم تھے —

т. е.: „В настоящее время [т. е. в 1925—1926 г.] в европейских журналах ежедневно появляются статьи по истории новой русской литературы. Недавно мне случилось читать один индийский журнал. Те статьи, которые я в нем прочел относительно современной жизни России и новых литературных явлений этой страны, носят очень случайный и неопределенный характер". Видимо, Хасан Шахид имеет в виду значительное число статей, которым были свойственны отмеченные им слабости. Слабую осведомленность в области русской литературы не только индийских, но и европейских авторов, писавших о ней, автор объясняет тем, что знание русского языка недостаточно широко распространено не только в Индии, но и в Европе. Этот факт автор объясняет трудностью и исключительной сложностью русского языка.

[1] श्री हंस कुमार तिवारी । सर्वसाधारण का साहित्य । वीणा, मार्च, १९३९, इन्दौर, стр. 376—379.

[2] جناب حسن شاهد سہروردی — ادبی بات چیت — روس — اردو اپرل Стр. 303, اورنگ آباد, ۱۹۲۶

Учитывая факт слабого знания истории русской литературы, автор в начале своих „Литературных бесед“ дает самые общие сведения по истории России, истории русского языка и истории русской литературы. В конце первой части своих „Литературных бесед“ он называет крупнейших писателей XIX в., несколько подробнее останавливаясь на А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом и Ф. М. Достоевском. Имя каждого из названных писателей автор сопровождает самой краткой характеристикой. Например Пушкин:

(پش کن) یہ روس کا سب سے بڑا شاعر ہے اور اسکا شمار دنیا کے بہترین شعرا میں ہونا ہے —

т. е.: „Это величайший поэт России и входит в число лучших мировых поэтов“. Назвав имена Пушкина, Тургенева, Л. Толстого и Достоевского, автор говорит:

یہ لوگ دراصل اس با عظمت گروہ مصنفین کے سردار ہیں کہ جس کی وجہ سے آج روسی زبان کا ادب عصر جدید کے سب ادبوں سے زبردست اور اچھوتا سمجھا جاتا ہے —

т. е. „Они поистине стоят во главе той великой плеяды писателей, благодаря которой в настоящее время литература на русском языке считается самой сильной и самой чистой (اچھوتا) из всех литератур“.

В следующей главе своих „Литературных бесед“ Хасан Шахид на фоне кратких сведений о русской литературе дает[1] биографию и анализ творчества А. С. Пушкина. Автор подробно излагает содержание двух произведений Пушкина: „Евгения Онегина“ и „Бориса Годунова“. Других произведений Пушкина он касается только вскользь. В статье встречаются некоторые ляпсусы. Так, автор говорит о произведении Пушкина „Алеко“ (الیکو).

Подобные ляпсусы (правда, немногочисленные), а равным образом способ передачи собственных имен, показывают, что автор пользовался европейскими пособиями или переводами произведений русских авторов, точнее, английскими переводами. Имя Пушкина пишется так: الیگ سین aleg-sen-ḍar sargaivac puškin پش کن سرگیوچ ڈر; Царское Село — زاردس کوے Zārs-koe se lo; Сорочинцы — زی سےروسنٹ, Sero-sniṭ-zī; Нежин — نی گن, nīgīn.

Хасан Шахид весьма высоко ставит поэзию А. С. Пушкина. Он говорит:[2]

روس زبان کا سیکھنا اس میں شک نہیں کہ دنیا کی سب زبانوں سے زیادہ مشکل ہے — لیکن اگر کوئی شخص ایک مرتبہ اس کی مشکلات سے

---

[1] جناب حسن شاهد صاحب سهروردی — ادبی بات پیٹ — روس — اردو — جلائی, ۱۹۲۶, Стр. 457—474.

[2] Указанная статья, стр. 474.

عہدہ برآ ہوجائے تو اسے معلوم ہوجایگا کہ اگر اور کچھ نہیں تو صرف پش کن کی تصنیفات کے مطالعہ ہی کی وجہ سے اس کی یہ محنت جیز ہو گئی ہے —

т. е. „Нет сомнения в том, что изучение русского языка более трудно, чем изучение любого другого языка в мире. Но если кто однажды преодолеет его трудности, то он поймет, что изучение произведений одного лишь Пушкина, не говоря о чем-нибудь другом, вознаградит его труды".

Третья и последняя из известных нам „Литературных бесед" Хасан Шахида[1] посвящена творчеству Гоголя. Автор дает довольно подробную биографию Н. В. Гоголя, перечисляет его главнейшие произведения и дает детальный анализ „Женитьбы", „Ревизора" и „Мертвых душ". По своему характеру очерк о Гоголе стоит на уровне очерков в наших дореволюционных учебниках для средней школы.

В 30-х годах в Индии появляются работы, посвященные специально советской литературе. Среди них показательна статья Ахтар Хуссайн Сахаб Раепури (Janāb Akhtar Husain Ṣāḥab Rā'epurī):[2] „Литература Советской России", напечатанная в журнале „Урду" за 1935 г.

В первой части своей статьи автор говорит о характерных особенностях русской литературы. Наиболее характерной особенностью ее он считает реализм (حقیقت پسندی), который наложил глубокий отпечаток на творчество всех авторов от Пушкина до Горького,[3] и ее универсализм (عالم گیری), т. е. свободу от ограниченности местной, расовой, конфессиональной и т. д.

В кратком введении к советскому периоду русской литературы автор дает некоторые сведения о развитии русской литературы в предреволюционный период. Характеризуя творчество передовых авторов этого периода (Чехов, Куприн, Бунин и др.), автор говорит:[4]

وہ سماج کے مظلوم طبقوں کی حالات کا مرقع پیش کرتے ہیں لیکن ان میں سے گورکی کے سوا کوئی کسی روشن مستقبل کا جواب نہیں دیکھتا — سب کے کردار اندھے ہیں اور ایک اندھیری دنیا میں بھٹکتے پھر رہے ہیں... صرف ایک گورکی کا نظریۂ حیات رجائیت پرورانہ ہے اور اس کے آوارہ کردار انسانیت کی نجات کو قرین قیاس سمجھتے ہیں

т. е. „Они рисовали состояние угнетенных классов, но, кроме Горького, никто из них не видел ясного ответа относительно будущего. Персонажи всех этих писателей слепые и они бродят, спотыкаясь, в темном мире. Мировоззрение одного лишь Горького было исполнено оптимизма, и его бездомные персонажи понимают, что освобождение человечества близко".

---

[1] جناب حسن شاهد سهدوردی صاحب — ادبی بات چیت — روس — اپرل Стр. 223—235, ۱۹۳۷,

[2] جناب اخترحسین صاحب رائے پوری ساهتیا النکار — سویٹ روس کا ادب — اردو — اکتوبر Стр. 638—680, ۱۹۳۰

[3] Там же, стр. 654.

[4] Там же, стр. 643.

Соглашаясь с автором в его оценке роли Горького, мы, разумеется, не можем согласиться с тем, что в указанный им период в русской литературе не было авторов, веривших в светлое будущее русского народа.

В главе, посвященной первому периоду советской литературы, автор говорит о различных течениях в русской литературе и подробнее останавливается на авторах, приветствовавших и поддерживавших Великую Октябрьскую социалистическую революцию, — в первую очередь на роли М. Горького и Маяковского.

В начале главы о втором периоде развития советской литературы автор останавливается прежде всего на писателях, начавших свою литературную деятельность еще до революции. О Горьком в этом разделе он говорит:[1]

ان میں گورکی کا نام سب سے پہلے آتا ہے جو سوئیٹ ادب کا خالق اور نگہبان کہا جا سکتا ہے —

т. е.: „Из них прежде всего выступает имя Горького, который может быть назван творцом и пестуном советской литературы".

Автор статьи указывает, что в отношении изображения внешней природы во всей мировой литературе с Горьким не может сравниться никто, кроме Л. Толстого и В. Гюго.

В конце своей статьи, в главе о третьем периоде развития советской литературы, автор отмечает один из важнейших моментов в деятельности М. Горького — его роль в развитии советской литературы.

В заключение своей работы Ахтар Хуссайн, говоря вкратце о развитии русского театра, указывает:[2] انقلابؔ نے روسی اسٹیج میں نئی جان ڈال دی — т. е.: „Революция вдохнула новую жизнь в сцену".

Из индийской журнальной критической литературы нам известно, что в последние годы отдельными изданиями выходят целые книги, посвященные русской литературе. Так, уже отмеченный нами критик Нахуда (Nākhudā)[3] в журнале „Урду" сообщает о специальном номере журнала „Hamāyūn" (ہمایوں, 1935), целиком посвященном русской литературе. Автор рецензии считает номер неудавшимся и предупреждает против повторения подобных ошибок. Главной причиной неудачи Нахуда считает недостаточное знание русской литературы авторами статей, вошедших в номер, иначе они не пытались бы изложить историю всей русской литературы в книге размером в 150 страниц.

У критика Нахуда мы читаем слова, представляющие исключительный интерес для суждения о причинах того большого внимания, которое индийская интеллигенция оказывает русской литературе: روسی ادب سے ہندوستانی تعلیم یافتہ طبقے کی روز افزوں دلچسپی اس ذہنیت کا پرتو ہے جو نظام زندگی کے انتشار کی وجہ سے پیدا ہوگئی ہے — بےکاری اور افلاس کی گران باری ادب کو رومانی فضا سے نکالکر حقیقت نگاری کیطرف آنے کے لئے مجبور کر رہی ہے —

---

[1] Там же, стр. 654.

[2] Там же, стр. 673.

[3] ناندا ہمایوں کا روسی ادب نمبر — اردو — جلائی ۱۹۳۵ Стр. 622—624,

т. е.: „Возрастающий с каждым днем интерес индийского образованного класса к русской литературе является отражением того умонастроения, которое появилось в результате распада устоев жизни. Беременность бедностью и безработицей отвлекает литературу от романтической сферы, вынуждает ее итти по пути реализма".

В этих немногих словах мы находим весьма ценное признание индийского автора, свидетельствующего о том, что „возрастающий изо дня в день" интерес индийской интеллигенции к русской литературе объясняется явлениями внутренней индийской жизни. Не находя выхода из создавшихся в стране экономических и политических затруднений, индийцы обращаются за ответом на свои вопросы к литературе той страны, которая наиболее радикальным образом и навсегда разрешила все сложнейшие вопросы, которые не могут быть разрешены в капиталистическом обществе.

Помимо трудов, посвященных русской литературе в целом, мы находим в журнале „Урду" ряд работ, в которых рассматриваются отдельные формы литературного творчества. Так, в нем имеется серия больших статей, посвященных русской драме, русскому театру и русской повести и роману — (ناول).

Статьи о русской драме принадлежат Мухаммад Муджибу (Muhammad Mujib'y). Они появились в журнале „Урду" в 1936—1937 гг.

Первая статья Мухаммад Муджиба[1] посвящена древнейшему периоду развития русской драмы, с XVII в. до Грибоедова включительно. Предшественникам Фонвизина автор уделяет мало места. Более подробно он говорит о самом Фонвизине. Он дает краткую биографию этого драматурга и содержание „Бригадира" и „Недоросля". В качестве иллюстрации даются в переводе на урду небольшие отрывки из обеих названных драм. Еще подробнее автор говорит о Грибоедове. Он дает довольно обстоятельную биографию Грибоедова и содержание „Горя от ума".

Вторая статья целиком посвящена творчеству Островского. Автор дает краткую биографию Островского, характеризует основные черты его творчества и подробно разбирает все важнейшие его драмы. Островского он считает крупнейшим и оригинальнейшим драматургом.

Третья статья[2] посвящена развитию русской драмы. Она имеет более схематичный характер, чем предшествующая статья. Мельком коснувшись творчества драматургов, писавших после Островского, автор считает, что только в 1898 г., когда была поставлена первая драма Чехова, „все почувствовали, что Россия получила заместителя Островского". Автор дает содержание и критический анализ почти всех драм Чехова. В конце этого раздела дается восторженная характеристика творчества Чехова. От Чехова Мухаммад Муджиб переходит к Горькому и подробно останавливается на драме „На дне" (قعر مذلت букв. „Бездна падения").

Интересно отметить тот факт, что Мухаммад Муджиб дает довольно точную транскрипцию русских собственных имен. Например: تورگینف, turgenaf (Тургенев); بوریس گودونوف, borīs godūnof (Борис Годунов); الکسیئی تالستائی, aleksey tālstāy (Алексей Толстой). Эта транскрипция

---

[1] جناب محمد مجیب صاحب — روسی ڈراما — پہلا دور — اردو — اپرل — ۱۹۳۶. Стр. 198—211.

[2] جناب محمد مجیب صاحب — روسی ڈراما — اوسترووسکی سے انقلاب تک — اردو — جلائی, ۱۹۳۷, Стр. 522—544.

сделана, несомненно, не с английских переводов и дает основание думать, что автор статьи, возможно, знает русский язык.

Одновременно со статьями о русской драме появилась статья о русском театре советского периода. Статья принадлежит Саид Ахтар Хуссайн Сахиб Раепури.[1]

Автор указывает на коренное отличие советского театра от театра дореволюционного. Советский театр служит интересам не кучки богачей, а народным массам, которые заняты построением социалистического общества. Отсюда широчайшие возможности советского театра, который достиг блестящего развития у всех народов, населяющих Советский Союз. Статья о советском театре написана в восторженных тонах и заканчивается следующими словами:

دنیا کے ہر ملک میں علم و ادب کا معیار کم ہوتا جاتا ہے لیکن اس کے برعکس سویٹ روس میں سائنس اور ادب کا ہر شعبہ روز افزوں ترقی کر رہا ہے —

т. е.: „В настоящее время в любой стране мира все более и более понижается уровень науки и литературы. Но, в противоположность этому, в Советской России каждая ветвь науки и литературы с каждым днем развивается выше и выше".

Профессору Мухаммад Муджибу принадлежит серия статей о русском романе, повести и рассказе. Все три формы автор объединяет одним термином, заимствованным из английского языка, — термином „nāual" (ناول). До нас дошли только две статьи этой серии. Первая статья[2] посвящена творчеству Л. Толстого, в развитии которого автор различает три периода. Он довольно подробно излагает биографию Л. Толстого и параллельно в хронологическом порядке рассматривает главнейшие произведения его. В статье дано краткое содержание этих произведений и критический анализ их, который не отличается большой глубиной. Автор проникнут глубоким восторгом перед творчеством Л. Толстого.

Во второй статье,[3] появившейся в 1936 г. в январьском номере журнала „Урду", Мухаммад Муджиб рассматривает творчество В. Гаршина (وسیوولود میخائلووچ گارشن), В. Короленко и Чехова. Первым двум писателям уделено немного места. Почти девять десятых статьи посвящено творчеству Чехова.

Автор довольно подробно излагает биографию Чехова, отмечает характерные особенности его творчества и его языка, дает анализ и излагает содержание более чем двадцати рассказов Чехова. Мухаммад Муджиб, как и многие его соотечественники, высоко ставит творчество Чехова и указывает, что в области короткого рассказа Чехов не имеет равных себе в мировой литературе.

---

[1] سید اختر حسین صاحب رائے پوری — سوئیٹ تھیٹر — اردو — اپریل 1936, Стр. 181—197.

[2] پروفیسر محمد مجیب صاحب — روسی ناول — پہلا دور — ٹالسٹائی — اردو — اپریل ۱۹۳۹, Стр. 289—322.

[3] جناب محمد مجیب صاحب — روسی ناول — اردو — جنوری ۱۹۳۶, Стр. 49—90.

Все перечисленные литературные статьи помещены в одном из виднейших индо-мусульманских журналов „Урду". Из библиографических указаний и случайных упоминаний нам известно, что аналогичные работы появлялись и появляются и на других национальных языках.

Кроме таких обобщающих статей, мы находим в индийских журналах и газетах статьи, посвященные отдельным русским авторам или отдельным произведениям русских авторов. Такова, например, статья Шриют Дин Даялу Шривастава (Çrīyut Dīn Dayālu Çrīvāstav'a) на хинди, посвященная „Исповеди" (जीवन स्मृति) Л. Толстого, напечатанная в лучшем журнале хинди „Сарасвати" („Sarasvati") (सरस्वती).[1]

Индийские журналы в последние годы регулярно откликаются на большие литературные события Советского Союза. Такова, например, статья о Пушкине, опубликованная на урду в журнале „Урду" в 1937 г.: „Величайший поэт России Пушкин". Статья написана в связи со столетней годовщиной со дня смерти Пушкина. Автор указывает на то, что жизнь Пушкина сама по себе есть интересный роман, и дает краткую биографию Пушкина.

По случаю смерти Куприна в том же журнале „Урду" появился интересный некролог,[2] написанный человеком, который лично знал Куприна.

Особенно много откликов было на смерть М. Горького.

В результате знакомства с творчеством русских классиков как в английских переводах, так и в относительно немногочисленных переводах на индийские языки, и в результате изучения истории русской литературы индийская интеллигенция при рассмотрении различных вопросов теоретического литературоведения оперирует именами наших классиков, как именами всем известными, не требующими каких бы то ни было комментариев, подобно тому, как и имена классиков литературы английской. Такого рода статьи появляются на всех важнейших национальных языках, имеющих длительную литературную традицию: хинди, бенгальском, маратском, урду и других.

Для примера возьмем статью известного литературного критика, пишущего на хинди Шри Ханс Кумар Тивари (Çrī Hans Kumār Tivārī) „सर्वसाधारण साहित्य", т. е. „Массовая литература", вышедшую в 1939 г.

В начале своей статьи Х. К. Тивари, принадлежащий к умеренным кругам индийской либеральной интеллигенции, говорит о тех условиях, в которых развивается литература в Индии, находящейся во власти жестокого экономического кризиса. Слова Х. К. Тивари, которыми он начинает свою статью, напоминают выдержку из прокламации индийской крайней левой партии.

Он говорит:

पेट प्रबल है और उस से भी प्रबल है उसे पालने की चिंता ज़माना मंहगा है और जीवन यापन की समस्या दिनों दिन भयंकर हो होती जा रही है। पाव भर पसीने की कीमत एक एक पाई मिलती है। हृदय में भय वर्तमान और भविष्य का दारुण हाहाकार है। मस्तिष्क में चिन्ता जनित कमजोरी है, अंग अंग में थकन की अलस्या है। साहित्य से मनोरंजन करने उस पर सहानुभूति प्रकट करने और उस से प्रेम रखने के लिये हमारे पास समय और सामार्थ्य कहां?

---

[1] श्रीयुत दीन दयालु श्रीवास्तव। जीवनस्मृति (टालस्टाय) सरस्वती, फरवरी, १९२८. Стр. 134—143.

[2] Стр. 342—343 ۱۹۳۹ اپریل — اردو — کیرن

हमारे संमुख विकट समस्या की जीविका की, हमारा सब से बड़ा और पहला कर्तव्य है कि जिस जिस तरह से हो जीवत रहना। जीवन पहले है साहित्य पीछे

т. е.: „Желудок силен, но забота напитать его еще сильнее. Время дорогое, и проблема средств к жизни с каждым днем делается все страшнее и страшнее. За полфунта поту дают одну пайсу (копейку). В сердце тяжкий вопль при мысли о прошедшем, настоящем и будущем.

В мозгу слабость, рожденная заботами. От усталости в каждом члене инертность. Развлекать при помощи литературы, выражать к ней сочувствие и проявлять любовь к ней, — где нам найти время и силы для этого? Перед нами стоит огромная проблема — проблема найти пропитание. Наша самая важная и самая первая забота, как сохранить жизнь! Сначала жизнь, потом литература!“

Мне кажется, что слова Х. К. Тивари в достаточной мере ярко объясняют источник того большого интереса к русской литературе, который наблюдается в настоящее время в широких кругах индийской общественности.

Х. К. Тивари приходит к выводу, что для современной Индии наиболее полезной литературной формой является короткий рассказ, написанный реалистически, в стиле Чехова и Горького.

В своих рассуждениях о реализме и идеализме автор оперирует именами и названиями литературных произведений Л. Толстого, Чехова и Горького, Золя, Бальзака и Гюго.

В конце своей статьи, говоря о влиянии литературы на общество, Х. К. Тивари заканчивает свою работу таким реторическим вопросом:

रूस के इस नव जागरण में गारीशन गोकी आदि के साहित्य का हक काय नहीं है

т. е.: „Разве не чувствуется влияние Гаршина, Горького и других авторов в нынешнем пробуждении России?“

Таким образом, индийскую интеллигенцию русская литература вообще, и творчество М. Горького, в частности, привлекает тем, что она видит в нашей литературе большую активную действенную силу. При помощи такой силы индийцы стремятся найти выход из создавшегося безысходного положения, когда страна, по выражению одного из названных выше авторов, „беременна бедностью и безработицей“.

Даже при слабом знакомстве с русской литературой, ее общим характером, ее реализмом, который так поражает представителей индийской литературы, где стиль литературного языка чрезвычайно далек от стиля разговорного языка, — сознание активного, действенного характера русской литературы оказывает весьма заметное влияние на развитие индийских литератур, по крайней мере порождает в передовых кругах индийской интеллигенции стремление к переходу на родной язык, к сближению литературного языка с разговорным. До первой мировой войны, а в значительной мере и после нее, подавляющее большинство индийской буржуазной интеллигенции относилось к своим национальным языкам с известной долей пренебрежения и считало, что получить высшее образование можно только на основе английского языка.

Об этом хорошо говорит Шри Илам Чандра Шарма, высказывания которого приведены выше (стр. 8). И. Ч. Шарма свидетельствует, что крупнейшие представители индийской буржуазной интеллигенции совсем недавно заявляли: „На своем родном языке мы не в состоянии выражать свои чувства и мысли с такой ясностью и простотой, как на английском языке!“

Под влиянием мощного подъема национально-освободительного движения произошел большой перелом в отношении к родному языку. Несомненно, что этот перелом произошел в Индии в силу известной демократизации, которая постепенно нарастает в индийской общественной жизни в послевоенное время и под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Известную долю влияния нужно признать также и за русской литературой. Рассматривая творчество русских писателей, индийские авторы неизменно указывают, как на одну из наиболее ярких особенностей, на реализм русской литературы, надлежащее проявление которого обусловливается близостью литературного и разговорного языков. К подобному же сближению, т. е. усилению значения национальных элементов в своих литературных языках, стремятся индийские авторы, вследствие возникшего в Индии желания сообщить своим литературам тот действенный, активный дух, который, по мнению индийских критиков, является характернейшей особенностью русской литературы.

Именно в результате действия идей пролетарской революции и принципов ленинско-сталинской национальной политики, а также под действенным влиянием русской литературы индийцы боролись за права своих национальных языков и добились того, что различные индийские национальные языки проникли в высшую индийскую школу как средство преподавания. Шри Илам Чандра говорит об этом:[1]

हर्ष का विषय है कि भारत में भी अब मातृ-भाषा के महत्व को लोग समझने लगे। अब यहां पर भी स्कूलों तथा कोलेजों में मातृभाषा को उचित स्थान मिलने लगा है। अब तो मातृभाषा का प्रश्न इतना बढ़गया है कि अंग्रेज़ी को छोड़ कर सभी विषयों की शिक्षा मातृभाषा में दी जा सकती है... हमारे प्रतिदिन के व्यवहार में भी अंग्रेज़ी भाषा का प्रयोग बहुत कम थोडा होता है।

т. е.: „Радостно сказать, что в настоящее время и в Индии начали понимать значение родного языка! Теперь и здесь в школах и колледжах национальные языки получили надлежащее место. В настоящее время вопрос о значении родного языка настолько продвинулся вперед, что, за исключением самого английского языка, преподавание всех других дисциплин может вестись на родном языке. В нашей повседневной жизни употребление английского языка делается весьма ограниченным!"

На этом примере глубокого влияния Великой Октябрьской социалистической революции, принципов ленинско-сталинской политики и русской художественной литературы мы лишний раз убеждаемся в правильности слов крупного современного индийского публициста Нахуда, который, как отмечено выше, говорит:

جب سوبیٹ روس تمام حقیقی اور خیالی مظالم کی گرد سے نکلکر انصاف کی کسوٹی پر پرکھا جاتا ھے تو ایک نئے ھادی اور ایک نئے مصیحا کی شکل میں رونما ھوتا ھے —

т. е.: „Если Советская Россия, пройдя через материальные и идеологические трудности, проходит испытания на оселке справедливости, то она выступает в виде нового вождя и нового мессии!"

[1] श्री इलंचन्द्र शर्मा। मातृभाषा और बुनियादी – विकास। वीणा, मार्च १९३९, стр. 383–4.

А. К. БОРОВКОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА. II

(Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского „тефсира" XIV—XV вв.)

Среди памятников узбекского языка раннего периода уже давно был отмечен чрезвычайно ценный для истории языка среднеазиатский перевод корана с толкованиями, или „тефсир", как обычно именуются подобного рода комментарии к корану и преданиям. Список нашего „тефсира" был найден в г. Карши и по языку приурочивался к памятникам монгольской эпохи.[1] Указывалось на смешанный характер языка этого памятника и на архаические элементы в словаре, сближающие наш „тефсир" с памятниками более раннего домонгольского периода.[2] По тем же словарным признакам предполагалось, что рукописный список „тефсира" принадлежит примерно ко времени тимуридов и что язык первоначального сочинения отчасти подновлен при переписке.[3]

Арабский алфавит обусловливает определенные трудности фонологической интерпретации не арабского текста. С другой стороны, сколько-нибудь подробное фонетическое исследование предполагало бы, неизбежно, привлечение очень широкого круга источников. Это обстоятельство заставляет отложить фонетическую характеристику языка нашего „тефсира" и ограничиться рамками морфологии. Для краткости изложения весь материал распределяется на две группы: имена и глагол.[4]

---

[1] Зап. Вост. Отд. ИРАО, XXIII, вып. III—IV, 1916, стр. 249.

[2] Азиатский музей Российской Академии Наук, 1818—1913, Краткая памятка, II, 1920, стр. 4.

[3] W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien. Asia Major, II, Fasc., I, 1925, стр. 125—127, вып. I; А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка, Изв. ОЛиЯ, VIII, январь-февраль, 1949, стр. 67 сл.

[4] В дальнейшем в ссылках приняты следующие сокращения:

АФ — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.

KB — W. Radloff. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, Theil II. СПб., 1900—1910.

B — Венская рукопись.

K — Каирская рукопись.

T — Ташкентская (= Наманганская) рукопись.

КК — В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд. ЗВО, VIII, XI, XII, XV (текст).

MK-V — K. Brockelmann. Mahmud Al-Kašγaris Darstellung des türkischen Verbalbaus, Keleti Szemle, t. XVIII. Budapest, 1918/19, стр. 29—49.

NF — W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, СПб., 1897.

Рбг I — П. М. Мелиоранский. Сказание о пророке Салихе, Сб. ст. учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 279—308.

ИМЕНА

§ 1. Склонение существительных в языке „тефсира“ отражает состояние хронологически разновременное, характерное для памятников XI — XV вв. Это впечатление создают неоднородные формы склонения.

Родительный падеж (Genitiv) на *-нің, -нуң* или *-ің, -уң*: *анің, қазаші* (14,7) ‘его брат’; *äj һаруннің тіші қазаші* (13,1) ‘о, сестра Харуна’; *ол дамнің ікі jүз қарі бүjүкліjкі ерді* (38⁶, 13) ‘высота того дома была в двести локтей’; *һамзанің кумріjä атліғ қарабаші бар ерді* (27⁶, 21) ‘у Хамзы была служанка по имени Кумрия’; *‘омарнің бір сіңлі бар ерді* (26⁶, 11) ‘у Омара была одна сестра’ и т. д.

Аффикс род. п. — *нуң* не находится в зависимости от вокализма основы, напр. *зіна қілға(н)нуң нішанасі болур такі хамір ічкä(н)нуң, нішанасі болур* (106, 18) ‘у совершившего прелюбодеяние будет примета и у пившего вино будет примета’; *özläріну ң тän wä малларі* (90, 11) ‘свои особы и имущество’; *анларнуң а‘заларіні анлардін аjурур* (103, 18) ‘их члены тела отделят от них’ и т. п.

Чередование аффикса *-нің // -нуң* свойственно и языку Рбг, напр.: *‘арабнуң адаті бар* (Рбг I, 297, 3) ‘у арабов есть обычай’ (по списку А. *‘арабнің*..., там же, примеч. 2); *бізің теңрімізнің* (Рбг I, 285, 15) ‘у нашего божества (по А, напротив, *теңрімізнуң*..., примеч. 21) и т. д. Это указывает на разную диалектальную основу аффиксов *-нің* и *-нуң*. Аффикс *-нуң* клонит к „восточной“ древнеуйгурской традиции и сохранился как диалектизм в узбекской письменности до последнего времени. Ср. в уйгурской версии XIV в. легенды об Огуз-хане: *jаоукнуң аоасінда* ‘среди блеска’, *ануң башінда* ‘на ее голове’,[1] у Сиди Ахмеда (XV в.): *ешіткіл ej улуснуң падшаһі* ‘ слушай, о, падишах удела’.[2]

Форма генитива на *-ің, -уң* обычна при местоимениях личных, указательных, вопросительных: *булар бізің кішіміз турур* (10,6) ‘они являются нашими людьми’; *буларің бäлāсіндін күзäзгіл* (129, 36) ‘спаси от напасти их’; *анлароң ара* (2, 9) ‘среди них’; *анларің қіссасіні аjді* (9⁶, 18) ‘поведал повесть их’; *кімуң оғлісан* (9⁶, 14) ‘кого (чей) сын ты’ и т. д.

Однако форма генитива *-ің, -уң* свойственна в ряде случаев не только местоимениям, но и существительным: *ол елің ешлары барқлары*... (9⁶, 10) ‘дома и строения того города’; *бу һісарің ікі улуғ қапусі бар ерді* (132, 17) ‘у этой крепости было двое огромных ворот’; *балтані көтүрүб бурханларің улуғінің егні özä қоjді* (38, 27) ‘подняв топор, положил на плечо наибольшего (из) идолов’ и т. д.

Аффикс генитива *-ің*, известный в языке орхонской письменности (NF, 61), употребителен, обычно при местоимениях, у Махмуда Кашгарского (I, 367, 15; III, 16, 9), в „Кутадгу-билиг“ (T, 100, 2), у Рбг (RS, 140, § 12). В „Кутадгу-билиг“ интересны разночтения в списках, напр.: *улуғ кіндä көркіт оларің jүзін* (T, 15, 3) ‘в великий день покажи лицо их’, по B, соответственно, *оларның* (KB, II, 24) и т. д., что указывает на различное диалектальное происхождение форм генитива. Противопоставление *-нің* как

Рбг II — С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи, ЗКВ, V, Л., 1930, стр. 507—525.

RS — Jakob Schinkewitsch. Rabγuzis Syntax Mitteil. d. Seminars f. Orient. Sprachen, II Abt. Westasiat. Studien, Berlin, 1926, стр. 130—172.

РС — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.

Uig — F. W. K. Müller. Uigurica, I — III. Berlin, 1908—1922.

[1] W. Bang u. G. R. Rachmati. Die Legende von Oghuz-Qaghan. Berlin, 1932, стр. 8, 55 и сл.

[2] В. В. Бартольд. Улугбек и его время. П., 1918, стр. 70, прим. 4.

„восточной“ и *-iŋ* как „юго-западной“ или „огузской“ формы (АФ, XLIX) правомерно лишь в отношении живых тюркских языков, исторически обе формы тесно переплетаются.

Значение генитива: указание на принадлежность предмета предмету, часть целого с обязательным поссесивным аффиксом 3-го л. при существительном, отнесенном к генитиву. В отдельных случаях такого рода отношение выражается „родительным неопределенным“ и при именах собственных: *муса сәwі* (19⁶,1) ‘речь Моисея’, *муса анасі унамаді* (там же) ‘мать Моисея не согласилась’ и т. д., как у Рабгузи (RS, 142, § 16).

Случай: *бу таjақ кішінің аманат турур* (28⁶,23), кажется, — единственный. Инверсия на первый взгляд обусловлена буквальным переводом, напр.: *ол кім кемі ерді бір чіŋај заіфнің* (6⁶,7) ‘тот, кого была лодка, одного бедняка’ (= перевод ар. *аммā ас-сафīнату ф акānат лімасākīна*). Но у Рбг: *ол кәмі он қариндашіŋ ерді* (RS, 140, § 13) ‘та лодка была десяти братьев’; или: *бу күн кәбікі тәwәніŋ турур* (Рбг I, 292,20) ‘в этот день была очередь верблюдицы’ и т. п., что допускает инверсию на почве логического выделения существительного, отнесенного к генитиву.

§ 2. Винительный падеж (Accusativ) на *-ні* и *-н* при поссесивном аффиксе 3 л.

а) *қорқітбіл қабашларіŋні јақ-јашуқіŋні* (28,30) ‘устрашив твоих родных и близких’; *қајусінің қоліні қајусіній бутіні сіндурді* (38,27) у некоторых руки, у некоторых ноги сломал’; *ол кіјікні қобуб ешінкә келді* (27⁶,20) ‘оставив того кийика пришел, в дом свой’.

б) *анларің елкін абақін бічтурді* (31,1) ‘отрубил их руки и ноги’; *јіб бірлә баŋладі елін ајақін* (139⁶,15) ‘веревкой связал их руки и ноги’; *бурнін қулақін кесділәр такі көзін оділар* (139⁶,22) ‘нос и уши его отрезали и глаза выкололи’ и т. д.

Обе формы аккузатива известны в памятниках XI—XIV вв.: *сөзін кесті оŋлін қучуб јіŋладі* (KB, T, 119,3) ‘речь свою прервал сына своего обнял и заплакал’; *бір абақін кесділәр* (Рбг I, 283,12) ‘одну ногу его отрубили’ (ср. RS, 151 и сл.).

Случаи необычности падежа объекта: *мәлік үч төрт баш кішіні білә ібді* (9⁶, 21) ‘правитель послал (с ним) три-четыре человека’; *қарінларіні німә ачті* (9⁶, 5) ‘так же проголодались они’. Случаи замещения родительного и винительного известны в старых памятниках, в частности, винительный при *білә ~ бірлә* (RS, 143). Ср. еще „винительный времени“ у Рбг: *қірқ јілні ‘абһарқа хізмат қілдім* (Рбг I, 286,15) ‘сорок лет я служил Абхару’ (по А, там же, прим. 25, винительный опущен).

§ 3. Формы дательно-направительного падежа в „тефсире“ показательны для эпохи памятника: *-ŋа, -гә, -қа, -кә*, после поссесивного аффикса 1 л. часто (*-м*) *а*, после поссесивного аффикса 3 л. *-(і)на*; в отдельных случаях аффикс датива *-а*, при местоимениях: *-гәр*.

Аффикс *-ŋа* (*-гә, -қа, -кә*) чередуется в зависимости от вокализма основ, но далеко не регулярно, напр.: *тіфу абулһабқә булһабнің дінінкә малінқә каласінқә*(28⁶,5) ‘тьфу Абульхабу, вере Абульхаба, его имуществу и скоту его’ *абақларінкә тікән кіріјр ерді* (28⁶,8) ‘в ноги их попадали занозы’ и т. д.

Независимо от конечного звука основы, аффикс дательно-направительного падежа в „тефсире“ преимущественно с глухим *қ* (и *-к*, следовательно), как это имеет место и у Махмуда Кашгарского и в ташкентском и каирском списках „Кутадгу-билиг“. Отметим ряд таких случаев в „тефсире“: *дарјақа кірділәр* (31⁶,2) ‘вошли в реку’; *ол‘ашрат јазіқа баріб тікән-*

jудуб келтӱрӱр ерді (28⁶, 7) 'та женщина ходила в поле, вырывала и приносила колючки'; *хеjлі хашімікға фарманладі* (129⁶, 9) 'приказал всему множеству', *бojун берiңлäр мäнім фарманімкға* (23⁶, 7) 'повинуйтесь моему приказу' и т. д.

Исключений отсюда очень много, и после конечных гласных и звонких часто -ға (и -гä, соответственно), напр. *ујкӯ салманға ғалаба кілді* (47, 8) 'сон одолел Салмана'; *бojун сунуғ мäнім буjрукімға* (93⁶, 2) 'повинуйтесь моему приказу' и даже *урушға* (28, 1) 'на войну' и т. д.

Сохранилась в языке „тефсира" также редкая в древней орхонской письменности форма *-і-на, -сі-на*, после поссесивного аффикса 3 л. Форма эта отмечена еще и у Махмуда Кашгарского и в языке Рбг[1] и употребительна наряду с обычной на *-ін-ға* (*-ін-гä*), разницы в значении этих форм нет: *турді ешіна барді* (65⁶, 5) 'встал, пошел в дом свой'; *бір падшаһ бар ерді бір кӱн ваэіріна ајтді* (65⁶, 4) 'был один падишах, однажды сказал он своему везирю'; *темӱрні елінä ајакіна бojніна урді* (139⁶, 16) 'наложил железо (оковы) на руки, ноги и шеи их' и т. д. (ср. RS, 151, § 31).

В одном лишь, кажется, случае датив на *-а*: *кolі бір јана барғај буті бір јана барғај баші бір јана барғај* (101⁶, 9) 'руки их попадут в одну сторону, ноги в одну сторону, головы в одну сторону'.

Также редок датив (*-м*)*-а*, после поссесивного аффикса 1 л.: *ортакі кatmадім ерсä iдімä* (4, 3) 'если я не присоединял соучастников моему владыке' и т. д. Эта форма датива известна в языке орхонских надписей, у Махмуда Кашгарского (RS, 150, § 31), в „Кутадгу-билиг" (KB, T, 90, 3) и в языке более поздних авторов Лютфи, Навои, Бабура.

Датив от местоимений *сän* 'ты', *ол* 'он' часто на *-кäр* (*-гäр*): *ајді анқар* (3⁶, 6) 'сказал ему', *анда аδінкі не анкар јануті берғäјміз анқар* (33, 8) 'другой какой ответ ему дадим мы ему'; *сäнқäр* (=*саңар*) *бердім* (18, 27) 'тебе дал' и т. д.

Такого рода форма у Махмуда Кашгарского (III, 64, 3), в „Кутадгу-билиг" от местоимений *мäн, сän, ол*: *нälӱк кiлдің емді мäнкäр* (=*маңар*) *сän джафа* (KB, T 119, 4) 'зачем ты сделал мне ныне мученье'; *сäнқäр* (=*саңар* B, K, *сäңä*) *берді кut*... (KB, T, 101, 9) 'тебе дал счастье'; *мені тутті ол ік анқар* (=*аңар*) *jок оті* 'схватила меня та болезнь, нет ей снадобья' и т. д.

§ 4. Местный падеж (Locativ) на *-да, -дä*: *еші баркі баjтул-мукаддасда ерді* (39, 16) 'дом его был в Ерусалиме'; *мädінädä кендӱ орніна халіфа кілді* (125, 6) 'в Медине на свое место оставил наместником'; *ол тікänлäрні мäзкіт jолінда кämішур ерді* (28⁶, 7) 'те колючки (она) бросала на дороге в мечеть'; *ол бустанлар ічіндä һур болур* (61, 1) 'в тех садах будут гурии'; *jарім кӱндä jӱріділäр* (31, 26) 'шли половину дня'; и т. д.

Особо следует оговорить случаи местн. п. при глаголах движения, случаи, допускающие возможность смешения функций датива и локатива: *дарја ортасінда текділäр* (31⁶, 2) 'достигли середины реки'; *ибраһімні зінданда берклätді* (38⁶, 11) 'заставил запереть Ибрагима в темнице'; *ол улусниң башінда тӱшділäр* (11, 17) 'спустились к началу того селения' и т. д.

§ 5. Очень разнообразны в „тефсире" формы исходного падежа, что также характерно для языка памятников XI — XIV вв. Исходный падеж (Ablativ) на *-дін, -да, да*[к] (-дан).

[1] С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. М.—Л., 1936, стр 22.

а) *уйқудін уйаніб бақды* (68,7) 'проснувшись от сна, глянул'; *тануклардін мән* (34⁶,9) 'я из свидетелей'; *мің йылдін елік йил* (108,14) 'из 1000 лет 50 лет'; *қуланлар кәбі қачті арсландін ја оқдін* (118⁶,7) 'бежали как куланы от льва или стрелы' и т. д.

б) *анларда бурун* (25⁶,19) 'прежде их (тех)'; *сіз болмасда оң* 'до того как вы были'; *бу ікідә қајусі һақ турур* (129, 11) 'кто прав из этих двоих'; *үч јүз јілда кедін* (9⁶,35) 'через триста лет'. Обе формы замещают одна другую: *келмәздін оң* (90,14), *келмәздә оң* (92, 1) 'до прихода и т. д.

в) Сплошь и рядом аффикс *-да* снабжается „тенвином фатхи", указывающим на нозализацию конечного *а*: *мунда*ⁿ (مندآً) *бурун* (31⁶, 7) 'прежде этого'; *кун батмасда*ⁿ (بتماسدآً) (26,2) 'до захода солнца'; *анларда*ⁿ (انلاردآً) *сізкә асіқлары ја зіјанлары барму* (38,7) 'если вам от них польза или вред' и т. д.

Впрочем, иногда появляется и *-дан*: *оңдунқідан* (اونكدن و ندیدان) *артүқрақ* (146,11) 'сверх прежнего'; *'омардан* (عمردان) *јашру мусулман болмішлар ерділар* (26⁶,11) 'тайно от Омара они были мусульманами' и т. д.

Аналогичные формы аблатива мы находим у Махмуда Кашгарского, в „Кутадгу-билиг" и у Рбг (NF, 64; RS, 160, § 46 и сл.).

В языке древней орхонской письменности местн. п., за одним исключением (*қандан ~ қандін*), выполнял функции и исх. п. (NF, 64). Казалось бы, такого рода функции локатива продолжали сохраняться и в дальнейшем, уже при наличии аблатива на *-дін, дан*.

Интересно, что все эти формы смешиваются, напр., в разных списках „Кутадгу-билиг" — Т: *атада анада* (=К اتادآً انادآً; В: *ададын анадын*) *бағірсақ болуб* (Т, 15,12) 'от отца и от матери пользуясь состраданием'; Т: *башында* (=К: باشندآً В, *пашындын*) *кечүрміш бу көкчін сақал* (Т, 58,11) и т. д.; или в различных списках „Сказаний" Рабгузи: *бічақні исма'іл боғузінка урмасда* (по KLM — *урмасдін*) *бурун* (Рбг II, 513,6) 'до того как ударил ножом шею Исмаила' и. т. д.

С другой стороны, манера писать аффикс аблатива *-да, -дә* с „тенвином фатхи" известна в словаре Махмуда Кашгарского, напр. *білміш јәк білмәдік кішідә*ⁿ (كشیدآً) *јік* (III, 120) 'знакомый дьявол лучше незнакомого человека'. В каирском списке „Кутадгу-билиг", в „Кысса-и-Юсуф", конечное *н* после *а* часто изображается с „тенвином фатхи", напр.: КВ, Т: *некүтек болурса* (=К: بولورسآً; В, *полурсән*) *мениңдә* (=К مینکدین В *мәніңдін*) *кедін* (КВ, Т, 99,10) 'как ты будешь после меня'; *табуғчі қулуң ма* (=К: ماً; В *мән*) *бекім сә* (К: سآً; В: *сән*) *улуғ* (КВ, Т, 125,8) 'я слуга и раб твой, ты мой великий бек' и т. д., или в „Кысса-и-Юсуф": *қојнімдан кірүба*ⁿ (كیرو باً) *јақамда*ⁿ (یقامدآً) *чіқды* 'через пазуху вошла, через ворот вышла' и т. д.

Таким образом, перед нами может быть различная орфографическая традиция? Морфологически же аблатив знает лишь две диалектальные формы *-дін* // *-дан*. Вернее, разумеется, развитие аблатива на почве лока-

тива. Аффиксу аблатива при местоимениях личных факультативно предшествует род. п.: *сäніңдін* (12⁶, 1) 'от тебя', *бізіңдін қ.ачтің* (30, 10) 'ты убежал от нас' *сізіңдä кедін* (39⁶, 13) 'после вас'; *аніңда адін* (1⁶, 1) ~ *анда адін* (1⁶, 2) 'кроме него' и т. д. Такого рода явление имеет место в „Кутадгу-билиг", у Рабгузи.

Принципиальное значение для характеристики языка „тефсира" имеет факт наличия „вставочного" *н* при локативных падежах после основ с поссесивным аффиксом 3 л. *ічінқа* (129⁶, 9) 'внутрь', *јолінда* (28⁶, 7) 'на пути', *аҕізларіндін* (1, 1) 'изо рта их' и т. д. Это морфологическая особенность памятников до эпохи Навои, когда закрепилось склонение локативных падежей без „вставочного *н*".

§ 6. Древняя форма „направительного" падежа—аллатива на *-ҕару, -ґäрӱ* (NF, 65) сохранилась в языке „тефсира" как категория морфологически ясная не только в онареченных: *ілґäрӱ* ~ *ілäрӱ* 'прежде', 'вперед', *ташқ.ару* 'наружу', 'вне', *јоқ'ару* 'вверх', 'вверху' (RS, 172, § 69), но и в других образованиях. Напр: *қ.ајдурлар арнқ.ару* (?) *андін соң* (43, 4) 'возвращаются обратно после того'; *äґäр јару берсä анлар қ.ајтурлар артҕару* (82, 11) 'если окажет помощь, они вернутся обратно'; *қ.ајҕару бару сізлар* (9, 14) 'куда вы идете'; *елкіні... от табару елтті* (29⁵, 3) 'руку свою... протянул к огню'; *ікäґӱн барілар фар'ун табару* (29⁶, 13) 'вдвоем отправляйтесь к фараону'; ср. *імладі анлар таба* (12, 5) 'дал знак им'; *таҕ табасінқа чик.ді* (146, 22) 'вышел к горе' и т. д.[1] *анің ічрä кӱнґäрӱ қ.алмаҕајсан* (25, 8) 'не оставайся среди них до позднего утра' и т. д.

§ 7. Древний орудивный падеж (Instrumentalis) на *-ін* (NF, 63) встречается в „тефсире" эпизодически, как это имеет место и у Махмуда Кашгарского, в „Кутадгу-билиг" и у Рбг (RS, 170, § 64 и сл.). Значение орудивности является основным: *бір көз тез елкін аліб аҕзінҕа урді тілі кӱҗді ӱнӱн јіладі* (29⁶, 3) 'один уголек взял руками и бросил в рот себе, язык его обжегся, заплакал он голосом'; *äґär білсäлär сäні ташін өлдӱрґäлär* (9⁶, 8) 'если тебя узнают, побьют камнями'; *ані көзін көрän барму* (38⁶, 2) 'есть ли видевший его глазами?' *фасіһ тілін джаwаб берді* (18, 34) 'ответил чистым языком'; *тӱнлä адақ.ін турді* (26⁶, 27) 'ночью стоял на ногах" (RS, 170, § 64).[2]

Возможно несколько более отвлеченное обстоятельственное значение *өзсіӱзӱн* (6⁶, 1) 'без себя', ар. بِغَيْرِ نَفْسٍ и т. д.; *анлар кім бу сözні сözлärлär біліксізлікін сözлärлär* (9, 11) 'те, которые говорят эти слова, говорят по неведению' и т. д. Особенно последний случай допускает предположение об общности происхождения винит. п. объекта и орудивн. п. на *-ін -н* (ср. NF, 83).

§ 8. В. В. Радлов отметил единственный в языке орхонских надписей случай образования с аффиксом *-ла* — это послелог *бірлä* 'вместе, с' (NF, 84). Обычный и в языке нашего „тефсира" послелог *бірлä* (= *білä, бірлän*, 137, 15) в массе служит для выражения комитативности: *кälді... сӱсі бірлä ја'ні лäшкäрі бірлä* (22⁶, 10) 'пришел... с войском своим', т. е. 'с войсками' и т. д. В одном случае *білä* не в служебном значении, видимо, будучи логически акцентированным: *мälік ӱч төрт баш кішіні білä іδді* (9⁶, 21) 'правитель три-четыре человека вместе (заодно?) послал' и т. д.

[1] Ср.: K. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al- Kāšrarīs dīvān lugāt at turk. Leipzig, 1928, стр. 190—191.

[2] Ср. еще *көзӱн, қ.улқ.ақ.ын* (W. Radloff. Chuastuanit, стр. 42, прим. 101); *нäчӱкін, чавышын* (там же, стр. 44, прим. 75).

Наряду с этим, *бірлä* образует словосочетания с орудивным значением: *фасіһ тіл бірлä сöзлäді* (27⁶, 19) ‘заговорил чистым языком’;[1] *ол мäзгітні таш бірлä қ.обарділар* (39, 18) ‘ту мечеть возвели из камня (= букв. ‘с камнем’) и т. д. Словосочетания с *бірла* легко превращаются в сложные по составу наречия: *könілік бірлä* (32⁶, 6) ‘правдиво’; *чун кечä бірлä јатділар ол қ.асд бірлä кім ертä бірлä балчук қ. кетүргäјлäр* (100⁶, 8) ‘ночью легли с тем умыслом, чтобы утром принести глину’ и т. д.

Здесь функция послелога *бірлä* совмещается с грамматической функцией орудивн. п., как и в других памятниках XI—XIV вв., ср., напр.: *қ.аjу түрлüгүн ма тілін сöзläсä* (KB, 96, 21) ‘о, если бы он говорил языком по-различному (= на разных языках); *күнүн јемäді көр* (= B: *аш*) *түнүн јатмаді* (KB, T, 15, 9) ‘днем не ел, гляди, (= B: ‘еду’) ‘ночью не спал’ и т. д.

Послеложная конструкция с течением времени становилась преобладающей.

§ 9. Значение орудивного п. аффикс *-ла* имеет еще в случае *түнлä* ‘ночью’, параллельно *түнүн* и *кечä бірлä*; напр. *üч түнлä күндüз* (12, 4) ‘три ночи и дня’; *түнлä күндüз* (32⁶, 9) ‘ночью и днем’; и т. д. Как у Рбг: *түнлä келіб салиһ кабуғіндін кечär болуб...* (Рбг I, 294, 4) ‘придя ночью и проходя мимо дверей Салиха’; *түнлä бу ешқа келüр ерді* (Рбг I, 289, 18) ‘ночью являлись в этот дом’ и т. д. Выражение *түнлä күндüз* у Рбг в форме орудивн. п.: *түн күндüзін* (Рбг I, 283, 8; RS, 171, § 65). В одном случае в „тефсире“ появляется на почве контаминации аффикса *-ла* и послеложной конструкции с *бірлä* форма *түнлä бірлä* ‘ночью’: *бір мäнзілä түнлä бірлä јеттілär* (132⁶, 28) ‘на одну стоянку прибыли ночью’ и т. д.

Видимо, следует морфологически различать случаи с *-ла* (*-лä -ле, -іле*) и случаи с послелогом *бірлä* как два параллельные явления.[2]

§ 10. Аффиксы, образующие орудивное значение *-ін* и *-ла*, подводят нас к словообразованию наречий: *азін = азін* ‘понемногу’; *јолсізін* ‘бездорожьем’; *біліксізлікін* ‘по незнанью’; *оңін* ‘вперед; впереди’; *қ.атла* (= *қ.ата* 112, 19) ‘раз’; *қ.орла* ‘раз’; *öзälä* ‘поверху’, ‘сверху’.

Примеры: а) *азін азін... јеттүрді* (139, 7) ‘понемногу... подвел’; *јол јаңіліб јолсізін барділар* (29, 1) ‘сбившись с пути, пошли по бездорожью’; *ішні біліб му қ.ілді ја азура біліксізлікін му қ.ілді* (29, 37) ‘сделал ли дело ведая или заблуждаясь, по незнанью сделал’; *ол кішілär барча öңін болмішлар* (XVIII) ‘те люди были впереди всех’; *öңін öңін јолға кірділär* (31, 35) ‘каждый впереди, — двинулись в путь’ и т. д.

б) *бір урмақ.ға мің қ.атла урғіл* (145, 27) ‘за один удар ударь тысячу раз’; *муні ікі қ.орла ајтді* (137⁶, 11) ‘дважды сказал это’;[3] *һеч öлüк суш алтінда қ.алмас суш öзälä келüр* (31⁶, 17) ‘никогда труп (утопленника) не остается под водой, идет (плывет) по поверхности воды’ и т. д.

§ 11. Редкий в памятниках древне-орхонской письменности „... род парного аффикса, который присоединяется к двум рядом стоящим словам и указывает на общность обоих слов“ (NF, 52), — именно аффикс *-лі... лі*, известный и в древне-уйгурской традиции,[4] в языке „тефсира“ упо-

---

[1] Ср. выше *фасіһ тілін јажаwаб берді*.

[2] Ср. *түнлä күнтüс* (W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar. Bibl. Budd. XV, СПб., 1911, стр. 30, прим. 10).

[3] Ср. *üч қ.урлаjу* (Он же, Tišastvustik, стр. 65, прим. к 46а, 3).

[4] W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar. Bibl. Budd. XV, СПб., 1911, стр. 51.

требляется довольно часто для выражения сопричастности, применительно к некоторым разрядам имен.

Выделяются при этом следующие группы имен с аффиксом *-лі... лі*: а) *тӱнлі-кӱнлі* 'ночь и день', *кӱнлі-тӱнлі* 'день и ночь' (ср. NF 52); б) *мӓнлі-сӓнлі ара* 'между мною и тобою'; *мӓнлі-анлі-арамізда* 'между мною и им'; *бізлі анларлі ара* 'между нами и ими'; *сізларлі оларлі ара* 'между вами и ими' и т. д.; в) *мӓккӓлі таіфлі ара* 'между Меккой и Тайфой', аналогично у Рбг: *шамлі һіджазлі арасінда* (Рбг I, 283, 19) 'между Сирией и Хиджазом'; *'ізлі ја'кублі ара* (Рбг II, 519, 5) 'между Исавом и Якубом'[1] и т. д.

Примеры: а) *бір тӱнлі кӱнлі бір ункур ічіндӓ јатдіміз* (9^6, 18) 'ночь и день мы спали в одной пещере'; *ібраһім јеті тӱнлі кӱнлі ол бустан ічіндӓ қалді* (38^6, 34) 'Ибрахим семь ночей и дней оставался в том саду'; *муса јалашач ікі кӱнлі тӱнлі јӱріміш јолні, фар'ун сӱсі бірлӓ јарім кӱндӓ јӱріділӓр* (31, 26) 'путь, который прошел посланник Моисей в два дня и две ночи, фараон с войском прошли в пол дня' и т. д.

б) *ајді үзілмақлік турур мӓнлі сӓнлі ара* (11, 28) 'сказал: пререкание было между мною и тобою'; *мӓнлі сӓнлі ара* (6^6, 6) 'между мною и тобою' (= перевод араб. بَيْنِي وَ بَيْنَكَ); *мӓнлі анлі арамізда бір хандақ болді от јанір* (138^6, 16) 'между мною и ими появился ров с пылающим огнем'; *бізлі анларлі ара* (7^6, 8) 'между нами и ими' (= перевод ар. بَيْنَنَا وَ بَيْنَهُمْ) *сізлӓрлі оларлі ара* (7^6, 9) 'между вами и ими' (= перевод ар. بَيْنَكُمْ وَ بَيْنَهُمْ) и т. д.

в) *јатді джансіз мӓккӓлі таіфлі ара* (16^6, 21) 'лежал бездушный между Меккой и Тайфой' и т. д.

Следует отметить, что аффикс *-лі* может быть и единичным: *анларлі ара* (5, 1) 'среди них' (= ар. بَيْنَهُمْ); *тӓзкінӱрлӓр тамуқ оті қајнар сушлі арасінда* (66, 17) 'закружатся между кипящей водой и огнем адовым'; *бізің ара сӓнлі ара* (21^6, 3) 'между нами и тобой'; *біз јаратдық сізні ӓркӓклі тішідін* (47^6, 5) 'мы создали вас мужчин и женщин' и т. д. Выражение *бӓглі будунлық* в древне-орхонской письменности В. В. Радлов предлагал исправить на *бӓглі будунлы* (NF, 52), но здесь, видимо, другой аффикс, как в „тефсире": *јерлі јерінізка ішлі ішінізкӓ бу ӓмр мубаһ турур* (89, 13).

Значение аффикса *-лі... лі* не ограничивается, как мы видели выше, понятием общности двух смежных или противополагаемых предметов. Синтаксически аффикс *-лі... лі* возможен в функции обстоятельства (*тунлі кунлі* 'ночь и день, на протяжении ночи и дня') и приименного дополнения (*мӓнлі сӓнлі ара* 'на протяжении между мной и тобой', откуда род. п. *бізің ара сӓнлі ара*), прямого объекта, как по КВ: *кудратліқ падшаһ јерлі көклі јаратқан* 'сильный царь землю и небо сотворивший', причем так по К и Т, а по В: *јерні көкні* (КВ, 2, 3), т. е. аффикс *-лі* замещен вин. п., то же по „Китаби-Коркуд": *ақлі қаралі саҷілан чақда* (II, 175, 14) 'когда стали различать белое от черного (?)' и т. д.

[1] Ср. *тӓнрілі кішілі* (W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar, стр. 57, прим. 117).

§ 12. Частица отрицания при именах *дӓкӱл ~ тӓкӱл*, по Махмуду Кашгарскому, слово огузское,[1] но не чуждое вовсе „восточной“ традиции (РС, III, 1659; АФ, 026).

Примеры: *һақа андаӈ дӓкӱл* (125, 13) ‘поистине, не так’; *рава дӓкӱл рӓва болмаз* (71, 8) ‘неприличный, не является приличным’; *мундін ілгӓрӱ андаӈ тӓкӱл ерді* (134⁶, 1) ‘прежде так не было’ и т. д.

§ 13. Словообразование существительных в „тефсире“ в основных чертах в диалектальном отношении неоднородно.

а) Имя действующего лица на *-чі* (= *джі*?): *јарічі* (20, 5) ‘помощник’, ‘везир’ *ішчі*, *балчіқчі*, *сошаӈчі* (132⁶, 12) ‘работники, месильщики глины, штукатуры’; *табуқчі* (56⁶, 12) ‘слуга’; *тілӓнчі* ‘попрошайка’, ‘нищий’; *алдаӈчі* (74⁶, 9) ‘обманщик’ и т. д.

б) Группа существительных образуется от глагольных основ с помощью аффикса *-(у)ӈ*, *-(у)қ*; *-(і)ӈ*, *-(і)к*, напр.: *қонуқ* (29⁶, 31) ‘ночлег’; *қоркуӈ* (80, 1) ‘страх’; *узуқ* (74, 12) ‘срок’ и т. д.

Таким образом, имена на *-ӈ* и *-қ* не различаются здесь, как и в орхонской письменности (NF, 56) по значению, — существительные и прилагательные могут иметь конечные *-ӈ* и *-қ*: *асіӈ* (38, 7) ‘польза’; *суруӈ* (118, 10) ‘допрос’, ‘распрос’; *тутуӈ* (118, 6) ‘заложник’; *јумшақ* (69, 7) ‘мягкий’, ‘гладкий’; *ајруқ* (55, 19) ‘другой’, ‘отдельный’ и т. д.

в) В морфологии языка древней письменности различались аффиксы образования отвлеченных существительных на *-лік* (*-лік*) и прилагательных на *-лігӈ* (*-лігі*). В „тефсире“ сохраняется такого рода различение словообразующих значений этих аффиксов, но для аффикса *-лік* (*-лік*) свойственны некоторые исключения. Аффикс *-лік* (*-лік*) образует отвлеченные существительные от существительных же, отглагольных, в том числе: *тануклук* (145, 2) ‘свидетельство’, *алплік* (26⁶, 8) ‘богатырство’ и т. д.; от прилагательных: *јаwузлук* (107, 1) ‘злоба’; *аδӈунлік* (88, 17) ‘заблуждение’; *қатіӈлік* (137⁶, 10) ‘нужда’; *асанлік* (там же) ‘облегчение’, ‘легкость’; *тарлік* (39, 19) ‘нужда’, ‘голод’; *улуӈлук*, *қарілік*, *қурілік* (12, 12) ‘зрелый возраст’, ‘старость’; *азмақлік* (110⁶, 1) ‘заблуждение’ и т. д.

От производных прилагательных на *-сіз* и *лігӈ* также образуются отвлеченные существительные: *јолсузлік* (15⁶, 1) ‘заблуждение’; *ачлуӈлук* (2⁶, 3) ‘зеркало’ (?); числительного *бір* ‘один’: *бірлік* (146, 27) ‘единство’ и т. д.

г) Наряду с образованием отвлеченных существительных от имен действующего лица на *-чі*, напр.: *қојчілік* (28⁶, 16) ‘занятие пастушеством’, ‘пастьбой овец’; *јалӈанчілік* (21⁶, 2) ‘чародейство’; *тотчілік* (29, 28) ‘косноязычие’ и пр., вполне обособился сложный аффикс *-чілік*, напр. *мијанчілік* (27⁶, 30) ‘посредничество’, ‘заступничество’ (< перс. *мијӓн* ‘середина’) и т. д.

д) Исключение все же составляют немногочисленные, правда, случаи образования прилагательных с аффиксом *-лік*: *тӱз бојлук* (12, 10) ‘статный’; *қаδӈулук* (146, 26) ‘опечаленный’, *уштімаһлік* (55⁶, 5) ‘райский’, *тамуӈлук* (там же) ‘адский’; *азіӈлік* (142⁶, 10) ‘клыкастый’; *алтміш јіллік* (67⁶, 3) ‘шестидесятилетний’ и т. д.

§ 14. Прилагательные, производные от существительных, в значении ‘обладающий... заключенным в основе’, в массе на *-лігӈ*: *таwарлігӈ ~ маллігӈ* ‘богатый’, ‘обладающий имуществом’; *қутлігӈ* ‘счастливый’; *татлуӈ*, ‘вкусный’, ‘сладкий’; *қіска бојлуӈ* ‘низкорослый’ и т. д. Напр.: *мӓн өкӱшрӓк таwарлігӈ маллігӈрак*, *мӓн сӓндін* (3⁶, 4) ‘я более тебя богат (обла-

[1] G. Brockelmann, ук. соч., стр. 201.

даю) товарами и имуществом'; *кутліқ орун ерміш* (39, 22) 'счастливое место, будто'; *јашіл қушлар шә саріқ бурунлуқ ерді* (112⁶, 9) 'зеленые птицы были с желтыми носами'; *бірі татлуқ бірі ачіқ* (65, 1) 'одно (из них) сладкое, другое горькое'; *елкіндә саһіфә тутарсан тамқаліқ* (39⁶, 16) 'в руках ты держишь лист с письменами' и т. д.

По аналогии с *-ліқ||-ліқ* можно предположить противопоставление *-лік||лік* с более или менее устойчивой группой производных прилагательных на *-лік*: *јүрәклік* (26⁶, 7) 'храбрый', 'обладающий сердцем'; *чечәклік* (38⁶, 36) 'в цветах', 'с цветами'; *етлік тәнлік* (32, 8) 'телесные', 'обладающие телом'; *мәдінә елліқ* (20⁶, 5) 'Мединцы, жители города Медины'; *рәһім көңүллүг* (138, 20) 'добросердечный'; *өфкәлік* (89⁶, 9) 'сердитый' и т. д.

§ 15. Наряду с этим в „тефсире" имеется аффикс образования прилагательных *-лі* (*-лу*), из иной уже диалектальной среды: *көзлі* (98, 15) 'зрячий', 'имеющий глаза'; *фарсі тіллі* (88⁶, 2) 'персоязычный'; *көзләрі сурмалу... өтүз үч јашлу* (69⁶, 1) 'глаза их сурьмленые... тридцатитрехлетние'; *будақлі* (66⁶, 7) 'ветвистый'; *қіматлу* (67⁶, 8) 'дорогой'; *қатіқ қөңүллү* (45⁶, 7) 'жестокосердный'; *јетміш қанатлу* (68⁶, 13) 'с семьюдесятью крыльями' и т. д.

Аффикс прилагательных производных с тем же, но отрицательным значением на *-сіз* (*-суз*): *орунсуз* (14, 2) 'несчастный', букв. 'не имеющий места'; *қаршіқсіз* (14, 5) 'покорный, не противоречащий'; *уманчсіз* (21⁶, 7) 'безнадежный' и т. д.

§ 16. Относительные прилагательные на *-қі, -кі*, как обычно, от имен, выражают понятие времени или места: *аwалқі* (129, 1) 'прежний' *өңкілär тақі соңкілар* (73, 7) 'первые и последние'; *анларда кезінкі* (33, 6) 'последующие'; *анда аδінқі* 'другие'; *јер алтінқі* (19, 15) 'подземный'; *өңінкі* (68, 19) 'прежний', *узақі* (29, 23) 'прежний'; *ашнуқі* (129, 25) 'прежний' и пр.

Образование прилагательных на *-қі, -кі* двояко: от основ существительных в имен. п., и от тех же основ с поссесивным аффиксом 3 л. и „вставочным *н*", напр.: *јер алтінқі* 'подземный' и пр., откуда различные формы: *өңкі и өңінкі* 'прежний' и т. д.; *елкі* (37, 10) при *елк* (73⁶, 4) 'прежний', 'ранний', 'прежде' — являются продуктом морфологической контаминации: *елк + і × ел + кі*.

Также двоякого вида формы на *-қі -кі* с местным падежом имен: а) без поссесивного аффикса, и б) с поссесивным аффиксом: *сақ қолдақі... сол қолдақі* (140⁶, 15) 'по-правую руку... по-левую руку (находящиеся)'; *сақіндақі* (50, 21) 'по-правую (сторону его находящиеся)'; *өңіндәкі* (30, 17) 'находящиеся перед ним'; *қатіндақі* (30, 16) 'находящиеся при нем, рядом'; *јер көк арасіндақі* (30, 14) 'находящиеся между небом и землей' и т. д.

Прилагательные такого рода легко переходят в разряд существительных, по значению.

§ 17. Форма „сравнительной степени" в „тефсире" на *-рақ, -рәк* имеет ближайшее отношение: а) к прилагательным и наречиям, по значению, б) к причастиям и в) существительным.

Аффикс *-рақ, -рәк* не находится в связи с категорией собственно „сравнительной" степени качества, а меняется в зависимости от основы, напр.: *јікрәк... аδгүрәк* (4, 9) 'более хороший... лучший'; *јақінрақ* (52⁶, 8) 'ближе'; *јақінрақ тірікlік ічіндә* (8, 10) 'в этой (ближайшей) жизни' (= ар. فى الحيوة الدّنيا); *қардін ақрақ балдін татліқрақ зәбдін јумшақрақ* (68⁶, 14) 'белее снега, слаще меда, мягче масла'; *өңәрүрак*

барді (46⁶, 2) ʻехал (несколько) впереди'; *јарлікқаӷірақ сән* (36, 12) ʻты наиболее милостивый'; *білгәнрәк* (99, 5) ʻболее знающ'; *јікрәк кеч қалӷанрақ турур* или *кечрәк қалӷанрақ* (22⁶, 1) ʻболее долговечный' (=ар. أبقى); *душманрақ* (28, 15) ʻнаиболее враждебный'; *ʻалімрақ* (10, 19) ʻболее ученый' и т. п. От производных прилагательных формы на *-рақ, -рәк* довольно обычны (Рбг I, 295, 11);[1] от существительных реже (Рбг I, 288).

В. Банг полагал форму на *-рақ, -рак* необычной в адъективной функции, но в ʻтефсире', в частности, формы на *-рақ, -рак* обычны в роли определений: *бу елдә ḫеч кім ерсә мәлікдін көрклүграк јүзлүг барму* (38, 12) ʻесть-ли кто-нибудь в этой стране более прекрасноликий, нежели правитель'; *қузірақ тірікліккә* (41⁶, 2) ʻдля последующей жизни' и т. д.

Встречаются в „тефсире" также случаи редупликации прилагательных „интенсивной" степени: *қаб қара* (127, 13) ʻчерный пречерный'; *түб түз* (24⁶, 4) ʻровный преровный' и т. п.[2]

§ 18. Группа наречий в „тефсире" образована с помощью „направительного" падежа *-ӷару, -гәрү*, сохранившегося в живых языках в составе некоторых наречий (NF, 65). В „тефсире" круг наречий на *-ӷару, -гәрү*... несколько шире: *ташқару* (27, 17) ʻнаружу'; *јоқару қүзі*... (28⁶, 22) ʻвверх и вниз'; *ілгәрү* (142⁶, 10), или *іләрү* (51, 16) ʻпрежде'; как КК: *іләрү шарді* (IV, 4, 10) и т. д.; *артқару* (43, 4) ʻобратно', вспять'; *оңарурақ* (46⁶, 2) ʻболее вперед'; *қајӷару* (9, 14) ʻкуда' и т. д.

Самостоятельную группу составляют в „тефсире" наречия на *-ру, -рү*; *табару* (~ *таба*) ʻпо направлению', ʻв сторону', ʻк'; *утру* ʻнапротив', *тегрү* ʻвплоть до' и пр. В древней орхонской письменности аффикс *-ру, -рү* сохранял иногда значение „направительного" падежа (NF, 84) — в „тефсире" такая связь отсутствует: *фар ʻун табару* (29⁶, 13) ʻк фараону'; *от табару* (29⁶, 3) ʻк огню'; ср. *анлар таба* (12, 5) ʻим', ʻв их сторону'; *таӷ табасінӷа* (146, 22) ʻк горе'; *утру барділар* (6, 9) ʻпошли навстречу'; *утрусінда* (27⁶, 18) ʻперед (ним)'; *аталміш вақтқа тегрү* (40, 10) ʻдо названного времени' и т. д.

§ 19. Другой адвербиальный аффикс, заключающий указание на место (NF, 85); именно *-ра, -рә*, представлен в „тефсире" группой отыменных наречий и послелогов: *тегрә* (3, 5) ʻвокруг', ср. РС, III, 1038; *ḫаддін ташра* (138⁶, 14) ʻсверх меры'; *андін ташра* (58, 2) ʻкроме' ʻсверх того'; *үзрә* (66⁶, 13) ʻна'; ср. *аӷач үзә* (96⁶, 3) ʻна деревьях'; *соңра* (52, 12) ʻвслед', ʻпотом'. Возможны случаи превращения в существительные по значению слов на *-ра, -рә*, напр.: *ол тегрәкі јерлär* (29, 4) ʻте окрестные места'; *тегрәсін қаплаӷај* (146⁶, 19) ʻпокроет все вокруг него'; ср. *тамуӷ үзәсіндін* (Рбг I, 287, 17) ʻнад поверхностью ада' и т. п.

Перечисленная группа наречий и послелогов известна в памятниках эпохи Навои и более позднего периода.

§ 20. Состав наречий не исчерпывается перечисленными выше случаями. Наречия образуются косвенными падежами (= исходным): *өңдін барур ерді* (27⁶, 1) ʻшел впереди', ср. *өңрә*[3] и т. д., с помощью аффикса *-лі*: *äшкärä wä кізлі* (108⁶, 3) ʻявно и тайно' (ср. РС, II, 1391); поссесивного аффикса 3 л. (?): *түгәлі* (69, 9) ʻполностью', ʻцеликом' (ср. РС, III, 1537).

Большая группа наречий представлена онареченными деепричастиями: *јандура бермäсмän* (28⁶, 31) ʻобратно не дам'; *јашру* (26⁶, 2) ʻтайно'

[1] W. Bang und G. R. Rachmati, ук. соч., стр. 6, 7, 8, 53 и т. д. 9 и пр.).

[2] C. Brockelmann, ук. соч., стр. 202.

[3] W. Radloff, Chuastuanit, стр. 34, прим. 55.

ärwrä (10⁶, 36) 'снова, обратно', *ötä* (9⁶, 33) 'спустя, через', *asra* (142⁶, 10) 'насквозь' и пр.; ср. *öткärü* (Рбг I, 293, 8) 'насквозь' и т. д.

Интересны с точки зрения образования деепричастий-наречий случаи *ärwrä* || *ärwrän*, напр., по КВ: *некü берсä ärwrä* (= *äbrän*, К — *ewrän*) *anïoқ алур* (КВ, Т, 111, 14) 'что даст, обратно то же получит' и пр.; также *jaшру* || *jaшрун* 'скрытно, тайно' (РС, I , 250).

§ 21. Случаи образования: *тегрä* 'вокруг' || *тегрü* 'до' затрагивают еще один послелог все в значении 'до', 'вплоть до': *тегі* (= *текі*), *тегін* (= *текін*), *тегінч* (= *текінч*), *тегінчä* (= *текінчä*), *тегсüн* (= *тексüн*), напр.: *күн батарҕа тегі* (146, 18) 'до захода солнца, до запада'; *бір јергä тегін* (133⁶, 1) 'до одного места'; *јернүң астінҕа тегінч* (Сура, 69, 22), *көккä тегінчä* (68, 7) 'до небес'; *ол шақ.тқ.а тегсüн...* (39₆, 4) 'до того времени...' и т. д.; ср. *тäгрі*, *тäгінджä*, *täги* (АФ, 086).

§ 22. Аффикс уподобления *-чл -чä*, по В. В. Радлову, „количественный" падеж (NF, 65), у Шинкевича — Äquativ (RS, 166) образует прилагательные-наречия: *таҕча* (123, 2) 'с гору'; *қ.ірқ. ер күчічä күч берміш* (27, 10) 'дал силу с силу 40 человек'; *арабча кітаб* (138, 21) 'книга по-арабски'; *он беш јігірмічä кіші* (27⁶, 8) 'человек с 15—20'; *он кішігä јеткүчä аш* (146, 9) 'пища, достаточная на 10 человек' и т. д.

При именах с поссесивными аффиксами значение уподобления осложняется в силу самой постпозитивной позиции этих имен и легко переходит в наречное: *та 'атінча* (68⁶, 17) 'по своему служению', *анің ардінча* (45, 7) 'следом за ним' и т. д. (RS, 166, § 60). Имеет значение и семантика имени: *оңча... солча* (KB, 57, 13) 'zur Rechten... zur Linken', скорее в смысле 'счастливо... несчастливо' и т. д.

Значение уподобления выражается еще: а) с помощью аффикса *-тек*: *таҕара тек* (64⁶, 12) 'как (словно) глиняное блюдо' и пр., б) послелогами *кäбі*, *чақ.лі*, напр., *ешäк уні кäбі* (97, 6) 'словно голос осла'; *бір кіші олтур чақ.лі* (79, 5) '(размером) сесть одному человеку', 'место для сидения одного человека' и т. д.

§ 23. Наряду с перечисленными послелогами: *тегрü* (= *теги тегін*, *тегінчä*), *üзрä* (= *üзä*), *соңра*, *кäбі*, *чақ.лі*, надо отметить *üчüн* 'для, ради'; *бäрü* 'сюда', 'по сю сторону'; *кеδін* 'затем', 'после'; напр.: *анің üчüн* (68⁶, 9) 'ради того'; *ешітмäзлік üчüн* (108, 18) 'чтобы не слышать'; *он јіл бäрü* (28⁶, 31) 'уже десять лет'; *анчадін бäрü* (29, 20) 'издавна'; *анда кеδін* (39⁶ 1) 'после того' и т. д.

Развивающие склонение отименные послелоги занимают в „тефсире" значительное место в развитии локативных падежей: *ол кішілäр алінда* (125, 10) 'пред теми людьми'; *суw алтінда* (31⁶, 17) 'под водой'; *јернүң астінҕа тегінч* 'до низа (пода) земли'; *аjақ.і üстүнкä* (89⁶, 8) 'на ноги'; *менім қ.атімда* (27, 5) 'передо мною', *мäлік қ.атінҕа келді* (129, 23) 'пришел к правителю'; *дарја ічіндä* (31, 35) 'в реке'; *анлар ара* (82, 10) 'между ними'; *бір бірläрнің арасінда* (82, 19) 'между одним и другими'; *фар 'ун өңүндä* (30, 4) 'перед фараоном' (~ *өгүндä*, 146, 23); *анің өскүндä* (7, 8) 'перед ними' (= ар. عِنْدَهُمْ) от *өскүнқ.ä барді* (29, 3) 'к огню пошел' и т. д.

Граница между такого рода послелогами и наречиями условна; возможно вполне самостоятельное наречное значение отименных послелогов: *анің өңүндä тақ.і ардінда* (112, 9) 'впереди и позади него'; *кеδін қ.алқ.ілар* (9⁶, 30) 'остались позади' и т. д.

Перечисленные послелоги известны по КВ и Рбг и по более поздним памятникам, кроме *öскӱндä, öскӱнкӓ* и пр.; *кӓтінда* (<*кӓт* 'сторона') Махмуд Кашгарский отметил как слово огузское,[1] однако, мы находим его у Рбг (I, 290, 19), в „Мираджнаме" и т. д.

§ 24. Местоимения личные: *мäн* 'я', *сäн* 'ты', *ол* 'он' (=тот); *біз* (*бізлäр*) 'мы'; *сіз* (=*сізлäр* ~ *сänлäр*) 'вы'; *анлар* (~ *олар*||*улар*) 'они' ('те').

Особенности склонения: вин. п.: *мäні, сäні, ані, бізні, сізні, сізлärні, анларні, буларні*; род. п.: *мäнің* (~ *манім*), *сänің, аніңъ, бізіңъ* (~ *бізім*), *сізін* (~ *сізлärің*), *анларнің* (~ *уларніңъ*, ~ *анларнуңъ*, ~ *анларіңъ* ~ *уларіңъ* ~ *буларіңъ*); дат. п.: *мäнкӓ*|||*мäңä*), *сänкӓ*|||*сäңä*| *анкӓ*||*аңа*|, *анкӓр*|||*аңар*|, *мункӓ*|—||*муңа*, *бізкӓ, сізкӓ, сізлärкӓ* (~ *сізлärä*); *анларка* (~ *анларҕа* ~ *уларҕа*); местн. п.: *мунда*... *исх.* п: *мäндін* (~ *мäндä*), *сäндін* (~ *сäніңдін*), *андін* (~ *аніңдін*, ~ *анда* ~ *аніндa*); *біздін* (~ *бізіңдін*); *сіздін* (~ *сänлärдін* ~ *сізіңдä*); *анлардін*, ~ *анларда*^{н}, *мундін* (*мунда*^{н} ~ *мунда*), *булардін*.

Примеры: *тутмаңъ дост мäнім такӓ сізіңъ душманіңізі* (83^{6}, 2) 'не имейте другом моего, а также вашего врага';[2] *айді анкӓр*|||*аңар* (3^{6}, 6) 'сказал ему'; *айді анларкӓ* (6, 2) 'сказал им'; *анларіңъ елкін аѳакӓін бічтурді* (31, 1) 'заставил отрубить их руки и ноги'; *анларнуңъ аʿзаларіні анлардін аjурур анларіңъ гäwідäлäрі кӓлур* (103, 18) 'части тела их отделят от них и останутся туловища их'; *сізлärä от келтӱрäjін* (29, 2) 'принесу вам огонь'; *сäніңъдін* (12^{6}, 1) 'от тебя'; *бізіңъдін кӓчтіңъ* (30, 10) 'убежал (ты) от нас'; *сізіндä кеѳін* (39^{6}, 13) 'после вас'; *анларда*^{н} (لارلا) *сізкä асіҕларі jа зіjанларі барму* (38, 7) 'есть ли вам от них польза или вред' и т. д.

§ 25. Личные местоимения в спряжении имен служат предикативными местоименными аффиксами: *мäн тewä аjасі мäн* (143_{28}) 'я есмь хозяин верблюда'; *сän кішісän кімуңъ оҕлі сан* (9^{6}, 14) 'ты еси человек, чей ты сын' и т. д.

Акцентированные предикативные местоимения усиливаются иногда предикативным аффиксом-глаголом: *улуҕ атаңъ jамліха мäн мäн турур* (9^{6}, 23) 'дед твой Ямлиха это есть я' и т. д.

§ 26. Местоимения указательные; вопросительные и относительные составляют довольно значительную группу: *бу* 'этот', *ошул* 'этот, этакий'; *ол* 'тот'; *мундаҕ* 'этакий'; *андаҕ* 'такой'; *немä* 'что'; *кім* 'кто', 'который'; *кім ерсä*|||*кімсä*| 'кто бы ни было, некто, никто'; *кӓjу* 'какой, как'; *кӓjу ерсä* 'какой бы не', 'никакой', 'никто'; *hеч кӓjусі ерсä* 'никакой'; *кӓч* 'сколько'; *бір кӓч* 'несколько'; *бірнечä* 'несколько'; *біранча* 'несколько'; *бір анчаларі* 'некоторые'; *кӓндa* 'где'; *кӓнча кім* 'как бы не', 'если', *кӓчан кім* 'когда'; *некӱ* 'что за'; *нälӱк* 'зачем'; *нätäк* 'как'; *буjлä* 'так'; *нечä* (=*нешä*) 'почему'; *тегмä* 'всякий', 'весь'; *тегмä бір* 'каждый'. Напр., *бу ewдä* (29^{6}, 31) 'в этом доме'; *ошулардін* (63^{6}, 3) 'от этих'; *андаҕокӓ турур* (12, 2); 'такой же'; *нешä буjлä кӓлдіңъ* (139^{6}, 17) 'зачем ты так сделал'; *некӱ турур* оң *елкіңдäкі* (19^{6}, 8) 'что это у него в правой руке'; *бір кӓч кӱн* (28, 34) 'несколько дней'; *бір нечä розгардін* соң (132, 27) 'через несколько дней'; *кӓнча кім сän барсаң* (137, 8) 'если ты пойдешь' и т. д.

§ 27. Возвратное местоимение выражается, как и в морфологии древнеписьменных памятников, различными по происхождению словами: *öз* и *кändü*

---

[1] C. Brockelmann, ук. соч. стр. 150.

[2] Ср.: *мäнім оғлім дір деді* (КК, IV, 3, 19) э'то мой сын сказал' и т. д.

и словосочетаниями: *кăндӣ-ӧз, ăт-ӧз* или даже *кăнду-ăт-ӧз*, что указывает на различное диалектальное происхождение этих местоимений.

Не в определительной функции ('свой') такого рода местоимения возможны лишь с поссесивными аффиксами, поскольку связаны этимологически с именем в значении 'тело', 'особь', 'сердцевина', 'сущность' (NF, 113).[1]

Примеры: *ӧз кӯлінӣ* (11⁶, 11) 'своего раба'; *кăндӣ аһлі таба* (128, 12) 'к своему народу'; *кăндӣ-ӧзлăрі* (37, 8) 'сами они'; *кăндӣ — ӧзӣңӣз ӣчӣн* (73⁶, 15) 'ради вас самих'; *ӧзі — кăндӣ јікрăк білӣр* (29⁶, 15) 'он сам лучше знает'; *мăнің ăт ӧзӣм* (24, 4) 'я сам'; *кăндӣ јанділар кăндӣ ăт ӧзлăрінкă* (35, 4) 'сами вернулись к самим себе' (= перевод ар. فَرَجَعُوا اِلَى أَنفُسِهِم) и т. д.

Различие не только по происхождению соответствующих: *ӧз* (РС, I, 1298;),[2] *кăндӣ* (РС, II, 1081),[3] *ăт — ӧз*,[4] но и функционально, — с поссесивными аффиксами обычно только *ӧз*.

§ 28. Категория числительных в „тефсире" очень характерна для эпохи памятника: порядок счисления двузначных чисел десятиричный, древнего способа счета по приближению к следующему десятку нет.

Порядковые числительные: а) в согласии с древней традицией (NF, 70) на = *(і)нч*, напр. *ікінч*, '2-й'; *ӣчӣнч*, '3-й'; *тӧртінч* '4-й'; *алтінч* '6-й'; *јетінч* '7-й'; *сăкізінч* '8-й'; *тоқӯсінч* '9-й' и т. д.; б) реже на *-(і) нчі: ӣчінчі* '3-й'; *алтінчі* '6-й' и т. д.; в) иногда диалектальная — „хорезмская" форма на *-ланчи: тӧртлăнчі* '4-й' и т. д.

Числительные существительные и наречия на *-ағу*, как в памятниках древней письменности (NF, 71):[5] *бірăгӣ* 'один' *ікăгӣ* 'двое', 'вдвоем'; *ӣчăгӣ* 'трое', 'втроем' и т. д. Адвербиальное значение часто выражено морфологически: *ікăгӣн* 'вдвоем', *ӣчăгӣн* 'втроем' и т. д., иногда, впрочем, значение этой формы чисто субстантивное.

В отдельных случаях форма на *-ла: іккілă* 'оба', 'оба вместе' и т. д. Нумеративом при перечислении людей служит слово *баш* 'голова': *алті баш кіші* (9, 13) 'шесть человек' и т. д.

Примеры: *јігірмі сăкіз аjат турур ікӣјӣз јігірмі беш кăлімăт тоқуз јӣз елі тоқуз һаруф турур* (108, 5) '28 стихов, 225 слов, 959 букв'; *ӣчӣнч зăкăтдін сорғаjлар тӧртінч розадін сорғаjлар бешінч...* (133⁶, 2) 'третье — спросят о зякете, четвертое — о посте, пятое...'; *јігірмі тӧртінч... јігірмі јетінч... јігірмі тоқісінч* (139, 17) 'двадцать четвертый... двадцать седьмой... двадцать девятый'; *ӣчінчі кісді* (138, 17) 'в третий раз сдавил'; *мăгăр* ол *тӧртлăнчі болса* (76⁶, 10) 'если он окажется четвертый'; *ӣчăгӣ көрінді* (10, 1) 'показались трое'; *ікăгӣн бару башладілар* (10⁶, 23) 'вдвоем отправились'; *ӣчăгӣн кемі ускунка келділар* (11, 11) 'втроем подошли к лодке'; *ікілă һăргіз куртулмас сізлар* (10, 37) 'в обоих случаях вы не освободитесь', *бірін-бірін... барӣңлар* (28⁶, 35) 'по одному (сразу?)... отправляйтесь' и т. д.

---

[1] П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика киргиз-кэзакского языка, ч. I. СПб., 1894, стр. 42.
[2] С. Brockelmann, ук. соч., стр. 137.
[3] Там же, стр. 137.
[4] С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке, ЗКВ, III, стр. 225.
[5] П. М. Мелиоранский, ук. соч., стр. 67.

Порядковые на *-інч* в КВ и Рбг (Рбг I, 204, 30; Рбг II, 512, 15; 515, 3 и т. д.) у предшественников Навои и в языке самого Навои, наряду с формой на *-нчі*. Числительные на *-агу*, по КВ, одинаково *-агу||-агун* и часто замещаются: *ікäкӣ ажунда* (КВ, Т, 103, 3), *ікäкӯн* (В *ігäгӣ*) *ажунда* (КВ, Т, 103, 4) и т. д.

ГЛАГОЛ

§ 29. В образовании форм глагола в тюркских языках большое место принадлежит деепричастиям и причастиям. В языке „тефсира" это также нашло свое отражение.

Деепричастия в „тефсире" подразделяются на две группы: а) соотносящиеся с временем окончательного глагола, б) самостоятельно выражающие более или менее определенное понятие времени, цели, причины действия.

В первую группу входят деепричастия настоящего времени, т. е. обозначающие действие одновременное действию окончательного глагола, — это древние деепричастия на *-у* (после конечных согласных) и *-ӯ* (после конечных гласных): *кӏілу* — 'делая'; *келӣ* 'приходя'; *jiғлаӣу* 'плача'; *тейӣ* 'говоря' и т. д. Гораздо реже это деепричастие на *-а: бакӏа* 'глядя', *тӯшä* 'падая' и т. п.

Примеры: *сешінӣ кӏушану мäлік кӏатінға келді* (129, 23) 'радуясь и веселясь, явились к правителю'; *jiғлаӣу утру чікӏді* (27⁶, 21) 'плача вышел навстречу'; *тітраӣу аӣтді* (138, 17) 'дрожа сказал'; *бу кім турур тейӣ тілäӣу барді* (31⁶, 23) 'говоря — кто это — пошел, вопрошая'; *мäнзілдін манзілкä тӯшä кӏоба барур ердідäр* (132⁶, 26) 'шли со стоянки на стоянку, останавливаясь и вставая' и т. д.

Деепричастие прошедшее, т. е. обозначающее действие, предшествующее действию окончательного глагола, на *-б*: *кӏоркуб jiӯрäкläрі тітрағаӣ* (23⁶ 11) 'испугавшись задрожат их сердца' и т. д.

Деепричастие на *-у, -ӯ* известно по памятникам орхонской письменности (NF, 94) и более поздним памятникам, напр., КВ: *ешіндін туруб чікӏті келді бäрӣ* (В: *нару*) *бір анча jуріӯ бір анча туру* (КВ, Т, 46, 9) 'вышел из своего дома и явился сюда, то двигаясь, то останавливаясь' и т. д. или Рбг: *отлаӣу башладі* (Рбг I, 291, 10) 'начала пастись' и т. д.[1] у Навои деепричастие на *-у, -ӯ* уже редкий архаизм.

Отрицательное деепричастие на *-мадін* весьма обычно в „тефсире": *кӏанат урмадін* (98, 5) 'не ударяя крыльями'; *атäм сӧзін тутмадін кеміkä кірмадін сушда ғаркӏа болдум* (31⁶ 25) 'не слушая слов отца и не взойдя на корабль, я утонул в воде' и т. д.

Древняя форма на *-мадін* (NF, 94) широко употребительна в памятниках XI — XIV вв. и встречается, в частности, также в „Китаби-Коркуд": *сашашмадін урушмадін кӏаӣдаӣін* 'вернусь ка я, не воюя и не сражаясь' (КК, III, 044, 7). Не возвращаясь здесь к вопросу о происхождении этой формы,[2] отметим: а) необычность для „тефсира" и родственных ему по языку памятников *д* вм. *δ* в *-мадін*; б) частые в КВ подмены формы на *-мадін* другими (КВ, Т, 64, 9): *тінмадін... ермäдің;* В: *тынмады... армады;* К: *тінмаді... ермäді;* КВ, Т, 56, 7: *білмädін... табіндурмадің;*

---

[1] Ср.: Рбг I, 294, 13; II, 515, 8 и т. д. — К. Г. Залеман. Легенда про Хаким-ата. Инст. ист. АН СССР, т. IX, № 2, 1898, стр. 127—128.

[2] W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler, Л., 1923, стр. 226—229, прим. С. Е. Малова.

В: *пілмәдім... табундурмадім* и т. д. (ср. Рбг I, 283, 11; 292,7 и т. д.).

Вторая группа деепричастий включает в себя: а) деепричастие предела во времени на *-інча... ӷінча*, напр. *булар барінча ашін сувін раст қ.ілӷај тејӱ* (47,6) 'до отправления их чтобы готовил еду и питье'; *көз јумуб ачӷінча* (139⁶,3) 'до закрытия и открытия глаз', т. е. 'в мгновение ока'; *ајат төгәгінчәӄә текі* (39⁶,31) или *ајат төгәл болӷінчаӄа текі* (39⁶,34) 'вплоть до окончания стиха' и т. д. (ср. Рбг I, 289,7; 292,4; 296,17 и т. д.); б) деепричастие цели на *-ӷалі, -гәлі: келдіӈму бізкә чік.арӷалі бізні* (21⁶,2) 'ты пришел ли к нам, чтобы вывести нас'; *бу қ.асд қ.ылӷалі қ.ілді* (29,36) 'это он сделал с умыслом'; *өлдӱргәлі қ.асд қ.ілділар* (27⁶,8) 'умышляли убить' (ср. Рбг I, 292; II и т. д.); в) форма на *-ӷалі -гәлі* образует деепричастие исходного момента действия: *дақ јанус мәлік кечкәлі ікі ӱч јӱз артуқ. болміш турур* (9⁶,15) 'с тех пор как умер (=прошел) царь Дакьянус, исполнилось свыше двухсот — трехсот (лет)' и т. д.

§ 30. Причастие настоящее-будущее на *-ур, -ар*, после конечных согласных, и *-јур*, после конечных гласных, как в языке орхонской письменности (NF, 95—96), в памятниках древнеуйгурской традиции, в „Кыссаи-Юсуф", „Мухаббат-нама" Хорезми. Формы на *-ур* (*-јур*) и *-ар* как будто-бы не различаются в характеристике времени причастия: *бäс кім кім кетӱрӱр сизкә ақ.ар сӱчӱг сувні* (99,2) 'итак, кто доставит (=доставляет) вам проточную сладкую воду'; *көрмäз көзӱмні көрär қ.ілсун* (129,30) 'мои незрячие глаза пусть сделает видящими'; *учар қ.ушлар јӱгрӱр кіјіклär* (39,25) 'летающие птицы, ходящие звери'; *ікäӄӱні олтурур көрді* (38⁶,36) 'обоих увидел сидящими' и т. д.

Причастие на *-јур* не встретилось в определительной позиции: *сöз сöзläјӱр ердіläр* (132⁶,1) 'говорили'; *оқ.ијурсіз* (101⁶,11) 'прочтете вы'; *мän білӱрмän ані кім кізläјӱрсіз щä ані кім äшкärä қ.ілӱрсіз* (83⁵,10) 'я знающий (=я лучше знаю) то, что вы скрываете, и то, что вы делаете явным'; *сіз һäм ојнајурсіз* (61⁶,2) 'и вы пляшете' и т. д. (ср. Рбг I, 289, 16; 296,2; 297,4 и т. д.).

Соответствующая отрицательная форма причастия настояще-будущего на *-маз|||-мас|: мänім бу көрмäз көзӱмні...* (129,30) 'мои эти не видящие глаза...'; *бақ.маз* (47⁶,14) 'не глядит'; *һаджät болмаз* (68⁶,9) 'не будет необходимости'; *сув алтінда қ.алмас* (31⁶,17) 'не остаются под водой' и т. д.

В языке орхонской письменности последовательно *-маз* (NF, 96) в более поздних памятниках, в КВ, у Рбг обычны, как и в нашем „тефсире" чередования *-маз||мас* (ср. АФ, LXVI).

§ 31. Второе причастие настоящее на *-ӷлі* (*-глі*), как в КВ, у Рбг, АФ и в других памятниках XI — XIV вв.[1] Обычно это причастие а) в определительной функции и б) в качестве существительного по значению с аффиксом мн. ч., напр.: а) *фар 'ун қ.ачті... қ.атінда турiӷлі табуӷчі јämä қ.ачтілар* (30,29) 'фараон бежал... бежали и слуги, находившиеся при нем'; *чін сöзläклі* (30,22) 'говорящий правду'; *ол келіглі кішіні...* (28⁶,32) 'того идущего человека...'; *ол јілан болді јӱӄрӱклі* (19⁶,10) 'та змея стала движущейся' и т. д.; б) *тутуӷлі јолдін азік.ӷілар* (4⁶,9) 'сбившиеся с взятого пути'; *сän мірас алиӷліларда јікräк сän* (36⁶,5) 'ты лучший из получающих наследство' и т. д.

[1] W. Radloff. Chrestomatie, стр. 18.

Причастие на *-ɣлі, -глі* известно по памятникам XI—XIV вв. (KB, T, 49, 1; 50, 11; 68, 9; 96, 14 и т. д.; МК[1] и т. д.).

§ 32. Причастие прошедшее, как и в других памятниках до-монгольской и монгольской эпохи на *-міш, -ган* и *-дук*. В языке тефсира ни одну из этих форм нельзя назвать преобладающей. Причастие на *-міш* обычнее в образовании окончательных глаголов, сравнительно реже в определительной позиции: *узакі кечміш буδунлар...* (21, 5) 'давно исчезнувшие народы'; *тарімі̇ш тарıɣı бірлä* (39⁶, 7) 'с посеянным посевом'; *кен. јанчілміш јоллар* (33⁶, 1) 'широко раскинувшиеся дороги'; *чабалумуш јүн. кäбі* (106, 15) 'как взбитая шерсть'; *бір тоб к.үріміш хурма јаɣачі көрді* (18, 6) 'увидел группу высохших пальмовых деревьев' и т. д.

Причастие на *-міш* субстантивируется при наличии мн. ч., поссесивных аффиксов, падежа: *јалɣан сöзлäмішім барму* (28, 22) 'ложно говорил ли я'; *көрмішіміз ешітмішіміз јок.* (28, 27) 'мы не видели и не слышали'; *бу алдашмышларің ḫукмінің бајані турур* (92⁶, 10) 'это есть повествование о решении (по поводу) обманутых'; *неч äр мäңä теκміші јок.* (17⁶, 37) 'ни один мужчина не касался меня' и т. д.

Форма на *-міш* возможна и в значении имени действия в сочетании с *керäк* 'надо'; *барміш керäк... к.ілміш керäк* (27, 30) 'надо итти... надо делать' и т. д. Это — линия разграничения в языке „тефсира" форм на *-міш* и на *-ган*.

Причастие на *-міш* известно из языка орхонских надписей (NF, 113), памятников XI—XIV вв. (АФ, XV; Рбг I, 284, 14; 292, 15; 293, 14; 293, 18 и т. д.) и затем в языке писателей XV в., в том числе Навои, наряду с формой на *-ɣан -гän...*, позднее в узбекском языке ставшей единственной формой причастия прошедшего, кроме редких архаизмов на *-міш*.

§ 33. Причастие на *-ɣан* (*-гän*) и причастие на *-міш* не различимы по значению. Причастие на *-ɣан* (*-гän*)... обычно: а) в определительной позиции: *örтäгän к.ійін* (40⁶, 8) 'жгучие мучения'; *јіɣлаɣан оɣлан* (127, 4) 'плачущий ребенок'; *ак.ɣан суw бірлä* (62, 8) 'текущими водами' и т. д.; б) субстантивируется причастие на *-ɣан* (*-гän*) при наличии аффикса мн. ч., поссесивных аффиксов, падежа: *көрдім тегäнкä хал'ат берді көрмädім тегäні öлтүрді* (133, 19) 'сказавших „я видел" одарил, сказавших „я не видел" убил'; *азɣанлар јалɣанчілар сіз* (70, 5) 'вы заблудшие, лжецы' и т. д.; в) в постпозитивной позиции причастие на *-ɣан* (*-гän*) превращается в предикат: *көргän турур ешіткän турур* (2⁶, 8) 'есть видящий и знающий'; *ол ешіткän білгän ол* (32, 4) 'он слышащий и знающий' и т. д.

Изредка в „тефсире" появляется 'огузская' или 'юго-западная' форма этого причастия: *-ан* (*-äн*): *анің ієрінкä баран суw* (65, 6) 'вода, идущая в его землю', *ані кішілäр көзін көрän бар му* (38⁶, 1) 'есть ли люди, видевшие его своими глазами'; *бäländ сöзлänімізні ешітүр аста сöзлänімізні ешітмäз* (97⁶, 5) 'громко сказанное мной слышат, тихо сказанное не слышат' и т. д.

Причастие на *-ɣан* (*-гän*) в „тефсире" не столь обычно, как причастие на *-міш*.

§ 34. Причастие прошедшее на *-дук.* (*-дüк*) также известно в древних литературных языках (NF, 96; МК-V, 34). Значение этого причастия прошедшего (Participium praeteriti) в предикативной позиции может быть

[1] C. Brockelmann. Mahmud al-Kašghari über die Sprachen und die Stämme der Türken im II Jahrh. Körösi csoma-archivum, I kötet, 1 Szam, Budapest, 1921, стр. 34. — Рбг II. 516, 18 и др. АФ, LXIV, § 7 и т. д.

определено в двояком аспекте: а) как указание на предшествование или одновременность по отношению к последующему действию; б) как указание на одновременность по отношению к действию продолжающемуся, когда причастие на *-дук* превращается в прошедшее-настоящее (NF, 115).

Причастие на *-дук* обычно в определительной позиции: *ішлä мäдӱк нärсäні сӧзлäсä* (47⁶,2) 'если скажут о вещах не сделанных'; *мäккä ачылдук кӱн болді* (86,6) 'был день открытия (завоевания) Мекки' и т. д., как: *кіші кірмäдӱк елгä* (В: *кӧрмäдӱк йärгä*) *кірсä кʼалі* (KB, T, 47,2) 'когда человек попадает в страну, в которой он не был'; *білміш йäк білмäдӱк кішідäн йіг* (МК, III, 120) 'знакомый дьявол лучше незнакомого человека' и т. д. (ср. NF, 116; МК-V, 34).

Особой формой определения является причастие от глагола *те* 'говорить' в постпозитивной позиции с поссесивным аффиксом 3 л., отнесенным по смыслу к лицу неопределенно-личному: *азад тедӱкі... бäнд тедӱкі...* (73⁶,2) 'именуемый свободным... именуемый рабом...'; *ӧлӱм тедӱкі... тірӱк тедӱкі...* (96⁶,9) 'смертью именуемая... жизнью называемая'; *манат тедӱкі такʼі бір бут турур* (36⁶,5) 'называемый „Манат" есть еще некий идол' и т. д.

Впрочем, в определительной позиции возможны и другие случаи причастия на *-дук* с поссесивными аффиксами: *ішлädӱкі ішläрін* (140⁶,16) 'содеянные ими дела их'; *кʼоʒдуміз сäңä ішлädӱкӱ̈ні йазукʼі* (137⁶,9) 'оставили мы тебе содеянные тобой проступки'; *тіріліб ваʿда кʼілдукʼім йергä келгäйлäр* (70,3) 'собравшись, пусть явятся в обещанное мной место' и т. д. Такого рода явления чрезвычайно интересны для истории синтаксиса.

Причастия на *-дук* переходят в разряд существительных по значению при наличии аффикса мн. ч., падежа, поссесивных аффиксов: *тірілмäдӱклäр болʁай* (124⁶,7) 'окажутся не собравшимися'; *кӧрдӱкні хабар берді* (41⁶,16) 'сообщил о виденном', *буйурдукум ішläгіл* (124,7) 'делай по моему приказанию' и т. д. (ср. Рбг I, 289,4).[1]

С некоторыми послелогами причастие на *-дук* с поссесивным аффиксом 3 л. образует определительную группу: *кӱлгäй андаʁ кім... буларʁа кӱлдӱкі кäбі* (127,3) 'засмеются, как смеялись над ними'; *ердӱкі täк таjак болді* (30,30) 'попрежнему стала палкой' и т. д. Но с *йокʼ* 'нет' причастие на *-дук* становится именной частью сказуемого: *кім ерсä андаʁ кӧрдӱкі йокʼ* (68⁶,15) 'никто не видел подобного', как в „Китаби-Коркуд": *мäнім атумі кімсä кäчдӱкі йокʼ* (КК, IV, 4, 28) 'моего коня никто не обгонял' и т. д.

§ 35. Настояще-будущее время глагола образуется от причастия настояще-будущего с помощью личных местоименно-предикативных аффиксов: *баʿзілар айтурлар* (108⁶,12) 'некоторые говорят'; *кʼоркʼарман кім мäні öлдӱргäйлäр* (29⁶,26) 'я боюсь, что меня убьют'; *мäн білӱрмäн ані кім кізлäйурсіз* (23⁶,10) 'я знаю то, что вы скрываете' и т. д.

Значение будущего-неопределенного этот глагол приобретает в контексте: *ол кӱн кім кʼобарулур* (12,8) 'в тот день, когда поднимутся'; *сізläрні кʼіjнарлар* (28,8) 'вас будут мучить' и т. д.

Встречается форма 1 л. ед. ч. с предикативно-поссесивным аффиксом: *кʼірам* 'уничтожу', *jікʼам* 'свалю', *кʼайдам* 'вернусь', *кестäрäм* 'срублю'.

Примеры: *бу каʿаба ханасін jікʼам кірӱ кʼайдам теді* (143,15) 'этот дом Каабы я свалю и вернусь'; *кʼамуʁ шähäрläрні байран кʼілʁам аʁачларін кестäрäм буларні кʼірам* (49⁶,6) 'все города уничтожу, деревья их заставлю порубить, уничтожу их' и т. д.

[1] W. Bang u. G. R. Rachmati, ук. соч., стр. 8, 63.

§ 36. Глагол *турур* сохраняет самостоятельность как глагол настояще-будущий: *анда тäлім тајақлар турур* (28⁶, 21) 'там находится много палок' и т. д., или превращается в предикативный аффикс, в связку: ... *болҕулуқ іш турур* (18, 3) 'непременное дело', '(это) дело, которое должно свершиться' и т. д.

В значении связки *турур* в составе ряда глагольных форм: 1) с деепричастием на *-у, -ју, -а* образует настояще-будущее: *јемішлär кім узулу турур* (68⁶, 11) 'фрукты, которые висят' и т. д.; 2) с деепричастием на *-б* образует прошедшее-настоящее: *көрділär бостанні күјүб қара күл болуб турур* (100⁶, 18) 'увидели сад, сгорев, он превратился в черный пепел' и т. д.; 3) с причастием на *-міш* образует „прошедшее совершенное": *мän уларің кішісіндін бірäгüні öлдürміш турур мän* (29⁶, 28) 'я убил одного из их людей'; *ајҕіл мän роза тутміш турур мän* (18, 28) 'скажи, я приняла пост', или *роза тутміш мän теб ајҕіл* (18, 31) и др.; *бір қатіҕ іш түшміш турур* (27⁶, 19) 'произошло жестокое дело' и т. д.; 4) с будущим глаголом образует будущее определенное: *нä кім болміш тақі нä кім боласі турур барчані қілміш турур* (133, 3) 'что было и что будет, все сделал' и т. д.

Состав глагольных форм с *турур* указывает на эволюцию *турур* > *дур* (*-дір*), о чем можно судить по аналогичным образованиям в старо-письменном и в живом узбекском языке.

§ 37. Будущее-желательное на *-ҕај, -гäј*... часто имеет значение супинума, видимо, исконное для данной формы: *кірді ерсä қазнақа тајақ алҕај* (28⁶, 21) 'зашел он в кладовую взять посох' и т. д., в других случаях это будущее некатегорическое, напр.: *болҕај кім іäісі келгäј қолҕај* (28⁶, 23) 'может статься, что придет хозяин его и спросит'; *болҕај кім ол пänд алінҕај қорқҕај* (30, 24) 'может статься, что он внемлет совету и убоится' и т. д.

Форма на *-ҕај, -гäј*... известна по КВ, Рбг и другим более поздним памятникам; спряжение этой формы в „тефсире" также обычно с предикативными местоимениями: *башлаҕај ман* (9, 17) 'я поведу вас', *келгäјсізлäр* (9⁶, 30) 'вы явитесь'; *көргäјлäр* (9⁶, 28) 'они увидят' и т. д. (АФ, LXXII).[1]

Что касается „сокращенной" формы на *-ҕа, -гä*... (АФ, LXXIII), то спряжение этой формы в „тефсире" стоит особо: *бүтүргäм* 'взращу'; *болҕам* 'стану'; *қілҕам* 'сделаю' и т. д. Напр.: *та қорқарман та дäлü болҕам* (138, 18) 'боюсь, что стану безумным'; *һеч нärсä артурмаҕам сізгä мägäр қіјін артурҕам* (123, 5) 'ничего не увеличу вам, только мучения увеличу'; *'äдл қилҕам бірінä бір бергäм* (60⁶, 13) 'окажу справедливость — за одно дам одно' и т. д.

§ 38. Форма на *-ҕу, -гü*... в „тефсире" в значении: а) причастия будуще-настоящего; б) отглагольного имени.

Причастное значение в двух временных аспектах будущем и настоящем: *келгу улуҕ кундä* (13, 10) 'в грядущий великий день'; *мänім елкімдін келмägü іш* (129, 13) 'невозможное для меня (букв. 'из моих рук не идущее') дело'; *қачҕу јер* (119, 10) 'место бегства, убегания'; *кеңäшгü сарај* (26⁶, 3) 'совещательный дворец'; *қараҕу көзсіз* (25⁶, 5) 'без глаз видящих' и т. д.

Причастия на *-ҕу, -гü*... частью перешли в разряд отглагольных имен: *турҕу* (8, 9) 'стоянка'; *оқіҕу* (19, 11) 'чтение, коран'; *қачҕу* (18⁶, 10) 'побег' и т. д.

Причастия на *-ҕу, -гü*..., переходя в разряд существительных, разделяют все грамматические свойства последних: число, падеж, поссесивные отно-

[1] Н. И. Ильминский. Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-нама. Казань, 1865, стр. 10.

шения, напр. *сән jəкрәк білүрсән... нетәк кəілғумні* (39⁶, 15) 'ты лучше знаешь... что мне делать'; *табунғуларіңіз* (38, 8) 'ваши адепты'; *тутғу ағріғі* (12⁶, 5) 'муки родов'; *сөз сөзләгү кəүwәті* (38⁶, 7) 'способность (сила) речи'.

Отвлеченнее значение причастия на *-ғу, -гү...* в предикативной функции: *нә аjғу керәк нә кəілғу керәк* (27, 23) 'что надо сказать, что надо делать'; *түнлә узақ jатмағу керәк* (26⁶, 26) 'ночью не следует долго спать'; *біз сәңә бүткү ермәзміз* (30⁶, 35) 'мы не поклоняемся тебе'; *көркүткү үчүн* (28, 24) 'дабы показать' и т. д.

Редкое в орхонской письменности глагольное имя на *-ғу, гү...* (NF, 97) довольно обычно в более поздних памятниках XI — XIV вв. Развитие причастия на *-ғу, -гү*, различные функции его представлялись по-разному: отглагольным именем, неопределенным наклонением, именем глагола (АФ, LVIII), показателем будущего глагола.[1] Это отражает действительное положение вещей, т. е. функциональное разнообразие формы на *-ғу, -гү...*, напр.: *кəані емді кəачғу jолум* (KB, T, 96, 4) 'где теперь моя дорога для бегства'; *Касурні көргү көңлүң бар ерсә...* (Рбг I, 287, 1) 'если у тебя есть желание видеть Касура'; *jана jанғу ермäс кечүрміш күнүң* (KB, T, 101, 5) 'снова не вернется твой пережитый день'; *сәнің атің әдгун jірақ барғу бүт* (Хиб.-Хак.) 'слава твоего имени далеко разнесется, верь'; *мәніңдә кедін сән некү кəілғуң* (KB, T, 103, 13) 'после меня что ты будешь делать' и т. д.

§ 39. В редких лишь случаях в „тефсире" будущее-определенное на *-ғусі, -гүсі*, напр.: *анің таба барғусі сіз* (92, 14) 'к нему отправитесь вы' и т. д.

Обычнее в „тефсире" будущее на *-асі: ол мусулман боласі ерсә* (55⁶, 6) 'если он будет мусульманином...'; *аjа мінäсі шакəтін* (68⁶, 2) 'когда на него (сидение) будут садиться'; *hіджрät кəіласі турур jа'ні келäсі турур* (49⁶, 10) 'переселится', т. е. 'прибудет'; *нä кім болміш такəі нä кім боласі турур* (133, 3) 'что было и что будет'; *біз сәнің бірлä токəушасіміз jоқ* (143, 16) 'мы с тобой не намеревались воевать' и т. д.

Махмуд Кашгарский противопоставляет форму на *-ғу* (*барғу ер, турғу оғур*) как (восточно=) „тюркскую" форме „огузской на *-асі* (*барасі ер, турасі оғур*).[2] Подмены *-ғу//-асі* встречаются иногда по разным спискам Рабгузи (напр. Рбг I, 287, 14; ср. сноску 24): *мäңä нä джаза бергüсі* (= А: *берäсі*) 'какое наказание даст мне' и т. д. В современном узбекском языке *келгусі//келасі* 'будущий' (год и пр.), каз., кирг. *келесі*; ср. каз. *аласі, бересі*, кирг. *аласа, бересе* 'кредит', 'долг', 'причитающееся получить', 'отдать' и т. д.

§ 40. В спряжении настояще-будущего глагола одна особенность: наряду с предикативным местоимением 1 л. мн. ч. *-міз*, весьма обычна „огузская" форма на *-уз* (*-із*), напр.: *білүрүз* (72, 12) 'мы знаем'; *ані сізму бітрүрсіз ja бізму бітрүріз ані* ($70\frac{6}{12}$) 'вы ли взращиваете то, или мы взращиваем'; *өлдүкі үчүн jіғлашмазуз wä лекін білмазміз...* (71⁶, 16) 'мы не плачем из-за его смерти, но не знаем...', *біз кəачан өлäуз тобрақ болауз* (70, 1) 'когда мы умрем, станем прахом'; *сәнің бірлä істäуз... бірлä бараuз* (137, 8) 'с тобой быть желаем... мы вместе пойдем'; *емді jағмур шакəті jоқ, ані тегäуз* (71, 14) 'теперь не время дождей, (чтобы) мы говорили это'; *тілäсäуз hақ jолда тузғajуз* (126⁶, 1) 'если пожелаем,

[1] Там же, стр. 20 и т. д.
[2] C. Brockelmann, ук. соч., стр. 39.

создадим на пути истины'; *біз фаландін јікрäкуз* (141 17) 'мы лучше такого-то' и т. д.

Формы на *-уз* (*-із*) весьма обычны для языка „Китаби-Коркуд", напр. *біз аң қафтан кіjäріз* (КК, IV, 8,3) 'мы одеваем белые кафтаны'; *бу üч нäсінä аңа армуған аппарсауз герек еді* (КК, IV, 3,8) 'эти три вещи мы должны были отнести ему в подарок'; *ешларні біз jіқмішуз тола тола шаһбаз атларні біз бінмішüз* ... (КК, III, 038, 84) 'дома мы разрушили, на табуны быстрых коней мы сели' и т. д.

Ближайшим образом это явление примыкает к современным узбекским говорам — ташкентскому и сайрамскому, где после конечных гласных *-міз* > *шуз* > *уз*, напр. *һäммäуз тüшäуз* 'мы все выходим' и т. д.

§ 41. Прошедшее-результативное отличается своими особенностями: 1 л. ед. ч. на *-дім*//*-дум*, 2 л. ед. ч. *-дің*//*-дуң*, вне зависимости от губного или негубного в конечном слоге соответствующей основы, напр. *мän сäні көрдім ерсä улуң тутдум аjтдум* ... (143, 26) 'лишь только я увидел тебя, принял за знатного, сказал ...'; *қоздüң* ... *кірдің* (60⁶, 4) 'ты оставил, ты вступил' и т. д.

Окончания *-дум*//*-дуң* предпочтительнее после губных, но не обязательно, как в современных узбекских говорах самаркандско-бухарской группы.

Аффикс 3 л. в конечном открытом слоге всегда *-ді*.

Во мн. ч. в полной мере сохранился древний аффикс 1 л. мн. ч. *-діміз*, наряду с более редким в „тефсире" *-дук* (*-дük*), напр. *анї кім қілдіміз ташба қілдук* (101, 6) 'в том, что мы сделали, мы раскаялись'; *сän аjтдің біз ешітдіміз* (146, 20) 'ты сказал, мы слышали'; *джашаб бердіміз jа-'ні jанут қілдіміз* (36, 13) 'ответ дали мы', т. е. 'мы ответили', и т. д.

В современных узбекских ташкентском и каршинском говорах наличествует такая же форма 1 л. мн. ч. на *-діміз*.

Для 2 л. мн. ч. — *діңіз* (*лар*): *хілаф қілдіңізлар* (23⁶, 1) 'вы противоречили' и т. д.; в 3 л. мн. ч. при наличии согласования во мн. ч. обычно аффикс мн. ч.: *кетділäр*, *jаптілар* и т. д.

§ 42. Прошедшее причастное от причастия на *-міш* обычно в значении прошедшего независимого от результата действия, т. е. обозначает действие, происходившее в прошедшем или происходившее в прошедшем и еще продолжающееся в настоящем (ср. NF, 113).

Напр.: *уламалар андаң аjмішлар* (10, 11) 'ученые так сказали (= говорили); *қаjусінің елкі сінміш қаjусінің буті аδақі сінміш* (38, 35) 'у некоторых из них сломались руки, у некоторых ноги сломались'; *роза тутміш мän теб аjғіл* (18, 31) 'скажи: я, дескать, держала (и держу) пост', *üч jуз jіл артуқрақ болміш кім біз мунда ерміш міз* (9⁶, 31) 'более трехсот лет исполнилось, как мы здесь находились (и находимся)' и т. д.

§ 43. От того же причастия на *-міш* образуются описательные формы с глаголами: *тур-* 'стоять', 'пребывать', 'находиться' в настояще-будущем времени, и *ер-* 'быть' в прошедшем времени.

1) С глаголом *турур* образуется прошедшее-настоящее: *бірäгü келміш турур мундаң сöз сöзлäр* (9⁶, 17) 'пришел некто и говорит такие слова'; *дакjанус мäлік кечкäлі ікі üч jüз артук болміш турур* (9⁶, 15) 'с тех пор как умер царь Дакьянус (Диоклетиан), прошло свыше двухсот—трехсот лет; *ол теңрікä кім сізлäр бütміш турур сізлäр мän jämä бütміш турур мän* (9, 21) 'тому божеству, которому вы поклоняетесь, я тоже поклоняюсь' и т. д.

2) С глаголом *ер-* (в форме прошедшего результативного) образуется давно прошедшее: *абу- джаһл қабуғінда олтурміш ерді* (27⁶, 28) 'Абу-

Джахль сидел у ворот'; *ʿомарнің қатіқ өфкäсі келміш ерді* (27,12) 'Умар сильно рассердился'; *јатміш үзіміш ердіміз бу күнкä текі* (9⁶,16) 'мы лежали, спали до сего дня' и т. д.

Согласование компонентов описательного глагола с подлежащим в числе колеблется: *болміш ерділäр* (26⁶,2) 'стали', *болмішлар ерділäр* (26⁶,11) 'были'; *чадірларі... јердä мақам қілмішлар ерді* (132,14) 'шатры свои... устанавливали на земле' и т. д.

§ 44. Параллельно такие же описательные формы образуются и от причастия на *-дук* с помощью тех же вспомогательных глаголов:

1) *һеч тегмäдük турур мундін оң* (67⁶,6) 'не доходили никогда до этого'; *һеч көз андаң көрмäдük турурлар* (67,3) 'никогда такие глаза не видели' и т. д.

2) *һеч кім ерсä анің кäбі көрмäдük ерді* (142⁶,10) 'никто не видел подобного тому'; *јасатмадук ерді* (132,10) 'не сотворила' и т. д.

§ 45. Особо выделяется относительная форма из спрягаемого прошедшего-результативного с вспомогательным глаголом *ерді*, подчеркивающая законченность действия, напр.: *бу тајақ һäм ол тајақ турур кім оңдін чіқардің ерді* (28⁶,25) 'и эта палка та, которую ты уже выносил прежде'; *ол шақтқа тексün кім сäнің қојларің једі ерді* (39⁶, 4) 'до той поры, когда потравили (посевы) твои овцы'; *қілмаді му ерді шаʿда сізлäркä* (23,9) 'не делал ли обещаний вам' и т. д.

§ 46. Прошедшее длительное или многократное, если исключить противоположное понятие однократности действия, образуется обычным путем от причастия настояще-будущего с спрягаемым вспомогательным глаголом *ер-* 'быть' в прошедшем времени. Напр.: *фарʿун қізінің башін тарар ерді* (133,11) 'расчесывали голову дочери фараона'; *бајрам келсä улуң кічік барча јазіңа чіқар ерділäр* (38,20) 'когда наступал праздник, большие и малые (= знатные и простые) все выходили в поле' и т. д.

Согласование частей описательного глагола в числе с подлежащим колеблется; аффикс мн. ч. обычно при причастии, но может быть и при вспомогательном глаголе: *чун сафарңа кетärлäр ерді* (110,19) 'когда они отправлялись в путешествие'; *булар ајрук јердін таʿам кетürüлäр ерді* (143⁶,12) 'они приносили еду из других мест'; *бірі üчün біріні öлдürүр ерділäр* (60⁶,9) 'за одного убивали другого' и т. д.

§ 47. Сослагательный глагол не отличается по форме от многократного глагола, но предполагает обязательно условие совершения действия, условный глагол: *қачмаса öлдürүр ердім* (28,4) 'если бы он не убежал, я убил бы' и т. д.

Сослагательный глагол образуется также от будущего глагола на *-ңај, -гäј...* с помощью вспомогательного глагола *ер-* 'быть'; *білсäм мäн кäндü öзümні фіда қілңај ердüм* (146⁶,1) 'если бы я знал, я принес бы себя в жертву'; *äгäр бір һур бу дунјака бақса сüкäллäр сäһт болңај ерді* (61,1 сн.) 'если бы хоть одна гурия взглянула на этот мир, больные стали бы здоровыми' и т. д.

Параллельная форма с глаголом на *-ңа, -гä...* отличается своим порядком согласования в лице частей глагола-сказуемого с подлежащим: *түрк болсам ердüм сäнің бірлä ғазілік қілңам ерді* (138⁶,9) 'если бы я был тюрк, то я воевал бы с тобой (как гази)' и т. д.

§ 48. Описательные глаголы с глаголом *ер-* 'быть' подверглись в живой речи „морфологическому опрощению" в результате редукции начального слога вспомогательного глагола, откуда и в книжной традиции вторичные формы: *täбл урарларді* (89⁶,3) 'били в барабан'; *äгäр болсаді раст* (82⁶,11) 'если было бы правдой'; *бу суw сізкä јер јüзіндä јürімäсäді*

(98, 18) 'если бы не шла эта вода для вас по лицу земли'; *болмазді* (82⁶, 11) 'не был бы'; *қамуң ачің дарјалар сүві шор болмағајді* (67, 9) 'воды всех горько-соленых морей не были бы солеными' и т. д.

Аналогичные формы по КВ: *кетärді* (В: *кäдäр кör*) *татің* (КВ, Т, 109, 2), с неясным значением. В „Китаби-Коркуд" такого рода факты весьма обычны: *таш атарді* (КК, III, 043, 23) 'бросал камни', '... *атдіңі таш ерä тüшмäзді*' (там же) 'брошенные им камни не падали на землю'; *тутмїшларді* (КК, II, 177, 10), *дерläрді* (КК, I, 209, 2): *ј'қїлмїшді* (КК, II, 180, 14) и т. д.

§ 49. Причастие *еркän* образует с настояще-будущим причастием знаменательного глагола особого рода синтаксическую конструкцию придаточного обстоятельства времени (='в то время как', 'между тем как' и т. п.), известную и в живых тюркских языках, в узбекском в частности (ср. в турецком „сложное деепричастие' =gérondif composé) на *-кен, ікен*,[1] ср. *кіјікä атаркän оқлä сäні урар* (КК, II, 179, 9) 'когда будет он стрелять в кийика, ударит тебя стрелой' и т. д. Примеры из „тефсира:" *ураңуті ујур еркän сачі бірлä бағладі* (139⁶, 21) 'жена его, пока он спал, привязала его за волосы'; *фар'ун қізініңъ башін тарар еркän ерклў тüшді* (133, 11) 'в то время как она расчесывала волосы дочери фараона, пришло ей на ум' и т. д.

Такого рода синтаксическая ситуация построена на использовании семантики причастия *еркän* и обычна не только в составе „сложного деепричастия", но и в независимой позиции, напр.: *атасі јіґт еркän öлді ол такі јіґіт еркän öлгäј* (57, 6) 'отец его умер, когда он был молодым и он тоже умрет, будучи молодым'; ср. аналогичную ситуацию в КВ: *кічік еркän огрät оңулқа білік* (КВ, Т, 118, 3) 'обучай сына знанию пока он молод (=мал)' и т. д.

Причастие *ерміш* в составе описательных форм выражает момент предикации с некоторым оттенком неожиданности данного факта для говорящего *бу ікі јашлақ джадулар турур ермішläр* (30, 31) 'эти двое, оказывается, чрезвычайные фокусники-чародеи'; ср.: *аjділар... јашлақ джаду ерміш сän* (Рбг I, 291, 11) 'сказали... ты, оказывается, чрезвычайный чародей' (ср. еще Рбг I, 287, 4; 290, 18; 291, 11 и т. д.). Иногда причастие *ерміш* сопровождается еще и предикативным аффиксом *-дук: бустан бізім ермäз ермішдук* (103⁶, 19) 'сад не наш, оказывается' и т. д. Такого же рода аффикс сказуемости у Навои.[2]

Значение неочевидности действия выражает аффикс *-міш* (<*ерміш*): *ḥал нечük болурміш теділäр* (49⁶, 10) 'каково же будет положение, сказали'; *сöзläрміш* (13, 2) 'говорят, передают' (=арм. ասում է) и т. д.

§ 50. Группа сложных глаголов дополняет образование глагола новыми особенностями.

1) Значение начала действия выражается деепричастием на *-а -у, -ју* спрягаемого глагола с помощью вспомогательного глагола *башла*, 'начинать', напр.: *јаңмур јаңа башладі* (28⁶, 29) 'дождь начал итти'; *сүв ақа башладі* (38⁶, 30) 'вода начала течь'; *ішчілäр ішläју башладілар* (132⁶, 12) 'работники начали работать' и т. д.

2) Значение едва не совершившегося действия выражается деепричастием на *-а, -у, -ју* знаменательного глагола с помощью вспомогатель-

[1] J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 948, 1351.

[2] А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. Сб. „Алишер Навои", М.—Л., 1946, стр. 116.

ного глагола *јаз-* 'ошибаться, грешить', напр.: *өлдүрү јазді* (27⁶, 23) 'едва не убил'; *көклär кесäк кесäк болујазді* (16, 2) 'небеса едва не раскололись на части'; *јарілу јазді јер тӱшä јазді тағлар* (16, 3) 'чуть не разверзлась земля, чуть не упали горы' и т. д.

3) Значение намерения выражается причастием настояще-будущим спрягаемого глагола с помощью прошедшего глагола *бол-* 'быть', 'становиться', напр. *тајақ керäк болур болді* (28⁶, 20) 'понадобилась палка' и т. д., ср. по Рбг: *кішілär јіғіліб келділär асрамақға алур болділар* (1, 288, 8) 'собрались люди, на воспитание взять захотели' (ср. 1, 288, 13; 290, 9; 292, 3 и т. д.).

4) Значение направленности действия в интересах другого лица, предмета, беспрепятственного совершения действия выражается деепричастием на *-а, -у, -ју* знаменательного глагола с помощью вспомогательного глагола *бер-* 'давать', напр.: *ол ајту берді* (65⁶, 5) 'он рассказал'; *мäнім тар көңлімні кеңӱтӱ бергіл* (21, 28) 'мое стесненное сердце расширь (=успокой)'; *јадіміздін узу берді* (3, 3) 'исчезло из нашей памяти, забылось' и т. д.

§ 51. Повелительный глагол образует следующие личные формы. Ед. ч.: 1 л. *берäјін*; 2 л. *інануғ, санмаң; ајғіл, ајмағіл;* 3 л. *қалмасун* и т. д. Мн. ч.: 1 л. *қілалім, қілмајалім; берälің;* 2 л. *қіліңлар, қілманғізлар;* 3 л. *алсунлар* и т. д.

Напр.: *аш суш еткіл қаб қабашімні меңман оқіғајін анларқа päнд берäјін* (28, 17) 'приготовь еду и питье, призову-ка я своих близких в гости, дам-ка им наставление'; *јаwуз санмаң қаріндаш болуң* (47⁶, 2) 'не считай злым, будь родным'; *ӱлгӱсіз қалмасун* (39, 10) 'дабы не остался без примеров'; *біз келälім ані туталім теділär* (139⁶, 14) 'придем-ка мы, схватим его — сказали'; *біз сäғä өкӱш мал берälін* (139⁶, 14) 'дадим-ка мы тебе много добра'; *хілаф қілмајалім* (21⁶, 3) 'не станем-ка противоречить'; *ішкä ешмäклік қілманғізлар аһісталік қіліңлар* (52, 8) 'не делайте спешки в деле, будьте осторожными'; *оқ ја алсунлар* (129⁶, 4) 'пусть возьмут стрелы и лук' и т. д.

Повелительные формы в „тефсире" неоднородны, частью повторяют формы, известные по древним памятникам (NF, 90) и более поздним (Рбг, 290, 9; 291, 2 и т. д.)[1] частью же разнятся диалектально, напр. 2 л. мн. ч.; формы 3 л. на *-су* ... нет.

§ 52. Спряжение условного глагола на *-са* ... отличается рядом особенностей.

1) С поссесивными предикативными аффиксами условные глаголы выражают собственно условие следующего действия: *сän ägär қозсаң анларні аздурғајлар сänің қулларіңні* (109⁶, 4) 'если ты оставишь их, — совратят твоих рабов'; *ägär јӱз awурсаңіз* (42⁶, 3) 'если вы отвратите лицо свое' и т. д.

2) С личными предикативными местоимениями условный глагол выражает пожелание, просьбу, синтаксически образуя самостоятельное предложение, напр: *тілімдäкі тӱкӱнні тутчілікні јаза бергіл нä кім мäн сözläсä мäн* (21, 28) 'косноязычие на моем языке устрани, дабы я заговорил'; *болғајму кім бу елдін аδін јерга барса сän* (39, 8) 'возможно ли, чтобы ты отправился в другое место из этого города' и т. д.

Отсюда значение супинума: *унамаділар кім қонуқ тутсалар уларні* (6⁶, 4) 'не согласились (чтобы) принять их на ночлег' и т. д.

---

[1] К. Г. Залеман, ук. ст., стр. 127. — АФ, LVI и сл. — КК, I, 210, 26; IV, 8, 2 и т. д.

Однако при противопоставлении следующему глаголу и эта форма обозначает собственно условие: *ḫуджжӓт белгӱ кӏолса сӓн сӓңӓ көркӱтӓјін* (30,21) 'если ты просишь свидетельства, я покажу тебе'; *ӓгӓр мӓні бір аδ͡ін сілікӓ сіз кӏамуқ андамім етім сӧӈӱкӱндін аδ͡рілур* (27,18) 'если вы еще раз встряхнете меня, все мое тело отделится от костей' и т. д.

3) Условное прошедшее образуется с помощью прошедшего глагола *ер-* и синтаксически также возможно в двояком значении: а) собственно условия, напр: *ӓгӓр ешітсӓ ердӱк ја білсӓ ердӱк болмаҕај ердӱк...* (97,14) 'если бы мы слышали или знали, (то) не были бы...' и т. д.; б) просьбы, пожелания и т. д., напр.: *ӓгӓр кӏајтса ердӱк мӓдінӓкӓ* (91^{6}, 11) 'чтобы нам вернуться в Медину'; *кӓшкі біз такӏі болҕа ердӱк тобракӏ* (123^{6}, 1) 'увы, если бы мы так же стали прахом' и т. д.

4) Особо выделяется условная форма: *болсаді, болмасаді* и т. д.; напр.: *ӓгӓр болсаді раст...* (82^{5}, 11) 'если бы было правдой'; *мубарак болмасаді* (96^{6}, 5) 'если бы не было благословенным' и т. д.

На *-сар* условной формы в „тефсире" нет (NF, 112), у Рабгузи в единичных случаях (Рбг II, 512, 14).[1]

5) Описательные формы условного прошедшего образуются еще и другими способами: а) от причастия на *-міш* с помощью условного глагола *бол-* или *ер-*: *кӏілміш болса* 'если сделал'; *ерміш ерсӓ* 'если был' и т. д.; б) от условного глагола с помощью прошедшего глагола *ер-: болсам ердӱм* 'если бы я был' и т. д.; в) от прошедшего спрягаемого глагола с помощью условного глагола *ер-: текді ерсӓ* 'едва подошел'; *ешітді ерсӓ* 'едва услышал' и т. д.

Напр.: *шӓрр јашуэлікӏ кӏілміш болса...* (140^{6}, 17) 'если совершил злое...'; *бу калам јокӏ ерміш ерсӓ...* (138^{6}, 12) 'если бы не было этого писания'; *тӱрк болсам ердӱм...* (138^{6}, 9) 'если бы я был тюрком'; *ол јаҕачкӏа јакӏін келді ерсӓ ӱн ешітілді* (29,4) 'как только (он) подошел близко к тому дереву, послышался голос'; *'ад ӧлді ерсӓ ікі оҕлі бар ерді* (132, 24) 'Умер Аад (когда) у него было два сына'; *ej кашкі мӓн ӧлдӱм ерсӓ* (12^{6}, 5) 'о, увы, если бы я умер' и т. д.

§ 53. Различаются залоги страдательно-возвратный, взаимный, побудительный.

Страдательно-возвратные глаголы на *-л* и *-н*, напр. *туҕрулді* (12, 7) 'родился'; *бір тараф јікӏілді ол јіҕілміш сушлар јазілді јоллар тутулді суш кӏатілді* (31^{6}, 3) 'одна сторона обрушилась, те обрушившиеся воды разлились, дороги были преграждены, воды слились'; *ӱн ешітілді* (29,4) 'послышался голос'; *тахті алтіна јашінді* (30,29) 'спрятался под троном своим'; *азукӏі тӱгӓнсӓ јана келӱр ерді* (138,14) 'если провизия их кончалась, приходили снова'; *бу сура ајіндукдін соңра* (145,4) 'после того, как была сказана эта сура' и т. д.

Принципиального различия форм на *-л* (страдательный залог) и на *-н* (возвратный залог) казалось бы нет. Есть отдельные случаи различения: *јоллар тутулді* (31^{6}, 3) 'дороги преграждены', *тутунса сӓн* (30,21) 'если ты станешь придерживаться, возьмешь для себя' и т. д., но здесь очень затемнена дифференциация значений; ср. Л. Будагов. Сравн. словарь, I, стр. 743; ср. еще у Рбг: *ӧзлӓрінкӓ мӓлік тутунділар* (Рбг I, 285, 2) 'взяли себе правителя' и т. д.

---

[1] Ср.: W. Radloff. Ujgurische Sprachdenkmäler. Л., 1928, стр. 226, прим. С. Е. Малова к стр. 69.

Обращают на себя внимание подмены по разным спискам КВ: *көңүлкә алынгыл* (Т, 66, 9) и *алылғыл* (В, 41, 22) 'возьми в сердце...'; *атанса* (К: *аталса*) *ат* (Т, III, 8) 'коли наречется имя его' и т. д.

Взаимные глаголы на *-ш: jүгүрүшүрлär анің таба* (89, 19) 'бегут к ним'; *сözлашүр анін бірлä* (3[б], 3) 'разговаривают с ним' и т. д.

Побудительные глаголы на *-т: оратдı* (58[б], 7) 'научил'; *турутдı* 'сотворил' и т. д.; на *-дур (-тур): jаптурдı* (38[б], 12) 'заставил сделать'; *көртärдı* (58[б], 7) 'показал' и т. д.; на *-кут: көркүтäjін* (30, 21) 'покажу ка я'; на *-ур: ічүргäj* 'напоит'; на *-ар: чіқарғајмıз* 'выведем мы' и т. д. Есть и „вдвойне побудительные" формы: *бу хурма куріміш ердı сäңä jашартдıру бердім* (18, 26) 'эта пальма засохла, я для тебя оживил ее' и т. д.

§ 54. Отрицание при глаголе выражается обычной частицей *-ма: білмäзмän* (138, 16) 'не знаю я'; *білмäзміз* (71[б], 16) 'мы не знаем'; *сучсамағајсан* (25, 7) 'ты не будешь жаждать'; *кім ерсäні көрмädı* (132, 18) 'никого не увидел'; *қајтарман* (85, 12) 'не возвращай'; *қорқманлар* (20[б], 9) 'не бойтесь'; *қалмасун* (39, 10) 'пусть не остается' и т. д.

Деепричастие отрицательное на *-мадін*. Отрицательное причастие на *-міш*, как у Навои: *білмämішмän* (129[б], 9) 'не знал я' как у Навои и Бабура, отрицательная форма 1 л. ед. ч. настояще-будущего глагола на *-ман: білмän кім...* (112, 3) 'я не знаю, что...'; *куртулман анің азабіндін...* (111[б], 14) 'не спасусь от его гнева' и т. д. Ср. в „Китаби-Коркуд": *шундан бäрү 'аклім усім дірä білмän* (КК, III, 039, 22) 'с тех пор (как я видел этот сон), я не могу собраться с мыслями и притти в чувство".[1] Особо стоит диалектальная форма отрицательного настоящего-будущего глагола: *чіқмім* (45, 1) 'не выйду'; *қаδғурмім* (45, 4) 'не опечалюсь' и т. д., как в „Китаби-Коркуд": *мän ані қомам* (=*коjмім*) и т. д. (КК, I, 210, 14) 'я его не оставлю' и т. д.

§ 55. Отрицание возможности действия обычно на *-ума*. Предполагается, что эта древняя категория отрицания возможности действия образовалась с помощью отрицательной основы глагола *у-* 'мочь', т. е. *ума...* С предшествующим деепричастием на *-у* эта отрицательная основа составляла описательную форму (*қılу умаз біз* 'мы не сможем сделать' и т. д.). В „Кутадгу-билиг", „Хибатул-хакаик", у Рбг и средневековых малоазийских писателей форма эта неразложима.[2] Неразложима эта форма и в „тефсире", напр.: *джашаб берумаділар білмädілär* (39[б], 22) 'ответить не смогли, не знали'; *от üскүнкä jашук қелумадı... от текрä jергä кім ерсä барумадı ердı* (38[б], 16) 'близко к огню не могли подойти.. никто не мог двинуться к месту вокруг огня'; *ол отға кім ерсä jақін барумас ані отға атумаслар* (38[б], 18) 'никто не может итти близко к тому огню, не могут бросить его в огонь'; *сän мänім бірлä сäбр қılумағајсан* (11, 8) 'ты со мною (быть) не сможешь вытерпеть' и т. д.

Следует отметить и параллельные глаголы с деепричастием на *-jу*: *анлар сözлäjүмäслär* (38[б], 7) 'они не могут говорить' и т. д., как по КВ: *ḥақіңні өтäjумадім мän сänің* (КВ, Т, 122, 10) 'я не могу компенсировать заработанного тобой' и т. д. Это обстоятельство подчеркивает самостоятельность деепричастия на *-у*, и *jу* и ставит под сомнение участие в образовании этой формы отрицания возможности действия глагола *у-* 'мочь' (*-ума* 'не мочь'), вместо обычного отрицания, т. е. *қılу + ма — dі*, *сözлäjү + mä — dі* и т. д.

---

[1] А. К. Боровков, ук. соч., стр. 109 сл.
[2] W. Radloff, ук. соч., стр. 224.

Все другие формы отрицания возможности действия являются описательными: *hеч іш раст кӷілу білмәді* (47,9) ‘никакого дела не могли делать правильно’; *мәні сән өлтүрү білмәз сән* (129⁶,2) ‘ты не можешь убить меня’ и т. д. Однако такого рода описательные глаголы допускают положительную форму возможности действия, в первом же случае положительные формы неизвестны. Именно поэтому можно допустить, что форма на *-ума* скоро подверглась морфологическому опрощению и стала неразложимой.

§ 56. Форма на *-дачі* в „тефсире“ сопровождает обычно перевод арабских причастий действительного залога: *мән кілдачі мән* (2⁶,4) ‘я делающий’ (перевод араб. إِنِّي فَاعِل); *күч кӷілдачі* (32,11) ‘жестокий’ (=ар. ظَالِمَة), либо, в том же значении, *күч кӷілҕанлар; өлдүрдәчі өзуӊні* (1,2) ‘убивающий себя’ (=ар. بَاجِع نَفْسَك) и т. д.

Форма эта иногда и в определительной функции: *кечміш келдәчі гунаһлар* (128⁶,10) ‘прошлые и грядущие грехи’ и т. д.

Значение форм на *-дачі* ближе к причастию будуще-настоящему, напр.: *јер үзрә болдачі турур һәләк болҕусі турур* (65,2) ‘на земле находящееся погибает’; *ердәкіләр һәләк болдачі* (65,11) ‘находящееся на земле погибает’; *ваʿдасі келдәчі ол* (14⁶,8) ‘обещание его исполнится (придет)’ и т. д.

Те же значения по KB: *сәріб турдачі* (B: *удру титчі*, K: *утру турҕан*) *әр.*; KB, T, 106,14; B, 54,25; *өлүмкә кәчік* (B: *өлүмдін кәчіш*) *јоқ тірік болдачі нәчә ма* (B: *нәчә кәч*) *тірілсә өлүм* (B: *ол-ок*) *келдәчі* (B: *өлдәчі*); KB, T, 121,4; B, 61,28.

В. В. Радлов рассматривал форму на *-дачі* в языке орхонской письменности как Nomen actionis (NF, 96) или Nomen agent'is (NF, 119); встречается эта форма в древне-уйгурском и в Codex Cumanicus;[1] Махмуд Кашгарский поясняет весьма туманно значение этой формы (MK-V, 36—37).

§ 57. Значение формы на *-дачі* очень близко значению, обычному в „тефсире“ отглагольному имени действующего лица на *-ҕучі, -гүчі*. Часто они замещают друг друга: *күч кілдачі* (32,11) и *күч кӷілҕучі* (132,25) ‘жестокий’, *јаратачі* (3⁶,8) и *јаратҕучі* (28⁶,1) ‘творящий’, ‘творец’ и т. д.

Агентивное значение *-ҕучі, -гүчі*... переплетается с причастным *бурхан јонҕучі ерді* (38,4) ‘был резчиком (ваятелем) идолов’; *тірікліқ бергүчі ол турур* (146,25) ‘он есть дающий жизнь’ и т. д. (NF, 97, и 118; MK-V, 41).

§ 58. Глагольное имя на *-мак, -мәк* клонит к супинуму, откуда значение инфинитива: *сізларні бу елләріӊізні чікармак тіләрләр* (30,32) ‘вас и этот народ ваш хотят вывести’; *бајран кӷілмак мәӊә буірур* (48⁶,9) ‘уничтожать мне приказывают’; *аӊа ел узатмак һаджәт болмаҕај* (66⁶,16) ‘протягивать к ним руки не будет нужды’ и т. д.

При наличии аффикса мн. ч., поссесивных и падежных аффиксов глагольное имя на *-мак, -мак* разделяет все особенности существительных: *сүүнің ајрілмаҕі* (31,33) ‘разделение вод’; *бір урмакҕа мің кӷатла урҕіл* (145,27) ‘за один удар ударь тысячу раз’ и т. д.

[1] С. Е. Малов, ук. соч., стр. 223.

Глагольное имя на *-ш* редко: *јаніш* (5, 2) пер. ар. مَصْرِفًا и т. д.

§ 59. От глагольного имени на *-мак꞉*, *-мäк* с помощью аффикса *-лік꞉*, *-лік* образуется существительное с отвлеченным значением: *узілмак꞉лік꞉* (6^6, 6) ʿотдаление, разлукаʾ; *ɑδірмак꞉лік꞉* (34^6, 2) ʿотделениеʾ и т. д. Отрицательная форма образуется особо, от отрицательного причастия будущего: *ешітмäзлік* (108, 18) ʿне слушаниеʾ и т. д.

§ 60. Образование глагола от имен главным образом посредством аффикса *-ла: јалінланур јалін* (38^6, 34) ʿпылающее пламяʾ; *келлäнсäлäр кел болур* (127, 7) ʿесли измеряют на меры, получается мераʾ и т. д.

Аффикс *-сун, -сін* образует глагол от имени в особом смысле... *-улуɣсінді јаʿні кібр кäлтїрді* (117, 5) ʿвозгордилсяʾ, т. е. ʿобнаружил гордостьʾ; *улуɣсунурлар özläріні* (90^6, 7) ʿвозвеличивают себяʾ и т. д.

Выделяется случай превращения в глагол (= псевдо-причастие) существительного *öfkä* ʿлегкиеʾ в переносном смысле — ʿгоречьʾ, ʿнедовольствоʾ, ʿраздражениеʾ: *јанді... öfkän к꞉ɑδɣулук꞉* (23, 9) ʿвернулся... гневный, печальныйʾ.

КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятников для истории узбекского языка раннего периода, XI—XIV вв., казалось бы у нас достаточно, причем первоклассных для истории языка, какими, несомненно, являются словари Махмуда Кашгарского и Замахшари, поэмы Юсуфа Баласагунского и Ахмеда Югнаки, „Сказания о пророках“ Рабгузи и т. д. Однако непрерывной традиции не сохранилось; значительная часть памятников известна нам лишь в поздних редакциях, не ранее XV в., и совершенно не изучена. Таким образом, необходимо воссоздать историю языка методами научного языковедения. В этой связи каждый новый памятник раннего периода имеет огромное значение.

Среднеазиатский „тефсир“ по языку примыкает к памятникам XI—XIV вв., когда в литературе господствовал δ-диалект. Язык „тефсира“ неоднороден и отражает тем самым диалектальную пестроту, существовавшую в момент если не появления, то, во всяком случае, переписки его. Важнейшим, с этой точки зрения, фактом является наличие в „тефсире“ „восточных“ или „караханидских“ элементов и, наряду с ними, „юго-западных“ или „огузских“. Источники этих диалектальных элементов находятся в самой Средней Азии. Но „юго-западные“ или „огузские“ элементы в „тефсире“ являются современными его автору или переписчику, обнаруживаясь сплошь и рядом в целых фразах, в лексике. Возможно даже допустить, что переписчик столкнулся с несвойственными ему языковыми (диалектальными) нормами и устранял их, но не регулярно, иногда подправляя их, напр.: *сäніӈ алтін јаʿні арк꞉а* (12^6, 7) ʿтвоя спинаʾ и т. д. В дальнейшем эти диалектальные источники сыграли свою роль в образовании специально поэтического языка, достигшего такого блеска в творчестве Алишера Навои, категорически порвавшего с литературной традицией δ-языка, который постепенно отступал под напором живых узбекских говоров в Хорезме, в низовьях Сыр-дарьи, в Бухаре и в Фергане,

П. В. ЕРНШТЕДТ

К ДЕТЕРМИНАЦИИ В КОПТСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В коптской грамматике категориями, тесно связанными с категорией детерминации, представляются следующие: глагольное управление; системы времен презентическая и непрезентическая; именное управление; предикативность; отрицание; отдельные типы предложения, устанавливаемые по признаку принадлежности сказуемого к той или другой части речи; определительное предложение.

Если к этому перечню я прибавлю сложно-подчиненное предложение в той его разновидности, в которой участвует определительное придаточное, то целью настоящей статьи окажется показ обнаруженной мною возможности связать категорию детерминации с названной разновидностью сложно-подчиненного предложения еще по-новому — со стороны согласования в роде, а тем самым и с категорией рода.

Статья возникла в результате одного наблюдения в области употребления неопределенного артикля в текстах Шенуте,[2] причем самая форма здесь своеобразно замешана. Поэтому несколько слов о ней. Есть две формы, по одной для каждого из чисел. Форма ед. ч. гласит *у*, форма мн. ч. — *хен*. Этимологически обе они являются редуцированными в проклизе формами слов более полного звукового состава, причем эти нередуцированные экспираторно самодовлеющие слова продолжают существовать в свою очередь в ед. ч. в виде форм *уа̀* (м. р.) и *уѝ* (ж. р.), а во мн. ч. в виде обоего рода формы *хойне*. Значения у тех и других приблизительно следующие:

уа̀, уѝ

1) числительное ‘один’, ‘одна’ без исчисляемого,
2) ‘нечто одно’, ‘нечто единое’ (м. р. и ж. р.),
3) ‘некто’ (‘некий мужчина’, ‘некая женщина’),
4) ‘таковой’ — субстантивный анафорический субститут.

---

[1] К передаче коптского текста здесь применена русская гражданская азбука. Это не вызовет затруднений, поскольку статья преследует цели только синтаксического исследования.

В статье применены следующие сокращения:

НА — неопределенный артикль;
П — предложение;
Т — тип;
ИТ — именной тип;
ПИТ — предложение именного типа;
БеПИТ — бессвязочное предложение именного типа;
ОП — определительное предложение;
ОПВеТ — определительное предложение вербального типа.

[2] При цитации пользуюсь сокращениями: Шен. Лейп. — Sinuthii archimandritae vita et opera omnia edidit J. Leipoldt, III, IV; Шен. Амел. — Oeuvres de Schenoudi, texte copte et trad. française par É. Amélineau 1. 2.

хойне

1) 'несколько человек', 'некоторые (люди)' — неопределенная количественность,

2) 'некие люди' — неопределенная предметность,

3) 'таковые' — субстантивно-местоименное сказуемое ПИТ, анафорическое по отношению к знаменательно-субстантивному сказуемому же.

Проклитические формы обоего рода:

у

1) числительное 'один, одна' при исчисляемом,

2) 'некий', 'один' (НА) — в сочинении,

3) единичный представитель, 'некто', 'таковой' — в подчинении.

хен

1) 'несколько' (любых предметов, не только одушевленных), 'некоторое количество';

2) 'некие' (НА мн. ч.)
3) 'представители', 'таковые' } перед определением.

Употребление *хойне* в качестве анафорического субстантивно-местоименного предикатива представляет собою редкость, и его обычно заменяет соединение формы НА *хен* с существительным. В связи с этим О. Э. Лем в своей статье „Ein eigenthümlicher Gebrauch von hoine“ [1] отмечает и документирует тот поразивший его факт, что *хойне* 'некоторые' иногда встречается в смысле нашего предикатного 'таковые'.

Я поведу речь об особом употреблении только проклитичных форм *у* и *хен* перед голыми единичными лексемами имен,[2] при которой форма сочетания ничем не отлична от формы тех нормальных сочетаний НА с именем, которые послужили коптологам-грамматистам основанием к приравнению коптской категории НА к сочетаниям из НА + имя в западноевропейских языках.

Но я буду говорить об иной внутренней форме, принципиально сходной с той, которая наблюдается в случаях, также приводимых в грамматиках и привлекаемых ниже, — употребления проклитичных форм *у* и *хен* перед атрибутивными словосочетаниями, отличающимися детерминацией отнюдь не нулевой. В последних мы явно имеем дело первоначально не с сочинительно-определительной ролью НА по отношению к имени, а с соотношением подчинительно-определительным, при котором функция определения присуща комплексу или слову, префиксуемому артиклем.

Средой вновь наблюденного особого в указанном сейчас смысле употребления форм *у* и *хен* является БеПИТ, в частности та его разновидность, для которой характерна принципиальная необязательность совпадения в роде между именем сказуемого и энклитическим личноместоименным подлежащим.

В порядке пояснения для неспециалистов замечу, что оформление сказуемого ПИТ без которого-нибудь из двух артиклей, определенного или неопределенного, не допускается. Определенный, дифференцированный по роду, неизменно согласуется с префиксуемым им именем. Относи-

---

[1] O. Lemm. Kleine koptische Studien. VII. Изв. Ак. Наук, 1899, май, т. 10, № 5, стр. 414 и сл.

[2] Случай единичных лексем имен является только основным или типичным для префиксации НА и (ОА); мое наблюдение не имеет дела с другими случаями, из которых при одном мы имеем атрибутивную группу, а при другом субстантивное предложное сочетание.

тельно НА, имеющего общие для обоих родов формы, вопрос о согласовании с префиксуемым как, видимо, в синхронном плане грамматически беспредметный никогда и не возникал. Сообразно с этим, при констатации расхождения или же совпадения в роде главных членов БеПИТ (как и всякого ПИТ) естественно всегда приходилось иметь в виду момент рода в лексической характеристике того имени, которое вместе с артиклем составляло сказуемое. И вот при этом-то положении дела внимание автора было приковано фактами, говорившими, несмотря на вышеупомянутое отсутствие у неопределенного артикля морфологических показателей рода, о том, что НА играл в известных условиях роль, не идущую в отношении согласования в ногу с ролью им префиксуемого имени.

Эти условия оказались наличествующими, точнее, в таком БеПИТ, которое осложнено присутствием ОПВеТ, определяющего сказуемое, причем евристически „зрячим" оказывается только тот из вышепредусмотренных случаев отсутствия принципиального согласования главных членов, который выражается в фактическом различии их рода, в то время как случай фактического совпадения рода непрозрачен в отношении динамики согласования и, одинаково с простым БеПИТ, неспособен что-либо обнаружить из подоплеки НА.

Материал со сложно-подчиненными БеПИТ указанного только что состава обнаружен в пределах нескольких страниц связного текста Шенуте и состоит из пятнадцати предложений, читаемых в славословии в честь богородицы среди длиннейшей серии простых БеПИТ. Материал этот однобок в том отношении, что он иллюстрирует только один из двух мыслимых и, несомненно, существовавших случаев распределения рода в неравнородных БеПИТ, а именно случай: подлежащее — ж. р., сказуемое — м. р. В параллельном и одинаково стилизованном, но значительно более кратком, славословии на Иисуса Христа, там же, все БеПИТ оказываются простыми, и ввиду этого пока приходится удовольствоваться бесспорным постулатом о существовании коррелятного случая (подлежащее — м. р., сказуемое — ж. р.) и попытаться в будущем восполнить пробел путем дальнейших поисков, или, если я ничего не пропустил, с помощью новых источников.

После всего сказанного, я могу приступить к показу примеров и их комментированию, чтобы затем перейти к формулировке вытекающего из них положения и подкреплению его столь же характерными, но, в большинстве своем, менее яркими фактами в основном того же порядка.

ПРИМЕРЫ ОП В СОСТАВЕ БеПИТ ИЗ ТЕКСТОВ ШЕНУТЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Подчиняющее П, как оговорено выше, относится к БеПИТ. Этот тип имеет в качестве подлежащего всегда личное местоимение. Те случаи, когда в качестве такого подлежащего выступают 1-е и 2-е лица личного (в этих лицах всегда абсолютного) местоимения, в материале (поскольку он годен для нового освещения неопределенного артикля) не представлены. Мы имеем дело только с 3-м лицом в качестве подлежащего. Местоимение 3-го лица имеет формы: *пе* — для мужского рода единственного числа, *те* — для женского рода единственного числа и *не* — для множественного числа обоего рода. Эта форма местоимения 3-го лица как подлежащее БеПИТ всегда следует за именным сказуемым и является энклитикой.

В отношении распространенного и сложно-подчиненного БеПИТ следует иметь в виду, что энклитики (*пе, те, не*) отличаются тенденцией стоять поближе к именному сказуемому: они либо следуют за именем сказуемого непосредственно, либо пропускают между ним и собой один экспираторный комплекс.

Если существительное-сказуемое имеет не меньше двух определений, из которых первое состоит из одного экспираторного комплекса, а второе — из нескольких, то до энклитики пропускается только первое, а второе следует за энклитикой.

Если многокомплексное определение к сказуемому является единственным, то оно не прерывается энклитикой, а целиком следует за ней. В приводимых примерах с наличием ОП в качестве единственного или второго определения представлены оба названные случая. В единственном примере однокомплексного ОП в роли единственного определения имеет место нормальная согласно вышеизложенному постановка данного ОП перед энклитикой. Аффиксами (=субъектными префиксами и объектными, а также предложнорекционными, суффиксами) согласования в ОПВеТ являются в единственном числе морфемы: *ф* для м. р., и *с* для ж. р.

Оговорка. Коптское ОП в данном его оформлении, в котором оно обслуживает случаи слабой (и нулевой) детерминации определяемого имени, является трояким омонимом, если его брать вне контекста. Из других омонимов один для интерпретации отпадает полностью, поскольку он фунгирует только как главное предложение. Второй из существующих омонимов, который обозначал бы обстоятельственную подчиненность данного придаточного предложения, мог бы послужить основанием к попытке оспорить на нашем материале понимание многокомплексных определений как ОП, если бы это не возбранялось явным параллелизмом между случаями многокомплексности и единственным случаем однокомплексного придаточного предложения (см. ниже пример Шенуте, изд. Лейпольдт 3.61.14); дело в том, что положение последнего перед энклитикой уже формально исключает толкование в смысле сопровождающей обстоятельственности. Опровергается это последнее толкование также анализом смыслового контекста в части примеров.

Обращаясь к показу примеров, я и выдвигаю на первые места те из них, в которых смысловой контекст сразу же исключает (альтернативное в силу упомянутой омонимии) толкование придаточного П не в смысле ОП. На первых этих примерах указываю при помощи стрелок первоначальное направление динамики согласования от его индуцентов к его объектам-результатам.

1. Шен. Лейп. 3.60.19 = Шен. Амел. 1.361.7:[1] *у-ночн-роме-те, ебол ‘че у-патриархес-те е-с-о н-йот н-уон ним ет-щине нса-п-нуте* ‘она — старец (великий человек)’, ибо ‘она — патриарх, являющийся отцом всех, кто ищет Бога’. В целях пояснения способа согласования прибегаю к следующему переводу-комментарию, составляющему попытку с помощью русских языковых средств возможно ближе подойти к адэкватной передаче роли до-коптского прецедента неопределенного артикля как одновременно, в данных условиях, и объекта согласования и индуцента такового: ‘ибо она — едини(чная представительни)ца (от категории) „патриарх“, являющаяся отцом всех’ и т. д.

[1] Страницы 358—364 первого тома издания Амелино по типографской оплошности пагинированы ошибочно 558—564, что здесь исправлено.

2. Шен. Лейп. 3.61.14 = Шен. Амел. 1.362.11: *у-хетнос е-с-ууаб-те* 'она — святой народ', 'она — святая единица категории „народ"' (нашему прилагательному „святой" по-коптски отвечает ОП, дословно означающее „который чист").

В дальнейших примерах я ограничиваюсь во избежание ненужного, как мне кажется, повторения все того же приема пояснения при помощи стрелок и более близкого перевода тем, что снабжаю пометкой „м. р." русский перевод знаменательного существительного сказуемого БеПИТ, а пометкой „ж. р." русское относительное местоимение или окончание русского причастия, передающего префикс глагола ОП и другие аффиксы согласования.

3. Шен. Лейп. 3.58.2 = Шен. Амел. 1.357.2:
у-оохен-есоу-те е-с-на ехун хитн-у-ро ауо е-с-неу ебол хитн-у-ро 'она стадо (м. р.) овец, входящее (ж. р.) через дверь и выходящее (ж. р.) через дверь.'

4. Шен. Лейп. 3.58.3 = Шен. Амел. 1.357.4:
у-шос-те, ере-у-оохе н-есоу сотм е-те-с-сме 'она — пастух (м. р.), голосу которого (ж. р.) внемлет стадо овец'.

Сходно 3.59.18 = Шен. Амел. 1.359.9
у-шос-те, е-с-мооне н-хен-роме хм-пе-с-шаче 'она — пастух (м. р.), пасущий (ж. р.) людей своим (ж. р.) словом'.

5. Шен. Лейп. 3.58.4 = Шен. Амел. 1.357.4:
палин он у-оохе н-есоу-те е-с-сотм е-те-сме н-у-шос у-хие-те ере-н-роме мооше нхет-с 'и в то же время она — стадо (м. р.) овец, внемлющее (ж. р.) голосу пастуха: она — путь (ж. р.), по которому (ж. р.) идут люди'.

Второе из содержащихся в этом примере предложений наглядно показывает, поскольку в нем знаменательное существительное сказуемого имеет ж. р., что согласование в ОП остается независимым от рода знаменательного существительного сказуемого БеПИТ.

6. Шен. Лейп. 3.60.3 = Шен. Амел. 1.360.8:
у-ро-те е-ун-хах на-бок ехун е-п-онх ебол хитоот-с 'она — дверь (м. р.), через которую (ж. р.) многие войдут в жизнь'.

7. Шен. Лейп. 3.60.7 = Шен. Амел. 1.360.11:
у-собт-те е-ун-у-собт ктеу еро-с 'она — стена (м. р.), окруженная (ж. р.) стеной'.

8. Шен. Лейп. 3.61.4 = Шен. Амел. 1362.3:
у-(у)ойн те е-с-мооше хм-п-уойн нта-ф-и е-п-космос 'она — свет (м. р.), движущийся (ж. р.) в свете, пришедшем (м. р.) к миру'.

Этот пример ценен тем, что содержит два случая употребления существительного *уойн* 'свет' м. р. с определительным к нему П: в первом случае, где оно является знаменательной составной частью сказуемого БеПИТ, согласованием ОП игнорируется грамматический род существительного м. р. *уойн;* во втором случае, где *уойн* входит в состав обстоятельства места в ОП, ОП второй степени нормально ориентирует свое согласование на грамматический род этого существительного, снабженного на этот раз определенным артиклем, не дающим никакого повода к иной трактовке.

Предложение тождественного с 3.61.4 оформления, только без ОП второй степени, читается там же 3.58.16 (= Шен. Амел. 2.357.13): *у-(у)ойн-те е-с-мооше хм-п-уойн* 'она — свет (м. р.), движущийся (ж. р.) в свете'.

9. Шен. Лейп. 3.57.6: *у-роме де он-те е-с-мооше хи-у-хие*... 'и она же — человек (м. р.), идущий (ж. р.) по стезе...'

10. Шен. Лейп. 3.57.25 (=Шен. Амел. 1.356.13): *у-ках-те, е-с-ти м-пе-[с]*[1]*-карпос* 'она — земля (м. р.), дающая (ж. р.) свой (ж. р.) плод (или: жатву)'.

11. Шен. Лейп. 3.58.15 (=Шен. Амел. 1.357.12): *у-к[роок] н-чо-те [а-у-чо]*[2] *ебол нхет-с н-у-кроок [н]-карпос н-онх* 'она — семя (м. р.) для посева, из которого (ж. р.) посеяно семя плода жизни'.

12. Там же 3.59.5 = Шен. Амел. 1.358.13:
у-ма н-уойе гар нте-п-нуте-те, ката-тхе нта-ф-чоос нчи п-апостолос, е-с-ти-карпос е-у-онх нилеленех 'ибо она — пашня (м. р.) господа, — как сказал апостол, — производящая (ж. р.) плод для вечной жизни'.

13. Там же 3.58.17, непосредственно вслед за приведенным под № 8 предложением *у-(у)ойн он-те е-с-мооше хм-п-уойн* в издании Лейпольдта читается следующее предложение, содержащее благодаря типографской погрешности несуществующее слово *роу* вместо правильного *еоу* 'сияние', читаемого в издании Амелино 1.357.14: *у-еоу-те ере-п-еоу м-п-чойс ша ечос* 'она — сияние (м. р.), на которое (ж. р.) озаряюще светит сияние Господа'.

Искусственный пример не представленного, но с несомненностью восстановляемого случая ОП к существительному женского рода, подсказывается материалом в следующем виде: *у-хие-пе е-ф-чи ехун е-п-онх* 'он (есть) стезя (ж. р.), ведущая (м. р.) к жизни'.

Архаичность данного рудимента в языке славословия особенно резко бьет в глаза благодаря тому, что всего девятью строками ниже последнего примера мы читаем в цитате из Песни Песней принципиально отличную, нормальную, нивелированную трактовку согласования в БеПИТ с ОП: *у-кепос е-ф-шотм-те.* По принципу „славословия" то же самое предложение гласило бы: *у-кепос е-с-шотм-те.*

Кстати, по поводу среднесвязочного ПИТ с субстантивным подлежащим *та-сне* следует заметить, что обе разновидности связочных ПИТ в памятниках одинаковой архаичности послужили бы наблюдению того же принципа согласования.

Из анализа сопоставленных примеров представляется вытекающим следующее положение.

Если в БеПИТ с энклитическим подлежащим слабо детерминованный субстантивный первый главный член — сказуемое — имеет определение в виде ОПВеТ,[3] то при различном роде главных членов аффиксные показатели рода в ОП, т. е. его либо субъектный префикс, либо суффиксы глагольного или предложного управления, отличаются родом, одинаковым с родом энклитического подлежащего, а не с родом знаменательного существитель-

---

[1] Буква [*с*] не сохранилась (на ее предполагаемом месте лакуна, допускающая восстановление одной буквы). Дополняется она с полной несомненностью согласно принципу согласования, выдержанному во всех прочих примерах. Лейпольдт ошибочно дополняет [*ф*]. Поступая так, ему следовало заподозрить правильность написания [*с*] в *е-с-ти.* То, что у него получилось, не подводимо ни под какой мыслимый принцип и может быть понято только как результат недодуманности.

[2] В этом месте, где Лейпольдт не мог прочесть четвертой буквы, он дополняет [*ет-чо*], нарушая, таким образом, строго соблюдаемое у Шенуте правило о зависимости оформления ОП от степени детерминации определяемого существительного. На месте обозначенной Лейпольдтом лакуны Амелино читает четыре буквы, которым отвечает наша передача [*а-у-чо*]. Я беру это чтение на свою ответственность, как вполне убедительное, но из осторожности пользуюсь прямыми скобками, так как случай ясности чтения для Амелино там, где Лейпольдт не распознавал ничего, совершенно необычен.

[3] ОП адвербального типа в материале отсутствует, но, будучи найдено в языковом пласте одинаковой с Шенуте степени архаичности, несомненно, повело бы себя в равных условиях не иначе, чем ОПВеТ.

ного того предикатного первого главного члена, к которому ОП, по критерию смысла, относится. Поскольку на почве морфологии коптского НА различение родов отсутствует, а оформление ОП должно иметь то или иное оправдание в наличном грамматическом контексте, приходится утверждать, что, в полном противоречии с логикой смысла, в указанной синтаксической обстановке согласование ориентировано на энклитическое личноместоименное подлежащее БеПИТ.

Это противоречивое с логической точки зрения, как и с точки зрения общеизвестных правил согласования ОП, положение дела генетически может быть истолковано только с привлечением истории египетского синтаксиса, как пережиточное реагирование на то, что прецеденту НА *у-* ед. ч. было свойственно проявлявшееся, разумеется, и на согласовании разграничение родов. При этом суть рудимента выражается в том, что результат согласовательного функционирования прецедента НА законсервировался в таком оформлении аффиксов ОП, которое уже не находило оправдания в данном деформантизованном составе промежуточного индуцента.

Настоящий пережиток в условиях сложного целого представляется исключительным по своей выпуклости примером — на этот раз, повидимому, многовекового — расхождения языковой формы с данными смыслового порядка и заслуживает быть признанным как классическое средство иллюстрации огромной подчас жизнеспособности даже самых резких явлений патологии, создающейся на почве выключения сознательного момента в языковом развитии результатами слепых, подсознательных процессов.

Будучи рассматриваем в синхронном плане, выясненный принцип согласования представляется не чем иным, как характерной чертой категории именного предложения сложно-подчиненного, в котором придаточное предложение является определительным по отношению к сказуемому подчиняющего. Надо думать, что такое ОП могло принадлежать к любому Т, а не только к ВеТ, и что представленность в нашем материале только ВеТ является проистечением данной контекстной наличности.

В пределах языка Шенуте рассмотренное явление характеризует, повидимому, только эпизодически представленный языковый слой, к которому речь самого Шенуте в остальном уже не была причастна. Непричастен к нему, судя по тексту Песни Песней, также перевод Ветхого Завета, а также, вероятно, прочая коптская литература.

Не менее определенным и даже непосредственно очевидным следом субстантивного характера НА, а следовательно, изафетного характера сочетания в целом, представляется комбинирование словечек *у-* и *хен-* с такими словами или словосочетаниями, для которых мы по существу их значения никогда не станем ожидать особого показателя детерминации. Сюда относятся:

I. атрибутивные сочетания из адъективных местоимений (указательного и вопросительного значений) и существительного *мине* ‘способ’, ‘толк’, ‘категория’, ‘род’; сочетание с указательным местоимением гласит *тей-мине* ‘этот род’, с вопросительным — *аш-м-мине* ‘какой род’. Давно отмеченное грамматиками соединение с НА дает в ед. ч. *у-тей-мине* ‘некий’ (индивид, предмет) этого „рода“, ‘такой (предмет или человек),’ *у-аш-м-мине* ‘некто или нечто какого рода?“, ‘какой (предмет или человек)?’, во мн. ч. *хен-тей-мине* и *хен-аш-м-мине* ‘некие люди или предметы этого рода’ и ‘люди или предметы какого рода?’, ‘какие?’. В обоих случаях субстантивность НА лежит, так сказать, на поверхности, и только естественно, что не существует параллельного этому употреблению применения

артиклей определенного и нулевого. Зато вполне употребительны подчинительно-определительные, сильно-детерминованные по существу, сочетания с субстантивным так называемым „притяжательным артиклем"

па *та* *на*	*-тей-мине*	индивиды (предметы) ж. р. мн. ч.	такого рода

и

пай *тай* *най*	*н-тей-мине*	ʿэтот (мужчина)' ʿэта (женщина)' ʿэти (люди)'	данного рода

II. субстантивное вопросительное местоимение *у* ʿчто?'.

В языке Шенуте мы имеем особенно хорошо представленными сочетания из *у* ʿчто?' и префигированных ему словечек „неопределенного артикля": *у-у* и *хен-у*. Эти сочетания я встречал у него только в функции сказуемых БеПИТ[1] при лично-местоименных подлежащих, имеющих в случае 3-го лица энклитическую форму, а в случае лиц 1-го и 2-го — форму абсолютного личного местоимения. У меня под рукой два примера, по одному для каждого из чисел; приводя их, я должен сообщить и контекст.

1. Человека, с которым у него возникла потасовка, когда тот без спроса вторгся в пределы монастыря, Шенуте задерживает со словами *нтк-у-у*, которые я предлагаю переводить: ʿты кто такой?', ʿты что за человек? Вопрос значения ʿты — кто?' гласит по коптски: *нтк-ним?* В указанной обстановке вероятен вопрос с уничижительным оттенком (ʿты — каковский?', ʿты — что за тип?').

2. Ведя речь о набеге нубийских племен на Верхний Египет, набеге, вследствие которого монастыри Шенуте наполнились десятками тысяч беженцев, он в одной из своих проповедей, произнесенных по поводу этого события, приводит в противовес ужасу, нагоняемому грабителями и убийцами на сельское население, религиозные мысли о ничтожестве перед богом всех смертных, превозносящихся в гордыне, и в таком контексте восклицает: *хен-у хооф не ептерф ннахрм пнуте,* что я предлагаю переводить: ʿкто они такие, однако, вообще перед богом?', ʿчто они такое вообще представляют в глазах бога?' — опять с тем же враждебно уничижительным оттенком, как и в уже названном вопросе *нтк у-у?*

В обоих моих примерах уничижительный оттенок вопроса проистекает, надо думать, из того, что определением к эмоционально нейтральному *у* ʿодин', ʿнекто', ʿнекий' служит то из вопросительных местоимений, которое, в отличие от одушевленного *ним* ʿкто?', намекает на связь с неодушевленной вещью, причем наличие соответственной качественности отвечает изафетному характеру внутренней формы сочетания. Если *у-* или *хен-* относятся не к одушевленным предметам, а, следовательно, определение через *у* ʿчто?' не создает контраста с точки зрения одушевленности, то в сочетании *у-у* или *хен-у* и не получается почвы для оттенка уничижи-

[1] Вне Шенуте я отметил следующий пример *хен-у* для конечносвязочного ПИТ, Cheltenham. Papyruscodex 6, 20 *Н-kот* н-тхиерусалем *хен-у-не*, что Крум переводит: Was bedeuten die Gebäude Jerusalems? Но совершенно неправильно его примечание в сноске: Wörtl. sind". Из последнего видно, что об изафете между НА и префиксуемым он не подозревал.

тельности: сравни Шен. Лейп. 4.198.3: Апокалипсис Синуфия *ай/нау е-уа хн-нет-уаʒб, а-ф-тоун, а-ф-аспазе ммоу, а-ф-сму ероу. а[й]сотм еро-ф е-ф-таио н-хен-шаче, мпи-име, че* **хен-у-не** ʿЯ увидел одного из святых, как он встал, приветствовал их и благословил их. Я услышал, как он изрекал слова, но я не понял, что они означали (каковы они; некие (от) чего они).'[1]

Если в БеПИТ с энклитическим подлежащим или в связочном ПИТ предикатный главный член состоит из субстантивного обозначения вещества или материала, то наблюдается согласование сказуемого в числе, притом как единственном, так и множественном, и это основано не на уже древней лексической совмещаемости какого-то производного значения предикатного существительного с его первичным значением как обозначения вещества, а на субстантивно-местоименном характере „неопределенного артикля", префигированного предикатному имени, так что согласование распространялось, по крайней мере по первоначальному восприятию, только на местоименный исторический прецедент артикля, оставляя знаменательное существительное в роли определения к нему, безотносительно к его числу.

Пример БеПИТ: Шен. Лейп. 3.60.8: *е-ун-хен-чое м-п̄-бол-м-п-собт, е-хен-хат-не* ʿесть заслоны вне той стены, которые состоят из серебра (некие (от) серебра)'.

Сочетание из *хен* и названий металла обозначает, таким образом, некоторое неопределенное количество изделий из данного металла. Так оно употребляется не только как сказуемое ПИТ, но и в роли любого именного члена П любого Т. Но, по аналогии синтаксиса обозначений отдельных предметов, мыслящихся безотносительно к материалу в качестве образов определенных очертаний. в этих аналитических обозначениях предметов такого-то состава произошел десемантизационный за счет „артикля" сдвиг в пользу знаменательного имени, и этот сдвиг был закреплен за именем в качестве его (теперь уже лексического) значения, что и проявляется формально в употреблении обозначений носителей данного состава в том, что они сочетаются также с артиклем определенным, и притом, между прочим, множественного числа, обозначая тогда множественность определенных соответствующих изделий. Так следует объяснять наличие у слов для понятий „золото", „серебро", „медь" вторых лексических значений „золотой", „серебрянник", „медяк".

Далее, из области употребления неопределенного артикля бросается в глаза тот факт, что им снабжаются в обоих числах существительное значение, которое я по примеру Гийома могу назвать конкретным импрессивным. К этому семантическому разряду принадлежат весьма нередко встречающиеся у Шенуте имена со значением ʿмрак' и ʿсвет'. Что примечательно, это именно то, что они ставятся, между прочим, во множественном числе, но, насколько я знаю, не с определенным артиклем, а только с неопределенным, причем надо оговорить, что особой формы множественного числа у самих-то лексем нет, но критерием наличной множественности служит, как по-коптски обычно, именно только артикль. Важно, что сплошь и рядом они в нулевой степени детерминации употребляются в качестве атрибутивного определения, префиксуемые тогда предлогом *н-*, точно отвечающим французскому de в той же роли. Кроме того, они употребляются как предикативы при глагольной связке для выражения сказуемого качественного содержания (светлый, темный, при-

[1] Сравни выше приведенный пример *хен-у* из Чельтенгамского кодекса.

надлежащий мраку в переносном смысле). И вот, с таким же значением они фигурируют в БеПИТ в составе П такого типа:

хен-уойн-не
хен-каке-не

Дословно это значило бы: 'ils sont des lumières', 'ils sont des obscurités'. Усматривать здесь, однако, abstractum pro concreto, видимо, возбраняет тот факт, что, как отмечено, сочетание с определенным артиклем (или, прибавим, с указательным местоимением) не допускается. Нельзя сказать *ней-уойн* или *ней-каке* 'эти светлые (или темные) личности' (силы мрака) вне предикативности. Значит, опять надо обратиться к подчинительному (изафетному) сочетанию из существительного (-местоимения) + существительное (-знаменательное) как определение первого.

Примеры. Шен. Лейп. 3.112.8—11: *Найату н-н-ет-ере-неу-хбеуе убнх ммоу ебол че-хен-шерэ-не м-п-уойн, уой де н-н-ет-ерэ-неу-хбеуе уонх ммоу ебол че-хен-каке-не* 'блаженны те, чьи дела доказывают, что они — сыновья света, но горе тем, чьи дела доказывают, что они принадлежат мраку' (дословно: 'суть некоторые единицы (от) мрака'). Шен. Амел. 2.175: *хен-уойн-не нек-хбеуе тёру* 'все твои дела являются принадлежащими свету'.

Сходным образом можно понимать в предикатном употреблении сочетания артикля с обозначениями психических переживаний как „ужас", „удивление" в ПП такого состава: *у-хоте-пе чоос* дословно = 'ужас — сказать это', но точнее: 'сказать это — ужасно', 'нечто от ужаса'. *у-мойхе-те т-хехонбе шем*, дословно = 'чудо есть также небольшой источник', т. е. 'чудом является...', но правильнее может быть 'чудесен также небольшой источник', 'некий (от) чуда.'

Соответственно нужно расценивать и употребление в качестве сказуемых ПИТ множественного числа от других отвлеченных существительных, как, например, *осе* 'вред', с НА ср. Шен. Амел. 1.219.2: *ун-хах н-хоб... ерен-роме лобе нсоу.... у монон че-хен-осе нау-не...* 'есть много вещей..., на которых люди помешаны..., — они (вещи) не только вредны им, но также...'. Если здесь перевести сочетание *хен-осе* дословно, кладя в основу неопределенный артикль мн. ч. *хен* в его позднейшей функции как показатель слабой детерминации, то получится: 'они являются вредами для них'. Вразумительное толкование даст только восприятие *хен* как существительного ('таковые' 'представители того-то') в изафете с *осе* — 'таковые от вреда', 'вредоносные', 'вредные'. Сюда же относится употребление существительного *ме* 'правда', которое в соединениях с неопределенным артиклем в обоих числах развило значение 'праведник', 'правдивый'.

Синхроническое описание данного явления должно, конечно, заключаться в констатации того, что снабженными неопределенным артиклем отвлеченными существительными в роли сказуемых ПИТ совмещается два значения: предметное и качественное.

Категорию наречий качественного значения составляют стереотипные комплексы из не меньше, чем трех вполне прозрачных элементов, из которых первые два состоят из предлога *хн* в его орудийном значении и следующего за ним элемента, этимологически тождественного с формой неопределенного артикля ед. ч. *у;* за этими вспомогательными „словообразовательными" элементами следует знаменательная лексема — существительное отвлеченного значения.

Примеры:

ḱом	'сила'	*хн-у-ḱом*	'сильно'
ме	'истина'	*хн-у-ме*	'истинно'
ншот	'упрямство'	*хн-у-ншот*	'упрямо'
мнт-чооре	'храбрость'	*хн-у-мнт-чооре*	'храбро'

В основе образования подобных наречий не может лежать словечко *у* в качестве неопределенного артикля, т. е. как показатель одной из степеней детерминации: при попытке разгадки значений наречий таким путем у нас получилось бы только 'путем некоторой силы' и т. д., но не больше. Удовлетворительное объяснение получится только при предположении, что этот тип наречий создался тогда, когда *у* еще полностью обладало значением субстантивного местоимения 'нечто', 'некое (одно)', а следующее существительное квалифицировало его со стороны принадлежности; сочетание *у-ме* значило 'нечто от истины', т. е. нечто, характеризуемое принадлежностью к истине', иначе говоря: 'истинное'; префиксация орудийного по значению предлога *хн* безболезненно создает в качестве единого значения всего трехэлементного сочетания: 'истинным образом'='истинно'. Сходным образом в другом примере получается наречие не через 'путем некоей храбрости', а 'путем чего-то (от) храбрости', 'способом, относящимся к храбрости — храбро'.

Из того, что для нас выяснилось о первоначальном соотношении между прецедентом НА и сочетаемым с ним существительным в сложноподчиненном БеПИТ, вытекает, что таким же было в прошлом взаимоотношение тех же элементов сказуемого в простом БеПИТ, не дающем со своей стороны никакого повода к рассмотрению НА под особым углом зрения. Указанный вывод неизбежен, поскольку сложное БеПИТ базировано на простом БеПИТ, говоря точнее — поскольку очевидно, что способность НА подвергаться согласованию и индуцировать согласование в ОП, независимо от знаменательного существительного сказуемого БеПИТ, — способность к функционированию через его голову, никакими судьбами не может быть в порядке причинности отнесена на счет факта присутствия ОП. Но далее ясно также, что изафетность связи между НА и знаменательным существительным в сказуемом всякого БеПИТ представляет собой частное проявление того, что изафетным характером первоначально отличалось всякое сочетание НА с голой лексемой существительного, поскольку непостижимо, каким образом изафетное взаимоотношение могло сложиться впервые в недрах сказуемого БеПИТ или любого из рассмотренных выше сочетаний.

Однако независимость рода НА от рода знаменательного существительного представляется ограниченной в том смысле, что она практически вступала в свои права при условии наличия, вне самого сочетания, того или иного индуцента, будь он согласовательного порядка, в рамках данного П, или порядка контекстно-смыслового, т. е. действуя через границы предложений. Всякий же раз, когда вне сочетания никакого индуцента налицо не было, роду приходилось ориентироваться проспективно на внутренние ресурсы сочетания, т. е. на род данного знаменательного существительного. Именно отсюда и проистек, думается, нормальный НА коптского языка, в русло которого затем влились, с грехом пополам, дивергентные по роду сочетания с затемненной под давлением уже перевоспринятого большинства изафетностью.

А. А. ФРЕЙМАН

ХОРЕЗМИЙСКИЕ ГЛОССЫ В СОЧИНЕНИИ КЫНЙАТ АЛ-МУНЙА ('ПРИОБРЕТЕНИЕ ЖЕЛАННОГО...') ХОРЕЗМИЙСКОГО ЗАКОНОВЕДА XIII в. НАДЖМ-АД-ДИН АБУ-Р-РАДЖА МУХТАР ИБН-МАХМУД АЗ-ЗАХИДИ АЛ-ГАЗМИНИ

Настоящая статья является результатом частичного выполнения поручения, возложенного на автора Институтом востоковедения Академии Наук СССР в 1936 г., когда в Рукописное отделение Института поступила рукопись этого сочинения. Оно представляет собою собрание фетв о браке, разводе, клятве и т. п. К основной рукописи пришита тетрадь, заключающая три сочинения Джелал-ал-Имади, в том числе перевод указанных глосс на арабский, частью на персидский язык. Предварительным сведениям об этом источнике и хорезмийском языке посвящены две статьи в VII томе Записок Института востоковедения (ЗИВ) АН СССР (1939): С. Л. Волин, „Новый источник для изучения хорезмийского языка" и А. А. Фрейман, „Хорезмийский язык". Издание источника предположено печатать отдельно, так как оказалось более целесообразным отделить издание текста от исследования заключающегося в нем хорезмийского языкового материала, ввиду того, что не для всех читателей, интересующихся хорезмийским языком, может представлять интерес весь текст Кынйат ал-мунйа, и, наоборот, не все читатели Кынйат ал-мунйа с одинаковым интересом отнесутся к лингвистическому анализу хорезмийского материала. На основании подготовленного к печати критического издания этого источника, автором этих строк, помимо указанной выше предварительной статьи о хорезмийском языке, помещенной в VII томе ЗИВ АН СССР, опубликованы статьи: „Образование прошедшего времени в хорезмийском языке" (Учен. зап. ЛГУ, 60, 1940), „Согдо-хорезмийские диалектологические отношения" (Сов. востоков., т. IV, 1947), „Артикль в хорезмийском языке" (Сов. востоков., т. V, 1948).

ГЛАВНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ

барт. — бартангское (цитаты из работы И. Зарубина „Бартангские и рушанские тексты и словарь", Л., 1937).
вах. — ваханское.
мундж. — мунджанское (цитаты из работы И. Зарубина „К характеристике мунджанского языка", Л., 1927).
руш. — рушанское.
ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik.
VJ — Vessantara Jataka, éd. Gauthiot J. A., 1912.
сак. — сакское.
шугн. — шугнанское.
ягноб. — ягнобское.
язг. — язгулемское
Gr. — } É. Benveniste, Essai de Grammaire.
Gr. II — } Sogdienne. Deuxième partie. Paris, 1929.

V — Vidēvdāt (Vendidad).
R. I, II — H. Reichelt, Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, I u II Teil. Heidelberg, 1923—1931.
SCE — Le Sutra des Causes et des Effets éd. R. Gauthiot, P. Pelliot et E. Benveniste, Paris, 1929.

I. كتاب النكام — КНИГА О БРАКЕ

اَچیو ڤاریخّ مَاْ بَرَاْ ذِیناَر

aciva βārĭx(xa) mă para δīnāra 'нашла ли ты согласие на это за динар'? точнее: 'а что, приняла (взяла) ли ты меня за динар?', перс. راضی شدی بامن یافتی تو رضا بیک دینار

a — вопр. част. اَچیو *civa* — вопр. мест.; ср. согд. *ċw* Gr. 132 ڤاریخّ *βārīxxa* —

— 2-е л. ед. ч. пр. вр. от *βar-* 'получать, принимать, брать', согд. *βyr-*, с закономерным в хорезмийском языке удлинением гласного *a* в основном слоге для образования основы прошедшего времени: *βar* : *βār*. Это закономерное удлинение гласного *a* для образования основы пр. вр. в хорезмийском языке является отражением древнего аугмента, до сих пор сохранившегося в полной мере в ягнобском языке (*t'far-*: *at'far-* 'давать') и засвидетельствованного также в согдийском. В последнем он выразился, между прочим, подобно хорезмийскому языку, в удлинении гласного *a* (*ϑβr-* : *ϑ'βr-* 'давать').[1] *-īx* (*xa*) в форме *βārix*(*xa*) представляет окончание 2-го л. ед. ч. *conjunctiv'a* и пр. вр.; оно восходит к **hait* (ср. перс. *hē*), личной форме *optativ'a* существительного глагола *ah-*. مَاْ *ma* — вин. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. 'меня'. بَرَاْ *para* — предл. 'за'. ذِیناَر *δīnāra* 'динар'.

Ввиду непоследовательности огласовок наших рукописей, выражающих вин. п. через фатху, дамму или без огласовки над последней буквой, трудно с уверенностью определить окончание вин. п. ед. ч.; повидимому им был редуцированный гласный, восходящий к *-u*<*-am*, ср. согд. *-w*<*-am*.

ڤاریںّ *βārin*(*na*) 'я приняла, взяла'. Окончание 1-го л. ед. ч. пр. вр. *-in*. Наличие конечного согл. *-n* в этом окончании, а также в соответственной форме conjiunctiv'a [*ikkā*(*n*) '(если) я буду делать'], является одной из особенностей, сближающих хорезмийский язык с осетинским, где также 1-е л. ед. ч. пр. вр. и *conj.* оканчивается на *-n* (*kodton* 'я делал' и *kænon* 'я буду делать'). Гласный *-ĭ-* окончания *-ĭn* пр. вр. хорезмийских глаголов отражает конец основы большинства хорезмийских глаголов, образовывавших наст. вр. по классу на *-aya-*, *-iya-* (*δārĭyām* 'имею' и т. д.).

اَچیو ڤاریخّ ماْ فِنکاَح

[1] Ср: Gr., стр. 46 и в особенности статью Рейхельта „Beiträge zur soghdischen Grammatik" (Studia Indo-Iranica — Ehrengabe für Wilhelm Geiger, Leipzig, 1931), стр. 248 — 249; см. также указанную выше статью автора „Образование прошедшего времени в хорезмийском языке".

aɾiva βarĭx(xa) mă finikāha 'согласилась ли ты на брак за столько?' точнее: 'приняла ли ты меня в брак?', перс. راضی شدی بنکاح بخندین *finikāha* 'в брак'. Предлог *fi*, чередующийся в этом значении с پی *pi* (ср. согд. *py*, ягноб. *pę*), выражает направление, нахождение в чем-нибудь, орудие, близок по значению к персидскому به, с которым он связан исторически. Не ясно, имел ли здесь место переход в начале слова *p* в *f*, как в осетинском (ср. осет. *fændag* 'путь'), — что было бы единичным явлением, так как в хорезмийском начальное *p* сохранилось (ср. پندآک *pindāk* 'путь'), — или же здесь можно отметить изменение (графическое?) под влиянием арабского فی. نکاح (встречается и в написании نکاه) 'брак' — заимствование из персидско-арабской религиозно-бытовой терминологии.

آز (از вар. без мадды: فامِس باڤغازینَ

az βămis pācγāzĭn(a) 'я также пожелал тебя' точнее: 'принял', перс. من نیز خواستکاری کردم ترا

آز или از *az* 'я' — личн. мест. 1-го л., ср. осет. *æz* и т. д. فامِس *βămis* 'тебя также' فا или فَ, как дальше в других местах. *βă* (или с глухим *fă*) — вин. п. личн. мест. 1-го л. 'тебя' < др.-ир. *θvām*. مِس *mis* 'также', ср. согд. *m'yδ* 'так', барт. *mis*. باڤغازینَ с ب вм. پ, как часто здесь. *pācγāzĭn(a)* — с удлинением гласного *a* для образования прошедшего времени, см. выше; ср. согд. *pčγ'z-* 'принимать, получать'.

اما پاسِنْڈِخَ پی سِد ذینارْنَ (вар. فی سد ذینار)

amă pāsindixa pi sid δīnārna 'довольна ли ты мною за сто динаров?', перс. بسندیدی مرا بصد دینار؟ مرا قبول کردی بصد دینار؟

اما *amă* вопр. част. + вин. п. личн. мест. 1-го л. *pāsindixa* (перс. پسندیدی) 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* см. выше.

سِد *sid* 'сто', ср. согд. *stw*, осет. *sædæ*, перс. *sad*: гласный *i* < *a* под влиянием предшествующего *s*. *d* < *t* в положении после сонорного, закономерно в хорезмийском. ذینارنَ *δīnārna*: *-na* < *-nām* — показатель косв. п. мн. ч. Употребление мн. ч. при числительном (здесь *sid δīnārna*, *hazār parācna* 'тысяча разводов', как далее) отмечается здесь наряду с ед. ч. (*sid δīnār*) в другой рукописи.

اقارِ نانیِ (نان)

(aβāri nān(i) 'пусть будет так'.

aβāri — 3-е л. мн. ч. (медиального залога?) от основы *aβa* 'быть'. Составитель словаря различает, как следует из цитаты ниже, окончания *-āri* и *-āra* (с кесрой и фатхой), а также окончание *-īr*. Последнее является окончанием наст. вр., а первые два — *conjunctiv'a*, притом *-āri*, повидимому медиального, а *-āra* активного залога. В хорезмийском языке, таким образом, сохранились древние окончания 3-го л. мн. ч. с элементом *-r-*, представленные среди иранских языков в авестийском (*ăŋhaire* 'сидят' 3-е л. мн. ч. медиального перфекта), ягнобском (*akunor* 'они сделали') и сакском (*bvāre* 'они понимают' 3-е л. мн. ч. наст. вр. медиального залога). Форма 3-го л. ед. ч. пр. вр. этого глагола مثید *maβīd* 'он был' (см. ниже), характеризуемая начальным *m-*, который является признаком пр. вр. лишь в глаголах, основа наст. вр. которых начинается с гласных, с очевидностью свидетельствует, что основа этого глагола в хорезмийском языке, восходящего к др.-ир. *bav-*, начиналась с протетического гласного *a*: *aβa-*. Следует поэтому считать, что и в согдийском *'β* 'был' начальный гласный *a* — не аугмент, как сказано в согдийской грамматике (Gr. II, 45) и за ней в цитированной выше работе Рейхельта (стр. 248), а протетический гласный, как в соответственной основе хорезмийского глагола. *nān(i)* — косвенный падеж указ. мест. 'этот', в адвербиальном значении 'так'.

ها ڤِرِیندِ یا ذُغْدام پی سِد دینارْنَ کابینَ

hāβ(i)rīndi yā δuγdami pi sid δīnarna kābīna 'я дал тебе мою дочь за сто динаров махра', перс. دادم دختر خود را من‌یصد دینار کابین.

hāβ(i)rindi 'я дал тебе'. *hāβ(i)rīn* 'я дал' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* основы от глагола *haβar* сак. *haur*, согд. *ϑβr*, ягноб. *tifar*. *di* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. < *tai*. یا *yā* — артикль женского рода, соответственная форма мужского рода ای *ī*. Наличием названного артикля в хорезмийском языке и случаями его абсорпции следующим за ним именем (что значительно облегчалось гласным исходом артикля) может быть объяснено появление таких форм, как *yāsm* 'небо' (из *yā āsm*). Абсорпция артикля (явление, хорошо засвидетельствованное в ряде других языков, ср., напр., لیوان из ایوان ال 'портик') вызвала впоследствии в свою очередь появление постпозитивного артикля نی, о чем речь будет ниже. ذغدام *δuγdămi* 'мою дочь': *δuγdă* 'дочь' — закономерное соответствие ав. *dugədar-*, *duγδar-*. *mi* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. 'меня, мой'. کابین *kābīn* 'махр, выкуп за невесту, калым'.

هاڤرینِد فی نکاحَ

hāβ(i)rĭndi fi nikāha 'я дал тебе в брак'.

آهی هاڤریخ

āhĭ hāβ(i)rīx(a) 'отдал ли ты ее', перс. آهی: ادادی (вар. اهی)

ăhĭ — вопр. част. + вин. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. *hāβ(i)rixa* 'ты отдал' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. с удлиненным гласным *a* основы от *haβar*, ср. согд. *ϑβr* и окончанием *ĭx(a)*; ср. выше.

هاڤرين

hāβirĭn(a) 'я отдал' (вар. هاڤرين) — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от того же глагола.

شماذْ

Значение этого слова не ясно. Объяснение в тексте: „значение его — согласие на обещанное. Это — согласие [если оно сказано] во время заседания, не после него". 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a от какого-то глагола(?), испр. на شماخ 'вы'(?).

امیه هاڤرخ ای زرذ فی نکاح

amĭhĭ hāβ(i)rix(a) ī zirδ fi nikāh 'дала ли ты мне (его) сердце на брак?' (т. е. 'имеешь ли ты склонность к браку со мною?'), перс. بمن بنکاح вм. دل داری (دادی)

امیه amĭhĭ — вопр. част. *a* + *mĭ* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. 'мне' < *mai* + *hĭ* — вин. п. ед. ч. энкл. мест. 3-го л. 'его' < *hai*. *hāβ(i)rix(a)* 'ты дала' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от *haβar*. ای ī — артикль м. р. *zirδ* < ав. *zərəd-*, согд. (с перестановкой) *δrz*. *fi nikāh(a)* 'на брак'.

لامحال

lāmhāl арабск. 'неизбежно' — адвербиальное выражение.

ها hā 'да'(?).

فی جفتاوک فی حلالاوک اهافرخ

fi ǰuftāvak fi halālavak ahāβ(i)rĭx(a) 'отдал ли ты в состоянии дозволенности и способности к браку (твою доверительницу)?'.

جفتاوک *ǰuftāvak* — абстрактное имя от *ǰuft* (перс.) 'супруг', 'супруга', с суффиксом абстрактности *-āvak*: *ǰuftāvak* 'брачность', 'способность к браку', ср. средн.-перс. суффикс абстрактности -ēvaγ (*framanēvaγ* 'поручительство'), осет. *-iuæg* (*xistæriuæg* 'свойство, обязанности старшего'). حلالاوک *halālavak* 'состояние дозволенности' — абстрактное имя с суффиксом *-āvak* от арабск. حلال *halāl* 'дозволенный'. اهافرخ вм. اهاڤرخ *ahāβ(i)rīx(a)* 'дал ли ты' — 2-е л. ед. ч. пр. вр. от *haβar* с вопр. част. *a*.

حلالَ می پارْوُزْدَ

halāla mĭ pārvuzda 'разрешенной мне стала', перс. حلال شد مرا.

حلال *halāla* 'разрешенная' — с показателем ж. р. *a*. می *mĭ* — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л., ср. согд. *my*. *pārvuzda* 'стала' < *par* + *vart-* — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением гласного *a* первого слога и обычным для хорезмийского и отчасти для согдийского (в особенности христианско-согдийского) выпадением *r* в группе согласных[1] образует страдательный залог.

[1] Ср. согд. prw'st в том же значении: Gr. II, 22; Залеман, Изв. Российск. Акад. Наук, 1913, стр. 1128).

څخیاکامّ کامّ حلالَ پُرُوزَاشِینّ

c"iγ"ciyakāma kāmmi halāla parvuzacinna ‘как только станет такая-то дозволенной мне’. *c"iγ"ciyakāma kă* — временной союз с оттенком значения многократности: ‘когда, всякий раз когда’, перс. هرگاه.

c"iγ"ciyakāma kă < *c"iγu(d) ciya kāma kă. ci* и *(ciya)* мест. вопр., ср. *civa*, ср. согд. *čw*, *'čw* осет. *ci*, *cy*. *γu(d)* — прич. пр. вр. от безличного глагола *γau* ‘долженствовать, недоставать’; ср. согд. *γw-*, см. Gr. II, 9 (где исправить значение „désirer“ на „manquer , „être necessaire“, „falloir“), ср. осет. *hœuun*. *γu(d)* — в значении имени: ‘необходимый срок, время’; ср. осет. *hud*, *œnhud*. *kāma* ‘желание, воля’ — в функции обобщительной частицы (ср. лат. *libet*: *ciyakāma* || *quodlibet*). *kă* — союз ‘когда, если’, *c"iγ"ciyakāma kă* ‘всякое (любое) время, когда; каждый раз когда; когда.

کامّ *-mi* (с удвоением *m* после гласного) — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 1-го л. ‘мне’. پُرُوزَاشِینّ — два слова: глагол *purvuzāc* и мест. *īnna*; *purvuzāc* — 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a в придаточном предложении времени от ранее засвидетельствованного глагола *parvuz*; колебание огласовки в первом слоге *a*|*u* — под влиянием губного согласного; ڕ вм. ز — не ясно (быть может, для выражения *dz* из *zd*?). Признак conjunctiv'a долгое *ā*, как в согд., перс. и осет. *kœnon*, *kœnai*, *kœna*. *-c* — окончание 3-го л. < *ti* в хорезмийском закономерно, в согдийском спорадично, ср. согд. *γċy*, *βwčy*. *īnna* — указ. мест. ‘эта’, ‘такая-то’.

کامّ فضولیک نکاح اکّا

kăhhi fuzūlīk nikāh ikkā ‘если я женюсь (сделаю бракосочетание) на ней браком фузули’ (значение не ясно). *kă* — союз времени, условия ‘если, когда’, *hi* (с удвоенным после гласного согласным *kăhhi*) — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 3-го л. ‘ей, ее’; *fuzūlīk* — образованное суф. *-īk* прилагательное от *fuzūl*. اکّا *ikkā* — 1-е л. ед. ч. conjunctiv'a от глагола *ik-* ‘делать’, с протетическим гласным < kar- || *k*ə*r*ə; ср. согд. *'krć-*, ягноб. *ikta* ‘сделанный’.

کامّ یا نانامَ وُذ اَقّاچ

kămmi yā nānāma vuδ aβ[β]āc ‘если мне такая-то женой будет’.

نانامَ *nānāma* — мест. ж. р. (وُذ *vuδ* ‘жена, женщина’, ср. согд. *wδw* мундж. *wəla*. اَقّاچ *aβ*(*β*)*āc* — 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a от *aβ-* ‘быть’.

II. كتاب الطلاق — КНИГА О РАЗВОДЕ

هِقّرَ دی پارُوزدَ

hiβca dĭ pārvuzda ‘дан тебе’.

hiβca — прич. пр. вр. от *haβar-*, *hiβar-* 'давать' (согд. *ϑβr*) с выпадением *r* в группе согласных, ср. выше *pārvuzda*. *-c* в слове *hiβc* < *-t.* دی *dĭ* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л.

هِقْحَ هِبَدَ غِقْیَ

hiβc(a) hida γiβya 'думай, что дан', перс. داده گیر.

hida — не ясно, допускает двояксе толкование: 1) *hida* — энкл. мест. *hi* 'его' + *d*(*a*) — частица, союз, соединяющий два предложения, вводящий главное предложение; ср. согд. *rty* [*hiβca hida γiβya* (букв.) 'данным его да считай (думай)']; 2) *hīda* (или *hēda*) — указ. мест. = согд. *γyδ* 'этот'.

غِقْیَ (с выпадением *r* в группе < **γrβya* по классу на *-ya-*) — пов. накл. = перс. گیر 'возьми, думай'; ср. согд. *γrβ id.*

а) اسپامِیَ خُرْچِیَ نادَ б) غِقْیَ ناد خُرْچِیَ

а) xurciya nāda ispāmiya б) xurciya nāda γiβya 'думай, что поклялся'.

xurc'ya — вин. п. ж. р. от прич. *xurc* 'сведенный' < *x*^{v}*art-*, ср. согд. *γwr-*, осет. *хиœrun*. *nāda* — не ясно, допускает различные толкования: 1) указ. мест., состоящее из двух основ, — *nā* < *ana-* + *da* < *ta-* 'это'; 2) указ. мест. *nā* + союз *d*(*a*) < *rty* (см. выше) и 3) прич. пр. вр. 'взятый'; ср. ягноб. *nāta*, сак. *nāta- id.* Предложения *xurciya nāda ispāmiya* и *xurciya nāda γiβya* почти идентичны по значению: 'думай (считай), (что) поклялся' [собств. 'съедены' (клятвы) (о трех разводах)]. Текст говорит: „Человек может знать различие между этими двумя словами только, если он знает по-хорезмийски...". Пов. накл. *γiβya* передается персидским گیر 'считай', а *ispāmiyā* — انگار 'воображай'. Эти оттенки значения автор передает словами: „слово غِقْیَ *γiβya* употребляется только по отношению к существующему", т. е. *γiβya* имеет отношение к более конкретному пониманию, убеждению, чем *ispāmiya*; это и выражено персидским переводом گیر 'считай' (собств. 'держи') и انگار 'воображай'; *ispāmiya* 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *us-pati-mā*(*y*), соответствовало бы этимологически персидскому پیمودن.

هَزَار پَرَاذْنَ فی بُحْکُوسَادِ ڤانْجِین

hazār parācna fi puckōsaḍı βāncīn (перевод в тексте:) 'я привязал тысячу разводов к краю твоего покрывала'.

هزار *hazār* 'тысяча'. Это слово, как и ряд других, свидетельствует о наличии и сохранении в хорезмийском *h* в противоположность другим восточно-иранским языкам, в том числе соседним: осетинскому и согдийскому; нет оснований считать *hazār* заимствованием из таджикского, тем более, что и другие сохранившиеся и засвидетельствованные здесь числительные не таджикские, а закономерные для хорезмийского

языка отражения древне-иранских числительных. پَرَاثْنَ *parācna* — косв. п. мн. ч. от *parāc* 'развод', восходит к род. п. мн. ч. В другом месте приведена другая форма этого слова *parād*. Чередование в этом слове *c* и *d* указывает на происхождение здесь *c* из *t*. Вероятна этимология этого слова **apa* + *rāta-* 'отданный' < ав. *rā-*, ср. вах. *rāud*, *rət* 'давать', осет. *rard* 'отданный'. فی پُثْکُوسَادِ *fi puckōsadi*; پُثْکُوس ср. перс. *pāδgōs*, армянск заимствование *patgos* 'область'. *di* — косв. п. ед. ч. энкл. мест. 2-го л. — *fi puckōsadi* 'к области твоей'. Предлагаемый перевод: 'я привязал тысячу разводов к твоему краю(?)'. قَانْچِين *βancīn* 'я привязал' 1-е л. ед. ч. пр. вр. по классу на *-(a)ya-* от *band-* с удлинением основного гласного *a* и переходом зубного в *c* перед *i*, ср. согд. *βnt*.

خفاذَ هزار پراثْنَ دنا فی پُثْکُوسَ قَنْچِیَ

xafāda hazār parācna da nā fi puckōsa βinciya (перевод текста): 'возьми тысячу разводов и привяжи их к нему'.

خفاذَ *xafāda* 'возьми' — 2-е л. пов. н. от *xaf-*, согд. *γrβ-* по классу на *a* с выпадением *-r-* в группе и оглушением согласных. *xaf-* представляет параллельное образование к *γiβya* от того же корня, др.-ир. *grab-*, но по другому классу, классу на *a*. Разные основы, повидимому, имеют и различные значения: *xafa* 'брать', *γiβya* 'считать', как это представлено выше в примерах. *da* (в сочетании *xafāda*), вероятно = согд. *rty* نا *nā* — указ. мест. قَنْچِیَ *βinciya* — 2-е л. ед. ч. пов. н. Огласовка в первом слоге изменилась под влиянием следующего гласного. Первоначальная основа звучала *βanc-*, как следует из формы пр. вр., образованной с удлинением гласного *βancīn* 'я привязал'. Буквальный перевод фразы: 'возьми (да) тысячу разводов да их к области (стороне) привяжи'. *puckōsa* — вин. пад.

اما هازِیَ شی

ammā hāziya šē (šī?) [исправить هازی на باری *bārē* (?); см. Islamica III, 2, 197] 'напротив, конечно, три'.

امّا *ammā* 'напротив' — арабск. هازِیَ исправить на باری 'конечно (?)'. (Ср. Islamica III, 2, 197). شی *šē*(*šī*) 'три' — закономерное, подобно позднесогдийскому (ср. *δry* 'три', *'štyk* 'третий'), развитие в хорезмийском *š* из *ϑr* : *šē*(*šī*) < *ϑray-*. Наряду с переходом *ϑr* в *š* могут быть отмечены отдельные (основанные на диалектическом смешении или различном положении в слоге ?) факты перехода *ϑr* в *rt*, как это имеет место закономерно в осетинском и в отдельных случаях — в согдийском, ср. хор. ارتیک

+ *arcīk* (или *arcyak* ? аналогично перс. سه‌یک ?) 'треть' (здесь *c* < *t* перед *i*), осет. *ærtæ* 'три', согд. *mrts'r* 'сюда' < **imaθrasara*, а также в *hr* > *r*, ср. *purak* 'сын'.

اِیْ معنای کا هو ڤیر

ī (ē ?) ma'nāy kă hū βīr 'смысл тот, чтобы они получились'.

اِیْ *ī*(*ē*) — указ. мест. или артикль м. р. مَعْنَای *ma'nāy* — арабск. 'смысл'.

ک *kă* — союз, вводящий придаточное предложение времени, условия, цели, *hū* — мест. личн. 3-го л. мн. (?) ч. 'они' (?); ср. согд. *'γw* (ед. ч. ?) < др.-перс. *ahau*. ڤیر *βīr* — 3-е л. мн. ч. наст. вр. от *'β-* 'быть' с отпадением протетического гласного после слова (*hū*), оканчивающегося на гласный. *-īr* — окончание 3-го л. мн. ч. наст. вр.; см. выше.

امّا اِڤداچ یاور هو ڤار

ammā iβdāc yāvar hū βāri (текст указывает определенно на огласовку последнего гласного последнего слова: „с кесрой буквы *r*") 'напротив, чтобы получилось семьдесят раз'.

اِڤداچ *iβdāc* 'семьдесят' < др.-ир. *haptāti*; ср. осет. *æυdai*. В хорезмийском *iβdāc* отпало начальное *h*, как закономерно в осетинском.

yāvar 'раз' ср. согд. *y'wr*, сред.-перс. *yāvar id.* ڤار *βāri* — 3-е л. мн. ч. (*mədii* ?) (см. выше) *conjunctiv'a* от *'β-* 'быть, становиться'.

اُونَـک مَاچ شیَاوَر

ŭtak măc(i) šiyāvar(a) 'ты от меня трижды'.

اُونَـک *ŭtak* — личн. мест. 2-го л., образованное с перестановкой (из *tava*) и субстантивированное именным суффиксом *-ak*, который придал ему большую экспрессивность: *ŭtak* 'ты, (именно) ты, ты (в противоположность другому лицу)', фр. *toi*, ср. аналогичное по образованию и значению согд. мест. *t'β'kh* „toi, ta personne", Gr. II, 111. ماچ *mac*(*i*) — косв. п. ед. ч. личн. мест. 1-го л. *ma* + послелог *-ci* 'от меня', ср. согд. *mc̀*, язг. *múnjə*, *mún'a*. شیَاوَر *šiyāvar*(*a*) = *šī* 'три' + *yāvar*(*a*) 'раз'.

پَراچ

parācca — прич. пр. вр. ж. р. < *apa* + *rātā* 'разведенная', см. выше.

کَچیامِهی

kaciyāmihĭ 'даю (развод)' (в сноске перевода точнее:) 'бросаю'.

kaciyāmihĭ — 1-е л. ед. ч. наст. вр. causativ'a от *kaft-* 'падать', *kaciyām*, с выпадением проточного согласного (*f*) в группе, как часто здесь, и пере-

ходом *t* в *c* перед *i*. *hǐ* — косв. п. энкл. мест. 3-го л. 'его'. *kaciyām(i)hǐ* 'бросаю его'.

پراچّ هاقّیخْ

parācca hăββīx 'пусть будет тебе развод' точнее: 'будь (да будешь) разведена'.

parācca прич. пр. вр. ж. р., см. выше. هاقّیخْ *hăββīx* 'будь' — 2-е л. ед. ч. conjunctiv'a от 'β- 'быть' с окончанием *-īx*, где *x* < **hait*; см. выше. Неясно начальное ه *hā*. Оно должно быть поставлено в связь с *hū* формы *huβīr*, которое было объяснено выше как мест. указ. и поставлено в связь с согд. *'γw*. Поэтому и *hā* должно было бы быть понято как указ. мест. женского рода (?). Возможно также было бы видеть в *haββīx* соединение двух основ (близкого значения), *ah-* и *'β-* 'быть', обоих в conjunctiv'e. Недостаток материала не позволяет пока уточнить этот вопрос.

مُخّاسّنافی

muxxăssinaf 'я отпустил тебя' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. *muxxăsīn(a)* + вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. *f(a)*, *β(a)* < *θvām*. Глаголы, основа настоящего времени которых начинается с гласного, образуют основу прошедшего времени посредством присоединения в начале согласного *m-*. Подобное образование прошедшего времени было отмечено (без объяснения) К. Г. Залеманом в 1913 г. (Изв. АН, стр. 1144). Залеман определил согд.-христ. форму *m'γunṭ* 'одел' как imperfectum definitum в противоположность формам с частицей длительности *-sq* (-согд. буд. *skwn*), которые названы им imperfectum continuum. Определение форм с начальным *m-* как прошедшего определенного, т. е. законченного, едва ли правильно, ввиду того, что законченное действие выражают и глаголы в пр. вр. без приставки *m-*. Залеману не было вполне ясно, что приставка *m-* присоединяется в пр. вр. лишь в глаголах, основа которых начинается с гласного. Во всяком случае за ним остается заслуга определения *m-* как частицы, образующей пр. вр. Шагом назад является объяснение этой частицы в согдийской грамматике Бенвениста (Gr. II, 59—60), где формы *mnč'y-* и *nčy-*, *mnγz-* и *'nγz-* объясняются как параллельные, и в этих глаголах, начинающихся с *'n*, предполагается наличие удвоенной приставки **(h)am- an-*. Бенвенист не заметил, что формы с *m-* все в пр. вр. В хорезмийском языке достаточно глаголов, не начинающихся с приставки *an-*, но основа которых начинается с гласного. Все эти глаголы [مِکّن *mikkin* 'я делал' от *ik-*, مُخّاسْت *muxxāst* 'устал' от *uxxāh-* < *vxah-*, *xvāh-* (ср. осет. *xuajun* || *xuast*, средн.-перс. *x*ᵛ*ast*, н.-перс. خسته), مِیّن *miyin(a)* 'я был' от *-'y-*, مرغندنا *marγundin(ā)* 'я позвал' от *arγund-* ср. осет. *unærhun*, مِیّد *miyid* 'пошла' от *i-*, مقید *maβīd* '(он) был' от *aβa-* (отсюда можно заключить, что и в согд. *'β* 'был', в противоположность высказанному в Gr. II, стр. 45 мнению, начальное ' не аугмент, а протетический гласный; см. выше),

منغندد *manγundid* 'надел' от *anγund-*, ср. согд.-христ. *m'γwnṭ*, مخيار *mix-xiyār* 'заплакали' от *'xx'* < *γrz* (с оглушением звонкого *γ*, и выпадением согласных в группе и протетическим гласным), ماسْنَ *măs(i)n(a)* 'я взял' от *as-*, منغست *manγast* 'дошло' ('поднялось') от *anγaz-*, ср. согд. *'nγz-*, مسپامينا *muspămin(a)* 'я вообразил' от < *us* + *pa* + *may-* и др. имеют в основе настоящего времени в начале гласный, так же как и согдийские глаголы с этим префиксом *m-*: *mnč'y* || *'nčy*, *mnγz* || *'nγz*. Префикс *m-*, сохранившийся перед гласными, восходит к др.-ир. частицам *mā* или *mat* < *hmat*; ср. др.-инд. *sma*. Частица *mā* усиливала логическое ударение слова, при котором она стояла, наречие *mat* означало, между прочим, 'всегда, постоянно' и могло поэтому употребляться для выражения длительности действия, т. е. модальности, а впоследствии для выражения времени; ср. такой переход функции в перс. частице *mē*; др.-инд. частица *sma* могла употребляться для выражения понятия прошлого, напр. *prativasati sma* 'жил' (глагол в наст. вр. с частицей *sma-* в значении пр. вр.). К категории этих частиц и относится наше хорезмийско-согдийское *m-*, восходящее к *mā*, *mat*. Будучи слабо ударным (как и ее древние прототипы), оно могло сохраниться лишь в благоприятных условиях, в данном случае перед гласными. Функция этой частицы — префикса в хорезмийско-согдийском — состояла в подчеркивании претеритального характера глагольной основы, что было особенно необходимо в этих двух иранских языках, сохранивших в противоположность другим древнее образование пр. вр. от основы наст. вр.[1] *muxxăsinaf* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. *muxxăsin(a)* 'я отпустил' + *f(a)* < *θvām* вин. п. ед. ч. личн. мест. 2-го л. 'тебя'. *muxxăssin* < *vi* + *hrz-*, ср. согд. *wγšmnty* 'освобождение'. Начальное *vi-* дает в хорезмийском *u-*; ср. اوسَ < < *vispa-* 'весь'.

اوتـک شيّاورَ پراُچّ

utak šiyăvar(a) parac(ca) (puruc) 'ты трижды разведена';

شيّاور ماچ پُراچ

šiyāvar măc puruc 'трижды от меня на месте'. В колебании *parac(ca)*, *puruc*, возможном при быстрой речи, заключается игра слов, которую приводит текст. Написание этих слов: *parac(ca)* и *puruc* отличается лишь в надстрочных знаках. پراُچ „с даммой буквы پ", как определенно говорится в тексте, представляет имя сущ. اُچ *uc* 'место' и предлог *par* 'в, на', перс. بر, в котором гласный уподобился гласному следующего слова *uc*. اُچ *uc* 'место', где *c* < *t*, известно нам из согдийского *'wtt* мугских документов, *'wt'k*. اوتـک *utak* — субстантивированное личн. мест.

[1] См. по этому вопросу: А. Фрейман. Образование прошедшего времени в хорезмийском языке (Учен. зап. ЛГУ, в. 60, 1940).

2-го л. 'ты'; ср. согд. *t'β'k id.* ماچ *măc* — косв. падеж личн. мест. 1-го л. с послелогом *-c*; ср. согд. *mc̀ id.* 'от меня'.

اڤاچ ياتّ يا جُفْتَ شياور پَراچ

aβāc yăt yā ǰuft(a) šiyāvar parāc(ca) 'есть ли от тебя жена тремя разводами'.

اڤاچ *aβăc(i)* 'от тебя': *a* — вопр. част.; *βăc(i)* — косв. п. личн. мест. 2-го л. + послелог *-c(i)*; ياتّ *yăt* 'есть' — 3-е л. ед. ч. наст. вр. — ташдид над تّ удвоение конечного согласного — вследствие выпадения *s*(?); ср. шугн. *yast*, но ср. согд. *γ̌cy* 'есть'; جُفْتَ *ǰuft(a)* 'супруга' заим. из персидского.

ياوُذ شياوَر پراچ

yā vuδ šiyāvar(a) parāc(ca) 'жена тремя разводами'.

وُذ *vuδ* 'жена', согд. *wδw.* شی پراد *šĭ parīd* 'три развода'. *parād* || *parāc* — чередование *d* || *c* обусловлено положением перед следующим гласным: *t* > *c* — перед передними гласными (напр. перед *-i*, *e* — окончанием косв. пад. ед. ч.; озвончение *t*, *t* > *d* — после сонорных.

„Сказали ему (арабск): «Есть ли у тебя жена». Он сказал (арабск.): «Нет». Сказали ему: اڤاچ ياتّ *aβăc(i) yătt(i)* 'есть ли от тебя', и он сказал: ياتّ; если он показал на свою губу и взял ее рукой, ему следует верить, что он не подразумевал жену, потому что значение (слова) اَتّ по-хорезмийски губа". Заключенное в вышецитированном отрывке условие основано на сходстве слов ياتّ yatti 'есть' и اتّ *atti* 'губа'. Согд. *y't* 'тело, мясо', ягноб. *yăt* id. позволяет предположить, что в приведенном слове اَتّ *atti* 'губа' в действительности скрывается *yatti* 'мясо'. Составитель текста считал начальное *y-* артиклем.

اڤاچ يِتّ اى جُفْتَدِ

aβāc yitt(i) ī (ошибка, вм. *yā*: слово женского рода) ǰuftadi 'есть ли от (у) тебя жена'.

بِتّ то же, что и выше بات; اى جُفْتَ 'жена твоя, жена у тебя'. اى — артикль м. р. вм. يا (ошибочно?). *di* — энкл. мест. 2-го л.

امّا اُخسّد

ammā uxssad 'напротив, шестьсот'.

امّا арабск. заим. اُخسّد *uxssad* 'шестьсот', ср. согд. *wγwšw* 'шесть' *stw* 'сто'. В хорезмийском обычный переход *š* > *s*, как в осетинском *uxs* < *uxš*.

بير بوش سَنْ

'ты разведена' — тюркская цитата (в тексте говорится о тюрках) — свидетельствует о распространении тюркоязычного населения и тюркского языка в XIII в. в Хорезме.

شى

ši (še) šī (šē) 'три три'.

كاندى ايو غواشى خُرناهِ كاندى شى غوارى خُرنانَ

kandĭ ēv γavāci xurnahi kandĭ šī (šē) γuvāri xurnăna 'если тебе нужен один (развод), я съел его (т. е. поклялся, подразумевается „клятву" съел, как в перс. سوگند خوردن), если тебе нужны три, я съел их'.

كاندى *kandĭ* 'если тебе' — *ka* (*n*) — союз условия, времени. ايو *ēv* 'один'; ср. средн.-перс. *ēv*, осет. *jeu*, *iu*, согд. *'yw* id. غْواشْى 3-е л. ед. ч. conjunctiv'a < др.-ир. *γavāti*, ср. осет. *hœuun*, 3-е л. ед. ч. conj. *hœuua*, согд. *γw-* id. (в Gr. II, 9 неверно „désirer" вм. „falloir, manquer" и „3 p. s. ind." вм. „participe"). خُرناهِ *xurnahi* 'я съел его', *xur* (*i*) *n* — 1-е л. ед. ч. пр. вр., *hi* — косв. пад. энкл. мест. 3-го л. غوارى *γavāri* — 3-е л. мн. ч. conj. خُرنانَ *xurnāna* из *xur* (*i*) *nnāna*? *nāna* — вин. п. мн. ч. указ. мест. 'их'.

كا وساشى حِلالَ د حلالَ اُودْكا وساشى حرامَ د حرامَ

ka vasāci hilāla d^{i} hilāla ŭd ka vasāci harāma d^{i} harāma 'когда скажет: разрешенная, так разрешенная, когда скажет: запрещенная, так запрещенная'.

وساشى 3-е л. ед. ч. conj.; ср. согд. *wγs-*. حِلال и حرام заимствовано из арабского, конечное *a* — показатель ж. р. اود *ud* 'и' < др.-ир. *uta*, согд. *'t*, *d*^{i} < согд. *rty*.

اُوساشَى

usāciya 'помирись' — 2-е л. ед. ч. пов. накл. *usāciya* < *vi* + *sac* по классу на -aya-.

پِنْداك وا اِنْخْ

pindāk vă inc 'пути (к) ней нет'.

pindāk 'путь'; ср. осет. *fændag*; وا *vă* — вин. направления (?) < *avăm* указ. мест., ср. *βă*. اِنْچ *inc* 'нет' < *na* + *yat*'.

کاس میه نیهڤرارِ بیاری دوا بندا ک انْچ

kas mĭhi nəhiβrāri biyārĭ d'vă pindāk inc 'если мне ее не дадут в эту ночь, так нет пути к ней'.

ka (*s*), *ka* (*n*) — союз условия, времени 'если, когда'; к истории частицы *-s* ср. барт. *mis*, *das* 'так', где *mi-* и *da-* местоименные основы. میه *mĭhi* 'мне ее'; *mĭ* — косв. пад. энкл. мест. 1-го л., *hi* — энкл. мест. 3-го л. نی *nē*, *nĭ* — отрицание при личной форме глагола. هڤرارِ *hiβrāri* — 3-е л. мн. ч. conj. от *haβar* 'давать', согд. *ϑβr*. بیاری *biyāri* 'вечер'; ср. ягноб. *wiyor*. د *d*' < согд. *rty*.

فا ماذْ وَا پِنْدَاکِ یِتِّ ڤیوَ فانان اِنْچ

fă mād vă pindāk yitt' cĭva fă nān(a) inc 'к матери путь есть, а что (почему?) к ней нет'.

fă (с последующим дальше послелогом) — предлог направления. ماذْ *mād* < *mātā* 'мать', وا *vă* послелог направления? یِتِّ ср. یات 'есть'. نان *nān* (*a*) — указ. мест. ڤیوَ *civa* 'что?' 'почему?'.

نَازْذی شِی پُرادیکْ [пропущено و? نازوذی?]

вм. *năz vuδĕ šĭ* (*šĕ*) *purāδĭk* (?) (согласно переводу в тексте:) 'я женщина, разведенная тремя разводами'.

ناز *năz* 'я', ср. از, آز *ăz* id.; возникновение согласной *n* перед *ăz* вызвано междусловной фонетикой (sandhi) от сочетаний, в которых слово, предшествовавшее *az*, оканчивалось на *n*; к таковым сочетаниям должны относиться, напр., 1-е л. ед. ч. пр. вр. любого глагола + *az*; ср. засвидетельствованное в наших цитатах сочетание مکّن از *mikk'n ăz* = *mikkin nāz* 'я сделал'. Часто повторявшееся подобное сочетание и вызвало появление формы *năz*.

نازْذِی в переводе 'я женщина' — очевидно, следует исправить, вставив после ز — و; نازوذی *năz vuδē*. پُرادیکْ شی *šī* (*šē*) *purādīk* оформленное суффиксом прилагательного *-īk* сложное слово *šī* (*šē*) *pvrăd* 'три развода'. *šī* (*šē*) *purādīk* 'с тремя разводами, разведенная тремя разводами'.

وَابا پنْجَاسْ پرادیک وابا اُخّیْچْ پُرادیک

vă bā pincās purādik văbă uxxīc purādik 'или разведенная пятьюдесятью или шестьюдесятью' văbă 'или' < др.-ир. *va*, осет. *uæ* + ?; *pincāspuradīk*, *uxxicpurādik* — образования, аналогичные *šīpurādik*. پنْجَاسْ *pincās* 'пятьдесят' < *pančāsant-* اُخّیْچْ *uxxīc* 'шестьдесят'; ср. اُخسّد *uxxsad* 'шестьсот', согд. *wγwšw* 'шесть', ав. *xšvaštay-* 'шестьдесят'.

وابا پنْجَاس یاور

văbā pincās yāvar 'или пятьюдесятью разами'.

امّا هزار پاویرْ

ammā hazār yaver (?) 'напротив, тысяча раз'.
hazār 'тысяча'; ср. согд. *z'r*, сак., *ysar*, осет. *ærzæ* (в эпосе) id. < *hazahra

هزار یاوَر کیاهِ حرامَ

hazār yāvar kiyăhi harāma 'тысяча раз, что ты запрещенная'.
ki — союз причины, یاهِ *yăhi* — 2-е л. ед. ч. 'еси'; ср. یات بت — 3-е л. ед. ч.

اَچیدِ یُوت بیتِ شُبهُتّ (вероятно وت вм. یوت)

acĭdi + vuδ (глухой θ вм. обычн. звонкого δ, یُوت вм. یاوُت или یاوُذ) yitti šubhutti 'а что у тебя жена (есть) в сомнении?' (*šubhutti* косв. п. ?).
a — вопр. част. *cĭ* — вопр. мест. *šubhutti* — арабск. заимствование.

فا جِفتی انبِچْ بُوارجّیمّنِ

fā jiftē (гласный после *j* изменен под влиянием *j*, конечное ی в слове جفتی выражает косвенный падеж?) anbic puvārccīmmani 'с супругой мы отделились (друг от друга)'.

اَنْبِچْ — فا *fā* — *anbic* предлог и послелог — соединение, значение которого определяется главным образом послелогом. *anbic* выражает совместность 'с'. Огласовка *i* в слове *anbic* — по связи с глаголом *βand*,- спрягающимся по классу на *-aya-*, с именами *βind*, *βindak*. *anbic* ср. с согд. *'nβ'nt*. بُوارجّیمّنِ *puvārccīmmani* < *apavart* 'отворачиваться'. *puvārccimmani* — 1-е л. мн. ч. пр. вр. медиального залога с удлинением гласного *a* для образования пр. вр. Окончание 1-го л. мн. ч. *-mani* восходит к др.-ир.

медиальному причастию *-mana-* и засвидетельствовано в функции окончания 1-го л. мн. ч. conj. в сакском языке: *hämāmane* 'да станем' и может быть засвидетельствовано в согдийском (не отмечено до сих пор);[1] напр. *βyr'ymn* 'мы получаем'.[2]

Таким образом, это окончание засвидетельствовано для всех средневосточно-иранских языков для 1-го л. мн. ч. Это же окончание *-mini* служит в латинском языке для образования 2-го л. мн. ч. medii *laudamini* (в последнем *-i* является, конечно, окончанием мн. ч. причастия).

جَا پْقَادَ

čārβāda 'бейте в ладони' (?) — не ясно.

مانْبا كِمِيهِ حلاَلَ اِكّفّيكامْ دوَا انغوسّامكامْ

manbă kimĭhi halāla ikkiββīkām d^{u} vă anγōssāmkām, перс. اگر مرا ویرا حلال کنید شنوم 'если мне ее сделаете дозволенной, то послушаю (т. е. соглашусь)'.

manbā — косв. пад. личн. мест. 1-го л. с послелогом 'мне'. *ki* — союз времени, условия 'если, когда'. اِكّفّيكام *ikkiββīkām* — 2-е л. мн. ч. буд. вр. 'вы сделаете'. Будущее время в хорезмийском языке образуется, так же как и в согдийском, присоединением к спрягаемой форме наст. вр. неизменяемой частицы *kām. ikkiββī* — 2-е л. мн. ч. наст. вр. Окончание *-βī* восходит к форме косв. пад. мн. ч. личн. мест. 2-го л. *βană* 'вам, вас', ср. мундж. *mof yīsaf* 'вы берете'. دوَا *d^{u}vă* 'то это (?)' *d^{u}* < *rty. vă* — указ. мест.? انغوسّامكام *anγōssāmkām* — 1-е л. ед. ч. буд. вр. с окончанием *-ām*, как в согдийском — 'послушаю (соглашусь)'; ср. осет. *nihhosun* 'прислушаться'.

اُوفانِىَ كِمِى حلاَنَ مِيْتّ

ufāniya kimĭ halāla miytt^{a} 'в то время, когда (она) была дозволенной для меня'.

اُوفانِىَ *ufāniya*; ср. осет. *afon* 'время'. او — указ. мест. < *ava.* مِيْتّ *miytt^{a}* 'была' — 3-е л. ед. ч. пр. вр. с преф. *m-*; ср. 3-е л. ед. ч. наст. вр. يت, يات.

نَاوْ ثكامَ يِدّ

nīv cikām(a) yiddi перс. اینها بسیاراند 'их много есть (суть)'.

[1] См. об этом также указанную выше статью „Согдо-хорезмийские диалектологические отношения".

[2] H. Reichelt. Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, I Teil. Heidelberg, 1928, стр. 32.

ناو *nāv* — указ. мест., состоит из двух основ $<$ *ana-* + $<$ *ava-*. Сложные местоимения засвидетельствованы в данном хорезмийском документе в достаточном количестве; ср. نانام и др., ср. соответственные образования в согдийском языке. چِکام *cikām* (*a*) 'много' собств. 'сколько угодно': *ci* 'что', *kāma* 'желание' — неопр. мест.; ср. лат. *quodlibet*. یِدّ *yiddi* 'суть' — 3-е л. мн. ч. наст. вр. с выпадением *n*; ср. сак. *indä*.

پارْ پارْچ نیثامْنَ

pārpārci nīϑāmna (перс.) از یکدیگر جدا شدیم 'друг от друга отделились' (собств. 'отдельно').

pārpārci перс. پاره پاره 'сели'. *nīϑāmna* ср. согд. *nyδ-* 'садиться'. *pārpārci* — мн. ч. с показ. *-c* (*i*)? *nīϑāmna* 'сели' — 1-е л. мн. ч. прош. вр. акт. зал. с окончанием *-mna* (?). Окончание *-mni* медиального залога (?), ср. сак. *-mane* (?).

ڤاک وِیاک *cāk vyāk* 'полным домом', перс. یعنی یک خانهٔ پر طلاقها, т. е. 'один дом полный разводов'. *cāk* 'полный', ср. перс. چاک (?). ویاک *vyāk* 'дом' собств. 'место'; ср. согд. *wyʾk* 'место', средн.-перс. *vyʾk*, н.-перс. جا id.

ڤاکَ سُکُرْنُکْ پِراڤْنَ

cāka sukurnuk pirācna 'полной миской разводов'.

ڤاکَ *cāka* — прил. ж. р.? سُکُرْ نُکْ *sukurnuk* 'миска', ср. перс. سُکُرّه id. کاسه که از گل ساخته باشد 'глиняная миска'. *-uk* — именной суффикс; پِراڤْنَ *pirācna* 'разводов' — род. п. мн. ч. с оконч. *-na* $<$ *-nām*. О категории числа говорит текст в этом месте: „... слово множественного числа по-хорезмийски — я подразумеваю پراڤْن — падает на два, и нет у него (хорезмийского языка) двойственного числа".

اُوتَکْ شِیّاوْرَ

utak šīyāvra 'ты тремя разами'; см. выше.

ای حلالِ مَابِر ای حَرَامَ

ĭ halāli (вм. halāla?) măbir ĭ harāma перс. حلال بر من حرام 'дозволенное — для меня запрещенное'

ای *ĭ* — опред. артикль. м. р.; ср. осет.-диг. *i* (напр. *i læg* 'мужчина'). مابِر *măbir* (или *măpar*) вин. (направ.) п. личн. мест. 1-го л. с послелогом; ср. согд. *-pr.*

سُکند خُرَ څانْدِ سکندِ غُواڅْ

sukand xura cănd̆i sukandi γ^{u}vāc 'клятву ешь (клянись), сколько клятвы нужно'.

سکند *sukand* — перс. سوگند id. خُرَ *xura* — 2-е л. ед. ч. повел. накл., перс. خور. څانْدِ. *cănd̆i* 'сколько'; ср. согд. *čntn.* غُواَڅْ *γuvāc* 'нужно будет' — 3-е л. ед. ч. conj. от *γau-*; ср. осет. *hœuun*, согд. *γw-*.

خُواهاوْڅ مِیمَس اکّ دا ناز حدیث اکا

xuvāhāvc (i) mĭmas ikka da nă̆z hadīs ikkā 'позволь мне, чтобы я рассказала'.

xuvāhavc . . . *ikka* 'позволь' — сложный глагол, состоящий из абстрактного имени *xuvāhāvc* и 2-го л. ед. ч. повел. накл. от глаг. *ik-* 'делать' < *kar-*, согд. *'kr-*. В слове *xuvāhāvc* *-(ā)vc* — суффикс, образующий абстрактные имена; ср. аналогичный (с перестановкой) суффикс в парфянском языке *-ft* < *-ϑva*. Основа наст. вр. *xuvāh-* заимствована из зап.-ир. 'желать' (?) или < *vihrz* 'пускать' (?); ср. *muxasin* 'я пустил' — не ясно. میمس *mĭmas* 'мне' точнее: 'мне' — *mĭ* + *mas*; 'так'; ср. барт. *mis* — основа указ. мест. < *ima* + суф. *s*; ср. здесь часто *kas* 'когда', *cas* 'что, сколько'. دا *da* || согд. *rty.* ناز *nă̆z* 'я' — личн. мест. 1-го л.; см. выше. حدیث *hadīs* 'рассказ' — заимств. из арабск. اکا *ikkā* — 1-е л. ед. ч. conj. *ikkān* id.

مِکّنازْ دڅانْد اکِّ دنا اکّ

mikkinaz d^{i} candi ikki d^{i} nā ikka 'я позволил (собств. 'я сделал', подразумевается 'разрешение' *xuvāhāvc*), сколько (что) расскажешь (собств. 'сделаешь', подразумевается 'рассказ' *hadīs*), то (*d^{i}*) это (*nā*) расскажи'.

mikkin — 1-е л. ед. ч. пр. вр. Соединение в контексте слов, подобных *mikkin*, с конечным *n* и мест. *az* и вызвало возникновение параллельной к *az* формы *naz* اکِّ *ikki* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. *nā* указ. мест. < *ana*.

خُواهاوْڅ مں اکّ دَ دی شاهیدِک (?) اکا

xuvāhāvc mĭ ikka d^{a} dī šāhīdik (?) ikkā 'позволь мне, чтобы я сделал действие, вредное для тебя'. دَ *d^{a}* < *rty.* دی *dī* 'тебе' < *tai. šāhīdīk* заимств.

из араб. شاهد с суф. *—īk* (?) не ясно ввиду расхождения значений: араб. شاهد 'свидетель' [переход значения через перс. شاهد باز 'любовник'?].

ای قیندِک ذارَ ما قُخّ

ǐ βēndǐk (βǐndǐk) δāra mă βaxxa, перс. مرا بخدا بخش 'подари меня богу'. قیندِک *βēndǐk* перс. خدا собств. 'господь' (первон. знач. 'господин') в противоположность понятию الله 'бог'. قیند *βēnd* (встречается ниже) 'муж' < *band* 'связывать'. *βēndīk* 'связывающий', 'бог'. *βēnd* 'связь', 'супруг'. Относящаяся к этому месту цитата в рукописи Д: این شوهر که داری بمن بخش 'этого супруга, которого имеешь, подари мне' — может быть понятна при предположении, что переписчик смешал *βēndǐk* с *βēnd*, ذار — *δāra* — показатель косв. дополнения, дат. п. < رذار — *rδāra*, напр., مارذار *marδāra* 'мне' < др.-ир. послелогу *rādi*, с перестановкой и удвоением, ср. соответственные отражения этого послелога с тем же значением в других иранских языках: барт. *-re*, *-r^{e}*, *-rö"*, руш. *-(a)re(d)*, вах. *-ər*, *-r*, *-rək*, перс. *rā* и т. д. ما *mă* < *mām* 'меня' — вин. п. личн. мест. 1-го л. قُخّ *βaxxa* < *baxš* — 'подари' — 2-е л. ед. ч. пов. накл.

قاخّنافَ

βăxxanaβa 'я подарил тебя' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. с удлинением *a* в коренном слоге для образования прошедшего времени. قَ *βă* < *θvām* — вин. п. личн. мест. 2-го л. 'тебя'.

یا ذست مَارذ (مازد) انبز مْخ اکّ

yā δist (δast) mărδa (mǐzda) anbaz mac ikka, перс. دست از من کوتاه بکن 'сделай от меня короткой руку' (т. е. 'не прикасайся ко мне')'.

یا *yā* — опред. артикль ж. р. ذست *δīst* (*δast*) 'рука', согд. *δst.* مارذ *mărδa* (?вм. *măzda*), сокр. вм. *mărδāra* ? 'мне' انبز *anbaz* < *anbarz* с выпадением *r*? 'короткий'; ср. согд. *mwrzk id* مْخ *mac* — косв. пад. личн. мест. 1-го л. с послелогом 'от меня'; ср. согд. *mč id.*

اُوتَک مَارْذارَ فی جُفْتاوْک نی شایِ

utak mărδāra fi juftāvk nē šāyī, перс. تو مرا بجفتی نمی شایی 'ты мне не подобаешь в супружество (не годишься в супруги)'

اُوتَک *utak* личн. мест. 2-го л. 'ты'; ср. согд. *t'β'k.* مَارْذَارَ *mărδāra* — дат. пад. ед. ч. личн. мест. 2-го л. от основы косв. п. *mă-* + формальный показатель *-rδāra*, ср. выше. جفتاوک *juftāv(a)k* — образованное суф. *-āvak*

от слова *juft* абстрактное имя. فی *fi* — предлог. نی *nē* — отрицание при изъяв. накл. شایِ *šāyī* ‘подобаешь’ — 2-е л. ед. ч. наст. вр.

حرام یا اوتک

harām(a) yă (вм. yĭhi) utak, перс. حرام توئی ‘ты (только) запрещенная’ (یا издания исправить на یا по рукописи Д).

دَامّ وُذْ حَلَالَ ما اقّاثْ

dammi vuð halāla mā aββāc, перс. پس خاتون بر من حلال مباد ‘так да не будет мне жена дозволенной’.

da < согд. *rty. mi* (с удвоением начального *m* после гласного, как часто здесь) — энкл. мест. 1-го л. *mā* — отрицание при *conj.* < ир. *mă*, ср. осет. *ma* и т. д. اقّاثْ *aββāc* ‘да будет’ — 3-е л. ед. ч. *conj.*

کا ڤنا څیپَر(?) زیوک دری هڤی اڅوازیا د شیاور پرادک اڤاثْ

kā βanĭ cipar(?) ēv katar(?) haβi(?) acvāziyā dª šiyāvar parādik aβāc ‘если к вам кого-нибудь... введу, то трижды разведенным пусть будет’ — не ясно, чтение конъектурное.

kă — союз условия, времени. ڤنا *βană* — косв. п. мн. ч. личн. мест. 2-го л., новообразование аналогично *manā* для 1-го л., по именному склонению с окончанием род. п. мн. ч. *-na* (ср. *parācna* ‘разводов’) от основы косв. п. мест. 2-го л. *βa*: *βana* ‘вас’ *cipar* (ср. согд. *čwpr*) послелог: *βanacipar* ‘к вам’(?) هڤی *haβi*(??) преф., ср. согд. *βy-*. اڅوازیا *acvāziyā* ‘(если) введу’ — 1-е л. ед. ч. *conj.* от √*vaz-* понудительная форма с преф. *ac* < *ati.* پرادک *parādik* ‘разведенный’: *parād* < *para* + *rā* + суф. прил. *-ĭk.* اقاثْ *aβāc* — 3-е л. ед. ч. *conj.*

نادیا شی پرادِ

nādiya šī parādi, перс. سه طلاق را دار ‘держи три развода’.

نادیا *nādiya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. по классу на *-aya-*, ср. ягноб. *nāt*, сак. *nāta* ‘брать’.

مکّمناه ای مراده داشهِ تبرکک اڤاثْ

mikkimnahi ĭ murādʰiʰ dashi tabarrukak aβāc ‘мы сделали желаемое ею, и да будет благословенно для нее’.

مکّمناهِ *mikkimnahi* — 1-е л. мн. ч. пр. вр. от *ik-* с *m-* формантом пр. вр. в основах, начинающихся с гласных, + *hi* — энкл. мест. 3-го л. *ĭ* — опред.

артикль м. р. مرادہ *murād$^{i}h^{i}$* 'ее желание': *murād* заимств. из арабск. + *hi* — энкл. мест. 3-го л. داسه *da* — союз 'и', *-s* — усилительная частица, ср. здесь *kas, cas*, барт. *mis, das* и т. д. تبرکک *tabarrukak* (исправлено из ثبرکک) арабск. заимствование.

ځامّ فی مِلْکَ یاهاځ حلالِ دَ حَرامِ اَفارِ

cammi fĭ milka yahāc halāl(i) d^{a} harām(i) aβāri 'что есть в моем владении из дозволенного, да будет запрещенным'.

ځامّ *cammi* 'что у меня' — вопр.-относит. мест. *ca*, согд. *čw* + энкл. мест. 1-го л., удвоение *m* после гласного. مِلْکَ *milka* — вин.(?) пад. после предл. *fi*. یاهاځ *yahāc* — 3-е л. ед. ч. *conj.* от *yah* < ир. *ah-* 'быть'. حَلالِ *halāli* — род. части *gen. part.* (?) اَفارِ *aβāri* — 3-е л. мн. ч. *conj.* от *aβa* — 'быть, бывать, становиться'.

اُود مادابْر خارَ

ud mădabar xăra перс. و تو از من بگذر 'а ты от меня отступись'. اود *ud* < *uta* 'и'. مادابر *mădabar* — *abar(apar)* послелог, *măd^{a}* (ср. дальше аналогичную форму мест. 2-го л. *βăd^{a}*) — личн. мест. 1-го л. в косв. п. под ударением, восходит к засвид. в согд. *t'm'* с перестановкой по аналогии *č'm'kh* || *mč* = *t'm'kh* || *mt*, ср. дальше *βăd^{a}* < *t'β'*. خار *xăra* 'отступись' (собств. 'двигайся', 'иди'), ср. согд. *γr.*

خارنا فا دابیر

xārn(ă) fă(ŭa) dabir 'я отступился от тебя'.

xār(i)n(a) — 1-е л. ед. пр. вр. с удлинением гласного *a*. فا دابیر, см. выше.

اَکی فا ذَاریځَا خِیزَ دَ فا زیندا اُود فی چَاهَ اِی

akē βă δārēc(a) xēza d^{a} fa (вм. fi?) zēndā ud fi čāha iya перс. خیز و بزندان و چاه یعنی بزمین سیاه رو کی می دارد ترا بر 'кто тебя держит, встань и иди в тюрьму и в колодец'.

کی *akē* — вопр. мест. с протетическим гласным 'кто', ср. согд. *'ky* id. فا *βă* < *θvām* — вин. п. личн. мест. 'тебя'. ذاریځَا *δārēc(ă)* — 3-е л. ед. ч. наст. вр. 'держит', ср. согд. *δ'r-* id. خیزَ *xēza* — 2-е л. ед. ч. пов. накл.;

ср. перс. خیز د *d*^{a}—союз ʻи’< согд. *rty.* فا *fă* (вм. fi?) — предлог, выражающий направление, место; زیندا *zēndā* < *zēndān* заимств.?, перс. زندان ʻтюрьма’. چاه *čāh* ʻколодец, яма’ — заимств. из перс. اِیّ *iya* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *i-*, *ay-*, ср. перс. آی.

نیمی غِوِ *nēmĭ γivi* (*γavi*) перс. مرا نمی بایی ʻты мне не нужна’. *nē* — отрицание, *mĭ* — косв. и личн. мест. 1-го л. ʻмне’. غِوِ *γavi* 2-е л. ед. ч. наст. вр. ʻты нужна’, ср. осет. *hœuun*, согд. *γw-*

غازَ ڤاکِ ناکّ

γāza cakki nākka ʻиди (ступай) и все, что хочешь, делай’ точнее: ʻиди (ступай), что делаешь, делай’.

غاز *γāza* — 2-е л. пов. накл., ср. осет. *hazun* ʻтанцовать, играть’. *cakki* что (*ca*) ты делаешь’ (*ikki*). *nākka* ʻто (*nā*) делай’ (*ikka* — пов. накл.).

اُخّوا سیامَ

uxxvāsiyăta, перс. رها کن مرا ʻотпусти меня’. *uxxvāsiyă* ʻотпусти’ — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *vi* + *hrz*, ср. *muxxāsin* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. ʻя отпустил’, *-mă* ʻменя’ — вин. п. личн. мест. 1-го л.

غازَ ڤاکِ ناکّ

γāza cākki nākka ʻиди, что делаешь, делай’, см. выше.

غاز ڤاکِ ناکّ

γāza cākki nākka ʻиди, что делаешь, делай’, см. выше.

غازَ ڤاکِّ ناکّ

γāza cākki nākka ʻиди, что делаешь, делай’, см. выше.

پا هشّ کابینَ

pă hamca kābĭna — ʻс этим (же) махром (веном)’.
hamca kābĭna — ж. р.(?) *hamca* — перс. همان < *ham* + *čīt* ʻтот же’.

بیزار ڤا اکّامِ پا شیک دِ مِ چِک اکّ

bīzār βă ikkām(i) pă šīk dʲmĭ čik ikka ʻя освобожу тебя за три и сделай мне документ’.

bīzār... ik ām(i) 'я освобожу' — сложн. глаг. *bīzār* перс. заимств. 'беззаботный, свободный'. ڤا *βă* 'тебя' < *θvām*, см. выше. اکّامی *ikkām(i)* — 1-е л. ед. ч. наст. вр. *i* — остаток древнего оконч. < *mi*, или *medium*? شیک — субстантивированное числ. 'тройка, трое, три'. چِک *čik* 'документ', ср. араб. صكّ, перс. چک, е роп. 'чек', в неизданном согдийском документе Мугского собрания — *čtt* — источник заимствования (?). اکّ *ikka* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'сделай'.

بیزار ڤا مکن څی حق پی سکند

bīzār βă mikkin ci hak pi sukand 'я освободил тебя от права за клятву'

مکن *mikkin* — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от *ik* — 'я сделал'. څی *ci* 'от', согд. 'č. *hak* араб. заимств. 'право'. سکند *sukand* 'клятва', ср. перс. سوگند

دما اخوّاسِیَ

dⁱmă axxvāsiya 'так освободи меня'.

دِ *dⁱ* < согд. *rty* 'и, так'. ما *mā* — вин. п. личн. мест. 1-го л. 'меня'.

اخّواسِیَ *axxvāsiya (uxxvāsiya)* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. < *vi* + *hrz* 'освободи'.

د مابر سکند خُرَ

dⁱ măbar sukand xura 'так надо мною клятву съешь (поклянись)'.

مابر *măbar* — личн. мест. 1-го л. вин. п. с послелогом *par, bar*. سکند *sukand* см. выше. خُرَ *xura* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'съешь', ср. согд. *γwr-*, перс. خور id.

د مِی ای چِک اکّ

dⁱ mĭ ĭ čik ikka 'так сделай мне документ'.

ĭ — опред. артикль м. р.; см. выше. اکّ *ikka* — 2-е л. ед. ч. пов. накл. 'сделай'.

اقّاْحْ

aββāc 'пусть будет' — 3-е л. ед. ч. conj.

شیک ڤابر خُرامْکام وابا خُرْحْ پارْوزْدَ

šĭk βăbar xurāmkām văbă̆ xurc pārvuzda перс. سه طلاق بر تو بخورم یا خورده شد 'я три (развода) в отношении тебя съем или съедены'.

شیّـک — субстантивированное числительное, употребляемое самостоятельно, 'тройка, трое, три' — числ. شی *šē* (*šī*) + именной суф. *-(a)k*. فابر *fābar* (*βābar*) (*-par*) 'над тобою (в отношении тебя)' — вин. п. личн. мест. 2-го л. < *θvām* с послелогом *-bar, -par*. خُرَامْکام *xurāmkām* 'съем' — 1-е л. буд. вр., образованное, как указывалось выше, присоединением к соответственной форме наст. вр. частицы *kām*, как в согдийском языке, ср. согд. *γwr-* и т. д. وابا *vābă* — союз 'или', ср. согд. *β'*, осет. *uæ* и т. д. خُرْخ پارْوُزد *xurc(a) pārvuzda* 'съедено' — страд. зал., образованный, как постоянно здесь, соединением прич. спрягаемого глагола [*xurc(a)* 'съеденный'] и соответственной (личной) формы глаг. *parvuz-* < *par* + *vart* 'превращаться, становиться'. پارْوُزدَ *pārvuzd(a)* — 3-е л. ед. ч. прош. вр. с удлинением гласного *a*.

کا پرا پنام سُکُندِ نی خرِیخیْ دَ ثی پرمّـکَ خُرَ

kă pară panāmi (pināmi) sukund nē xurīxī dª ci pirmak(a) (parmak(a)) xura 'если ты не съешь клятву о моей сопернице (другой жене араб.-перс. ضرّه), то съешь обо мне'.

pară предл. *panāmi* косв. п. от *panām(a)* < **patināma* перс. بنانج id. خُرِیخیِ *xurīxī* — 2-е л. ед. ч. conj. *xī* = средн. перс. *hē*. *ci parmak(a)* — сложный предл. *ci par* (перс. از بر) + личн. мест. 1-го л. с именным суф. *-ak*, ср. согд. *č'm'kh*. خُرْناثْ *xurnac* 'я съел' — 1-е л. ед. ч. пр. вр. *xur(i)n* + усилит. част. *-(a)c*, ср. согд. *tγ*, ав. *tē*, *tat*.

فا (وابا) برمّـکَ سُکُندْ خُر وابا پرا پنامِ

fă (vābă) parmak(a) sukund xur vābă para panāmi 'или надо мной съешь клятву или над моей соперницей'. Колебание в рукописях в первом слове между فا (*fă*) и وا (*vă*), وابا (*vābă*) отражает действительное колебание в произношении между губно-губным и губно-зубным спирантом, ср. согд. *β'* и осет. *uæ*.

خرناثْ

xurnac 'я съел', см. выше.

اهافِیخ پراثّ کاهِی مِکّخَا مِنْثَاه

ahāβīx parācc(a) kăhĭ mikkixă mincăh 'будешь ли ты разведенной, если ты сделаешь это'.

اهافیخ *ahāβīx* 'будешь ли ты', *a* — вопр. част. *hāβīx* — 2-е л. ед. ч. conj. от *aβa* 'быть', см. выше соединение двух др.-иран. основ *ah-* и *bav-*.

منشاه مکّخا *mikkixă mincăh* '(если) ты сделаешь', перс. пер. کرده باشی conditionalis. 2-е будущее, praeteritum futurum. Эта форма, многократно здесь засвидетельствованная, образуется сложением прошедшего времени спрягаемого глагола (с алифом в конце — اشباع ?) и частицы منشا *mincă*, *mancă*. Последняя, по всей вероятности, восходит к глагольной основе *mand-*. Сложные глагольные образования с глаголом *mānd(an)* представлены в средне-персидском языке, где они (прич. прош. вр. глаг. *māndan*) выражают действие, длившееся некоторое время и прекратившееся (ср. ZII, 9, 2, 246). Аналогичное значение имеют эти образования в современном таджикском языке *gufta mond* 'он сказал, высказал' (говорил некоторое время и перестал, закончил свою речь). В согдийском языке, несмотря на бедность письменных памятников, могут быть также отмечены сложные глагольные образования со значением conditionalis, praeteritum futurum, 2-го будущего. Это — образования с частицей *kām*, которая, будучи присоединена к наст. вр., образует в согдийском и хорезмийском языках будущее время, присоединяясь к optatīv'у или к прош. вр. (optatīv, как известно, в согд. яз. употребляется для выражения длительного, итеративного прош. вр.; ср. ZII, II, 296), эта частица образует praeteritum futurum. Ср. с optatīv'ом VJ 100: *č'n'kw ZY 'zw nwr čnn 'wsw'yt p'zn δβr' δβr'y k'm rty ms w'nw 'γδ'kw β'ty 'PZY...* 'так как я теперь с чистым сердцем милостыню давать буду, то пусть сбудется то желание, чтобы...' (перевод Готью подлежит исправлению); Vaj. (7—8)[1] *rty pyšt kδ "mtyčw 'prs'yk'm nyst w'tδ'r "zwn ZKZYn wyδy'y* 'и затем, если бы ты спросил об истине, (то) нет существа живого, которое бы исчезало'; с прош. вр. может быть приведен пример из собрания согдийских документов с горы Муг № 1 (не издано): *rtkδ pts'r kw t'β'ks'r myδ pwst'c L' βr'yšt 'yw č'nkw ZY kw t'm'ks'r βr'yštw δ'rty rty 'zw myδ pwstkw 'kw t'β'ks'r βr'yšwk'm...* 'и если бы затем тебе этой книги (письма) не послал бы, как он послал мне, то я эту книгу тебе послал бы...'

اهافیخ پراخ کاهی نی مکّخا منشاه

ahāβīx arāc kăhi nē mikkixă mancāhi 'будешь ли ты разведенной, если ты не сделаешь этого', см. выше.

اهافیخ پراخ کاهی مکّخا منشاه

ahāβīx parāc kăhi mikkixă mancăhi 'будешь ли ты разведенной, если ты сделаешь это', см. выше.

اياه پراخ

ayăhi parācc(a) 'разведена ли ты'.

a — вопр. частица, *yăhi* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. 'еси'.

[1] Vajracchedikā (H. Reichelt. Die Soghdischen Handschriftenreste... II Teil, Heidelberg, 1931, стр. 72).

امامْ يَاهِ شيَاوُرَ پراڅ كبا دهنَانَادِ

amāc(i) yăhi šiyāv^{a}r(a) parācc(a) kibă dihnānadi (перс.) اهستی تو از من سطلاق كه زدم من ترا (последнее сочетание не вполне ясно, нуждается в исправлении) ʿразведена ли ты от меня трижды, с тем, что я бил тебя'.

امامْ *amăc(i)*; *a* — вопр. част. *măc(i)* краткая форма косв. п. личн. мест. 1-го л. с послелогом, согд. *mč*, язг. *munjə*, ياهِ *yāhi* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. ʿеси'<*ahi*. ك *ki* — союз, вводящий придаточное предложение. با *bă*(?) вм. *βa*?. دِهْنَانَادِ *dihnănadi* — излишен один слог *na*? *dihnadi*? — 1-е л. ед. ч. пр. вр. от глаг. *dih-*, *dah-* ʿбить', ср. барт. *dē-*, мундж. *dę* и др.< индо-ир. *dhā*? (Это слово с взрывным *d* в анлауте могло бы указывать на западноиранский источник заимствования). د *di* энкл. мест. 2-го л.

اهاڤيخ

ahāβix ʿбудешь ли ты'.

a — вопр. част. *hāβix* — 2-е л. ед. ч. conj. от *aβa*, см. выше.

اياهِ

ayăhi ʿесть ли ты'. *a* — вопр. част. *yăhi* — 2-е л. ед. ч. наст. вр. √*ah-*. Противополагается в тексте *ahābix* и *ayăhi*

سُكُنْدْ خُرِين

sukund xurīna ʿя съел клятву'.

خُرِينَ *xurīna* ʿя съел' — 1-е л. ед. ч. пр. вр., см. выше.

پا جُفْتَ

pă jufta, перс. بر خاتون ʿнад супругой'.

jufta — *a* — показатель ж. р., перс. заимствование.

(Продолжение следует).

Е. М. КОЛПАКЧИ

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Изучение языка какого-либо периода всегда естественно предполагает и изучение его звукового строя. Многие поколения японистов, однако, считали (да и считают до сих пор) изучение фонетики древне-японского делом необязательным. Совершенно очевидно, что это странное положение вещей объясняется спецификой дальневосточной графики. Отказавшись (в лучшем случае) от использования идеографических текстов как материала при изучении древнего языка, исследователи базируются на ман'ёгане (т. е. на фонограммах), рассматривая их, и вполне справедливо, как более достоверный источник. Несомненно, что фонограммы для лингвиста представляют несоизмеримую с идеограммами ценность; подлинное значение их, однако, до сих пор обычно остается не вскрытым. Объясняется это тем, что, используя фонограммы, их берут в том чтении, которое знаки имеют в настоящее время. Таким путем происходит систематическая подстановка современного звучания на место древнего, причем результат этой подстановки отождествляется с первоначальным и исходным материалом. Ложность такого метода, однако, была вскрыта еще в XVIII в. двумя известными японскими филологами того времени — Мотоори Норинага и учеником его Исидзука Тацумаро. Более подробной разработкой данного вопроса мы обязаны именно последнему.

Еще Мотоори в „Кодзики дэн" указывал на то, что в использовании омонимических фонограмм проводилась определенная и строгая дифференциация. Так, например, несмотря на то, что 許 и 古 использовались оба для передачи слога *ко*, 許 никогда не использовался при транскрипции *ко* (子) 'ребенок'. Точно так же, как (*мэ*) 'женщина' транскрибировался иероглифом 賣 (*мэ*), но не иероглифом 米 и т. д. и т. п.[1] Все эти данные, углубленные еще анализом Исидзука Тацумаро в его труде „Канадзукаи оку но ямадзи",[2] приводят к выводу, что существовала двойная серия

[1] Цитирую примеры по статье О. Плетнера „Contribution à l'étude historique du vocalisme de l'ancien japonais". Bulletin de la Maison Franco — Japonaise, 1936, v. VIII, № 1, стр. 45—46.

[2] Впервые была издана в 1929 г. в собрании Нихон котэн дзэнсю. Первое критическое упоминание о ней мы находим в работе Хасимото Синкити „Кокуго канадзукаи кэнкю сидзё но ити хаккэн" (Тэйкоку бунгаку, 1917, № 11).

Более подробное изложение всех вопросов, связанных с фонограммами, см. его же Кодай кокуго но он'ин ни цуйтэ, 1942 г.

фонограмм, идущая в разрез с кажущейся в настоящее время омонимией. Исидзука удалось выявить тринадцать соответственных пар, насчитывающих каждая большое количество транскрипционных знаков, т. е. идеограмм, использованных в качестве фонограмм. К этим тринадцати парам принадлежат следующие слоги: *e, ki, ke, ko, so, to, nu, hi, he, mi, me, yo, ro.*[1]

Сравнение знаков ман'ёганы, использованных для каждого ряда, с древне-китайским чтением, восстановленным Карлгрэном в его „Analytic Dictionary",[2] указывает на определенную звуковую дифференциацию в пределах каждой пары фонограмм.

Для большей конкретности приводим ниже соответственные примеры:

Ряд А. (甲) Фоногр.	Др.-кит.	Ряд Б. (乙) Фоногр.	Др.-кит.
Ряд для слога *ко*			
古	*кио*	已	*kji*
胡	*γио*	居	*kịwo*
故	*кио*	臣	*gịwo*
枯	*кио*	許	*xịwo*
姑	*кио*	去	*kịwo*
庫	*к'uo*	虛	*xịwo*
高	*kâu*	典	*xịəng*[3]
孤	*к'uo*		
Ряд для слога *so*			
蘇	*suo*	會	*tsəng, dzəng*
素	*suo*	僧	*səng*
祖	*tsuo*	增	*tseng*
		憎	*tseng*
		則	*tsek*
		所	*swịo*[4]
Ряд для слога *го*			
路	*luo*	呂	*lịwo*
漏	*ləu*	侶	*liwo*[5]

Последовательное сличение рядов А с рядами Б подтверждает высказанное нами выше положение, позволяя его при этом уточнить, а именно: отмеченная выше дифференциация проходит, повидимому, под знаком лабиализации, с одной стороны, и палатализации или лабиопалатализации, с другой стороны.[6] Центр проблемы, однако, лежит для нас, в данном

[1] Хасимото Синкити. Дзёдай но бункэн ни дзонсуру токусю но канадзукаи то тōдзи но гохō. Кокуго то кокубунгаку, 1931, № 9, стр. 8—9.

[2] J. L. Pierson. The Manyôšû, v. 1, 1929, стр. 49—68. Пирсон использует материал Карлгрэна, см.: Analytic Dictionary of Chinese. Paris, 1923.

[3] J. L. Pierson, ук. соч., стр. 32—53.

[4] Там же, стр. 56—57.

[5] Там же, стр. 67.

[6] Мы не согласны, таким образом, с Плетнером, который учитывает лишь качественное изменение вокального элемента (см. ук. соч., стр. 54).

случае, не столько в уточнении звукового состава фонограмм сколько в констатации несомненного наличия звуковой дифференциации и всех вытекающих из этого выводах, а именно: а) учет рядов Исидзука совершенно преображает наши представления о фонетической системе древне-японского языка; б) учет рядов Исидзука ведет к иному пониманию грамматических соотношений в древнем языке.[1] В первую очередь это сказывается в исчезновении грамматических омонимов. Первый, кто обратил внимание на это, был Хасимото Синкити, подробно разобравший целый ряд грамматических вопросов в свете новых данных. Вскрыв ряд звуковых схождений и расхождений, Хасимото, однако, ограничивается лишь формальным анализом парадигм и не делает никаких выводов относительно строя языка в целом. Материал его, несомненно, слишком обширен для того, чтобы можно было в данном случае использовать его целиком. Это означало бы, в сущности, последовательный пересмотр всей грамматики древнего языка, поэтому мы здесь ограничились лишь одним, хотя и узким, но вместе с тем весьма важным вопросом. Вопрос этот заключается в соотношении между формой повелительного наклонения глагола первого спряжения (так называемый ёдан) с формой условно-временного и уступительного наклонения того же спряжения.

Прежде всего сопоставим эти формы в их современном звучании.

Глагол *ёму*:

повелительное наклонение — *ёмэ*
условно-временное — *ёмэ-ба.*
уступительное — *ёмэ-домо.*

С этим совпадает и современное чтение соответственных фонограмм. Однако анализ, произведенный Исидзука, выявил наличие двух рядов в отношении слога *мэ*: А) 賣謎咩綿馬面女 Б) 米妹梅每 瑇昧睌目眼. Дальнейшие же работы Хасимото Синкити вскрыли и соответственную дифференциацию в грамматической функции этих рядов. Выяснилось, что слог *мэ* повелительной основы транскрибируется только фонограммами из ряда А, тогда как *мэ* условно-временной основы использует лишь фонограммы ряда Б. (Попутно необходимо иметь в виду, что глаголы третьего спряжения, иначе говоря симонидан, используют фонограммы ряда Б для транскрипции повелительного наклонения — момент весьма важный при выяснении принадлежности глаголов к тому или иному спряжению). Звуковое совпадение основ повелительного и условно-временного наклонения оказалось мнимым. Это же положение относится не только к слогу *мэ*, но и к слогу *хэ* и *кэ*.

Проверка, которой я подвергла, в свою очередь, тексты „Ман'ёсю“,[3] „Микотонори“ и „Фудоки“, вполне подтвердила выводы Хасимото. Некоторое отклонение в использовании фонограмм наблюдается лишь в XIV томе „Ман'ёсю“, который занимает в этой антологии, как известно, совершенно особое место. Об этих отклонениях, однако, пишет и Хасимото.[2]

Приводим примеры дифференциации знаков ман'ёганы в связи с дифференциацией форм.

Унохана но томо ни си накэба хототогису

[1] Хасимото Синкити, ук. соч.
[2] Там же, стр. 3.
[3] Дальше „Ман'ёсю“ обозначается буквой М.

Ия мэдзурасимо...

'Так как кукушка поет одновременно (с цветением) цветов унохана, то еще милее она...' (М, 4091; М, Сосяку, т. IX, стр. 55).

Аратама но тоси юкикаэри хару татаба
Мадзу вага ядо ни угуису ва накэ

'Если б год свершил свой круг и снова наступила весна, ты бы должен был спеть, соловей, прежде всего у моего жилища' (М, 4490; М, Сосяку, т. X, 171 стр.),

Если в первом примере для транскрипции слога *кэ* в *накэба* использована фонограмма 氣, то во втором случае для передачи императивной формы того же глагола *наку-накэ* использована фонограмма 家.

Данная дифференциация фонограмм совершенно совпадает с той, которая была вскрыта Хасимото Синкити.[1]

Однако лишь благодаря существованию указанной закономерности, обнаруженной Хасимото, выясняется и другая закономерность, перекрещивающаяся с первой. Обнаруживается она в таких отступлениях, которые во всей совокупности условий своего существования образуют определенную систему. Проявление ее поэтому никоим образом нельзя рассматривать как распад рядов Исидзука или, иначе, коренное изменение фонетики древнего языка, но как некое новое качество. Какова же суть этого явления?

В том случае, если глагол первого спряжения выступает по форме в повелительном наклонении, но по функции своей в предложении не как конечное сказуемое, а как второй предикат, то фонограмма для транскрипции основы используется не из ряда А, а из ряда Б. (В обычных терминах японской грамматики это означает, что так называемая „повелительная основа" транскрибируется фонограммами, присвоенными для условно-временной основы).

Приведем пример, взятый из „Микотонори".[2]

Какэмаку мо касикоки вага ōкими сумэрамикото, коно амацу хицуги но такамикура но вадза о укэтамаваритэ цукаэмацурэ то ōсэтамаэ инадаки ни укэтамавари касикомари...

'Так как наш неизреченно великий владыка повелел: будь восприемником дел высокого престола потомков небесного солнца, то (я) с трепетом возложу на свою главу и...'

В данном тексте форма *ōсэтамаэ* от глагола *тамау*, совпадая по форме с повелительным наклонением, по синтаксической функции своей выражает сказуемое подчиненного предложения, что и отражено соответственно в русском переводе союзом 'так как'. Совершенно очевидно, однако, что в японском тексте нет подобного союза и что сложное предложение в данном случае появляется из сочетания двух простых предложений, из коих первое выступает как повелительное. В языке более позднего времени этой форме выражения соответствовало бы сочетание суффикса *ба* с той же основой.

Аналогичная связь между повелительным наклонением и ростом сложного предложения прослежена была А. А. Потебней на материале русского и славянских языков: „Влр. союз буде („буде любишь, так скажи", Даль; „буде пришел, так сиди") теперь ничем заметным не отличается

---

[1] Хасимоти Синкити, ук. соч., стр. 10.

[2] Микотонори, № 14, изд. Нихон бунгаку тайкэй, т. 1, стр. 786.

от если и т. п."[1] Близость этих двух систем выражения воссоздается более отчетливо при более точном, дословном переводе вышеприведенного японского текста: 'Повели нам неизреченно великий владыко: будь восприемником дел высокого престола... (и я) с трепетом возложил на свою главу...'

Выше, однако, мы указали на то, что транскрипция глагольной основы, судя по фонограммам, не совпадает в данном случае с транскрипцией повелительного наклонения. Фонетическое созпадение этих основ появляется, следовательно, лишь позднее, с исчезновением древней звуковой системы; омонимия эта, следовательно, для древнего языка лишь кажущаяся.

Таким путем возникает вопрос: не придется ли нам признать наличие двух типов основ повелительной формы глагола первого спряжения: а) повелительной основы, несущей чисто императивные функции, и б) некой иной, отличной от нее основы, выступающей лишь в сложном предложении? Таким образом, выдвигается совершенно новая проблема — проблема сказуемого подчиненного предложения и связь его с императивом.

Анализ примеров показывает ряд примечательных фактов. В первую очередь необходимо отметить то, что обычное повелительное наклонение и в самостоятельном предложении обнаруживает тоже отклонение в сторону условно-временной основы в том случае, если предложение эмоционального типа, иначе, если непосредственно после сказуемого стоит какая-либо восклицательная частица. Например: *Унохана но саку цуки татину, хототогису, Кинаки тоёмэ ё фуфумитари томо* (М, т. XVIII, № 4066).[2]

Комментатор переводит это стихотворение на современный язык: *унохана но сакубэки цуки ни иё-иё натта. Хана ва имада фукундэ ва иру га, хототогису ё, коко э китэ такарака ни наитэкурэ ё.*[3] 'Наступил месяц, когда зацветут цветы унохана. Кукушка, прилети сюда и пой, хоть (они) еще не распустились'.

Примечательно, что для транскрипции *мэ* в *тоёмэ* использована фонограмма 米, та именно, которая по таблице Хасимото соответствует условно-временной основе. Рассматривать в данном случае глагол *тоёму* как принадлежащий к третьему спряжению со значением *тоёмосу* 'тревожить голосом' не оправдывается уступительной формой *фуфумитари*. Толкование, данное комментатором, тоже совпадает со значением *моёму*, т. е. с глаголом первого спряжения.

Имо га содэ вакарэтэ хиса ни наринурэдо, хито хи мо имо о васурэтэ омоэ я. 'Хоть давно уже я расстался с милой, но неужели хоть на один день забуду ее!' (М, т. XV).[4]

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II, 1889, стр. 295—297. Относительно японского языка см.: Исида Харуаки. Косо — кэрэ кэсики но хонги. Кокуго то кокубунгаку, 1939, № 2, а также мою диссертацию: Древне-японский литературный язык по памятникам эпохи Нара (гл.: „Выражение субъекта" и „О сложном предложении").

[2] Предварительно необходимо указать, что *ё* при форме *тоёмэ* отнюдь не указывает на третье спряжение, так как, судя по примерам, приводимым Ямада в „Нихон бумпорон", стр. 1064, оно возможно и при глаголах первого спряжения. Использование *ё* при повелительном наклонении глагола первого спряжения, по мнению Ямада, явление отнюдь не случайного или исключительного порядка и довольно частое даже в классическом языке X века. Целый ряд примеров он приводит даже из „Гэндзи моногатари".

[3] М, Сосяку, т. IX, стр. 33.

[4] По изданию Ёсано Ман'ёсю рякугэ, т. VII, стр. 115.

Э пэ в омоэ* транскрибировано фонограммой 倍 той, которая по таблице Хасимото служит для передачи условно-временной основы.

Аналогичную фонетическую структуру слова мы находим и в том случае, когда непосредственно после глагола следуют частицы *ка* или *косо*.

Фонограммы из ряда А (по Хасимото ряд 甲) появляются лишь тогда, когда мы имеем повелительное наклонение, не осложненное никакими восклицательными частицами.

Матоку но кумои ни миюру имо га э ни иду ка итараму, аюмэ ага кома (М, т. XIV).[1]

Для транскрипции *аюмэ* использована фонограмма 賣, передающая, согласно Хасимото, повелительное наклонение.

Тарухимэ но ура о коидуду кё нэ хи ва. Танусику асобэ... 'Плывя на лодке в бухте Тарухимэ, сегодня весело развлекайся!...' (М, т. XVIII, № 4046).

Для транскрипции *асобэ* использована фонограмма 敝, передающая, согласно Хасимото, повелительное наклонение.

Указанная выше фонетическая дифференциация особенно ясно проявляется при использовании одного и того же глагола в разных синтаксических условиях.

Так, например, в „Микотонори" № 7 чистое повелительное наклонение глагола *тамау* транскрибируется фонограммой 幣, соответствующей, по таблице Хасимото, фонограммам императива.

天皇大命良麻止親王等又孜王臣等語賜幣止敕久 (769 стр.). *Сумэрага ōмикоторама то микотати мата имаси ōкимитати омитати ни катараитамаэ то норитамаваку...* 'Великое повеление государево гласит: поведай принцам, вам князьям и вассалам...'

Тот же глагол *тамау* в повелительном наклонении, осложненном восклицательной частицей *ё*, получает, однако, уже иной фонетический облик.

天皇我詔旨良萬止宣不勅命乎使人等聞給倍與止宣久,天皇我勅命乎聞食倍與止宣.[2] *Сумэрага микотонорирама то норитамау микотонори о цукаибитотати кикитамаэ ё то норитамаваку, сумэрага микотонори о кикосимэсаэ ё то нору.* 'Великое повеление государево гласит: весь служилый люд повелению внимайте. Повелению государеву внимайте — так возглашаю!'

В данном примере окончание повелительного наклонения в сочетании с восклицанием *ё* передается фонограммой 倍, иначе говоря, фонограммой того ряда, который используется для передачи условно-временной основы.

Здесь мог бы быть приведен целый ряд аналогичных примеров, однако и этих уже достаточно, нам думается, для того, чтобы показать ту существенную разницу, которая, очевидно, наличествует между чистым повелительным наклонением и повелительным же наклонением, соединенным с какими-либо экспрессивно-выразительными частицами, будь то *косо*, *ё*, *я* или *ка*. В этом именно моменте и заключается основной смысл всей

---

[1] Ёсано, т. VII, стр. 44.

[2] Микотонори, № 19. В кн.: Сёку Никон кōки, цитир. по Ямада Нихон бумпōрон, стр. 1065. Чтение у Ямада отсутствует.

проблемы соотношения между модальными формами и структурой сложного предложения. Ведь не надо забывать, что те форманты *ба* и *домо*, которые выступают как носители подчиненности в сложном предложении, суть не что иное, как те же экспрессивно-выразительные частицы — *ва*(* *па* и *томо*. Отсюда именно и та фонетическая реакция, которую мы наблюдаем в структуре глагола в случае наличия *ба* или *домо*, которая абсолютно аналогична с реакцией на *я*, *ка*, *косо* или *ё*.

В чем, однако, причина этого явления?

Нам думается, что ключ к разгадке в данном случае лежит в музыкальном ударении, в изменении высоты тона в связи с наличием или отсутствием определенных восклицательных частиц. Понятно, в этом отношении мы лишены каких бы то ни было твердых данных. Некоторую аналогию лишь, может быть, могут представить материалы по музыкальному ударению в говоре Киото, демонстрирующие перемещение голосового тона на *ба* в сочетании с изменением характера предшествующего гласного. Ср. *a*ˈ*mu* 'плести' — *ame:*ˈ*ba*; *wara*ˌ*u* 'смеяться' — *waraje:*ˌ*ba*; *ra*ˈ*su* 'выставлять' — *ras'e:*ˈ*ba* и т. д.[1] Здесь дело не просто в модальных частицах, а в интонации и связанных с ней фонетических изменениях, что явствует также и из того, что и без модальных частиц при наличии других каких-либо моментов, организующих интонацию, наблюдаются те же самые фонетические изменения.

Миэдзу томо тарэ *коидзарамэ яма но ха ни исаёу цуки о ёсо ни митэси ка.* 'Кто не будет любить лишь оттого, что (её) не видно? Ах, хоть издали посмотреть бы на луну, что блуждает над краем гор!' (М, т. III, № 393).[2]

Суффикс *мэ* передан фонограммой 米, соответствующей, по Хасимото, условно-временной основе. Само наличие здесь *мэ* при характеристике конечного сказуемого, очевидно, объясняется риторическим вопросом.

Из всего этого совершенно очевидно, что на фонетической структуре сказуемого не может не отражаться его позиция в предложении, так как последняя должна давать иной мелодический рисунок, чем позиция в конце предложения. Вот чем в конечном счете объясняются те фонетические изменения, которые мы наблюдаем в том случае, когда сказуемое, не осложненное никакими модальными частицами, оказывается вторым предикатом, иначе — предикатом придаточного предложения.

Ōфунэ о арумн (арауми) ни когидэ я фунэ такэ *вага мисн кора га мами ва сируси мо* Комментатор переводит: *Ōфунэ о арауми ни когидаси, коги ни когэ, вага мита онна но мэмото ва, хаккири то миэру.*

'Выплыв в бурное море, пусть (я) гребу и гребу, (и все же) любимую свою вижу отчетливо перед собою' (М, т. VII, № 1266).[3]

По „Котоба но идзуми" глагол *таку* (ёдан) означает 'усиленно грести'. Соответственный пример имеется и в „Тоса никки." Неосложненное никакими формантами, *такэ* как глагол первого спряжения выступает в чистой повелительной форме и, следовательно, должен был бы транскрибироваться фонограммой ряда А, тем не менее, однако, *кэ* транскибирозано фонограммой ряда Б 氣, соответствующей по таблице Хаси-

[1] Знак ˈ над буквой указывает на повышение голосового тона; знак ˌ под буквой — на понижение голосового тона.

[2] М, Сōсяку т. II, стр. 1об.

[3] М, Сōсяку, т. IV, стр. 1[illegible].

мото передаче условно-временного или уступительного наклонения. Функцию последнего в данном синтаксическом контексте оно действительно и выполняет, что и отмечает в своей статье Исида Харуаки, истолковывая эту форму в смысле: *Ия фунэ такэдо.*[1]

Путем сличения таким образом фонограмм мы приходим к тому заключению, что связь между повелительным наклонением и определенным типом сложного предложения, несомненно, существовала. Осуществлялась она посредством фонетических чередований, завися, очевидно, от изменения музыкального тона. Дальнейшее изменение всей фонетической системы и переход на другую систему графики, приведя к грамматической омонимии, затушевывает и искажает первоначальное положение вещей, сохраняя для нас опорные пункты лишь в области семантики. Интересно, однако, в этом отношении то, что те выводы, к которым мы некогда пришли лишь на основе семантики, руководствуясь общелингвистическими положениями, подтвердились на этот раз и в свете фонетических данных. Поэтому плодотворность учета фонетики при изучении строя древне-японского языка мы считаем совершенно несомненной.

---

[1] Исида Харуаки, ук. соч., стр. 72.

А. Н. КОНОНОВ

ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА *DÄГIL* „НЕ ЕСТЬ", „НЕ"

По характеру формального выражения прииенного отрицания все языки тюркской системы распадаются на две группы: выражающие приименное отрицание: 1) с помощью *däгil* (и его фонетических вариантов) и 2) с помощью *ämäз ~ ärmäз* || *ämäc ~ ärmäc* (и их фонетических вариантов); отрицательная форма глагольных основ (2 л. повелит. накл.) образуется одинаково для всех языков: с помощью аффикса *-ma, -mä* (или его фонетических вариантов).

Этимология *ämäз ~ ärmäз* || *ämäc ~ ärmäc* совершенно прозрачна; *ä* || *är* + *mä* + *з* || *c*; где *-ä* || *är* — основа вспом. глагола *ä* || *är* || *i* || *ir* + *mäk*: *-mä*, — аффикс отрицания, *-з* || *c* < *ρ* — аффикс настоящего-будущего времени.

Как видно из этого анализа, слово *ämäз ~ ärmäз...* есть грамматикализованная форма отрицательного причастия настоящего-будущего времени от глагола *ä* || *är-mäk* 'быть'.

С другой стороны, имеется отрицательное наречие *jok* (с его фонетическими вариантами): 1) 'нет'; 2) 'отсутствующий', 'несуществующий'; 3) 'бедный'; во втором значении ('несуществующий') *jok* совпадает с *ämäз*.

Когда выше говорилось о *däгil* и *ämäз ~ ärmäз...* как о приименных отрицаниях, то под именами имелся в виду также ряд отглагольных форм; к числу таковых, в первую очередь, следует отнести формы: *jaз-ar, jaз* + *ɣan, jaз-mыш, jaз-dыk, jaз-adжak*. Подобные глагольные формы могут использовать для отрицания все три возможности, например, положительная форма узбекского предложения: *jaз* + *ɣan* + *man* 'я написал' может иметь следующие отрицательные формы: *jaз* + *ma* + *ɣan* + *man*, *jaз* + *ɣan ämäc* + *män*, *jaз* + *ɣan* + *ым jok*. В турецком языке возможны следующие формы: *jaз* — *мыш* — *ым* 'я (оказывается) написал': *jaз-ma-мыш-ым*, *jaз-мыш dägilim*: *jaз-ma-dыɣ-ым*, *jaз-dыɣ-ым jok* и т. п.

Приведенные примеры говорят не только о именном характере глагольных форм, но и о том, что отрицание с помощью *-ma, -mä* строго обязательно только во 2 л. повелительного наклонения.

Слово *däгil* имеет значительное число фонетических вариантов: *tüгül* (джаг., кир.-бараб. В. В. Радлов, Словарь, III, 1536), *däгül* (джаг., III, 1660), *tögöl* (казанск. III, 1286) *däjil* (осм.-азерб.-крымск. II, 1656, 1659, 1664), *däl* (туркменское) *dil* (газаузское) и др. В старых текстах это слово встре-

чается в начертании: دكل > داكيل > داكل > توكول[1] > تكل > تكلُ (М. Кашгарский) تاكول[2] и т. п.

Если этимология *ämäz ~ ärmäz*, как отмечено выше, ясна, то состав слова *däıil* требует кропотливого анализа. В тюркологической литературе известны три попытки толкования состава этого слова; первая из них принималась и в русских тюркологических работах, возводившая *däıil* и его фонетические варианты к слову *mÿɣäl ~ mÿkäl* 'целый', 'весь', а это слово семантически сопоставлялось с французским *du tout* в функции отрицания.[3] Стоит ли говорить, что это предположение теряет свою доказательную силу, как только мы вспомним, что *du tout* вовсе не является самодовлеющим отрицанием (как *däıil*), а служит лишь усилением отрицания.

Б. Коллиндер[4] возводит *däıil* к глаголу *däg-mäk* 'касаться'.

А. ф. Габаин[5] анализирует и разъясняет состав слова *däıil* так: „Analoɣ dem obigen * *yoq + ol > yoɣul* erkläre ich es als *täk + ol*; das *täk* bedeutet in den verschiedenen Dialekten stets etwas Defektes: ohne Beschäftigunɣ, ohne Absicht, ohne irgend etwas... Aus dem gleichen Grund wie *yoɣul* fungiert *tägül* zwar als Prädikat, aber nie als Nomen".

Было высказано также предположение о том, что „корень [слова *däıil*] представлен в глаголах *daɣılmak* и *daɣıtmak*".[6]

В 1936 г., на III Турецком лингвистическом конгрессе в Стамбуле профессор Жан Дени, читая доклад „О происхождении аффикса *-läр* в турецком языке",[7] напомнил мимоходом, что Махмуд Кашгарский в своем словаре выводит *däıil* из *daɣ + ol*. Причем это положение М. Кашгарского докладчиком не было никак комментировано.

М. Кашгарский (III, 114, 1—4), приводя слова داغ وَ ذاغ, переводит их арабским ليس „Daɣ, ðaɣ nicht'; ol andaɣ daɣ ol 'das ist nicht 'so' [Aryu; gavon leitet K (ašɣarī) das täkül der Ǧuzz ab]".[8]

В другом месте (1, 329, 13) М. Кашгарский гузское تكلُ сопоставляет с داغ ال, употребляющимся у аргу.[9]

Слово *daɣol* — соответствующее по значению и употреблению слову *däıil* — встречается в различных фонетических вариантах в ряде живых языков тюркской системы. В форме *dänel* — *däıil* оно зарегистрировано у кашкайцев (тюркское племя, обитающее в Фарсе).[10] Форму, приводимую

[1] См. Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, стр. 402.

[2] См. еще: ЭКВ, II, стр. 264.

[3] J. Deny. Grammaire de la langue turque, Paris, 1921, стр. 283.

[4] B. Collinder Reichstürkische Lautstudien. Uppsala Universitets Årsskrift, Uppsala, 1939, Bd I. стр. 44.

[5] A. v. Gabain. Die Natur der Prädicats in den Türksprachen. K Cz-A. III. 1. 86—87.

[6] Dördüncü Türk Dil Kurultayı, 1942. Istanbul — Ankara, 1943, стр. 196. — Besin Atalay. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. Istanbul, 1942, стр. 325.

[7] J. Deny. Türkçede „ler" edatının menşei. Üçüncü Türk Dil Kurultayı (1936), Istanbul, 1937, стр. 291—295.

[8] C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kāšɣaris divān lugāt at-turk, Leipzig, 1928, стр. 60. См. теперь по новому турецкому переводу Б. Аталая („Endeks" под словом *dag*).

[9] К. Броккельман (ук. соч., стр. 201) сопровождает это замечание М. Кашгарского ироническим восклицательным знаком „tägül... as daɣoll..."

[10] А. А. Ромаскевич. Песни кашкайцев. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. V вып. 2, стр. 592—593, 602. Вариант *däıil* встречается только один раз (стр. 602).

М. Кашгарским (см. выше), находим в записях В. Минорского: *chibuch ch'äk'mäg'i havul day* 'to smoke a pipe is not good'.[1] См. еще в глоссарии: *daγ, daγïl*[2]

В анатолийско-турецких диалектах это слово зарегистрировано в самых разнообразных формах: *doƍул* (вил. Кастамону)[3], *dāl, dā'l, däjl* (вил. Чорум); *däil, däl, dävïjl* (вил. Мерзифон, Амасья); *dövïjl* (вил. Чанкыры, Амасья); *dövïjl* (вил. Амасья);[4] *daƍул* (Зап. Анатолия, Кашарские юрюки); *daул* (говоры Кескина и Кыршехира).[5]

В форме *dok, doƍол* это слово встречается в койбальском языке.[6] В форме *dö'jïjl ~ dö'li ~ dö'ji ~ döj* оно зарегистрировано в одном из нухинских говоров азербайджанского языка;[7] *döj* есть, несомненно, вариант *daƍ*. Современный ногайский язык знает форму *дувул-тувул-тувыл*,[8] восходящую к *daƍол*: чередование *ƍ ~ в* — широко распространено в языках тюркской системы. В „Codex Comanicus" интересующее нас слово встречается в формах *däbl, däjl*.[9]

Для шорского, сагайского и койбальского языков слово *däгil* зарегистрировано в форме *чоƍул* (В. В. Радлов, Словарь, III, 2004); замечу, кстати, что В. В. Радлов поясняет слово *чоƍул* через форму *joƍул*, ставя между ними знак равенства (III, 2015).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что:

1) *däгil* (и его фонетические варианты) и *daƍол* функционально и семантически равнозначны;

2) *däгil ~ daƍол* — является сложным словом, состоящим из *daƍ* + *ол* (NB! начертание М. Кашгарского: أُل داغ).

Ничто не мешает видеть во втором компоненте этого слова, т. е. в *-ол* — указательно-личное местоимение 3-го л. ед. ч. 'тот — он'.

Значительные трудности для этимологизации представляет первый компонент, т. е. *daƍ*. Учитывая указание М. Кашгарского и данные живых языков (см. выше), что *daƍ* имеет значение 'не — нет' и что начальному согласному *д ~ т*, с которым сохранилось интересующее нас слово, по законам тюркской фонетики соответствует *j, дж, ч, ж, с* (*jок, джок, чок, жок, суок*),[10] я прихожу к выводу, что первый компонент (т. е. *daƍ*) восходит к слову *jok*[11] в одном из его фонетических вариантов, а именно *dok — doƍ*. Чередование в инлауте *д ~ j* — общеизвестно; чередование *д ~ j* в анлауте подтверждается следующими фактами: в ойротском языке звуку *j, дж, ж* других языков в начальной позиции соответствуют *дь*:

---

[1] V. Minorsky. The Turkish Dialect of the Khalaj. Bull. of the School of Oriental Studies, vol. X, Part. 2, 1940, стр 420.

[2] Там же, стр. 425.

[3] Türkiye'de halk ağzından söz derleme dergisi. Istanbul, I, 1939, стр. 453.

[4] A. Caferoğlu, Anadolu ağızlarından toplamalar... Istanbul. 1943, стр. 213—216.

[5] Dördüncü Türk Dil Kurultayı. стр. 195. — B. Atalay, ук. соч. стр. 325.

[6] A. Castren. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre. St.-Petersburg, 1857, стр. 62.

[7] Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Тр. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, в. 6, Баку, 1926, стр. 105.

[8] Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Л., 1940. Вариант *дувул* см. стр. 189, 241; *тувул — тувыл* стр. 264; *тувыл* стр. 171.

[9] W. Radloff. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St-Petersburg, 1837, стр. 50.

[10] Якутская форма.

[11] Это предположение впервые мною было высказано в „Грамматике турецкого языка" (Л., 1941, стр 49, прим. 1).

дьок 'нет', *дьол* 'дорога', *дьакшы* 'хороший', *дьаман* 'худой'.[1] Ср. койбальское *daxse=jахшы* 'хороший' *dîte~dîté=jämi* 'семь', *düs~tüs=jüз* 'сто'.[2] „У алтайских калмыков (*j*, — *А. К.*) произносится, как смягченное, едва слышное, *т*; у телеутов смягченный звук *т* слышен совершенно ясно; у кондомских татар или шорцев произносится как смягченное *ч*. Например *jол* для шорского и кондомского поднаречия мы будем произносить *чёл*, для телеутского *тёл*...“[3]

В якутском языке *j* в начальной позиции чередуется с *с, дж, дь*.[4] Чередование *j* ~ *д* (или *д*-образного звука) в начальной позиции подтверждается также некоторыми историческими свидетельствами; так, в тюркологической литературе есть указание на то, „что звук *j* в ранние периоды заменен *ʿd* и *ǰ*. Таковы, например, название реки Урал у Менандра (*ʿdayīq* или *ǰayîq*), титул ябгу у тахаристанских тюрок VII в. н. э. (**dabγuya* или *ǰabγuya*). К таким языкам, у которых вместо *j* стоит *ʿd* и *ǰ*, принадлежит киргизский, шорский, сагайский, древне-якутский и булгарский языки“.[5] Похоронный ритуал, обозначаемый в орхонских надписях словом joƍ, в византийских источниках VI в. передается формой *dochia*.[6]

Приведенные материалы убедительно говорят в пользу признания *доƍ* фонетическим вариантом *jok*.[7]

Что касается качества гласных в интересующем нас слове, то в языках тюркской системы чередование *а ~ ä, о ~ ö, у ~ ü, і ~ ы, а ~ ы, ä ~ і* наблюдается весьма широко и связано с чередованием согласных ƍ ~ г ~ к ~ k.

Естественно возникает вопрос: почему в так называемых „йокающих“ языках это слово имеет *д* || *т*-окающую форму, т. е. *д* || *т* — ƍ || *г* — *л* || *l*, а не *j* — ƍ || *г* — *л* || *l*? Ответить на этот вопрос, по понятным причинам, можно только сугубо предположительно. Вероятно, йокающие и *д* || *т*-окающие формы развивались параллельно, а, может быть, формы с начальным *д* || *т* первороднее йокающих форм, косвенным подтверждением чего может служить эволюция срединного *д* > *j* (или точнее: *д* > *з* ~ *j*): *адак* — *азак* — *ajak*. Генетически первородная форма *доk* || *доƍ* могла в результате грамматикализации этого слова закрепиться именно в этой форме, а форма *jok* и ее фонетические варианты стали функционировать только как наречие отрицания.

Изложенное позволяет, как мне кажется, с известными основаниями предположить, что слово *дäıil* (и его фонетические варианты) возникло из *д* · ƍ || *г* · *л* || *l* (где · — гласный любого качества), следовательно, отрицательная форма имени строилась и воспринималась так: *ол тӱрк даƍол*

---

[1] „Знаком *дь* обозначается среднеязычный смычный глухой или факультативно полуглухой (в начале изолированного слова) и звонкий в середине слова“ (Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 30).

[2] A. Castren, ук. соч., стр. 17. Ср. еще: Zu der interessentesten gehört der im Anlaut eintretende Wechsel verschiedener aus einem urspünglichen j hervorgegangener Laute; es kann das j nämlich in t, d n. übergehen“ (там же, стр. IX—X).

[3] Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 3—4.

[4] „...*дj* есть палатализованный *д*... всегда возникает из *дж* и всегда слово с этим звуком имеет параллельную форму, где на смену *дj* звучит *дж*: *дjиä* 'дом' = *джіа* (С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. 1900, стр. 2—3).

[5] А. Бернштам. Следы джекания в тюркских языках Средней Азии. Сб. Памяти акад. Н. Я. Марра, Инст. Языка и Мышления, Л., 1933, стр. 18. Там же (сноска 2) указание на главнейшую литературу вопроса.

[6] А. Бернштам, ук. статья, стр. 13, прим. 2.

[7] „Wir wissen, das dem heutigen *yoq* im Frühertürkischen ein **doq* d. h. *doq* entsprochen hat“ (W. Bang. Das privative Suffix — *sïz*. Türkologische Briefe, IV, U J. 1927, Bd. VII, Heft 2, стр. 42).

'он тюрок — не он' = 'он не тюрок'. Причем *д · ҕ · л* не синонимично русскому 'не' (не-большой), ибо это тюркское слово заключает в себе предикативность ('не есть'), которая могла возникнуть только из местоимения *ол*, которое и превратило имя в предикат.

Но с другой стороны, параллельное употребление форм *даҕ* и *даҕол*[1] указывает на то, что для выражения отрицания требуется лишь наличие этого слова (еще в форме *даҕ*) в абсолютном конце предложения, т. е. „чтобы имя оказалось предикатом (в именном, иначе номинальном, предложении) требуется особое синтаксическое построение, в котором предикативное значение имени в предложении устанавливается синтаксическим путем..."[2] С момента выделения местоимений, сначала одноличного местоимения (*ол*), которое обслуживало все лица или, точнее, коллективное „лицо", появилось формальное выражение предикативности через оформление имени местоимением. Указанные выше употребления обеих форм: „чистое" имя (*даҕ*) и имя, оформленное местоимением (*даҕол*),— пережиточно отражают процесс становления именного предиката. С развитием местоимений 1 и 2 л. форма *даҕол*, как „неличная", стала тем морфологическим фундаментом, на котором развились все прочие лица.

---

[1] A. Castren, ук. соч., стр. 62. — V. Minorsky, ук. соч., стр. 425.
[2] Акад. И. И. Мещанинов. Общее языкознание. Л., 1940, стр. 117.

А. А. ДРАГУНОВ

КАТЕГОРИИ ЗАВИСИМОЙ И НЕЗАВИСИМОЙ ПРЕДМЕТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ

[Суффиксы *-(э)р* и *-цзы*]

Суффиксы *-(э)р* и *-цзы* принадлежат, как известно, к числу самых распространенных служебных морфем современного китайского разговорного языка.

Оба они специфичны для категории предметности и составляют ее характернейшую морфологическую особенность, с той, однако, оговоркой, что в ряде случаев использование суффикса *-(э)р* выходит за рамки этой категории, охватывая также и некоторые разряды наречий.

Роль этих суффиксов в современном языке до сих пор, однако, как следует не выяснена. Специальных работ на эту тему в китаеведческой литературе нет,[1] а то немногое, что в словарях и грамматиках сообщается об этих суффиксах, сводится к тому, что они выполняют уменьшительную функцию, но чаще всего являются лишь морфологическими показателями существительных и в ряде случаев могут заменять друг друга.[2]

Такое состояние вопроса вряд ли может считаться сколько-нибудь удовлетворительным, и предлагаемая статья имеет своей целью рассмотреть этот вопрос несколько более детально.[3]

---

[1] За исключением моей заметки „Некоторые проблемы китайской грамматики" (Рабочая хроника Института востоковедения, II, Ташкент, 1944, стр. 23), где кратко резюмированы основные положения настоящей работы, и небольшой статьи Hsü Chih-po „On êrh and tzŭ" (Chung-ho Monthly, 1, 7, стр. 68—75), ознакомиться с которой я не имел возможности.

[2] См., например, определение этих суффиксов в словаре Матьюза (Mathews) „A Chinese-English Dictionary" (1945 г., № 1759 и № 6936, d).

[3] В рукописи настоящая статья была любезно просмотрена акад. В. М. Алексеевым, проф. С. Д. Кацнельсоном и Б. И. Панкратовым, сделавшими мне ряд ценных замечаний, за которые приношу им свою искреннюю благодарность.

А. Суффикс *-(э)р*

I

Рассмотрение значения и функций суффиксов *-(э)р* и *-цзы* начнем с суффикса *-(э)р*.[1]

1. Суффикс этот мы находим прежде всего в тех случаях, когда существительное, на него оформленное, означает предмет, являющийся частью другого предмета. Примеры весьма многочисленны, ограничимся следующими: *фан мэр* 'дверь дома', *шань пхор* 'склон горы', *хэ яр* 'берег реки', *чжоцзы мяр* 'поверхность стола', *го гар* 'крышка котла', *цзянь гэр* 'древко стрелы', *мяо тхар* 'башня пагоды', *дэн няр* 'фитиль лампы', *мэнь сяр* 'порог двери', *ма тхер* 'подкова лошади,' *цхян фэнр* 'трещины в стене', *се тхунр* 'голенище сапога', *билянр* 'переносица' (букв. 'хребет носа'), *цзилинр* 'перо (птицы)', *жэнь инр* 'тень человека', *хули цзунр* 'следы лисы', *хуа бар* 'тема разговора' и т. п.

Целое может и не быть выражено, а только подразумеваться. Суффикс *-(э)р* и в этих случаях сохраняет свое партитивное значение, служит своего рода напоминанием об этом целом, показателем того, что мы имеем дело с неразрывной частью какого-то другого предмета: *мэр* 'дверь', *кхоур* 'пуговица', *фатхяор* 'пружина' (напр. часов), *яр* 'берег', *инр* 'тень', *чхоутхиэр* 'ящик', *пхяр* 'страница', *чхэр* 'колея', *чжэр* 'складка', *диэр* 'дно', *цзюэр* 'угол', *бяр* 'край' и т. п.

2. Отсюда использование этого суффикса в многочисленных словах с предметным и предметно-наречным содержанием, обозначающих различного рода пространственные (а отсюда и временные) отношения — *пхамбяр* 'около, возле', *вайтхоур* 'во вне', *цхяр* 'впереди', равно как и в существительных типа *дифанр* 'место', *цзор* 'сидение', 'место', *димяр* 'поверхность', 'площадь', *лур, даор, даолур* 'дорога'; *шыхоур* 'время', *ккунр, гунфур* 'свободное время', *цзиэргэ* 'сегодня', *минргэ* 'завтра', *няр* 'год', *хуэр* 'момент' и т. п. С этим связано и нередкое использование суффикса *-(э)р* в словосочетаниях с послелогами типа *ли* 'внутри' или *шан* 'наверху'. Так, наряду с *юаньцзыли* 'во дворе', говорят также *юарли*, наряду с *боцзышан* 'на шее', возможно и *боршан*. Сюда же примыкает нередкое употребление суффикса *-(э)р* в таких словосочетаниях, в состав которых входят глаголы, обозначающие нахождение где-либо или же направление куда-либо. Так, наряду с *чжу фанцзы* 'жить в доме', говорят *чжу фанр*, наряду с *цзинь уцзы* 'войти в комнату', возможно и *цзинь ур* и т. п.

3. Поскольку суффикс *-(э)р* является выразителем партитивности, части целого, постольку он, естественно, обычен в таких словах, которые уже сами по себе, своей лексикой, выражают идею „доли" или „части",

---

[1] В данной статье я не касаюсь фонетической стороны вопроса, поскольку в китаеведной литературе она хорошо разработана (см., в частности, фонетическое введение Юаньжэнь Чжао ко 2-му изданию китайско-английского словаря Матьюза, стр. XVII). Напомню в этой связи, что первое научное описание произношения китайского *эр* было сделано акад. В. М. Алексеевым в статье „Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом" (Изв. АН 1910, стр. 935—942), положившей начало научному изучению китайской фонетики.

Отмечу здесь также, что слитное написание *эр* с предшествующим словом (*лянь* + + *эр* = *ляр*, *тан* + *эр* = *танр*) в китаеведную транскрипционную практику было впервые введено о. Исаией в его „Русско-китайском словаре разговорного языка (пекинского наречия)", изданном в Пекине в 1867 г.

как то: *фэр* 'часть', *бар* 'половина', *дуар* 'отрезок', *цзер* 'сочленение', *тхинр* 'составная часть чего-либо', *цзиэр* 'доза', *тхяор* 'полоска, кусочек', и т. п.

4. Суффикс *-(э)р* в его партитивном значении мы находим, далее, в ряде слов, обозначающих разного рода материально неосязаемые (с точки зрения современного языкового сознания) неотъемлемые свойства или качества человека или предметов, как то: *хуэр* 'душа', *иньлинр* 'души усопших', *цхиэр* 'дух, дыхание' (и, понятно, многочисленные производные, куда в качестве второго элемента входит эта морфема, типа *пхицхиэр* 'нрав, характер'), *синр* 'природа, сущность', *цзинр* 'сила, энергия' (опять-таки с весьма многочисленными производными), *минр* 'жизнь', *вэр* 'вкус' (с многочисленными производными), *яньшар* 'цвет', *минр* 'имя', *вайхаор* 'прозвище', *няньцзиэр, суйшур, кхоур* 'возраст, лета' и т. п.

5. К этой группе слов тесно примыкают существительные, обозначающие различного рода материально неосязаемые проявления человеческой деятельности, как то: *шэр* 'дело', *хуар* 'слова', *бур* 'шаги', *хар* 'крик', *гэр, цхюэр* 'песня', *ар* 'судебный процесс', *лиэр* 'церемонии', *инр* 'ремесло', *хор, гунр* 'работа', *лиэр* 'доводы, резоны', *цхюэр* 'интерес', *дунцзинр* 'движение', *дасуар* 'рассуждение, рассчет', *сяосиэр* 'известие' и т. п. Любопытно, что связь их с целым, и в частности с человеком, проявляется не только в возможности оформить эти слова на суффикс *-(э)р*, но также и в том, что некоторые из них допускают оформление и на показатель коллективности *-мынь*, специфичный, как известно, для категории лиц. Можно сказать *шэрмынь* 'дела', *хуармынь* 'слова', *лиэрмынь* 'аргументы', подобно *гэрмынь* 'братья', *сюэшэнмынь* 'студенты',— обстоятельство, в китаеведной литературе до сих пор остававшееся неразъясненным.

II

1. Суффикс *-(э)р* далее, мы находим в тех случаях, где существительное употреблено не в своем основном, а в переносном значении. Эта функция суффикса *-(э)р* теснейшим образом связана с его партитивной функцией. Подобно тому как „часть" неизбежно предполагает наличие „целого", так и переносное значение слова неизбежно предполагает наличие основного. В обоих случаях суффикс *-(э)р* является внешним выразителем этого отношения, пережиточным показателем обязательности этой связи. Эта функция суффикса *-(э)р* весьма выразительна, поскольку рядом с переносным значением слова сосуществует, как правило, и его основной вариант. Покажем это на следующих примерах: *шэньцзы* 'тело', но *цхи шэр* 'отправиться в путь' (букв. 'подняться — тело'), *дуцзы* 'живот', но *хэ да дур* 'напиться допьяна' (букв. 'пить — большой живот'), *чжы* 'бумага', но *дяо гэ чжэр* 'выразить соболезнование', *фанцзы* 'дом', но *тхянь фанр* 'вторично жениться, взять наложницу' (букв. 'пополнить — дом'), *фэн* 'ветер', но *во шоды хуа ни на дан эрпхан фэнр* 'все, что я говорю, ты пропускаешь мимо ушей' (букв. 'считаешь за ветер мимо ушей'), *шоу* 'рука', но *лаошоур* 'человек, опытный в чем-либо' (букв. 'старый — рука'), *бэнцзышоур* 'мошенник' и т. п.

2. К этой же категории относится и нередкое использование суффикса *(э)р* в тех случаях, когда существительное употреблено в роли счетного слова, т. е. опять таки использовано не в своем основном, а в побочном значении, например: *фанцзы* 'дом', но *ифанр сифур* 'один-дом жена',

шэньцзы 'тело', но *ишэр ишан* 'одно-тело одежда', т. е. комплект одежды, *шоу* 'рука' но *ишоур хоцзи* 'одна-рука работа', *со* 'место', но *исор фанцзы* 'одно-место дом' и т. п.

3. „Переносным" значением суффикса *-(э)р* объясняется также частое использование его в названиях таких частей тела, как *сиэр* 'сердце > душа' *ляр* 'лицо > честь', *кхоур* 'рот > возраст', *тхоур* 'голова > глава', *яньцзин* 'глаз' (прямой смысл) ~ *яр* (переносный смысл).

4. Понятно, что в ряде случаев переносная и партитивная функции суффикса *-(э)р* могут и перекрещиваться, например *шу пхчэр* 'обложка (букв. 'кожа') книги', *чхуанху яр* 'форточка' (букв. 'глаз окна'), *хуа бар* 'тема (букв. 'ручка, рукоятка') разговора' и т. п.

III

Суффикс *-(э)р*, далее, мы находим в многочисленных существительных абстрактного, материально неосязаемого содержания, образованных от предикативов действия (непереходных) и качества, а также числительных. Эта функция суффикса *-(э)р* опять-таки теснейшим образом связана с его партитивной и переносной функциями. Подобно тому как „часть" предполагает наличие „целого", а „переносное" значение слова — наличие „основного", так и „производное" значение слова естественно предполагает как свой исходный пункт наличие „непроизводного" значения.

Приведем ряд примеров:

1. Непереходный предикатив действия > отпредикативное имя: *дао го сиэр* 'принести свои поздравления' (от *си* 'радоваться'), *кханьла гэ гор* 'пробежать взглядом' (от *го* 'проходить'), *сяла гэ добань сэр* 'испугался до полусмерти' (от *сы* 'умереть'), *мэй чхарла* 'не будет ошибки' (от *чха* 'ошибаться'), *цзюэчжэ мэй тхаор* 'почувствовал, что спасения нет' (от *тхао* 'избегнуть чего-либо, спастись'), *тхун сюэр* 'совместное учение' (от *сюэ* 'учиться') и т. п. В эту же серию входят и многочисленные идиомы с глаголом *да* 'бить', 'делать что-либо' в виде сказуемого, как то: *дала гэ фэр* 'убить на лету, в полете' (от *фэй* 'лететь'), *дала гэ чжаор* 'окинуть взором' (от *чжао* 'смотреть'), *дала гэ цзяр* 'произвести шум плеска' (от *цзянь* 'всплеснуть'), *дала гэ лэн чжар* 'затрястся от холода' (от *чжань* 'дрожать'), *да гуэр* 'беспрерывно ворочаться', 'кататься по чему-либо' (от *гунь* 'кататься', 'ворочаться'), *да минр* 'кукурекать' (от *мин* 'кукурекать'), *да болар* 'мешать, препятствовать' (от *болань* 'мешать', 'ставить препоны') и т. п.

2. Предикатив качества > отпредикативное имя. Например: *хао* 'хороший', но *вэнь хаор* 'осведомиться о здоровье', 'послать привет', *хун* 'красный', но *тхайян мао хунр* 'рассветает' (букв. 'солнце — исходит — краснота'), *дуань* 'короткий', но *ла дуар* 'судачить о недостатках кого-либо', *гао* 'высокий', но *пхэнла гэ гаор* 'высоко подпрыгнуть', *чжэнь* 'истинный, справедливый', но *чжэр* 'правда', *цза* 'разнообразный', но *да цзар* 'выполнять различного рода мелкие поручения' и т. п. К этой же серии примыкают и такие существительные как *гаосяр* 'высота', *чхансяр* 'длина' и т. п.

3. Числительное > существительное. Например: *цзи* 'сколько', но *цзиэргэ шы цзиэр*? 'которое сегодня число?' *саньшы* 'тридцать', но *минргэ ши саньшэр* 'завтра будет тридцатое (число)', *сы* 'четыре', но *Сэр* 'Четвертый (из братьев)' (ср. ниже 5) и т. п.

4. Суффикс *-(э)р* в этой его функции мы находим, наконец, и в отвлеченных существительных, образованных от модальных слов-связок *фэй*

'нет', 'не есть' и *шы* 'да', 'есть', например: *тхи тха жэнь гэ бушэр* 'принести за него свои извинения' (букв. 'признать неправоту').

5. С отвлеченно-предметной и производной функцией суффикса *-(э)р* связано и частое использование его в собственных именах и прозвищах, поскольку и те и другие, как известно, представляют собой слова-названия и лишены материально-предметного содержания. Приведем несколько примеров: *шуй* 'вода', но *Цзинь Ляншуэр* 'Цзинь (по прозвищу) 'Прозрачная Вода'; *хуай* 'плохой', но *Цзян Саньхуар* 'Цзян (по прозвищу) Третий Негодник'; *бао* 'драгоценность', но *Баор* 'Золотце', *си* 'радоваться', но *Сиэр* 'Радость'; *сы* 'четыре', *Сэр* 'Четвертый (из братьев)' и т. п. Как мы увидим в следующей главе, отвлеченно-предметная функция суффикса *-(э)р* нередко перекрещивается в этих случаях с его субъективно-оценочной, ласкательной функцией.

6. Отвлеченное и переносно-отвлеченное значение суффикса *-(э)р* объясняет, наконец, и крайне частое использование этого суффикса в различного рода производных наречиях, как то: *цзюлиэр(ды)* 'тотчас же' *кхэцхяор* 'к счастью', *кхуайлюрды* 'поспешно', *хобуларды* 'внезапно', *юйбуданрды* 'неожиданно', *мэйшэнрды* 'беззвучно', *яньцзинрды* 'очевидно, несомненно', *няньбуцзэрды* 'исподтишка', *гуиэрды* 'умышленно' и т. п. Сюда же могут быть отнесены и многочисленные наречия с пространственным и временным содержанием (типа *пхамбяр* 'около', 'рядом' или *цзиммэр* 'сегодня'), о которых мы говорили выше (А, I, 1).

IV

1. В связи со всем тем, что говорилось выше (разделы I, II и отчасти III), в новом свете представляется и общеизвестное использование суффикса *-(э)р* в его субъективно-оценочной, уменьшительной функции. Подобно тому как „часть" предполагает наличие „целого", а „переносное" значение — наличие „основного", так и „уменьшительность" предполагает как свой отправной пункт — наличие „не-уменьшительности". Суффикс *-(э)р* и в этих случаях является внешним, морфологическим показателем обязательности этой связи. Суффикс *-(э)р*, следовательно, не создает, как правило (см. ниже), категории уменьшительности (она обычно вытекает из семантики слова или словосочетания), а лишь подчеркивает, дублирует ее и во многих случаях может быть опущен без изменения значения целого. Приведем ряд примеров: мы имеем *сяо чхуар* 'маленькая лодка' при *чхуань* 'лодка', *сяо даор* 'маленький ножик' при *даоцзы* 'ножик', *дар сяо* 'трусливый' (букв. 'печень мала') при *даньцзы да* 'храбрый' (букв. 'печень велика'). В эту же серию, естественно, входит использование суффикса *-(э)р* в таких случаях, которые обозначают минимальнейшую, ничтожнейшую часть чего-либо (ср. А, 1, 3), как то: *дяр* 'точка', 'капелька', 'небольшое количество', *сер* 'немножко', 'чуточку', *сэр* 'минимальнейшая часть чего-либо', *синр* 'чуточка чего-либо', 'намек на что-либо'.

С уменьшительной функцией суффикса *-(э)р* связано и нередкое использование этого суффикса в существительных, обозначающих различного рода мелкие предметы, как то: *цхяр* 'чохи', 'мелкие монеты', *тхунцзэр* 'медяки', *шытхоуцзэр* 'мелкие камешки' и т. п. (ср. А, V).

Отметим в этой связи использование этого суффикса в целой серии существительных, обозначающих различного рода мелких животных, птиц

и насекомых, как то: *маор* 'кошка', *тхур* 'заяц', *хоур* 'мартышка', *цзиэр* 'курица', *яр* 'ласточка', *фур* (Ганьсу) 'пчела', *маичхур* (Ганьсу) 'муравей'.

2. И семантически и грамматически особое место внутри „уменьшительной" функции суффикса *-(э)р* занимает использование этого суффикса в отрицательных конструкциях, обстоятельство, оставшееся незамеченным авторами китайских грамматик, писавшими об уменьшительной роли этого суффикса. Конструкции эти представляют собой едва ли не единственный случай, где значение уменьшительности не вытекает из семантики слова или словосочетания, а привносится непосредственно самим суффиксом *-(э)р* и соответственно проявляется максимально ярко и выразительно. Любопытна при этом модификация значения словосочетания в целом: суффикс *-(э)р* в этих конструкциях не только создает уменьшительность как таковую, но одновременно является и своеобразным усилителем категории отрицания. Это явствует из следующих сопоставлений: *цзоуды бу юань* 'прошел недалеко' и *цзоуды бу юар* 'прошел не особенно далеко', *бу лоу шуй* 'не пропускает воды' и *бу лоу шуэр* 'не пропускает ни капли воды', *чхыбуся дунси* 'не может проглотить еды' и *чхыбуся дунсиэр* 'не может поглотить ни крошки еды', *бу чжыдао ма* 'ничего не знать' и *бу чжыдао мар* 'ровно ничего не знать' **и т. п.**

3. Как и во многих других языках, значение уменьшительности совмещается в китайском языке со значением ласкательности, нередко перерастает в последнее. Ласкательно-уменьшительная функция суффикса *-(э)р* объясняет нам частое использование его в именах детей (ср. однако А, III, 5), как то: *Сиэр* (букв. 'Радость'), *Хур* (букв. 'Тигреныш'), *Баор* 'Золотце' (букв. 'Драгоценность'), *Нур*, *Мэр*, *Сюр*, *Хунр* и т. п., равно как и в ласкательных обращениях типа *воды хар* или *воды нюэр* 'дитя мое!' или *Ху гэр* 'Братец Ху!'. С детьми, а следовательно, и с ласкательно-уменьшительным значением связано, наконец, и использование этого суффикса в такой группе слов, как *шуахар* 'куклы', *баньбудаор* 'ванька-встанька', *пхицлюэр* 'мячик', *тханжэр* 'человечек из сахара' (лакомство), не говоря уж о самих словах *ваньиэр* 'игрушка', *вар* 'играть'.

Отметим также использование суффикса *-(э)р* в ласкательно-уменьшительной функции в диалектах Ганьсу в таких существительных, как *даодаор* 'ножичек' при *даодаоцзы* 'ножик' и *даоцзы* 'нож'; *ваньвар* 'чашечка' (ласкательно-уменьшительно) при *ваньваньцзы* 'чашечка' (уменьшительно) и *ваньцзы* 'чашка'.

V

Суффикс *-(э)р* может выражать не только часть целого (А, I, 1), но в ряде случаев (и это очень важно) также и само целое как совокупность составляющих его частей. Типичными примерами этого рода, вообще очень немногочисленного, могут служить наречии *икхуар*, *идуэр*, *иляр*, *ибар* 'вместе, сообща', предикатив количества *дор* 'много', а также некоторые существительные с собирательным значением, как, например, *дахор* 'толпа', 'все присутствующие', *дуэр* 'куча', *шулиэр* 'лес' (как совокупность частей), *тхишэр* 'тело' (как совокупность частей), *цхяр* 'деньги', *юэр* 'дождь'. На этом мы еще остановимся ниже, в разделе, посвященном суффиксу *-цзы* (Б, V).

VI

Суффикс *-(э)р*, далее, мы встречаем не только в тех случаях, когда дело идет о связи между частью и целым (А, I) или же между целым и его частями (А, II), но также и в тех случаях, когда дело идет о связи между частным и общим и между общим и частным.

Первое, т. е. использование суффикса *-(э)р* в ограничительной функции, мы имеем в таких, например, случаях, как *чхагуар* 'чайная', 'чайхана' или *цэюгуар* 'винная лавка' при *гуаньцзы* 'гостиница', 'постоялый двор'; *гуань маор* 'чиновничья шляпа' или *сяо маор* 'траурная шляпа' при *маоцзы* 'шляпа', *яшуар* 'зубная щётка' при *шуацзы* 'щётка' и т. п.

Второе, т. е. использование суффикса *-(э)р* в обобщающей функции, мы находим в таких, например, случаях, как *(фэй)няор* 'птицы', 'пернатые' при *яоцзы* 'коршун', *гэцзы* 'голубь', *хуамэйцзы* 'серый дрозд', *яньцзы* 'ласточка'; *бинр* 'болезнь' при *яоцзы* 'лихорадка', *ланьяньцзы* 'трахома', *чжэньцзы* 'скарлатина'; *уцзяр* 'различного рода утварь' при *кхуайцзы* 'палочки для еды', *пхинцзы* 'бутылка', *ицзы* 'стул' и т. п.

Использование суффикса *-(э)р* в обобщающей функции объясняет нам также наличие этого суффикса в таких производных существительных (ср. А, III) с обобщающим значением, как *чхэр* или *чхыхэр* 'еда', образованных от глаголов *чхы* 'есть' и *хэ* 'пить', *шаор* 'топливо' от глагола *шао* 'жечь', 'нагревать', *байшэр* 'обстановка', 'меблировка' от *байшэ* 'расставлять в определенном порядке', *илиэр* 'одежда' (букв. 'платье и обувь'), и в некоторых других.

VII

Всем этим дело, однако, не ограничивается. Суффикс *-(э)р* мы встречаем не только в тех случаях, когда идет речь о неразрывной связи между частью и целым (А, I), между целым и его частями (А, V), между частным и общим и общим и частным (А, VI), но также и в тех случаях, когда существительные, оформленные на этот суффикс, обозначают понятия, находящиеся в соотносительной связи друг с другом, и где, следовательно, одно из понятий неизбежно предполагает наличие другого.

1. Сюда прежде всего относятся такие пережиточно бытующие в некоторых современных диалектах термины родства, как *ер ля* 'отец и сын, двое'; 'отец и дочь, двое'; *нянр ля* 'мать и сын, двое'; 'мать и дочь, двое'; *гэр ля* 'старший и младший брат, двое'; *цзер ля* 'старшая и младшая сестра двое'. Особенность слов этого типа, придающая им сугубо архаичную окраску, заключается в том, что они, обозначая (подобно нем. 'Geschwister') одновременно оба соотносительных понятия, образованы при помощи суффикса *-(э)р* только от одного из них, а именно от названия того или иного старшего родственника. Так, слово *гэр* 'старший и младший брат' морфологически распадается на *гэ* 'старший брат' плюс суффикс *-(э)р*, *ер* 'отец и сын' морфологически распадается на *е* 'отец' плюс суффикс *-(э)р* и т. п.

Соотносительная функция суффикса *-(э)р* в словах этого типа нередко перекрещивается с функцией субъективно-оценочной, возвышающе-снижающей. В этом отношении показательны семантические сдвиги в значении слова *гэр*. В современном языке оно, как известно, не только значит 'старший и младший брат', но также 'старший и младший', 'Вы (почтительно) и я (уничижительно)', 'он и я'.

2. Суффикс *-(э)р* в его соотносительной функции мы находим, далее, в таких парах, как *дадиэр ~ сяодиэр* 'взрослые и дети', 'стар и млад', *лаермэр ~ лаонянрмэр* 'мужчины и женщины', 'старики и старухи',

лаотхоур ~ лаопхор 'старик и старуха', *лаоер ~ лаомур* 'солнце ~ луна', *гунр* 'самец' ~ *мур* 'самка', *пхар ~ вар* 'тарелки и чашки', 'посуда', *чжэр ~ нар* 'здесь и там' и в некоторых других.

В отличие от предыдущего типа оба соотносительных понятия выражены здесь самостоятельными словами, и суффикс *-(э)р* в каждом из них служит, следовательно, напоминанием об их коррелятивной, противопоставительной связи.

3. Суффикс *-(э)р* в его соотносительной и одновременно субъективно-оценочной (возвышающей) функции мы находим, наконец, в небольшой группе слов, обозначающих лиц, в том или ином отношении „вышестоящих", как то: *гуар* 'мандарин', 'чиновник', *чжур* 'хозяин, глава', *жэр* '(уважаемый) человек'. В отличие от предыдущих двух типов второе из соотносительных понятий здесь только подразумевается и никаким специальным словом не выражено. Характерно, однако, что, как и в типе *гэр* 'старший и младший', основным, ведущим элементом является и здесь понятие старшего, вышестоящего.

Возвышающая функция суффикса *-(э)р* в словах этого типа в диалектах нередко превращается в свою противоположность, в снижающую функцию, чему способствует и то обстоятельство, что возвыщающая функция суффикса *-(э)р* представлена в сущности единичными словами. В этом отношении показательны сдвиги в значении слова *жэр* 'человек'. В современном литературном языке (байхуа), слово *жэр* в отличие от *жэнь* [т. е. того же слова, но взятого в чистом виде, без оформления на суффикс *-(э)р*], как правило, имеет ту или иную положительную эмоциональную окраску. Так, например, в романе Мао Дуня „Перед рассветом" („Цзы-е") мы находим: *во цзай шан цхяньсянь ицхянь, хэнь сян ба чжэ цзуй кхэ баогуйды дунси, футхо гэй цзуй кхэ кхао, цзуй шыданды жэр* 'прежде, чем отправиться на фронт, я хочу передать эту самую дорогую для меня вещь в руки самого надежного человека' („Цзы-е", т. I, стр. 91), *Сунь Фу шы тхе чжуды жэр, бань шы миньцзе эр ю лаола* 'Сунь Фу — это человек, сотворенный из железа. Все, что он ни делает, он делает умело и решительно' („Цзы-е", т. I, стр. 129). В современных же диалектах (Хэбэй, Жэхэ) слово *жэр* имеет либо нейтральное значение, например в такой фразе, как: *во чжаоху гэ бакхай, е мэй жэр чхулай* 'Я звал довольно долго, но никто не вышел', либо же нередко и отрицательное, как, например, в такой фразе: *намады гэ жэр! тха гэй цзэйжэнь ла сярла!* 'И что за человек! Навел бандитов на след!' Аналогично обстоит дело и в таких случаях, как *гуар* 'чиновник, мандарин' или *сяньгуар* 'уездный начальник' — „высокие" профессии, при *нюгуар* 'пастух или *чжоугуар* 'лодочник' — „низкие" профессии.

4. В отдельных случаях понятие соотносительности сводится к понятию парности предметов. Так, обычно говорят *банцзы* 'плечо, плечи', но мы находим *банр* в тех случаях, когда говорящий желает специально подчеркнуть, что дело идет о паре предметов или же об одном из элементов пары, как, например, в таком словосочетании: *кхаочжэ банр* 'плечом к плечу'. Аналогично обстоит дело и в производных существительных. Так, мы имеем *шуан* 'пара', 'два', но *идуй шуанр* 'близнецы'.

VIII

В предыдущих разделах (I, II, III) мы констатировали, что понятие партитивности, морфологическим показателям которого является суффикс *-(э)р*, теснейшим образом связано с понятием переносного и про-

изводного значения слова, а тем самым и с категорией отвлеченной, материально неосязаемой предметности.

Аналогичную картину мы имеем и при соотносительности, но в несколько ином плане: соотносительность, через категорию парности, связана в современном китайском разговорном языке с отвлеченно-грамматической категорией удвоения.

Проявляется это в самом широком использовании суффикса *-(э)р* в словах и словосочетаниях, построенных либо по принципу удвоения корней, либо же по принципу грамматического параллелизма. Мы находим этот суффикс:

в существительных — *цхюйцхюэр* 'сверчок', *гогор* 'род саранчи', *ваньвар* 'чашечка', *даодаор* 'ножичек' (Ганьсу);

в местоимениях — *гэ-цзы-гэр* 'лично', 'сам';

в качественных словах — *хаохаорды* 'хорошенько', *дадарды* 'великоватый', *хунлянлярды* 'светло-пресветло', *хуй-дин-хуэрды* 'постоянно', 'снова и снова';

в глаголах — *сян-исянр* 'подумать', *кхань-икхар* 'посмотреть';

в глагольных словосочетаниях с однокоренным объектом — *хуа хуар* 'рисовать рисунок', *гай гар* 'покрыть крышкой', *тхяо тхяор* 'нести ношу';

в производных наречиях типа *саньянь-уюэрды* 'в немногих словах' и т. п.

В ряде случаев редупликационная функция суффикса *-(э)р* перекрещивается здесь с его субъективно-оценочной, уменьшительной, а иногда и ласкательной (Ганьсу) функцией, например, в словах типа *маньмарды* 'помедленней', *сян-исянр* 'подумать', *даодаор* 'ножичек' (ср. А, IV, 3).

IX

Мы рассмотрели, таким образом, все основные функции суффикса *-(э)р* При всем их кажущемся разнообразии, все они в историческом плане могут быть объединены одной, общей для всех них грамматической идеей — идеей неразрывности, обязательности связи между частью и целым, целым и его частями, между частным и общим, общим и частным, между переносным и основным значением слова, между одним компонентом корреляции или пары и другим.

Эта же общая грамматическая идея лежит, в конечном счете, и в основе использования суффикса *-(э)р* в качестве показателя категории отвлеченной предметности и категории удвоения, равно как и в основе его субъективно-оценочной функции.

Нельзя, конечно, ставить знак равенства между всеми функциями суффикса *-(э)р*, рассмотренными в нашем обзоре. Удельный вес каждой из его функций и степень их актуальности весьма различны, одни из них (например использование суффикса *-(э)р* в словосочетаниях типа *ер ля* 'отец и сын, двое' или *нянр ля* 'мать и дочь, двое') носят явно пережиточный характер и встречаются далеко не во всех диалектах. Так, в диалектах Ганьсу говорят *ефу ля* 'отец и сын, двое', *нянму ля* 'мать и дочь, двое'. Другие функции суффикса *-(э)р* более актуальны, и в некоторых диалектах (Жэхэ, Хэбэй) в достаточной степени продуктивны. Сюда относится, в частности, использование суффикса *-(э)р* в качестве показателя отвлеченной, материально-неосязаемой предметности, а также в некоторых разрядах наречий. Особенно, конечно, ярка и продуктивна субъективно-оценочная (уменьшительно-ласкательная и возвышающая) функция этого суффикса. Она весьма характерна и для литературного языка (бай-хуа) и для всех диалектов, правда, не в одинаковой степени.

Б. Суффикс *-цзы*

I

В грамматической системе современного китайского языка суффиксу *-(э)р* противостоит суффикс *-цзы*.

В отличие от суффикса *-(э)р* в основе значения суффикса *-цзы* лежит грамматическая идея отсутствия неразрывной, обязательной связи между предметами.

Если, в историческом плане, суффикс *-(э)р* является в китайском языке внешним, морфологическим показателем категории зависимой, несамостоятельной предметности (А, IX),[1] то суффикс *-цзы*, наоборот, является внешним морфологическим показателем предметности независимой, самостоятельной.[2]

С различием в общем значении этих двух суффиксов связан и целый ряд частных расхождений между ними. К рассмотрению этих расхождений мы сейчас и переходим.

II

В отличие от суффикса *-(э)р*, который, как мы видели (А, I), оформляет существительные, обозначающие части предметов, суффикс *-цзы* мы находим, наоборот, при таких существительных, которые, как правило, обозначают либо целые, неделимые, самодовлеющие предметы, либо же предметы, мыслимые как нечто целое, самодовлеющее.

Примеры весьма многочисленны, ограничимся здесь немногими: *хайцзы* 'ребенок', *даоцзы* 'нож', *ицзы* 'стул', *фанцзы* 'комната', *пхуцзы* 'лавка', *лоцзы* 'мул', *цзицзы* 'курица' и т. п.

Различие это находит себе отражение и в области словообразования. Например: *чжэ* 'складывать' ~ *чжэр* 'складка' (бумаги) ~ *чжэцзы* 'бумага, сложенная гармоникой'; *бэй* 'спина' ~ *бэр* 'оборотная сторона монеты', однако *бэй* 'нести на спине' ~ *бэйцзы* 'груз, который несут на спине' и т. п.

Отсюда отнюдь не следует, что суффикс *-цзы* невозможен в словах, которые обозначают часть целого. В литературном языке (байхуа) — это обычное явление, в разговорном же языке это встречается реже, но тем не менее вполне возможно. Так, наряду с *пхор* 'склон горы' говорят и *пхоцзы*, наряду с *инр* 'тень' ~ *инцзы*. Картины в целом это, однако, не меняет, так как речь сейчас идет о разговорной норме, а не об отклонениях от нормы:[3]

---

[1] С той, понятно, оговоркой, что идея зависимости, лежащая в основе значения суффикса *-(э)р*, выходит, в ряде случаев, за рамки категории предметности (А, III, 6 и А, VIII).

[2] Термины „зависимая предметность" и „независимая предметность" заимствованы мною у А. М. Пешковского (Русский синтаксис в научном освещении, 3-е изд., М. — Л., 1923, стр. 82—83), который, однако, пользуется ими в другом значении.

[3] Интересны некоторые статистические данные. Так, в фольклорных текстах (см.: L. Wieger. Narrations populaires. Hokianfu, 1903) слово *мэнь* 'дверь' в 79 случаях оформлено на суффикс *-(э)р*, но всего в 6 случаях на суффикс *-цзы*, и при этом в трех из них (стр. 594, 680 дважды) это оформление определенным образом мотивировано (Б, IX). Справедливо и обратное: в этих же текстах слово *шэн* 'веревка' в 14 случаях оформлено на суффикс *-цзы*, но только в 2 случаях на суффикс *-(э)р* (стр. 572 и 628), и опять-таки эти „исключения" определенным образом мотивированы (А, IV и А, VI)

III

Мы видели (А I, 4, 5; II; III), что одной из характернейших особенностей суффикса *-(э)р* является широкое использование его в существительных отвлеченного, материально неосязаемого содержания. Для суффикса *-цзы* характерно обратное. Основная масса существительных, оформленных или допускающих оформление на этот суффикс, обозначает предметы сугубо материальные, отнюдь не отвлеченные.

1. Если суффикс *-(э)р* мы находим в существительных, обозначающих различные внутренние, материально неосязаемые неотъемлемые свойства человека или предметов, как то: *хуэр* 'душа', *цхиэр* 'дух, дыхание', *синр* 'природа, сущность', *цзинр* 'сила, энергия' (А, I, 4), — то суффикс *-цзы* мы находим, наоборот, в таких словах, как *шэчьцзы* 'тело', *дуцзы* 'живот', *цзуйцзы* 'рот', *санцзы* 'горло', *бицзы* 'нос', *боцзы* 'шея', *хуцзы* 'борода', *банцзы* 'плечо', *тхуйцзы* 'нога', *фэйцзы* 'легкие' и т. п.

2. Если суффикс *-(э)р* мы находим в существительных, обозначающих различного рода материально неосязаемые, внешние проявления человеческой деятельности, как то: *шэр* 'дело', *хор* 'работа' *лиэр* 'церемонии', *хуар* 'слова' (А, I, 5), то суффикс *-цзы* мы находим, наоборот, в весьма многочисленных существительных, обозначающих различные материальные продукты и орудия деятельности человека, как то: *фуцзы* 'топор', *тхицзы* 'флейта', *фанцзы* 'дом', *вацзы* 'чулки', *бэньцзы* 'тетрадь', *даньцзы* 'метла', *чхыцзы* 'ложка', *луцзы* 'печь', *цхяоцзы* 'мост', *баоцзы* 'пышка', *цзянцзы* 'клейстер', *цхицзы* 'флаг', *ицзы* 'мыло' и т. п.

3. Не менее четко это различие проявляется и в словообразовании. Мы имеем, с одной стороны, такие пары, как *чха* 'ошибиться' ~ *чхар* 'ошибка', *сюэ* 'учиться' ~ *сюэр* 'учеба', *хун* 'красный' ~ *хунр* 'краснота', (А, III), с другой же стороны, такие пары, как *тхоу* 'бросать' ~ *тхоуцзы* 'игральная кость', *цзянь* 'резать' ~ *цзяньцзы* 'ножницы', *чжуй* 'протыкать' ~ *чжуйцзы* 'шило', *хэй* 'черный' ~ *хэйцзы* 'родинка, пигментация', *тхяо* 'прыгать' ~ *тхяоцзы* 'блоха'.

В этом аспекте весьма показательны и следующие сопоставления: *дуй* 'противостоять, соответствовать' ~ *цзо дуэр* 'действовать против' ~ *дуйцзы* 'парные свитки с параллельными текстами'; *си* 'радоваться' ~ *сиэр* 'радость' ~ *сицзы* 'паучок, по поверью приносящий счастье'.

Число существительных материально неосязаемого содержания, которые допускали бы оформление их на суффикс *-цзы*, очень невелико. Все они имеют и параллельный вариант с оформлением на суффикс *-(э)р* (*фацзы* ~ *фар* 'способ', *янцзы* ~ *янр* 'сорт', 'род', 'вид'), и, что очень важно, наличие в них суффикса *-цзы*, как правило, бывает определенным образом мотивировано (Б, VIII, 1).[1]

IV

Мы уже говорили выше (А, VI), что суффикс *-(э)р*, помимо существительных с отвлеченным содержанием, употребляется при существительных, обозначающих различного рода общие, родовые понятия, вроде

---

[1] Напомню опять, что дело идет о разговорной норме, а не о литературном языке Так, в текстах в кн. L. Wieger (ук. соч.; диалект Хэцзяньфу) мы находим только *фар* 'способ'; в материалах в кн. J. Mullie (The Structural Principles of the Chinese Language, т. I, 1932, Peiping, и т. II—III • 1937; диалекты провинции Жэхэ) — и *фар* и *фацзы* (но в производных типа *сефар* 'способ написания' только *фар*); в сборнике же рассказов Лу Синя „Нахань", написанных на литературном языке, — только *фацзы*.

чхэр 'еда', *шаор* 'топливо', *бинр* 'болезнь', *няор* 'птица'. Для суффикса *-цзы* характерно обратное. Мы опять-таки находим его при существительных, обозначающих вполне конкретные, материальные предметы, не общие, родовые, а, как правило, частные, видовые понятия.

Так, мы имеем *няор* 'птица', но *гэцзы* 'голубь', *яньцзы* 'ласточка' (ср. А, IV), *хуамэйцзы* 'серый дрозд', *яоцзы* 'коршун' и т. п. Мы имеем *бинр* 'болезнь', но *чжэньцзы* 'скарлатина', *ланьяньцзы* 'трахома', *лайцзы* 'парша', 'чесотка', *хоцзецзы* 'нарыв', *яоцзы* 'малярия', *холуаньцзы* 'холера', и т. п. Этот последний список существительных весьма показателен для суффикса *-цзы*. Дело идет не о любых болезнях или патологических состояниях, а только о таких, которые имеют ярко выраженные, внешние, „материальные" проявления (Ср. Б, III).

V

Идея самостоятельной, независимой предметности, лежащая в основе значения суффикса *-цзы*, объясняет нам также частое использование этого суффикса при существительных, обозначающих различного рода совокупности лиц или предметов, мыслимых как одно неделимое целое, как некое коллективное или собирательное единство, как то: *(и) гуньцзы* 'связка', *(и) чжоцзы* 'узел', *(и) тхяоцзы* 'ноша', *(и) доцзы* 'груз', *(и) бацзы* 'стадо, сборище', *(и) хоцзы* 'толпа', 'группа' и т. п. Отметим попутно, что слова этого типа, будучи оформлены на суффикс *-цзы*, бывают, как правило, оформлены и на префикс *и* в значении 'весь, целый'.[1]

Суффикс *-(э)р* в силу своего партитивного значения в существительных этого типа встречается относительно редко (А, V): наличие его указывает на то, что совокупность в этих случаях трактуется не как неделимое целое, не как некое единство, а как соединение некоторого количества частей: *(да)хор* 'толпа' (как совокупность частей) ~ *(и) хоцзы* 'толпа' (как неделимое целое).

Справедливо и обратное. В силу своего не-партитивного значения, суффикс *-цзы*, в отличие от суффикса *-(э)р* (А, I, 3), редко употребляется с существительными, имеющими значение „части" или „доли". В тех случаях, когда это имеет место, „часть" опять-таки трактуется как нечто самодовлеющее, как самостоятельное, отграниченное целое.[2]

---

[1] Интересный пример этого рода мы находим в текстах Л. Вигера (L. Wieger), *цхуэр* 'деревня, деревушка' (8 раз), но *ццхуньцзы* 'вся деревня' (2 раза; стр. 296 и 324).

[2] В этом отношении весьма показательно слово *бэй* 'жизнь', 'поколение'. В текстах Л. Вигера это слово в 48 случаях оформлено на суффикс *-цзы* и трактуется как самодовлеющее целое, а именно:

ибэйцзы 'вся жизнь', 'целая жизнь' — 40 раз,
ся бэйцзы 'будущая жизнь' — 5 раз,
сань бэйцзы 'три поколения' — 1 раз (стр. 236),
бань бэйцзы 'пол-жизни' — 2 раза (стр. 396, 644),

напр.: *фуцхи ля гола бань бэйцзы, мэй эр, мэй нюй* 'супруги прожили пол-жизни, но не имели ни сыновей, ни дочерей'.

В 9 случаях это же слово оформлено на суффикс *-(э)р* и трактуется в этих случаях как соотносительное понятие, как часть целого, а именно:

цхянь бань бэр 'первая половина жизни' — 1 раз (стр. 396),
хоу бань бэр 'вторая половина жизни' — 3 раза (стр. 416, 476, 638),
да бэр 'старшее поколение' (в противоположность младшему) — 2 раза (стр. 294, 456),
бэрли 'в течение ряда поколений' — 2 (стр. 230, 556),
бэйбэр 'из поколения в поколение' — 1 раз (стр. 506).

VI

Подобно суффиксу *-(э)р*, суффикс *-цзы* используется в современном китайском языке и в качестве показателя категории субъективной оценки. В отличие, однако, от положительной (возвышающей или ласкательной) функции суффикса *-(э)р* (A, VII, 1—3 и A, IV, 3), суффикс *-цзы* в этой свой роли (весьма богато и разнообразно представленной) имеет отрицательное (снижающее, уничижительное, презрительное) значение.

1. Мы его встречаем прежде всего в многочисленных существительных, обозначающих лиц различного рода „низких" профессий. Сюда относятся такие слова, как *сицзы* 'актер', *юэбаоцзы* 'бродячий лекарь', *цзяоцзы* 'кули', *чхуцзы* 'повар', *тхуцзы* 'мясник', *шаоцзы* 'багорщик', *чжоуцзы* 'лодочник', *цхяоцзы* 'лесоруб', *юйцзы* 'рыбак', *гулуцзы* 'жестяник', *яцзы* 'маклер', *тханьцзы* 'сыщик', *лаотхоуцзиньцзы* 'тюремщик', *гуйцзышоу* 'палач' и т. п.

2. Суффикс *-цзы* мы находим, далее, в целой серии слов, обозначающих различных представителей уголовного мира. Ассортимент существительных, входящих в эту серию, весьма разнообразен. Мы находим здесь такие существительные, как *хунхуцзы* 'хунхуз', *мадацзы* 'бандит', *цзэйцзы* 'грабитель', *гуайцзы* 'похититель детей', *жэньяцзы* 'торговец живым товаром', *цзанцзы* 'мошенник', *сяолюцзы* 'карманник', *бэнцзышоу* 'мошенник', *ганьцзышоу* 'бандит, убивающий палкой' и т. п.

К этой же серии примыкают такие слова, как *бяоцзы, цхяньшуцзы* 'проститутка', *дэнтхуцзы* 'развратник', *чжыцзайцзы* 'игрок в азартные игры', *ланцзы, байцзы* 'растратчик, мот', *хуньшоуцзы, хуньсиньцзы* 'хулиган, бездельник', *гайлюцзы, цзецзы* 'бродяга, праздношатающийся', *улайцзы* 'бездомный', *хуацзы, гайцзы, цхицзы* 'нищий' и т. п.

3. Не менее разнообразно представлен здесь и разряд существительных, обозначающих людей, имеющих те или иные физические или умственные недостатки, как то: *цхюэцзы* 'калека', *сяцзы* 'слепой', *лунцзы* 'глухой', *яцзы* 'немой', *боцзы* 'хромой', *тхоцзы, логоцзы* 'горбатый', *тхуцзы* 'плешивый', *баньюйцзы* 'заика', *хочхуньцзы, хоцзы* 'с заячьей губой', *бецзуйцзы* 'беззубый', *тханьцзы* 'параличный', *гаотхяоцзы* 'верзила, долговязый', *айцзы* 'низкорослый', 'карлик', *пханцзы* 'толстяк', *шоуцзы* 'тощий', *фэнцзы* 'сумасшедший', *баньханьцзы* 'полуидиот', *баньдайцзы* 'полоумный', *баньчхыцзы* 'ненормальный', *шацзы* 'дурак' и т. п.

4. К словам типа *шацзы* 'дурак' примыкает использование суффикса *-цзы* в серии презрительных кличек и наименований вроде *яньцзы* 'простофиля', *чхыцзы* 'простак', *дайцзы* 'глупец', 'простак', *цзюйтхяоцзы* 'деревенщина', *шуньцзуйцзы* 'соглашатель', *суйцзуйцзы* 'болтун', *гоутхуйцзы* (прозвище скороходов из присутственного места), *цханьшыцзы* 'скряга', *шудайцзы* 'книжный червь', *вайбоцзы* 'пьяница' (букв. 'кривошеий') и т. п.

5. Сюда же относится, наконец, использование суффикса *-цзы* в целой серии презрительных кличек и наименований для иностранцев, чужеземцев, а также и для самих китайцев, в тех случаях, когда последние чем-либо отличаются от 'нормы' и тем самым, с точки зрения говорящего, уже перестают быть 'настоящими' китайцами, например: *янгуйцзы* 'заморские черти' (об иностранцах), *маоцзы* 'волосатые' (о чужеземцах), *эрмаоцзы* 'волосатые второго сорта' (о китайцах-христианах), *хуйцзы* '(китайские) мусульмане', *мяоцзы, ляоцзы* 'названия различных нацменьшинств', *дацзы*

'татары, монголы', *кхуацзы* 'говорящие с деревенским акцентом' (южные китайцы о северных), *маньцзы* 'говорящие на непонятном языке' (северные китайцы о южных)[1] и т. п.

Отрицательно-оценочное, снижающее значение суффикса *-цзы* особенно отчетливо проявляется, естественно, в тех случаях, когда рядом с формой на *-цзы* сосуществует и нейтральный дублет того же слова. Так, например, обстоит дело в некоторых диалектах с такими парами, как *лаотхоур* 'старик' (нейтрально) ~ *лаотхоуцзы* (отрицательно)[2]; *жыбэньжэнь* 'японец' ~ *жыбэньцзы* 'япошка'.

Так же обстоит дело и в области словообразования. Слово *дао* 'дорога' в силу своего партитивно-пространственного значения может быть оформлено на суффикс *-(э)р* (см. А, I, 2), однако в составе слова *хэдаоцзы* 'скороход' (букв. 'расчищающий криком дорогу') мы находим уже суффикс *-цзы*, поскольку дело идет об одной из „низких" профессий.

Мы уже видели (Б, III), что суффикс *-цзы*, в отличие от суффикса *-(э)р*, является в китайском языке внешним показателем категории материальной предметности. Совпадение в одном суффиксе и отрицательно-оценочного и материально-предметного значений отнюдь не случайно, а говорит о том, что с точки зрения китайского словообразования, лица в том или ином отношении „низкие", в известной степени приравниваются к категории не-лиц.[3]

Интересным примером может служить слово *жэнь* 'человек'. В большинстве случаев это слово либо не имеет морфологического оформления, либо же бывает оформлено на суффикс *-(э)р* (А, IV, 3; VII, 3). Однако, когда это же слово функционирует в материально-предметном (точнее „вещном") или же отрицательно-оценочном значении, оно может быть оформлено и на суффикс *-цзы*, напр., *жэньцзы* 'фигура человека, вырезанная или нарисованная', или *цзюйжэньцзы* 'бедный, нуждающийся человек'.

VII

Суффикс *-цзы* в его снижающей функции связан, повидимому, со знаменательным словом литературного языка *цзы* 'господин', 'философ', 'учитель', 'Вы' и является служебным дериватом последнего. Этим, в частности, может быть объяснено пережиточное наличие суффикса *-цзы* в некоторых существительных, обозначающих лиц, по своей семантике положительных или же нейтральных, как то: *чжуцзы* 'хозяин, глава' (ср. А, VII, 3), *ханьцзы* 'китаец', 'человек'.

Показательно, однако, что для современного языка характерна тенденция к тому, чтобы положительное содержание некоторых из этих (вообще единичных) существительных трансформировать в отрицательное. Так, слово *ханьцзы* 'китаец', 'человек' само по себе отнюдь

---

[1] Ср. П. П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики, Владивосток, 1902, стр. 167—168: „В Маньчжурии туземцы этим именем называют всех выходцев из Шаньдунской провинции. Отсюда произошло восточно-сибирское слово «манза» по отношению к китайцам, преимущественно чернорабочим. Того же происхождения слово manzi (Южный Китай), встречаемое у Марко Поло".

[2] Ср. примечание П. П. Шмидта (ук. соч., стр. 55): „В Пекине второе слово считается уничижительным в роде нашего «старикашка»".

[3] Показательно, что и само слово *дунси* 'вещь', 'тварь' может относиться в китайском языке не только к вещам и животным, но в отрицательном значении ('презренная тварь', 'негодяй', 'мошенник') также и к людям, напр., *ни, чжэсе дунсимынь!* 'вы, такие-сякие!'

не содержит в себе ничего отрицательного; любопытен, однако, список производных, в которые *ханьцзы* входит в виде составного элемента. Большинство из них в той или иной степени окрашено в отрицательные тона, как то: *итхяо ханьцзы* 'верзила', *тхуханьцзы* 'плешивый', *гуаньханьцзы* 'холостяк', *сюэсинханьцзы* 'человек резкого характера', *лаобинханьцзы* 'чахоточный', *лаоханьцзы* 'старикашка', *баньханьцзы* 'полуидиот'. Даже такое, казалось бы, положительное по своему содержанию слово, как *хаоханьцзы* 'добрый молодец', в современном языке, как известно, может быть употреблено и в ироническом смысле.

Трансформация положительного значения в отрицательное представляет обычное явление и находит себе прекрасную параллель в самом же китайском языке, в литературном слове *фу* 'мудрец', 'учитель', 'мужчина' и его служебном деривате, суффиксе „грубых" профессий *-фу*.

Тенденцию превратить положительное значение в отрицательное мы констатировали выше и для суффикса *-(э)р* (А, VII, 3). Существенно отметить, что в то время как для суффикса *-цзы* отрицательная функция является нормой, а положительная — пережиточным исключением, для суффикса *-(э)р* характерно обратное: возвышающее значение является нормой, а снижающее — отклонением от нормы.

VIII

Отрицательно-оценочная функция суффикса *-цзы* не ограничивается кругом лиц, а распространяется и на некоторые другие разряды существительных.

1. Мы находим суффикс *-цзы* прежде всего в небольшой, но весьма важной для понимания взаимоотношений между *(э)р* и *-цзы* группе слов типа *синр ~ синцзы* 'природа', 'сущность', *цхиэр ~ цхицзы* 'дух', 'дыхание', *синьяр ~ синьяньцзы* 'наклонности', 'ум' и в некоторых других.

Существительные этого типа, обозначающие различного рода материально неосязаемые, неотъемлемые свойства человека или же различные внешние проявления его деятельности, обычно бывают оформлены на суффикс *-(э)р* по причинам, изложенным выше (А, I, 4 и А, I, 5). Однако, либо в силу собственной отрицательной семантики некоторых из них (*ар ~ аньцзы* 'судебное дело'), либо же в силу того отрицательного значения, которое они приобретают в том или ином контексте, они допускают оформление и на суффикс *-цзы*. Поясним это несколькими примерами: говорят *мутхоу го синрла* 'дерево уже сгнило' (букв. 'у дерева ушла его сущность'), но *тха синцзы бао, кхэнь нао гэ пхицхиэр* 'у него вспыльчивый характер, он часто выходит из себя'; говорят *тха мейла цхиэрла* 'он был уже без дыхания', но *во ду цхицзы, дала тха из цзуйбацзы* 'вне себя от гнева, я ударил его по лицу'.[1]

В отдельных случаях это приводит к семантической дифференциации слова. Так, бином *чхуань мэр*, оформленный на суффикс *-(э)р* по причинам, изложенным выше (А, I, 1 и А, II, 1), означает 'навещать', однако бином *чхуань мэньцзы* имеет уже отрицательную окраску и означает 'ходить по гостям от нечего делать', 'разносить сплетни'.

2. В ряде случаев отрицательно-оценочное содержание существительных рассматриваемого здесь типа внешне проявляется не в том, что они

[1] В этом отношении опять-таки показательны некоторые статистические данные. Так, в текстах Л. Вигер (L. Wieger) слово *цхи* 'дыхание, дух' в 26 случаях оформлено на суффикс *-(э)р* (из них один раз в биноме *ду цхиэр* 'рассердиться' стр. 294) и только 3 раза — на суффикс *-цзы* (исключительно в биноме *ду цхицзы*, стр. 42, 74, 98).

сами оформляются на суффикс *-цзы*, а в том, что на этот суффикс оформляются относящиеся к ним счетные слова. В этом отношении весьма показательны следующие сопоставления: *итхао цзяшы* 'набор инструментов', но *итхаоцзи хуа* 'набор слов'; *иу лудаор* 'отрезок пути', но *иуцзы синвэр* 'плохой запах'; *итхяо гоу* 'собака', но *итхяоцзы шэр* 'неприятное, докучливое дело'; *ипхянь шуй* 'водное пространство', но *ипхяньцзы ся хуа* 'пустая болтовня'; *идунь фань* 'обед', но *идуньцзы чхоу* 'горе'; *итхяо шэнцзы* 'веревка', но *итхяоцзы синь* 'забота'; *илу сян* 'свеча для курения благовоний', но *илуцзы хао да* 'хорошая взбучка'.

Как мы видели выше, использование в счетных словах суффикса *-(э)р* обусловлено совсем иными причинами — переносно-производным содержанием счетного слова (А, II, 2).

3. С отрицательно-оценочной функцией суффикса *-цзы* связано наличие его в некоторых производных существительных с материально-неосязаемым содержанием, как то: *чхаоцзы* 'ссора', 'спор' от *чхао* 'ссориться', 'спорить', *луаньцзы* 'беспорядки', 'неприятности' от *луань* 'беспорядочный', *чхацзы* 'неприятности' от *чха* 'разветвляться' (о дороге), *кхуцзы* 'страдание, бедствие' от *кху* 'горький, несчастный'.

Как мы видели выше, нормой для производных существительных материально-неосязаемого содержания является оформление их отнюдь не на суффикс *-цзы*, а на суффикс *-(э)р*. По этой причине в отдельных случаях могут быть и колебания в выборе суффикса, так, рядом с *да тха цзи сяцзы* 'нанес ему несколько ударов' находим в том же значении *да тха цзи сяр*.

4. Суффикс *-цзы* в его отрицательно-оценочной, а вместе с тем и материально-предметной функции мы находим, наконец, в небольшой группе существительных, обозначающих разные болезни и их проявления, а также некоторые отрицательные явления природы, как то: *чжэньцзы* 'скарлатина', *лайцзы* 'парша', *доуцзы*, *мацзы* 'оспины', *люйцзы*, *юцзы*, *моцзы* 'опухоли'; *боцзы* 'град', *лэнцзы* 'снег с дождем' и т. п. (ср. Б, IV). Любопытно, что в отдельных случаях на суффикс *-цзы* оформляется не само (или не только само) существительное, а опять-таки относящееся к нему счетное слово, например: *ифацзы вэньцзай* 'эпидемия', 'болезнь'.

IX

Суффикс *-цзы* мы находим, наконец, в серии слов, обозначающих родственные отношения: *цзяцзы* 'семья, дом', *лаоецзы* 'отец' [ср. *ер* 'отец и сын' (А, VII, 1)], *мэйцзы* 'младшая сестра' [ср. *цзер* 'старшая и младшая сестра' (А, VII, 1)], *эрцзы* 'сын',[1] *саоцзы* 'жена старшего брата' [однако, *дасаор* 'старшая невестка'[2] (А, VII, 2)], *чжыцзы* 'племянник' (однако, *сяо чжыр*, да *чжэр*), *шэньцзы* 'жена младшего брата' и в некоторых других словах этого типа.

Этот же суффикс мы находим и в некоторых существительных, которые сами по себе терминами родства не являются и использование которых в этом семантическом кругу представляет вторичное явление. Так, например, слово *мэнь* 'дверь', 'ворота', в биноме *чху мэр* 'выйти из ворот', 'отправиться в путешествие', оформлено на суффикс *-(э)р* в силу партитивного значения слова *мэнь* (А, I, 1) и партитивно-переносного значения словосочетания в целом (А, II). Однако в биноме *чху*

[1] Однако *нюэр* 'дочь' ~ *нюйцзы* 'девушка', 'женщина'.

[2] В текстах Л. Вигера находим 23 раза *саоцзы*, 2 раза *дасаор* (стр. 300 и 690).

мэньцзы 'выйти замуж' слово *мэнь* вводится в круг родственной терминологии и соответственно и оформляется на суффикс *-цзы*. Также обстоит дело и в тех случаах, когда слово *мэнь* 'дверь', 'семья', функционирует в виде счетного слова при некоторых существительных, принадлежащих к кругу родственных отношений. Так, говорят *имэньцзы цхиньшы* одна-(семья) свадьба' (ср. А, II, 2).

X

Мы уже говорили выше, при рассмотрении суффикса *-(э)р*, что нельзя ставить знак равенства между всеми его функциями. Так же обстоит дело и с суффиксом *-цзы*. Удельный вес каждой из его функций и степень их актуальности весьма различны. Некоторые из его функций (например использование этого суффикса при терминах родства) носят явно пережиточный характер. Другие, наоборот, весьма актуальны и продуктивны, по крайней мере в некоторых диалектах. Сюда относится, например, использование этого суффикса в качестве показателя категории материальной предметности и в субъективно-оценочной, снижающей роли.

Для бай-хуа и ряда современных диалектов характерна тенденция расширить круг функционирования суффикса *-цзы*, распространив его также и на слова с партитивным, а отчасти и с отвлеченно-предметным содержанием, и тем самым сузить круг функционирования суффикса *-(э)р*, ограничив использование этого последнего в основном категорией субъективной оценки и некоторыми группами наречий. Отсюда нередкие колебания в выборе суффикса — *ер||ецзы* 'листья', *пхор||пхоцзы* 'склон горы', *динр||динцзы* 'крыша', *инр||инцзы* 'тень', *фар||фацзы* 'способ' — без видимого изменения значения целого.

Процесс этот идет неравномерно. В одних диалектах в этих случаях преобладают формы с *-(э)р*, в других — с *-цзы*. Так, в диалектах провинции Ганьсу как норму находим: *йезы* 'листья', *динзы* 'крыша', *йинзы* 'тень', *фазы* 'способ'.

Соответственно с этим меняется и содержание суффикса *-цзы*. Из показателя категории независимой, материальной предметности он превращается в современном языке в показатель категории предметности вообще, в суффикс существительности как таковой.

XI

В иероглифической письменности суффикс *-(э)р* передается, как известно, тем же иероглифом, что и слово *эр* 'дитя', 'ребенок', а суффикс *-цзы* — тем же иероглифом, что и слово *цзы* 'сын'. Отношения между этими знаменательными словами и соответствующими суффиксами в современном языке сложились довольно своеобразно и отлично иллюстрируют различную семантическую природу суффиксов *-(э)р* и *-цзы*.

Понятие 'сын' в современном разговорном языке выражается словом *эр*. Подобно другим словам, относящимся к терминам родства, это *эр* обычно бывает оформлено на суффикс *-цзы*. Говорят *эрцзы* 'сын' подобно *мэйцзы* 'младшая дочь', *саоцзы* 'невестка' и т. п.

Слово же *цзы* 'сын' в современном разговорном языке используется, главным образом, в переносно-партитивном значении и поэтому и бывает обычно оформлено на суффикс *-(э)р*. Говорят *хуацзэр* 'семя (букв. 'сын') цветка', *цзицзэр* 'яйцо (-сын) курицы', *юйцзэр* 'икра (-сын) рыбы', *цхянцзэр* 'пуля (-сын) ружья' и т. п. (ср. А, VI).

XII

В связи со всем этим естественно встает вопрос о генезисе этих двух суффиксов. В китаеведной литературе суффиксы *-(э)р* и *-цзы* рассматриваются обычно как служебные дериваты знаменательных слов *эр* 'дитя' и цзы 'сын', по схеме: 'дитя, сын' > 'нечто маленькое' > суффиксы уменьшительности > суффиксы предметности.[1] Если генетическая связь этих суффиксов со словами *эр* 'дитя' и *цзы* 'сын' представляется весьма вероятной (ср., однако, Б, VII), то схема как таковая слишком прямолинейна и не может удовлетворительно объяснить все случаи употребления этих суффиксов в современных диалектах и прежде всего использование их в качестве показателей материально неосязаемой *resp.* материально осязаемой предметности.

Что, однако, вряд ли вызывает сомнения — это необходимость в генетическом плане отделять предметную функцию суффикса *-(э)р* от наречной. В некоторых наречиях места и времени суффикс *-(э)р*, повидимому, является всего лишь фонетическим субститутом морфем *ли* 'внутри' и *жи* 'день',[2] а в других разрядах наречий он, возможно, как-то связан с наречным суффиксом *жань/|ань*.[3] На различные исторические источники предметного *-(э)р* и наречного *-(э)р* указывает и то обстоятельство, что в современном языке наречное *-(э)р* никогда не заменяется суффиксом *-цзы*, тогда как при предметном *-(э)р* в ряде случаев это возможно.

На всех этих проблемах мы предполагаем остановиться в специальной работе.

---

[1] См., напр.: Б. Карлгрен. Sound and Symbol in Chinese. London, 1923, стр. 33, и критические замечания П. Пельо на эту тему (T'oung Pao, 1923, стр. 317.

[2] См. Б. Карлгрен. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923, стр. 38 (№ 12). В романе Лао Цхань ю-цзи рядом с *чжэли* и *чжэр* 'здесь' находим, однако, и гибридную форму *чжэлиэр* (изд. Тхайдун тхушу-цзюй, Шанхай, 1922, цзюань 1, стр. 40).

[3] Н. Н. Коротков. Проблема частей речи и генезис наречий с суффиксом *жань* в китайском языке. Труды Моск. инст. востоков., 1946, вып. 3, стр. 200—220.

И. Н. ВИННИКОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКУ И ФОЛЬКЛОРУ БУХАРСКИХ АРАБОВ

Инициатору изучения арабов Средней Азии — дорогому учителю Игнатию Юлиановичу Крачковскому посвящается.

Публикуемые здесь тексты были записаны мною осенью 1938 г. в кишлаке Джóгари Гиждуванского района Бухарской области Узбекской ССР.

Кишлак Джóгари — крупнейший из трех кишлаков Бухарской области, где живут арабы, сохранившие свой родной язык.[1] Он находится километрах в тридцати пяти от города Бухары и километрах в трех от районного центра Вабкента. Этот кишлак заключает в себе собственно три кишлака, только в сравнительно недавнее время слившиеся в один: кишлак Джóгари, населенный таджиками; кишлак Шохенбек, населенный таджиками, узбеками и арабами, утратившими родной язык; кишлак Арабхóна, в котором и живут арабы, говорящие по-арабски. Численность последних определена была мною в 1938 г. в 379 человек (205 мужчин и 174 женщины).

Все три текста записаны со слов шестидесятилетнего араба ʿĀлима сына Курбāна. Биография этого араба несложная. Вот отрывок из того, что он о себе рассказал.

„Мой отец сорок лет батраком был, у баев работал: волов погонял, землю пахал. Земли у него не было, он безземельным был. Двадцать овец он имел, дом имел, одного осла имел. У него было три сына, три дочери. Батрак в год сто тенег [15 рублей] получал. Мой отец бедняком был. Хлеба у него было мало, нехватало. Он брал в долг деньги у баев. Как только добывал денег, он долги платил. За деньги, которые брал в долг, он проценты платил. Если брал в долг двадцать тенег [3 руб.], он в год шесть тенег [90 коп.] процентов платил. Мой отец бедняком был.

„Я от отца лет семи остался, от матери лет восемнадцати. Моя мать в наших двух мечетях служанкой была, ей хлеб давали. Когда мать умерла, я батраком стал. За 120 тенег [18 руб.] нанялся. Моя работа

[1] Некоторые общие сведения о среднеазиатских арабах, в том числе об их современном положении приведены в наших статьях „Арабы в СССР“ (Советская Этнография, 1940, IV, стр. 3—22) и „Арабы Средней Азии“ (Бейрутский журнал „ат-Тарīк“, 1943, № 13). См. специально о диалектах среднеазиатских арабов: Г. В. Церетели. Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии (Записки Института востоковедения АН СССР, 1939, VII, 251—233) и „К характеристике языка среднеазиатских арабов“ (Труды второй сессии Ассоциации арабистов, 1941, 133—148).

была «кашша» возить: навоз на поле возил я. Три года я этим занимался. Потом три года подпаском был: воду для овец из колодца таскал, кушанье пастухам готовил, лепешки пек, собакам еду варил, дрова рубил.

„Двадцать лет я овец пас. Двадцать шесть лет батраком был. Двадцать три года моей жизни прошло в степи. В дождь, в снег среди овец я спал, на навозе спал. От такого спанья мои ноги до сих пор болят.

„Лет тридцати я женился. Раньше у меня денег не было, поэтому я жены себе не брал. От отца ничего не осталось: один дом остался нам троим [братьям].

„...Восемь лет как я в колхоз вступил. Когда колхоз образовался, в том году я и колхозником стал. Я и жена, оба мы в колхозе работаем. Положение наше хорошим стало.

„...Мой отец на домбре играл, сказки сказывал. Мой старший брат от него научился; я от брата научился. Мальчиком тогда был, лет пятнадцать мне было. А еще лет двадцати в степи от пастухов научился".

При ближайшем знакомстве с этим арабом оказалось, что он человек в высшей степени одаренный, что в своей прекрасной памяти он живо хранит многочисленные образцы народного творчества, что, как никто из своих соплеменников, он владеет родным языком и, как никто из них, искусен в рассказывании народных сказок. Мое тесное общение с ним в течение нескольких месяцев дало мне благоприятную возможность глубже изучить язык бухарских арабов и ближе познакомиться с их культурной традицией. Я тщательно записывал все, что я от него слышал; я записал все его сказки.

Приводимые здесь три сказки дают представление как о характере фольклорного репертуара ʿĀлима сына Курбāна, так и о языке бухарских арабов, который он донес до нас в наибольшей сохранности. Этот, открытый советскими арабистами новый арабский диалект, а также исследованный ими впервые диалект кашка-дарьинских арабов, несомненно, имеют большое значение и для арабской диалектологии и для семитского языкознания вообще.[1]

1

órba ʿašrāt maddōḥ kon. Adhám wīhum iḫtálat. fi_madínet Balḫ ġádu. Adhám fi_warṓʰ fat ǧild kun_ʿéndu, fat kadūa nek-báḫt kun_ʿéndu. wej_maddoḥín madīnet Balḫ ġadāk. dikalō ṭalāʿu ġádu. Adhám min_haló iḫtázal, fi_madína tíli. fi_béjt kun_qāʿed, bint amīr wej_úmma ḥammōm kun_tṓġdi_ _najma. nās balbijūt šaddūnen, kúl_ṣab mihribūn-u-ġodín. maddōḥ min_balbéjt ġōru ʿájjan. giddam_balbéjt bint amīr ǧāt. min_úššа numolíta šamōl parrána. ʿejn maddōḥ kálet ʿ alēha. šāfa, min_ʿíšqa wáqaʰ. lejl ṣōr. min_ṣṓḥeb bejt nášat: „haj bint_mín kōnet?" ṣōḥeb bejt qōl: „bint amīr kōnet!" maddōḥ ilēha zīn šāfa. sábeʰ sanāt gird qálʿa istafarrā. maddoḥīn ʿō fi_madína ǧīw. maddoḥīn qōlu: „ēš missū čarḫínnak?" hat qōl: „balākum ʿalāj! i_fát balā tilīt! bint amīr zīn šajfinīja, la_máqdir arissīja óġdi! sábeʰ sanāt ʿal_hamáj miltíffini!"

[1] Несколько слов о транскрипции. Транскрипция применена по преимуществу фонологическая. Долгота отмечалась в двух случаях: 1) когда она отчетливо воспринималась (напр. mōt, qōjil, madīna, qalīla, ilēha и т. п.) и 2) когда на нее указывало ударение (напр. maddōḥ, giddām, maqūl, tuffaḥīt и т. п.). Когда в слове есть долгая гласная, ударение не отмечалось, так как всегда в таком случае ударение падает на долгую гласную. Когда же в слове две долгих гласных, что, между прочим, чрезвычайно редко, ударение отмечалось. Знак _ между словами внизу указывает на то, что эти слова имеют одно ударение. В этих случаях ударение отмечалось всегда.

Adhám qōl: „giddam‿amír mogdí, i‿rūḥù maqūl! ḫaj jiqtílni, ḫaj juḥrúqni, ḫaj jizbáḥni!“ giddam‿darwóza ġadāk. nās amīr galabōʰ. „ʿal‿amír šuġúl ʿendí!ʿ — qōl. zarabōʰ. ṭáwšu amīr símʿu. amīr qol: „ṭawš il‿misū mūwo?“ — „fat maddōḥ!“ qōlu. „ǧibōʰ!“ — qōl. giddam‿amír waddōʰ. amīr qōl: „ēš mitqūl?“ — „ʿaléjk šúġli hast!“ qōl. amīr qōl: „qūlu!“ — „bíntak ilāj inṭál! — qōl — ḫaj tizbáḥni, ḫaj tiqtílni, ḫaj tuḥrúqni — bintak ilāj inṭál!“ amīr qol: „bejt ogdí, liúmma aqūl!“ giddam‿úmma ġadāk amīr. „mára, — qōl — fat maddōḥ ǧāk, fi‿waróʰ fat ǧild, fi‿wásṭu fat kadūa nek-báḫt, ilāj muqūl: «bíntak íṇṭa!» mart amīr qōlet: „bíntak: «fat ādami min‿álla il‿meḫóf — hamdūk ilaj‿zūǧ tajṣōr!» mitqūl. dūk kadūtⁱⁿ nek-báḫt ki‿ʿéndu, min‿álla meḫōf; min‿álla rajdijāna hamuk‿ādami. bíntak íṇṭa!“ amīr i‿nāsu qōl: „ḫáwli qiššōʰ, bínti manṭíja!“ amīr fat wazīr kun‿ʿéndu. wazīr fat walád kun‿ʿéndu. „i‿wáladi bint amīr moḫída!“ wazīr kum‿muqūl. wazīr i‿amír qol: „hint amīr itkūn, i‿giddáj bíntak tinṭījami? wej‿maddōḥ salās ġapāt maqúl‿lā, má‿jiqdir tajsīhen, míhrib mijógdi!“ — „májlak!“ qōl amīr. wazīr i‿maddōḥ qol: „fi‿ḫajōṭ fat ḫūz hast, hamát min‿aríza tíkbisu, mū ḫūz midjíbsu; isnēn gawharāt tinṭīna; min‿ḫajōṭ ǧin-ḫóna tuffaḥtēn mitǧīb; hamalān mitǧíben — bint amīr iléjk!“

maddōḥ fi‿ḫajōṭ daḫál, ʿal‿álla bakā. ʿal‿álla kun‿bāki‿ki min‿qibla fat búlak ġēm ṭálaᶜ, ǧāk, fi‿ḫúz qáᶜad, mū šālu, fi‿čúl ṭálaᶜ, náṭar. ḫūz idjábbas. ʿal‿álla ʿō bakā. min‿samó arīza náṭaret. ḫūz inkábas. maddōḥ ġadāk, i‿amír qol: „dúltak qalíla itkūn, haj uḫúda!“ amīr qōl: „hat i‿álla qarīb mišōr! ālla i‿hát zīn mišúful“ amīr i‿nāsu qōl: „ḫáwli qiššōʰ, bínti manṭíja ilāʰ!“ wazīr qōl: „hat ʿejn mišítt!“ i‿maddóḥ qol: „jogt, tuffaḥtēn ǧíb!“ maddōḥ ṭaláᶜ ġadāk.

min‿giddám maddōḥ Ḥéḍer ṭaláʿu. „ijṣab‿tógdi?“ — qōlu. maddōḥ qol: „ʿal‿bínt amīr qálbi ġōdi; «tuffaḥtēn ǧíb!» — qōlu, mógdi maǧíben!“ Ḥéḍer qōlu: „tógdi, ma‿tíǧi!“ — „ēs asū?“ maddōḥ qol. fi‿rāsu zárab, bakā. Ḥéḍer ḫaṭ kátabu, i‿maddōḥ anṭōʰ. „ḫaṭ wúddu! — qōlu — fi‿giddam‿balbéjt fat ādami qāʿed, ḫaṭ i‿hamdúk íṇṭu, balbéjt meḫillāʰ, «údḫul!» muqūl. fi‿ḫajōṭ ki‿daḫált, haj ġáraba mitqūl: «mínni uḫúd!», díki ġáraba mitqūl: «mínni uḫúd!» min‿ġarabātⁱⁿ: uḫúd! — muqulēn, la‿tóḫed! fat ġáraba gap ma‿túzrub, min‿hamdíki jogt uḫúd!“ maddōḥ ḫaṭ ǧābu, i‿hamduk‿ādami giddam‿balbéjt il‿qāʿed anṭāʰ. duk ādami i‿ḫát qarā. balbéjt ḫallāʰ, maddōḥ daḫál. fat ġáraba qōlet: „mínni uḫúd!“ kúllen qolēn: „mínna uhúd!“ maddōḥ má‿ḫada. fat ġáraba gap má‿zarabet. tuffaḥtēn min‿hamdíki qáṭaʰ, min‿čarbóǧ ṭaláᶜ. ḫéder balbéjt il‿qāʿed dew kōn.

maddōḥ i‿madína ǧāk. tuffaḥāt i‿wazír anṭāhen. amīr qol: „ʿers sūwu, inṭūa ilāʰ!“ wazīr i‿maddóḥ qol: „gáwhar ǧíb!“ maddōḥ ṭaláᶜ ġadāk. ʿō Ḥéḍer min‿giddámu ṭaláʿu. „ijṣab‿tógdi?“ — qōlu. „ʿal‿gáwhar mógdi!“ — qol. „fi‿účč rod gáwhar mān, — qōlu, — min‿ṣāb tilqāʰ?“ — „ēš asū?“ maddōḥ qol. fi‿rāsu zárab, bakā. Ḥéḍer qōlu: „fi‿giddam‿sámaka mukun‿dúk!“ — „sámaka ijṣāb hamdíki?“ qōl. fi‿arun‿ḫáḫar mitkūn!“ — qōlu. maddōḥ giddam‿báḫar ġadāk. kadūtu fídu ḫadāha, mū kun‿jóḫed kun‿íltiš. ādamiⁿ óbi bárra ṭálaᶜ, i‿hát šáfu. ʿájjan‿ki hat mū miltíš. kul fat mū latašānu órbaᶜ šibūr mū qalíl mišōr. ādamiⁿ óbi ġadāk, liamíru qōl: „fat ādami min‿turób il‿ṣójir mū mijō-

ḫed míltiš! mū báḥar mijíbsu!“ amīru ṭálaᶜ. „ō ādamiⁿ turōb, — qōl — órbaᶜ sanāt mū agar_tíltiš, qalíl ma_tíqdir tassāʰ!“ — „ēš asū?“ maddōḥ qol. fi_rásu zárab, bakā. „lī tíbki? — qól_lá — bišan_éš mū tiltíš? ēš tōḫed min_báḥar?“ — „gáwhar mōhed!“ qol. amīr qol i_násu: „ṭúlᶜu, i_hát inṭōʰ!“ órbaᶜ ḥijūṭⁱⁿ zuġōr adamāʰ daḥál fi_báḥar. órbaᶜ ḥijūṭ gáwhar ḥádu ṭállaᶜu, i_maddóḥ anṭōʰ. maddōḥ ḥadāhen, fi_ʿúbbu ḥaṭṭāhen. fi_madína maddōḥ ǧak. isnēn ḥadā mínnen, giddam_wazír daᶜāhen. wazīr qol: „halān fi_ḥazína konēn, serqinakāhen!“ maddōḥ qol: „isnēn konēnmi fi_ḥazíntak jō wáḥadᵃᵐ kōnmi?“ wazīr qol: „hama_isnén konēn! halān i_amír kajnāt!“ maddōḥ fat gáwhara min_ʿúbba ḥadāha. „haj iléjkmi?“ qol. ʿō wāḥeda ḥadā. „haj i_bíntakmi? “qol. kúllu ḥadā, wāru. „hat i_múwo?“ qol. amīr qol: „ḥáwli qiššōʰ, ʿers sūwu, inṭūa ilāʰ!“ wazīr qol: „hint amīr itkūn, i_giddáj bíntak tintījami?“ amīr qol: „ēš asū?“ wazīr qol: „i_nás maqūl tajuḍrubūnu tajziḥūnu!“ i_nás qōl: „úḍrubu ziḥōʰ!“ nās zárabu zaḥōʰ. maddōḥ bakā. min_ostóna ṭálaᶜ, i_álla qol: „hamáj tiqtíla! “maddōḥ min_darwóza ṭaláᶜ ǧadāk. i_bínt álla qatála.

maddōḥ čūl ṭaláᶜ ǧadāk. fat mū ġadāk, qáᶜad. ibᶜír_il_miǧírr min_waro_maddóḥ ġadāk. ibᶜír_il_miǧírr giddam_mú ġadāk, názal. maddōḥ qōl ilāʰ: „min_ṣáb ǧīt?“ gap ma_zárab ilāʰ. ʿō fat ādami ǧāk min_madína. dūkᵃᵐ názal hamqít. i_dúk qol maddōḥ: „min_ṣáb ǧīt?“ ibᶜír_il_miǧírr i_maddóḥ qol: „hint maǧnūnmi? min_kúl_min tínšit!“ duk_ádami qōl: „ēš mitqul_lá? ādami min_ádami mínšit!“ duk_ádami qōl: „min_madínet Balḫ ǧīt!“ maddōḥ qol: „fi_madína ēš gap hast?“ ādami qōl: „fi_madína ġúlġula wáqaʰ — bint amīr mōtet!“ maddōḥ inġalab, madīna ġadāk. ġadāk, wej_nás iḫtálat. wīhum ǧinōza ṣallāha. fi_mazár wīhum ġadāk, qabíra šáfu. il_míta dafanūa. lejl ṣōr. maddōḥ fi_mazár ġadāk. qabíra ḥallā. fi_qáber dáḫal, účča šáfu. ʿal_álla bakā. „al_hamáj rūḥ ḫitt! agar_rúḥ lá_tḫit, ilājᵃᵐ rūḥi uḫúda! ‘ qōl. álla qōl i_Ǧabrajíl: „i_Ḫéḍer qūl, rūḥa tajḥiṭṭīja!“ Ḫéḍer ǧāw. maddōḥ ḫōf. „hat sūba mísraqu!“ qōl. i_fát kúnǧak zamma_rúḫu. Ḫéḍer unf bint ǧarrūa. ṭálaᶜu min_qáber. bint qōmet, kun_tíbki. maddōḥ qol: „lī tibkīn?“ bint qōlet: „ʿal_ḥáli mábki! aná kum_mítini, Ḫéḍer rūḥ ḥáṭṭu ʿalāj! hint hān ēš missū?“ maddōḥ qol: „sábeʰ sanāt anā mamut_ǯárḥini ʿaléjki! anā zīn šajfinīki! fi_ǧírd qalᶜétki mastafár_čarḥini! anā ʿal_álla bakēt, álla ʿaléjki rūḥ ḥaṭṭā!“ bint qōlet: „sábeʰ sanāt zīn ikūn šajfinakāni, no-máḥram ínnak! baᶜīd iqáf, anā máṭlaᶜ brūḥi!“ bint šíbkit, má_gidrit taṭíṭlaᶜ min_qáber. i_maddóḥ qōlet: „fi_íǧri qūwa mān, má_gidirt átlaᶜ! taᶜāl, īdi uḫúda!“ īda maddōḥ ḥadāha, min_qáber ṭalláᶜa. bint qōlet. „iṣṣābⁱⁿ tóġdi, wúdni!“ maddōḥ malbūsu anṭā ilēha, fi_rása ḥaṭṭíṭu. i_fát bejt waddāha, qaᶜᶜáda. bint qōlet: „fat íbra ǧīb, silk ǧīb, sūbi aḫīṭu!“ maddōḥ ġadāk, íbra šarā, silk šarā, ǧāk. sūba ḥajjaṭíṭu, labasítu. „joġt, ḥaṭīb ǧibi!“ — qōlet. maddōḥ ġadāk, ḥaṭíb ǧābu. fat pēla mū daᶜā, nakáḥa. halō mára-ju-zúǧ ṣōru.

ʿáššaret. wúldit. fat walád wúldit. úsmu Ibrohīm daᶜōʰ. zaġīr kíbir. maddōḥ nehōr ki_ṣór mítlaᶜ mijóġdi, lejl míǧi. zaġīr ma_jšúfu i_abóʰ. zaġīr ʿal_qarijān daᶜōʰ. zaġīr i_máčit kun_jóġdi kun_íǧi.

mart amīr fi_ḥammóm ġadt. zaġīr min_giddáma ṭálaᶜ. qázabet, ḥabbítu. jūmin fat kárra tíǧi giddam_máčit, i_hamát zaġīr mišsūfu. fi_madína ṭawš

iššárraq. nās qōlu: „mart amīr i_fát ṣábi zīn šajfitínnu!“ hat gap amīr sím^{c}u. amīr qol: „ʿal_háj eš kamjá ʿendá ġarīja kej_missú?“ ġizu ǧāk. „maqtíla!“ — qōl. giddāma ġadāk. „hínti i_madína i_fat_ṣábi zīn šajfinkā^{h}? maqtílki!“ qōl. mára qōlet: „anā ṣábi ēš asu_bá? min_wáḥt^{in} bínti mīta, mītini anā! fat zaġīr hast i_madíntak, min_bíntak ṣōjir! lihamdūk la_ašúfu kul jūm, mamūt! nuṣṣ aríztak waddīt wakkálta ʿalā^{h}!“ amīr qol: jóġdi ǧibā^{h}!“ mára ġadt, i_zaġír ǧábtu. amīr šāfu i_zaġír, ḥabbā^{h}. „abū ʿéndakmi?“ — qōl. zaġīr: „lā’!“ qōl. „umm ʿéndakmi?“ — qōl. zaġīr: „hā!“ qōl. „béjtak téʿrifumi?“ — qōl. zaġīr qol: „giddam_máčit itwuddūni aġár, hōjjammu máʿrifu!“ amīr lamára qōl: „jóġdi, úmmu ǧibīja!“ mára i_zaġír ḥadítu, ġadt. zaġīr i_mára béjtu waddāha. fi_úšč maréjka párda kōnet. mára qōlet: „amīr meṣijéḥki, warōki baʿásni!“ mára qōlet: „ēš muqul_láj? duk amīr ikūn, anā ǧoʿōna akūn — ēš muqul_láj? la_móġdi!“ mára íngalabet ġadt. giddam_amír ġadt, qōlet: „«la_mǒġdi!» qōlet!“ amīr qōl: „dīki mart ǧoʿōn, ǧalmūda kājna — libōs wúddi ilēha!“ mára libōs ǧābet ilēha, qōlet: „anā iléjki libōs ǧibt, ilbisā^{h}, ímši tanóġdi!“ umm zaġīr qōlet: „anā ṣōḥeb ʿéndi, min_dúk ǧawōb oḥéd! «jóġdi» iqūl — móġdi!“ mára íngalabet ġadt. giddam_amír ġadt, qōlet: „dīki zūǧ ʿendá! «zūǧi: jóġdi! iqūl — móġdi; lā_toġdín! iqūl — la_mǒġdi!» qōlet!“ lejl zūǧa ǧāk. i_zúǧa qōlet: „warāj ādami bōʿes amīr! ōġdimi, lōġdimi?“ — „hínti ēš qulti ilēha?“ zūǧa qōl. „anā qult: ṣōḥeb ʿéndi! «jóġdi!» iqūl agál — móġdi; «lā_toġdín!» iqūl — la_mǒġdi!“ mára qōlet. maddōḥ qol: „hínti iláj zūǧ teḥsibīni, teḥfilīni — anā ǧawōb lī la_anṭíki? ki_ġadíti — «zúžki hēnu?« muqūl, mínki mínšit. hínti mitqulīn: «zūǧi mā_jinlaqi! fi_arun_ḥajóṭ náhar téḥfir, — mitqulīn, — órba ʿašrāt jumāt ʿejš ṭiṭbáḥ, — mitqulīn, — kúl_min míǧi, ʿejš mijōkel — mitqul n. zūǧi rāsu istafárr, dūk^{am} hamqīt miǧí. min_fuq_mú mā_jimši; ijṣāb^{in} mū lá_jkun, min_hamqít mimší. min_hamdúk mašijānu téʿrif tóḥdu!“

waḥt ṣalō mart amīr ǧāt, ḥadíta ġadt. fi_béjt daḥḥalíta, qaʿʿadíta. amīr arūn ġadāk. min_balbéjt^{in} mijāna ʿéjnu kálet ʿalēha, ʿerífa. íngalab, šamšīru ḥadā^{h}, ǧāk. fi_béjt daḥál. „maqtílki!“ qōl. bint qōlet: „lī?“ — „anā fi_ġámki mītini — fi_madína tišraḥīn, fi_giddámi má_tiǧi!“ qōl. „íqafu! — qōlet liabūha — išáet mījet fi_l_ḥajá ṣojír, fi_béjt abō^{h} ǧāj? anā ištūr béjtkum áǧi?“ nās ma_jʿejbúnmi: bint amīr kum_míta, fi_l_ḥajá ṣajrá, ǧāja! bišān hamdūk ma_ǧít!“ — „zúžki hēnu?“ amīr qol. „zūǧi — qōlet — ma_tilqūnu! fi_arun_ḥajóṭ náhar éḥfiru, órba ʿašrāt jumāt ʿejš íṭbaḥu, kúl_min tajkun_jókel. zūǧi rāsu mistafárr, hamqīt miǧí. min_fuq_mú má_jimši, ijṣāb^{in} mū lá_jkun — min_hamqít mimší. min_hamdúk tilqūn toḥdūnu!“ amīr fi_ḥajóṭ náhar ḥáfar. órba ʿašrāt jumāt ʿejš ṭábaḥ. kúl_min kalā, kun_íṭlaʿ-u-ġódi. maddōḥ ǧāk. waḥt ṣalō fi_ḥajóṭ kun_dóḥel, šims qáʿadet — fi_ras_gídir láḥaq. ʿérfu, ḥadō^{h}. fat ādami qōl: „hint máǧnūnmi? waḥt ṣalō fi_ḥajóṭ kun_doḥlínnak, akūn fi_ras_gídir ǧīt!“ maddōḥ qol: „kúl_min máratu zajjáʿa, wáladu zájjaʿu — maǧnūn!“ giddam_máratu waddō^{h}.

jūm amīr kímil. nāsu lammāḥum. i_násu qōl: „anā mamūt, nabírti amír suwō^{h} fi_ródil!“ amīr mōt. i_nabírtu amīr sawō^{h}. amīr fád_jum fi_ṣajjotíja ṭálaʿ. ohūa min_giddámu ṭaláʿet. liohūa zāḥa, tajperrína qōl. ohūa wáqafet. „Ibrohīm, — qōlet — iláj ruḥnōk beʲ_rúḥ missīni, hínt^{am} fat jūm beʲ_rúḥ miṣ-

ṣōr!“ Ibrohīm újla sawá. „had_díṅja baqō ma_kej_misú!“ — qōl. díṅja tark sawāha. min_táḫt-u-báḫtu ʿábar, fi_Mákka ġadāk.

mrṓd-u-máḥṣatu láḥaq.

2

isnēna kōnu adamīn. fát_aḥdu qōl: „giddam_Ḥṓtami-ṭáj moġdí, fat ḫēṭ[in] kabīr arīza marīd!“ fát_aḥdu qōl: „giddam_Ḥṓtami-ṭáj moġdí, fat mára marīd!“ giddam_Ḥṓtami-ṭáj ġádu. fat maddōḥ min_giddámum ṭálaᶜ. „ijṣāb toġdūn?“ — qōl. „giddam_Ḥṓtami-ṭáj noġdí!“ — qōlu. „ēš missūn fi_giddámu?“ — qōl. fát_aḥdu qōl: „fat ḫēṭ[in] kabīr arīza marīd!“ fát_aḥdu qōl: „fat mára marīd!“ maddōḥ qol: „anā[iam] wéjkum móġdi, hēn álla iláj minṭīnimi!“ giddam_Ḥṓtami-ṭáj ġadú. fát_aḥdu qōl: „fat ḫēṭ arīza ínni!“ fát_aḥdu qōl: „fat mára ínni!“ Ḥṓtami-ṭáj i_maddōḥ qol: „hint ēš midrīd?“ maddōḥ qol: „giddámak ǧit, mínnak mánsit: hēn álla minṭīnimi!“ „Ḥṓtami-ṭáj: „álla iléjk onṭīk!“ — qōl. lifát_aḥdu fat ḫēṭ arīza anṭāʰ. arun_béjt ġadāk, i_máratu qōl: „salāsa giddámi ǧāw. fát_aḥdu fat ḫēṭ arīza rād. fat ḫēṭ arīza anṭíṭu. fát_aḥdu fat mára minni rād — anā mára mōnṭini. fát_aḥdu álla onṭínnu!“ mart Ḥṓtami-ṭáj qōlet: „iláj ṭúlluᶜ ínni!“ Ḥṓtami-ṭáj qōl: „anā iléjki ištūr aṭúlluᶜ anṭīki?“ — „iláj la_tinṭíni agár, Ḥṓtami-ṭáj kajnijānak išwō?“ qōlet. ṭállaᶜ anṭāha.

orbaᶜétum ṭálaᶜu ġádu. fi_dárb ġádu. had_isnenítum fi_qálbum šumīja wáqaʰ. fát_aḥdu qōl: „anā i_dṓk máqtilu, fat ḫēṭ aríztu mōḫida!“ fát_aḥdu qōl: „i_dṓk máqtilu, máratu moḫída!“ fát_aḥdu i_dṓk sakkīna zárabu, duk i_hát sakkīna zárabu. isnēnitum mōtu. fat ḫēṭ arīza min_hát tilít, mára min_dṓk tilít. maddōḥ arīza ḥadāha, i_wásṭu šaddāha. i_mára qōl: „jóġdi akūn giddam_zúžki!“ mára qōlet: „anā ʿal_dṓk ḥarōm ṣurt — min_darwóza ṭállaᶜ sardáḥni! toḫídni — mōḫidak, lā_toḫídni — hint aḫūj, ijṣāb[in] tóġdi — móġdi wejk. la_mángalab, la_móġdi giddam_zṓǧi!“

isnēnitum fi_dárb kun_joġdṓn. giddam_kṓza ġádu. fi_fáj ḥajṭ nāmu.

díki madína amíra fi_arun_wáladu fat ḥájja beit sōwa. i_tōbút ḥoṭṭīnu, ʿaśrēn ádami mišilūnu čarḫīn. giddam_hamalṓ ǧāw. zaġīr dam ṣōr. fi_ród daᶜōʰ. nās nāmu. ḥájja min_ḥášim zaġīr ṭaláᶜet ġadt. ḥájja ṭawš sáwet — min_ḥeder_ḥájṭ fat ḥájja ṭálaᶜet. giddam_baᶜázen ǧān. ḥájja min_ḥeder_ḥájṭ il_ṭólᶜa i_díki ḥájja qōlet: „min_álla ma_tḫofínmi — fi_arún fat zaġīr bejt dōᶜenki! ādami mā_jeᶜrif — fat pēla sirkō íśrabu agár, mitmutīn! hál_jum, páġa tulidīn — i_zaġír tiqtilīnu!“ díki ḥájja liháj ḥájja qōlet: „ādami min_turṓ il_ṣṓjir mā_jeᶜrif — fuq_sábeᶜ ḫum arīza nájminki; fad domōna tíbin pājis dūd isū agár, mitmutīn!“ mart Ḥṓtami-ṭáj fi_ilsan_ḥájja kej_tíqaʰ. ḥájja íngalabet ġadt, ḥájja íngalabet ǧāt, fi_arun_zaġír daḫálet. zaġīr ḥassānās qōmu, ʿō šalōʰ. maréjka i_aḫúha qōlet: „imš, madína nóġdi!“ qōmu, ma. dína ġádu. liaḫūha qōlet: „fi_registṓn_joġt, qūl: «anā ṭabīb!»“ ġadākin. „anā ṭabīb!“ — qōl. giddam_amír waddōʰ. amīr qol: „anā ʿal_mitajān hama_ _wáladi rizṓ_ṣajrini! agár itᶜédlu — ēšt[in] itqūl, anā manṭík!“ maddōḥ qol: „apāti hast, díki ṭabīb!“ — „joġt ǧíbal“ amīr qol. ġadāk, apātu ǧāba. i_apātu qōl amīr :„agár i_wáladi itᶜedlínu — ēšt[in] itqulīn, manṭíki!‘ — „fat pēla sirkō

ǧib, — qōlet, — isnēna ṣubōja ǧīb!“ amīr ġadāk, fat pēla sirkō ǧab, isnēna ṣubōja ǧāb. ʿaṣotēn fi_ídum ḥáṭṭit. fi_jammēn zaġīr daʿítum. fat pēla sirkō fi_giddam_ḫášim zaġīr daʿíta. ḥájja min_ḫášmu ṭaláʿet. mára qōlet: „tō: «uzrubūha!» lā_aqul, la_tuzrubúna!“ min_ḫášim zaġīr ḥájja wáqaʿet fi_ród. „uzrubūha!“ — qōlet. qatalūha. zaġīr min_ródu qōm. amīr qol: „rīdi!“ mára qōlet: „bíntak liaḫūj inṭá!“ amīr bíntu nákaḥ anṭāha. mára qōlet i_maddōḥ: „giddam_hamdíki kōza bejt miṭḥíṭṭ iláj!“ hamqīt bejt ḥaṭṭā. mára qōlet: „tíbin pājis ǧīb!“ ġadākin, tíbnin pājis ǧāb. mára ḫášim ġōr ḥájja ḥafarítu, dūd_sawet. ḥájja qōlet: „lá_tiqtilíni! arīza fūqa kunt, ṣoḥéba ǧāk! anā móġdi akūn, arīza i_ṣoḥéba masbíra!“ ḥájja ṭaláʿet ġadt. mára arīza ḥafaríta ḥadíta. sábeʿ ḫum arīza ḥadíta. šíbʿet. — ṣōḥeb arīza maddōḥ kon.

mród-u-máḥṣatu maddōḥ laḥáq.

3

fat bint kōnet. abūha báqar kum_mírʿi. min_álla liamīr kum_midrídu: hamdūk zūġi kum_miṣór. nās fíkru. i_amír qōlu: „bint baqar_il_mírʿi min_álla midrīdak!“ amīr qol: „jóġdu, uḥdūha iláj!“ ġádu, ḥadūha, bejt_amír ǧabūha. amīr qol: „min_álla kej_midridíni?“ bint qōlet: „hā, rídtak min_álla! agar_ _mínnak iláj iṣōr — fat kokúltu núqra, fat kokúltu ḥámra máwlid mínnak!“

bint ʿáššaret. qámara kímil. amīr i_fat_madíntu ġadāk. i_fát ʿaǧūza màra ǧabíta. i_ʿaǧúza qōlet: „hínti úmmi, qijōmati úmmi hínti!“ mára wúldit. isnēn wúldit. fat bint, fat wálad wúldit. bint fat kokúlta núqra, wāḥedita ḥámra wálad fat kokúltu núqra, fat kokúltu ḥámra.

amīr min_háj wáḥad maratēn kun_éndu. má_kum_muwlidín. ḥarīm amīr liʿaǧūza qolēn: „zaġirēna min_ḥedíra toḥdīnum, ǧarwēn midriššīn ḥedíra!“ ʿaǧūza zaġirēn ḫadítum, wáddit, fi_tíbin dafanítum. ǧarwēn ǧābet, ḥéder mára raššíten. mára fi_rúḥa ǧāt, ʿájjanet_ki fi_ḥedíra ǧarwēn. liʿaǧūza qōlet: „ʿijāli ēš sawetīhum? fi_ḥédri ǧarw rōššinkil“ — „ǧarw wulúdtil“ ʿaǧūza qōlet. mára qōlet: „ādami ǧarw mūlidmi? kalb ǧarw mūlid! ēš ʿijāli sawetīhum? fi_giddam_amír účči áswad sawetā[h]! qijōmati ummi sawētki!“ — „waladānki ǧarw!“ ʿaǧūza qōlet. mára qōlet: „ʿéjni ʿal_účč ʿijāl kalít! anā min_ḫál ġadít, ʿijāl min_ḥédri ḥodinkīhum! ʿijāli ǧībi inṭīhum! giddam_amír účči áswad la_ssínu!“

ha_ḫábar i_amír ġadāk: máratak ǧarw wólda. amīr qol: „fi_dárb ṭulʿūa, ǧífra éḥfiru, riššūha, fūqa qīr ʿṣúbbu!“ mára ǧabūha fi_dárb, ǧífra ḥáfaru, raššūha, fūqa qīr ṣábbu. ḥarīm amīr qolēn liʿaǧūza: „halō i_fát_aḥed inṭīhum tajiqtílum! fat tápsi ḥámra ninṭā[h]!“

fat ādami kōn. ḥarāmi kōn. bei_léḥla kum_mílʿab. giddāmu ʿaǧūza ġadt. „zaġirēn maǧīb ilējk, iqtílum! anā tápsi ḥámra manṭīk!“ — qōlet. ādami qōl: „anā ḥarāmi, bei_léḥla málʿab — ādami ma_qótlini!“ ʿaǧūza ǧāt fi_béjt, ʿijāl ḫadítum, fat tápsi ḥámra[am] ḫádet, giddam_duk_ádami waddítum, daʿítum. „ḥámra uḫúda, — qōlet, — hama_ʿijāl iqtílum!“ ha_ádami ḥámra sāfa. „maqtílum!“ — qōl. „min_dámmum mitǧīb!“ — ʿaǧūza qōlet, ġadt fi_béjta.

ādami fuq_iḥmóra marqūm ḥaṭṭā, ʿijāl fi_marqúm ḥaṭṭāhum, iḥmōra rakába, fi_čúl ṭaláʿ. álla i_malajkitēn qol: „min_waró hamduk_ádami jóġdu!“ ha_ádami baʿíd ġadāk. min_iḥmóra názal, liʿijāl tajizbáḥum qōl. ʿájjan_ki

isnēna miǧūn najmīn. ʿō iḥmōra raḳába, baᶜīd ġadāk. min_iḥmṓra názal. mazbáḥum! — qōl. ʿal_warṓʰ ʿájjan: isnēna ʿō mimšún-u-ġodín. ʿō iḥmōra rakába, baᶜīd ġadāk. fi_arun_ʿáġat ġadāk. min_iḥmṓra názal, ʿijāl ḥadāhum, fi_ród daᶜāhum. „fat ḥáǧara álqi, — qōl, — sakkínti aḥeddída, ʿijāl ʿazōb la_anṭíhum!“ ġadāk, ḥáǧara dōwar. ḥáǧara laqā, íngalab ǧāk. ǧāḳin_ki min_ḥášim ʿijāl mū noqíṭ. mū ṭōleᶜ, míməši-ju-ġódi. min_ródum ḥadāhum, hutár daᶜāhum. min_ḥašímum mū naqáṭ. mū ṭaláᶜ, kun_ímši ġōdi. mā_zabáḥum. raššāhum ǧāk.

min_giddámu bejt čúmčuqa ṭálaᶜ. isnēniten ḥadāhen, zabáḥen, fi_šíša dámmen ḥaṭṭā. šīša ǧāba, i_ʿaǧúza anṭāha. ʿaǧūza waddíta, i_ḥarím amīr anṭíṭa.

álla i_Ḥéḍer ṣajjáḥum, qól_ki: „giddam_ʿijā́l joġt, ʿalēhum ʿájjin!“ Ḥéḍer qōlu: „ēš anṭíhum?“ álla qōl: „fat ohūa saḥlitēn kun_ʿénda, ṣajjōt zaráben — lihamdīki joġt qūl — tíǧi midruzzúᶜum!“ Ḥéḍer ġádu giddam_ʿijā́l. liohūa ṣajjaḥūa. ohūa ǧāt, liᶜijāl razzaᶜítum. kun_tóġdi kun_tírᶜi, ǧoᶜōn ki_tílu — tíǧi midruzzúᶜum. ʿijāl kíbru. tiramō ṣor. Ḥéḍer qōlu i_álla: „ēš asu_bíhum? bard ṣor!“. min_álla ṭawš ǧāk: „fat ʿūd uḥúd, gird ʿijāl ḥatt sūwu!“ ʿūd ḥadú, gírdum ḥatt sawōʰ — ḥajṭ ṣor. arūnu ǧawzō, saraṭōn kinná ḥarr ṣor. zaldōru ṣōr, tuffāḥ ṣor, ʿánab ṣōr.

duk ḥarāmi čūl ġadāk ḥáṭab tajíšpir. máṭara ṣōr. zalōm ṣor. ijṣāb ġodijānu ma_jéᶜrifu. zallā. fi_hamduk_ḥajṓṭ ġadāk. hálit ʿájjan, hūj ʿájjan — ródⁱⁿ mudḥulūn má_laqā. čipōnu rúṭub, sūbu rúṭub. ijṣāb ġodijānu ma_jéᶜrif. tášu ʿal_ḥájṭ zárragu, ʿal_ḥájṭ šíbik, raqā. bint ʿéjna kálet ʿalāʰ. aqāta fuq_ǧáraba kōn. liaqāta qōlet: „fad ādami ǧāk!“ — „il_ǧajíbki abūki ǧāk!“ wálad qōl. wálad min_ǧáraba názal, darwōza ḥallāha, iḥmōra daḫḫalāha. qōlu ʿijāl: „hint abūna! ǧíbtna_ju má_zabáḥtna! íšraḥ hamān!“ ha_ādami čáraḥ.

liādami qōlu ʿijāl: „ḫímša min_ǧáraba quṣṣ, sábada ínsiš! tuffāḥ taninṭīk, wúdd i_madína, bīᶜ, i_rúḥak arīza sūl!“ ha_ādami ḫimš qaṣṣā, sábada násač, tuffāḥ nafáz, sábada kabása, ʿal_iḥmṓra ḥammála, i_madína ǧāba. fi_guzár ǧuhutīn ǧāk. „tuffāḥ mabīᶜ!“ — qōl. ʿijāl iltámmu. „ḳam fuls mitbīᶜu?“ — qōlu. ādami qōl: „ʿal_fúls la_mabíᶜu!“ — „ʿal_éš mitbīᶜu?“ qōlu. ādami qōl: „ʿal_ḥábba mabīᶜu!“ i_kul_zaǧír fat tuffāḥa anṭāʰ, ḥabbāʰ. ʿal_ḥobbijān tuffāḥ tammā. íngalab, giddam_ʿijā́l ġadāk. ʿijāl qōlu: „hūk lī sawēt?“ zaǧīr i_ǧáraba raqā, ḥarráka, tuffāḥ wáqaḥ. ʿijāl laqaṭōʰ, sábada kabasūha. zaǧīr qol: „hamat_tuffáḥ i_amír wúddu! amīr ki_ḥadāʰ — rīd! muqūl. hint hamduk_libōs rīdu, hamdūk dábtⁱⁿ áswad rīdu, kálbitⁱⁿ sūda rīda, qūš rīdu!“

amīr fat dábtⁱⁿ áswad kun_ḥówi, kálbitⁱⁿ sūda kun_ḥówi, fat qūš kun_ḥōwi. „álla wálad inṭīni, — kun_qójil, — dábba mírkabu, ṣajjotīja misūl“ libōs sawā. účču mín_ḥámra sawā. „álla bint inṭīni, — kun_qójil, — hat libōš tilbísu!“

duk ādami mísil giddāj ṣor, i_madína ǧāk. fi_guzár ǧuhutīn ǧak. ʿijāl fi_mijāna ḥadōʰ, tála sawōʰ. i_nā́s ṣajjáḥum: „min_ʿijā́l ḥulṣūni, — qōl, — tuffāḥ liamīr mawuddāʰ!“ nās ǧāw, ḥallaṣōʰ.

i_amír tuffāḥ waddā. i_nā́s amīr qol: „anā liamīr tuffāḥ ǧibt!“ ādami amīr giddam_amír ǧak, liamīr qol: „fat ādami tuffāḥ ǧajíb ilójk!“ amīr qol: „tuffāḥ ēš asu_bā́! wálad lā_jkun ʿéndi, bint lā_jkun ʿéndi — ēš asu_bā́? arīza inṭōʰ tajóġdi!“ arīza anṭōʰ, mā_ḥadáha. „aríztu la_moḥída! anā tuffāḥ

ġājbini ilāʰ!“ — qōl. ʿō giddam_amír ādami ġadāk, liamír qol: „arīza anṭināʰ, mā_ḥádāha! «anā i_amír tuffāḥ ġājbini!» — qōl!“ amír qol: „wāḥeda tuffāḥa gīb!“ ġākin, fat tuffāḥa i_amír waddā. amír tuffāḥa ḥadāha, šammāha: rīḥet bihíšt ġāt. amír qol: „joġt, tufíāḥ ġib!“ ġadākin, tuffāḥ wej_ādami ġābu. amír tuffāḥ ḥadā. „ríd_minni!“ — qōl. „ēš aríd_minnak?“ — ādami qōl. „arīza ríd_minni!“ — amír qol. „arīza la_maríd_minnak! — ādami qōl — ēštⁱⁿ mínnak arīd tinṭāʰ agár iláj, marīd_minnak!“ amír qol: „ēštⁱⁿ idrīd, manṭík!“ — „ki_tinṭíni, — ādami qōl, — dábtⁱⁿ áswad íntu, kálbitⁱⁿ sūda ínṭa, qūš inṭú, libōsⁱⁿ sowinakāʰ libíntak íntu!“ amír qol: „wáḥad šī rīd!“ — „la_marídl! — ādami qōl — hamalān tinṭíhin!“ amír qol: „halān manṭíhin iléjk — jūmin fat kárra la_ašūfen, mamūt! wálad álla inṭíni, — kun_qójlini, — úsmu Muḥámmad madaᶜāʰ; had_dábba tajírkabu, kálba, qūš tajoḥíden, ṣajjotīja tajsūl — kun_qójlini. bint álla inṭíni, — kun_qójlini, — usúma Ḥabīb madaᶜāʰ; hat libōs tatílbisu! uštūr anṭāʰ iléjk? wáḥad šī ríd_minni!“ ādami qōl: „fat walád ʿendí, úsmu Muḥámmad; fat bint ʿendí, usúma Ḥabīb! hamalān tinṭíhin iláj, mawuddíhin, hamdikalō milbisūnen!“ anṭāhen.

ādami ḥadāhen ġadāk. lejl ṣor. ādami nūm waddāʰ, nām fi_dárb. dábba, kálba, qūṣ brūḥen ḥajōṭ ġadīn. ādami qōm waḥt ṣalō, ʿájjan_ki mōnen. ḥajōṭ ġadāk. fi_ḥajóṭ daḥál, ʿájjan_ki dábba mašdūd, kálba nājma, quš fuq_wátt qāᶜed, libōs bint lobsitínnu.

amír qálbu áswad šōr. kul waḥt ṣalō kum_mišúfen, wálad šajfijān kinná kum_miṣór. amír qol i_násu: „ṣajjotīja níṭlaᶜ!“ amír ṣajjotīja ṭálaᶜ wej_násu. fi_čúl ġadāk. dárbⁱⁿ baᶜīd ġadāk. i_fát ʿalīja raqā.

zaġīrᵃᵐ dábba rákabu, qūšu ḥadāʰ, kálbitu ḥadāha, fi_čúl ṭaláᶜ, ṣajjotīja tajsū. fuq_ras_zaġír fat ġēm mistafár_čáreḥ: ijṣābⁱⁿ zaġīr joġdí, hamat_ġém fuq_rásu mijóġdi. amír qol i_násu: „fat ādami ṣajjotīja misu_čáreḥ, fuq_rásu fat párča ġēm. ímšu, giddāmu nóġdil!“ giddāmu ġádu. amír qol: „wáladi, fi_béjti imšl!“ zaġīr qōl: „híntu fi_béjti ímšul!“ amír qol: „qálbi áswad kōn, šúftak — qálbi zīn ṣor! imš wiāj!“ amír i_zaġír ḥadāʰ, béjtu íngalab. kun_imšún-u-ġajín, fi_dárb dáḥalu.

umm zaġīr min_arun_ġífra fi_dárb i_waláda qōlet: „bejt amír la_tóġdi, ḥarímu miqtilínak! iláj fi_ḥáqqi sawīn, iléjk ištūr zin kej_mišufínak? la_tóġdil!“ zaġīr símeᶜ, fíkir: úmmu hamān kajná.

amír fi_béjt daḥál. zaġīrᵃᵐ dáḥal. ḥarím amír šafínu, ʿerfínu. liᶜaġūza ṣajjaḥína. ʿaġūza ġāt. „hínti ēš sawēti? — qolēn — zaġīr ġak! hínti má_qultimi qatálum? fat tápsi ḥámra ḥaditīja! má_qultimi: «ḥámra i_hamduk_ádami anṭíṭa!»? júmna áswad missínu! i_wáladu laqāʰ ġak amír!“ ḥarím qolēn: „amír waládna arūn tajíbᶜasu, rúḥnaᵐ tanšúfu!“ amír qol: „wáladi, arūn joġt, ummátak kej_mišufínak!“ zaġīr qōm, arūn ġadāk. ḥarím rizz kun_ṭobḥāt, fi_arun_rízz záhar ḥaṭṭín. tápsi rizz giddāmu daᶜīnu. zaġīr tápsi ḥadāʰ, giddam_ohúa daᶜāʰ. má_kalá, ohūa kalítu. infáṭaret. zaġīr qom, giddam_amír ġāk.

amír qol i_zaġír: „abū ʿéndakmi?“ zaġīr qol: „fat abū ʿendí, fat uḥt ʿendil!“ — „fi_ijṣáb?“ qōl amír. „fi_ḥajóṭl“ — qōl zaġīr. „anā ādami manṭík, ġíbum taᶜāll!“ — amír qol. ādami anṭāʰ. zaġīr abōʰ, úḥtu ḥadāhum, laḥḥárum ġāk. amír qol i_duk_ádami: „ukúl, nām hamān, anā marᶜík, ʿijálak ašūfum!

uštūr álla iléjk onṭīhum?“ duk ādami qōl: „anā iléjk fat gap maqūl! anā ḥarāmi kunt, beʲ_léḥla kum_málᶜab, ādami mā_kun_zṓbḥini. fi_béjt kunt, fat ʿaġūza ġāt. «zaġirēn maġīb iléjk, — qōlet, — iqtílum! fat tápsi ḥámra manṭīk!» anā qúlt_ki: „anā ḥarāmi, beʲ_léḥla málᶜab, ādami ma_qṓtlinil» ʿaġūza ġádtakin, ʿijāl ġabítum, iláj anṭíṭum, fat tápsi ḥámra ġābet, ḥámraᵃᵐ anṭíṭa, ġádtakin. fuq_iḥmṓra marqūm ḥaṭṭīt, ʿijāl fi_marqúm ḥaṭṭīt, iḥmórti rakábta, fi_čúl ġadīt. ʿijāl ḥadītum, fi_ród daᶜītum. anā qult: fat ḥáǧara álqi, sakkínti aḥeddída, ʿijāl rūḥum lā_tuǧaᶜ. ḥáǧara laqēt ǧīt — min_ḥášim ʿijāl mū míṭlaᶜ-u-ġṓdi. min_ródum ḥadītum, hutár daᶜītum — min_ḥašímum mū ṭaláᶜ ġadāk. raššītum ǧīt. min_dárb čumčuqtēn qazábt, zabáḥten, fi_šíša dámmen ḥaṭṭīṭu, i_ʿaǧúza ǧibt, šíša anṭíṭa. «zabáḥtum! — qult — had dámmum!» fád_jum čūl ṭaláḥt, ḥáṭab ášpir. máṭara ṣōr. zalōm ṣor. zallīt. min_giddámi fat ḥajōṭ ṭaláᶜ. fuq_ḥájṭ raqēt: háljam ḥajṭ máṭara, arūn ḥajṭ šims. ʿijāl darwōza ḥallūha, iḥmórti daḫḫalūha. ʿijāl qōlu iláj: «hamān išráḥl» anā i_ʿijāl mā_ʿeríftum, ʿijāl ʿorfīni, qōlu_ki: «abūna hint! ǧíbtna fi_čúl, daᶜētna, ġadīt!» ʿijāl qōlu: „ḥimč quṣṣ, sábada ínsič, tuffāḥ wudd, bīᶜ fi_madína!» ḥimč qaššīt, sábada nasážt, tuffāḥ ǧibt i_madína. zuġōr mijāna ḥadūni. i_nās ṣajjáḥtum, ḥallaṣūni. «had_išwṓ?» — qōlu iláj. anā qult: «tuffāḥ!» — «ijṣāb midwuddāᵇ?» qōlu. anā qult: «i_amírl» anā tuffāḥ giddāmak ǧíbtu. hint má_ḥadítu. nāsak arīza anṭūni. arīza má_ḥadīta. «tuffāḥi tajóḥdu!» — qult. adamīk giddāmak ġadāk. giddāmi ǧāk, fat tuffāḥa ḥadā minní, iléjk ǧāba. íngalab, wej_tuffāḥi ǧábni iléjk. «hint rīd!» — qult: anā qult: «ēštⁱⁿ arīd tinṭīni agár, marīd minnák!» — «manṭīk!» qult. anā ridt minnák, qúlt_ki: «dábtⁱⁿ áswad ínṭu, kálbitⁱⁿ sūda ínṭa, qūš inṭú, libōs inṭú!» hint qult: «uštūr anṭāʰ iléjk? jūmin fat kárra la_ašūfen, mamūt! wáḥad šī rid!» ana qult: «hamalān tinṭīhin!» hint anṭīṭen. anā waddīten. fi_dárb numt, abrūḥen fi_ḥajṓṭ ġodāt. waḥt ṣalō qumt, fi_ḥajṓṭ ġadīt_ki: kálba nájma, dábba wōquf, qūš fuq_wátt qāᶜed, libōs bint lobsitínnu. hint ādami baᶜást. zaġīr laḫḫárna ǧāk. hat wáladak, haj bíntak! iláj mōnum! hint téᶜrif ʿijālak?“

amīr qol: „umm halō ijṣāb kun_dofninkúha?“ qōlu nāsu: „fi_dárb ǧífra kun_ḥófrina, fi_ǧífra kun_roššināha, qīr kun_ṣṓbbina fūqal“ amīr qol: „jáᶜdu ḥellūha!“ nāsu ġádu, ḥallūha: qáᶜda. ḥadūha, fi_giddam_amír ǧabūha.

amīr ḥáṭabⁱⁿ kasīr lammā, fūqu díhin ṣabbā. liᶜaǧūza ǧāba giddam_ḥarímu. „ḥálaq ilbisīnu, fat rod mawuddīkin!“ — qōl. salasíten ḥadāhen, fuq_ḥáṭab raqqāhen. min_ḥéder zaw ʿálaq sardáḥa. salasíten iḥtaraqīn.

fat léjla, fat nehōr amīr ʿers sawā, i_nás anṭāʰ. máratu nakáḥa ḥadāha. ʿijālu fi_qálbu labákum.

mrṓd-u-máḥṣatu láḥaq.

1

Сорок дервишей было. К ним Адхам присоединился. Они в Балх шли. (У Адхама на спине была шкура, тыква счастья была у него). Вместе с ними Адхам в Балх пошел. Дервиши из Балха ушли, Адхам от них отделился, в городе остался. Он в доме сидел, дочь эмира с матерью в баню шла. Люди двери закрыли, в разные стороны разбежались. Дервиш в щелку дверей смотрел. Дочь эмира мимо дверей прошла. Ветер с ее лица пла-

ток сорвал. Дервиш увидел ее — от любви к ней упал. Настала ночь. Он у хозяина дома спросил: „Чья это дочь была?“ Хозяин дома ответил: „Это была дочь эмира!“ Дервиш влюбился в нее. Семь лет он вокруг дворца ходил. Дервиши опять в город пришли. Адхама спросили: „Что ты поделываешь?“ Он ответил: „Горе ваше на мою голову! Я в беду попал — дочь эмира полюбил, не могу уйти от нее! Семь лет к ней привязан!“

Адхам сказал: „Пойду я к эмиру, с ним самим поговорю! Пускай меня убивает, пускай сжигает, пускай режет!“ Пошел к воротам. Слуги эмира не пустили его. „У меня дело к эмиру!“ — сказал он. Его побили. Крик его услышал эмир, спросил: „Кто это кричит?“ Ответили: „Дервиш!“ — „Приведите его!“ — приказал эмир. Его к эмиру привели. Эмир спросил: „Что скажешь?“ — „У меня дело к тебе!“ — ответил дервиш. Эмир сказал: „Расскажи его!“ Дервиш сказал: „Твою дочь отдай мне! Можешь меня резать, можешь убивать, можешь сжигать! Отдай мне твою дочь!“ Эмир сказал: „В дом пойду, у ее матери спрошу!“ Эмир к ее матери пошел. „Жена, — сказал он — один дервиш пришел, на спине у него шкура, за поясом тыква счастья, говорит мне: «Дочь твою отдай мне!»“ Жена эмира ответила: „Твоя дочь говорит: «Богобоязненный человек пусть мне мужем будет!» Дервиш, раз тыква счастья у него, — богобоязненный; она у бога такого человека и просит! Отдай ему твою дочь!“ Эмир слугам сказал: „Подметите двор, дочь замуж отдаю!“

У эмира был везирь. У везиря сын был. Везирь говорил: „Моему сыну дочь эмира в жены возьму!“ Везирь сказал эмиру: „Если ты эмир, как же ты отдашь твою дочь нищему? Я дервишу три поручения дам, он не сумеет их выполнить, сгинет“. Эмир ответил: „Ладно!“ везирь дервишу сказал: „В саду хауз есть, наполнишь его деньгами, воду высушишь; два жемчужных зерна дашь; из сада, что в царстве духов, два яблока принесешь; все это сделаешь — дочь эмира тебе будет!“

Дервиш в сад вошел, взмолился богу. Он богу молился — с кыблы небольшая туча пришла, в хауз опустилась, воду набрала, в степь ушла, дождем пролилась; хауз высох. Дервиш опять взмолился богу — с неба дождем посыпались деньги, хауз полон стал. Дервиш пошел, эмиру сказал: „Если у тебя мало денег, возьми эти!“ Эмир подумал: „Этот богу угоден, бог его любит!“ Слугам сказал: „Подметите двор, свою дочь отдаю ему!“ Везирь эмиру сказал: „Этот морочит!“ Дервишу сказал: „Ступай, два яблока принеси!“ Дервиш ушел.

Навстречу ему Илья пророк вышел. „Куда идешь?“ — спросил. Дервиш ответил: „Дочь эмира я всем сердцем полюбил; мне сказали: «Два яблока принеси», я иду за ними!“ Пророк сказал: „Пойдешь, не вернешься!“ — „Что же мне делать?“ — воскликнул дервиш, стал бить себя по голове, заплакал. Пророк письмо написал, дервишу дал. „Неси письмо, — сказал он, — у входа один человек сидит, отдашь ему; он дверь откроет, скажет: «Войди!» Когда ты в сад войдешь, одно дерево скажет: «У меня возьми», другое дерево скажет: «У меня возьми»; с деревьев, которые будут говорить: «Возьми», не бери! Одно дерево ничего не скажет, иди, с того дерева возьми!“ Дервиш принес письмо, человеку — кто у дверей сидел, отдал. Тот человек письмо прочел, дверь открыл, дервиш вошел. Одно дерево сказало: „У меня возьми!“ Другие сказали: „У нас возьми!“ Он не взял. Одно дерево ничего не сказало, он с него сорвал два яблока, вышел из сада. (Кто сидел у дверей, был див).

Дервиш в город пришел, яблоки везирю отдал. Эмир приказал: „Устройте пир, отдайте ему мою дочь!“ Везирь дервишу сказал: „Жемчужные зерна принеси!“ Дервиш пошел. Опять ему навстречу Илья пророк вышел: „Куда

идешь?" — спросил он. „За жемчугом!" — ответил дервиш. Пророк сказал: „На земле жемчуга нет, откуда ты его возьмешь?" —„Что же мне делать?" — воскликнул дервиш, стал бить себя по голове, заплакал. Пророк сказал: „Тот жемчуг в рыбине!"—„Где эта рыбина?"—спросил дервиш. „В реке!"— ответил пророк. Дервиш к реке пошел. Взял в руки свою тыкву, стал воду вычерпывать. Водяной человек наружу вышел, увидел его. Посмотрел: он воду вычерпывает; каждый раз, как он зачерпнет, воды на четыре пяди убывает. Водяной человек пошел, эмиру своему сказал: „Человек, из земли сделанный, воду вычерпывает! Он реку высушит!" Эмир вышел. „Эх, человек из праха! — сказал он — Если четыре года будешь черпать, воды не сможешь убавить!" — „Что же мне делать?" — воскликнул дервиш, стал бить себя по голове, заплакал. „Что ты плачешь? — спросил у него эмир — Зачем ты воду черпаешь? Что ты хочешь взять в реке?" — „Жемчуг хочу взять!" — ответил дервиш. Эмир своим слугам велел: „Достаньте, этому человеку дайте!" Четыреста слуг в реку вошли, четыреста жемчужных зерен вынесли, дервишу отдали. Дервиш взял их, за пазуху положил. Он в город пришел, два жемчужных зерна достал, перед везирем положил. Везирь закричал: „Эти в казне были, ты их украл!" Дервиш спросил: „Только два жемчужных зерна были в твоей казне или еще были?" Везирь ответил: „Эти два были! Они эмировы!" Дервиш достал из-за пазухи жемчужное зерно, сказал: „Это твое?" Еще одно достал, сказал: „Это твоей дочери?" Все достал, показал, спросил: „А эти чьи?" Эмир приказал: „Подметите двор, устройте пир, дочь мою отдайте ему!" Везирь сказал: „Если ты эмир, как ты отдашь твою дочь нищему?" Эмир сказал: „Что же мне делать?" Везирь ответил: „Я слугам скажу, пусть его изобьют, прогонят!" Он слугам велел: „Избейте его, прогоните!" Слуги избили его, прогнали. Дервиш заплакал. За порог вышел, богу взмолился: „Дочь эмира убей!" Дервиш из ворот вышел, бог дочь эмира убил.

Дервиш в степь ушел. К источнику пришел, сел. Вслед за дервишем погонщик верблюдов выехал. Он тоже до источника доехал, остановился. Дервиш спросил у него: „Откуда ты?" Тот ничего не ответил. Еще один человек пришел из города, тоже тут остановился. Дервиш спросил у него: „Откуда ты пришел?" Погонщик верблюдов дервишу сказал: „Ты сумасшедший что ли? Всех спрашиваешь!" Тот человек сказал: „Что ты говоришь?! Человек человека спрашивает!" Дервишу ответил: „Я из Балха пришел!" Дервиш спросил: „Что слышно в городе?" Человек ответил: „В городе суматоха — дочь эмира умерла!" Дервиш в город вернулся. Пришел, с людьми смешался. Вместе с ними за покойницу молился, с ними на кладбище пошел, могилу посмотрел. Покойницу похоронили. Настала ночь. Дервиш на кладбище пошел. Открыл могилу, спустился в нее, лицо покойницы увидел. Богу взмолился: „Душу в нее вложи! Если не вложишь, и мою душу возьми!" Бог Гавриилу приказал: „Скажи Илье, пусть ее душу в нее вложит!" Явился Илья. Дервиш испугался. „Этот рубаху покойницы украдет!" — подумал он, забился в угол. Илья дочь эмира за нос потянул, вышел из могилы. Дочь эмира встала, заплакала. Дервиш спросил: „Что ты плачешь?" Она ответила: „Я плачу о своей судьбе! Я умерла, Илья пророк в меня душу вложил! Что ты тут делаешь?" Дервиш ответил: „Семь лет умираю по тебе! Я полюбил тебя! Вокруг твоего дворца хожу! Я богу взмолился, он душу вложил в тебя!" Дочь эмира сказала: „Хотя и любишь меня семь лет, ты чужой! Стань подальше, я сама выйду!" Стала карабкаться — не могла выбраться из могилы. Дервишу сказала: „В моих ногах силы нет, не могу выбраться. Иди, возьми меня за руку!" Дервиш взял ее за руку, из могилы вытащил. Дочь эмира сказала: „Куда бы ты ни пошел,

веди меня за собой!“ Дервиш дал ей свой халат, она накинула его на голову. Он повел ее в один дом, посадил. Дочь эмира сказала: „Принеси иголку, нитки принеси, свою рубаху зашью!“ Дервиш пошел, иголку купил, нитки купил, принес. Она зашила свою рубаху, надела. „Иди, хатыба приведи!“ — сказала она. Дервиш пошел, хатыба привел. Тот чашку воды поставил, обручил ее. Они стали мужем и женой.

Она забеременела. Родила. Мальчика родила. Назвали его Ибрагим. Он вырос. Дервиш, бывало, с рассветом дня уходит, возвращается ночью. Мальчик своего отца не видит. Мальчика отдали учиться; он в мечеть ходил.

Жена эмира в баню пошла, ей встретился этот мальчик. Она схватила его, поцеловала. Каждый день она, бывало, приходит к мечети, смотрит на мальчика. По городу молва пошла, люди говорили: „Жена эмира одного парня полюбила!“ Это услышал эмир, подумал: „Чего ей нехватает, что она развратничает?“ Он рассердился, сказал: „Я ее убью!“ Пошел к ней, закричал: „Ты в городе одного парня полюбила, я тебя убью!“ Жена ответила: „Зачем мне этот парень? С тех пор, как моя дочь умерла и я мертва! Один мальчик есть в твоем городе, он от твоей дочери родился; если каждый день не буду его видеть, умру! Половину твоих денег я ему переносила!“ Эмир сказал: „Иди, приведи его!“ Она пошла, привела. Эмир увидел его, поцеловал. Спросил: „Отец есть у тебя?“ Мальчик ответил: „Нет!“ — „А мать есть у тебя?“ — спросил. „Есть!“ — ответил мальчик. „Ты знаешь свой дом?“ — эмир спросил. Мальчик ответил: „Если к мечети меня приведете, там знаю!“ Эмир жене сказал: „Иди, приведи его мать!“ Жена эмира взяла мальчика, пошла. Мальчик ее в свой дом привел. На лице его матери было покрывало. Жена эмира сказала ей: „Эмир зовет тебя, он прислал меня за тобой!“ Она ответила: „Что он от меня хочет? Он — эмир, я — нищая, что ему от меня надо? Не пойду!“ Жена эмира вернулась, к эмиру пошла, сказала: „Она ответила: «Не пойду!»“ Эмир сказал: „Она жена бедного человека, голая ходит, отнеси ей платье!“ Жена эмира отнесла ей платье, сказала: „Я тебе платье принесла, надень, пойдем!“ Она ответила: „У меня хозяин есть, я должна у него спроситься; если он скажет: «Иди!» — пойду!“ Жена эмира вернулась, к эмиру пошла, сказала: „У нее муж есть; она сказала: «Если мой муж скажет: иди! — пойду, если скажет: не ходи! — не пойду!»“ Ночью ее муж вернулся. Она ему сказала: „За мною эмир человека присылал: пойти мне или нет?“ Муж спросил: „Что ты ему сказала?“ Она ответила: „Я сказала: «У меня хозяин есть; если он скажет: иди! — пойду, если скажет: не ходи! — не пойду!»“ Муж сказал: „Если ты меня мужем считаешь, повинуешься мне, — почему тебе не разрешу? Когда ты пойдешь, эмир спросит у тебя: «Где твой муж?» Скажешь: «Его нельзя найти! Ты в саду арык вырой; сорок дней угощенье готовь, раздавай; все будут приходить, будут угощаться, моего мужа потянет сюда, и он придет; через воду он прыгать не будет, там пройдет, где воды нет; по тому, как он пройдет, узнаешь его, возьмешь!»“

Утром жена эмира пришла, взяла ее, повела. В дом ввела, посадила. Эмир во внутренние покои пошел. Через среднюю дверь он ее увидел, узнал. Вернулся, свой меч взял, пришел. В дом вошел: „Я убью тебя! — сказал он. „За что?“ — дочь спросила. Он сказал: „Я умираю от тоски по тебе — ты в моем городе живешь, ко мне не придешь!“ — „Постойте! — дочь сказала — Какой-такой мертвец ожил, в дом своего отца пришел? Как я могла притти к вам? Люди разве не стали бы насмехаться: «Дочь эмира умерла, ожила, пришла!» Поэтому я не приходила!“ — „Где твой муж?“ спросил эмир. „Моего мужа вы не найдете! — она ответила — В саду арык выройте, сорок дней угощенье готовьте, раздавайте; все будут угощаться;

моего мужа потянет сюда, придет; через воду он не пойдет — там пойдет; где воды нет; так вы найдете его, возьмете!" Эмир в саду арык вырыл; сорок дней угощенье раздавал; все угощались, уходили. Дервиш пришел. Утром он в сад вошел; когда солнце село, до котла добрался. Его узнали, взяли. Один слуга сказал: „Ты сумасшедший что ли? Утром ты в сад вошел, теперь только до котла добрался!" Дервиш ответил: „Всякий, кто потеряет свою жену, сына своего потеряет, сумасшедшим будет!" Его к жене повели.

Дни эмира пришли к концу. Он людей собрал, сказал: „Я умираю, моего внука после меня эмиром сделайте!" Эмир умер, его внука эмиром сделали. Однажды эмир на охоту поехал. На него выбежала газель. Он погнался за ней, застрелить ее хотел. Газель остановилась, сказала: „Ибрагим! Меня, живую бездыханной хочешь сделать; придет день, и ты бездыханным станешь!" Ибрагим задумался: „Этот мир не вечен!" Он от мира отрекся. Все богатство оставил, в Мекку ушел.

Предмета своих желаний и цели он достиг.

2

Два человека были. Один из них сказал: „Пойду к таиту Хатиму[1] — тысячу тенег у него попрошу!" Другой сказал: „К таиту Хатиму пойду — жену у него попрошу!" Они пошли к таиту Хатиму. Им навстречу попался дервиш. „Куда вы идете?" — дервиш спросил. „К таиту Хатиму!" — они ответили. „Что вы будете у него делать?" — дервиш спросил. Один ответил: „Тысячу тенег буду просить!" Другой ответил: „Жену буду просить!" Дервиш сказал: „И я с вами пойду; посмотрю — даст ли мне бог?" Они пришли к таиту Хатиму. Один сказал: „Дай мне тысячу тенег!" Другой сказал: „Отдай мне жену!" Таит Хатим дервишу сказал: „Ты что просишь?" Дервиш ответил: „Я пришел к тебе, спрашиваю: даст ли мне бог?" Таит Хатим сказал: „Бог дал тебе!" Одному таит Хатим тысячу тенег дал. Потом он во внутренние покои пошел, жене своей сказал: „Трое пришли ко мне. Один тысячу тенег просил — я дал ему. Другой жену просил — я не дал. Третьему бог дал!" Жена таита Хатима сказала: „Выведи меня, отдай!" Таит Хатим сказал: „Как же я тебя отдам?" Жена ответила: „Если ты не отдашь меня — какой ты после этого таит Хатим?" Он вывел ее, отдал.

Они вчетвером вышли, в путь пустились. Тех двух одолела жадность. Один подумал: „Я его убью, тысячу тенег у него заберу!" Другой подумал: „Я его убью, жену у него заберу!" Один другого ножом ударил, тот его ножом ударил. Оба умерли. От одного тысяча тенег осталась, от другого жена осталась. Дервиш взял деньги, в пояс увязал. Женщине сказал: „Ступай теперь к своему мужу!" Женщина ответила: „Я стала для него запретной — он вывел меня за ворота, отпустил. Если ты на мне женишься — пойду за тебя, не женишься — братом мне будешь, куда ты пойдешь — туда и я с тобой. Не вернусь, не пойду к своему мужу!"

Они оба в путь пустились. К одной лачуге пришли. У стены в тени легли.

В сыне тамошнего эмира змея поселилась. Его положили в ящик; ящик двадцать человек носили. Они мимо тех двух проходили. Сын эмира притих. Они ящик на землю поставили, легли. Змея изо рта эмирова сына вышла, поползла. Она зашипела — из-под стены лачуги другая змея выползла. Они поровнялись. Змея, которая выползла из-под стены, той змее сказала: „Как ты бога не боишься — в мальчике поселилась! Люди того не знают —

[1] Хатим из племени тай — доисламский поэт, прославившийся своей необычайной щедростью.

если он пиялу уксуса выпьет, ты подохнешь! Сегодня-завтра родишь, мальчика погубишь!" Та змея ответила: „Человек из ïраха того не знает — на семи кувшинах с деньгами ты лежишь; если подол гнилой соломы зажечь, дым пойдет — подохнешь!" (Жена таита Хатима змеиный язык понимала). Одна змея под стену поползла, другая вернулась, в мальчика вошла. Мальчик проснулся. Люди встали, опять понесли его. Женщина сказала дервишу: „Пойдем в город!" Они встали, в город пошли. Женщина сказала: „Иди в регистан, скажи: «я лекарь!»" Он пошел. „Я лекарь!" — сказал он. Его к эмиру повели. Эмир сказал: „Я со смертью своего сына примирился! Если ты вылечишь его — все, что скажешь, отдам тебе!" Дервиш ответил: „У меня сестра есть, она — лекарь!" „Ступай, приведи ее!" — эмир сказал. Дервиш пошел, женщину привел. Эмир женщине сказал: „Если вылечишь моего сына — все, что скажешь, отдам тебе!" Женщина сказала: „Пиялу уксуса принеси, двух парней приведи!" Эмир пошел, пиялу уксуса принес, двух парней привел. Женщина дала парням в руки по палке, по обе стороны мальчика поставила их. Пиялу с уксусом у рта мальчика поставила. Змея стала у него изо рта выползать. Женщина сказала: „Пока не скажу, не бейте!" Змея на землю упала. „Бейте ее!" — женщина сказала. Они убили ее. Мальчик встал. Эмир сказал: „Проси!" Женщина ответила: „Дочь твою моему брату в жены отдай!" Эмир свою дочь отдал. Женщина сказала дервишу: „У той лачуги дом построй мне!" Он ей там дом построил. Женщина сказала: „Гнилой соломы принеси!" Он пошел, гнилой соломы принес. Женщина отверстие в подземелье разрыла, дым пустила. Змея сказала: „Не убивай меня! Хозяин денег, на которых я лежала, пришел; теперь я уйду, деньги хозяину передам!" Змея уползла. Женщина деньги откопала, забрала. Семь кувшинов с деньгами забрала. Богатой стала. (Хозяин денег дервиш был).

Предмета своих желаний и цели дервиш достиг.

3

Одна девушка была. Отец ее пас волов. Она у бога просила: „Пусть эмир будет мне мужем!" Узнали об этом люди, эмиру сказали: „Дочь пастуха просит тебя у бога!" Эмир приказал: „Пойдите, возьмите ее для меня!" Пошли, взяли ее, в дом эмира привели. Эмир спросил: „Ты у бога меня просила?" Девушка ответила: „Да, я просила тебя у бога! Если я от тебя забеременею — я рожу ребенка с одним локоном серебряным, другим локоном золотым!"

Она забеременела. Пришло ей время рожать. Эмир уехал в один из своих городов. Дочь пастуха себе одну старуху взяла. Старухе сказала: „Ты мне мать, до самого страшного суда мать!" Она родила. Двойню родила. Девочку и мальчика родила. У девочки один локон серебряный, другой — золотой, у мальчика один локон серебряный, другой — золотой.

Кроме этой эмир имел еще двух жен. Они не рожали. Жены эмира сказали старухе: „Заберешь от нее ребят, двух щенят ей положишь!" Старуха ребят забрала, унесла, в солому запрятала. Принесла двух щенят, подбросила. Мать пришла в себя, посмотрела: около нее два щенка. Старухе сказала: „Что ты с моими детьми сделала? Мне щенят положила!" — „Ты щенят родила!" — ответила старуха. „Разве женщина рожает щенят? Собака щенят рожает! — воскликнула женщина — Что ты с моими детьми сделала? Перед эмиром меня очернила! Я тебя матерью до страшного суда нарекла!" — „Твои дети — щенки!" — сказала старуха. „Я видела детей! — возразила женщина — Я обомлела, ты детей у меня забрала! Отдай мне моих детей! Не черни меня перед эмиром!"

До эмира дошла эта весть: „Твоя жена щенят родила!“ Эмир приказал: „Выведите ее на дорогу, яму выройте, бросьте, сверху известкой залейте!“ Вывели женщину на дорогу, яму вырыли, бросили ее, сверху известью залили. Жены эмира сказали старухе: „Этих детей отдай одному человеку, пусть он их убьет; чашу золота дадим ему.“

Был один человек. Он был вор. С бачами играл. Пошла к нему старуха, сказала: „Я принесу тебе двух младенцев, убей их; чашу золота дам тебе!“ Человек ответил: „Я вор, с бачами играю, — людей не убивал!“ Старуха домой вернулась, взяла детей, чашу золота тоже взяла, тому человеку принесла, положила. „Возьми золото, — сказала она — детей убей!“ Человек увидел золото: „Убью их!“ — сказал он. „От них крови принесешь!“ — сказала старуха, домой пошла.

Человек накинул на ишака хурджин, в хурджин детей положил, сел на ишака, в степь поехал. Бог двум ангелам сказал: „Вслед за этим человеком идите!“ Человек отъехал далеко. Слез с ишака, хотел детей зарезать. Посмотрел — двое идут. Он опять сел на ишака, далеко отъехал. Слез, „зарежу их“ — сказал он. Обернулся назад — двое идут. Он опять сел на ишака, далеко отъехал. В пески заехал. Слез с ишака, взял детей, на землю положил. „Пойду, камень найду, — сказал он — нож наточу, детям боли не причиню!“ Пошел, поискал камень, нашел, вернулся. Подошел: изо рта у детей вода закапала, потекла. Он поднял их с этого места, дальше положил — изо рта у них вода закапала, потекла. Он не зарезал их, бросил, ушел.

Ему попалось воробьиное гнездо. Он схватил двух воробьев, зарезал их, кровь в склянку собрал. Принес склянку, старухе отдал. Старуха отнесла ее женам эмира.

Бог позвал Илью пророка, сказал ему: „К детям пойди, смотри за ними!“ Пророк спросил: „Что я им дам?“ Бог сказал: „У одной газели было два детеныша, охотник убил их; поди к ней, скажи — пусть идет, детей кормит“. Пророк пошел к детям. Позвал газель. Та пришла, детей накормила. Бывало, газель уходит пастись, дети проголодаются — она приходит, кормит их. Дети выросли. Наступила осень. Пророк сказал богу: „Что мне с ними делать? Холодно стало!“ Послышался голос бога: „Возьми палку, кругом детей черту обведи!“ Он взял палку, кругом детей черту обвел — стена выросла. За стеной тепло стало, как будто май—июнь. Абрикосы, яблоки, виноград выросли.

Тот вор в степь поехал дров нарубить. Дождь пошел. Темно стало. Куда ему итти, не знает. Заблудился. К тому саду пришел. Посмотрел туда, посмотрел сюда — входа не нашел. Чапан его промок, рубаха вымокла; куда ему итти, не знает. Закинул он на стену кетмень, вскарабкался наверх. Девочка заметила его. Брат ее был на дереве. Она крикнула брату: „Один человек пришел!“ Мальчик ответил: „Это пришел твой отец, кто привел тебя!“ Мальчик с дерева слез, ворота открыл, ишака ввел. Дети сказали: „Ты наш отец — привел нас и не зарезал! Оставайся здесь!“ Человек остался.

Дети сказали ему: „Нарежь прутьев с дерева, сплети корзину. Мы дадим тебе яблок, в город свези, продай, себе денег заработай!“ Человек нарезал прутьев, корзину сплел, натряс яблок, корзину наполнил, на ишака нагрузил, в город повез. В еврейский квартал привез. „Яблоки продаю!“ — кричал он. Собрались мальчики. „Почем продаешь?“ спросили они. „На деньги не продаю!“ — ответил человек. „За что ж ты продаешь?“ — спросили они. „За поцелуи продаю!“ — ответил он. Каждому мальчику дал по яблоку, поцеловал. На поцелуи ушли все яблоки. Он вер-

нулся к детям. Дети сказали: „Почему ты так сделал?“ Мальчик на дерево влез, тряс его, яблоки посыпались. Дети собрали их, корзину наполнили. Мальчик сказал: „Эти яблоки эмиру отвези. Когда эмир их возьмет, он скажет: «проси!» Ты «то» платье проси, «того» черного коня проси, черную собаку проси, сокола проси!“

(Эмир черного коня держал, черную собаку держал, сокола держал. Говорил: „Когда бог мне даст мальчика, он на этом коне будет ездить. охотиться будет!“ Эмир платье сшил, верх из золота сделал. „Когда бог мне даст девочку, — говорил он — она это платье носить будет!“).

Тот человек прикинулся дервишем, в город пошел. В еврейский квартал пришел. Дети окружили его — в ловушку поймали. Он людей стал кликать: „Спасите меня от детей, я яблоки эмиру несу!“ Люди пришли, выручили его.

Он яблоки эмиру понес. Слугам сказал: „Я яблоки эмиру принес!“ Один слуга к эмиру пошел, сказал: „Человек яблоки принес тебе!“ Эмир сказал: „Что я буду с яблоками делать? сына нет у меня, дочери нет у меня — на что мне яблоки? Дайте ему денег, пусть идет!“ Ему дали денег, он не взял. „Я денег у него не возьму! Я ему яблоки принес!“ — сказал он. Слуга опять пошел к эмиру, сказал: „Мы ему дали денег, он не взял их. «Я эмиру яблоки принес!» — сказал он“. Эмир приказал: Принеси одно яблоко!“ Слуга пошел, яблоко принес. Эмир взял яблоко, понюхал его — запах рая почувствовал. Он сказал: „Иди, принеси яблоки!“ Слуга пошел, привел человека с яблоками. Эмир взял яблоки. „Проси у меня!“ — сказал он. „Что мне просить у тебя?“ — сказал человек. „Деньги проси у меня!“ — ответил эмир. „Денег не буду просить! — сказал человек. — Если ты дашь мне то, что я попрошу, буду просить“. — „То, что попросишь, дам тебе!“ — сказал эмир. „Если даешь, — сказал человек — то коня черного дай, собаку черную дай, сокола дай, платье, которое ты сшил своей дочери, дай!“ Эмир сказал: „Что-нибудь другое проси!“ — „Не стану просить! — ответил человек — Ты «то» дашь!“ Эмир сказал: „Ну, я дам тебе все это!... Но если я не буду видеть этого каждый день, хоть один раз — умру! Если бог мне мальчика даст — думал я — Мухаммедом его назову; он верхом на этом коне, с собакой и соколом, охотиться будет! Если бог мне девочку даст — думал я — Хабиб ее назову; это платье носить будет! Как мне отдать все это? Что-нибудь другое проси!“ Человек сказал: „У меня есть сын, его зовут Мухаммед; у меня есть дочь, ее зовут Хабиб! Если ты мне это дашь, понесу, им отдам!“ Отдал ему.

Человек все это взял, пошел. Настала ночь. Человека сон одолел, он уснул в дороге. Конь, собака, сокол сами в сад отправились. Утром человек проснулся, посмотрел — нет их. Он в сад пошел. Вошел, видит: конь привязан, собака лежит, сокол на колу сидит, платье девочка надела.

Эмир загрустил. Каждое утро он, бывало, посмотрит на все это — как будто сына видит. Он своим слугам сказал: „Поедем на охоту!“ Эмир со слугами на охоту поехал. В степь поехал. Далеко отъехал. На холм взобрался...

Мальчик сел на коня, взял сокола, собаку взял, тоже в степь поехал охотиться. Над головой мальчика облако двигалось: куда мальчик идет, туда и облако над его головой движется. Эмир сказал своим слугам: „Один человек охотится, над его головой кусок облака; давайте поедем к нему!“ Поехали. Эмир сказал: „Сынок, приезжай ко мне домой!“ Мальчик ответил: „Нет, вы ко мне приезжайте!“ Эмир сказал: „Я тосковал, тебя увидел — тоска прошла! Поедем со мной!“ Эмир взял мальчика, домой поехал. Ехали - ехали, на дорогу выехали.

Из ямы на дороге мать мальчика заговорила: „Не ходи в дом эмира, его жены тебя убьют! Меня они погубили, как же они тебя любить будут? Не ходи!“ Мальчик услышал, понял: здесь его мать.

Эмир в дом вошел. Мальчик тоже вошел. Жены эмировы увидели, узнали. Они позвали старуху. Старуха пришла. „Что ты наделала? — закричали они — мальчик пришел! Ты разве не говорила: он убил их? Ты же чашу золота взяла! Разве ты не сказала: «Золото тому человеку я отдала»? Ты нас погубила! Эмир нашел своего сына!“ Жены сказали: „Пусть эмир пришлет нашего сына во внутренние покои, мы тоже посмотрим на него!“ Эмир сказал: „Сынок, иди во внутренние покои, твои матери на тебя посмотрят!“ Мальчик встал, пошел. Жены эмира рис сварили, в рис яд положили. Они перед мальчиком блюдо с рисом поставили. Мальчик взял блюдо, перед газелью поставил. Газель съела рис, мальчик не ел. Газель подохла. Мальчик встал, к эмиру пошел.

Эмир спросил у мальчика: „Отец есть у тебя?“ Мальчик ответил: „У меня есть отец, у меня есть сестра!“ — „Где они?“ — спросил эмир. „В саду!“ — ответил мальчик. Эмир сказал: „Я дам тебе слугу, приведи их сюда!“ Дал ему слугу. Мальчик взял отца, сестру, привел к эмиру. Эмир сказал тому человеку: „Живи здесь, я кормить тебя буду, на твоих детей буду смотреть! Как тебе их бог дал?“ Тот человек ответил: „Расскажу тебе. Я вором был, с бачами играл, людей не убивал. Был я дома, пришла одна старуха. «Я тебе двух младенцев принесу, убей их! — сказала — дам тебе чашу золота!» Я ответил: «Я вор, с бачами играю, людей не убивал!» Старуха пошла, детей принесла, мне отдала, чашу золота принесла, мне отдала, ушла. Я накинул на ишака хурджин, в хурджин детей положил, сел на ишака, в степь поехал. Я взял детей, на землю положил: «Пойду, камень найду, — подумал я — нож наточу, чтобы детям не было больно!» Я камень нашел, вернулся — изо рта у детей вода течет. Я взял их, дальше положил — изо рта у них вода потекла. Бросил я их, ушел. По дороге двух воробьев поймал, зарезал, кровь в склянку собрал, старухе принес, отдал. «Я их зарезал, — сказал я — это их кровь!» Раз поехал я в степь дров нарубить. Пошел дождь. Темно стало. Я заблудился. [Вижу:] предо мною сад. Я на стену взобрался: по эту сторону стены дождь, за стеной солнце. Дети ворота открыли, моего ишака ввели, сказали мне: «Оставайся здесь!» Я детей не узнал, они меня узнали, сказали: «Ты наш отец: привел нас в степь, оставил, ушел!» Они сказали мне: «Нарежь прутьев, корзину сплети, яблоки снеси в город, продай!» Я нарезал прутьев, корзину сплел, понес яблоки в город. Дети меня поймали. Я людей позвал, они выручили меня. «Это что у тебя» — спросили. «Яблоки!» — ответил я. «Куда несешь их?» — спросили. «К эмиру!» — ответил я. Яблоки тебе принес. Ты не взял их. Твои слуги деньги дали мне. Я не взял денег. «Мои яблоки пускай возьмет!» — сказал я. Слуга к тебе пошел, ко мне вернулся, взял у меня одно яблоко, к тебе понес. Пришел, меня с яблоками к тебе повел. Ты сказал: «Проси!» Я ответил: «Если дашь мне то, что попрошу, буду просить!» — «Дам!» ты сказал. Я попросил у тебя, сказал: «Черного коня дай, черную собаку дай, сокола дай, платье дай!» Ты ответил: «Как я все это отдам тебе! Если я не буду видеть всего этого каждый день, хоть один раз — умру! Что-нибудь другое проси!» Я сказал: «Это дашь!» Ты отдал. Я поехал. В дороге я уснул, они сами в сад отправились. Утром я встал, в сад пошел: собака лежит, конь стоит, сокол на колу сидит, платье девочка надела. Ты слугу прислал, мальчик повел нас к тебе. Вот твой сын, вот твоя дочь! Они не мои! Ты знаешь своих детей?“

Эмир спросил: „Мать этих детей где вы захоронили?“ Слуги ответили: „На дороге мы яму вырыли, ее в яму бросили, сверху известкой залили!“ Эмир приказал: „Идите, отройте ее!“ Слуги пошли, отрыли ее: она сидит. Взяли ее, к эмиру привели.

Эмир большой костер сложил, его керосином облил. Старуху к женам привел. „Оденьтесь, — сказал он — я вас в одно место поведу!“ Он их троих взял, на костер взвел. Подложил огня, они трое сгорели.

Ночь и день эмир пир давал, людей угощал. На матери детей женился, детей к сердцу прижал.

Предмета своих желаний и цели он достиг.

СЛОВАРЬ

(Принятые сокращения: **дв.** — двойственное число; **ж.** — женский род; **и. д.** — имя действ.; **имп.** — императив; **импф.** — имперфект; **и. сб.** — имя собственное; **м.** — мужской род; **мн.** — множественное число; **ппф.** — причастный перфект; **прич. стр.** — причастие страдательного залога; **пф.** — перфект).

ʾ

ō эх!

i предлог, служащий для выражения наших дательного (55% случаев), винительного (39% случаев), родительного (3% случаев) и предложного (3% случаев) падежей.

íbra мн. ibrāt иголка.

Ibrohīm Ибрагим.

ib'īr мн. abā'er верблюд.

abū мн. abuwāt отец. — С мест. суфф.: 1. abūj; 2. м. abūk, ж. abūki; 3. м. abō^{h}, abō, ж. abūha.

ōbi водяной. — ādami^{n} ōbi водяной человек, „хозяин“ воды.

apā мн. apaját старшая сестра. — С мест. суфф.: 1. apāti и т. д.

íǧir дв. íǧrēn, мн. íǧūr нога; ноги.

aḥed только в сочетании: fát ˇ aḥed один.

iḥmōr ж. iḥmōra мн. ḥamīr осел.

uḥt мн. uḥāt младшая сестра.

ahū мн. uḥwīn младший брат.

ādami мн. adamīn человек; слуга. — С мест. суфф.: 1. adamīhi и adamiji; 2. м. adamīk, ж. adamīki; 3. м. adamā^{h}, ж. adamīha.

Adhám Адхам и. сб. — Иногда слышно: Athám.

órba', órba'a четыре. — órba' sanāt четыре года. — orba'étum они вчетвером. — órba 'ašrāt сорок.

arīza мн. arizāt тенга (15 коп.); деньги.

arūn (< adrūn) внутри, внутрь, в; внутренние покои. — fi ˇ arūn внутри, внутрь, в. — min ˇ arūn изнутри, из.

ostōna порог.

úsum мн. usmāt имя. — úsmu его имя, usúma её имя. — úsmu Ibrohīm da'ō^{h} назвали его Ибрагим.

isnēn два. — isnēna двое, два. — isnēnitum и isnenítum они оба, они вдвоем.

áswad ж. sūda мн. sūd черный. — qálbu áswad ṣōr он затосковал. — júmna áswad missinu наш день черным ты (ж.) делаешь, т. е. ты на нас беду навлекаешь. — См. učč.

aqā старший брат. — aqāta её старший брат.

akūn теперь.

agár если. — Иногда слышно: agál.

il относит. местоимение. — ib'īr il ˇ miǧírr погонщик верблюдов. — báqar il ˇ mír'i пастух. — ṭawš il ˇ misū тот, кто кричит, кричащий. — ḥájja min ˇ ḥéder ḥajṭ il ˇ ṭól'a змея, которая выползла из-под стены.

ilsān мн. ilsanāt язык.

álla бог.

(ilā) с мест. суфф.: 1. iláj и ilāj мне, меня, мой; 2. м. ilájk и ilēk, ж. ilájki и ilēki; 3. м. ilā^{h} и ilā, ж. ilēha. — ēš muqul ˇ lāj (< muqūl ilāj) что он мне скажет? — maqul ˇ lá (< maqūl ilā) я скажу ему.

— am окончание, имеющее значение: и, также (энклитика). — rúḥna^{m} или: ḥámra^{am} или: anā^{jam}.

umm мн. umām, ummāt мать.

amīr мн. amirīn эмир.

— in окончание, которое принимает имя, когда за ним следует определение.

(inn) с мест. суфф.: 2. м. ínnak ты.

anṭá (< a'ṭa IV) давать. — ппф. ónṭi и ónṭ; импф. mínṭi; имп. inṭ. — anṭā^{h} и anṭā он дал ему; редко: он дал это. — onṭík он дал тебе. — mónṭini (< ma ˇ ónṭini) я не дал. — ínni (< ínṭni) дай мне.

unf мн. unfāt нос.

ohūa газель. — ohūtak твоя газель.

id дв. idēn мн. idijāt рука.

ēš (< ej šī) что? — 'al ˌēš на что? — bišanˌēš зачем? — ēštin itqūl, ana manṭīk то, что скажешь, я дам тебе; что бы ты ни сказал, я дам тебе.

išáet (< iš ˌaḥed?) какой?

ištūr, uštūr (< iš ṭūr) как? каким образом?

išwō что? — hadˌišwó это что?

iṣṣāb где? куда? — fiˌiṣāb где? — Иногда слышно: iṣāb.

ujla sawā раздумывать, задумываться,

b

bi- в сочетаниях: bišān, brūḥi (но и: abrūḥen). — С мест. суфф.: 3. м. bā (tuffāḥ ēš asuˌbā что я буду с яблоками делать?); 3. м. мн. bīhum.

báḥar мн. boḥīr река.

bárra наружу, наружи.

bard холод.

ba'īd далёкий, далеко; подальше, дальше.

bá'az: giddamˌba'ázen ǧān они (ж.) встретились.

bá'as посылать. — ппф. bō'es; импф; mí'bas.

báqar мн. boqīr вол, волы.

baqō вечность.

bakā плакать. — ппф. bāki; импф. mí'bki.

balbéjt (< bāb-l-bejt) мн. balbijūt дверь.

Balḥ Балх (город в северной части Афганистана).

búlak часть, кусок.

balā беда. — iˌfát balā tilīt я в беду попал.

bint мн. bināt дочь.

biḥíšt рай.

bē без. — beiˌrúḥ бездыханный. — beiˌléḥla безбородый, бача.

bejt мн. bijūt дом. — bejt ḥaṭṭā он дом построил. — bejt čúmčuqa воробьиное гнездо.

bā' продавать. — ппф. bāje'; импф. mibī', mibīḥ; имп. bī', bīḥ.

p

párča кусок.

párda покрывало.

párran II бросать; сбрасывать; стрелять (пускать стрелу). — ппф. pérren; импф. mipérren.

pága завтра.

pājis гнилой.

pēla чашка.

t

tō до, до тех пор.

ta- частица, выражающая при глаголе цель и пожелание.

tobút сундук, ящик.

tíbin солома.

tápsi мн. tabāsi блюдо, миска, чаша.

táḥt-u-báḥt богатство.

turōb прах.

tark sawā оставлять, отрекаться.

tiramō осень.

taš кетмень.

tuffāḥ яблоки.—tuffāḥa мн. tuffaḥāt яблоко.—tuffaḥtēn mitgīb два яблока принесешь.

tála ловушка.

tíli оставаться. — ппф. tāli; импф. mítli.

tammā кончаться.— ппф. tomm; импф. mítámm.

ǧ

Ǧabrajīl Гавриил.

ǧarrā тащить, тянуть. — ппф. ǧorr; импф. miǧírr. — См. ib'īr.

ǧarw мн. ǧirāw щенок. — ǧarwēn два щенка. — Иногда слышно: ǧarb.

ǧo'ōn ж. ǧo'ōna голодный; бедный, бедняк, нищий.

ǧífra мн. ǧifār колодец, глубокая яма.

ǧild мн. ǧilūd шкура.

ǧalmūt ж. ǧalmūda голый.

ǧin-hóna обиталище духов.

ǧinōza молитва, читаемая перед погребением покойника.

ǧuhūt мн. ǧuhutīn еврей.

ǧawōb разрешение. — ǧawob anṭā давать разрешение. — ǧawōb ḥadā получать разрешение.

ǧawzō джаузā — название третьего месяца (май—июнь).

ǧāb приносить, приводить, привозить. — ппф. ǧājib; импф. miǧīb; имп. ǧīb, ǧib.

ǧāk приходить. — ппф. gāj; импф. míǧi; имп. ta'āl. — ǧīzu ǧāk он разгневался. — ṭawš ǧāk голос послышался. — Иногда говорят ещё: ǧākin. — fiˌrúḥa ǧāt она пришла в себя. — ǧān они (ж.) пришли. — ǧīt я пришел.

č

čápar рубить. — ппф. čōper; импф. míšpir; имп. išpír.

čipōn мн. čiponāt, čarapīn, чапан, халат.

čarbōǧ сад.

čáraḥ (ходить кругом, ходить взад и вперед, ходить) пребывать, жить; служит также вспомогательным глаголом для выражения длительности действия. — ппф. čāreḥ; импф. míčraḥ, míšraḥ; имп. išraḥ.

čúmčuqa мн. čumčuqāt воробей. — čumčuqtēn два воробья.

čūl степь.

ḥ

ḥabbā целовать. — ппф. ḥobb; импф. meḥíbb; и. д. ḥobbiˌān.

ḥábba поцелуй.

Ḥabīb Хабиб и. сб. (женск.)

Ḥōtami-ṭáj Ха̄тим ат-Та'ӣ (таит Хатим) — имя доисламского поэта, прославившегося своей необычайной щедростью.

ḥáǧara мн. ḥaǧarāt камень.

ḥáddad II точить. — ппф. ḥéddid; импф. meḥéddid.

ḥéder под, у, около. — fi ḥéder то же.

ḥarr тепло, жарко.

ḥáraq сжигать. — ппф. ḥōreq; импф. múḥruq; имп. úḥruq.
iḥtáraq VIII сгорать. — ппф. muḥtúruq. импф. miḥtáraq.

ḥárrak II трясти. — ппф. ḥérrik; импф. meḥérrik.

ḥarōm запретный.

ḥarāmi мн. ḥaramijīn вор.

ḥarīm жены.

ḥassā просыпаться. — ппф. ḥoss; импф. meḥáss.

ḥásab считать. — ппф. ḥōsib; импф. méḥsib.

ḥaṭṭā класть, ставить; помещать. — ппф. ḥoṭṭ; импф. meḥíṭṭ; имп., ḥiṭṭ.

ḥáṭab мн. ḥaṭabāt дрова.

ḥáfar рыть; выкапывать, раскапывать. — ппф. ḥōfir; импф. méḥfir; имп. éḥfir.

ḥáfal почитать. — ппф. ḥōfil; импф. méḥfil.

ḥaqq справедливость. — fi ḥáqqi sawīn они (ж.) поступили несправедливо по отношению ко мне.

ḥallā открывать. — ппф. ḥoll; импф. meḥíll; имп. ḥell, ḥill.

ḥammōm баня.

ḥámra золото.

ḥámmal II нагружать. — ппф. ḥémmil; импф. meḥémmil; имп. ḥémmil.

ḥáwli двор.

ḥawā держать (иметь у себя). — ппф. ḥōwi; импф. méḥwi.

ḥūz мн. ḥuzāt водоём, хауз.

ḥāl мн. aḥwōl положение, состояние. — anā min ḥál ǧadīt я обомлел, ослабел, лишился чувств.

ḥajā жизнь. — fi l ḥajá ṣojír он ожил.

ḥajṭ мн. ḥajṭāt стена.

ḥajōṭ сад.

ḥáija мн. ḥajjāt змея.

h

ḥábar весть.

ḥadā брать. — ппф. ḥōdi; импф. mijōḥed; имп. uḥúd.

ḥazīna казна.

ḥášim рот, вход.

Ḥéder Илья пророк.

ḥat черта, линия; письмо. — Иногда слышно: hatt.

ḥaṭīb мн. ḥiṭāba мулла.

ḥállaṣ II освобождать, спасать. — ппф. ḥúlluṣ; импф. meḥúlluṣ, muḥúlluṣ; имп. ḥúlluṣ.

iḥtálaṭ VIII смешиваться; соединяться, присоединяться. — ппф. muḥtúluṭ; импф. miḥtálat. — Иногда слышно: iḥtálat.

ḥalaq мн. ḥalaqāt, ḥalaqīn платье, одежда.

ḥum мн. ḥumāt глиняный кувшин.

ḥimc, ḥimča прутья.

ḥōf бояться, пугаться. — ппф. ḥōjif; импф. meḥōf.

haj (< ḥájir) ладно, пускай.

ḥáijaṭ II шить. — ппф. ḥījeṭ, ж. ḥīṭa; импф. meḥījeṭ, meḥīṭ.

ḥēṭ мн. ḥijūṭ нитка, нить; низка. — ḥēṭ^{in} zaǧīr (= малая низка) 100 тенег; сто. — ḥēṭ^{in} kabīr (= большая низка) 1000 тенег; тысяча.

d

dábba мн. dabbāt конь. — dábt^{in} áswad черный конь.

dáḥal входить. — ппф. dōḥel; импф. múdḥul; имп. údḥul.

dáḥḥal II вводить. — ппф. dúḥḥul; импф. midúḥḥul, mudúḥḥul.

darb мн. durūb дорога, путь.

darwōza ворота. — darwōza ḥal!āha он открыл ворота.

da'ā класть, ставить; помещать; оставлять. — ппф. dō'; импф. midá'. — úsmu Ibrohīm da'ō^{h} его назвали Ибрагим. — zaǧīr 'al qarijān da'ō^{h} мальчика учиться отдали.

dáfan погребать; закапывать; зарывать. — ппф. dōfin; импф. mídfin.

dam, damm мн. dammāt кровь.

dam ṣōr замолкать.

domōna подол.

dínja дв. dinjetēn мир. — had dínja этот (здешний) мир.

díhin масло; керосин.

dew мн. dewīn див.

dūd дым.

dōwar II искать. — ппф., dūwur; импф. midūwur, mudūwur.

dūk, duk мн. dikalō он, тот.
dīki мн. dikilān она, та.

dūla богатство.

r

rod (< ord) земля; место.

rizz рис.

rizō ṣor соглашаться.

rázza'et II кормить грудью. — пф. rúz'a; имф. midrúzzu' (< mitrúzzu').

rās мн. rasāt голова. — fi ˌras ˌgídir láḥaq он до котла добрался.

raššā бросать. — пф. rošš; имф. mirríšš, ж. midríšš. (< mitríšš).

rúṭub влажный, мокрый.

ra'ā пастись; пасти; кормить, содержать. — пф. rō'i; имф. mír'i. — anā mar'īk я буду кормить тебя.

raqā подниматься, взбираться. — пф. rōqi; имф. mírqi.

raqqā II поднимать, взводить. — пф. réqqi; имф. miréqqi.

rákab садиться верхом, ездить верхом. — пф. rōkib; имф. mírkab.

registōn регистан.

rūḥ душа; сам, себя. — i ˌrūḥu maqūl ему самому скажу. — anā máṭla' brūḥi я сама вылезу. — abrūḥen fi ˌḥajōṭ ġodāt они сами в сад отправились. — mara fi ˌrūḥa ġāt женщина пришла в себя.

rīḥa запах.

rād просить. — пф. rājid; имф. mirīd, ж. midrīd; имп. rīd, rid; и. д. rajdijān.

z

zábaḥ зарезывать, убивать, — пф. zōbeḥ; имф. mízbaḥ; имп. ízbaḥ.

zárab бить, ударять; убивать. — пф. zōrib; имф. múzrub, múḍrub. — ġap zárab говорить.

zárrag II бросать, кидать, закидывать. — пф. zérrig; имф. mizérrig.

zaġīr мн. zuġōr мальчик, ребенок. — дв. zaġirēn.

zallā заблудиться. — пф. zoll; имф. mizáll.

zaldōru (перс. zard ōlū) абрикосы.

zalōm темнота, темно.

zammā прятать. — пф. zomm; имф. mizúmm, muzúmm. — zammā rūḥu он спрятался.

záhar яд.

zaw огонь.

zūġ муж. — zúžki hēnu где твой муж?

zāḥ гнать. — пф. zājeḥ; имф. mizīḥ, ж. mizzīḥ (< mitzīḥ).

zájja' II терять. — пф. zīje'; имф. mizīje', ж. mizzīje' (< mitzīje').

zīn хороший; хорошо. — zīn šāfa он полюбил ее.

s

sábada корзина.

sábar вручать, передавать. — пф. sōbir; имф. mísbir.

sábe' семь. — Также: sábeʰ. — sábeʰ sanāt семь лет.

sáḥla детеныш газели. — дв. sahlitēn.

sárdaḥ (< sárraḥ II) отпускать, выгонять. — пф. sérdeḥ, sírdeḥ; имф. misírdeḥ. — zaw 'alaq sardáḥa он развел огонь.

saraṭōn сараṭān — название четвертого месяца (июнь—июль).

sáraq красть. — пф. sōreq; имф. mísraq.

sirkō уксус.

sakkīna мн. sakkināt, sakakīn нож. — sakkínti aheddída я свой нож наточу.

salās три. — salāsa три, трое. — salāsa giddāmi ġāw трое ко мне пришли. — salasíten ihtaraqīn они (ж.) трое сгорели.

silk нитки.

samō небо.

síme' слышать. — пф. — sōme'; имф. mísma'.

sámaka мн. samakāt рыба.

sána мн. sanāt год.

sawā делать. — пф. sowi, ж. sōwa; имф. misū, ж. missū, 2, м. missū, ж. missīn; имп. sū, ж. sūwi; и. д. sowijān.

sūb мн. subāt рубаха.

š

šíbir мн. šibūr пядь.

šíbe' насыщаться; стать богатым. — пф. šōbe'; имф. míšba'.

šíbik ухватываться, уцепляться, вцепляться. — пф. šōbik; имф. míšbik.

šaddā завязывать, связывать, привязывать; закрывать (двери или ворота на цепочку). — пф. šodd; имф. mišítt (< mišídd); прич. стр. mašdūd.

šárab пить. — пф. šōrib; имф. míšrab.

(šarraq) iššárraq V (< itšárraq) распространяться (о слухе). — пф. mišširruq; имф. mišširraq.

šarā покупать. — пф. šāri; имф. míštar; имп. ištar,

šúġul мн. suġlāt дело, работа. — 'aléjk šúġli hast у меня дело к тебе.

šammā нюхать. — пф. šomm; имф. mišúmm.

šims солнце. — šims qá'adet солнце село.

šamšīr меч.

šamōl ветер.

šumīja злое намерение, злая мысль.

šān: bišān для, ради, из-за.

šāf видеть, смотреть. — пф. šājif; имф. mišūf, ж. mišūf (< mitšūf); и. д. sajfijān. — См. zīn.

šī мн. šijāt вещь; что-то, что-нибудь. — st. constr. sit. — См. ēš.

šīša мн. šišāt склянка.

šāl поднимать; носить. — пф. šājil; имф. mišīl, ж. mišīl (< mitšīl).

ṣ

ṣāb: в следующих сочетаниях: ijṣāb где? куда? — min ˌṣā́b откуда? — kúl ˌṣab всюду, везде; в разные стороны, в разных местах.

ṣabbā́ лить. — ппф. ṣobb; импф. miṣúbb, muṣúbb, ж. miṣṣúbb (< mitṣúbb).

ṣábi мн. ṣubōja юноша, парень.

ṣōheb мн. ṣohbā́t хозяин. — ṣóhbu его хозяин. — ṣoḥéba её хозяин.

ṣallā́ молиться. — ппф. ṣoll; импф. miṣáll. ṣalṓ молитва.

ṣōr становиться, сделаться; происходить. — ппф. ṣōjir; импф. miṣōr, ж. miṣṣōr (< mitṣōr).

ṣajjōt охотник.

ṣajjotīja охота. — ṣajjotīja sawā́ охотиться.

ṣájjaḥ II кричать; звать. — ппф. ṣījeḥ; импф. meṣījeḥ, miṣījeḥ.

d

(dárab) бить. — импф. múdrub; имп. údrub. См. zarab. — См. еще: rod (< ord); Héder.

ṭ

ṭabīb мн. ṭabībīn лекарь.

ṭábaḥ варить. — ппф. ṭōbeḥ; импф. miṭbaḥ, ж. ṭiṭbaḥ; имп. iṭbaḥ.

ṭála' выходить; являться. — ппф. ṭole'; импф. miṭla'; имп. íṭla'.

ṭálla' II выводить; вытаскивать, вынимать; доставать. — ппф. ṭúllu'; импф. miṭúllu', muṭúllu'; имп. ṭúllu'.

ṭūr только в сочетании: ištūr, uštūr как? каким образом?

ṭawš крик, шум, голос; молва.

'

'ubb пазуха.

'ábar (переходить; проходить; уходить) отрекаться. — ппф. 'ōbir; импф. mé'bir.

'aǧūza мн. 'aǧuzā́t старуха.

'áddal II вылечивать. — ппф. 'éddil; импф. me'éddil.

'adā́ бежать. — ппф. 'ādi; импф. mé'di; имп. ja'd, jahd.

'ers мн. 'erūs свадебный пир.

'érif знать, узнавать. — ппф. 'ōrif; импф. mé'rif.

'azōb боль, страдание.

('azal) iḥtázal VIII отделяться. — ппф. miḥtizíl; импф. miḥtázal.

('ašer) дв. 'ašrēn, мн. 'ašrā́t десять; десяток.

'áššaret II забеременеть. — ппф. 'išra, 'éšra; импф. mit'éššir.

'išq любовь. — min ˌ'íšqa wáqaḥ от любви к ней он упал.

'aṣō мн. 'aṣoā́t палка. — дв. 'aṣotēn.

'ágat пески.

'al на (13 случаев); у (1 случай); для, за (3 случая); к (3 случая).

'álaq зажигать. — ппф, 'ōlig; импф. mé'liq.

('alā) с мест. суфф.: 1. 'alāj, 'aláj; 2. м. 'aléjk, 'alēk, ж. 'aléjki; 3. м. 'alā[h] ж. 'alēha; мн. 3. м. 'alēhum.

'alīja возвышенность, холм.

'ánab виноград.

'end у. — 'éndi у меня есть. — abū éndakmi есть у тебя отец?

'ō (< 'ōd) опять, еще.

'ūd мн. 'uwā́d палка.

'ájjab II насмехаться. — ппф. 'éjjib; импф. me'éjjib.

'ejš кушанье, пища.

'ijā́l дети.

'ájjan II смотреть. — ппф. 'ájjin; импф. me'ájjin; имп. 'ájjin.

'ejn мн. 'ejūn глаз.

ġ

ġadā́k пойти, уйти. — пф. 3 ж. ġadt; ппф. ġōdi; импф. mijóġdi, ж. tóġdi; имп. joġt, ж. jóġdi; и. д. ġodijā́n. — Иногда говорят также: пф. 3. м. ġadā́kin, ж. ġádtakin.

ġōr мн. ġorā́t подземелье, пещера, нора; щель, дыра.

ġáraba мн. ġarabā́t дерево.

ġarīja блуд.

ġúlġula суматоха.

ġamm печаль, тоска. — anā fi ˌgámki mitini я умираю от тоски по тебе (ж.).

gīz гнев. — ġīzu ǧā́k он рассердился.

ġēm мн. ġemā́t туча, облако; тучи, облака.

f

fad, fat (< ˡfard) неопределенный член; какой-то, некий; один; раз. — fát ˌaḥed один. — fád ˌjum однажды.

(farrā́) istafarrā́ X ходить вокруг, кружить; кружиться. — ппф. mistefírr; импф. mistafárr.

(faṭar) infáṭar VII подыхать. — ппф. munfúṭur; импф. minfaṭar.

fikir узнавать. — ппф. fōkir; импф. mífkir.

fuls мн. fulūs деньги.

fūq на, над; наверх; сверху. — min ˌfúq сверху, через.

fi ˌ в (74% всех случаев), на (15%), за, из-за (3%), по (4%), к (4%). — fi ˌarūn в. — fi ˌijṣā́b где? куда? — fi ˌḥéder у

около. — ti ˌgiddám у. — fi ˌgírd вокруг. — fi ˌwaró сзади.

faj тень.

q, g

qáber мн. qubūr могила. — qábru его могила. — qabíra ее могила.

qíbla кыбла — сторона, в которую мусульмане обращаются лицом при молитве.

gap мн. gapāt слово, разговор; дело. — fi ˌmadīna ēš gap hast что слышно в городе?

qátal убивать. — пф. qōtil; имп. míqtil; имп. íqtil.

gidir мочь, быть в состоянии. — пф. gōdir; имп. mígdir, míqdir.

gídir мн. gidūr котел.

giddām перед, к, у. — fi ˌgiddám то же. — min ˌgiddám перед, навстречу.

giddāj нищий.

qarīb близкий.

gird вокруг, кругом, — fi ˌgírd то же,

qarā читать; учиться. — пф. qāri; имп. míqri; и. д, qarijān.

qázab (< qábaz) схватывать; ловить. — пф. qōzib; имп. múqzub.

guzár квартал, улица.

qaššā мести. — пф. qošš; имп. miqíšš; имп. qišš.

qaṣṣā резать. — пф. qoṣṣ; имп. muqúṣṣ; имп. quṣṣ.

qáṭaḥ рвать. — пф. qōṭeḥ; имп. míqṭaḥ; имп. íqṭaḥ.

qá'ad сидеть, садиться. — пф. qā'ed, ж. qā'da; имп. míq'ad.

qá''ad II усаживать. — пф. qú''ud; имп. muqú''ud.

qalīl ж. qalíla малый, незначительный; меньший, меньше.

gálab возвращать; заставить вернуться, прогнать. — пф. gōlib; имп. míglib. íngalab VII возвращаться. — пф. míngillib; имп. míngalab.

qalb мн. qulūb сердце. — qálbu áswad ṣōr он загрустил.

qál'a цитадель.

qámar мн. qamarāt месяц.

gáwhar жемчуг. — gáwhara мн. gawharāt жемчужное зерно.

qūš сокол.

qōl сказать, говорить; рассказывать. — пф. qōjil; имп. muqūl; имп. qūl, qul.

qōm вставать, подниматься. — пф. qōjim; имп. muqūm.

qūwa сила.

qīr известка.

qijōma воскресение.

k

ki когда; что.

kíbir вырастать. — пф. kōbir; имп. míkbar.

kábas наполнять. — пф. kōbis; имп. míkbis.
inkábas VII наполняться, ст. полным. — пф. minkíbis; имп. minkábas.

kátab писать. — пф. kātib; имп. míktib.

kadūa мн. kaduwāt тыква. — kadūt^{in} nekbáht тыква счастья — так называется сосуд из тыквы, который всегда носит при себе дервиш.

kárra мн. karrāt раз.

kōza лачуга.

kasīr много.

kokūla локон.

kull, kul все; всякий, каждый. — kúl ˌsab, см. ṣāb. — kúl ˌmin всякий, кто; всякий, каждый.

kalb ж. kálba мн. kilāb собака.

kalā есть, съедать. — пф. kāli, ж. kāla; имп. mijōkel, ж. tōkel; имп. ukúl; и. д. kalijān. — 'éjna kálet alā^{h} ее взор упал на него.

kam сколько?

kímil кончаться, приходить к концу. — пф. kōmil; имп. míkmal.

kamjá нужда.

kúnǧak угол.

kinná (= kaínná) как будто это, будто, словно.

kōn быть. — пф. kojin, ж. kājna, kajna; имп. mukūn, mikūn; и. д. kajnijān. — kun ˌ'éndu он имел, был у него, была у него. — kōn служит также вспомогательным глаголом для образования: 1) давнопрошедшего времени (kun + причастный перфект); 2) многократно-длительного прошедшего времени (kun + имперфект); 3) прошедшего времени несовершенного вида (kej[n] + имперфект); 4) будущего времени (kej [n] + имперфект).

l

l определенный член; встречается в следующих сочетаниях: fil (fi-l-...), hal had-l-...), bāl (bāb-l-bejt > balbéjt).

li- предлог, выражающий наши дательный (19 случаев) и винительный (8 случаев) падежи.

lā не. — Без ударения: la. — lōǧdi < lā oǧdi. — lā ˌjkun < lā jikūn. — lā' нет.

lábas надеть. — пф. lōbis; имп. mílbis; имп. ílbis.

libōs мн. libosāt платье, одежда.

lábak прижимать. — пф. lōbik; имп. mílbak.

laḥḥar II (< ráḥḥal) отправлять в путь; везти. — пф. léḥḥir; имп. miléḥḥir.

láḥaq достигать. — ппф. lōḥeq; импф. míl̇ḥaq.
léḥla (< léḥja) борода.
láṭaš выплескивать, вычерпывать. — ппф. lōṭíš; импф. míl̇ṭiš; и. д. laṭašān.
lá'ab играть. — ппф. lō'eb; импф. míl̇'ab.
(laffā) iltaffā VIII привязываться. — ппф. miltíff; импф. miltáff.
láqaṭ собирать. — ппф. lōqeṭ; импф. múlquṭ.
laqā находить. — ппф. lōqi; импф. míl̇qi; имп. íl̇q; и. д. loqijān.
inlaqā VII быть найденным. — ппф. minléqi; импф. mínlaqi.
lammā собирать. — ппф. lomm; имп. míl̇imm. iltammā VIII собираться. — ппф. multúmm; импф. miltámm.
lī (< liij) почему?
lejl ночь, вечер; ночью, вечером.
léjla мн. lejlāt ночь, вечер.

m

mā не. — Без ударения: ma. — mā onṭini > > mōnṭini. — mōnum их нет. — íl̇aj mōnum они не мои. — mōnen их (ж.) нет.
mi вопросительная частица.
maǧnūn сумасшедший.
máčit мечеть.
maḥṣat (< máqṣad) цель.
Muḥámmad Мухаммед.
maddōḥ мн. maddoḥīn дервиш.
madīna город.
mára мн. marāt жена, женщина. — дв. maratēn. — maréjka женка.
mrōd желание, предмет желания.
marqūm переметная сума.
mazār кладбище.
mísil подобный, такой как.
máša итти, ходить; ехать; течь. — ппф. māši, импф. mímši; имп. imš.
máṭara дождь.
Mákka Мекка.
malbūs халат.
malájka ангел. — дв. malajkitēn.
min из, с, от, у. — min ˌarūn из, изнутри. — min ˌfūq через. — min ˌwarō сзади, позади. — min ˌgiddām перед, навстречу.
mān (< ma ˌ'an) нет.
mū вода; источник.
mōt умирать. — ппф. mījet, ж. mīta; импф. mumūt; и. д. mitajān.
májlak ладно, пускай.
mīn кто? — kúl ˌmin всякий, кто; всякий, каждый. — mūwo (minwō > munwō > mūwo) кто он? кто это?
mijāna середина; средний.

n

no-máḥram чужой, посторонний.
nabīra мн. nabirāt, nabājir внук, внучка.
názal сходить, спускаться, слезать; останавливаться. — ппф. nōzil; импф. mínzil.
nās мн. nasāt люди; слуги.
násaǧ, násač (ткать) плести. — ппф. nōsič; импф. mínsič. — пф. 1. л. nasážt.
nášat (< nášad) спрашивать. — ппф. nōšit, ж. nošda; импф. mínšit.
nuṣṣ (< nuṣf) половина.
náṭar (< máṭar) итти (о дожде), проливаться дождем. — ппф. nōṭer; импф. múnṭur.
náfaz трясти. — ппф. nōfiz; импф. múnfuz.
núqra серебро.
náqaṭ капать. — ппф. nōqiṭ; импф. múnquṭ.
nek-báht счастье.
nákaḥ вступать в брак; выдавать замуж; сочетать браком. — ппф. nōkeḥ; импф. míṅkaḥ.
numōla (< rumōla) платок
nehor мн. nehorāt день.
náhar мн. nahrāt оросительная канава, арык.
nām спать, лежать. — ппф. nājim; импф. minām; имп. nām, nam. — nām служит также вспомогательным глаголом для образования настоящего времени и прошедшего времени данного момента. nūm сон. — nūm waddāʰ сон одолел его.

h

hā да.
had, hat этот. — Иногда говорят: ha. — hamát то же. — Иногда говорят: hamá. — halō эти. — hamalō то же.
hárab бежать, убегать. — ппф. hōrib; импф. míhrib.
hast есть.
hal (< had + l) этот. — hálid, hálit здесь, сюда. — háljam (m) эта сторона, по эту сторону. — háljum сегодня.
hamdūk (< hal + duk) тот. — hamdikalō tehamdīkī та.
hamqīt (< hal + qīd) там, туда.
hān здесь. — hamān то же.
hínt ж. hínti ты.
butár (= hū + перс. tar) дальше, подальше.
hūk так, таким образом. — hamūk так, такой.
haj эта. — hamáj то же.
halān эти (ж.) — hamalān то же.
hōj, hūj там, туда. — hōjjam (m) то же.
hēn где? а ну, — Ср. узб. qani.

w

u и. — После слов с исходом на a, i: ju. — mára-ju-zūǧ.
watt кол, колышек.

wáğa' ощущать боль. — ппф. wōğe'; импф. mūğa', ж. tūğa'.

učč лицо; поверхность, верх. — fi ˌgiddam ˌamír účči áswad sawetā[h] перед эмиром ты меня очернила.

waḥt (<waqt) время. — waḥt ṣalō утро, утром (собств.: время утренней молитвы).

wáḥad другой, другая, другие.

wāḥeda одна.

waddā вести; везти; нести. — ппф. wodd; импф. muwúdd; имп. wudd.

warō за, сзади, позади. — С мест. суфф.: 1. warāj 2. м. warōk, ж. warōki; 3. м: waro[h], warō, ж. warōha. — min ˌwarō сзади, за, вслед. — fi ˌwaró сзади. — 'al ˌwaró назад.

wazīr мн. wazirīn везирь.

waṣṭ пояс. — i ˌwáṣṭu šaddāha в свой пояс увязал их (деньги).

wáqa' падать; случаться, происходить; понимать. — ппф. wōqe'[h]; импф. miqa'[h], ж. tíqa'[h].

wáqaf останавливаться, стоять. — ппф. wōquf; импф. meqáf; имп. íqáf.

wákkal II передавать. — ппф. wúkkul; импф. muwúkkul.

wúldit родить. — ппф. wˌlda; импф. tūlid, 1. máwlid.

wálad мн. waladān мальчик; дитя.

wār показывать. — ппф. wājir; импф. muwūr; имп. wūr; wur.

wej, wij с. — wiāj со мной. — wejk, wēk с тобой (м.). — wéjkum, wēkum с вами. — wihum с ними.

j

ō или.

jábbas II высушивать. — ппф. jíbbis; импф. mijíbbis, ж. midjíbbis (<mitjíbbis). id ábbas (<itjábbas) V высыхать, ст. сухим. — ппф. midjábbes; импф. midjábbas.

jamm мн. jammāt сторона, бок. — дв. jammēn. — См. háljam (m), hōjjam (m).

jūm мн. jumāt день; дни. — hál ˌjum сегодня. — fád ˌjum однажды. — kúl ˌjum ежедневно. — jūm amīr kímil дни эмира пришли к концу. — jūmin ежедневно.

Июль 1947.

II

ИСТОРИЯ

В. В. СТРУВЕ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА СУМЕРА ЭПОХИ III ДИНАСТИИ УРА

I

На рубеже двадцатых и тридцатых годов нынешнего века вопрос об общественном строе стран восточного Средиземноморья стал центральным для советских историков Древнего Востока. Бесспорным достижением исследовательской работы последних было опровержение концепции о самостоятельном азиатском способе производства и близкой ей теории о вечном феодализме на востоке и утверждение положения о наличии рабовладельческого строя в ведущих рабовладельческих обществах. Вместе с тем предстоит еще длительная и трудоемкая исследовательская работа по определению удельного веса эксплоатации сельских общин в названных обществах.

Для успешного решения этой задачи необходимы исследования, посвященные определению производственных отношений не только каждого древневосточного общества в отдельности, но и каждой эпохи в истории развития последнего. Лишь посвятив себя специальному исследованию какой-нибудь точно датируемой и локализуемой группы источников по истории и хозяйству древнего Востока, историк сможет избежать опасности создания социологической схемы вместо точного определения действительного общественного строя, преобладающего в тот или другой период истории Вавилонии, Египта и Малой Азии. Изучение же конкретного исторического материала на основе марксистско-ленинской методологии предохранит исследователя от порочности ползучего эмпиризма.

Пожалуй, важнейшей из всех известных групп источников по изучению производственных отношений общества южного Междуречья являются многочисленные документы хозяйственной отчетности, дошедшие до нас из архивов городов Лагаша и Уммы (Джохи) и пригорода священного Ниппура, расположенного на месте современного Дрехема. Значение этих документов для историка обусловлено особенно тем, что они датируются с максимальной точностью годами правления четырех царей III династии Ура: последними двадцатью годами Шульги, девятью годами Пурсина, девятью годами Гимильсина и первыми двумя годами Ибисина. Сравнительная краткость охватываемого ими периода — примерно сорок лет — является также весьма существенным моментом для историка, поскольку тысячи изданных табличек из архивов Лагаша, Уммы и Дрехема не распыляются между

сотнями лет, а распределяются между немногими десятками лет, насыщая наше знание последних обильными конкретными фактами. В особенности ценный и обильный материал подарили нам архивы первых двух городов, Уммы и Лагаша. Материал замечателен своим многообразием, отражающим различные стороны какого-то громадного хозяйства, включающего и земледелие, и ремесленное производство.

Для решения вопроса о производственных отношениях общества Сумера III династии Ура мною были использованы уже в исследовании 1933 г. документы хозяйственной отчетности из архива Уммы, свидетельствующие об организации труда в этом большом хозяйстве, которое было расположено и в городе, и на территории, примыкавшей к городу. В моем распоряжении имелось большое количество сравнительно небольших клинописных таблеток, в которых отмечалось направление некоторого количества работников или работниц под руководством надзирателя на одну или несколько трудовых операций, связанных так или иначе с сельским хозяйством. Срок операции определяется в этих документах иной раз рядом дней, изредка даже месяцами, но чаще всего одним днем — столько-то работников или работниц на 1 день. Последняя формула этих небольших документов, которые я назвал первичными, была раскрыта в своей подлинной сущности с помощью тех больших сводок надзирателей о труде их работников на продолжительный срок, которые были составлены на основании данных первичных документов. В сводках, изданных Чиэра в CTA, Женульяком в ТЭО, Шнейдером в ДДУ мы имеем на первом месте указание на то или другое количество работников или работниц, трудящихся обычно 360 или 390 дней (т. е. год), а затем указанное количество работников заменяется числом работников, полученным из умножения первоначального количества их на 360 или 390 дней, трудящихся 1 день. Из этого факта я сделал вывод, что сумерийские счетоводы знали понятие человекодня и что формула „столько-то работников, или работниц на 1 день" первичных документов означает не реальное число работников, трудившихся 1 день, а число выработанных человекодней. Другой, и самый основной, вывод, который я сделал из сводок надзирателей, было установление того, что эти работники, трудившиеся круглый год, были оторваны от средств производства. Поскольку же они отличались от наемных людей, перечисляемых в некоторых сводках, то, следовательно, положение этих работников, трудившихся круглый год, было тожественным положению рабов.

Вышеуказанные издатели сводок надзирателей партий работников эпохи III династии Ура не сделали из опубликованных ими текстов по существу никаких выводов, интересных для истории сумерийского общества конца III тысячелетия до н. э. Они фактически ограничивались автографией изучаемых ими текстов без какого-либо обстоятельного исторического комментария. Действительно, американский ассириолог Э. Чиера снабдил свое издание CTA, содержащее 36 текстов из Лагаша, Джохи (Уммы) и Дрехема, переводом лишь 8 текстов, указателем личных имен и весьма суммарным описанием опубликованных текстов. Интересующие нас две сводки надзирателя Лудингирра (№№ 2 и 5 издания) от 2-го и 4-го гг. Пурсина им оставлены без перевода. По отношению к ним он ограничился в суммарном описании лишь следующей характеристикой их содержания: „вычисление заработной платы, выданной работницам".[1]

[1] Издатель настолько мало интересовался текстами, что не заметил тождественности имени надзирателя и в том и в другом документе.

С точки зрения Чиера, следовательно, эти женщины, работавшие круглый год, являлись поденщицами, поскольку они получали заработную плату. В оправдание американского ученого можно указать на то, что в изданных им сводках о труде работниц (гим — „рабыня", согласно интерпретации идеограммы — „женщина чужеземной страны") нет упоминания о женщинах-наймитках, отличаемых от прочих работниц. Подобного оправдания не имел французский сумеролог Женульяк, когда он в своем кратком, суммарном резюме содержания двух больших, чудесно им автографированных, сводках надзирателя Лугальгудэ (№ 5675) и надзирателя Урнинсу (№ 5676) не отделил среди рабочей силы работников, получавших лишь довольствие, от наемных работников, которые получали, кроме того, заработную плату.[1] Своим резюме Женульяк, к сожалению, дезориентировал советского историка древнего мира акад. А. И. Тюменева.[2] Неточность интерпретации сумерийских документов со стороны талантливого ученика основоположника сумерологии Тюро-Данжена была обусловлена, конечно, отсутствием подлинного интереса к вопросам социально-экономического характера. Поэтому Женульяк и смог ограничиться одним лишь суммарным резюме[3] пятидесяти важнейших текстов в ТЭО. Никаких выводов не сделал и профессор Люксембургской католической семинарии Н. Шнейдер из изданных им в ДДУ двух сводок надзирателей партий работников (№ 85 и № 250), а ограничился только тем, что снабдил это издание, как и прочие свои публикации, указателями различных групп терминов, встречающихся в автографированных им клинописных таблетках. Термины оставлены им без перевода, а социально-экономические термины, как более интересные для историка, включены автором в такой всеобъемлющий раздел указагеля, как „названия профессий и другие обозначения управления". Мы находим здесь, наряду с терминами „работник", „пахарь", „работница", „носильщик", „поденщик" и т. д., такие обороты речи, как „из них", „произведение расчета", „он получил", „он положил" и т. д. Мы встречаем даже в этом разделе такую грубую ошибку, как смешение идеограммы для „овощи" с идеограммой для „отряда работников".

II

Мой вывод о положении работников в сводках надзирателей, дошедших из архивов больших хозяйств городов Уммы и Лагаши, зафиксирован по существу в двух моих исследованиях.[4] В советской историографии мой вывод встретил возражения со стороны академика Н. М. Никольского[5] и отчасти академика А. И. Тюменева.[6] Критика указала на следующие моменты.

1) Мой вывод базируется в основном на одном лишь документе, а именно на табличке из Уммы (Гишху) от 4-го г. Пурсина, сводке надзирателя Лугальгудэ, — ТЭО, № 5675.

2) Основная рабочая сила, предоставленная надзирателю Лугальгудэ, — 24 пахаря, работавшие непревывно весь год (с тринадцатым вставным

---

[1] Баб., т. VIII (1924), стр. 44—45.
[2] ВДИ, 1946, № 2, стр. 19—20.
[3] Баб., т. VIII, стр. 41 и сл.
[4] Сб., посвящ. С. Ф. Ольденбургу, 1933, стр. 495, сл. и ПИДО, 1934, № 7, стр. 211 сл.
[5] ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 207—210, и ВДИ, 1941, № 1, стр. 53—56.
[6] ВДИ, 1946, № 2, стр. 18—20.

месяцем) и выработавшие 9360 человекодней (24×13×30), — были объявлены не 24 постоянными, конкретными работниками, а 24 меняющимися работниками, которые в данном определенном числе предоставлялись одной из сельских общин надзирателю Лугальгудэ. В целях сравнения сводки надзирателя Лугальгудэ были привлечены древнерусские уставные грамоты для крестьян сельских общин, приписывавшихся князьями к вновь основанным монастырям. Монастырские крестьяне указанных русских средневековых грамот работали на монастырском хозяйстве круглый год, но личный состав групп работавших менялся неоднократно в течение года.

3) Критика не находила в сводке надзирателя Лугальгудэ ни одного слова о довольствии указанных 24 пахарей, а раз они не получали довольствия, то, следовательно, у них были свои средства производства, являвшиеся источником их существования.

4) Кроме указанных 24 пахарей, надзиратель Лугальгудэ упоминает о $1348^1/_2$ работниках (гуруш), которые были предоставлены составителю сводки отдельными группами 21 переименованным лицом на 1 день и о $628^1/_3$ носильщиках, переданных Лугальгудэ четырьмя группами 4 переименованными лицами на 1 день. Против моего толкования этих $1348^1/_2$ работников (гуруш) на 1 день и $628^1/_3$ носильщиков на 1 день, как $1348^1/_3$ и $628^1/_3$ человекодней, критика указала, что я „сделал тут грубейшую методологическую ошибку, оставив без внимания первичные документы и погнавшись за более или менее безличными сводками, которые, как хорошо известно, могут быть сплошь и рядом кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом". Критика указывала на то, что якобы в сводках надзирателей мы встречаем только обезличенную формулу „столько-то работников на 1 день", а в первичных документах мы находим и указание „столько-то работников на столько-то дней", т. е. обозначение реального числа работников и реального числа дней их труда. Было подчеркнуто, что работники, трудившиеся непрерывно у Лугальгудэ, назывались или „пахарями" или „командой" (эринн), а люди, доставляемые Лугальгудэ разными лицами, назывались или „работниками-гуруш", или „носильщиками". Последние не производили обработку пахотной земли, которая поручалась первым.

5) Лица, предоставившие Лугальгудэ работников-гуруш и носильщиков, были объявлены или землевладельцами, или сановниками, или старшинами общин. Было указано на то, что мною не было приведено никаких документальных данных о том, что эти „работники-гуруш" и „носильщики", предоставленные Лугальгудэ указанными лицами, „беспрерывно работали в течение остального времени года в других царских хозяйствах". Было, объявлено невозможным высказанное якобы мной положение о том, что эти двадцать пять групп работников-груш и носильщиков перебрасывались от одного к другому надзирателю.

6) Были высказаны сомнения в справедливости моего противопоставления „работников-гуруш" так называемым „наемным людям". Критика указывала на то, что не было якобы принципиального отличия между довольствием постоянных работников и зарплатой наемных людей. Она поэтому высказала положение, что „наемные люди" („лу-хун-га") тождественны с постоянными работниками, „возглавляемыми теми же надзирателями и упоминаемыми в других документах, где они фигурируют уже не в качестве наемных рабочих, а в качестве работающих «на дом царя»".

III

Приведенные положения моих критиков не всегда учитывали то, что я указывал уже в моих исследованиях до 1941 г. В настоящем моем исследовании я приведу и самое существенное из моей старой аргументации, а также те мои наблюдения, которые были сделаны в последние месяцы при работе над статьей для сборника ИВ АН СССР, посвященного тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, Я начну с упрека, что мои выводы базируются в основном на одном лишь документе. Я полагаю, что данный упрек был несправедлив и по отношению к моим старым исследованиям, ибо я привлек в них обильный материал, а не только одну сводку надзирателя партии работников — ТЭО 5675. Уже тогда я использовал не только сводки надзирателей, найденные мной в издании Женульяка, но и несколько сводок, опубликованных другими учеными. В настоящий момент указанный упрек окончательно теряет свою силу, поскольку я привожу значительное количество документов, доказывающих с бесспорностью наличие оторванных от средств производства в больших хозяйствах Уммы и Лагаша эпохи III династии Ура. Мне известны сейчас следующие документы, свидетельствующие о длительном непрерывном труде непосредственных производителей в хозяйствах, управляемых царскими наместниками Лагаша и Уммы: 1) КТ IX, табл. 46, № 21348. „Произведение расчетов рабочей команды (эринн) (по) топливному тростнику. (Надзиратель) Ама сын Лугалэрин'а. „С I месяца до V месяца Лагаша". $44^1/_2$ гуруш, работавших 5 месяцев. Их рабочая сила 6675 ($150 \times 44^1/_2$) гуруш на 1 день". Дата: 44-й г. Шульги. 2) Лутц 1 № 78. Документ происходил, судя по именам чиновников, из Уммы. 5 гуруш на 13 месяцев. Дата: 45-й г. Шульги. 3) Хакм., № 272 „7200+3000+300+(10+...) +... $3^2/_3$ гуруш на 1 день. Израсходовано. Произведение расчетов... — гудэ заведующим хозяйством („нубанда гуд")." Место происхождения Уммы. Дата: 3-й г. Пурсина. 4) ТЭО, № 5675. „Всего: $11966^5/_6$ гуруш на 1 день. Всего: $628^1/_3$ носильщиков (ун ил) на 1 день. Израсходовано. Произведение расчетов Лугальгудэ заведующим хозяйством". Место происхождения Умма. Дата: 4-й г. Пурсина.[1] 5) ТЭО, 5676. 20 гуруш работали 12 месяцев. „Их рабочая сила 7 дней 7200 (360×20)". Кроме этого имелось $85^1/_3$ человекодня, остаток предшествующего года, $9^1/_2$ человекодня, уступленных другим надзирателем, и $1813^1/_3$ человекодней наемных людей. Всего имел в своем распоряжении составитель сводки заведующий хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу $9108^1/_6$ человекодня. Он их все израсходовал, использовав еще лишние $88^1/_6$ человекодня, кем-то ему предоставленные. Место происхождения Умма. Дата: 2-й г. Гимильсина. 6) ТЭО, № 5674. Сводка из Уммы. 12 носильщиков работали целый день 8 месяцев, начиная с V месяца до XII месяца Уммы. „Рабочая сила носильщиков 2880 дней". Вместе с ними работали 29 носильщиков половину дня („как сыновья") в течение 8 месяцев. Строки, вычисляющие рабочую силу этой группы носильщиков, уничтожены. Заканчивается документ словами: „произведение расчетов рабочей силы команды (эринна). Лудани надзиратель. 8 месяцев". Дата: 3-й г. Пурсина. 7) ДДУ, № 85. В этой сводке из Уммы, оставшейся незаконченной, перечислены $3613^1/_9$ человекодня, остаток 3-го г. Пурсина, дни работы 6 носильщиков, трудившихся 13 месяцев, и дни работы 33 носильщиков, трудившихся половину дня („как сыновья")

[1] См. перевод всего текста в ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 211 сл.

в течение 13 месяцев. Дата 4-й г. Пурсина. 8) Барт. III, № 236. Надзиратель Магурри получил в Лагаше в 41-м г. Шульги довольствие ячменем для партии носильщиков на целый год, начиная с I месяца до XII месяца. Из этой партии 12 гуруш получили в месяц по 60 сила (около 0.80 литра), 2 по 50 сила, 3 по 40 сила, 3 по 30 сила, 3 подростка по 15 сила и 1 подросток по 10 сила. Документы Барт. III, № 160 и 352 от того же 41-го г. Шульги свидетельствуют о получении тем же надзирателем Магурри довольствия ячменем на целый год (на 12 месяцев) для двух других, значительно меньших, партий носильщиков. 9) ТЭО, № 6036. Громадный документ, посвященный „произведению расчетов" чиновника Агу, заведующего мастерской по плетению корзин и других изделий. Работники его, перечисленные поименно, трудились целый год, начиная с I месяца и кончая дополнительным XIII месяцем. Место происхождения Умма. Дата: 4-й г. Пурсина. 10) Барт. III, № 359. Чрезвычайно фрагментированная сводка человекодней мукомольного учреждения большого хозяйства Лагаша. Мы имеем здесь суммы человекодней, выраженные в очень больших числах, как 34035, 65752 и т. д. Общая же сумма равняется громадному числу: „Всего 283141 мукомолов-гуруш на 1 день". 11) Неизданная сводка из собраний Гос. Эрмитажа. Здесь перечислены поименно $21\frac{1}{6}$ гуруш какой-то мастерской. Они работали 11 месяцев, начиная с I месяца и кончая XI месяцем Уммы, т. е. „рабочая сила их 6985 дней". 12) ТЭО № 6171. „Расчеты от Лугальэзенден'а". У последнего были, кроме работников, предоставленных на $\frac{2}{3}$ месяца, 1 месяц, 2 месяца 20 дней, еще $11\frac{1}{2}$ гуруш, трудившихся у него целый год (12 месяцев), т. е. „рабочая сила их 4140 дней" ($360\times11\frac{1}{2}$). 13) ТЭО, № 5665. Изготовляющие муку и одежду $141\frac{1}{2}$ гим работают 13 месяцев, начиная с I месяца Уммы до дополнительного XIII месяца, т. е. рабочая сила их 55120 дней. Дата: 34-й г. Шульги. 14) ТЭО, № 5668. „Произведением операций" надзирателя Дингирра, имевшего в своем распоряжении 36 гим, начиная с IV месяца Уммы до утра 20-го дня XII месяца 46-го года Шульги, т. е. „рабочая сила их 9360 (260×36) дней". 15) ТЭО, № 5669: „Произведение расчетов с рабочей силой гим мельницы Лугалкалиной". Ему были подчинены 36 гим, начиная с I месяца до XII месяца Уммы, т. е. „рабочая сила их 12960 дней". Дата: 46-й г. Шульги. 16) ТЭО, № 5670, „Произведение расчетов Уршара, надзирателем мельницы". Он давал отчет о работе 36 гим, начиная с III месяца Уммы 46-го года Шульги, 23-го дня утром до II месяца Уммы 47-го года Шульги, 7-го дня его утром (т. е. 314 дней). Следовательно, „рабочая сила их 11304 гим на I день". (314×36). 17) К. Т., № 14308, табл. 20—23. „Произведение расчетов" мельницы и пивоварни одного из храмов Лагаша на 13 месяцев. Учреждение располагало всего 7198 рабынь на 1 день. Дата: 46-й г. Шульги. 18) СТА, № 2. „Произведение расчетов с рабочей силой Лудингирра", писца по муке. Ему были даны $103\frac{2}{3}\frac{1}{15}$ гим, с довольствием в 30 сила и 5 гим с половинным довольствием на 13 месяцев, т. е. „рабочая сила их 41175 дней". Место происхождения Умма. Дата: 2-й г. Пурсина. 19) СТА, № 5. Документ, подобный предшествующему, но несколько фрагментированный. „Произведение расчетов с рабочей силой Лудингирра", очевидно, тождественного с составителем предшествующей сводки. Дата: 2-й г. Пурсина. В данном году Лудингирра имел в своем распоряжении 113 гим с ежемесячным довольствием в 30 сила на 13 месяцев, т. е. „рабочая сила их 44200 дней". 20) ДДУ, № 250. Сильно фрагментированная сводка работ партии гим, начиная с I месяца до XII месяца Уммы. Число

гим равнялось $21\frac{17}{60}\frac{1}{120}$, и их рабочая сила в течение года соответствовала 7665 человекодням. 21) ГДД, № 401. Документ из Уммы, свидетельствующий о работе партии гим в 49—50 голов в течение 13 месяцев. Дата: 1-й г. Гимильсина. Ср. ДДГ № 302, где дан текст подобного же рода, свидетельствующий о непрерывной работе партии гим в 162 головы в течение 6 месяцев, начиная с I месяца и кончая VI месяцем Уммы. Дата: 1-й г. Пурсина. 22) ИТТ V, № 6859, табл. 27. „Произведение расчетов с рабочей силой гим". Свидетельствует о непрерывной работе 171 гим в течение 8 месяцев, начиная с I месяца и кончая VIII месяцем Лагаша. Дата: 2-й г. Ибисина. Ср. сходный текст там же, № 9165, табл. 32. 23) Барт. II, № 95. Небольшой текст из Лагаша, сохранивший расчеты с большими суммами человекодней гим, предоставленными двум надзирателям.

Столь большое количество свидетельств о долговременном непрерывном труде основных категорий работников больших хозяйств Лагаша и Уммы эпохи III династии Ура лишает силы упрек, что положение о рабовладельческом характере царского хозяйства Сумера той эпохи базируется в основном на одном документе из Уммы — сводке надзирателя Лугальгудэ от 4-го г. царя Пурсина.

Следует указать и на то, что список свидетельств о долговременном и непрерывном труде гуруш и гим в хозяйствах царя и храма мог бы быть еще увеличен, если бы все издания документов хозяйственной отчетности III династии Ура были в настоящее время мне доступны. К сожалению, ряд весьма важных публикций не мог быть мной изучен по тем или другим причинам. Интересующие нас документы, несомненно, представлены среди тех бесчисленных клинописных таблеток эпохи III династии Ура, которые разбросаны по музеям и частновладельческим собраниям всего мира и ждут еще своего издателя и исследователя. Я позволяю себе высказать с такой уверенностью подобное положение ввиду того, что я располагаю среди известного мне изданного и неизданного материала текстами, свидетельствующими о существовании документов „произведения расчетов с рабочей силой", которые мне не удалось установить среди изученных источников. Существование в прошлом таких еще неизданных документов удостоверяется надписями на глиняных буллах, пломбировавших корзины, в которых хранились таблетки отчетности об использовании рабочей силы партии гуруш или гим того или другого надзирателя. Несколько таких булл было издано М. В. Никольским и несколько подобных памятников мне удалось установить в собрании Гос. Эрмитажа.

Ввиду важности этих документов для доказательства моего положения, привожу их содержание. 1) Ник. II, 91. „Корзина с документами. Произведение расчетов с рабочей силой команды (эринна) Лушара надзирателем. 4-й и 5-й годы Гимильсина". Надзиратель Лушара известен по другим документам: между прочим издана его таблетка от 4-го г. Гимильсина (Фиш., № 615): „25 гуруш на 1 день (на) высокой территории поля УД + гуну поставлены. Надзиратель Лушара". Она, очевидно, входила в состав тех таблеток, которые заполняли корзину с документами, запломбированную вышеописанной буллой. 2) Ник. II, № 92. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Илпаэ и Урнинсу (за) 12 месяцев здесь находятся. От I месяца до XII месяца Уммы 5-го года Гимильсина". Полагаю, что текст буллы, формулированный таким образом, подчеркивал значение

содержащихся в корзине документов не как основу „произведения расчетов" надзирателем, а как основу для оправдания расходов силы, вверенной ему команды работников. Из 2 чиновников, названных в тексте буллы, Идпаэ часто встречается в первичных документах, посвященных операциям с рабочей силой. Мы встретим его и в тексте булл собрания Гос. Эрмитажа. Второй из чиновников Урнинсу являлся, как мы видели, составителем одной из изданных сводок (№ 5 списка), датированной 2-м г. Гимильсина. 3) Ник. II, № 96. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Лудугга сыну Хемаду (за) 12 месяцев здесь находятся, 5-й год Гимильсина". Лудугга сын Хемаду, упомянутый в булле, является, вероятно, тождественным с заведующим хозяйством (нубанда гуд) Лудугга, который, согласно сводке Урнинсу (столб. 1,5) от 2-го Гимильсина, утвердил за составителем сводки несколько работников. 4) Эрм., № 7894. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Аббашиг заведующему хозяйстзом (нубанда гуд) за 12 месяцев здесь находятся, 5-й год Гимильсина". Заведующий хозяйством Аббашиг упоминается в таблетке из Уммы 2-го г. Ибисина (Фиш., № 800). 5) Эрм., № 7599. „Корзина с документами. Произведение расчетов с рабочей силой команды (эринна) Идпаэ сына Аабба здесь находится. 4-й год Гимильсина". Идпаэ сына Аабба я пока не встречал в другой таблетке, но он будет тождественным одному из надзирателей или заведующих хозяйством по имени Идпаэ, которые неоднократно упоминаются документами хозяйственной отчетности из Уммы. Согласно Губер, это имя в Лагаше не засведетельствовано. 6) Эрм., № 7832. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Урлугал, заведующему хозяйством (нубанда гуд) (на) 11 месяцев, здесь находятся, начиная со II месяца и кончая XII месяцем Уммы. 7-й год Гимильсина". Надзиратель Урлугал нам известен по данным архива Уммы, а таблетка Эрм., № 7787, в надписи которой надзиратель Урлугал посылал 2 гуруш на работы по речному транспорту, входила наверное в состав корзины, запломбированной буллой Эрм., № 7843, поскольку и она была датирована 7-м годом Гимильсина. 7) Эрм., № 7892. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Лушара сыну Лугалемахэ (на) 11 месяцев, здесь находятся, начиная со II месяца и кончая XII месяцем Уммы. 7-й год Гимильсина". Надзиратель или заведующий хозяйством Лудингирра упоминается в архиве Уммы, но Лудингирра сына Лугалемахэ я встречаю здесь впервые. 8) Эрм., № 7410. „Корзина с документами. Произведение расчетов с рабочей силой команды дополнительной (эринн диригга) и надзирателем Лушара сыном Дугга (на) 14 месяцев, начиная с I месяца Уммы 6-го года Гимильсина, кончая I месяцем 7-го года Гимильсина, здесь находится". Из этого документа мы узнаем очень любопытную вещь, что велись специальные расчеты с той рабочей силой, которая предоставлялась надзирателю дополнительно, вероятно, к концу отчетного года. Надзиратель Лушара сын Дугга пока не встречался в известных мне таблетках архива Уммы. 9) Эрм., № 7598. „Корзина с документами. Документы, выданные по рабочей силе команды (эринна) Идпаэ, заведующим хозяйством, (на) 11 месяцев здесь находятся". Мы и здесь наталкиваемся на Идпаэ, чиновника, имя которого пестрит на документах хозяйственной отчетности Уммы.

Я завершил список известных мне булл с корзин, содержавших таблетки, посвященные операциям с рабочей силой, но может быть следует причислить к документам этого порядка и те буллы, в которых

отсутствует упоминание „рабочей силы команды (а эррина)". Для примера я мог бы привести КБ, № 66: „Корзина с документами. Произведение расчетов Аббагиной здесь находится. 6-й год Гимильсина". Чиновник Аббагина нам хорошо знаком по документам из Уммы, а упоминание „рабочей силы команды (а эррина) выпадало и в некоторых выше приведенных сводках надзирателей, как, например, в сводке № 4 списка: „Произведение расчетов Лугальгудэ, заведующим хозяйством". Если с данным моим предположением можно согласиться, то число документов, свидетельствующих о длительной и непрерывной работе непосредственных производителей в больших хозяйствах позднего Сумера, еще более увеличится (напр. буллы Ник. II, №№ 93, 94 и 96). Вместе с тем я отнюдь не намерен настаивать на моем последнем предположении, поскольку число основных источников, доказывающих мой тезис об отрыве от средств производства большой части работников царского хозяйства и без того велико и не ограничивается, как утверждала критика, одним лишь документом.

IV

Критика пыталась опровергнуть мой вывод из сводки надзирателя Лугальгудэ (см. № 4 списка) о непрерывной работе в течение 13 месяцев 24 пахарей указанием на то, что последние не являлись постоянными работниками, а являлись сменяющими друг друга общинниками, которые в числе 24 человек представлялись каждый день Лугальгудэ одной из сельских общин из общего числа трудоспособных ее представителей. Подобное предположение, казалось, могло найти свое подтверждение в том факте, что в сводке Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина мы не имеем письменного списка 24 пахарей и их сыновей. Уже в 1934 г. я указывал в моем исследовании, сопутствующем перевод указанной сводки надзирателя Лугальгудэ, что отсутствие поименного списка 24 пахарей в сводке не дает нам права сопоставлять последнюю с документами нашего средневековья, свидетельствующими о барщинных формах эксплоатации. Действительно, против подобного сопоставления говорит уже тот факт, что в строке 31 столбца IX сводки Лугальгудэ назван по имени один из работников партии Арадшара в связи с указанием его болезни в течение 45 дней. Среди первичных документов мы находим ряд таблеток, тщательно отмечавших длительность болезни того или другого названного по имени работника (напр.: Ник. II, №№ 170, 171 и 172; СТД, №№ 153, 154, 156, 157, 167, 194; Эрм., № 7420 и др.). Мы имеем первичные документы, представлявшие сведения о времени смерти поименованных в них работников (напр., Ник. II, 173, 174 и др.). Мы находим указание на смерть работника и в сводках надзирателя (напр. в сводке собр. Эрм., № 11 списка, 1 столб., 9 стр.). Подобная регистрация момента смерти или продолжительности болезни определенного именем работника со стороны чиновничьего аппарата царского хозяйства не имела бы никакого смысла, если бы партии гуруш надзирателей состояли не из определенных, постоянно работавших лиц, а лишь из определенного числа постоянно меняющихся представителей той или другой общины. В таком случае для надзирателя партии гуруш была бы безразлична болезнь или смерть того или другого его работника, поскольку община была обязана заботиться о немедленном замещении заболевшего или умершего работника. Во всяком случае имя заболевшего работника его не должно было интересовать. Если же надзиратель Лугальгудэ

назвал по имени своего заболевшего работника, то из этого можно сделать весьма вероятный вывод, что его 24 пахаря работали у него непрерывно, не меняя своего состава, весь год. Данный вывод подкреплялся еще и тем, что и в последующем тексте своей сводки Лугальгудэ называл некоторых из своих гуруш по имени. Так в столбце X, 5—9 мы читаем: „1 (гуруш) Лугальзиму на 4 месяца рабочая сила его 120 дней. Страж помещения жизни (вероятно „жизненных припасов"). Печать Лудингирра". Очевидно, „стражу помещения жизни" Лугальгудэ предоставил на 4 месяца своего работника Лугальзиму. В первичном документе Эрм., 7703, надзиратель Лугальигихуш предоставляет „стражу помещения жизни" своего работника Шешкалла тоже на $3\frac{1}{2}$ года. Нам известны и другие первичные документы, закрепляющие передачу того или другого работника „стражу помещения жизни" (Эрм., № 7703, ДДТ, № 324, Фиш, № 567 и СТД, 183). Вообще нам известны многочисленные первичные документы о передаче отдельных работников на продолжительные сроки тому или другому лицу (напр. СТД, 160, 161, 162, 164 и т. д., Эрм., 7431, 7489, 7567, 7582, 7617, 7621 и т. д.). Они находят свои соответствия в сходных передачах отдельных работников, засвидетельствованных в других известных нам сводках надзирателей. Возвращаясь снова к сводке Лугальгудэ от 4-го года Пурсина мы найдем в столбце X, 14—22 поименный список 6 работников его партии: „$\frac{1}{2}$ (рабочей силы) Арадхула, $\frac{1}{2}$ Лунинурра, $\frac{1}{2}$ Лушара, $\frac{1}{2}$ Луининни, $\frac{1}{2}$ Лугина брадобрей, $\frac{1}{2}$ Лугальмурубэ. На 4 месяца. Рабочая сила их 360 $\left(6\times4\times\frac{30}{2}\right.$ дней.$\left.\right)$ Рабочая сила дней отрыва (от партии работников Лугальгудэ) „в качестве сыновей". Ниже я объясняю и термин „день отрыва" и выражение „в качестве сыновей", а сейчас я хочу подчеркнуть, что данный поименный список работников нам бесспорно указывает на реальность „24 пахарей и их сыновей" (столб. 1, 1 текста) сводки Лугальгудэ, как определенных лиц, работавших непрерывно, не сменяясь, целый год под надзором названного надзирателя. Правда, для историка, соглашающегося с данным выводом, все же остается недоуменный вопрос, почему в сводке надзирателя Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина не дается в начале поименный список его „пахарей", в то время как в других сводках мы находим поименный список работников. На этот недоуменный вопрос я ответил уже в 1934 г.[1] указанием, „что отчитывающиеся надзиратели избегали ради экономии своей работы перечислять поименно вверенных им работников, если состав последних был более или менее постоянным. В тех же случаях, когда состав партии работников надзирателя менялся или он распылял ее по партиям других надзирателей, то тогда он тщательно перечислял в вводной части имена своих работников, как это имело место в отчетах надзирателей в таблетках №№ 5674, 6036 и отчасти 5675 ТЭО". Высказанное мной в 1934 г. предположение нашло свое полное подтверждение в тексте, изданном в 1937 г. американским сумерологом Г. Г. Хакманом в публикации храмовых документов III династии Ура из Уммы. Данный большой текст, № 272 публикации, содержал около 250 строк в десяти столбцах. К сожалению, он местами сильно фрагментирован, причем пострадал и конец текста, содержавший имя чиновника, составителя документа: „... гуд-э заведующий хозяйством (нубанда гуд)". Невозможность восстановления имени этого заведующего хозяйством была бы чрезвычайно досадна, ибо № 272 издания Хакмана является одной из интересую-

[1] ПИДО, 1934 № 7—8, стр. 216 б, прим. 4.

щих нас сводок надзирателя партии гуруш, как я уже выше установил, включив его под № 3 в составленный мной список текстов-свидетельств о продолжительности непрерывного труда работников царского и храмового хозяйства. К счастью, мы можем восстановить со всей бесспорностью полуразрушенное имя заведующего хозяйством, составившего документ Хакм., 272. Дело в том, что мы встречаем здесь тот же поименный список 6 работников, который мы нашли в сводке надзирателя Лугальгудэ. Следует отметить, что имена перечислены в том же порядке и в Хакм., 272 и ТЭО, 5675, а также почти полную тождественность контекста и тут и там. Сопоставление соответствующих строк обоих текстов доказывает со всей очевидностью почти полное совпадение их содержания:

ТЭО, 5675, X, 14 сл.	Хакм., 272, IX, 5 сл.
(14) 1/2 /силы работника/ Арадхула	(5) 1/2 Арадхула
(15) 1/2 Лунинурра	(6) 1/2 Лунинурра
(16) 1/2 Лушара	(7) 1/2 Лушара
(17) 1/2 Луининни	(8) 1/2 Луининни
(18) 1/2 Лугина брадобрей	(9) 1/2 Лугина брадобрей
(19) 1/2 Лугальмурубэ	(10) 1/2 Лугальмурубэ
(20) На 4 месяца	(11) На 3 месяца
(21) Рабочая сила их 360 дней	(12) Рабочая сила их 240 дней
(21) Рабочая сила дней отрыва	(12) Рабочая сила дней отрыва
(22) В качестве сыновей	(13) В качестве сыновей

Отличие в сроке отрыва указанных 6 работников от своего отряда (4 месяца в ТЭО, 5675 и 3 месяца в Хакм., 272) было обусловлено, очевидно, тем, что сводка ТЭО, 5675 обнимала время в 13 месяцев, а сводка Хакм., 272, лишь время в 12 месяцев. Во всем другом содержание процитированных строк обоих документов было абсолютно идентичным, поэтому я имею полное право утверждать, что оба документа восходят к одному и тому же составителю. Полуразрушенное имя составителя документа Хакм., 272, X, 22 „... гуд-э“ отнюдь не противоречит этому утверждению. В разрушенном начале строки X, 22, знак „лугаль“, первый элемент имени составителя сводки ТЭО, 5675 „Лугальгуд...“, может быть без какого-либо затруднения восстановлен. Он без остатка заполняет собой лакуну. Мало того, полуразрушенное имя Хакм., 272, X, 22, дает нам возможность окончательно и бесспорно восстановить целое фонетического облика имени составителя сводки ТЭО, 5675. Дело в том, что самый последний знак, входивший в состав его имени в этом документе (столб. XI, 7) почти совсем разрушен. От имени его, строго говоря, сохранились здесь с абсолютной несомненностью лишь „Лугальгуд—...“ Последний знак „э“ был восстановлен по аналогии с именем Лугальгудэ, встречающимся в ряде других текстов (см. ниже). Н. Шнейдер еще в своем исследовании 1935 г. определяет документ ТЭО, 5675, как „произведение расчетов чиновника Лугаль-гуд...“[1] Теперь же мы можем, путем сопоставления конца имени „-гуд-э“ в Хакм., 272, X, 22 и начала имени „Лугальгуд“ — в ТЭО, 5675, XI, 7, восстановить имя составителя обоих документов безоговорочно — как „Лугальгудэ“. Установленный нами факт авторства чиновников Лугальгудэ также и сводки Хакм., 272, не замеченный автором издания, получает тем большее значение для историка, что документ датируется 3-м г. Пурсина, т. е. непосредственно предшествует сводке ТЭО, 5675, датированной 4-м г. Пурсина.

[1] Мисц. Ор., стр. 292.

Мы можем, таким образом, проследить с помощью данных двух документов историю одного отряда работников царского хозяйства города Уммы эпохи III династии Ура на протяжении двух лет, а это представляет, конечно, для исследователя организации труда в позднесумерийском обществе большой интерес. Действительно, на основании свидетельства данных двух отчетов Лугальгудэ мы можем установить тот для нас весьма существенный факт, что отряд его работников в течение двух лет в основном не менял своего состава. Мы видели выше, что и в 3-м и в 4-м г. Пурсина Лугальгудэ мог назначать одних и тех же работников на работу „дней отрыва" („уд габ").

Поскольку вопрос об определении характера „дней отрыва" имеет немалое значение для решения проблемы об организации труда в сумерийском обществе, то я должен остановиться несколько на анализе материала, которым я располагаю о „днях отрыва". Впервые с этим термином познакомился, кажется, А. Деймель при издании таблетки № 41 собрания Венглер.[1] В начале названного текста мы читаем: „6611 гим на 1 день. Рабочая сила размалывания муки (зид-хар-а). Рабочая сила дней отрыва их: 248". Деймель оставляет термин „дни отрыва" без интерпретации, ограничиваясь указанием на то, что „число дней габ" каким-то образом связано с числом 6611, поскольку говорится „рабочая сила дней отрыва их". С только что приведенной таблеткой перекликается таблетка Эрм., 7948 от 46-го г. Шульги, отмечавшей также человекодни работниц — гим: „4065 гим на 1 день. Рабочая сила размалывания муки. Рабочая сила дней отрыва их". Число „дней отрыва" таблетка не дает. Женульяк встретил термин „дни отрыва" в изданных им в 1922 г. сводках надзирателей. В кратком резюме (1924 г.) содержания этих документов французский сумеролог переводит интересующий нас термин под знаком вопроса, как „дни отдыха".[2] Я пытался интерпретировать любопытное выражение „дни отдыха" („уд габ") уже в моем исследовании 1934 г.[3] и продолжал работать над ним вплоть до последнего времени. Полагаю, что под „днями отрыва" надо понимать то время, в течение которого работник выходил из состава своего отряда. В сводках надзирателей отрядов работниц, изданных Женульяком, можно установить некоторое определенное соотношение между общей суммой человекодней отряда и его числом „дней отрыва". Так в ТЭО, 5669, 1, 1—7 мы читаем: „36 гим, начиная с 1 месяца до XII месяца Уммы. Рабочая сила их 12960 дней для общей суммы. 2160 (дней) рабочая сила дней отрыва". Число же „2160", соответствующее в данной сводке „дням отрыва" 36 гим, трудившихся 12 месяцев, является шестой частью суммы человекодней 36 гим за год, т. е. 12960:6=2160. „Дни отрыва" гим в сводках надзирателей ТЭО, 5668 и 5670 составляют также шестую часть общей суммы человекодней их рабочих отрядов. В сводке же ТЭО, 5665, термин „дни отрыва" заменен даже дробью „$^1/_6$" и в строках 15—17 лицевой стороны таблетки мы имеем следующее исчисление: „3344 гим на 1 день. Рабочая сила размалывания муки. $^1/_6$ их $557^1/_3$" (т. е. 3344:6). Наверное, эти „дни отрыва" работниц (гим), засвидетельствованные ТЭО, 5665, 5668, 5669 и 5670 и составляющие 5 дней в месяц, соответствуют дням женской болезни, когда они с точки зрения сумерийца были нечистыми и их нельзя было поэтому допускать до какой-нибудь работы. „Дни отрыва" гим могли исчисляться еще и иным спо-

[1] Op. 2, стр. 68.
[2] Баб. VIII, стр. 43.
[3] ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 217, прим. 217.

собом, по крайней мере в одной из двух сводок надзирателей отрядов гим издания СТА, а именно СТА № 2, число „дней отрыва" (столб. III, 5—7) равняется примерно двенадцатой части общей суммы человекодней работниц, трудившихся 13 месяцев. К сожалению, в автографию публикации при передаче данного числа „дней отрыва" вкралась, несомненно, некоторая неточность. Во второй из сводок названной публикации (СТА, № 5) число „дней отрыва" работниц является примерно одной шестой общего числа человекодней (столб. II, 11—17). Кроме того, мы находим в этом документе (столб. I, 24—II, 1) указание еще на какую-то „одну пятую" некоторых из слагаемых общей суммы человекодней работниц надзирателя Лудингирра, составителя обоих сводок СТА, „5563 гим на 1 день. $^1/_5$ его 1112 $^2/_3$". „Одна пятая" упоминается и в следующих строках, но в разрушенном контексте. Более детальное исследование этих двух интереснейших документов СТА (№ 2 и 5) я здесь дать не могу, хотя они, несомненно, этого заслуживают.

Переходя теперь к вопросу о „днях отрыва" по отношению к работникам, к гуруш, следует указать, что „дни отрыва" работников-гуруш засвидетельствованы не только в сводках, но и в одном из первичных документов, в таблетке Хакм., 344 от 40-го г. Шульги. Текст начинается с упоминания числа „дней отрыва": „1104 гуруш на 1 день. Рабочая сила дней отрыва. 360 гуруш на 1 день в городе Адукка поставлены. 360 гуруш на (поле) Мушбианна поставлены". Упоминание „дней отрыва" находим как в вышеупомянутых сводках надзирателя Лугальгудэ, так и в сводке заведующего хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу (ТЭО, 5676). Мы находим здесь, как и в сводке Лугальгудэ, в конце документа (столб. XII, 6—15) поименной список 6 гуруш в связи с „днями отрыва": $^1/_2$ Луниншубур, $^1/_2$ Лугальемахэ (сын) Урдумузида, $^1/_2$ Лугальдага, $^1/_2$ Лушара, $^1/_2$ Луниншубур второй, $^1/_2$ Аакалла сын Лумене на 4 месяца. Рабочая сила их 360 дней. Рабочая сила дней отрыва в качестве сыновей". Следует отметить, что в сводках гуруш, как Лугальгудэ, так и Урнинсу, особо от „дней отрыва" гуруш отмечались „дни отрыва" носильщиков, которые работали вместе с гуруш отряда данного надзирателя. Исчисление „дней отрыва" носильщиков следовало непосредственно за „днями отрыва" гуруш; так в отчете Урнинсу мы читаем (столб. XII, 16—20): „36 гуруш на 1 день. Рабочая сила дней отрыва носильщиков на 4 (?) месяца, начиная с X месяца, кончая XII месяцем Джохи". В сводках, посвященных специально отчету о труде носильщиков „дни отрыва" перечислены в начале документа после указания общей суммы человекодней, которыми располагал данный надзиратель. (См. сводку ДДУ, 85, с № 7 списка, столб. III, 5—7, и сводку ТЭО, 5674, № 6 списка, столб. III, 22—23). В громадном документе ТЭО, 6036, № 9 списка, отчете заведующего мастерской по плетению корзин работники названы „носильщиками" (столб. II, 41) и здесь также „дни отрыва" отмечены после общей суммы челозекодней (столб. III, 16 сл.). Перед тем, как перейти к посильному объяснению термина „дни отрыва" по отношению к работникам-мужчинам, я хочу разъяснить значение „дней отрыва в качестве сыновей", которые мы встретили в сводках и Лугальгудэ и Урнинсу. Данное выражение отнюдь не указывает на то, что группа в 6 работников, переименованных в указанных сводках, являлись подростками, получавшими зерновое довольствие в полозинном размере. В отчете Урнинсу было отмечено в начале (столб. I, 12 сл.), что все 6, вышеперечисленных в связи с „днями отрыва", работников, получали полное зерновое довольствие, т. е. были взрослыми мужчинами. В сводках ТЭО, 5674 (столб. III, 5 сл.)

и 6036 (столб. III, 13, 16, 19, 22) мы также находим указание, что работники, связанные с днями отрыва, были не подростками, а взрослыми мужчинами. Поэтому надо интерпретировать выражение „дни отрыва в качестве сыновей" по отношению к тем или другим работникам лишь в том смысле, что последние посылались на полдня на работы, на которых они трудились в течение определенного срока. Тем самым они уподоблялись „сыновьям", т. е. подросткам, рабочая сила которых приравнивалась по эффективности своей работы половине дня взрослого человека. Остается теперь решить, для каких же работ „отрывались" некоторые из гуруш или носильщиков от своих отрядов. Полагаю, что решить данный вопрос можно путем привлечения двух любопытных текстов, которые были изданы в ДДУ, 88 и ТЭО, 6038. Близость этих двух текстов друг к другу устанавливается древним их названием, которое давалось, как известно, сумерийскими писцами не в начале, а в конце документа. Из заключения обоих указанных текстов мы узнаем об определении их содержания и также о их датировке. В конечных строках первого из названных документов, который является значительно большим по объему, нежели второй, мы читаем (столб. XIII, 25—29) следующее: „команда работников (эрин) для выгрузки (бал), выходящая (е-е) в Умме. 5-й год царя Пурсина". В заключении второго из документов (столб. X, 1—4) мы находим почти тождественное определение содержания: „команда работников (эрин) для выгрузки (бал), выходящая (е-е) в Адукка. 7-й год царя Пурсина". Следовательно, оба текста посвящены исчислению состава двух команд работников, названных „выходящими", причем команда первого документа пребывала в самой Умме, а команда второго — в Адукка, городе, находившемся вблизи Уммы. Поскольку команда работников ДДУ, 88 пребывала в самой Умме, то и определение ее в качестве „выходящей" не может быть связано с „выходом" ее из города Уммы, а должно быть объяснено каким-нибудь иным способом. Переходя к описанию основного текста обоих документов, мы должны отметить, что громадная, но, к сожалению, несколько фрагментированная таблетка ДДУ, 88, на 13 столбцах перечисляет поименно сотни гуруш, разделенных на возглавленные надзирателями отряды. Конечный итог списка дает 913 гуруш. Таблетка ТЭО, 6038, меньшая, как уже сказано, по объему, дает поименный список 233 $^5/_6$ гуруш на 10 столбцах текста. Особенностью обоих этих списков является тот факт, что в них были перечислены гуруш таких специальностей, которые в других известных пока документах хозяйственной отчетности почти не встречаются, а именно рыбаки и пастухи. Действительно, в многочисленных документах, посвященных работе лиц, трудившихся в больших хозяйствах Уммы и Лагаша, не упоминается рыбная ловля, а также и пастьба скота. Очевидно, и рыбаки и пастухи находились по характеру своего труда вне организации, ведавшей людом, трудившимся в основном зерновом царском хозяйстве Уммы и Лагаша. Специальные же архивы, ведавшие рыбаками и пастухами, остаются, очевидно, пока неизвестными. Поэтому нас не может не поразить упоминание в двух вышеуказанных таблетках ДДУ, 88 и ТЭО, 6038 сравнительно большого количества рыбаков (ДДУ, 88, 320—339 и ТЭО, 6038, столб. VII, 7—33) и пастухов (ТЭО, столб. V—VI), наравне с прочими гуруш. Среди последних, я полагаю, можно установить и некоторых гуруш, входивших в состав тех отрядов, труд которых был зафиксирован в одной из вышеперечисленных годовых сводок надзирателей. Так, я полагаю, что один из носильщиков, упомянутый в незаконченной сводке ДДУ, 85 (№ 7 списка), а именно „Лугальгишгирри сын Гирни" (столб. II, 4) тожде-

ствен с „Лугальгишгирри сыном Гирни", названным ДДУ, 88 (столб. XIII, 13—14). Возможно, что и 3 из 6 гуруш отряда Лугальгудэ, отдававших известную часть своей „рабочей силы" „днями отрыва", упоминаются среди „команды работников для разгрузки, выходящей в Умме", поименного списка ТЭО, 6038. Мы находим здесь среди гуруш, которые не являются ни пастухами, ни рыбаками, имена Арадкула (столб. II, 9). Лунинура (столб. IV, 30) и, наконец, Лугальмурубэ (столб. VIII, 24). Конечно, подобное сопоставление может быть оспариваемо, поскольку мы не имеем здесь тождества имени и отчества, как в вышеприведенном случае с Лугальгишгирри сыном Гирни. Поэтому не настаивая на данном отождествлении, я убежден в том, что поименные списки ДДУ, 88 и ТЭО, 6038, охватывающие работников зернового, скотоводческого и рыболовного секторов царского хозяйства Уммы, называют их „выходящими" потому, что они „выходили" на время из состава своих секторов, чтобы объединиться с другими работниками для выполнения общегосударственных, общественных работ. При такой интерпретации термина „выходящий" ДДУ, 88 и ТЭО, 6038, сближается с термином „дни отрыва", применяемом по отношению к работникам-мужчинам. Последние „отрывались" от своих отрядов и от своего зернового, сельскохозяйственного сектора на определенный срок, чтобы принять участие в общественных работах, которые имели общегосударственное значение. Возможно, что в одной из таблеток Иэльского университета (Хакм. 74) от 7-го г. Пурсина сохранилось свидетельство об отправлении 12 гуруш на общественные работы по выгрузке. Контрагентами выступают здесь „рыбак" надзиратель Урсин и чиновник зернового хозяйства Урмикисаль. Вполне понятно, что царь или его наместник требовали для подобных работ наиболее сильных и крепких людей. Вспомним хотя бы приказ царя Хаммурапи своему наместнику Синидиннаму о посылке команд носильщиков, в котором он требует от своего сановника (ББ, 48): „среди той команды носильщиков не должен находиться ни один малосильный, ни старик и ни ребенок, посылай только сильных мужчин!". Поэтому и Лугальгудэ выделял в 3-м и 4-м гг. Пурсина из среды своих 24 пахарей определенную группу из 6 человек, очевидно, наиболее сильных мужчин.

Если же Лугальгудэ мог из года в год выделять из своего отряда одну и ту же группу работников, то из этого следует, что он располагал отрядом гуруш, состав которого был более или менее постоянным, а не отрядом постоянно сменявшихся лиц, которые предоставлялись ему в определенном количестве какой-нибудь из сельских общин. Отрядом работников с устойчивым составом руководил и Урнинсу, судя по его сводке (№ 5 списка). Подобным же отрядом располагал, очевидно, и надзиратель Уршульпае, который согласно документам СТД, 175 и 180 два года подряд, в 5-м и в 6-м гг. Пурсина, передавал на 9 месяцев некоему чиновнику Иран работника Лугальибгул. Весь этот материал может быть, конечно, увеличен путем дальнейших публикаций. Надеюсь, что и то, что я привел, является достаточным для того, чтобы опровергнуть один из основных доводов критики против моих выводов 1933 г. из сводки надзирателя Лугальгудэ в ТЭО, 5675.

V

Доказав непрерывность работы пахарей Лугальгудэ под его руководством, я, строго говоря, уже в сильнейшей степени ослабил и другой аргумент критики моего вывода о рабском положении пахарей названного

надзирателя. Как выше сказано, критика не находила в сводке надзирателя Лугальгудэ ни одного слова о довольствии его 24 пахарей, а раз они не получали довольствия, то, утверждала критика, у них были свои средства производства, являвшиеся источником их существования. Я полагаю, что теперь после сопоставления сводок Лугальгудэ от 4-го и 5-го гг. Пурсина критика должна найти немало слов о довольствии 24 пахарей рабочего отряда названного надзирателя. Действительно, если пахари Лугальгудэ работали непрерывно под его руководством, то они должны были получать довольствие из царского хозяйства. Сумерийское общество в эпоху III династии Ура успело достигнуть такой ступени производства и такого неравенства в распределении, что не только в небольшом частном хозяйстве, но и в большом царском и храмовом хозяйстве оно могло приготовить как материал и орудия труда, так и средства для пропитания рабов.

Поразительная сложность аппарата и налаженность контроля в царском хозяйстве Уммы и Лагаша засвидетельствованы рядом документов. В особенности рельефно выступает мощь хозяйственного аппарата при воссоединении генетически связанных между собой документов хозяйственной отчетности, но разъединенных друг от друга судьбами своей новой жизни, начавшейся с момента извлечения их из недр земли. Используя данные содержания, имен, титулов, социальных терминов, локализации и датировки изучаемых текстов можно установить генетическую связь между документами, разбросанными по музеям весьма отдаленных друг от друга стран. Конечно, при таком сопоставлении следует избегать поспешных выводов. Так, например, мы находим в таблетке из Уммы одного из монастырских музеев Барселоны некоего работника Адалал, поставленного на ряд месяцев в качестве „стража“ (эннy). Она датируется 2-м г. Гимильсина (см. ДДТ, 228). В таблетке от 8-го г. Пурсина музея Калифорнийского университета (Лутц 1, 42) упоминается также „страж“ Адалал. Весьма заманчивым казалось бы отождествление „стража“ Адалала, засвидетельствованного столь близкими по времени таблетками. К сожалению, это отождествление невозможно, ибо таблетка из музея Калифорнийского университета должна быть локализована Дрехемом около Ниппура, поскольку здесь упомянут столь часто встречающийся в дрехемских документах чиновник Аббашагга.

При учете же максимального количества моментов сближения историк сможет путем установления подлинной генетической связи нескольких до того как пространственно, так и научно-исследовательски разъединенных документов получить ценные результаты для истории и экономики Сумера конца III тысячелетия до н. э. Так прекрасно сохранившаяся таблетка Ник. II, 236 от 1-го г. Пурсина, лучший документ по полевому хозяйству Уммы этой эпохи, должна и может быть без каких-либо колебаний сопоставлена с таблеткой Хакм., 277, которую издатель причисляет по ее необыкновенному содержанию к наиболее замечательным текстам своей публикации. Таблетка ТЭО, 6039 от II месяца Уммы 5-го г. Пурсина, содержащая поименный список около 250 „военнопленных“ женщин и детей, находит свое продолжение в таблетке Ник. II, 329 от VII месяца Уммы того же Пурсина, содержащая также реестр поименно перечисленных 47 военнопленных женщин и детей. Имена последних названы в большом списке ТЭО, 6039. Совместное изучение обоих документов выявляет во всей конкретности предельную жестокость рабовладельческого общества Сумера III династии Ура. Сопоставление таблетки ГДД, 382 Берлинского музея от 8-го г. Пурсина с таблеткой Хакм. 8 Иэльского

университета от того же года познакомит историка с положением тех непосредственных производителей, которые имели еще свои земельные наделы, правда, лишь мельчайшие, размером в одну треть гектара. Одного из этих людей, перечисленных в обоих названных таблетках, а именно Акаллу, сына Урлумаха, мы встречаем еще в третьем документе — в таблетке СТД, 150 также из собрания Иэльского университета, но изданной еще в 1919 г. Согласно данному документу Акалла сын Урпумаха во 2-м г. Пурсина не владел еще своим крошечным наделом, по крайней мере он был отдан на длительный срок (больше года) надзирателем Урмесом на постороннюю работу. Таким образом, мы можем проследить судьбу труженика царского хозяйства города Уммы Акаллы, сына Урпумаха, умершего 4000 лет тому назад.

О представителях господствующего класса архивы Уммы и Лагаша дают нам, как это вполне понятно, значительно более обильные сведения. Так, ряд изданных текстов и один неизданный из собрания Гос. Эрмитажа так или иначе связан с неоднократно упомянутым Лугальгудэ, составителем сводок ТЭО, 5675 и Хакм., 272. Лугальгудэ был сравнительно крупным чиновником царского хозяйства Уммы, получавшим довольствие ячменем в год от 30 гуров, т. е. около 5400 кг (ТЭО, 6050) до 60 гуров, т. е. около 10800 кг (Лутц 1, 72). Своему сыну Урнумушда он также мог обеспечить хорошее положение в чиновничьем аппарате царского хозяйства Уммы, как об этом свидетельствуют таблетки Фиш, 584 и Лутц II, 97. Совокупность текстов, генетически связанных между собой личностью Лугальгудэ, способствует углублению исследования сложной и сравнительно точной работы чиновничьего аппарата большого царского хозяйства Уммы. Одним из самых замечательных текстов, упоминавших имя Лугальгудэ, не считая две составленные им сводки, является таблетка СТД, 242 с весьма своеобразным содержанием. Как лицевая, так и оборотная стороны таблетки разделены на 3 вертикальные и на 8 горизонтальных полос. Тем самым поверхность и лицевой и оборотной сторон таблетки распадается на 24 прямоугольника, соответствующие, судя по надписям лицевой стороны, отдельным участкам, на которые разбиваются 3 поля, входившие в состав территории Уммы: верхнее поле — Камари, среднее поле — Агештин и нижнее поле — царя. Поле Камари состоит из 3 горизонтальных полос. В каждом из 3 прямоугольников верхней полосы имеются надписи „жатва ячменя“ и отдельные довольно значительные числа, обозначавшие, очевидно, количество жнецов, использованных на этих участках. Надписи прямоугольников средней полосы поля Камари отмечали „сбор овощей“ и количество сборщиков. Надпись прямоугольников нижней полосы гласила: „(на) высоком поле поставлены“ и количество работников, поставленных на высоких участках поля Камари. Затем под каждым прямоугольником этой нижней полосы было указано имя поля „Камари“, а затем следовало указание 5-го г. Пурсина. Под датировкой надписи под правым прямоугольником нижней полосы названного поля отмечается имя надзирателя Башаг. Последний, очевидно, ведал в 5-м г. Пурсина правой вертикальной полосой поля Камари. Среднее поле, поле Агештин, располагало только 2 горизонтальными полосами; на первой была указана жатва ячменя, а на второй — сбор овощей, причем и тут и там было указано количество привлеченных работников. Нижнее поле, „поле царя“, обнимало собой, подобно полю Камари, 3 горизонтальных полосы: полосу зернового хозяйства, полосу огородничества и территорию высоких полей. Под названием „поле царя“ в левой вертикальной полосе дано указание 6-го г. царя Пурсина. В двух других вертикальных полосах

лицевой стороны оно отсутствует, но тем не менее, надо полагать, оно имеет отношение и к ним как дата составления таблетки. Под левой вертикальной полосой лицевой стороны таблетки читаем: „надзиратель Ургишгигир, па-ал (титул крупного храмового чиновника)". Имя чиновника под средней вертикальной полосой гласило: „Надзиратель Ургишгигир, заведующий хозяйством (нубанда гуд)". Под правой вертикальной полосой мы встречаем нашего старого знакомого „надзирателя Лугальгудэ". Последний заведует в противоположность своим двум товарищам, жрецу Ургишгигиру и заведующему хозяйством Ургишгигиру, меньшим участком. В 5-м г. Пурсина участок поля Камари, которым он „владел", согласно ТЭО, 5675, II, 30, в 4-м г. Пурсина, был у него отнят и передан надзирателю Башагу. За ним был оставлен участок „поля царя" и прибавлен соответствующий участок поля „Агештин". В связи с данным установлением следует отметить тот весьма существенный факт, что Лугальгудэ и в прошлом не был прикреплен к какому-нибудь определенному полю, но чуть ли не каждый год ему приходилось заведывать другим полем. Действительно, во 2-м г. Пурсина он ведал уборкой жатвы на поле Камари (Эрм., 8032), а в 3-м г. Пурсина он был связан с жатвой и прочей работой на отдельных высоких полях. Надо полагать, что Лугальгудэ не является исключением среди прочих надзирателей, и последние также не прикреплялись в течение ряда лет к одному и тому же полю. Отсутствие подобной „крепости" к полю не говорит в пользу того, что мы имеем дело в царском хозяйстве Уммы с общинными распорядками.

Этому предположению противоречит столь же определенно и другой вывод, который можем сделать из текста на оборотной стороне таблетки СДТ, 242. Как уже выше было сказано, оборотная сторона была также разделена на 3 вертикальные и на 8 перекрещивающих их горизонтальных полос. Эти полосы разделяли те же 3 поля (поле Камари, поле Агештин, поле царя), что и полосы лицевой стороны таблетки. Здесь, на оборотной стороне, названы также имена чиновников, правда, без титулов, но из других текстов мы узнаем, что они являются такими же надзирателями, как и вышеназванные жрец Ургишгигир заведующий хозяйством Ургишгирир, Башаг и Лугальгудэ. В противоположность последним, заведывавшим вертикальными отрезками полей, 8 чиновников, перечисленных на оборотной стороне — Лугальмурубэ, Лугальрани, Лугальемах, Урмес, Урэнлиль, Идпаэ, Лугальазалзу и Дадуму — заведывали горизонтальными отрезками 3 вышеназванных полей. Подобное перекрещивающееся заведывание как полями, так и рабочей силой было обусловлено со стороны верхушки администрации желанием создать наиболее эффективный контроль над действиями сложного чиновничьего аппарата в громадном царском хозяйстве. Все перечисленные в таблетке СТД 242, 13 чиновников, взаимно контролирующие друг друга, представляли собой в течение некоторого времени определенную, налаженную группу в среде остального чиновничьего аппарата. Об этом свидетельствует ряд текстов, как СТД, 232, 249, ТЭО, 6050; Лутц 1, 72, 95; Хакм., 111. Столь искусно организованный взаимный контроль представителей чиновничьего аппарата являлся необходимым в громадном и сложном хозяйстве царских и храмовых латифундий Сумера эпохи III династии Ура. В условиях же примитивного хозяйства конгломерата самостоятельных сельских общин подобный контроль был и не нужен и немыслим. Поэтому я имею основание утверждать, что в документе СТД, 242 мы имеем весьма убедительный аргумент в пользу определения царского хозяйства Уммы как хозяйства рабовладельческого типа.

Разбираемая таблетка СТД, 242, содержит в надписях на оборотной стороне очень существенное конкретное указание на то, каким образом 8 чиновников, перечисленных здесь, контролировали сведения, даваемые их товарищами — жрецом Ургишгигиром, заведующим хозяйством Ургишгигиром, надзирателем Башагом и Лугальгудэ. Я нахожу это указание в тех числах, которые были вписаны вместе с именами чиновников в каждый из прямоугольников оборотной стороны. В этих цифрах я вижу, как и в цифрах, сохранившихся на лицевой стороне таблетки, определение количества рабочей силы, использованной по уборке урожая полей местности Камари, Агештин и царского поля. При сопоставлении чисел лицевой и оборотной сторон бросается в глаза то обстоятельство, что цифры первой группы исчисляются сотнями, а цифры второй группы — лишь десятками. Так мы находим в левом верхнем углу лицевой стороны цифру „587", а в соответствующем прямоугольнике оборотной стороны цифру „71". Я полагаю, что подобное расхождение в числовых данных лицевой и оборотной сторон документа СТД, 242, объясняется весьма просто. Чиновники, заведывавшие вертикальными полосами полей, определяли использованную рабочую силу человекоднями, а чиновники, заведывавшие горизонтальными полосами полей, указывали на конкретное число работников, привлеченных к уборке урожая. Данное предположение находит свое подтверждение в применении делопроизводством больших хозяйств Сумера конца III тысячелетия двух резко отличающихся друг от друга видов документов, посвященных операциям с рабочей силой. Первый из двух типов документов отмечал, наряду с количеством гуруш или гим, и срок их работы, начиная с одного дня и дольше. Правда, документы, определявшие срок работы одним днем, указывали, как я это доказал уже в 1933 г., на число человекодней, а не на реальный срок работы привлеченных гуруш или гим. Несмотря на это, я включаю их в одну группу с документами, отмечавшими как количество гуруш или гим, так и реальный срок их работы, поскольку с точки зрения формальной все эти документы являются однородными. Для примера можно сопоставить следующие две таблетки, а именно Лутц II, 95 и ГДД, 192. Первая может служить образцом для документа, отмечающего реальный срок работы: „5 гуруш на 4 дня. Рабочая сила их 20 (гуруш) на 1 день. В Уммы баржу с рыбой бурлачить. От Даага Уреэ получил. 4-й год Гимильсина". Плохо видна откатка печати Уреэ. Вторая таблетка (Лутц II, 95) может служить образцом документа, указывающего число человекодней: „65 гуруш на 1 день. У воды поставлены. Поле Шарагугал. Надзиратель Лушара. Печать Агугу. 6-й г. Гимильсина". Мы видим, что оба документа близки друг к другу и формально и по существу, поскольку и таблетка ГДД, 192 может быть сведена к документу, отмечающему человекодни.[1] Большинство документов, отмечающих прямо или косвенно число человекодней, связано с гуруш работниками лишь одного надзирателя. Многие из этих документов датируются одним лишь именем года, без названия месяца, и никогда мы не найдем в них указания дня составления таблетки. Зато почти все таблетки, отмечавшие так или иначе человекодни, снабжались печатью чиновника, получавшего от надзирателя в свое распоряжение требующуюся ему рабочую силу. Чиновниками, скреплявшими своей печатью документы о предоставлении человекодней

[1] К соотношению между формулами „столько-то работников на 1 день" и „столько-то работников на столько-то дней" я буду говорить ниже в следующем разделе, где я буду говорить об отражении „первичных документов" в безличных сводках.

тем или другим надзирателем, были, как я полагаю, те 8 чиновников, которые были перечислены на оборотной стороне таблетки СТД, 242. Подобная мера, повидимому, требовалась для избежания каких-нибудь мошеннических проделок со стороны надзирателей отрядов работников. Она, несомненно, создавала условия весьма тщательного контроля. Последний же становился еще более действенным при применении в делопроизводстве второго вида документов, отличавшегося рядом существенных моментов от только что описанных текстов первого вида. Одной из особо специфических черт содержания документов второго вида является наличие в них формулы „иги-гар-аг," означающей в буквальном переводе: „глаза положения произведение". Ввиду специфичности этой формулы я предлагаю назвать такие тексты хозяйственной отчетности „иги-гар-аг" — „документы". В качестве образца их я приведу две весьма близкие по содержанию таблетки Хакм., 216 и 234:

Хакм., 216

14 гуруш надзиратель Гутар
13½ „ „ Рани
14 „ „ Лугальитуда
13 „ „ Ушму
9 „ „ Урамана
11 „ „ Башаг
6 „ „ Урмес
5 „ „ Луигишагшаг
иги-гар-аг корабля бурлачение из (поля) Акунбил. День 1 (может быть и „первый"), VI месяц Уммы. 46-й год Шульги.

Хакм., 234

15 гуруш надзиратель Башаг
8 „ „ Урмес
18 „ „ Рани
12 „ „ Ушму
4 „ „ Луигишагшаг
8 „ „ Урамана
13 „ „ Лугальитуда
15 „ 1 больной, надзиратель Гутар иги-гар-аг 1 корабля бурлачение из Ниппура (?) (в) Кунка... День 1 (или „первый) для приказа. VI месяц Уммы. 46-й год Шульги.

Переведенные два текста Иэльского университета перечисляют одних и тех же надзирателей и датированы одним и тем же годом и месяцем. С ними следует сопоставить две таблетки Берлинского музея ГДД, 303 и 305, которые близки по содержанию и датированы тем же 46-м г. Шульги. В ГДД, 303 перечислены 6 отрядов гуруш с их надзирателями, и имена этих последних перечислены все в таблетках Хакм., 216 и 234. За формулой „иги-гар-аг" следует „день 2" (или „второй"). Месяцем составления текста назван V месяц Уммы. Работой являлось бурлачение, как и в двух вышеприведенных текстах. В таблетке ГДД, 305 работой объявлена нагрузка корабля. „День I" (или „первый") стоит непосредственно перед указанием VII месяца Уммы. Из 7 надзирателей, перечисленных здесь вместе со своими отрядами работников, кажется 6 поименованы в Хакм., 216, 234 и ГДД, 303. Среди 21 надзирателя, которых встречаем в таблетке Конт. II, № 49, вместе с их партиями работников и работниц, мы находим также 6 из надзирателей, поименованных в Хакм., 216 и 234, и в двух названных берлинских таблетках. Текст Конт. II, 49, датирован тем же 46-м г. Шульги. Документ был составлен в III месяце Уммы, а за „днем" следует цифра „1". Работой, над которой трудился 21 отряд работниц и работников, являлось „сглаживание (земли) рукой в пальмовой (роще)", т. е. работа сельскохозяйственная. Я подчеркиваю сельскохозяйственный характер работы, отмеченный в „иги-гар-аг" документа Конт. II, 49, чтобы не создалось впечатления об исключительной связи формулы „иги-гар-аг" с текстами, посвященными работам по речному транспорту. Такое представление о связи формулы „иги-гар-аг" лишь с документами, посвященными работам на баржах и с баржами, мы имеем, кажется, в исследовании одного финляндского ассириолога от 1942 г. (Салон,

стр. 4—5). Здесь формула „иги-гар-аг" рассматривается как договор, который заключался заведующим речным транспортом с надзирателями партий работников. Для иллюстрации дается интерпретация таблетки ГДД, 303, согласно которой указание „день 2", следующее здесь в тексте, как выше видели, непосредственно за формулой „иги-гар-аг", понимается как срок, в течение которого работа, а именно бурлачение судна, должна быть произведена. С подобной интерпретацией таблетки ГДД, 303, нельзя согласиться. Противоречит ей тот факт, что за цифрой, определяющей день, следует не частица, переводимая нами „на", „для", а частица „кам", указывающая чаще всего на порядковый характер числительного, но во всяком случае не соответствующее частице „на", „для". Кроме того, сопоставление двух манчестерских таблеток (Бед., 56 и 57) доказывает с несомненностью, что в текстах, „иги-гар-аг" указание „день число-кам" означает не число дней работы, а лишь название дня месяца. Дело в том, что указанные две таблетки посвящены трудовым операциям одной и той же партии работниц одного и того же надзирателя в один и тот же месяц одного и того же года. В одной таблетке отмечается „день 10", а во второй таблетке „день 22". Поэтому исключается возможность интерпретировать данные таблетки, как сделки заключения договора на выполнение работы в столько-то дней названного месяца. Следует видеть в отметке „день число" и здесь, как и в других документах „иги-гар-аг" датировку текста. Тем самым отпадает и интерпретация формулы „иги-гар-аг" как заключение договора, и снова вступает в силу старый перевод формулы „произведение контроля" (Конт. II, стр, 88). Контроль, очевидно, производился органами высшей администрации, и поэтому документы „иги-гар-аг" не снабжались оттиском печати. Часто контроль производился над завершением работ, в которых принимали участие ряд партий работников или работниц. Иные из подобных комплексов партий работников продолжали существовать в течение некоторого времени, как это доказывается группами документов „контроля" („иги-гар-аг"): ДДИ, 43 и 44 или Пюпиль, 27, ДДУ, 63 и 65 и ГДД, 274. Мы находим неоднократно примеры контроля одного или двух надзирателей (напр. ГДД, 458; Хакм., 220 и 252). Контролю подвергалась работа гуруш (напр. ГДД, 374; ДДТ, 275), пахарей (ДДТ, 275), носильщиков (Хакм., 249 и 250), ткачей (Хакм., 247), работниц-гим (ГДД, 183; Фиш, 634), наемных людей (напр. Лутц II, 30; Фиш, 621; Хакм., 235). Документы „иги-гар-аг", т. е. „контроля", команды работников (эрин), т. е. реального числа работников, хранились в архивах, наряду с документами „исчисления рабочей силы команды работников", т. е. количества их человекодней (ср. буллу от 9-го г. Пурсина от корзины с документами „контроля команды работников (эринна)" (К. Б., 169).

Подобным контролем проверялось не столько израсходование рабочей силы, сколько израсходование того количества зерна, которое требовалось для довольствия, прокорма работников, трудившихся непрерывно в царском и храмовом хозяйстве. Введение в бухгалтерскую практику III династии Ура понятия человекодня было, несомненно, обусловлено стремлением упростить расчеты по получению зернового довольствия для работников, которые не обладали в глазах господствующего класса одинаково ценной рабочей силой. Писцы III династии Ура различали, наряду с целой единицей рабочей силы, еще $^5/_6$, $^2/_3$, $^1/_2$ и т. д. единицы рабочей силы. Гуруш, обладавшие производительностью в $^5/_6$, $^2/_3$, $^1/_2$ и т. д. рабочей силы получали и соответственно меньшее количество зерна. При столь большой

дробности единицы рабочей силы лишь понятие человекодня давало возможность быстро и точно установить нужное для надзирателя продовольствие. Применяя при исчислениях понятие человекодня, надзиратель отряда гуруш мог избегнуть тех неприятностей, которые грозили незадачливому египетскому писцу, если верить свидетельству известного папируса Анастаси, 1, 17, 5 сл. Сумерийский писец, как, например, вышеупомянутый Лугальгудэ, мог составить при этом условии вполне удовлетворительные отчеты, подводящие итог расхода рабочей силы или, говоря точнее, расхода зерна, необходимого для ее прокормления. Поэтому перечисление в отчете Лугальгудэ рабочей силы 24 пахарей, работавших 13 месяцев, на 9360 человекодней доказывало со всей очевидностью, что последние получали в течение всего указанного времени необходимые средства для своего личного воспроизводства. Тем самым теряет свою силу указание критики, „что в тексте (отчета Лугальгудэ) нет ни одного слова о довольствии этих пахарей".

Введение понятия человекодня и тесно связанного с ним понятия о рабочей силе свидетельствует о больших достижениях бухгалтерского искусства Сумерийской эпохи, немыслимых и ненужных в условиях примитивного хозяйства, вырастающего на основе конгломерата сельских общин. С другой же стороны, счетоводные операции с обезличенными человекоднями, а не с конкретными работниками, открывали широкие возможности для различных злоупотреблений и мошенничеств. К сожалению, сумерийские писцы были способны на подобные дела, как об этом свидетельствует грандиозный отчет о расходовании корма скота в царском хозяйстве Лагаша, ставший предметом исследования Н. Шнейдера.[1] Поэтому был установлен перекрестный контроль для чиновников, заведующих полями; было предписано снабжать каждый первичный документ об операциях с рабочей силой оттиском печати чиновника, получавшего от надзирателя некоторое количество человекодней. Стали применяться в целях проверочной записи особые документы „иги-гар-аг", т. е контроля, в которых не отмечалось количество человекодней, а реальное число работников, требовавшихся для той или другой работы.

Наконец, контроль находил свое окончательное завершение в поименных списках работников-гуруш и работниц-гим. Образец такого поименного списка гуруш дошел до нас в виде большой фрагментированной таблетки ДДТ, 295, перечислявшей на 4 столбцах отряды гуруш 4 надзирателей. Наличие подобных списков в делопроизводстве царского хозяйства Уммы делало излишним для надзирателя, располагавшего, подобно Лугальгудэ, отрядом гуруш постоянного состава, поименный список своих работников в начале отчета. В тех же случаях, когда у надзирателя ежегодно менялся состав его отряда, мы имеем месячные ведомости получения зернового довольствия той или другой партией гуруш (напр.: Эрм., 7581, СТД, 264 или гуруш и СТА, 15 и 16 для гим). В тех учреждениях царского хозяйства, как в мельнице селения Сагдана около Лагаша, где состав работников постоянно сменялся, составлялись ежедневные ведомости получения довольствия, как это доказал Н. Шнейдер.[2]

Полагаю, что мне удалось в достаточной степени убедительно показать всю сложность и точность бухгалтерского расчета и контроля в большом царском и храмовом хозяйстве Сумера конца III тысячелетия до н. э. Точность расчета и контроля были необходимы в большом

[1] АфО, IV, стр. 206 сл.
[2] АфО, III, стр. 121—2.

хозяйстве, которое велось с помощью многих сотен людей, оторванных от средств производства, и поэтому получавших свое довольствие. В хозяйстве, непосредственные производители которого были общинники или крепостные крестьяне-барщинники, подобные расчеты и подобный контроль были бы неуместны. Поэтому я имею право утверждать, что и этот раздел моего исследования подкрепляет мое положение о рабовладельческом характере царского хозяйства Сумера III династии Ура.

VI

В моих исследованиях 1933 и 1934 гг. я утверждал, что те 1348 $^1/_2$ работников (гуруш) на 1 день и 628 $^1/_3$ носильщиков на 1 день, которые были предоставлены Лугальгудэ 25 переименованными лицами, являются 1348 $^1/_2$ и 628 $^1/_3$ человекодней. Критика же утверждала, что это реальное число конкретных работников и что я моим утверждением „сделал тут грубейшую методологическую ошибку, оставив без внимания первичные документы и погнавшись за более или менее безличными сводками, которые, как хорошо известно, могут быть сплошь и рядом кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом". Может быть и в прошлом подобный упрек не был совсем справедливым. Я уже тогда указал, что в сводках мы находим те же имена чиновников, те же имена работников полей и т. д., что и в таблетках, посвященных единичным операциям с рабочей силой. Все эти данные с несомненностью нам доказывают, что сводки надзирателей рабочих партий, изданные Женульяком, не являются случайными документами, отображающими какое-нибудь неизвестное нам хозяйство, но, наоборот, входят в качестве неотъемлемой части в весь громадный комплекс десятков тысяч документов, дошедших до нас из хозяйственного архива г. Уммы. Изданные М. В. Никольским многочисленные таблетки, посвященные единичным операциям с рабочей силой, являются первичными документами по отношению к этим сводкам. Поэтому последние, изданные впервые Женульяком, и таблетки, фиксирующие единичные операции с рабочей силой, взаимно подкрепляют и пополняют друг друга".[1] Я мог столь решительно выступить с утверждением об органической связи сводок надзирателя с первичными документами, поскольку я уже тогда располагал материалом, доказывающим со всей определенностью конкретный, а не обезличенный характер сводок. Действительно, я мог для каждой из трудовых операций, включенных в изучаемые мною сводки надзирателей, найти соответствующую и убедительную параллель среди первичных документов. Мне даже посчастливилось встретить среди таблеток Эрмитажного собрания текст (Эрм., 7465), посвященный редко упоминаемой трудовой операции, но включенной тем не менее в сводку Лугальгудэ (ТЭО, 5675, V, 28, 25, 27, 41 и т. д.). Имя ее писалось знаком, фонетический эквивалент которого еще в 1935 г. не был установлен.[2] Женульяком был, наконец, издан (ТЭО, 6043) текст, посвященный пахоте и бороньбе, который был чрезвычайно близок, как он это сам заявил,[3] соответствующему разделу отчета Лугальгудэ (ТЭО, 5675, III, 7—V, 3). Все эти факты, казалось, говорили за то, что изучаемые мною отчеты надзирателей не являются „кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом". Правда, можно возразить, что все эти первичные

[1] Сб., стр. 500.
[2] Мисц. Ор., стр. 290 сл.
[3] Баб., VIII, стр. 49.

документы, являющиеся параллелями к тому или другому разделу сводки Лугальгудэ или Урнинсу (ТЭО, 5675) не восходят к авторству названных чиновников. Допустимо предположение, скажут критики, что сводка Лугальгудэ (ТЭО, 5675) или сводка Урнинсу (ТЭО, 5676) все же не отражали адэкватно содержание тех первичных документов, на основании которых они были составлены. Последнее возражение я мог ослабить уже тогда на основании документа (СТД, 210), изданного еще в 1919 г., но изученного мною лишь в самое последнее время. Это первичный документ от 4-го г. Гимильсина, составленный заведующим хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу, автора сводки ТЭО, 5676 от 2-го г. Гимильсина. Таблетка СТД, 210 посвящена работам по бороньбе и пахоте, и содержание ее является прекрасной параллелью тому разделу сводки заведующего хозяйством (нубанда гуд) Урнинсу, в которой были включены указанные работы. Сопоставление, хотя бы частичное, обоих текстов докажет их близость друг другу.

СТД, 210	ТЭО, 5676, IV, 2 сл.
I (1) 36 ган пахоты [1]	IV. (2) 36 пахоты (по) $^3/_4$
(2) $^3/_4$ ган, пахоты раза	(3) ган, бороньбы раза
(3) 2 по 5 ган.	(4) 2 по $4^1/_2$ ган
(4) Рабочая сила команды (эринна) их — дней	(5) Рабочая сила команды их дней 180 +
(5) 187 $^1/_5$	(6) 12
(6) 103 ган бороньбы раза	(7) 18 ган пахоты (по) $^3/_4$ ган
(7) 3 по 5 ган	(8) бороньбы раза 2 по 5 ган
(8) Рабочая сила команды их дней 180 +	(9) Рабочая сила команды их дней 60 +
(9) 14 $^5/_{12}$	(10) $33^1/_2$ $^1/_{10}$
(10) 41 ган бороньбы	(11) 66 ган бороньбы раза
(11) раза 2 по 5 ган	(12) 2 по 5 ган.
(12) Рабочая сила команды их дней 60 +	(13) Рабочая сила их дней 79 +
(13) $1^1/_2$ гуруш	(14) $^1/_5$
(14) Участок быков	(15) $53^3/_4$ ган бороньбы
(15) 24 ган бороньбы раза	(16) раза 3 по 5 ган
(16) 2 по 5 ган	(17) Рабочая сила их дней 60 +
(17) Рабочая сила команды их дней 20 +	(18) $36^2/_3$ $^2/_{15}$ [2]
(18) $8^2/_3$ $^2/_{15}$ гуруш	(19) Поле Гу-эддина.
(19) Кормление пахарей	(20) $10^1/_4$ ган бороньбы раза
(20) Поле Гу-единна	(21) 3 по 5 ган
(21) 18 ган пахоты по $^3/_4$ ган	(22) Рабочая сила их дней
(22) бороньбы раза	(23) $18^1/_3$ $^7/_{60}$
(23) 2 по 5 ган.	(24) Поле Сигтурду и
СТД, 210, 1, 11	ТЭО, 5676, IV, 12 сл.
(24) Рабочая сила команды их дней 90 +	(25) Гу-эдинна.
(25) $3^1/_2$ $^2/_{15}$ гуруш [3]	(26) $21^1/_4$ ган пахоты
(26) 36 ган бороньбы	(27) (по) $^3/_4$ ган, бороньбы раза 2
(27) раза 3 по 5 ган	(28) по 5 ган
(28) Рабочая сила команды их дней 60 +	(29) Рабочая сила команды их дней 60 +
(29) $4^2/_3$ $^2/_{15}$ гуруш	(30) $50^1/_2$

Следующие строки сводки Урнинсу (ТЭО, 5676) сильно разрушены, и я поэтому прекращаю дальнейшее сопоставление обоих документов, тем более, что и приведенные данные доказывают полное соответствие между сводкой надзирателя Урнинсу и между первичным документом,

[1] К терминологии и вычислениям см.: ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 212—13.
[2] Исчисление не в порядке.
[3] Исчисление не в порядке.

им же самим составленным. На основании проведенного сопоставления содержания обоих названных документов приходится, казалось бы, полностью отвергнуть положение критики об обезличенном характере сводок надзирателей. Правда, упорный и настойчивый критик может попытаться ослабить силу и этого сопоставления указанием на то, что таблетка СТД, 210, как датированная 4-м г. Гимильсина, не могла быть использована заведующим хозяйством Урнинсу при составлении сводки ТЭО, 5676, датированной 2-м г. Гимильсина. Поэтому и первичный документ СТД, 210 и не сможет служить, по мнению такого настойчивого критика, средством для определения степени точности сводки в использовании ею первичных документов.

В настоящее время я могу полностью рассеять все сомнения критики в ценности сводок надзирателей как исторического источника, окончательно опровергнув положение об обезличенном характере этих документов. Дело в том, что я располагаю теперь первичными документами, которые нашли свое непосредственное отражение в сводках Лугальгудэ от 3-го г. Пурсина (Хакм., 272) и от 4-го г. Пурсина (ТЭО, 5675).

Первичный документ, использованный при составлении сводки Лугальгудэ от 3-го г. Пурсина, я нашел в том же издании американского сумеролога Хакмана, в котором была опубликована под № 272 только что названная сводка Лугальгудэ. Автор сам не определил все значение данного небольшого текста, опубликованного им под № 262 своего издания. Подобное упущение было обусловлено тем, что автор не установил, как мы выше видели, принадлежности большого документа № 272 надзирателю Лугальгудэ. Поэтому он и не пытался найти в тексте № 272 своего издания строки, соответствующие содержанию первичного документа № 262 от 3-го г. Гимильсина, посвященной трудовой операции, проводимой надзирателем Лугальгудэ. Определив Лугальгудэ, как составителя сводки № 272, можно без труда найти те строки его (VI, 17—22), в которых было скопировано содержание первичного документа № 262. Сопоставление обоих текстов решит, полагаю, окончательно вопрос о том, являются ли сводки „кривым и во всяком случае ненадежным зеркалом“ или же нет.

Хакм., 262	Хакм., 272, VI, 17—22
(1) 75 саров вскапывания (земли)	(17) 75 саров вскапывания (земли) по 3 сара
(2) по 3 сара	(18) Рабочая сила их, дней 25.
(3) Рабочая сила их дней 25.	
(4) Поле Тур.	(19) 1500 саров ломания тростника по 20 саров
(5) 1500 ломания тростника саров	(20) Рабочая сила их, дней 75.
(6) по 20 саров	(21) Поле Ду-Шара
(7) Рабочая сила их, дней 75	
(9) Надзиратель Лугальгудэ	
(10—11) 3 год Пурсина	
Оттиск печати писца Лугальемахэ сына Лугальазагга	(22) Печать Лугальемахэ.

Мы видим почти полное совпадение текста первичного документа и копии его в сводке. В одном пункте копия даже исправляет оригинал, написав (VI, 19) не „1500 ломания тростника саров“, „а 1500 саров ломания тростника“. Опущение „поля Тур“ в сводке было, очевидно, обусловлено тем, что оно являлось частью большого поля „Ду-Шара“. Опущение же сводкой, составленной надзирателем Лугальгудэ, имени Лугальгудэ вполне естественно. Столь же естественно и опущение в копиях первичных документов датировки последних, поскольку была она указана в конце всего

отчета. Мы можем, таким образом, на основании сопоставления первичного документа с его копией в сводке высказать положение, что составители сводок относились к своей задаче списывания первичных документов вполне добросовестно. Я имею тем большее право утверждать то, что Лугальгудэ отнесся к этой своей задаче добросовестно не только при составлении сводки от 3-го г. Пурсина, но и при составлении сводки от 4-го г. Пурсина (ТЭО, 5675). Я могу об этом судить на основании сопоставления двух копий, сделанных с одного и того же первичного документа Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина. Одна из этих копий была сделана им самим в сводке того же года Пурсина (ТЭО, 5675, IX, 11—17), а вторая была написана на булле КБ, 117, очевидно, чиновником Акаллой, который решил в 5-м г. Пурсина почему-то сохранить данный первичный документ Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина в особой коробке, скрепленной указанной буллой. Возможно, что он подбирал материал о трудовой операции, зафиксированной в этом документе, составленном Лугальгудэ, а получить он мог документ от Лугальгудэ лишь в 5-м г. Пурсина, когда он для последнего потерял свою актуальность. Сопоставление двух вышеуказанных копий с одного и того же первичного документа будет столь же поучительно, как и сопоставление первичного документа с его копией в сводке.

ТЭО, 5675, IX 11—17

(11) $2^2/_3$ сара землекопной работы:
(12) (для) свинарника поля Лальмах
(13) насыпать (землю)
(14) Рабочая сила их, дней 16.
(15) 33 гуруш на 1 день
(16) носить тростник

(17) Печать Акалла зав. хвзяйством (нубанда)

КБ, 117

(1) $2^2/_3$ сара землекопной работы:
(2) (для) свинарника поля Лальмах
(3) насыпать (землю).

(4) 11 гуруш на 3 дня
(5) носить тростник
(6) Надзиратель Лугальгудэ
(7) Чиновник анше Урлу
(8) Печать Акалла
(9—10) 5 год Пурсина
Оттиск печати писца Акалла сына Урнигингар'а

Мы видим, что надпись на булле опустила число человекодней на землекопных работах, но это было, очевидно, обусловлено тем, что дневной урок землекопа равнялся $^1/_6$ сара и, таким образом, можно было легко высчитать, что для $2^2/_3$ саров землекопной работы требовалось 16 человекодней. Затем Лугальгудэ в своей сводке опустил свое имя по вполне понятной причине. Он опустил также и имя чиновника „анше", поскольку чиновник „анше" не упоминался и во многих первичных документах, посвященных операциям с рабочей силой. Чиновник Акалла, скрепивший своей печатью первичный документ, назван и в той и в другой копии. Поскольку Акалла, имя часто встречавшееся среди чиновничьего аппарата Уммы, а титул его „нубанда" не упоминается в надписи буллы, следует для успокоения совести скептика указать, что на таблетке СТД, 282 чиновник Акалла назван „нубанда" и вместе с тем оттиск его печати называет его сыном Урнигингара.

Следовательно, на основании сопоставления двух копий с одного из первичных документов Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина можно сказать со всей определенностью, что надзиратель Лугальгудэ и в своей сводке от 4-го г. Пурсина столь же тщательно выписывал из первичного документа существенные моменты его содержания, что и в сводке от 3-го г. Пурсина. Если он в сводке „11 гуруш на 3 дня" первич-

ного документа перевел на человекодни „33 гуруш на 1 день", то это понятно, поскольку целью сводки было установление числа затраченных надзирателем человекодней и, следовательно, соответствующего количества мер зерна для ежедневного довольствия. В связи с этим я должен со всей ответственностью указать, что мы и в первичных документах встречаем чаще обезличенную формулу „столько-то работников на 1 день", нежели формулу „столько-то работников на столько-то дней", т. е. обозначение реального числа работников и реального числа дней их труда. Вместе с тем следует указать, что и в „обезличенных" сводках отмечались при многодневной работе и число реальных работников и действительная длительность их труда. Так, в сводке Лугальгудэ (ТЭО, X, 37 сл.) мы читаем: „14 гуруш на 56 дней. Рабочая сила их 784 дня. Из Уммы в Ниппур (с) грузовым судном идущие, из Дабрум в Ниппур (с) грузовым судном идущие и (на) выгрузке пребывающие. Печать Урнумушда". Сводка заведующего хозяйством Урнинсу сохранила также (столб. XI, 16 сл.) указание на отправление стольких-то работников на столько-то дней: „5 гуруш на 35 дней. Рабочая сила их 175 дней. На выгрузку идущие, при выгрузке пребывающие и с выгрузки возвращающиеся. Чиновник-анше Урнунгал". Сводки также упоминают о предоставлении того или другого своего работника на длительный срок другому чиновнику. Они имеют свои параллели и в первичных документах, как уже было сказано выше, а также в моем исследовании 1934 г.[1] Я указываю на это и сейчас, исходя из желания лишний раз подчеркнуть далеко не обезличенный характер сводок надзирателей. Кроме того, в связи с вопросом о работниках, предоставляемых на долгий срок какому-нибудь чиновнику или на какую-нибудь постороннюю работу, я имею возможность установить еще на одном примере точность копии первичного документа в одном из текстов, имеющем характер сводки. В таблетке Лутц I, 16 от 6-го г. Пурсина сообщается, что некий Урнинмугга сын Шарабазиги от 1 месяца Уммы 5-го г. Пурсина сдается в воины (?) -уку-уш (?). К документу прикладывает свою печать чиновник Рим. О включении в число воинов (?) названного лица сообщает сводка СТД, 282, собравшая в 6-м г. Гимильсина данные о подобных длительных передачах на ту или иную работу. В столбце III, 63 сл. таблетки мы читаем: „Урнинмугга воин (?) сын Шарабазиги. Рим включил". Несомненно первичный документ Лутц 1, 16 находит, таким образом, свое отражение в сводке СТД, 282.

Подводя итог тому, что удалось выявить о характере сводок надзирателей и в первую очередь сводок надзирателя Лугальгудэ, я имею право сказать, что данные документы являются ценными источниками, отражающими адэкватно историческую действительность, а отнюдь не как „кривое и во всяком случае ненадежное зеркало".

VII

Критика упрекала меня в чрезмерном доверии к „безличным" с ее точки зрения сводкам в связи с интерпретацией, „$1348\frac{1}{2}$ гуруш на 1 день" и „$628\frac{1}{3}$ носильщиков на 1 день", передаваемых Лугальгудэ различными лицами как количество человекодней, а не как число реальных $1348\frac{1}{2}$ гуруш и $628\frac{1}{3}$ носильщиков, работавших 1 день. Поскольку я отвел в предшествующем разделе суждения, порочащие изучаемые мною

[1] ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 218—219.

сводки как исторический источник, я получаю право опираться на их свидетельство при решении вопроса о том, является ли правильной моя интерпретация или нет.

Действительно, если сводка надзирателя Лугальгудэ является ценным историческим источником, то мы должны считаться с тем фактом, что этот документ перевел на человекодни и работу 24 пахарей и их сыновей, трудившихся 13 месяцев, и работу наемных людей, зерновое жалованье которых было получено от заведующего закромами Арада. Учитывая данный факт, мы не можем избегнуть вывода, что „384 гуруш на 1 день от Идпаэ" и т. д. является определением количества человекодней, а не определением числа реальных работников, трудившихся 1 день. Утверждение, что „384 гуруш на 1 день от Идпаэ" сводки Лугальгудэ (ТЭО, 5675, I, 12—13) или „$9^1/_2$ гуруш на 1 день от Исарум" сводки заведующего хозяйством Урнинсу (ТЭО, 5676, I, 38) означает получение Лугальгудэ или Урнинсу от Идпаэ или Исарума 384 или $9^1/_2$ реальных работников на 1 день труда, противоречит всему контексту обоих документов. Оно противоречит также и тому обстоятельству, что среди тех чисел „работников на 1 день", которые заполняли основную часть сводки, посвященную израсходованию рабочей силы, мы не встречаем ни число „384" ни число „$9^1/_2$" и вообще ни одно из чисел работников, предоставленных Лугальгудэ другими лицами. Следовательно, эти числа обозначали не количество людей реальных отрядов, предоставленных Лугальгудэ тем или другим лицом, а количество человекодней. Поэтому они и входили в качестве слагаемых в общую сумму человекодней — $11966^5/_6$, которой располагал в 4-м г. Пурсина надзиратель Лугальгудэ.

Критика, правда, указывала на то, что работники, трудившиеся у Лугальгудэ 13 месяцев, назывались будто бы только „пахарями", или „командой" (эрин), а люди, доставляемые Лугальгудэ разными лицами, назывались или „работниками — гуруш", или „носильщиками". Я полагаю, что данный терминологический аргумент, направленный против моей вышеприведенной интерпретации, покоится на сплошном недоразумении. Дело в том, что и в самой сводке Лугальгудэ мы не сможем установить указанного терминологического различия. Действительно, в итоговой сумме человекодней сводки Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина (ТЭО, 5675, 18—19) и человекодни пахарей и человекодни наемных людей названы наряду с человекоднями гуруш, предоставленными Лугальгудэ другими лицами, — человекоднями гуруш: „Всего $11966^5/_6$ гуруш на 1 день". В этот итог не были включены лишь человекодни носильщиков, они перечислены особо: „Всего $628^1/_3$ носильщиков на 1 день". В сводке от 3-го г. Пурсина (Хакм., 272, I,4) Лугальгудэ называет и вне итоговой суммы пахарей „гуруш": „гуруш пахари при быках". Не только в сводках, но и в первичном документе Лугальгудэ называл своих „пахарей" „гуруш", как в таблетке Эрм., 8032 от 2-го г. Пурсина: „Л.[1]10 гуруш пахарей и их сыновей, [2]6 гуруш при быках жатвы, [3]2 гуруш (следующих) за быками. [4]Надзиратель Лугальгудэ. [5]Контроль 8-й день, [6]поле Камари. Об. [7]Месяц II Уммы, [8](год), следующий за годом, когда Пурсин [9]стал царем". Название „пахарей" и „(людей) при быках", тесно связанных с ними общим термином „гуруш", мы встречаем и в других первичных документах (напр. ДДТ, 276 и 210; Хакм, 241). Вообще же надо признать, что „гуруш" являлся настолько общим термином, что им могли называться и „носильщики". Так в сводке Урнинсу (ТЭО, 5676, I, 12) названы носильщики, которые затем вместе с „пахарями" объединяются в итоговой сумме (ТЭО, 5674, II, 1—2 в „$9108^1/_6$ гуруш на 1 день"). В сводке

Лудани, надзирателя отряда носильщиков (ТЭО, 5674) последние в основной части документа названы „гуруш". Можно привести еще примеры подобного широкого употребления термина „гуруш": ДДУ, 85, ТЭО, 6035. Поэтому всякая попытка противопоставить, исходя из терминологических оснований, „гуруш", передаваемых Лугальгудэ со стороны, „пахарям", работавшим у него 13 месяцев, обречена на неудачу. „Пахарями" назывались даже чиновники, получавшие такое крупное зерновое довольствие, как 2700 кг ячменя в год, не считая других продуктов.[1] Эти же чиновники — „пахари" передавали в закромы царского хозяйства громадные количества зерна, как, например, „пахарь" Лушара, внесший около 65 т ячменя (СТД, 305, 1—2). „Пахари" же сводки Лугальгудэ были людьми, оторванными от средств производства, получавшими ежедневное довольствие примерно в размере 1 кг ячменя ежедневно. Такое же широкое употребление термина „пахаря", земледельца" мы находим и в древнеегипетском языке.[2] „Пахари", непосредственные производители, входившие в состав отряда Лугальгудэ, трудясь у него 13 месяцев, конечно, выполняли свою специальную работу, а именно обработку пахотной земли, а гуруш, предоставляемые в течение года Лугальгудэ, использовались при уборке урожая, резании тростника и т. д. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и в характере выполняемых работ не было столь большой разницы между „пахарями" и между работниками, предоставляемыми Лугальгудэ со стороны. Действительно, согласно данным сводки последнего от 4-го г. Пурсина число человекодней „пахарей" равнялось „9360". Из них на уборку жатвы падало 1309 дней, на пахоту, бороньбу и посев — 3232 дня и на длительные работы, выполняемые, как указывает текст сводки, теми же „пахарями" — 1365 дней. Таким образом, из 9360 дней „пахарей" лишь 5906 дней требовали работы, специально выполняемые „пахарями". Оставалось поэтому еще 3454 дня, которые „пахари" могли посвятить тем прочим работам сельскохозяйственного года, которые выполнялись наемными людьми и работниками, предоставленными со стороны. При этом следует учесть, что число человекодней последних во всей их совокупности, — согласно данным сводки „2606 дней", — было значительно меньше, нежели число человекодней „пахарей", предоставленных тем же работам. Следовательно, удельный вес труда пахарей во всех сельскохозяйственных работах был весьма значительным и они тем самым выделялись среди прочих категорий непосредственных производителей царского хозяйства, в частности, и среди тех гуруш, которые были предоставлены Лугальгудэ рядом лиц.

Лица, от которых Лугальгудэ получал то или другое количество человекодней, не являлись ни землевладельцами, ни сановниками, ни старшинами общин, как это готова была предположить критика. Из 25 перечисленных лиц, которые предоставляли рабочую силу Лугальгудэ, 24 были мной определены как чиновники, входившие в сложный аппарат огромного царского хозяйства. Ряд из них, как Иншагшаг, Лугальмумаг, Лугальмагурри (ГДД, 374), Аабба (Хакм., 231) и другие выступают как надзиратели рабочих отрядов, которые, следовательно, и могли предоставить Лугальгудэ необходимые ему человекодни. В этом отношении является особенно ценным для нас свидетельство таблетки Хакм., 193, сообщающей о том, что „15 кувшинов по 10 сила от Баббаршиг'а Урадад,

[1] См. О. Ш., 1915, стр. 226 сл.
[2] См. ДЕА, 27, стр. 21.

надзиратель носильщиков, получил в V месяце Уммы 1-го г. Пурсина". Среди же лиц, предоставивших Лугальгудэ человекодни носильщиков был перечислен (ТЭО, 5675, II, 8) и Урадад! В исследовании 1934 г.[1] я уже привел текст таблетки Ник., II, 159, иллюстрирующий способ, каким давались надзирателю, руководившему какими-нибудь работами, еще лишние человекодни его товарищами. Можно увеличить число подобных иллюстраций (напр. Лутц I, 6, или ГДД, 192). Здесь я приведу еще содержание одной таблетки, поскольку в ней упоминается в интересующем нас контексте имя одного из чиновников, предоставивших Лугальгудэ некоторое количество человекодней, а именно Лугина (ТЭО, I, 29—30). О последнем таблетка Хакм., 88, сообщает следующее: „14 гуруш на 1 день от Лугина Лугальэбаншаг вставил, 38-й год царя Шульги". Очевидно, подобно Лугальгудэ, и чиновник Лугальэбаншаг получил известное количество человекодней.

Если мне удалось найти указания на то, что из 25 лиц, передававших Лугальгудэ рабочую дополнительную силу, 24 являются чиновниками царского хозяйства, то из этого следует вывод, что те гуруш, которых они передавали, работали непрерывно в течение года в их отрядах, так же как и „пахари" отряда Лугальгудэ. Действительно, почему мы должны предположить, что человекодни, передаваемые, напр., надзирателем Иншагшагом (ТЭО, 5675, I, 31—32), должны быть иначе интерпретированы, нежели то число человекодней гуруш, записанное тем же Иншагшагом в составленный им первичный документ Хакм., 228: „180 гуруш на 1 день у устья канала Куннагар поставлены. Надзиратель Иншагшаг. Печать Уршара архивиста. VI месяц Уммы 3-го года Пурсина". Коль скоро 180 человекодней гуруш надзирателя Иншагшаг табл. Хакм., 228 имело отношение к его партии 3-го г. Пурсина непрерывно трудившихся работников, то такое же отношение имеют и человекодни гуруш, переданных в 4-м г. Пурсина Лугальгудэ Иншагшагом, к отряду гуруш последнего, работавших у него в 4-й г. Пурсина. Для выполнения работ, порученных надзирателю Лугальгудэ, требовались ему еще дополнительные человекодни и их ему предоставил Иншагшаг. После выполнения работ гуруш Иншагшага снова вернулись в свой отряд. Подобная передача своих человекодней другим надзирателям практиковалась не только между надзирателями партий гуруш, но и между надзирателями отрядов гим. Так в сводке надзирателя отряда гим ДДУ, 250 (№ 19 списка) мы узнаем, что составителю сводки было передано тремя другими надзирателями еще 821 человекодень гим. Ни у кого из специалистов, конечно, не возникает сомнения в том, что гим, предоставленные на время надзирателю сводки ДДУ, 250 его товарищами, действительно, беспрерывно работали в течение остального времени года в своих отрядах. В таком случае не должно возникнуть сомнений и в том, что гуруш, временно предоставленные Лугальгудэ другими надзирателями, работали непрерывно у последних и до передачи их Лугальгудэ и после возвращения их из его отряда. Подобная передача дополнительных человекодней обычно не нарушала нормальной жизни и работы отрядов гуруш и гим. Передача дополнительных человекодней Лугальгудэ в 4-м г. Пурсина 25 другими надзирателями является, несомненно, исключением. Сам Лугальгудэ в предшествующем, 3-м г. Пурсина, получил лишь некоторое количество человекодней носильщиков от надзирателя Шешкалла сына Дада (Хакм., 272, I, 21—23). Надзирателю Урнинсу во 2-м г. Гимильсина были предо-

[1] ПИДО, № 27—8, стр. 220.

ставлены одним лишь надзирателем Исарумом дополнительные $9^1/_2$ человекодней. Надзиратель Исарум передал двух своих работников в том же 2-м г. Гимильсина на 4 месяца в храм бога Шары (СТД, 178). Надзиратель отряда носильщиков Лудани не получал в 3-м г. Пурсина ни одного дополнительного человекодня (ТЭО, 5674). В таком же положении находился и надзиратель ремесленной мастерской Агу в 4-м г. Гимильсина, согласно его сводке ТЭО, 6036 (№ 9 списка). Ограничивались рабочей силой своих отрядов гим составители сводок гим №№ 13, 14, 15 списка. Поэтому нам ни в коем случае не следует себе представлять, чтобы все многочисленные отряды гуруш или гим, а таковых было, судя по известным нам именам надзирателей, около семидесяти, перебрасывали свой состав работников непрерывно в течение отчетного года несколько десятков раз от одного надзирателя к другому. Надзиратель отряда гуруш или гим предоставлял раз или два некоторое количество человекодней тому или иному своему товарищу. Остальная часть человекодней своих гуруш или гим была необходима ему самому для выполнения порученных ему работ.

Я заканчиваю исследование о положении гуруш или гим на основании как сводок надзирателей, так и первичных документов, не только составленных самими надзирателями, но и чиновниками контроля (иги-гар). Мне удалось доказать на основании всего вышесказанного, что как гуруш, так и гим работали непрерывно в царском хозяйстве и получали свое постоянное довольствие. Они отрывались от своих отрядов или в случае болезни или для общественных работ, выходящих за пределы того сектора царского хозяйства, в котором они трудились. Из этого с несомненностью следует, что все они были оторваны от средств производства. Число этих непрерывно работающих в царском хозяйстве непосредственных производителей было не малым. Надо полагать, что при наличии 60—70 отдельных отрядов число их достигало 2000—3000 человек. В небольшой таблетке из Уммы (ДДТ, 358) мы находим упоминание о 1143 гуруш и 876 гим. Гуруш, будучи оторванными от средств производства, вместе с тем отличались от наемных людей. Поэтому я считаю себя вправе и теперь, как и раньше, определить „гуруш" рабами, не отличавшимися от своих женских товарищей „гим", которые всеми специалистами безоговорочно признаются рабынями.

VIII

Правда, мое положение о наличии среди непосредственных производителей царского хозяйства „людей наемных", так называемых „лу хунга", или „гуруш хунга", т. е. „гуруш наемных", было критикой поставлено под сомнение. Критика указывала на то, что не было якобы принципиального отличия между довольствием постоянных работников и заработной платой наемных людей, и поэтому высказала положение, что „наемные люди" тождественны с „гуруш", постоянно работавшими в царском хозяйстве. Отрицание критикой отличия между довольствием постоянных работников и заработной платой наемников было обусловлено неправильной интерпретацией Женульяком вводной части автографированных им сводок Лугальгудэ (ТЭО, 5675) и Урнинсу (ТЭО, 5687). На основании интерпретации вводной части названных документов в моих исследованиях 1933 и 1934 гг., я и высказал положение, что норма довольствия работника, занятого полный день, в 2 меры (сила) ячменя, т. е. около 1 кг, была твердо установлена, и поэтому она и в сводках, и в других хозяй-

ственных документах не упоминалась. Что же касается зарплаты наемных людей, которая превышала довольствие раза в $2^1/_2$, 3, 4 и больше, т. е. в сильнейшей степени варьировала, то ее приходилось в каждом отдельном случае устанавливать особо. Критика же, очевидно, опираясь на интерпретацию Женульяка, утверждала, что постоянно работавшие гуруш получали по 6 и 7 мер (сила) зерна, а наемные работники — по 8 мер, со ссылкой на Ник. II, 207, 208 и др. Действительно, мы находим в кратком резюме сводки Лугальгудэ Женульяком[1] сведения, подтверждающие утверждения критики. Согласно Женульяку ТЭО, 5675 содержит „расчет поденной работы: 1) приготовление ячменя (по 6—7 мер в день и на человека); 2) работники каль (читаемые сейчас „гуруш") и уг-иль (носильщики), нанятые различными лицами, работа по уборке урожая; 3) работы по пахоте, бороньбе и севу и т. д. (следует перечисление других работ, названных в отчете Лугальгудэ)". Из данного резюме Женульяка критика, надо полагать, и сделала вывод, что „гуруш" получали в день по 6 и 7 мер зерна. Их вывод подкреплялся, казалось бы, и резюме, данным Женульяком для сводки Урнинсу, ТЭО, 5676 (Баб., VIII 45): „Расчет поденной работы, уг-иль (носильщики), взятых на работу по тарифу в 6 мер (сила), наемники, оплачиваемые заведующим закромом: деталь аналогичная № 5675... следует перечисление работ, названных в сводке". К сожалению, резюме Женульяка, данного им для вводной части 2 названных документов, не является точным. Правда, сводка Лугальгудэ (ТЭО, 5675) была мной полностью переведена еще в 1934 г., но этот перевод был по каким-то причинам критикой оставлен без какого-либо внимания. Мне приходится поэтому снова напомнить подлинное содержание начала отчета Лугальгудэ от 4-го г. Пурсина:

Столб. 1. (1) 24 пахаря ([2]) на 13 месяцев.
(3) С I месяца (4) Уммы до прибавочного месяца (т. е. до XIII).
(5) Рабочая сила на 9360 дней (т. е. 24×13×30).
(6) 5 гур 159 сила ячменя (т. е. 5 гур = 1500 сила + 159 сила = 1659 сила).
(7) Рабочая сила (оценивается) по 7 сила.
(8) Рабочая сила их (равняется) 237 дням (1659 : 7 = 237).
(9) 7 гур 258 сила (т. е. 2358 сила).
(10) Рабочая сила (оценивается) по 6 сила.
(11) Рабочая сила их (равняется) 398 дням (2358 : 6 = 393).
(12) Рабочая сила наемных людей.
(13) (Получена) от Арада.

Затем следует список 25 надзирателей, предоставивших Лугальгудэ то или другое количество человекодней. Мы видим, следовательно, что среди той рабочей силы, которой располагал Лугальгудэ, имелись три категории: 1) 9360 человекодней 24 пахарей, работавших 390 дней, 2) 237 человекодней наемных людей по 7 сила и 393 человекодня наемных людей по 6 сила и 3) $1348^1/_2$ человекодней гуруш и $628^1/_3$ носильщиков, предоставляемых Лугальгудэ постепенно в течение года рядом надзирателей. Из этих 3 категорий работников только одни наемные люди получали зерно, количество которого было специально оговорено в документе; одни из них получали 7 мер, а другие лишь 6 мер. В переводе на наши меры 7 сила равняется около $4^1/_5$ кг, а 6 сила — около $3^3/_5$ кг. Столь крупная выдача зерна в качестве ежедневного довольствия рядовому гуруш, работавшему непрерывно в царском и храмовом хозяйстве, была бы, конечно, немыслимой. Она понятна как зарплата наемному человеку, который использует ее как для себя, так и для содержания своей семьи.

[1] Баб., VIII, стр. 44.

О том ежедневном довольствии или прокорме, который получал каждый постоянно работавший гуруш, т. е. раб, не надо было говорить в отчете Лугальгудэ, ибо оно было, как я уже говорил, твердо установлено: 2 сила в день, т. е. около 1 кг ячменя. Наемные люди, как об этом свидетельствует Ник. II, 100, получали в дни своей работы те же харчи, что и постоянные работники. Это ежедневное довольствие работников, трудившихся в царском хозяйстве, будь они рабы или наемные люди, выдавалось из закромов по тем обычным ведомостям с поименными списками, о которых я говорил выше. Выплата же зарплаты наемным людям производилась согласно специальной ведомости, выдаваемой заведующим закромом (ка-гур). Дело в том, что указание сводки Лугальгудэ „рабочая сила наемных людей (получена) от Арада" (1, 12—13) не следует понимать таким образом, что чиновник Арад был надзирателем 2 отрядов наемных людей, которые он предоставлял Лугальгудэ. Арад не был простым надзирателем, а крупным сановником, заведующим закромом, как об этом свидетельствуют таблетки СТД, 15, 5, ТЭО, 5672, V, 18 и др. Заведующий закромом Арад выдавал Лугальгудэ не самих наемных людей, а то количество ячменя, которое им следовало получить при определении их поденной платы в 6 и в 7 сила. В исследании „К семантике жалованья" мне удалось установить, что зарплата наемных людей могла равняться 5, 6, 7, 8, 10 и 13 сила ячменя в день. В последнее время я нашел даже свидетельство о выплате наемным людям даже 15 сила в день (Луг. 1, 44). Поскольку отрядам наемных людей платили по особым ведомостям, то и в архивах дела их хранились в особых корзинках, как об этом свидетельствуют КБ, 116, 128 и 162. В сводках надзирателей указывались в основной части документа те работы, которые выполнялись наемными людьми, например в сводке Лугальгудэ ТЭО, 5675, VII, 42 и VIII, 22. Здесь работы батраков не имеют ничего общего с приготовлением ячменя, как это утверждал Женульяк в своем резюме отчета Лугальгудэ.

Женульяк столь же неточен и в своем резюме сводки заведующего хозяйством Урнинсу (ТЭО, 5676). Пожалуй его резюме данного документа может еще более дезориентировать историка-неспециалиста, в области истории древнего Востока, нежели его резюме отчета Лугальгудэ. Действительно, в введении к ТЭО, 5676, мы не находим указания на то, что „носильщики" являлись наемными людьми с поденной платой в 6 мер зерна. Адэкватный перевод введения названного документа гласит следующим образом:

Стол б. 1 (1) $85^1/_3$ гуруш на 1 день, (2) остаток первого года Гимильсина.
(3) 20 пахарей и их сыновей.....
Следует поименный список. Среди них несколько носильщиков.
(18) На 12 месяцев (19) Рабочая сила их 7200 дней (т. е. 20×360).
(20) С I месяца Уммы до XII месяца Уммы.
(21) 36 гур 80 сила ячменя (т. е. 10380 сила).
(22) Рабочая сила их (оценивается) по 6 сила.
(23) Рабочая сила их $1813^1/_3$ дней (т. е. 10880 : 6).
(24) Рабочая сила наемных людей (25) поля
(25) (получена) от заведующего закромом.
(27) $9^1/_2$ гуруш на 1 день (28) от Исарума.

Общая сумма человекодней, которой располагал Урнинсу — $9108^1/_6$ человекодней (II, 1—2), — складывалась из 4 вышеприведенных слагаемых — $85^1/_3$, 7200, $1813^1/_3$ и $9^1/_2$.

Из моей интерпретации текста явствует, что не носильщики, а наемные люди получали в день 6 сила ячменя, и в отчете Урнинсу, таким

образом, наемные люди выделялись, как и в отчете Лугальгудэ, среди прочих категорий рабочей силы надзирателя. В основной части отчета Урнинсу также отмечаются работы, выполняемые наемными людьми (IX, 12). Особенностью работ, выполняемых наемными людьми, было то, что они всегда связаны с уроком. Об этом свидетельствуют как сводки надзирателей, так и многочисленные первичные документы.

Все приведенные мною данные доказывают со всей определенностью, что безоговорочное отождествление наемных людей с теми гуруш, которые работали постоянно в царском хозяйстве, недопустимо. Их сближает лишь то, что все они — как наемные люди, так и гуруш и носильщики, постоянные работники хозяйства, — являются непосредственными производителями, жестоко эксплоатируемыми господствующим классом. С другой же стороны получение наемными людьми, наряду с довольствием, еще и заработной платы и все вытекающие из этого факта последствия, резко выделяет наемных людей среди прочих категорий непосредственных производителей. Еще одно отличие наемных людей от прочего трудящегося люда царского и храмового хозяйства — династии Ура приводит к последнему вопросу настоящего исследования — к вопросу о социальной структуре позднесумерийского общества.

IX

Наряду с получением зарплаты „людей наемных“ („лу-хунга“) отличает от постоянных работников царского хозяйства тот факт, что эти „люди наемные“ являются исключительно мужчинами и притом мужчинами взрослыми. Нет среди них „женщин наемных“ или „гим наемных“; мы не встречаем также и подростков. Среди постоянных же работников царского и храмового хозяйства мы имеем и мужчин и женщин и подростков. Отряды гуруш и гим работают вместе, согласно Конт. II, 49 (Умма), или КБ, VII № 18424 (Лагаш), или Барт. III, табл. 113 (Лагаш). В таблетке ДДТ, 285, перечисляются гуруш, гим и подростки. При желании можно привести еще ряд подобных свидетельств. В особенности характерным и показательным является таблетка УДТ, 1, в которой „гуруш“, „мальчик“, „гим“ и „девочка“ перечисляются, как понятия, тесно связанные между собой. Если же в эпоху III династии Ура нанимались одни лишь взрослые мужчины, то невольно возникает догадка, что эти лица, нанимаемые царским хозяйством, имеют какое-нибудь свое хозяйство, но столь небольшое, что его могли обслуживать их члены семейства — жена и дети. Эта догадка находит свое подтверждение в наличии среди землевладельцев Уммы многочисленных лиц, располагавших мельчайшими земельными наделами, размером в $^1/_3$ га, т. е. в 1 ган. Мы обладаем списками подобных землевладельцев в таблетках СТД, 211, ГДД, 324, 382 и 483. Вместе с ними перечисляются их сыновья и члены семьи, называвшиеся „шеш табба“ „брат-близнец“, „брат-спаренный“ (напр., ГДД, 324, 35, 56, 61, 78, 82, 92, 100). Перед именем лица, являвшегося „шеш табба“, ставился горизонтальный клин. Велись делопроизводством хозяйства Уммы и такие списки, в которых перечислялись одни лишь эти землевладельцы без их детей и без их „шеш табба“. Таковым списком является таблетка Хакм., 8, от 8-го г. Пурсина. Правда, это удалось установить лишь после сопоставления данной таблетки из Иэльского университета с таблеткой Берлинского музея ГДД, 382 от того же 8-го г. Пурсина. Последняя является большим документом, в котором перечисляются поименно около сорока лиц, владеющих 1 ганом

(т. е. около $^1/_3$ га). В связи с ними перечисляются их сыновья и „роща“ („тир“), имеющая каждая свое собственное имя. Эти лица названы и „носильщиками“ (строка 136) и „людьми рощи“ (строки 141—142). Документ Хакм., 8, является значительно меньшим по объему, ибо в нем перечисляются поименно одни лишь землевладельцы, без их сыновей и „рощи“. Почти все имена Хакм., 8, встречаем и в таблетке ГДД, 382. Не только своей величиной, но и своим назначением отличаются эти 2 генетически тесно связанные между собой документы. Таблетка ГДД, 382 составлена для выдачи перечисленным лицам шерсти, одежды и зернового довольствия (75 сила в месяц), а из этого следует, что хозяйство этих мелких землевладельцев велось коллективно. Таблетка же Хакм., 8, была составлена для определения той суммы зерна, которая следовала царскому хозяйству с этих мелких землевладельцев: „всего 16 гур зерна от людей рощи“ (строки 40—41). Каждый из них платил 150 сила в год.

Я и полагаю, что эти мелкие землевладельцы, обладавшие по существу лишь усадебным участком, который приносил за вычетом налогов лишь 75 сила (около 35 кг зерна в месяц), должны были подкармливать себя и семью заработком наемных людей. В особенности же в тяжелом положении находились в семьях этих мельчайших землевладельцев младшие братья владельца надела. Это и были, очевидно, те „братья-близнецы“, „братья спаренные“ (шаш табба), о которых я говорил выше. Они играли в хозяйстве брата роль батрака, как младший брат в египетском эпосе-сказке о 2 братьях. Если же у брата были уже сыновья-подростки, то тогда оставался младшему брату при ограниченности земельных фондов южного Междуречья один лишь путь, а именно вступление в ряды рабов царского хозяйства. Мы находим в документах среди постоянных работников царского хозяйства людей, называемых „шеш табба“ (напр. ДДИ, 85, Хакм., 222). Вероятно „братьями-близнецами“, „шеш табба“ являются те „носильщики“, перед которыми стоит как определитель горизонтальный клин (Хакм., 226 и 243).

На основании всего вышеизложенного мы можем определить состав эксплоатируемого класса позднесумерийского общества. Он состоял из рабов, в число которых входили мужчины, женщины и дети. Рекрутировался он из военнопленных, купленных за границей, должников и, наконец, младших сыновей владельцев мелких и мельчайших наделов. Наряду с рабами, эксплоатировались в царском и храмовом хозяйстве еще наемные люди, которые рекрутировались из среды свободных людей, обладавших лишь усадебными участками и вынужденных поэтому в наемном труде искать себе приработок.

В заключение привожу текст, который дает представление об имущественном положении господствующего класса и той средней прослойки между господствующим классом и рабами и батраками-воинами, которые были не только воинами, но и непосредственными производителями. Я имею в виду таблетку КТ, IX, табл. 47 в (№ 20015) из Лагаша, которая сообщает нам размеры земельных наделов на территории Лагаша, начиная от надела верховного жреца и кончая наделом воина низшего разряда. Мы читаем здесь:

(1) 108 ган (ок. 36 га) верховный жрец
(2) 54 „ (ок. 18 „) жрец — помощник первого
(3) 4 заведующих хозяйством (Нубанда гуд) по 45 ган (ок. 15 га).
(4) 9 ган (ок. 3 га) Набашаг чиновник-марса
(5) 60 „ (ок. 20 „) Лудугга оруженосец
(6) 15 заведующих полями (энгаров) по 12 ган (ок. 4 га)
(7) Поле (в) 180 ган (т. е. 15×12=180 ган, ок. 60 га).

(8) 150 команды (эрин) по $4^1/_2$ ган (ок. $1^1/_2$ га).
(9) 144 „ (эрин) по $2^1/_2$ ган (ок. $^5/_6$ га).
(10) Поле (в) 1039 ган (ок. 346 $^1/_3$ га).
(11) 12 ган (ок. 4 га) место Гу.
(12) (Всего) 4163 ган (ок. 1387 $^2/_3$ га).
(13) Поле Ду-ми.

Список с перечислением имен землевладельцев и поэтому значительно больший, но, к сожалению, сильно фрагментированный, дошел до нас из Уммы в виде таблетки ДДТ, 374. Дальнейшие изыскания среди материалов Уммы, Лагаша и Дрехема, конечно, уточнят наши знания о распределении земельных фондов в позднесумерийском обществе. Для предварительного решения этого вопроса будет достаточным и данный материал.

Я надеюсь, что этим исследованием, которое целиком покоится на первоисточниках и почти не находило помощи в предшествующей специальной литературе, мною доказано, что архивы хозяйственных документов Уммы и Лагаша эпохи III династии Ура действительно могут предоставить историку ценные данные об организации труда и социальной структуре позднесумерийского общества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АфО. — Archiv für Orientforschung.
Баб. — Babyloniaca.
Барт. — G. K. Barton. Haverford Library Collection of cuneiform tablets, Part 11. [1918].
ББ — A. Ungnad. Babylonische Briefe. Vorderas. Bibl., VI, 1914.
Бед. — R. Bedale. Sumerian tablets from Umma. 1915.
ГДД — N. Schneider. Geschäftsunkunden aus Drehem u. Djoha. 1930.
Губер — E. Huber. Personennamen in den Keilschrifturkunden aus der Zeit der Könige von Ur u. Isin. 1907.
ВДИ — Вестник Древней Истории.
Венгл. — Wengler. 41 (Orientalia, 2, 1930, стр. 63).
ДДТ — N. Schneider. Die Drehem-u. Djohatexte im Kloster Montserrat. [Barcelona], 1932.
ДДУ — N. Schneider. Die Drehem-u. Djoha-Urkunden der Strassburger Universitäts-u. Landesbibliothek. 1931.
ДЕА — Journal of Egyptian Archaeology.
ИТТ — Inventaire des tablettes de Tello conservées au musée imperial Ottoman t. V. [1921].
КБ — Cl. E. Keiser. Cuneiform Bullae of the third Millenium B. C. 1914.
Конт. I — G. Contenau. Contribution à l'histoire économique d'Umma. 1915.
Конт. II — G. Contenau. Umma sous la dynastie d'Ur. 1916.
КТ — Cuneiform texts from babylonian tablets in the British Museum.
Лутц I и II — H. F. Lutz. Sumerian Temple Records of the late Ur Dynasty t. I, II (University of California Publications in Semitic Philologie. Vol. 9, 2, 1928).
Мисц. Ор. — Miscellanea Orientalia (Analecta Orientalia, т. 12, 1935).
О. Ш. — Orientalische Studien (Mitteil. d. Vorderas. Ges. 21 Jahrg., 1916)
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
Пюпиль — H. de Genouillac. Choix de textes économiques de la collection Pupil. Babyloniaca, VIII, стр. 38, табл. V.
СТА — Edw. Chiera. Selected Temple Accounts from Telloh, Iokha a. Drehem. 1921.
СТД — Cl. E. Keiser. Selected Temple Documents of the Ur Dynasty. 1919.
ТЭО — H. de Genouillac. Textes économiques d'Oumma. 1922.
УДТ — J. B. Nies. Ur Dynasty Tablets. 1919.
Фиш. — T. Fish. Catalogue of sumerian tablets in the John Rylands Library. 1932.
Хакм. — G. G. Hackman, Temple Documents of the third Dynasty of Ur from Umma. 1937.
Шнейдер — N. Schneider. Das Drehem-u. Djoha — Archiv, 4 Heft: Das Beamten-u. Arbeits — personal (Orientalia, 23 u. 24, 1927).
Салон — A. Salonen. Nautica Babyloniaca (Studia Orientalia Societas. Orientalis Fennica, XI, 1).

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ МАКАРИЯ АНТИОХИЙСКОГО КАК ПАМЯТНИК АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Памятник, о котором я предполагаю говорить в настоящей статье, хорошо известен в русской науке. Мое сообщение претендует на новизну только в двух отношениях: оно пытается впервые определить место его в общем развитии арабской географической литературы и подвести некоторый итог тем данным об этом памятнике, которые не вошли еще в обиход нашей науки. Сообразно с этим изложение свое я строю последовательно в двух частях: сперва говорю о литературной истории памятника, а затем о его значении для нашей страны.[1]

В развитии арабской географической литературы XVIII в. мы наблюдаем новый факт — появление произведений из христианско-арабской среды. Древнейшие памятники этой категории нам неизвестны и, может быть, не уцелели, что при условиях сохранения арабско-христианской письменности не представляет ничего удивительного. Наряду с большой и достаточно однообразной серией паломничеств в Палестину и на Синай, к XVII в. относятся два очень оригинальных путешествия: Ильи мосульского в Южную Америку[2] и почти одновременно с ним Макария антиохийского в Молдавию, Валахию, Украину и в Московию. Описание последнего по своему сюжету представляет исключительное значение для нашей истории и с этой стороны по достоинству оценено специалистами, хотя далеко не в полной мере еще исследовано.

Описание путешествия, составленное арабом-христианином, питомцем иной традиции, чем та, с которой мы обыкновенно имеем дело в арабской письменности, в литературном отношении стоит не высоко и с этой точки зрения едва ли найдет себе место в общем очерке арабской литературы.

---

[1] Дальнейшее изложение основано на соответствующем отделе давно подготовляемой мною работы об арабской географической литературе. Библиографические ссылки я опускаю до опубликования книги в целом.

[2] Характеристика этого памятника дана мною в статье „Первое арабское описание путешествия в Южную Америку", Труды Московского института востоковедения, сборник № 4, Москва, 1947, стр. 89—93.

Создалось это описание в том „областном культурном гнезде“ Алеппо, о котором нам приходится так часто говорить, когда речь идет об этих веках, в той христианской среде, которая тогда еще не была затронута литературным возрождением, связанным преимущественно уже с XVIII в. Положение православного населения в смысле культурного уровня было значительно хуже, чем у тех слоев, которые вошли в соприкосновение с Римом и ориентировались на запад. Они могли опереться здесь на давнюю традицию и серьезную помощь как в школах, так и в развитии письменности. Еще до возникновения унии связь с Римом не прерывается, а начиная с XVI в. появляются и местные ученые или писатели, нередко прошедшие римскую школу.

Православное духовенство таких возможностей не имело. Своя литературная традиция у них прервалась давно и восстановить ее удалось значительно позже. Ориентированная в идеологических стремлениях на греко-византийскую письменность, она не имела центра, сколько-нибудь похожего на Рим, к которому могла бы тяготеть. Патриархат Константинополя по своему зависимому положению не давал прочной базы и не мог отчетливо представить стремлений, связанных с арабскими культурными течениями; балканские государства сами были слабы и мало устойчивы. С XVI в. взоры стали обращаться и к России, которая иногда оказывала материальную помощь. Если какие-нибудь культурные ростки в это время начинают слегка прорастать среди арабов-христиан, то главным образом благодаря наличию отдельных фигур, выдвинувшихся на руководящие посты, отдельных лиц, которыми владеют благие стремления просветительства, понимаемого, конечно, исключительно под углом зрения своей эпохи и среды. В искренности этих стремлений сомневаться не приходится; однако, носители их обладают малыми возможностями и еще меньшими знаниями. Образованность их сводится самое большее к простой грамотности на родном, арабском языке и к элементарному знакомству с греческим, позволяющему в лучшем случае, если не переводить, то излагать содержание произведений поздней византийской литературы.

К числу таких, проникнутых благими стремлениями деятелей принадлежал и Макарий, патриарх антиохийский, дважды приезжавший в Россию при Алексее Михайловиче (в 1654—1656 гг. и в 1666—1668 гг.), Макарийус Ибн аз-Заʿим ал-Халеби ал-Антаки, как он называется обыкновенно по-арабски. Уроженец северной Сирии, по происхождению из бедной духовной среды, в 1635 г. он был избран алеппским митрополитом, а 12 декабря 1647 г. антиохийским патриархом с резиденцией в Дамаске. Смолоду уже, по своим собственным словам, он чувствовал большой интерес к историческим произведениям, в особенности таким, которые неизвестны на арабском языке. Заботясь о просвещении своих соотечественников, он старался в меру возможности, сам или при содействии лиц, лучше знавших греческий язык, излагать отдельные главы или отрывки по-арабски. Большинство сохранившихся его сочинений и носит такой компилятивный характер; некоторое число их известно в автографах, нередко чернового характера. Отдельные его сборники представляют то, что мы бы назвали „общая тетрадь“, куда автор заносил без всякой системы все, что попадалось ему интересного в каждый данный момент, в виде отдельных статей или даже мелких отрывков и цитат. Многое относится здесь к истории церкви; в тех случаях, когда речь идет о Востоке, сообщения Макария нередко имеют значение первоисточника, в других — это компиляция по каким-нибудь греческим материалам,

не всегда точно называемым. Часто встречаются рассказы о фактах, непосредственно наблюдавшихся им во время путешествий, или передача слов каких-нибудь очевидцев. Все это производит впечатление спешных записей, которые делались наскоро и начерно, под неостывшим живым впечатлением и не всегда подвергались какой-нибудь дальнейшей обработке.

Путешествовать Макарию пришлось много, главным образом, по делам своей митрополии и патриархии. В 1642—1643 гг. он совершил паломничество в Иерусалим, а до этого и после этого очень много ездил по различным округам Сирии. Патриархия была обременена долгами, приходилось думать о каком-нибудь выходе, прежде всего обычным путем сбора милостыни. Местное население само находилось в затруднительном положении, и взоры Макария по традиции восточного духовенства начинают устремляться за пределы Турции: на Балканы, на Украину и в Россию. Описание его первого путешествия сюда и сохранилось в отдельной книге, благодаря которой его имя получило почетную известность в географической литературе. Составлена она, однако, не им самим, а его сыном архидиаконом Павлом алеппским, по-арабски Бӯлос ибн аз-Заʿӣм ал-Ḥалебӣ (род. ок. 1627 г.), который с ранних лет сопровождал отца в его путешествиях, став в 1648 г. патриаршим архидиаконом. Благодаря своему положению он получил, вероятно, несколько более систематическое образование, но уровень его едва ли был высок. Во всяком случае, в противоположность отцу, он был выдающимся каллиграфом: до нашего времени дошел целый ряд переписанных им рукописей, говорящих о большом его мастерстве в этой области. Его собственные сочинения носят приблизительно тот же характер, что у Макария, переводов или компиляций на основе греческих источников. Исключительное место среди них занимает оригинальное большое описание первого путешествия патриарха в Турцию, Молдавию, Валахию, Украину и Московию.

У Макария были предшественники в этом путешествии из его земляков, сирийских арабов. При царе Федоре Иоанновиче в связи с вопросом об учреждении патриаршества приезжал в Россию антиохийский патриарх Иоаким Доу' (1582—1592), тоже араб. В Москве он пробыл два месяца, с 17 июня по 11 августа 1586 г., совершив путешествие обычным маршрутом по суше через Малую Азию, Молдавию, Валахию и Украину. Существовало даже, как увидим, краткое описание его путешествия, но оно, к сожалению, до нас не дошло. Довольно долго пробыл патриарх во Львове, где 1 января 1586 г. издал грамоту львовской пастве на арабском языке, известную в науке. В Киеве в митрополичьих покоях Макарий и Павел видели его портрет с греческой подписью. Нужно сказать, что Павел имел смутное представление о том, когда происходила эта поездка: один раз он говорит, что это было „95 лет тому назад при царе Иване", второй — более близко к действительности, что „с той поры прошло 72 года". Противоречит он себе и когда говорит, что „больше никто [в Россию] не приезжал".

Патриархом Евфимием (1635—1648) был направлен в Россию при Михаиле Федоровиче за сбором милостыни митрополит ʿАккāра в Сирии Иеремия (уроженец Алеппо). Вымогательства воеводы в Путивле задержали его на границе и там он умер: могилу его в монастыре Богоматери около Путивля посетил сам Павел с Макарием.

Не исключена возможность, что толчком для путешествия в Московию послужило и нечто вроде личного приглашения. В 1652 г. проезжал

через Сирию, бывший уже не первый раз на Востоке, известный впоследствии келарь Троице-Сергиевской лавры Арсений Суханов, посланный из Москвы для „описания св. мест и греческих церковных чинов". На обратном пути в Россию через Грузию он на один день (6 мая 1652 г.) заезжал в Дамаск, где „стоял у патриарха антиохийского". Девятнадцатого он приехал в Алеппо, где провел около недели „на митрополичьем вкладном дворе" и, конечно, имел возможность неоднократно беседовать с Макарием. Впоследствии он мог встретиться с ним еще в Валахии и принимал в Сергиевской лавре. В Москву Суханов вернулся только в июне 1653 г., а между тем Макарий уже через два месяца после встречи с ним в Алеппо начал свое затянувшееся на очень долгий и непредвиденный семилетний срок (1652—1659) путешествие.

Из Алеппо он выехал 9 июля и, после различных поездок по патриархии, 22 июля был в Антиохии. Дальнейший путь шел через Александретту, где путники были 5 августа, Адану (14 августа), опять с поездками в сторону для сбора милостыни, Конью (11 сентября) и Бруссу (28 сентября) на Константинополь, куда они прибыли 20 октября. Через два с небольшим месяца (7 января 1653 г.) они его покинули и морем направились в порт Констанцу (12 января). В Молдавии и Валахии им пришлось пробыть почти полтора года в связи со сменой господарей и военными событиями в стране; за это время они, между прочим, имели случай близко познакомиться со вскоре убитым в сражении сыном Богдана Хмельницкого Тимофеем. Только 10 июня 1654 г., переправившись через Днестр у Рашкова, им удалось покинуть пределы Молдавии и вступить в Украину. В Богуславе (22 июня) они встретились с гетманом Хмельницким, которого систематически называют оносным именем „Хмель", и 26 июня 1654 г. выехали в Киев. Он задержал их только на две недели до 10 июля, а 20-го они были на границе Московии в городе Путивле — единственном пункте, через который едущим с востока разрешалось вступать в пределы Московского государства. Двадцать четвертого они могли направиться дальше и второго августа были в Калуге. Известия, полученные здесь о моровой язве в Москве, заставили изменить дальнейший обычный маршрут, равно как и конечный пункт остановки, для которого была избрана Коломна. Одиннадцатого августа, подготовив речной транспорт, власти отправили патриарший караван по Оке, и он через Каширу и Голутвин был 17 августа благополучно доставлен по назначению. Моровая язва, потрясающие картины которой очень живо с нескрываемым ужасом рисует Павел алеппский, задержала патриарха в Коломне почти на полгода; только 30 января 1655 г. он мог ее покинуть и 2 февраля был в Москве в отсутствие Алексея Михайловича, занятого польской войной. Это оказалось одним из обстоятельств, продливших их пребывание в столице почти на 16 месяцев. За этот срок они побывали в ближайших и некоторых, сравнительно, дальних монастырях. Они ездили в Троице-Сергиевскую лавру, где 9 июля объяснения давал им Арсений Суханов, в августе и сентябре в Новгород с заездом в Иверский монастырь на Валдае. Обратно в Москву они вернулись 20 сентября, но дождались Алексея Михайловича из похода только 10 декабря 1655 г. Все время было занято либо посещением церквей и других достопримечательностей, либо совещаниями с патриархом Никоном по вопросам исправления церковных книг и других духовных дел.

Двадцать третьего марта 1656 г. они могли, наконец, в ужасную распутицу отправиться обратно на Калугу, но едва проехали Белев

и Болхов, как были возвращены царским гонцом с просьбой вернуться для участия в неотложных церковных совещаниях. Вторично они выехали из Москвы тем же путем уже 28 мая и 12 июня 1656 г. были на границе в Путивле, а 28-го — в Киеве. Проведя здесь опять две недели, по несколько иному маршруту они продолжали путь по Украине и 27 июля в Чигирине опять встретили Хмельницкого, а 15 августа переехали границу Молдавии у того же Рашкова. Пребывание в Молдавии и Валахии затянулось и теперь почти на два года: только 13 октября 1658 г. из Галаца они по Дунаю вышли в Черное море, а потом мимо Варны и Константинопольского пролива после тридцатипятидневного плавания достигли Синопа в Малой Азии. Через Токат, Сивас и Мараш они вышли на прежний путь и, наконец, 21 апреля 1659 г. были опять в Алеппо, а 1 июля 1659 г. в „престольном граде" Дамаске.

Маршрут первого путешествия Макария нам известен хорошо благодаря тому, что оно подробно описано Павлом алеппским. Не так обстоит дело со вторым (1664?—1669). Павел в нем тоже участвовал, но на обратном пути в 1669 г. умер в Грузии. Записи он, несомненно, вел и на этот раз, но не успел их обработать и никаких следов их до сих пор не обнаружено. Сам Макарий оставил по своему обыкновению только несколько отдельных глав-набросков. Обстоятельства, непосредственно вызвавшие это второе путешествие, кроме обычной необходимости сбора милостыни, нам неизвестны. Возможно, что и здесь имело место прямое приглашение на Собор для готовившегося суда над патриархом Никоном. Макарий продолжал поддерживать связь с Москвой, и по русским источникам мы знаем, что в 1662 г. здесь был его архимандрит Неофит, получивший подарков на 500 руб. Теперь он ехал вместе с александрийским патриархом Паисием.

Путешествие на этот раз шло тем путем, которым пользовались, когда надо было избегнуть Константинополя и юго-западных побережий Черного моря, через Кавказ, Грузию, на Астрахань и дальше по Волге; так возвращался и Арсений Суханов. Были у Макария и на этом пути прямые предшественники из сирийских арабов: лет за тридцать до него, в 30—40 годах XVII в., ездил в Грузию Пахомий, епископ Сайднаи (около Дамаска), как мы знаем из упоминания самого Макария в одном из его сочинений. Грузию арабы, вероятно, знали хорошо, и в начале XVIII в. уехавший туда митрополит Ма'лули (на Ливане) не пожелал даже вернуться на родину „из-за старости", несмотря на специальных гонцов антиохийского патриарха, как нам говорит его грамота 1724 г. Когда выехал Макарий, на этот раз неизвестно, в Грузии он во всяком случае был в 7173 (1665) г., как упоминает об этом Павел в дополнениях к описанию первого путешествия, и даже в 1664 г., как удостоверяет одна его запись в грузинской рукописи, недавно обнаруженная в Тбилиси. В Астрахань они приехали во всяком случае только 21 июня 1666 г. и принимали участие в торжественном учреждении астраханской митрополии. Седьмого июля Макарий выехал оттуда через Черный Яр, Царицын, Саратов, Симбирск, Арзамас и Муром. Во Владимире он был 21 октября и, наконец, в Москве 2 ноября 1666 г. В декабре состоялось осуждение Никона, и Собор продолжал свою работу в 1667 г. Уехать из Москвы Макарий мог только 10 июня 1668 г. после полуторагодового пребывания и на этот раз. Обратный маршрут его шел тем же путем, и 10 августа он был опять в Астрахани, а в начале сентября двинулся дальше. Возвращение снова затянулось и было очень неудачно: в Шемахе он подвергся вымогательствам и прямому грабежу хана и только 4 февраля 1669 г. в письме московскому патриарху Иоасафу он сообщает о своем прибытии в Иверию. Двадцать

второго июня 1669 г. он пишет ему же все еще из Тифлиса, повествуя о дальнейших злоключениях, полной потери своего имущества и смерти архидиакона Павла. Точная дата этого события не приводится, и некоторые исследователи по недоразумению принимают за нее дату письма. Заканчивается оно слезной просьбой о помощи; быть может, в связи с этим стоит сохранившееся в русских источниках свидетельство об отправке ему в 1669 г. подарков на 200 рублей с иеродиаконом Мелетием; вернее, однако, что Москва тогда не знала еще о постигших его на Кавказе злоключениях и считала вернувшимся домой. Произошло это в том же 1669 г., во всяком случае не позже 1670 г., так как известно письмо его в Москву от 30 августа 1670 г. уже из Дамаска. Сношения его с Московией продолжались: в 1671 г. с присланным от него митрополитом тирским и сидонским было отправлено 300 золотых червонных и соболей на 700 руб. Уж в следующем 1672 г. Макарий антиохийский умер 12 июня, на три года пережив своего сына и летописца Павла алеппского.

Как мы видели, у них были предшественники из земляков в необычном путешествии по России, однако, с ранней традицией географической литературы описание Павла алеппского не связано. Мусульманская линия ее была ему, естественно, чужда и, вероятно, не знакома; в христианской — выработанных образцов не было. Надо все же отметить, что как раз с путешествием упомянутого Иоакима связано одно произведение, которое Павел часто цитирует, но оно было совсем другого типа и другого объема. Этого патриарха сопровождал неизвестный нам ближе митрополит ʿĪsā, который составил в стихотворной форме 'касыды' описание его путешествия. К сожалению, до сих пор мы знаем это только по упоминаниям Павла, на которых и основаны все сообщаемые другими сведения. О самом авторе нам тоже ничего неизвестно. Стихотворная форма его произведения и эпоха — вторая половина XVI в. — позволяют высказать соблазнительное предположение, не есть ли „митрополит ʿĪsā" тот самый „сказитель (ал-ḳаввāл) ʿĪsā ал-Хазāр" (соловей), который был в это время достаточно популярен в Сирии своими духовными „кантами" на разговорном языке. К сожалению, и о нем сведения слишком сбивчивы и для сопоставления все еще нехватает данных. Между тем, рукописи его „исторической касыды" с описанием путешествия, восходящие, повидимому к одному оригиналу известны, но аннотации каталогов чрезмерно скудны. Две из них, новые, находятся в Бейруте и по происхождению восходят к Алеппо, что опять интересно подчеркнуть. Шейхо в связи со своим обычным отношением к автору-мелькиту характеризует произведение, как „очень банальное описание церквей и монастырей России и Валахии", не упоминая даже, что оно составлено в стихах. В совершенно аналогичном по содержанию сборнике касыда сохранилась в одной парижской рукописи, о которой сведений, к сожалению, не больше. По указанию Шейхо, она занимает всего пять страниц и значит была очень незначительного объема, однако цитаты, приводимые Павлом, говорят скорее за то, что отзыв Шейхо слишком скептичен, хотя и сам Павел относится к произведению с некоторой долей критики. Он говорит, что имел эту касыду при себе во время путешествия и испрашивал „милость божию" для митрополита „всякий раз, как читали его поэму". Вполне основательно он замечает: „Но могу сказать, что я, бедный, много превзошел его описание, ибо он составил едва одну тетрадь, а я написал большую книгу". Его критика иногда направляется и на детали сообщения: приводя в рассказе об Успенском соборе цитату из него „о достопримечательностях этой страны", он расшифровывает ее как бы

ограничительным комментарием, замечая не без некоторой иронии, что „нет колонн из черепах и иных, как он неверно описал ради того только, чтобы вышел правильным размер его касыды". Здесь же он торопливо оговаривается, что не порицает его, но подчеркивает, что „все, что видел собственными глазами, то пересказал правдиво, описывая каждый предмет по порядку, дабы, если читатель представит его себе в своем уме, нашел бы таким, как будто сам его видел". Расхождение в описании он объясняет наивно между прочим и тем, что ʿИса̄ приезжал, когда государство было еще слабо, „мы же прибыли в нынешнее время, когда государство сделалось в высшей степени богатым".

Что описание ʿӢсы в отдельных пунктах бывало достаточно подробно, говорят его цитаты об Архангельском соборе или царь-колоколе, но и здесь Павел вносит иногда фактические поправки; что оно не ограничивалось, как говорит Шейхо, описанием церквей и монастырей, показывают интересные замечания его о политике татар и ляхов, в которых Павел усматривает своего рода пророчество, относящееся к его времени. Вообще же он прав, и его книгу нельзя сравнивать с касыдой ʿӢсы не только в смысле объема, но и самого характера сведений и большой их точности. На помощь приходили здесь даже сроки пребывания: два года не то, что два месяца, и за это время Павел в значительной мере ознакомился с русским языком, так что для информации не нуждался уже в передаточных инстанциях. Вообще гостям приходилось обходиться, главным образом, греческим языком, с которым они постепенно во время путешествия привыкли справляться; изредка, но прикровенно они прибегали к турецкому, например в разговорах с сибирскими татарами и, вероятно, касимовским царевичем, хотя последний умел читать и по-арабски. Пользоваться им вообще путешественники избегали; турецкий язык вызывал со стороны „московитов" и презрение и подозрение, так как считался исключительно связанным с исламом и турками.

Редко приходилось нашим путешественниками встречаться с родным языком, но один случай очень оригинален. Земляком их оказался один московский воевода, занимавший этот пост в Кашире, Коломне и Серпухове. Он был уроженцем Дамаска, но еще мальчиком вывезен одним пашей сперва в Алеппо, а затем и в Стамбул, где подарен в рабы султану Мухаммеду III. Во время похода в Персию в 1616 г. он попал в плен, но потом бежал и занимал в Турции разные должности, вплоть до управления округами Ḥамā в Сирии и Нāбулус в Палестине, и даже начальствования дамасским караваном паломников. Во время похода на Польшу при Османе II (1618—1622) он опять оказался в плену, но тоже бежал, сначала в Киев, а затем к царю Михаилу Федоровичу, крестился и остался здесь на службе. Павел добавляет, что он был знатоком арабского языка; при их отъезде он был снова назначен воеводой в Каширу и всегда отличался большой справедливостью.

Среди московских переводчиков обыкновенно не бывало людей, специально знакомых с арабским языком. Павел пишет, что „при вратах царя есть семьдесят переводчиков, знающих все языки, но арабского не знают". Исключения, однако, попадались: „У царя есть люди из пленников, которые делаются переводчиками. Один из них — знающий двенадцать языков: арабский египетского наречия, турецкий, греческий и франкский, а родом он московит". Сам Павел к концу своего пребывания настолько свободно мог общаться по-русски, что патриарх, царский наместник и другие „везиры", как выражается он, предлагали ему остаться переводчиком по арабскому языку. Конечно, это говорилось, вероятно, в шутку, но во всяком случае

показывает, насколько Павел отличался почти от всех иностранцев, приезжавших в Россию.

Независимость его информации от промежуточных инстанций, не в меньшей степени, чем независимость от литературной традиции, немало способствовали тому, что описание получило оригинальный, очень живой и непринужденный характер. Это — непосредственные записи впечатлений, делавшиеся день за днем и не всегда тронутые даже последующей редакторской обработкой. Может быть, как на некоторый литературный прием приходится смотреть на упоминание в предисловии о том, что записки начали составляться по настоянию одного друга — диакона Гавриила, сына Константина, хотя автор сознавал всю трудность стоящей перед ним задачи и неоднократно к ней возвращается в разных местах описания. Сам по себе факт такой просьбы настолько, однако, естественен, что в нем можно видеть отражение и действительного случая; диакон Гавриил представляет вполне определенную историческую личность из очень известной и в литературе фамилии aṣ-Ṣā'иг. Свои ежедневные записи Павел начал вести почти с первого же дня и продолжал до самого возвращения на родину. Записи эти постепенно накоплялись; долговременное пребывание на одном месте позволяло Павлу заниматься не только перепиской рукописей, многие из которых сохранились, но и приведением в порядок „отдельных листов". Обработка соответствующих частей началась еще в Москве и незадолго до выезда оттуда в феврале 1656 г. сильно подвинулась вперед, захватив то, что было написано почти за год до этого срока. Возникла, таким образом, как бы предварительная, первая редакция, вероятно, сравнительно краткая: сам Павел смотрит на нее так, мечтая по возвращении в свою страну переписать книгу еще раз. Эта мечта осуществилась; осуществилась и вторая, значительно расширенная редакция, которая была завершена, как естественно предполагать, до второй поездки в Московию. Однако работа и этим не ограничилась: в книгу продолжали вноситься дополнения и позже, даже во время второго путешествия и пребывания на Кавказе, как об этом говорит и сам Павел, иными словами почти до его смерти в 1669 г. Нетрудно видеть, что литературная история памятника достаточно сложна: мы имеем по меньшей мере две редакции — краткую или черновую и полную с позднейшими дополнениями к ней в течение десяти лет. Возможно, конечно, еще наличие различных сокращений, обработок и редактур, выполненных другими лицами при жизни или после смерти автора. Этим и объясняются расхождения между известными до сих пор рукописями, филиация которых, как увидим впоследствии, остается в науке до наших дней далеко еще не выясненной.

Язык произведения Павла мы можем оценивать, конечно, только с учетом того уровня, на котором находилась в эту эпоху вообще христианско-арабская литература. Уровень этот был, по существу, невысок. На примере Илии мосульского мы видим, что даже представители арабоязычных христиан, которые ориентировались на Запад, которые имели более легкий доступ к старой арабской традиции, а иногда и возможность получить несколько систематическое школьное образование, все же полного владения литературным языком не приобретали. Даже среди них известное „возрождение" началось почти веком позже и связано в значительной мере с деятельностью алеппинца маронита Германа Фархāта, который родился (1670) через год после смерти Павла, за два года до смерти Макария. Те круги, к которым принадлежал последний, были предоставлены самим себе и поддержки со стороны в смысле просвещения не имели. По целому ряду признаков мы можем предполагать, как уже отмечали, что

в отношении образования Павел стоял выше Макария, но все же не настолько, чтобы чувствовать себя свободно в литературном языке. Некоторые произведения мусульманских писателей он, несомненно, читал: у него есть, например, ссылки на историю Ибн Тагрибердй, однако начитанностью, которая дала бы возможность усвоить среднюю литературную „koine", он не обладал, как и его отец. Писать он, конечно, старается на литературном языке; нормой для него является духовная литература арабов-христиан этой эпохи и в общем он ей удовлетворяет. Но когда изложение делается живее и непосредственнее, Павел не может с ним справиться и переходит почти на разговорный язык, не только в смысле синтаксиса, но очень часто и грамматических форм. Язык его насыщен диалектизмами и вульгаризмами; в этом для нас большое его достоинство, так как он, хотя и через призму условной арабской транскрипции, дает представление о разговорном стиле этой эпохи. Однако, в этом же заключены и не малые трудности: для понимания его надо обладать некоторым знакомством с диалектом сирийских арабов. Хуже всего то, что на языке Павла отразилось некоторое представление его о высокой 'прециозной' прозе, идеалом для которой он считает рифмованную речь. В различных отступлениях или особо торжественных случаях он упорно пытается прибегать к ней, вызывая частью убогое, частью комическое впечатление. Рифмой он снабжает диалектные формы, создает просто неправильные образования, совершенно насилует обычный для него язык и, конечно, не достигает желаемых эффектов. Ряд многочисленных и ярких примеров подобрал Х. Заййат, и приходится пожалеть, что Павел не всегда остается в пределах нормального для него языка, который в таких случаях является для нас все же ценным памятником. В этом вина не его, а его эпохи.

О значении памятника в области географии в широком смысле по его содержанию и фактическим данным много говорить не приходится: об этом существует обширная литература, главным образом, на русском и румынском языке, а в последние десятилетия и на арабском. Свода ее, к сожалению, не имеется даже применительно к русским работам, так как книга А. Голосова (1916 г.) не закончена и в этом отношении носит дилетантский характер. Макарий проезжал по таким странам, которые за эту эпоху не нашли другого отражения в арабской литературе; если исключить более известную Малую Азию, то ни Молдавия, ни Валахия, ни Украина, ни Русь нигде не имеют такого обстоятельного описания со значительными иногда экскурсами в прошлое. Благодаря медленному передвижению и значительному сроку пребывания, он имел возможность близко узнать крупнейших политических деятелей эпохи — гетмана Хмельницкого, царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, не говоря про десятки более мелких фигур, игравших в разных областях очень значительную роль. Он оказался как бы очевидцем великих событий — воссоединения Украины, войны с Польшей, начального момента в истории старообрядчества, моровой язвы. Для политической и духовной истории своего времени книга Павла алеппского благодаря этому — не менее важный источник, чем для географии.

Конечно, нельзя забывать, что для самого автора не эта сторона стояла на первом плане: он вращался преимущественно в придворной и духовной среде, центр его внимания устремлялся на религиозную жизнь, то есть именно ту область, которая была закрыта и недоступна, а еще чаще и совершенно непонятна для западных путешественников, приезжавших в Россию. В этом отношении „Сафрат" или „Рихлат Макарийус" является памятником, единственным в своем роде, хотя и достаточно специфического харак-

тера, но захватывающим все стороны церковной жизни. Некоторые данные сохраняют свое значение и до настоящего времени: таковы, например, очень подробные сообщения Павла по церковно-археологическим вопросам, которые представляют первостепенный интерес для истории древнерусского искусства. Он не ограничивается только архитектурой, давая подробное описание церквей и колоколен; такое же внимание он уделяет иконографии, детально анализируя важные отличия южнорусской живописи, и с такой же точностью останавливается на стенописи, которая особенно его восхищала. Для многих памятников его сообщения представляют не только историческое значение, но иногда остаются единственными свидетельствами самого их существования.

Большой вес имеют обстоятельные рассказы Павла и про литургическую сторону церковной жизни, в которых он касается не только самой службы в тесном смысле слова, но и вопросов чтения и пения, представлявших резкие отличия сравнительно с тем, что было ему известно на родине. Долгий срок пребывания и здесь пошел на пользу точности и полноте описаний: за время нахождения в Москве Павел мог наблюдать не только обычные службы — всенощную и литургию, но и весь цикл великопостного и пасхального богослужения, равно как целый ряд иногда достаточно редких случаев частного богослужения, начиная с чина почти всех таинств и кончая чином венчания царей на царство, который он видел при избрании нового господаря в Валахии. К вопросам пения, о котором Павел тоже говорит очень подробно, и Макарию пришлось иметь близкое касательство: и в этой области на Украине и в Московии тех лет замечалось большое движение; его подпись имеется, между прочим, под грамотой о введении партесного пения в России, воспроизведенной в 1915 г. в печати. Грамота относится уже ко второму приезду патриарха в Москву в связи с собором 1666—1667 г.

Конечно, многие из деталей, приводимых Павлом, представляют ограниченный интерес для специалистов в определенных областях, но даже при его увлечении некоторыми сторонами жизни нельзя забывать, что изложение его везде развертывается на фоне широкой общей картины, где видна и природа, где чувствуются живущие в стране люди, где отражается вся действительность, в непринужденном безискусственном изложении, иногда несколько наивном, но всегда непосредственном, часто нелишенном юмористической окраски. В этом общее значение памятника, если и не представляющего выдающегося произведения высокой литературы, то во всяком случае занимающего свое место с честью; оно может быть признано и оригинальным, и, несомненно, интересным.

Изучение его и с филологической и с общекультурной точки зрения далеко еще не закончено, а наоборот, особенно в первом отношении, не вышло даже из начальной стадии. Отчасти это объясняется довольно медленным знакомством Европы с рукописями оригинала. Первой стала известна в 20-х годах прошлого столетия та, которая теперь находится в Британском музее. Она датирована 1765 г., была приобретена в Алеппо в 1824 г. и сыграла большую роль, так как на ней основан перевод Бельфура, вышедший в 1829—1836 гг., с которым связаны почти все работы о Макарии, в том числе первые русские. Выборки из его перевода (W. Palmer — L. Riding) переиздавались в Англии еще и через сто лет, в 1936 г. К началу 20-х же годов относятся сведения об одной рукописи, писанной каршӯнӣ (сирийскими буквами), которую видел Сенковский в ʿАйнṭӯрэ (на Ливане) у своего учителя, известного маронитского ученого Антония ʿАрӣды. До сих пор это сведение не подтвердилось и никаких

следов такой рукописи не обнаружено. В России рукописи стали появляться только с конца 40-х годов, благодаря стараниям различных лиц, обративших внимание на важное значение памятника для нашей истории, причем все три известных экземпляра представляют копии, снятые с одного и того же оригинала 1700 г., находившегося тогда в Дамаске: копия 1847 г. принадлежала б. Учебному Отделению Министерства иностранных дел (теперь Институту востоковедения), копия 1849 г. — Публичной библиотеке в Ленинграде, копия 1859 г. — б. Главному архиву МИД. На основе главным образом последней был выполнен перевод Г. А. Муркоса (1896—1900). В конце XIX в. в Парижскую Национальную библиотеку поступила с коллекцией Шефера не датированная рукопись, относящаяся, несомненно, к XVII в.: она писана двумя почерками, причем основной некоторыми признается за автограф Павла, что возможно, хотя и требует еще окончательной проверки, вполне осуществимой путем сличения с имеющимися у нас его несомненными автографами. Эту рукопись кладет в основу своего французского перевода румынский ученый Б. Раду, опубликовавший первый выпуск. В конце 90-х годов А. Е. Крымский вывез из Сирии дефектный экземпляр сокращенной редакции в рукописи XVIII в. Составление этого сокращения принадлежит не самому Павлу, а относится уже к следующим поколениям. Частичное сопоставление его с более полной редакцией было произведено А. Олесницким, а в Украинской Академии наук хранится полный перевод, подготовленный Т. Г. Кезма. После Октябрьской революции в библиотеку Института востоковедения поступила рукопись 1700 г. — оригинал всех трех, находившихся, как отмечено, в России. До сих пор только в слабой степени она была привлечена Б. Раду в пролегомена к его изданию (1927). Благодаря сирийскому ученому К. Баша стало известно еще о существовании рукописи в Алеппо с датой 1750 г.; по его словам, она более всего совпадает с парижской. Таким образом, из всех этих материалов самостоятельное значение представляют, повидимому, только три рукописи: парижская, ленинградская 1700 г. и лондонская. Выше всех по достоинству, повидимому не без основания, Раду ставит парижскую, однако лондонская дает наиболее полную редакцию; весь вопрос соотношения их между собою, равно как отношения к ним рукописи Крымского и алеппской, должен быть рассмотрен филологически с привлечением всего материала. Раду сделал в этом направлении только первый шаг.

То же самое приходится повторить об изучении книги Павла антиохийского в целом: до сих пор не существует полного перевода, который можно было бы назвать критическим, как не существует и суммирующей работы, которая подвела бы итог сделанному. Толчком к первому ознакомлению Европы с этой книгой послужил, как мы упоминали, перевод Бельфура: на нем основаны и первые русские работы, представлявшие частичные переводы или отдельные статьи. Раньше всех откликнулся на него ученик Сенковского, известный археолог и нумизмат П. Савельев, который в „Библиотеке для чтения" за 1836 г. поместил довольно значительные выдержки еще до того, как было закончено издание Бельфура; его вводные замечания и комментарий сделали эту статью одной из наиболее ценных для раннего периода. Дальнейшее оживление интереса к книге Павла алеппского наступило в 70-х годах, когда вышли основанные на том же источнике переводы и статьи по частным вопросам Л. П. Рущинского (1871), Д. Благово (1875—1876), Аболенского (1876) и ряд более мелких. Вообще до появления в 90-х годах статей и перевода проф. Г. А. Муркоса Бельфур продолжал оставаться у русских историков единственно доступной

базой для знакомства с путешествием Макария. Такую же роль он играл за это время и в румынской науке. Любопытно отметить, что первый частичный перевод Негруцци (1862) восходил к извлечениям Савельева, переводы академика Б. П. Хыждеу (1865) и Чоран (1900) основаны на Бельфуре. В 80-х годах три отрывка были переведены непосредственно с арабского (вероятно на основании рукописи Британского музея) М. Гастером. В румынской науке вообще данные Павла пользуются очень большим авторитетом и, как констатирует А. И. Яцимирский, „едва ли можно найти какое-нибудь серьезное исследование по истории Румынии без ссылок на путешествие архид. Павла".

С начала 90-х годов стали появляться отдельные заметки, связанные с произведениями Макария, и отрывки его путешествия в переводе Г. А. Муркоса, уроженца Дамаска; они открывают как бы второй период в изучении книги Павла алеппского. Эти публикации явились подготовительной стадией для полного перевода, который был выпущен им в пяти томах в 1896—1900 г. с различными дополнительными материалами. Будучи арабом по происхождению из Сирии, получившим высшее образование в России, в одинаковой мере владея и арабским и русским языком, Муркос имел много преимуществ для работы над этим произведением; его перевод стоит несравненно выше труда Бельфура. Иногда ему все же вредило отсутствие строго филологического научного метода, а еще больше пользование только самой поздней рукописью. В настоящее время с открытием рукописей парижской и особенно ленинградской 1700 г., оригинала той, по которой он вел свою работу, его перевод в целом приходится считать в значительной мере устарелым. Печатные отклики на него в русской и румынской печати были очень многочисленны и обыкновенно сочувственны, но сколько-нибудь крупных работ на русском языке относительно самого путешествия с той поры не появлялось. Характер полезной сводки носят собранные А. Е. Крымским в отдельном выпуске (1913) статьи из „Древностей Восточных", где впервые даны между прочим сведения о принадлежавшей ему рукописи сокращенной редакции. Полезной по специальным вопросам археологии, искусства и литургики является основанная на переводе Муркоса работа А. Голосова (1916), но она осталась неоконченной, а по отношению к предшествующей литературе обнаруживает иногда дилетантский подход и неполную осведомленность, которая в известной мере объясняется работой в провинции.

Несколько увеличилась за XX век арабская литература о Макарии и Павле, в которой надо выделить главным образом ряд частичных статей и замечаний Хабība Заййāта. Издание К. Бāшā вводной части путешествия, данное (1912) на основе парижской рукописи с некоторым привлечением алеппской, как показал анализ Заййāта, приходится признать мало удовлетворительным. Известный прогресс за последнее время обнаружила опять румынская наука. Если румынский перевод по парижской рукописи, начатый Попеску Чоканель (1903), остановился на первом выпуске, захватил только описание путешествия по Малой Азии и выполнен, судя по анализу его земляка Б. Раду, плохо, то последний подготовился к своей задаче более серьезно. Долголетнее пребывание в Париже дало ему возможность хорошо познакомиться с парижской рукописью, которую он положил в основу своей работы над изданием текста и французского перевода; кроме нее, он пользовался и лондонской и ленинградской 1700 г. В 1927 г. он выпустил первую часть как бы „пролегомен" к подготовительной работе, в которой сообщил подробные сведения о трех важнейших рукописях, с попыткой установить на основании текста преимущество парижской рукописи

перед лондонской и ленинградской, а затем дал анализ существующих переводов (в том числе Муркоса) на разборе частей, относящихся к путешествию по Малой Азии, Молдавии и Валахии. В первом отделе — о Малой Азии им приведены в тексте и переводе те пропуски сравнительно с рукописью Британского музея, которые сделал Бельфур (а вслед за ним Муркос, если соответствующие места отсутствовали в его московском источнике). В связи со всеми этими материалами работа Б. Раду оказывается, несомненно, полезной и из нее придется исходить при дальнейших текстологических исследованиях. Основным недостатком ее является неполное знакомство с русскими работами и, быть может, несколько преуменьшенная оценка ленинградской рукописи. В 1930 г. появился первый выпуск текста и перевода, подготовленных на основе тех принципов, которые изложены в пролегомена. Когда работа будет закончена, она, несомненно, откроет новый этап в изучении труда Павла алеппского. Преждевременно, конечно, судить, в какой мере удовлетворительно будут выполнены части, посвященные Украине и Руси, которые представят для Раду значительно большие трудности, но все же можно предполагать, что и в лучшем случае на наших ученых останется долг объединенными усилиями историков и арабистов дать исчерпывающую работу о Макарии и Павле, а в первую очередь действительно критическое издание хотя бы тех отделов, которые непосредственно относятся к нашей стране.

Для этого надо будет привлечь и другие произведения, уже не столько Павла, сколько самого Макария, которые имеют отношение к географии. Их не так много и в большинстве они носят хорошо знакомый нам характер предварительных компиляций или черновых записей в „общих тетрадях". Наиболее известны и значительны его заметки относительно Грузии, составленные во время второго путешествия в Россию; они были дважды изданы: в арабском тексте с французским переводом О. С. Лебедевой (1905) и с русским — П. К. Жузе (1905). В основу обоих изданий была положена ватиканская рукопись 1756 г., которая содержит ряд мелких произведений Макария — переводов с греческого, компиляций и набросков. Между собой по содержанию обыкновенно они ничем не связаны, но имеют сплошную нумерацию, по которой отрывки о Грузии названы главой 28—31-й. Содержание их посвящено тоже преимущественно вопросам церковно-религиозной жизни, но количество бытовых и чисто географических подробностей так же велико, как в большом описании Павла. Об издании Лебедевой и Жузе приходится сказать то же, что о труде Муркоса: для своего времени они представляют очень полезную работу и дают возможность судить о характере сообщаемых сведений, но теперь, с поступлением в Институт востоковедения автографа всех этих произведений Макария, требуется, конечно, новое издание. Оно должно быть выполнено арабистом с учетом параллельных грузинских материалов и с обращением особого внимания на язык Макария, который в значительно большей мере, чем у Павла, насыщен диалектными особенностями. Можно надеяться, что этим требованиям удовлетворит работа тбилисского ученого Г. В. Церетели, которая подготовлена к печати.

Тот же сборник Макария говорит нам, что в своих общих географических представлениях он находится главным образом под влиянием византийских источников: у него имеется статья „О больших островах на море", „О природе Сирина и птиц, поминаемых в Псалмах" и т. д. На основании тех же материалов составлял он и хорошо известное нам по другим образцам того же типа „Описание Рима", сохранившееся в рукописях. Эти книжные источники во всяком случае отнюдь не ослабляли живого интереса

к виденным странам и сейчас же вызывали стремление познакомить земляков с историей и географией неведомых для них народов: Павел во время вынужденного чумой пребывания в Коломне писал историю Василия, господаря молдавского, его походов и войн, как говорит сам в заметке на одной переписанной им же в это время рукописи; Макарий, вероятно, при таком же невольном досуге в Грузии, составлял историю Валахии, а в Тбилиси написал статью о завоевании Константинопля. Все это говорит нам, что оба они — и Макарий, и Павел — были люди живые с живым интересом к книжному просвещению тех, кто читал по-арабски, как они понимали это просвещение, за что заслуживают благодарной памяти своих земляков. Большое же „Путешествие Макария" и теперь для нас остается памятником выдающегося значения.

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕДЖРАНЕ В НАЧАЛЕ VI в. н. э.

Вопрос об общественном строе города Неджрана (Неграна), расположенного на скрещении сухопутных дорог Аравии, представляет интерес как в связи с караванными городами вообще, так и в связи с вопросом об общественном строе одного из древних городов за целый век до хиджры.

Возможность поставить эту проблему обусловлена использованием нарративных греческих и сирийских источников этого времени. В соотношении с современными событиям эпиграфическими памятниками, с сообщениями арабских хроник, правда значительно более позднего времени, они дают всему комплексу явлений новую оценку. Иначе рассматриваются уже известные факты, и ряд новых, до этого времени не обращавших на себя внимания данных, приобретает новое значение.

Караванный город-государство рос в особых экономических условиях, так как торговля, товарно-денежные отношения и ростовщичество создавали особые условия для его развития. Одной из основ богатства такого города было рабовладение. В общественном строе Неджрана можно узнать тип античного города-государства.

Большое значение имеет то, что анализ структуры общественных отношений Неджрана в VII в. н. э. можно дать на основании современных указанному периоду источников, на век предшествующих проповеди пророка. Грандиозные события мусульманских завоеваний, оставившие глубокий след на арабских источниках, не потемнили, однако, традиции, сохраненной греческими и сирийскими историками. Привлечение большого числа химьяритских надписей, изданных в последние десятилетия, также имеет значение. Надписи дают новый и аутентичный материал для суждения. Но их краткость, небольшое число исторических по содержанию среди них, отсутствие датированного материала и неустановленность хронологии в значительной степени затрудняло их анализ и не приводило до настоящего времени к отчетливым представлениям. В сопоставлении с новыми данными и эти свидетельства оживают и дают возможность делать новые выводы.

Не случайно в своей книге, выдержавшей третье издание в 1946 г., Хитти пишет: „Социальная организация сабео-химьяритского общества, как она вскрывается в надписях, представляет любопытную смесь старой племенной системы, кастовых расслоений, феодальной аристократии и монархии, являясь феноменами, многие из которых могут быть найдены

в других местах, но которые в своих агрегатах представляются единственными".[1]

Но такое разнообразие форм отношений, однако, только кажущееся. Текстуальный анализ и привлечение сравнительного материала позволяют разобраться в хаосе этих отношений, которые для буржуазных историков представляются единственными и неповторимыми.

Характеристика общественных отношений Неджрана как одного из крупных городских центров Южной Аравии может быть обобщена и рассматриваться как тип отношений определенной стадии развития хозяйственных и социальных отношений в караванных городах. В таком аспекте его история и общественная структура приобретают особый интерес.

Характеристика общественных отношений Неджрана складывается из нескольких основных моментов: родовые отношения, социальное расслоение, экономическая основа господствующего класса и характер власти.

Значение родовых отношений и связей для кочевых арабских племен, бедуинов, общеизвестно. Существенно отметить, что и оседлое, городское население Южной Аравии не порвало с традициями рода, как об этом свидетельствуют арабские историки более позднего времени и химьяритские надписи. Достаточно напомнить о больших родах, которые образовали целые племенные объединения, как Кинди, Гассаниды, Лахмиды. Они вышли из южных областей полуострова, где вели оседлый образ жизни в городах и имели собственную многовековую культуру. Придя в соприкосновение с большими государствами, цивилизация которых стояла очень высоко, с Византией и Ираном, и Гассаниды и Лахмиды быстро освоились в новом положении.

Родовые отношения подчеркиваются знанием своей генеалогии и значением, которое арабы ей придавали, о чем говорят все традиции устной поэзии и письменных, прозаических источников. Известно, какое место занимают межплеменные войны и родовая месть в жизни арабов-бедуинов, о чем свидетельствует та же поэзия.[2] В городах Южной Аравии, где оседлая и культурная жизнь дала новые формы общественных отношений, родовые связи и значение рода остались в силе, но приобрели и новые черты. В самих именах арабских племен сохранились следы тотемизма, так как „сыны льва" и „сыны голубя" — племена, тотемом которых был голубь или лев.[3] Надписи и сообщения нарративных источников о химьяритах свидетельствуют о наличии у них больших семей и родов. Действующие лица, упоминаемые надписями, — члены одной большой семьи, не только отец и сыновья, но также братья и племянники. Этот тип родовых отношений засвидетельствован сообщениями о знатных родах в „Книге химьяритов". При перечислении лиц, убитых Зу Нувасом Масруком, дается целый список „имен благородных" или „свободных" (אית שמי דכבי שמיהם), которые были уничтожены целым родом: отец, его братья, сыновья и племянники.[4] Богатая и знатная неджранитянка Рума гордо говорит: „Вы знаете мое племя (لحمي), мой род (عزبي), кто я и чья я дочь".[5] Род объединялся общими экономическими интересами, нажитое имущество

[1] P. K. Hitti. History of the Arabs. 3-е изд., 1946, стр. 57—58.
[2] C. J. Lyall. Traslations of ancient arabian poetry. New York, 1930, стр. XXIII.
[3] A. Nallino. Raccolta di scritti editi et inediti, т. III. Roma, 1941, стр. 80.
[4] A. Moberg. The book of Himyarites. Lund, 1924, стр. 24^b—25^b.
[5] La lettera di Simeone vescovo di Beth — Arsam sopra i martiri, omeriti, publ. dal Ignazio Guidi. Reale Accademia dei Lincei, Seria 3ª, Memorie della Classe di scienze morali, storiche e filiologiche. Roma, 1331, v. VII, стр. 3—4 (далее цитируется Simeon Bethars.).

переходило по наследству в пределах рода. Отсюда возникла мощь, сила, политическая значительность старых „свободных" и „благородных" родов. Наследственно роду принадлежали должности этнархов или кабиров.

В дальнейшем, ряд отдельных мелких черточек подтвердит это общее положение, хорошо известное и по истории Мекки в VII в., судьбами которой вершили знатные роды. „Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды..." указывал Маркс и подчеркивал, что явление это возрастает под влиянием „смешения победителей с покоренными племенами и т. д.".[1]

Знатные, мощные роды занимали в городе Неджране господствующее положение, они были причастны управлению города, составляли его верхушку.

Харит (Арефа греческих источников) „один из знатных", из „сыновей свободных" (ܒܢܝ ܚܪܝܪ ܕܢ ܫܪܝܪ) занимал высокое положение в Неджране и, в частности, он назван главой (ܪܫܝ) всех христиан города.[2] Занимаемое им положение определяется как положение „этнарха города и его пригорода" ἐγεγόνει τῶν πάντων καὶ τῆς πόλεως καὶ τῆς περιχώρου αὐτῆς ἐθνάρχης.[3] Город представлял собою самостоятельную единицу и, вместе с прилегавшей к нему областью, тяготевшей к нему, имел самоуправление. Господствующим слоем были „свободные" и „благородные", которые неоднократно упоминаются в текстах. Они представляли собою высший слой, правящей верхушкой города были наиболее состоятельные и наиболее знатные из них лица.

В качестве этнарха Неджрана и области Харит действовал как главное лицо, как представитель города, но он не был единоличным распорядителем его судьбы. Рядом с ним очень часто упоминаются „свободные" (ܒܢܝ ܚܪܝܪ ܕܢ)[4] и „вожди города" (ἀρχηγοὶ τῆς πόλεως).[5] Харит являлся как бы первым среди равных, наиболее видным членом богатой и аристократической верхушки. Когда царь Масрук Зу Нувас, осадив Неджран, расположился под ним лагерем и потребовал, чтобы к нему пришли для переговоров, то из города с Харитом вышло 150 человек „благородных".[6] Для решения вопроса о сдаче города и об условиях выкупа его свободы было недостаточно мнения одного этнарха. Полтораста человек, вышедшие с ним, должны были сказать свое слово, их решение и заключалось в том, чтобы заплатить требуемое „золото" (ܕܗܒܐ), т. е. деньги, и сохранить город неразрушенным — „такое мнение преобладало в городе".[7] Наряду с этим мнением, очевидно, в городе было и другое. Так как царь Масрук требовал „с души" определенную сумму, народу было тяжело откупаться. Низшие слои не были заинтересованы в сохранении прежней власти, им было нечего терять и они могли предпочитать царя-химьярита ставленникам „царя кушитов".

Сообщения „Книги химьяритов", „Мученичества Арефы" (Харита), послание Симеона Бетаршамского позволяют дать характеристику господствующего слоя и рассмотреть общество в его отдельных слоях, в живом действии.

Один из эпизодов борьбы знати Неджрана с царем Масруком, „эпизод с Румой", дает нам особенно живой и яркий материал. Знать сохраняла

[1] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Вестник древней истории 1940 г. № 1, стр. 12.
[2] The book of Himyarites, стр. 8[a], 36[b].
[3] Martyrium Arethae. Acta sanctorum, Octobris, т. X, стр. 728.
[4] The book of Himyarites, стр. 8[a].
[5] Martyrium Arethae, стр. 724, 723.
[6] The book of Himyarites, стр. 11[a].
[7] Там же.

тесные семейные связи и крепкие родовые отношения, поэтому сильные роды пользовались большим влиянием и были состоятельны. К числу таких родов в Неджране принадлежал род Гау (Гав), из него вышла знатная и очень богатая неджранитянка, история которой дается несколькими источниками.

Рума (ܪܘܡܝ — имя это имеет несколько написаний: ܪܘܡܝ ,ܪܡܝ, ܪܡܝ), дочь Азмы (ܥܙܡ), принадлежала к роду Гау (ܓܘ). Термин ܫܒܛ обозначает род, большую семью, а термин ܫܡܐ соответствует понятию „племя". Род этот был мощным, сильным, с большими связями. Рума была в родстве с Харитом, „славным старцем", этнархом, о котором была речь выше.[1] Она была замужем, имела детей и внуков. Муж ее был убит царем Масруком. Она и в замужестве и во вдовстве занимала независимое положение, управляя своим большим богатством, недвижимой и движимой собственностью, самостоятельно. Необходимо отметить среди оседлого населения Аравии это положение и права женщины в большой семье, в роде. О следах матриархата говорят данные о быте арабских племен.[2] О сыне Румы говорится: „Нуман, сын Румы, дочери Азмы", т. е. он отмечен, как ее сын, без указаний на имя его отца.[3] Это встречается и в других случаях, в именах лахмидских царей, среди которых некоторые упоминаются с именем их матери, а не отца, как „Мундар бар Закика", „Нуман ибн Хинд".[4] Выше были приведены слова Румы, которыми она подчеркивала свою связь с родом и со своей отцовской семьей, не с мужем, за которого она вышла. После того, как он был убит, она могла воспользоваться правом выйти замуж вторично, она говорила: „Если бы я пожелала иметь мужа, мне не недоставало мужа", т. е. она имела возможность и могла бы легко найти себе другого мужа.[5] Самостоятельное положение женщины сказывалось также в том, что она могла занимать имущественно независимое положение. Рума имела собственные средства, она во всеуслышание кричала в городе: „Вот, в этот день, сегодня, у меня есть 40 000 дариков, которые отчеканены и положены в мою сокровищницу, помимо сокровищницы моего мужа, помимо золота, серебра, меди, жемчугов, яхонтов — моих украшений".[6] Эти большие средства достались ей по наследству от ее семьи и рода. Если драгоценности, которые она перечисляла как исключительно ценные, но все же составляющие носильные вещи, украшения, утварь могли ей достаться как приданое, то большое количество денег, о которых она говорит, имеет уже другой характер — характер родового или семейного имущества. Кроме денег, Рума перечисляла „рабов и рабынь, деревни и доходы" и добавляла: „и ничто мне не недоставало".[7] Греческий текст в числе принадлежащего ей имущества называет имения, (κτήματα), т. е. земли, недвижимое имущество и стада (ἀγέλαι),[8] а сирийский — деревни (ܩܪܝܐ).[9] Таким образом в руках знатных родов было сосредоточено большое недвижимое имущество — имения, земли, деревни, которые составляли одну из основ их богатства. К городу примыкала и тяго-

[1] Там же, стр. 36[b]
[2] C. A. Nallino, ук. соч., стр. 83—85.
[3] The book of Himyarites, стр. 25[a].
[4] G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden von al Hira. Berlin, 1899, стр. 76.
[5] Simeon Bethars., стр., (4). В скобках условно поставлено обозначение страниц сирийского текста.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Martyrium Arethae, стр. 732.
[9] Simeon Betharsam., стр., (4), и (5).

тела область, в которой находились эти деревни и имения (τὰ περιχώρα) и которую жестоко разорил Масрук Зу Нувас при своем наступлении.[1] При наличии орошения, земли давали прекрасный доход и были материальной базой землевладельцев. Население области занималось земледельческим трудом, обрабатывая землю, поддерживая ирригационную систему. Зу Нувас „увел всех находящихся в предместьях и на полях города (ἐν τοῖς προστείοις καὶ ἀγροῖς) и в имениях (καὶ κτήμασι), одних он убил, (ἀνεῖλε), рабов же раздарил (ἐχαρίσατο) своим мегистанам, полководцам и этнархам".[2] Деревни и имения за чертой города принадлежали богатой верхушке, которая распоряжалась и занимала видное положение в Неджране. Караванная торговля требовала большого количества вьючных и верховых животных, поэтому и табуны скота, перечисленные Румой, также составляли ее богатство.

Существенно отметить, что Рума располагала большим количеством золота и серебра в виде чеканной монеты. Греческий и сирийский источники расходятся только в количестве тысяч, но оба вкладывают в уста Румы почти дословно тот же текст: „Вот в этот день, сегодня, у меня есть 40 000 дариков, которые отчеканены (ܕܚܬܡ) и положены в мою сокровищницу, помимо сокровищницы моего мужа".[3] „И вот я говорю вам, что в сегодняшний день целых 10 000 золота и серебра имеется у меня отчеканенными (ἐσφραγισμέναι)".[4] Такое понимание этого выражения греческого текста было уже отмечено его ученым комментатором Карпантье: „plusquam millia nummorum signatorum auri et argenti".[5] Также недвусмысленно выражение сирийского текста. Корень ܚܬܡ — печатать, или прикладывать печать, чеканить, также достаточно отчетлив. Форма ܕܚܬܡ, participium pluralis с относительной частицей означает „которые вычеканены", или „чеканные", и положены в сокровищницу. Сведения о чеканной монете химьяритов имеются в историческом введении греческого текста „Мученичества Арефы", возможно позаимствованном из „Книги химьяритов". В последней эта вводная часть отсутствует, так как единственная рукопись дефектная. Греческий текст гласит: „Эта так называемая элкас (ἕλκας, ὁλκάδος) есть царская химьяритская монета, имеющая вес ромейского золотого, двадцать два кератиона ...".[6] Сохранились серебряные сабейские монеты, которые повторяют классические образцы, как монеты III и II вв. до н. э., с головой Афины. Есть монеты и другого образца с изображением мужской головы и надписями.[7] Известно, если мера веса или монета получает дополнительное название — царской, двойной, большой и т. д., как это было например с модием или с локтем, то название монеты „царской" говорит о том, что чеканка могла производиться не только царем.

Возможно, что огромное количество чеканной монеты, сосредоточенной в сокровищнице Румы, говорит о том, что чеканка производилась здесь же, на месте.

Караванная и морская торговля Южной Аравии способствовала широкому развитию товарно-денежных отношений. С этим связано накопление чеканной монеты, золотой и серебрянной. Задолго до новой эры в самой

[1] Martyrium Arethae.
[2] Там же.
[3] Simeon Betharsam., стр., (4).
[4] Martyrium Arethae, стр. 732.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 723.
[7] P. K. Hitti, ук. соч., стр. 56, 58

Аравии были известны золотые копи,[1] а средневековые арабские писатели ал Макдизи и ал Хамдани также упоминают о наличии золота в Аравии.[2] Денежное обращение порождало ростовщичество, допускало большие долговые и заемные операции, благодаря которым росло богатство больших и сильных родов.

Род Гау, к которому принадлежала Рума, имел большое состояние, и его представительница продолжала производить накопление, так как широко предоставляла деньги в долг. Свидетельства об этом не двусмысленны. После того как Рума была казнена царем Масруком, „некоторые из знатных, бывших с ним, приблизились и сказали ему: «Эта женщина, Рума дочь Азмы, великая. Многочисленное добро было ею сделано в отношении многих, в отношении царей, которые предшествовали тебе, в отношении богатых и в отношении бедных. Так, во времена Мадикарима, царя, бывшего до тебя, который нуждался и просил у нея одолжить 12 000 динаров, она дала ему в долг. Через некоторое время она услыхала, что ему недостает, и она почтила его [подарком] ... и многие принимали ее благодеяния»".[3]

Богатство знатной Румы было настолько велико, что она могла давать в долг царю Мадикариму, предшественнику Масрука Зу Нуваса и другим царям ملوك. Знать занимала значительное место в Химьяре и по своему имущественному положению, а не только по признаку происхождения. То, что Рума предоставила царю в качестве дара, можно было не возвращать. Иначе обстояло дело с предоставлением больших сумм в долг. Двенадцать тысяч динаров составляли целое состояние, которое она смогла дать царю в долг. Но такого рода одолжения обычно делались с процентными начислениями на предоставленную сумму. „Благодеяния" Румы, о которых идет речь, в отношении царей, богатых и бедных людей, заключались в том, что она предоставляла в заем деньги, производила долговые операции, была заимодавцем. Для торговых оборотов, больших закупок, которые производились для караванной и морской торговли в Аравии, такого рода займы имели большое значение. Выражения текста заставляют предполагать, что Рума и при жизни мужа управляла своим имуществом самостоятельно, так как в заем предоставляла деньги она сама.

О торговых оборотах и долговых обязательствах в VII в. говорят более поздние мусульманские источники, использованные в работах Ламменса,[4] с неправильными общими выводами которых никак нельзя согласиться.

Экономическая поддержка, которую знать оказывала царю, несомненно отражалась на его положении; к этому придется еще вернуться в дальнейшем.

В перечислении имущества Румы во всех редакциях и неоднократно упоминаются рабы и рабыни.[5] Как один из видов собственности они занимают в сирийском источнике место вслед за перечислением золота и серебра и предшествуют имениям и садам в греческом памятнике. Следовательно, с экономической точки зрения удельный вес и значение рабовладения были довольно велики, рабы и рабыни (παῖδες, παιδίσκαι,

[1] Diodorus Sicilensis. II, 50, I.

[2] P. K. Hitti, ук. соч., стр. 4 ².

[3] The book of Himyarites, стр. 43^b—44^a.

[4] H. Lammens. Le berceau de l'Islam. L'Arabie occidentale à la veille de l'hégire. Romae, 1914. — Он же. La Mecque à la veille de l'hégire. Beyrouth, 1924. — Он же. L'Arabie occidentale avant l'hégire. Beyrouth, 1923.

[5] Simeon Betharsam., стр. ٦ (4). — Martyrium Arethae, стр. 732.

ܥܒܕ, ܚܘܪ) составляли значительную часть имущества. Их руками обрабатывались те имения и земли, которые составляли имущество знати и принадлежали „благородным". На социальной лестнице рабы занимали самую последнюю ступень. При перечислении групп населения в иерархическом порядке источники называют их последними.

Данные, которые могут быть почерпнуты из упомянутых источников, дают яркую картину жизни общества Неджрана. Интересны экономические сведения, сообщения о социально-политическом строе и семейно-родовом быте. Женщина занимала самостоятельное положение не только в среде кочевых и полукочевых бедуинов, но и в условиях караванного города, в Химьяритском государстве. Она наследовала имущество, производила торговые и займовые операции, распоряжалась своим богатством. Оставшись вдовой, она пользовались полной свободой, могла вступить в новой брак и самостоятельно вести дела своей семьи и своего дома. На экономические и социальные причины этого явления указал академик Б. Д. Греков, который отметил, что в Киевской Руси были „вдовы, продолжающие представлять свои знатные фамилии и после смерти мужей, подобно тому, как Ольга не потеряла своего главенствующего положения после смерти своего мужа Игоря. Это говорит об устойчивости знатных фамилий, т. е. о прочности их материальной базы".[1]

В такой прочности материальной базы не приходится сомневаться, зная богатство Румы.

Эти сведения могут быть еще дополнены данными об имуществе Харита (Арефы). Умирая, он завещает все свое богатство детям или родственникам, которые останутся верными христианству, они „будут моими наследниками" (ἔστωσαν μοι κληρονόμοι), — говорит он. Но и в этом случае три лучших имения должны быть переданы в собственность церкви τριὰ δὲ κτήματα καλλιστεύοντα πάντων τῶν κτημάτων μου βούλομαι δοθῆναι τῇ αὐτῇ ἁγιοτάτῃ ἐκκλησίᾳ.[2] Дословно это пожелание передано и в сирийском тексте Симеона Бетаршамского.[3] В случае, если среди его детей и родственников все откажутся от христианства, то все имущество Харита должно перейти церкви. Здание церкви, о котором идет речь, было затем сожжено Масруком Зу Нувасом, и Харит как бы предсказывает его восстановление. Это предсказание является указанием на построение церкви, осуществленное при Абрахе.

В греческом памятнике „Законы химьяритов" местом ее построения назван Неджран, а у Табари — Сана.[4]

Таким образом, если Харит имел возможность пожертвовать церкви „три лучших имения", (κτήματα) или деревни ܟܦܪ, то как велика должна была быть вся недвижимая собственность, которую он оставлял родственникам. Как Румз, так и Харит принадлежали к числу богатейших людей, причем имущество их заключалось и в земельных угодиях, так что они не утеряли связи с землей. Интересно отметить факт передачи недвижимости, дарения земли церкви, которая таким путем получала материальную опору в языческом государстве.

Таким образом, для определения общественного строя Неджрана, а тем самым и других городов Южной Аравии в VI в., необходимо рассмотреть

---

[1] Акад. Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства, М., 1943, стр. 43.

[2] Martyrium Arethae, стр. 736, 753.

[3] Simeon Bethars am., стр. ١١ (11).

[4] Tabari. Geschichte der Perser und Araber aus der arabischen Chronik v. Nöldeke. Leiden, 1879, стр. 200—201, 216.

вопрос о положении родовитых, богатых семей, городской головки, ее взаимоотношений с „царем", с этнархом или князем. Для этого могут быть с успехом использованы южно-арабские надписи, дополняющие нарративный материал.

Скудные данные о низших слоях общества не дают возможности показать во всей полноте условия их труда и жизни, но наличие рабства как одного из основных укладов может быть бесспорно установлено.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ

Низшие классы

Как ни скудны данные о низших слоях общества в государстве химьяритов, некоторое количество материала может быть почерпнуто из упомянутых нарративных источников и эпиграфических данных.

Различные группы населения перечислены в сообщении о том, как царь Масрук Зу Нувас обратил в рабство и роздал своим приближенным мальчиков и девочек различного происхождения. Συνάξας δὲ πάντα τὰ παιδία τὰ ἀπὸ δεκαπέντε ἐτῶν καί κατωτέρω, εἴτε ἀρσενικὰ εἴτε θηλυκά τῶν εὐγενῶν, καὶ πολιτῶν καὶ τῶν γεωργῶν, καί χειροτεχνῶν, καὶ δούλων...[1] „Собрав же всю молодежь от 15 лет и ниже, мужского и женского пола, из благородных, горожан, земледельцев, ремесленников и рабов", царь „подарил их в рабство, εἰς δουλείαν, мегистанам и прочим своим приспешникам".

Текст перечисляет „благородных, горожан, земледельцев, ремесленников и рабов" в порядке социальной иерархии. „Благородные" принадлежали к господствующему классу, из которого выделялся высший, особенно состоятельный слой знати. Их положение должно быть охарактеризовано особо. Городские жители, „горожане" и „ремесленники", разделенные в перечислении земледельцами (γεωργοί), принадлежали к средним и низшим слоям общества, которые составляли опору благосостояния знати и благородных. „Горожане" включали многочисленных купцов и торговцев, мелких и крупных, людей, связанных тем или иным образом с караванной торговлей. Ремесленники (χειροτεχνοί) по месту, занимаемому ими в социальной иерархии, были выше одних только рабов.[2] В условиях раннего средневековья это закономерное явление, их положение обычно было тяжелым, кабальная экономическая зависимость часто приводила их к рабству.

Группы сельского населения οἱ ἀγροικοί или οἱ γεωργοί, т. е. земледельцев или крестьян, составляли общины свободных оседлых земледельцев, их руками возделывались пальмовые рощи, сады, проводились каналы, строились плотины и поддерживалась вся сложная ирригационная система, без которой земледелие было невозможно. Эти общины не утеряли своего родового единства, и в надписях они известны как בנו — „сыновья" определенного племени или как שעב — племя (la tribu, der Stamm). Их возглавляет кабир племени, их представитель.[3] שעב — термин, который принято переводить как „племя" приобретает, однако, новые черты, которые роднят его с представлением об общине. Хартман определял שעב „как группу сельского или городского населения, которые объединены оседлым

[1] Martyrium Arethae, стр. 739.
[2] Там же.
[3] Hartmann. Der Islamische Orient II. Die arabische Frage. Leipzig, 1909, стр. 212 219. — G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, т. 40 (1927), стр. 177; Le Muséon, т. 45 (1932), стр. 290, 294.

местом жительства и общим заработком — земледелием, торговлей, индустрией".[1] Это положение требует уточнения, так как ремесло не может быть названо индустрией, и племя отдаленно все же помнило об общем предке, от которого оно происходило. В данном определении на основании изучения надписей, שעב племя приобретает уже все характерные черты общины оседлого населения, объединенного по признаку общего места жительства и общего способа заработка. Кочевое состояние племен, бедуинов, от них отличалось, а также существовало множество переходных ступеней от кочевого к полуоседлому и оседлому состоянию. שעב это те γεωργοί, о которых упоминает греческий источник. В монотеистической надписи, происходящей из Катабана (Рикманс, 63 = Боскавен, 13), упоминается племя Сайбан, в котором особо выделены его „благородные" или „свободные" (אולד שעבהמו)[2]

Участие свободного населения в работах по обновлению оросительной системы, проведении новых ее ответвлений, каналов, в работах по восстановлению и постройке городских стен или плотины засвидетельствовано надписями. Подробности дает известная надпись (Глазер, 618), которая говорит о размерах восстановленной „с помощью племен" стены длиной в 45 локтей, высотой в 35 локтей, шириной в 14 локтей, помимо плотины, ее укрепленной части и ложа для протока (строки 105—114). Надпись эта датирована и относится к 543 г. н. э., ко времени царя Абрахи, который восстановил стены и плотину Ма'риба, разрушенные во время военных действий. „Племена" (אשׁעבן — как и в первом случае во множественном числе, но Глазер пишет син вместо шин; см. строка 96) чрезвычайно тяготились тяжелой работой, и царь был вынужден их отпустить, так как, повидимому, среди них возникли волнения.[3]

Кроме того, следует отметить, что в надписях, кроме термина בנו „сыновья", в значении сыновья определенного племени, употребительно и понятие „люди" באש, (множ. число (אבאש), как в надписи 43 (VA 3819) Государственного музея в Берлине. В этой надписи упоминаются и главы „людей", т. е. населения, представлявшего собою те же „племена".[4]

Таким образом, наличие свободного сельского населения, состоявшего из племенных или общинных объединений, засвидетельствовано нарративными памятниками и надписями.

В приведенном выше тексте дети различных слоев населения были отданы в рабство приспешникам царя. Самый факт отдачи в рабство говорит о том, что рабство имело глубокие корни и играло значительную роль. Известно, что Аравия вела торговлю рабами, поставляя их на рынки Византии и Ирана. Если можно было предполагать, что при этом в самой Аравии не использовали или мало использовали рабский труд, то агиологические памятники начала VI в. дают новые и ценные данные. Купцы Иемена и Хиджаза не только перевозили, перегоняли и перепродавали рабов, но труд рабов применялся на месте и был одной из основ экономического устройства общества. Обработка земли имений, полей, садов, уход за скотом лежал на рабах, которые, выполняя эти работы, принадлежали к числу непосредственных производителей на земле. Межплеменная

---

[1] Hartmann, ук. соч., стр. 450.

[2] G. Ryckmans, там же, v. 45 (1932), стр. 290, 294—295.

[3] E. Glaser. Zwei Inschriften über den Dammbruch von Marib. Mitteil. d. Vorderasiatischen Gesellschaft, Berlin, 1897, H. 6, стр. 420.

[4] J. H. Mordtmann und E. Mittwoch. Himjarische Inschriften. Leipzig, 1932, стр. 55.

война, столкновения между городами создавали возможность брать в плен и обращать в рабство людей, имевших общий язык с завоевателями.

Царь Масрук обращает в рабство юношей и девушек моложе 15 лет, принадлежащих к разным слоям населения, из которых последней сословной группой являются рабы (οἱ δούλοι).[1] Когда знатная жительница Неджрана выходит из своего дома, вызванная царем-завоевателем, ее с плачем сопровождают домочадицы и рабыни (ܡܠܚܬܐ ܡܫܚ ܕܒܬܗ ܕܟܒ ܕܟ).[2] Перечисляя свои богатства, она называет рабов и рабынь (ܥܒܕ ܐܡܬ).[3] Изданная Рикмансом надпись № 3 сообщает особый приказ о продаже раба, рабыни (עבדם, אמתם) и скота (строка 3-я).[4] Известно различное применение термина раб (עבר), он входит в состав теофорных имен, выражает состояние подчинения. Но нет сомнения в том, что в ряде надписей термин этот действительно представляет рабов, которые достигли известного доверенного положения, как „раб Сумхуʿала", который был поставлен ведать насаждениями, находившимися в собственности племени Зу Иахар, и в качестве такового воздвигший надпись.[5]

Достаточно вспомнить, что Табари считает основателя христианства и Иемене, Фемиона (испорченное ποιμήν), рабом, который был куплен и привезен туда, что мать царя Абрахи была рабыней и т. д. Все это говорит о большом числе рабов, принимавших участие в домашней жизни и в хозяйстве. О большом количестве рабов и об их участии в сельском хозяйстве, т. е. о рабах, посаженных на землю, говорят другие данные, например текст „Мученичества Арефы". Масрук Зу Нувас, захватив поля, земельные угодья, именья, находившиеся в окрестностях города Неджрана, захватил всех находившихся на полях, одних он „убил" (ἀνεῖλε), „рабов же (τοὺς δὲ δούλους) раздарил своим мегистанам, начальникам и этнархам".[6] Каково же было количество рабов, если их можно было так раздаривать? Для более позднего времени, времени Мухаммеда и Корана, сведения о рабах приводились, но данные о наличии рабов, посаженных на землю в Химьяре, в VI в. н. э., до настоящего исследования не были приняты во внимание.

Благородные и знать

Высшие слои общества Неджрана могут быть диференцированы: „благородные" (οἱ εὐγενοί, ܒܢܝ ܚܪ), „сыновья свободных" — это привилегированный класс вообще, верхушку его составляла родовитая и богатая знать, „главы" (ܪܫܝ) или (ܟܒܝ), „богатые", „большие" (οἱ μεγιστᾶνες).

Благородные и знать занимали видное положение в городе Неджране и решали его судьбу. Они вышли с Харитом в количестве 150 человек к царю Масруку для переговоров, однако не все они занимали такое видное положение, как Харит или Рума. Но можно указать рядом с родом Гау, из которого происходила Рума, знатный род, к которому принадлежал Абдаллах ибн Афу. Благодаря тому, что отец Абдаллаха пользовался влиянием при дворе Масрука и был язычником, царь разрешил Абдаллаху подобрать тела казненных им. Абдаллах „приготовил мужей [человек]

[1] Martyrium Arethae, стр. 729.

[2] The book of Himyarites, стр. 33[a].

[3] Там же, стр. 38[b]. — Simeon Betharsam., стр. ? (4).

[4] G. Ryckmans. там же, v. 40 (1927), стр. 155, 163.

[5] Hartmann, ук. соч., стр. 410—411.

[6] Martyrium Arethae, стр. 723.

сорок, из своего рода (ܡܢ ܒܢܝ ܫܒܛܗ) и из своих друзей (ܘܡܢ ܚܒܪ ܕܝܠܗ)".[1] Им же были составлены списки казненных „благородных" мужчин и женщин, использованные и приведенные в „Книге химьяритов".[2] Если Абдаллах бар Афу мог собрать 40 человек родственников и друзей, то очевидно, что род его пользовался влиянием и был многочисленным. Из знати вербовались „головы" (ܪܫܝ) наличных, которые играли роль правителей и ведали всеми делами города и прилегавшей к нему области.

Знать накапливала большие богатства как в виде недвижимой собственности, так и деньгами, чеканной монетой. Торговля требовала денег и это порождало ростовщичество. „Благодеяния" Румы распространялись не только на царей, но и на „богатых" и „бедных", т. е. она давала в долг и тем и другим.

Ростовые операции, принося проценты, увеличивали имущество богача. Брак между представителями богатых семей приводил к тому, что в одних руках оказывались две большие сокровищницы и Рума могла говорить о своем богатстве „помимо сокровищницы" своего мужа. Гордясь своей древней родословной, знатный род в отдельных случаях считал себя выше царского рода, особенно если последний был недостаточно древним.

Царь Масрук Зу Нувас, желая привлечь на свою сторону Руму, обещал ей сохранить жизнь и „прежнюю честь", если она перейдет в иудейство. „Я дам тебе в мужья богатого и известного из моих глав (ܡܢ ܪܫܝ ܥܡܝ).[3] Отказываясь от всего, что ей обещал Масрук, Рума говорит: „...а что вы говорите мне, что ваш царь-злодей даст мне в мужья знатного (ܪܒܝ) из своих глав... то и вы знаете, что нет никого из его глав, который был бы достоин в своей знатности (ܒܫܒܛܗ) взять меня в жены. Да и нечестивый царь ваш не может быть мне мужем...".[4] Как бы ни толковать сирийское слово raba и его дериватив rabuta — большой, великий, знатный, — это не изменяет данного термина; по любому из этих признаков Рума отвергала всех претендентов и самого царя Масрука. Обращение к жителям Неджрана — „вы это знаете" — указывает на то, что несоответствие такого брака было очевидно не только ей, но и ее соотечественникам, знавшим ее. Знатный род как бы замыкался в себе, получал некоторые признаки касты. В отношении Масрука ответ Румы мог быть продиктован тем, что мать его была рабой-иудейкой, и только отец принадлежал к царскому роду,[5] следовательно, Масрук был недостаточно знатным для нее.

Знать и благородные диференцировались, и существовала градация как в их богатстве и благосостоянии, так и в положении и чинах. Соответственно и занимаемое положение было выше, значительнее, роль в управлении государства больше. Это находит отражение в терминологии, применяемой к „благородным", „сынам свободных" и к „знати", „главам".

Йемен в эпоху господства химьяритов возглавлялся царем, ближайшими к нему лицами были „князья", их было ограниченное число; есть осно-

---

[1] The book of Himyarites, стр. 24[a].

[2] Там же стр. 24[b], 30[b].

[3] Там же, стр. 37[a].

[4] Там же, стр. 37[b].

[5] Chronique de Seert, L XXIII, ed. par A. Scher. Patrologia Orientalis, т. 5, стр. 331.

вания считать, что они занимали положение правителей областей. Царь на них опирался, но он должен был и в наибольшей степени считаться с ними. Когда Масрук Зу Нувас потерпел ряд военных неудач, он начал высказывать опасения, чтобы ему не изменили его „семь родственников" (συγγενεῖς).[1] Это выражение давно привлекало внимание исследователей, сопоставивших их с термином qail, kail. В химьяритских надписях имеется этот термин, важный для определения социальной структуры общества. Термин قَيْل варьирует в надписях как קל, קול (pluralis אקול). Надписи Йемена, относящиеся к старшему периоду, этого термина не дают, в надписях последнего периода и в текстах kail, kaul употребляется как звание знатного, высокопоставленного лица. Обычным его переводом является „князь". „Ein himjaritischer Fürst heist qail", — писал Нельдеке,[2] комментируя текст Табари, — „когда услыхал об этом Зу Нувас, он написал князьям" (كتب الى المقاول).[3] Так называемая „Химьяритская касыда", составленная в XII в. (автор ее Нашван ал-Химьяр ал-Йемени умер около 1117 г.), упоминает восемь химьяритских князей в словах „Где восемь князей и их царство?" (أَيْنَ الثَّمَانِيَةُ المُلُوكُ وَ مُلْكُهُم).[4]

К числу восьми „князей" принадлежал и некий Зу Таалабан. От Зу Нуваса он бежал к эфиопскому царю Эла Ашбеха (Элесбоа), поэтому „князей" в Химьяре осталось только семеро.[5] Можно также поставить это в связь с сообщением „Мученичества Арефы" о семи родственниках (συγγενεῖς) Зу Нуваса. Восемь „родственников" царя, „князья", имели этот высший титул, исторически сложившийся, быть может, от того, что княжеские роды были и действительно родственными царю. Этот титул мог возникнуть и как почетное звание. Мордтман, „сопоставляя греческий и арабский термины „8 συγγενεῖς — qels der Himjaren", ставит между ними знак равенства.[6]

Упоминание в надписях אקיל или אקול, обычно переводимые как „графы, князья, вассальные князья", имеет место и в двух надписях, из которых одна является известной надписью из Husn al-Gurab (Вороньего замка). Надпись эта была воздвигнута Сумиф'Ашва (Smif) и его сыновьями в память того, что в 640 г. (дата химьяритской эры) эфиопы (habeš, אחבשן), проникнув в землю Химьяр, убили царя Химьяра (מלך חמירם) и его „князей Химьяра и Рхаба" (ואקולהו אחמרן וארחבן). Текст этот привлек внимание многих исследователей, так как события, о которых идет речь, относятся к 525 г. н. э., когда царь Масрук Зу Нувас был убит эфиопами. Имя Сумиф' соответствует греческому Ἐσιμφαῖος, которое дает Прокопий Кесарийский первому ставленнику эфиопского царя Эла Ашбеха.[7] Упомянутый в надписи месяц dhgtn позволяет уточ-

---

[1] Martyrium Arethae, стр. 755, 756.

[2] Tabari, Nöldeke, стр. 194$_5$.

[3] Tabari. — Annales. Series I, t. 2,, стр. ٩٢٩ (929).

[4] A. Kremer. Die himyarische Kasideh, Leipzig, 1365, стр. 20—21, строка 95. — Encyclopaedie des Islam, III, стр. 924.

[5] Tabari, Nöldeke, стр. 136$_1$.

[6] J. H. Mordtmann. Die himjarisch — athiopischen Kriege noch einmal. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellschaft (1331), B. 35. стр. 697$_1$.

[7] F. Praetorius. Himjarische Inschriften. Z. D. M. G., (1872); 26, стр. 436—440. — Fell. Christenverfolgung in Arabien. Z. D. M. G., 35 (1331), стр. 37—39. — Glaser. Die Abessinier in Arabien und Afrika. München, 1895, стр. 131—132. — Winkler. Altorientalische Forschungen. Leipzig, I. 1893, стр, 326—327.

нить время надписи, так как это осенний месяц, и дата 525 г. н. э. подтверждается и новыми исследованиями.[1] Надпись говорит „царь Химьяра и его князья" (אקולהו, pluralis от קול — kail) и относится к событиям, описанным в „Книге химьяритов" и „Мученичестве Арефы".

Другая надпись (№ 43, Мордтман и Митвох), которая не поддается чтению в целом, отнесена ее издателями к новой эре; по содержанию своему она несомненно трактует события 523—525 гг., на что мы указывали в другой своей работе. В надписи также упоминаются „князья" „kail" как знатные люди.[2] Занимая видное положение в государстве, эти „князья" жили в замках и богатых дворцах, которые для них строили, расширяли и улучшали. Эти богатые замки носили каждый свое название.[3] Термин „kail" неоднократно упоминается и в надписи царя Абрахи, относящейся к 543 г. н. э., в их числе были восставшие против него и оставшиеся ему верными „князья" (Глазер, 618, строки 16, 14, 54, 81 и др.).[4] Несомненно правильно наблюдение исследователей, что надписи Иемена, относящиеся к старшему периоду, не знают этого термина; для понятия „господин" применялось общесемитическое mara, מרא (pluralis אמרא). Термин kail рожден более поздним временем и стадиально относится к более развитым формам общественных отношений, тогда как древние надписи называют рядом с царем только кабиров.

Таким образом, в первой четверти VI в. в Неджране, как и во всем Иемене, имеются развитые формы общественных отношений. Высшие слои общества диференцированы. „Благородные" или „сыны свободных" составляют его основу и являются наиболее многочисленными. Высший слой, знать, гордившаяся своими генеалогиями и древностью рода, была в то же время наиболее состоятельной, располагая недвижимой собственностью и большими денежными запасами. Из знати выделялись „князья" kail, занимавшие положение правителей областей и по своей знатности и значению получавшие наименование „родственников" царя, его συγγενεῖς.

Царь

Оседлое население Иемена, с незапамятных времен осевшее в городах, на земле, приносившей плоды при условии искусственного орошения, имело государственное устройство и развитые формы общественных отношений. Сохранившиеся надписи, с их своеобразным алфавитом, свидетельствуют о высокой культуре этого общества, развивавшегося в течение длительного времени.

Примитивный родовой строй кочевых арабов-бедуинов, носящий все черты варварства, остался далеко позади, был давно пройденным этапом для населения, жившего в условиях земледельческой жизни и в городах, связанных с караванной торговлей. Южноарабские надписи свидетельствуют об этой жизни, дают о ней сведения, неизвестные другим источникам.

---

[1] K. Mlaker. Die Inschrift von Hush al-Gurab. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenlands, (1927), 34, стр. 54—75 (Млакер отрицает значение данных „Книги химьяритов" для этой надписи). — Он же. Zur Inschrift von Husn al-Gurab. Zeitschr. f. Semitistik, (1929), 7, стр. 64.

[2] J. H. Mordtmann und E. Mittwoch, ук. соч., стр. 55, № 43.

[3] M. Höfner. Zur Interpretation altsüdarabischen Inschriften II. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde des Morgenlands (1935) 43, стр. 91.

[4] E. Glaser, ук. соч., стр. 394, 403.

Опубликование надписей и их детальное изучение было осуществлено целым рядом ученых в многочисленных трудах.

Достаточно назвать таких выдающихся исследователей, как академик И. Ю. Крачковский и ряд других ученых, и указать на тщательные аналитические труды, которые раскрыли многие детали и разработали дополнительно новые материалы. Но все эти работы не ставили себе целью дать законченные представления об общественной жизни народа, оставившего эти надписи.

Между тем, терминология надписей помогает установить характер общества в Йемене и судить о том, как оно изменялось на протяжении веков к началу VI в., к тому времени, когда о государстве химьяритов сохранились известия в нарративных источниках.

Известно, какие затруднения связаны с датировкой южно-арабских надписей. В настоящее время для них установлено как бы три хронологических периода. Первый период с IX в. до н. э. кончается началом новой эры; в течении этого времени цари называли себя царями Ма'риба, Ма'ина, Катабана и Хадрамаута.

Во второй период цари носят титул царей Саба и Райдана. Этот период кончается серединой III в. н. э., когда появились химьяриты, и столица из более внутренних областей, где расположен Мариб, была перенесена несколько южнее, в город Джафар.

В третий и последний период, с которым связано господство Химьяра, цари называли себя царями Саба, Райдана, Хадрамаута и Йеманата, т. е. всего Йемена. Этот период кончается завоеваниями абиссинцев в VI в.[1] Эта схема, выработанная по политическому признаку, в настоящее время принята в науке, и примерно в этих пределах можно говорить о разделах политической истории Йемена.

Нарративные источники также позволяют войти в некоторые особенности характера царской власти в начале VI в.

Царский род имел право на престол, поэтому, когда Зу Шанатир захватил престол химьяритских царей, он стремился обесчестить всех юношей, принадлежавших к царскому роду, чтобы лишить их права наследовать престол.[2] Имеется ряд указаний на то, что престол переходил от брата к брату или что два брата правили одновременно, это признак силы родовых связей, как это было и в Киевской Руси. В качестве примера можно привести правление двух братьев, сыновей „царя Саба и Райдана" Фарим Ахуба, как об этом гласит надпись.[3] В другой надписи приведены имена этих двух братьев-царей — Ильшарах Яхбиб и Я'зиль Байджин. Что их было двое, повторно упоминается в 4-й строке той же надписи.[4] Как один из многочисленных примеров разделения управления царством между сыновьями, этот факт подтверждает и силу родового строя и наличие представления о царстве как о родовом достоянии. О том же свидетельствует и последовательное наследование престола братьями до самых последних лет существования химьяритского государства, как Яксума и Масрука, сыновей Абрахи.[5]

---

[1] J. H. Mordtmann und E. Mittwoch. Sabäische Inschriften. Hamburg, 1931, стр. 3. — Ryckmans, там же 45 (1932), стр. 290.

[2] Tabari, Nöldeke, стр. 174—176, 220.

[3] J. H. Mordtmann und E. Mittwoch. Himjarische Inschriften. Leipzig, 1932, стр. 17—19, N 16.

[4] Там же, стр. 7—3, № 2, строки 1, 4.

[5] Tabari, Nöldeke, стр. 120.

Можно привести очень много примеров, чтобы доказать, что родовые отношения были чрезвычайно прочными не только у арабов-бедуинов, но и в древних городах Южной Аравии, живших культурной жизнью в течение многих веков.

Но можно указать и на другого рода явление — одновременное празднование двух царей или князей, не состоявших в кровном родстве. В том же „царстве Саба и Зу Райдана" в надписи 408, опубликованной в „Corpus inscriptionum Himjariticarum", названы два царя 'Итр и Хиу'ттр, которые не являлись братьями. Имеется новый перевод и толкование этой надписи.[1]

Когда бы ни был составлен эфиопский агиологический памятник „Деяния Азкира", им использованы древние традиции и исторические факты. Время жизни Азкира, проповедывавшего христианство в Неджране, определяется временем царя Шарбиль Якуфа, которое может быть установлено благодаря датированной надписи с именем некого Абд Кулала, относящейся ко времени этого царя. Надпись имеет дату 573 г. химьяритской эры, т. е. относится к 458 г. н. э.[2] Шарбиль Якуф царствовал еще в 467 г. н. э., как об этом свидетельствует другая надпись.[3] Во время пребывания Азкира в Неджране, во времена Шарбиль Якуфа, там правили два „князя" или „мегистана", i maggiorenti, Зу Таалабан и Зу Кайфан (Se'eban, Qefan). Наличие в Неджране одновременно двух правителей, „князей" или „царьков", дали повод Конти Россини сделать краткое примечание и высказать предположение, что население Неджрана делилось на 2 нома, из которых каждый имел своего представителя, „князя" или правителя.[4] Такой факт указывает на наличие мощной родовой организации, на последовательное развитие родового строя в Неджране.

Из других источников известно, что царь имел поддержку родовитой знати, их объединяли общие землевладельческие и торговые интересы. Знатные роды благодаря своему богатству и мощи могли оказывать царю и экономическую поддержку, как это видно из сообщения о Руме. Предприятия царей поддерживались и субсидировались „богатыми", которые предоставляли им деньги в долг или в качестве „дара", способствуя торговым оборотам или военной охране государства. Но при таком положении царь, правитель, оказывался не только в связи, но и в зависимости от знати, которая занимала видное положение. Царь, как император в Риме, занимал положение „первого среди равных". Харит (Арефа), занимая положение главы города и области Неджрана, непосредственно опирался и был в постоянной связи с другими „главами" и „знатными". О „совете господ" или „сенате" придется еще говорить в другой связи.

Не случайно царь Масрук Зу Нувас так опасался своих „родственников" (kail, „князей"). Власть царя-военачальника не имела абсолютного характера. Насколько независимо существовали отдельные области и города, можно судить на основании характера переговоров Масрука со знатью Неджрана. Он обратился к ним с вопросом: „Почему вы восстали против меня? Разве вам неизвестно, что я ваш царь?",[5] тем самым

---

[1] N. Rhodokanakis. Zur Interpretation altsüdarabischer Inschriften I. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenlands, 43 (1936), стр. 75.

[2] Conti Rossini. Un documento sul chrestianesimo. Roma, 1911. Reale Accademia dei Lincei. Estratto dei rendiconti, v. 19, fasc. 11, стр. 18—19.

[3] H. Winkler. Orientalische Forschungen I, стр. 329. На основании надписи, изданной Derenbourg, Études épigraphiques, N 13.

[4] Conti Rossini, ук. соч., стр. 19_1.

[5] The book of Himyarites, стр. 11^5.

подчеркивая то, что город мог претендовать на независимое, самостоятельное положение. И Харита (Арефу) царь упрекал в том, что он не захотел остаться в чести, как его предшественник — отец, а стал претендовать на независимое положение „тирана" и единоличное управление.[1] Это и было одним из мотивов осады и суровой расправы, которую учинил затем Масрук Зу Нувас в Неджране.

Царя окружали приближенные лица, составлявшие его свиту, и правители.

Большой интерес представляет случайно оброненное в „Мученичестве Арефы" выражение об одном из них: ὁ συγκάθεδρος τοῦ βασιλέως „сопрестольник", „сокафедренник царя", т. е. соправитель царя, лицо соучаствующее правлению царя, его визирь. Об этом „сопрестольнике" говорится, что он вел допрос Харита (Арефы) и вступил с ним в спор. Обращаясь к нему, Харит называет его „господин патрикий" (κύρι ὁ πατρίκιος),[2] т. е. дает ему одно из очень высоких званий Византийской империи, тем самым указывая на его высокое положение. Имя этого лица не названо. Но в „Книге химьяритов" первая роль, и притом весьма активная, принадлежала „одному из военачальников его [Масрука] войска, имя которого было Зу Язан".[3] Возможно, что это одно и то же лицо и что сирийский источник утерял ту особенность его звания, которую сохранил греческий — ὁ συγκάθεδρος.

Окружающие царя высокопоставленные и близкие ему люди представляют три категории: мегистаны, начальники и этнархи (μεγιστᾶνες, ἀρχηγοί, ἐθνάρχαι).[4] Наиболее ясно положение с „начальниками" (ἀρχηγοί), которые упоминаются тем же источником. Так, в применении к вождям, распоряжавшимся судьбой города, говорится — οἱ δὲ ἀρχηγοὶ πάντες τῆς πόλεως. Как „вожди", они могли быть и „военачальниками".

Этнарх, знакомый греческий термин, которым источники обычно определяют племенных вождей, царьков небольших варварских государств, применяя его и к вождям арабов — скинитов или гассанидов. Среди окружавшей царя Зу Нуваса знати не могли не быть и такие начальники племенных групп, этнархи. Возможно, что понятиям этнарха и начальника (ὁ ἀρχηγός) соответствовал и арабский термин кабир (כבר).

Мегистаны стояли на наиболее высокой ступени иерархической лестницы. Выше термин kail „князь" уже был сопоставлен с термином συγγενής „родственник царя". Но если число лиц, носивших звание kail, не ограничивалось числом восемь и кроме этих правителей областей и другие представители знати носили это звание, в том смысле, что звания „князей" и „великих князей" распространялись и на других, то возможно, что и мегистаны принадлежали к числу лиц, носивших звание kail.

Близкая царю знать выполняла административные обязанности, в частности, „князья" выполняли роль правителей.[5]

При перечислении званий жителей Неджрана и его сословий наивысшее положение из них занимает ἀρχηγός — в греческом и ܪܫܝ — в сирийском. Это указывает на то, что лиц, носящих звания князей, в этом городе не было. Сам Харит (Арефа) не был „князем", kail, а имел не столь высокое звание этнарха. Те „благородные" и „главы", которые

[1] Martyrium Arethae, стр. 734.
[2] Там же, стр. 735.
[3] The book of Himyarites, стр. 25[b].
[4] Martyrium Arethae, стр. 723.
[5] Hartmann, ук. соч., стр. 30, 416—417.

ему сопутствуют, составляли как бы совет города и области, как на это указывают некоторые данные.

Вопрос о том, какое же официальное положение занимал Харит и каков был характер управления городом и областью, может быть отчасти разрешен.

Советы

Южноарабские надписи с древнейших времен упоминают лиц, имеющих звание кабира. Это общесемитический корень, значение которого „быть тяжелым“ (כבר) получило новое значение. Звание кабира, как об этом можно судить на основании надписей, налагало определенный круг обязанностей по управлению и руководству. В ряде надписей кабир связывается с именем племени и называется кабир такого-то племени. Постепенно звание, а с ним и обязанности, становятся наследственными. Одной из главных функций кабира было руководство распределением воды по оросительным каналам, починкой акведуков и плотин. Часто кабиры упоминаются в надписях, говорящих об исправлении, обновлении и постройке новых домов.[1] Опубликованные в новейшее время надписи дополняют и иллюстрируют это положение. При обновлении водопровода для орошения пальмовых насаждений на кабира падала руководящая роль, как это видно из надписи, опубликованной Рикманс.[2] Работы по орошению осуществлялись кабиром племени (Рикманс), как это явствует и из надписи, которую издал Гримме.[3]

Большой и новый интерес представляет надпись Рикманса 63 (Боскавен, 13). Она происходит из юго-западного Катабана, высечена на скале близ Низаба и содержит монотеистическое обращение к Милостивому (Рахманан), „господину неба и земли“. Эта надпись воздвигнута в связи с восстановлением ирригационной системы, в ней поименованы лица, принимавшие участие в этом предприятии, причем они переименованы группами, по нисходящей иерархической лестнице. Первыми переименованы лица, принадлежащие к роду (אלהת, clan) Язан. Род этот упоминается и в других случаях как очень знатный, в числе принадлежащих к нему лиц упомянут Сумифс Ашва и другие. Следующую группу составляют имена Гаданум, Иалгаб, Иамбур, принадлежащие к племени (שׁעבן tribu) Дайфатан. Они принадлежат к числу „свободных их племени“ (אולד שׁעבהמו). Термин „свободные“ должен быть сопоставлен с сирийским ܒܢܝ ܚܪܐ, ܒܢܝ ܚܪܝܐ „сыновья свободных“, „благородные“ (εὐγενοί). Списки имен „благородных“, убитых Масруком Зу Нувасом в Неджране, даны в „Книге химьяритов“. Род Зу Язан или Язан был знатный род, известный и из других источников, и к нему принадлежало несколько лиц, переименованных в надписи. Три же названных выше лица занимали положение рангом ниже, они были „свободными племени“ Дайфатан. Наконец на третьем месте после рода Язан и „свободных племени“ Дайфатан упомянуты „кабиры племени Сайбан“ (כבר שׁעבן סיבן).[4] В данном случае кабиры связаны с племенем и являются его представителями.

Правление кабира упоминалось в качестве даты в некоторых надписях, как, например, в надписи царя Ма'ина по поводу построения города

---

[1] Там же, стр. 434.

[2] G. Ryckmans, там же, V, 40 (1927), стр. 177.

[3] H. Grimme. Aus inedierten südarabischen Inschriften des Berliner Staatsmuseums. Le Muséon (1932) 45, стр. 96, 93.

[4] G. Ryckmans, там же, V. 45 (1932), стр. 290, 294—295.

Карну (Krnu) из отесанных камней или больших блоков, при кабире Хнʿ Фʿмн.[1] В другом случае „кабир всего племени Ариам“ (כבר כל שעבן אריים) вел работы по восстановлению частей оросительной системы, возведению дамбы, шлюзов, а также насаждению пальмовых деревьев в царском саду. Чтение надписи, исправленное Гефнер, следует считать правильным.[2]

Неоднократно отмечалось, что звание и должность кабира были наследственными. Обращает на себя внимание и тот факт, что должность эта в пределах племени принадлежала нескольким семьям, лучше сказать родам, поэтому термин "кабир" упоминается в некоторых случаях во множественном числе или с именем племени בנו, т. е. „сыновья такого-то“. Кабиры соответствуют в греческом понятию πρεσβύτεροι „старосты“, под их руководством производились и всякие сельско-хозяйственные работы племенем.[3] Связь кабира с племенем изначальная. Понятие племени выражалось термином שעב (der Stamm, la tribu). Род или клан подразумевает кровное родство, происхождение от единого праотца, что и находит свое выражение в формуле „сыны такого-то“. Но по мнению Хартмана, „понятия рода в южноарабском нет“. Понятие рода заменяют термины „сыны“ или „люди“ (אהל).[4] Между тем, в настоящее время, благодаря опубликованию новых надписей можно указать на слово, соответствующее понятию рода или клана. В надписи Рикманса, 63 (Боскавен, 13) слово אלדת означает „род“, „клан“,[5] и, следовательно, понятие рода в арабском существовало. В „Книге химьяритов“ соответствующая сирийская терминология применяется к „роду, называемому Гау“ (ܓܘܝܐ ܕܡܬܩܪܝ). Это именно род,[6] тогда как понятию племени отвечает другой термин — .[7]

Кабир как должностное лицо и звание, выросший из родового строя и ставший представителем племени, с течением времени приобретает новые функции. Он не только „староста“ (πρεσβύτερος) племени, его деятельность связывается с известной областью, с определенной географической единицей. Он выполняет те же функции, но не только для своего племени, а для целой провинции. Этот факт подтверждается многочисленными надписями, и его отметил еще Хартман.[8]

В дальнейшем термин „кабир“ стал применяться и к представителю определенной социальной группы, жречества или административных лиц, как указал на это Родоканакис. Им было сделано и другое наблюдение, а именно, определенные роды сохраняли за собой право выставлять своих членов на должности административного характера, и у таких родов был свой представитель, свой кабир. „Как коллегия жрецов какого-нибудь божества, подчиненные царских доменов, сборщики первинок урожая, так и категория служащих (каста) Акиан имела предстоятеля (старшего)“.[9]

---

[1] M. Höfner, ук. соч., ст. 78.
[2] J. H. Mordtmann und E. Mittwoch. Himjarische Inschriften. Leipzig. 1932, стр. 7—8, N 2.
[3] N. Rhodokanakis. Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen. Wien, 1917, стр. 149—150.
[4] Hartmann, ук. соч., стр. 212, 218, 219.
[5] G. Ryckmans, Там же, V. 45 (1932), стр. 290, 294.
[6] A. Moberg, ук. соч., стр. 36⁶, LXXXVII. — Hartmann, ук. соч., стр. 365.
[7] Simeon Betharsam., стр. ל (4).
[8] Hartmann, ук. соч., стр. 434.
[9] N. Rhodokanakis, ук. соч., стр. 150.

Кабират занимал, таким образом, высокое положение и представлял собою некую автономную касту. Кабир возглавлял, как представитель племени или провинции, группы социально различные, понуждая их действовать в интересах или собственника земли, или владельца дома, башни и т. п.[1] Эти данные надписей объясняют то, что сообщают и нарративные источники начала VI в. Положения Харита (Арефы) и Румы наследственны, оба как бы принадлежат к высокой, замкнутой касте, которая была обособлена в смысле возможности заключения брака. Таково положение Румы и ее знатного рода Гау. Известно также, что в племени Halil был свой род кабиров.[2]

Наследственна была и должность Харита (Арефы), который был ἀρχηγός города и области, что в наибольшей степени отвечает термину кабир. В подчинении у него были как самый город Неджран, так и тяготевшая к нему область, он был их представителем, и, как таковой, в свою очередь должен был подчиняться царю.

В свете этих данных становится понятным, когда Масрук Зу Нувас, царь-иудей химьяритов, с возмущением говорит Хариту (Арефе): „Гебе говорю, Арефа, сквернейший и древнейший злыми днями, почему ты не подражал своему отцу, правившему городом и всей округой (τὸν ἄρξαντα τῆς πόλεως καὶ πάσης τῆς περιχώρου), который был в чести у бывших до меня царей, но ты пожелал быть тираном и монархом города Неджрана и окрестностей“ (ἀλλ' ἐβολήθης τυραννῆσαι καὶ μοναρχῆσαι Νεγρὰν την πολιν και τὴν ταύτης περιοικίδα).[3] В качестве кабира Неджрана Харит занимал место своего отца, а впоследствии это место занял его сын. Отец Харита действовал в согласии, т. е. подчинялся царям Химьяра, предшественникам Зу Нуваса и за это был у них „в чести“.

С течением времени кабир занял настолько высокое положение, что термин עקב, означающий majordomus, к нему не мог прилагаться.[4]

Следует упомянуть еще об одном термине, значение которого близко к значению главы племени, шейха. В надписи 43 (VA 3819) Государственного музея Берлина, наряду с „князьями“ (kail) и „людьми“ באש (pluralis אבאש), упомянуты עקל. Издатели надписи сопоставили это слово عقال[5] с термином, приведенным в известном словаре южно-арабских диалектов, указавшим, что вне Хадрамаута слово عقل — عاقِل имеет значение главы племени (chef du tribu) и соответствует термину شَيْخ „шейх“. عاقِل сохраняет вне Хадрамаута и другое, обычное и для классического языка значение „мудрый“, „разумный“.[6]

Термин этот в надписи не вполне отчетливо сохранился, он встречается редко и потому требует известной осторожности. Но существенно, что еще один родовой термин может быть зарегистрирован в южно-арабских надписях.

Для выяснения структуры общества в Неджране в первой четверти VI в. необходимо привести некоторые данные об общественных отношениях в предшествующий период государств Иемена.

---

[1] Там же, стр. 150—151.
[2] Там же, стр. 151_2.
[3] Martyrium Arethae, стр. 734.
[4] M. Höfner, ук. соч., стр. $91_{(1)}$, 96—96.
[5] J. H. Mordtmann und E. Mittwoch, ук. соч., стр. 55.
[6] C. Landberg. Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale, v I. Hadramout, Leide, 1901, стр. 97, 660.

Структура государств Южной Аравии с начала новой эры и до половины III в. н. э., времени образования государства химьяритов, может быть охарактеризована на основании надписей, относимых ко второму периоду, по хронологической схеме, которая была выше указана.

Во главе государства находился царь (מלך, malik). Надписи этого и даже предшествующего периода рядом с царем называют מסון, msud или miswad, в котором следует видеть „совет господ", т. е. совет, собрание представителей знати. „Совет господ..., который стоит рядом с царем и одновременно его ограничивает".[1] Такое собрание представляет не что иное, как совет (βουλή) греческих городов. Надписи Ma'ина, одной из северных областей Сабейского царства, особенно часто упоминают это „собрание". Обычной фомулой надписей является מלך מען ומסור מען (malik Ma'in wa msud Ma'in, царь Ma'ина и мсуд (βουλή) Ma'ина).[2] Термин мсуд (мисвад) встречается и в надписях Катабана, но в надписях Сабы его уже нет. В позднейших химьяритских надписях мсуд (мисвад) означает собрание, совет, collegium, а к середине VI в. — место собрания, зал.[3] Мсуд (мисвад) это собрание знати, представителей знатных родов, имеющих власть, сильных своим положением и фигурирующих рядом с царем, в известной степени и ограничивая его.

Наряду с собранием знати в тех же надписях встречается термин טבנן, как бы противополагаемое знати представительство более широкого и демократического слоя. Корень طبن имеет значение ударять, а طبين — господин, патрон, хозяин, в классическом языке طبن, означает быть очень умным, быть опытным.[4] Отсюда значение слова в надписях могло быть собрание „знающих", „опытных" людей. В надписи Глазера 1606 оба представительства названы одновременно סודזם קתבן טבנן סקתבן „мсуд Катабана и табнан Катабана". Анализируя эту надпись, Родоканакис дает более подробную характеристику этих терминов. По его мнению, msud или miswad являлся советом „господ", высшего слоя, знати. Что касается „табнана", то это собрание землевладельцев или арендаторов, представлявших массу собственников, так как طبين — это патрон, хозяин, а следовательно, и землевладелец. Землевладельцы, входившие в „табнан", составляли главную массу племени, из которого в особую группу выделялись „господа", составлявшие „мсуд". В таком порядке „табнан" противополагается „мсуду".[5]

Законодательным органом государства Катабана, его государственным советом были царь и господа (msud) всех племен Катабана. Рядовые землевладельцы и арендаторы, как полагают исследователи, составляли второй, как бы дополнительный совет, табнан, при участии которого принимались окончательные решения. Вопросы эти главным образом касались податного обложения, так как именно эти землевладельцы обеспечивали государство „работой и податями".[6] Небрежное отношение к работе и невыполнение обязательных налогов карались денежным штрафом или

---

[1] Hartmann, ук. соч., стр. 431.
[2] Hartmann, ук. соч., стр. 429—430, примеры 1—4.
[3] Там же, стр. 432.
[4] C. Landberg, ук. соч., стр. 643.
[5] N. Rhodokanakis. Die Katabanische Bodenverfassungskunde. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenlands, 31 (1924), стр. 33, 35—36.
[6] Там же, стр. 40.

телесным наказанием.[1] В законодательстве за царем признавался верховный авторитет.

Таким образом в Катабане, в Ма'ине, наряду с советом знати в делах участвовали представители свободных масс, составлявшие собрание племени, вернее — его земельных собственников. Не встречая мсуд в государстве Сабы, Хартман сделал вывод, что это указывает на ослабление знати, так как о народе надписи продолжают упоминать.[2] Такое мнение, однако, никак нельзя распространить на государство химьяритов, где происходило усиление знати. Об этом свидетельствуют нарративные источники, которые сообщают о богатейших представителях знатной верхушки, которые вершили всеми делами города и области. Химьяритские надписи последнего, третьего периода южно-арабской эпиграфики упоминают рядом с царем „князей", магнатов, (kails).[3] Дополняя друг друга, эти данные приводят к другому выводу.

Мсуд был вытеснен из своего положения совета при царе тем, что богатые и знатные, выделившиеся в „князей", ослабили положение „совета господ" (мсуд) как βουλή, охватывавшего более широкий слой из числа „благородных", „сынов свободных". „Цари Саба и Райдана" имели опору в „князьях" (kails), которые постоянно упоминаются в их надписях, как это было указано выше, в том числе в надписи 543 г. н. э. (Глазер, 618). Выделение богатой верхушки можно себе представить по приведенным выше данным о богатстве неджранитянки Румы.

Мсуд перестал упоминаться рядом с именем царя, потому что его опорой был уже не „совет господ", а более узкий круг знати, которая требовала себе особого исключительного места. „Князья" получали в управление отдельные области, как это видно из ряда надписей. Они занимают автономное положение, часто отказывая в повиновении царю (Глазер, надпись 618, строка 81 и след.).

Замечательно, что наряду с термином kail продолжает встречаться старый термин „кабир". В числе правителей, оставшихся верными Абрахе, упомянут וכבר חצרמות „и кабир Хадрамаута".[4]

Кабират пережил мсуд. Глубоко коренясь в родовом строе племен, этот институт сохранился, сохранив и многие из тех функций, которые он имел в прошлом. За ним остаются управление делами племени или области, распределение земли и воды.

Кабиры играли роль и занимали видное положение еще в период, когда мсуд занимал известное положение в жизни и место в надписях.[5] Есть сведения, что кабира ставили на три года, как об этом сообщают надписи Галеви 150 и 151.[6] В других случаях кабир занимал место рядом с царем данного государства.[7] Кабир был представителем племени, а с течением времени стал занимать положение правителя области, его административные функции таким путем расширялись. „Князь", kail, был больше связан с растущей силой царской власти, хотя нередко противопоставлял себя ей. Кабир был связан с организацией племени и был выделен из нее для выполнения более широкого круга обязанностей. Здесь имел место как бы двойной процесс: представитель племенной

---

[1] Там же, стр. 43.
[2] Hartmann, ук. соч., стр. 433.
[3] См. характеристику выше и Hartmann, ук. соч., стр. 445.
[4] E. Glaser, ук. ст., стр. 394, 408. — Hartmann, ук. соч., стр. 221.
[5] E. Glaser, 1571. — Hartmann, ук. соч., стр. 429.
[6] E. Glaser. Altjemenische Nachrichten. München, 1906, стр. 39(1)
[7] Hartmann, ук. соч. стр. 437.

организации становился администратором, а правители вербовались из знати. Все эти данные разъясняют и формы общественных отношений в Неджране в VI в.

Заключение

Высокая материальная культура древнего Йемена засвидетельствована многочисленными раскопками, остатками городов и замков, описанных еще ал-Хамдани. Этот замечательный арабский ученый, умерший в 945/6 г. н. э., оставил подробное описание архитектурных памятников и гробниц, которые он видел.[1] Исследованию этих замечательных памятников посвящена интересная и содержательная статья проф. В. А. Крачковской.[2] Крепости, города и огражденные селения могли появиться лишь благодаря грандиозной системе искусственного орошения, обеспечивавшего площадь под посев и плодородие этим областям, в древности получившим название Arabia felix. С первой четверти VI в. повторные нападения вражеских войск и взрывы междоусобной борьбы привели к нарушению ирригационной системы, разрушениям сооружений. Персы только завершили этот разгром в 70-х годах того же века. Карательная экспедиция, направленная Эла Ашбеха (Элесбоа) под начальством Ариата против Абрахи, жестоко расправилась с жителями. Табари говорит и о разрушениях, произведенных войсками, специально упоминая „замки Йемена“ (حصون اليمن), разрушенные ими, замки „небывалые у людей“, т. е. особенно замечательные.[3] О том, какие это были грандиозные сооружения и насколько в них было заинтересовано государство, можно судить на основании, например, надписей в Ма'рибе, которые сообщают о восстановлении плотины. Первая надпись относится к 449/450 г., вторая к 542/543 г. (Глазер, № 554 и № 618). Вторая надпись сообщает о том, что исправление плотины потребовало затраты больших средств и множества рабочей силы. В восстановительных работах приняли участие „племена“, т. е. население химьяритского государства.

Поддержание ирригационной системы в Аравии было несомненно связано с тем, что в известный исторический период в ее государствах и городах земля и вода считались общей, племенной собственностью. Такое положение в значительной степени сохранялось арабами и в эпоху ислама.

В древних арабских государствах распределением и наблюдением за оросительной системой занимался представитель племенной или государственной власти. Возможно, что это была одна из главных функций реиса.[4] Завоеванная земля точно также считалась государственной собственностью.

Основоположники марксизма придавали особое значение системе орошения на востоке, которая была делом государства. „Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознес-

---

[1] Al-Hamdanis al Iklil, The antiquities of south Arabia. Princeton, 1938, стр. 71. — The Encyclöpädia of Islam, II, стр. 247. — L. Forrer. Südarabien nach al-Hamdanis „Beschreibung der arabischen Halbinsel“. Leipzig 1942.

[2] Советское востоковедение, № 4 (1947), стр. 105—128.

[3] Tabari, textus arabicus, стр. ٩٣٨ (928). — Tabari, Nöldeke. Стр. 192.

[4] Там же, стр. 158—159. — E. Glaser. Altjemenische Nachrichten, стр. 156.

шегося над мелкими общинами".[1] Живая, орошенная земля и была собственностью этого „деспотического правительства", владеть которой могли отдельные общины и даже частные лица.

Понятию государства отвечало единство — „Божество, царь и народ", оно же считалось собственником земли.[2] Эта неверная формулировка, данная Родоканакисом, требует корректива. Предоставляя другим выяснение этого сложного вопроса в эпоху ислама, укажу со своей стороны, что для периода предшествующего необходимо внести исправление в это представление. „Божество" не могло играть роли, так как население Химьяра не имело единой религии, среди них были политеисты, монотеисты, поклонники Рахмана, христиане и иудеи. „Народ" следует понимать только как свободное население государства, так как наличие рабов, выполнявших наиболее тяжелые работы на земле, не подлежит сомнению, но рабы конечно никак не входили в это понятие „народа".

На основании источников может быть сделан вывод о наличии коллективной общинной, позднее государственной собственности на землю. Этот вопрос разъясняет указания Маркса на то, что коллективная собственность на землю „... сама может реализоваться самым различным образом. Например, ей нисколько не противоречит, что, как в большинстве основных азиатских форм, связующее единство, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает как высший собственник, как единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы".[3] В таком аспекте становятся совершенно понятными сложные формы отношений, о которых сообщают разнообразные источники по истории Химьяра. На сходства и различия в реализации, т. е. конкретные исторические условия, в которых развивалась коллективная собственность на землю, указывает там же Маркс.

Поэтому явлениям, охарактеризованным в Южной Аравии параллелью могут служить правовые нормы классического периода древней Греции и эллинистических государств. Земля как собственность города-государства, государственная собственность на землю как правовая норма — испытала длинную эволюцию, в течение которой совершались изменения в собственности на землю. В связи с этим она получала новые наименования и их различные варианты γῆ βκσιλική, γῆ κληρουχική, γῆ ἰδιωτική.

Сопоставления и параллели в этом отношении, по нашему мнению, очень поучительны, особенно со времени опубликования новых материалов, которые дали раскопки в Дуре Еуропосе. В южноарабской эпиграфике имеются сведения о расширении городской территории, присоединении к ней новых орошенных и возделанных территорий, как, например, в известной надписи Галеви, 349. Не случайно напрашивается сравнение с явлениями того же порядка, получившими широкое распространение в государстве Селевкидов, на всем протяжении захваченных греками территорий Азии. Городские земельные угодья увеличивались в своей площади за счет присоединения новых участков, освоенных и культивируемых. Присоединение новых участков было особенно благоприятным для собственников, которые стремились и успевали в том, чтобы приобрести эти земли путем покупки

[1] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. В.Д.И. 1940, № 1, стр. 11.

[2] N. Rhodokanakis. Dingliche Rechte im Alten Sudarabien. Wiener Zeitschr. f. d. Kunde d. Morgenlands, (1930), 37, стр. 125.

[3] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ. 1940. № 1, стр. 10.

или получить их в дар. В условиях широко распространенной аренды земли в Египте при Птоломеях этот процесс перехода χώρα βασιλική, т. е., по существу, государственной земли в частные руки, был более медленным.[1] Характерные черты этого процесса в государстве Селевкидов могут быть с полным правом отмечены и в химьяритском государстве.[2] Процесс этот имел общие черты, проходил в сходных условиях освоения новых участков, присоединяемых к городской территории. В связи с этим λαοί βασιλικοί переходили на положение крестьян, обязанных податью городу, что по существу мало меняло их положение.[3]

Можно указать и на другое явление — надбавку ἐπιβολή, которое появляется со времени господства Птоломеев в Египте и получает широкое распространение в римский и византийский период. На основании изучения папирусов неоднократно отмечалось, что принудительная обработка соседней данному собственнику земли имела место в птоломеевскую и римскую эпохи.

Владетели (possessores) должны были принимать на себя обязанности по обработке соседней не имевшей владельца земли и платить за нее подати. Это положение имеет параллели в южно-арабской эпиграфике (надписи Галеви №№ 360—362), где собственники земли являются в то же время арендаторами новых кусков земли, которые давались, или „прикидывались", им царем в порядке принудительной аренды.[4] Одна из надписей свидетельствует о том, что новые земли переданы знатной семье, ее слугам и рабам.[5]

Приведенные данные говорят об изменениях, о динамике общественных отношений, о том, что процессы, протекавшие в разных государствах, имели общие черты, указывающие на то, что они отвечают стадиально одному и тому же периоду развития общества.

Нарративные источники первой четверти VI в. дают возможность отчетливее охарактеризовать общественные отношения в Неджране (Негране) как одном из центров Йемена.

Неджран по своему внутреннему устройству был городом-государством, который имел большое количество земли, составлявшей тяготевшую к нему область. Пятая надпись из числа опубликованных Рикмансом сообщает о нападении, предпринятом из города Мухамира „на Неджран и все его города".[6] Название область носила то же, что и ее главный город—Неджран. В области находилось кроме того большое число „городов", т. е. укрепленных селений или крепостей. Земля находилась в собственности крупных частных владельцев. Эта земельная аристократия была в то же время родовитой, знатной верхушкой города. Часть земли оставалась еще в руках земледельцев (γεωργοί), которые могли быть арендаторами и мелкими собственниками. Но большие пространства составляли собственность крупных землевладельцев, которые имели деревни, именья, стада. Земля была ими скуплена или приобретена в собственность каким-нибудь другим путем. Источники дают представление о крепких родовых связях богатых знатных родов, составлявших олигархическую верхушку города. Эта знать вершила всеми делами города. „Благородные", „сыны

[1] В. В. Струве.
[2] N. Rhodokanakis. Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen. Wien, 1917, Heft 2, стр. 127.
[3] Там же, стр. 127.
[4] Там же стр. 137—133.
[5] J. Halévy. Études sabeennes, стр. 167.
[6] G. Ryckmans, там же, V, 45 (1932), стр. 101—105.

свободных" составляли менее состоятельный, но более многочисленный слой, имевший также свои привилегии. Народ, на котором держалось благосостояние города, поддерживал его своим трудом и уплатой податей. Свободные земледельцы, городские ремесленники, торговцы составляли этот слой, о котором упоминают как нарративные источники, так и надписи. „Племена" отстроили в Ма'рибе дамбу и стены города, но отягченные непосильной работой и поборами в пользу войск, принудили царя Абраху отпустить их на отдых, во избежание страшного для царя восстания.

Пальмовые рощи, сады, ирригационные каналы, дамбы, а также ремесленные и всякого рода другие изделия производились не только свободным населением, но и трудом многочисленных рабов. Ими выполнялись и всякого рода домашние работы, они составляли челядь и домочадцев господствующих классов.

Так может быть дана социально-общественная характеристика Неджрана на основании источников первой четверти VI в. В свете новой социальной характеристики иную оценку получает борьба, которая возникла между городом Неджраном и царем-иудеем Химьяра Зу Нувасом.

Задолго до движения, связанного с именем Мухаммеда, необходимость новых устоев политической и социальной жизни в южно-арабских городах стала ощутимой. Причин для этого было много, все они были связаны между собою и тянули одна другую.

Прежде всего земледелие, скотоводство, ремесло требовали расширения. Развитие производительных сил было приглушено, связывалось старыми устоями общества.

Государственные объединения в форме царств Сабейского, затем Химьяритского, были несомненно прогрессивным явлением, объединением, противопоставлявшим себя родоплеменной вражде. В условиях оседлой жизни задолго до новой эры, в „библейские" времена возникли в Южной Аравии города. Строительство городов и крепостей было связано в первую очередь с торговым караванным путем, соединявшим эти области с сиропалестинским побережьем и через Иемаму с Междуречьем. Города образовались здесь потому, что „место особенно благоприятно для внешней торговли".[1] Здесь разложение племенного строя могло проходить быстрее, в более благоприятных условиях „... благодаря сношениям с чужеземцами, благодаря рабам, стремлению обменивать свой прибавочный продукт и т. д.".[2] Чтобы характеризовать общественный строй древнего периода, нет достаточно четких данных. События в Неджране в начале VI в. н. э. и появившиеся в связи с ними сообщения и документы дают возможность сделать некоторые выводы.

В общественном строе города Неджрана в первой половине VI в. н. э. было много черт, роднивших его со строем города-государства. Во главе него находилась олигархическая верхушка, состоявшая из 𐩣𐩱𐩺, „глав" или ἀρχηγοί „вождей", первое место среди которых занимал Харит (Арефа). Все важнейшие решения принимались этой верхушкой, в которой следует видеть и фактических распорядителей судеб города, пользовавшихся всеми правами. В городе и тяготевшей к нему области эта знать имела недвижимую собственность — дома, угодья, крупные имения и деревни. Эта же знать имела и большое количество денег,

[1] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ. 1940. № 1, стр. 11.

[2] Там же, стр. 24.

золота и серебра, которые она получала благодаря участию в торговле и в крупных заемных операциях.

Свободные, „сыны свободных", благородные составляли также привилегированный слой, более многочисленный, но и менее достаточный, чем знать („главы"). Ремесленники составляли часть свободного населения города, его трудовые массы. Земля области обрабатывалась земледельческим населением, представлявшим общины, а наряду с ним и многочисленными рабами.

Арэфа (Харит), представитель знатного рода, в котором главенствующее положение его как кабира было наследственным, считался первым лицом в городе. Государство, известное как Сабейское, а затем, с половины III в. н. э., Химьяритское царство объединяло ряд областей и городов-государств. Цари стремились объединить все части Южной Аравии, в том числе и город Неджран, расположенный на северной границе Сабейского царства, несколько юго-восточнее бывшей столицы Минейского царства Карнана.[1]

Отец Харита, кабир Неджрана, подчинялся царю химьяритов, что, однако, имело небольшое влияние на внутреннюю жизнь города-государства. Это подчинение ограничивалось выплатой известных денежных сумм, которые Масрук вновь потребовал от города, когда его обложил данью, и которые „знатные" поторопились ему выплатить.

Царь Масрук обвинял Харита в том, что он не захотел ему подчиниться, а пожелал стать „тираном и единодержцем", т. е. город-государство откололся, занял свое исходное самостоятельное положение.

Одной из побудительных причин, вызвавших это, было то, что состоятельные круги Неджрана были связаны с торговыми интересами Византии и Абиссинии, двумя христианскими странами. Неджранитская знать и сама приняла христианство. Прекращение давно сложившихся торговых связей, изменение ориентации, не могло принести им выгоды. Между тем ориентация царя Зу Нуваса была направлена на иудейские колонии, многочисленные и сильные, которые поддерживали связь с Палестиной и имели опору в Иране.

Переход Масрука Зу Нуваса в иудейство также был явлением не случайным. Государственное объединение Сабы, Райдана, Химьяра и Иемана держалось не крепко. Вековая история показала, что общая идеология, религия, действовала как мощное объединяющее начало. Трон опирался на алтарь, алтарь находил поддержку у трона.

Объединение арабских городов, областей и племен, осуществленное Мухаммедом и новой религией — исламом, еще за век до хиджры ощущалось как потребность, как необходимость. Цари и правители в своей политической ориентации искали опору в религии, экономические связи рождали идеологические.

Царь химьяритов Масрук Зу Нувас был представителем интересов химьяритов, их самостоятельности и независимости, объединяя их против господства Эфиопии, которая имела в отдельных городах, в том числе в Неджране, свои опорные пункты. В своем управлении Масрук опирался на близких ему представителей знати, в значительной степени подчиненной ему. „Князья" — были уже его наместниками. Для Неджрана характерно, что господствующее положение сохранилось за крупными родовитыми фамилиями, что его главой оставался кабир.

Причиной борьбы между Неджраном и царем Джафара (Тафрэ) была не религия, не преследование христиан царем-иудеем, а столкновение

[1] A. Kammerer. Essai sur l'histore antique d'Abyssinie. Paris. 1926, Карта N. 3.

объединительных стремлений этого последнего с относительной независимостью города-государства, в котором мощные, экономически сильные роды отстаивали свою самостоятельность, свое положение вне государства Сабы и Райдана ценою связи с Эфиопией, с торговыми интересами Византии.

Именно потому, что Неджран был город-государство, Масрук мог спрашивать его жителей: „разве вы не знаете, что я ваш царь?".

Насколько трудно проходило объединение, как часто отпадали отдельные области, свидетельствует и происшедшее в 542 г. при царе Абрахе (исповедывавшем христианство) восстание „князей", победа над которыми занесена в замечательную 136-строчную надпись в Ма'рибе (Глазер, 618), относящуюся к 543 г. н. э.

Военные столкновения после 525 г., повторные нападения эфиопов, восстание и отпадение областей и городов, стремление вновь их объединить приводили к большим разрушениям. Разорение Неджрана, разрушение плотины и всей замечательной ирригационной системы Ма'риба, постоянная угроза прибрежным городам от Эфиопии — все вместе прекрасно иллюстрирует слова Энгельса, что „Это искусственное оплодотворение почвы", о котором так подробно свидетельствуют многочисленные южноарабские надписи, „немедленно прекращается, как только портится водопровод... Одна единственная разрушительная война могла превратить страну в пустыню, безлюдную на сотни лет, и уничтожить всю цивилизацию".[1] После 543 г. в Южной Аравии почти нет эпиграфических свидетельств о государствах, остаются лишь легендарные сообщения арабских источников.

Новейшие историки отрицательно относятся к приурочению похода Абрахи к 70-му году VI в., году рождения пророка. Этот поход предположительно относят к 40-м годам. После царствования сыновей Абрахи Эфиопия вынуждена была уступить господство персидским войскам. А затем доминирующее положение было занято мусульманскими полчищами.

Главной действующей силой, приведшей к завоевательной политике арабов были внутренние социальные изменения в их государственном строе. Города-государства Южной Аравии подчинились объединительной политике царей, которая соединяла их в непрочный союз. Интересы местные превалировали над интересами всего комплекса областей Южной Аравии.

Энергичный Абраха ценой больших жертв вновь и не надолго объединил отпавшие области. Объединение, которое повела Мекка, имело глубокую идеологическую основу, она облегчала этот процесс, а демократическая основа в устройстве войска и государства, характер царской власти халифа были чертами молодого полуварварского государства. Идеологические основы, которые не были найдены южно-арабскими царствами, но путь к которым был ими намечен единобожным культом Рахмана, попытками связаться то с христианством, то с иудейством, были обретены исламом.

Государство арабов включило в свои владения и древние города Южной Аравии, но центр халифата оказался гораздо севернее, и его жизнь в бо́льшей степени была связана с этими новыми областями, чем со старой колыбелью арабской культуры.

Охарактеризованные выше общественные отношения следует сопоставить с высказываниями Маркса об особенностях развития общественных

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 494 (Письмо Энгельса к Марксу, 6 июня 1853 г.).

отношений на стадиях, предшествующих капиталистическому производству. Рассматривая особенности раннего „азиатского общества", Маркс отнюдь не видит в нем особой общественно-экономической формации, а лишь особые, специфические черты рабовладельческой формации.

В основе родоплеменного строя лежала коллективная собственность на землю, как это видно и на конкретном историческом примере Химьяра, причем „в большинстве азиатских форм" „действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы", а собственником является государство, правительство, которое возвышалось „над мелкими общинами".[1] В восточном обществе, при мощном и длительно сохраняющемся родоплеменном укладе, последний представлен и в рабовладельческом обществе. „Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе".[2]

С большой исторической проникновенностью Маркс отмечает, что рабство и крепостная зависимость „неизбежно изменяют все его формы", т. е. формы племенного строя, но в то же время указывает: „Меньше всего могут они сделать при азиатской форме", так как „... рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношений".[3]

Эти указания Маркса до конца разрешают вопрос об особенностях рабовладельческого строя химьяритского общества, в котором наряду с рабовладельческим укладом существовал и мощный родовой уклад, формы которого рабство не могло изменить полностью. Роль „высшего единства" в восточном обществе охарактеризована Марксом как роль „... деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами", „делом рук" которого были „ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов...".[4] Эти положения Маркса превосходно иллюстрируются всем приведенным выше материалом.

Возникновение городов на востоке „там, где место особенно благоприятно для внешней торговли",[5] отвечает и всему тому, что известно об истории Неджрана, города-государства, общественные отношения которого характеризуются в основе своей как рабовладельческие.

Таким образом все кажущееся разнообразие форм общественных отношений в Химьяре VI в. заключается в том, что это — „азиатское общество" на той стадии развития рабовладельческой формации, когда наряду с рабовладельческим укладом в нем сохранялся сильный родоплеменной уклад. Учение основоположников марксизма об общественно-экономических формациях и их укладах позволило впервые сделать общие выводы из конкретного исторического материала, относящегося к южноарабским государствам в домусульманское время, и охарактеризовать их общественный строй как рабовладельческий с сохранением уклада предшествующего периода.

---

[1] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 10, 11.
[2] Там же, стр. 22.
[3] Там же, стр. 22—23.
[4] Там же, стр. 11.
[5] Там же, стр. 11.

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ ИНСТИТУТА СОЙУРГАЛА

Институт сойургала, на рубеже XIV и XV вв. заменивший более ранний институт икта', занимает видное место в процессе феодального развития Средней Азии, Ирана и некоторых других сопредельных стран. Вопрос о сойургале трактовался рядом исследователей.[1] Тем не менее, далеко не все стороны и формы этого института изучены. В данной статье мы будем рассматривать вопросы, связанные с распространением и развитием сойургала, на материалах Азербайджана, Армении в XV—XVII вв.

Монгольский термин „сойургал" (буквально: „пожалование") в XIII—XIV вв. обозначал, повидимому, в самом широком смысле пожалование государя своему служилому человеку. В таком широком значении мы встречаем его в ярлыке Темир-Кутлуга.[2] В данном случае имело место „пожалование" (сойургал) тарханства, т. е. предоставление служилому человеку ряда привилегий, в том числе свободы от податей. В таком же общем смысле пожалования близкая ему форма „сойургамиши"[3] упоминается у Рашид-ад-дина как ленные пожалования Чингиз-хана и Хулагу-хана

---

[1] И. Н. Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. ТВОРАО, VIII. стр. 428. — N. Khanykov. Lettre à M. Dorn. 1857, MA, t. III, livr. I, стр. 71 и сл. — Примечания Катрмера (Quatremère) к его французскому переводу „Матла'-ас-садайн" 'Абд-ар-раззака Самарканди (Notices et extraits de Bibliothèque du roi, t. XIV. стр. 125 и сл.).—В. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. 1934, стр. 115.—А. М. Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране (XIV—XV вв). Образование института „суюргал". Историк-марксист, 1941, № 4, стр. 43—58. — В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. 1941, стр. 69—70. — А. Ю. Якубовский. Тимур. Вопросы истории, 1946. № 8—9, стр. 66—67, — Он же. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. Сб. „Алишер Навои", изд. АН СССР, 1946, стр. 8—9. Б. Н. Заходер. История Восточного средневековья. Курс лекций, читанных в МГУ. 1943, стр. 117 и сл. — И. П. Петрушевский. К вопросу об иммунитете в Азербайджане. ИС. т. IV, 1935, стр. 58 и сл. — Он же. Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койунлу. Известия АзФАН, 1942, № 2 — Он же. Государства Азербайджана в XV в., ч. II, Известия АзФАН, 1944, № 7, стр. 89 и сл. — Кроме того, см.: V. Minorsky. A soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu, BSOS, vol. IX, part 4, 1939 (перс. текст и комментарии); — он-же. Tadhkirat-al-muluk, Introduction. London, 1943, стр. 27 и сл.

[2] В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО, III, вып. 1—2. стр. 18—21, 28.

[3] В Армении монгольского периода этот термин был известен в армянской форме *սղամիշ* — „сгамиш", в значении ленного пожалования (см.: Магакия, пер. К. П. Патканова, стр. 80, прим. 36).

(1256—1265 гг.), основателя монгольского улуса ильханов Хулагуидов.[1] Нельзя считать вполне разрешенным вопрос о том, в каком отношении друг к другу стояли термины сойӯргāл „сойӯргāмīшӣ“ и „ӣкта‘“ в ту эпоху. Скорее всего, первым термином обозначалось всякое пожалование вообще — земель, чинов[2] или привилегий в широком смысле, в частности и икта‘ как военного лена.[2]

Иногда термин „сойургал“ в таком же общем значении пожалования встречается и в источниках XVI—XVII вв. Фумени упоминает, что около 943 г. х. (1536 г.) перед казнью возмутившегося и взятого в плен владетеля Зап. Гиляна,[3] Музаффар-султана (Амирэ-Дубадж) из династии Исхакидов, шах Тахмасп I помиловал его пажа („вушак“ — „юноша“) Шах-Хатима Кухдуми и, „освободив его от уз и цепей и повелев определить ему в сойургал сумму в 100 туманов тебризских, послал его в округ Кусир кирманский“.[4] Хасан-бек Румлу сообщает, что Бабур-падишах (Тимурид, основатель державы Великих Моголов в Индии, умер 1530 г.) „ежегодно жаловал достойным людям (арбаб-и истихкак) в виде сойургала сумму в 18 тысяч туманов тебризских“.[5] Из примеров подобного рода не видно, чем сойургал отличается от тиула как пожалования только права на ренту. Такие факты дали в свое время основание В. Ф. Минорскому полагать, что сойургал и тиул — две стороны одного и того же явления; сойургалом В. Ф. Минорский считал самый акт пожалования, а тиулом — держание ренты.[6]

Однако подобные примеры не характерны. Источники XV—XVII вв. чаще всего называют сойургалом особый вид ленного владения и даже пожалованную территорию. Ниже мы рассмотрим эти данные источников. Отметим пока, что в своей более поздней специальной работе (1939 г.) Минорский отошел от своего прежнего толкования, рассматривая теперь сойургал как пожалование в ленное владение территории.[7]

Первые упоминания о сойургале в техническом значении особого вида ленного пожалования в государстве Джелаиридов относятся ко второй половине XIV в.,[8] хотя встречаются уже у авторов XV века. Даулетшах передает в биографии Салман-и Саведжи, придворного поэта-панегириста джелаиридского султана Увейса (1356—1374 гг.), что Салман, в виде

---

[1] Рашид-ад-дин, изд. И. Н. Березина ТВОРАО, XV, перс. текст. стр. 66, 77, 143 — Raschid-eldin, ed. Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse, téxte persan, стр. 176, 216, — Джувейни, см. у В. В. Бартольда, Туркестан, ч. 1. Тексты, стр. 108.

[2] „Сойургамиши“ называлось, напр., назначение на пост правителя (сахиб-дивана), см.: Рашид-ад-дин, Стамбульская рукопись (фотокопия ИВ АН), л. 511.

[2] О „сойургамиши“ как пожаловании местности в икта‘ (военный лен) см.: Рашид-ад-дин, та же рукопись, л. 653.

[3] بَيْگَه بِس (Дальний Берег) — территория, лежащая к западу от р. Сефид-руд.

[4] Фумени Тарих-и Гилян. Изд. перс. текста, MQ, стр. 17—18.

[5] Хасан-бек Румлу. Ахсан ат-таварих. Изд. перс. текста К. Н. Седдона, Барода. 1931, стр. 233—239; ср. стр. 376.

[6] V. Minorsky. Tiyul. EJ, serie M., стр. 842.

[7] V. Minorsky. A Soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu. BSOS, v. IX, part 4, стр. 944 и сл; ср. его же введение к публикации Tadhkirat al-muluk, 1943, стр. 27.

[8] Сильсилет ан-насаб, рук. ЛГПБ, каталог Ханыкова № 92, л. 53 (изд. перс. текста в серии публ. изд. „Ираншехр“, № 6, Берлин, 1343 г. х., стр. 42—43), упоминает о пожаловании даже еще в 1357 г. золотоордынским ханом Джанибеком земель в сойургал шейху Садр-ад-дину Сефеви. Но поскольку об этом упоминает источник XVII в., можно допустить, что здесь могло иметь место перенесение позднейшей терминологии в общественную среду XIV в.

награды за касыду, написанную в подражание поэту XII в. Захир-ад-дину Фарйаби, получил от названного султана и его матери Дильшад-хатун в сойургал две деревни в Рейской области.[1] Незадолго до смерти Салмана, которую поэт ошибочно датирует 769 г. х. (1367/8 г.), состарившийся и слепнувший поэт попросился в отставку и получил от султана Увейса (следовательно не позднее 1374 г.) еще сойургал в области Рейя и Савы.[2] Мирхонд сообщает, что в правление султана Хусейна (1378—1382 гг.) брат его Ахмед — впоследствии султан (1382—1410 гг.) — „отправился в Ардебиль, который был его сойургалом".[3] Тот же автор сообщает о пожалованиях султаном Хусейном сойургалов служилым людям.[4]

Когда государство Джелаиридов было разрушено союзом туркменских племен „чернобаранных" (Кара-Койунлу) в 1410 г., их глава Кара-Юсуф Кара-Койунлу, по словам Абд-ар-реззака Самарканди, пожаловал Мухаммеду, племяннику эмира Бистам-Джагира, округа Ардебиль и Хальхаль на правах сойургала.[5] Из сообщений того же автора мы узнаем, что Бистам Джагир, эмир из тюркского кочевого племени Джагирлу, уже раньше управлял Ардебилем;[6] позже Бистам Джагир присоединился к Кара-Юсуфу, который, следовательно, лишь подтвердил пожалование, сделанное Тимуром. Абд-ар-реззак Самарканди приводит еще один факт сойургального пожалования Кара-Юсуфа: джелаиридский эмир Баба-Хаджи Каверди после победы чернобаранных туркмен над султаном Ахмедом Джелаиридом (1410 г.) перешел на службу к их повелителю, и Кара-Юсуф „округ, лежавший в окрестности [крепости] Каверда, повелел ему (Баба-Хаджи-беку Каверди) в сойургал".[7]

Подробнее говорит об этом последнем пожаловании Мирхонд. По его словам, Кара-Юсуф „селение Кал'эй-и Каверд с зависимыми и прилегающими местностями и 600 других селений (карьэ) и пахотных земель (мазра'э) пожаловал ему (Баба-Хаджи) в виде сойургала и издал указ, дабы Баба-Хаджи в то время, когда он будет находиться в главной ставке (орду), прикладывал бы в диване печать [к бумагам], и без одобрения его сановники (аркан-и даулет — „столпы державы") пусть не решают никакого важного дела".[8] И в данном случае пожалование было лишь утверждением Баба-Хаджи во владении округом, который принадлежал ему раньше. Баба-Хаджи со своими братьями, сыновьями и мулазимами (т. е. со своим феодальным ополчением) был принят на службу к Кара-Юсуфу и, как сказано, получил звание хранителя печати в диване нового завоевателя. Таким образом, сойургальное пожалование было обусловлено службой.

Мирхонд рассказывает, что после захвата земель Джелаиридов, Кара-Юсуф старался привлечь на свою сторону военную знать этих стран, раздавая им сойургалы, а также лошадей, одежды и золото.[9] Автор XVI в. Шереф-хан Бидлиси рассказывает о пожаловании Кара-Юсуфом предку

---

[1] Даулетшах. Тазкирет аш-шу'ара. Изд. перс. текста E. G. Browne, London, 1901, стр. 260.

[2] Там же, стр. 261.

[3] Мирхонд. Раузатас-сафа. Литографированное изд. персидского текста, Лукноу, 1883 г. н. э. — 1310 г. х., т. VI, стр. 1077.

[4] Там же, стр. 1075.

[5] Матла' ас-садайн, рук. ЛГПБ, Перс. новая серия № 83, л. 206 б. См. также французский перевод Катрмера, стр. 144.

[6] Та же рук., л. 187а; Катрмер, франц. пер., стр. 135.

[7] Та же рук., л. 206б; Катрмер, франц. пер., стр. 145.

[8] Мирхонд, ук. изд., стр. 1278.

[9] Там же.

автора, эмиру Шамс-ад-дину, главе курдского кочевого племени Рузеки, в сойургал Бидлиса, Ахлата, Хнуса, Муша и других округов в южн. Армении и приводит копию жалованной грамоты, датированной 10 раби, 1820 г. х. (27 апреля 1417 г.).[1] Ниже мы коснемся этого документа подробнее.

Все известные нам случаи сойургальных пожалований Кара-Юсуфа чернобаранного являются не новыми дарениями, а лишь подтверждениями права владения территориями, уже раньше принадлежавшими указанным эмирам или их предкам. Что сойургальные пожалования уже при Кара-Юсуфе имели наследственный характер, видно из того, что хотя при сыне и преемнике Кара-Юсуфа, Искендере чернобаранном (1420—1433 гг.), эмир Шамс-ад-дин был казнен за сношения с тимуридским султаном Средней Азии и Ирана Шахрухом, — все же передача владений Шамс-ад-дина сыну и преемнику его, эмиру Шерефу, не вызвала никаких возражений со стороны Искендера.[2]

Это был период, когда сойургал как вид лена широко распространяется во владениях Тимуридов в Иране и Средней Азии. И там знать добивалась пожалования в сойургал целых областей. По сообщениям Абд-ар-реззака Самарканди, только в первые годы правления Шахруха (1405—1447 гг.) разным тимуридским царевичам и эмирам в сойургал были пожалованы округа Серахс, Андхуд, Дамган, Узгенд, Хамадан с Нехавендом и со всем Луристаном, Шираз[3] и другие области.[4] В XV в. этот вид ленного владения был распространен в ряде стран Передней и Средней Азии.

В государствах туркменских чернобаранных султанов (Кара-Койунлу, до 1468 г.) и султанов белобаранных (Ак-Койунлу, до 1502 г.) продолжалась раздача сойургалов. Энергичный Узун-Хасан (1453—1478 гг.), первый из белобаранных султанов в 50-х годах XV в. завоевавший Армению и Курдистан, а в 1468 г., после разгрома чернобаранных орд, завладевший Азербайджаном до реки Куры на севере, Месопотамией и всем Ираном, кроме Хорасана, стремился опереться на мусульманское духовенство. Выказывая особое уважение казиям, улемам и другим представителям духовенства, воздвигая мечети и медресэ в Тебризе и других городах, он вместе с тем наделял духовных лиц сойургалами.[5] Сын его, Я'куб-падишах (1478—1490 гг.) „старался об укреплении светлого шариата и повелел определить сойургалы для сейидов, казиев и улемов".[6] Таким образом, если ранее сойургалы давались военной знати, теперь их стали раздавать и представителям духовенства. Но самый характер сойургала как военного лена в XV в. еще не изменился: от всех владетелей сойургала падишах требовал личного участия в походах, вместе с определенным числом вооруженных людей.

Узун-Хасан, отправляясь в 881 г. х. (1476/7 г.) в поход против Грузии, „из сейидов и шейхов всех, которые были людьми сойургала (ахл-и сойургал), повел вместе с собою и, покорив страну Гурджистан (Грузию), захватил много пленников и из них дал долю каждому из сейидов и шей-

[1] Шереф-намэ, изд. перс. текста В. Вельяминова-Зернова, т. 1, стр. 376—378.

[2] Шереф-намэ, ук. изд., т. 1, стр. 380—381.

[3] Матла'-ас-садайн, ук. рук., соответственно лл. 173а, 134б, 185а, 191б, 210а; Катрмер, франц. пер.: стр. 74, 120, 123, 156, ср. Мирхонд, ук. изд., стр. 1259, 1277.

[4] Подробнее об этом см. в упомянутых статьях А. Ю. Якубовского и А. М. Беленицкого.

[5] Любб-ат-таварих, рук. ИВ АН В-660, л. 140б.

[6] Хондемир. Хабиб-ас-сийар. Бомбейское литогр. изд. перс. текста, 1273 г. х.—1857 г. н. э., т. III, ч. 4 стр. 15.

хов".[1] Особенно много сойургалов раздавал внук Узун-Хасана Рустам-падишах (1493—1496 гг.). По словам автора Любб-ат-таварих, Рустам „был падишах щедрый, и столько сойургалов, сколько он дал [своим] людям, из султанов племен Ак-Койунлу и Кара-Койунлу, никто не дал".[2] Ахмед-падишах Ак-Койунлу (1497 г.) в соответствии со своей политикой, направленной против тюркской военно-кочевой знати (эмиров), объявил уничтоженными выданные его предшественниками вечные пожалования владетелям сойургалов (мукаррарийат-и арбаб-и сойургал) и лишь в отношении некоторых духовных лиц подтвердил привилегию „му'афи" — освобождения от податей в пользу дивана.[3] Но царствование Ахмеда продолжалось всего 7 месяцев, и после гибели его в борьбе с мятежными эмирами от его реформы не осталось и следа.

Можно без преувеличения сказать, что во время правления Белобаранной и Чернобаранной династий сойургал был наиболее распространенным видом условного землевладения. Приведенные нами выше примеры относились к сойургальным пожалованиям больших территорий, в сущности целых княжеств. Мы знаем, однако, что сойургалом могла быть и небольшая территория, заключавшая 1—3 селения, как видно из сообщения Даулетшаха о пожаловании Салман-и Саведжи в сойургал 2 селений[4] и из грамоты на сойургальное владение 3 деревнями, выданной главою суфийско-дервишеского ордена Сефевийя и владетелем города Ардебиля, шейхом Хайдаром Сефеви, в 888 г. х. (1483 г.), шейху Кутб-ад-дину Захиди.[5]

Дабы яснее представить себе характер сойургального владения в досефевидский период, разберем текст упомянутой нами выше жалованной грамоты Кара-Юсуфа 820 г. х. (1417 г.), приведенный автором „Шереф-намэ", повидимому, в сокращении. В том виде, в каком он дошел до нас, текст отличается такой точностью и лаконизмом, что его лучше привести целиком.

„Дражайшие дети [наши], — да сохранит их аллах всевышний, — и эмиры улусов, туманов, тысяч и сотен, начальники (сардаран), правители и финансовые чиновники (хуккам ва 'уммаль), землевладельцы (арбаб), городские старейшины (калантаран) и жители — знатные (а'ийан), квартальные и сельские старшины (кедхудайан ва меликан) Курдистана — все вообще, и благородные, и ученые (ма'ариф — т. е. богословы), известные люди (машахир), коренные жители и обитатели Бидлиса, Ахлата, Муша и Хнуса с зависимыми и прилегающими местностями, ведайте, что так как налицо совершенная верность, единомыслие [с нами], предельное отличие, душевная преданность и полное упование и доверие его („сей стороны"-джанаб), прибежища эмирата, дражайшего сына [нашего],[6] величайшего, справедливейшего, мудрейшего, благороднейшего эмира, эмира эмиров Ирана,[7] эмира

---

[1] В неопубликованной части Ахсанат-таварих, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 287, л. 141а.

[2] Люббат-таварих, ук. рук., л. 142а. — Ахсанат-таварих, ук. изд., перс. текст, стр. 15—16.

[3] Хондемир, ук. изд., т. III, ч. 4, стр. 21. Подробнее об этом см. в нашей статье „Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койунлу" (Известия АзФАН, 1942, № 2; 2-е изд. — ССИА).

[4] Тазкиреташ-шу'ара, ук. изд., стр. 260.

[5] Документ приведен в Сильсилет ан-насаб, ук. рук., л. 160; изд. „Ираншехр", стр. 103—104.

[6] Обычная в монгольский и послемонгольский период форма обращения государя к своему вассалу.

[7] Здесь „Иран" условное понятие в значении государства Кара-Койунлу.

Шамс-ад-дина Абу-л-Ма'али, да охранит аллах всевышний дни державы его, победы его, достоинства его и благополучия его, для служения царственным намерениям нашим оказалось необходимым, дабы мы согласно прежнему [порядку] отличили и выделили разными благодеяниями и пожалованиями (сойургалат) вышеупомянутого эмира между равными ему. Поэтому следы милостей и ласк падишаховых на страницах [книги] жизненных обстоятельств его явны и очевидны. Ныне мы вновь пожаловали ему на правах управления, эмирата и обладания поземельную подать (мал у джихат) и подати, следуемые в диван (хукук-и дивани), с Бидлиса, Ахлата, Муша и других крепостей и зависимых местностей с окрестностями, угодьями и сооружениями, которые перед этим были во владении (тасарруф) вышеупомянутого эмира. Мы пожаловали ему их без вмешательства (мудахалат) и соучастия (мушаракат) прочих лиц. Этот указ выпущен по той причине, чтобы, по отношению к вышеуказанному эмиру, эмиры, правители (хакимы) и владетели (мутесаррифы) не чинили вмешательства и не вступали бы (буквально: „не вращались бы вокруг") в округа (булюкат), местности, зимние пастбища (кышлаг) и пахотные земли (мазари'), которые прежде сего принадлежали вышеуказанному эмиру и не стесняли бы крестьян (ра'айа) и людей (мардуман ва кесан) его. Всякий, кто будет противиться фирману, будет в ответе. Обязанность эмиров, сардаров, благородных и знатных людей (а'ийан), обитателей и коренных жителей Бидлиса, Ахлата, Муша и Хнуса, местностей и пахотных земель, начальников крепостей (кутувалан) и жителей (мукиман) их в том, что, постоянно признавая его,[1] прибежище эмирата, сына [нашего], своим правителем (хаким) и эмиром, пусть не уклоняются от речей, благих деяний и благоразумных распоряжений его и пусть следуют путем покорности, подчинения и душевной преданности. И в судебных делах (казайа), обязанностях и делах пусть признают себя подведомственными и зависимыми от доверенных лиц (гумаштэган) вышеупомянутого эмира. За чем бы он [к ним] ни обратился, пусть будут покорны и пусть повсюду (буквально: «со всех сторон») поступают таким образом. И когда [грамота] будет украшена высокой и благородной государевой печатью, пусть ей верят. Писано в 10-й [день] месяца раби' ал-авваль 820 года".[2]

Привилегии, предоставленные цитированным указом владетелю сойургала эмиру Шамс-ад-дину, были аналогичны привилегиям, предоставлявшимся другим владетелям сойургала. Эти привилегии не представляются чем-то вполне новым для стран Передней и Средней Азии. Сойургальные привилегии, думается нам, являются дальнейшим развитием тех феодальных привилегий, которые связывались со старинным институтом икта'. Сам институт икта' пережил значительную эволюцию. Как известно, икта' времен арабского халифата, времен сельджуков и времен монгольского владычества далеко не аналогичны. Только при монгольском владычестве (1239—1340 гг.) икта' окончательно превратилось в военный лен, связанный с наследственным владением землями, обработанными (абадан) и необработанными (хараб), как и ирригационными сооружениями, с правами налогового иммунитета для икта' дара (владельца икта'). Таким

[1] Буквально: „доверенных лиц (гумаштэган) сей стороны (джанаб)" — техническое выражение, обозначающее в данном случае личность самого эмира Шамс-ад-дина.

[2] Шереф-намэ, т. I, стр. 376—378. По техническим причинам персидский текст грамоты не приводится, тем более, что он опубликован. Перевод наш.

рисуется нам икта' чинов монгольского войска в ярлыке 1303 г. монгольского хулагуидского государя Газан-хана.[1]

В начале XV в. икта' упоминается еще как особый вид военного лена,[2] но в дальнейшем „икта'" как точный юридический термин исчезает из официальных актов и сохраняется лишь в нарративных источниках[3] как архаическое, чисто книжное выражение для обозначения различных видов условного землевладения, в частности сойургала и тиула. Самый же институт икта' уже в XV в. уступил место сойургалу.

Из приведенной выше жалованной грамоты Кара-Юсуфа (820 г. х.—1417 г.) ясно видно, какими чертами сойургал того времени совпадал с икта' монгольской эпохи и чем он отличался от этого икта'. И в данном сойургале, и в монгольском икта' общей чертой является привилегия налогового иммунитета для владельца лена, но не для зависимого населения территории лена: владельцу предоставлялось право взимать в свою пользу с ра'ийатов, помимо собственно ренты, также и ту долю поземельной подати (мал у джихат, т. е. харадж), которую, вместе с другими сборами, полагалось вносить в казну центральной власти (в диван). Общим для обоих видов владения является также принцип наследственности. Правда, в сойургале Кара-Юсуфа этот принцип прямо не оговорен, однако он не вызывал ни в ком из современников сомнения, поскольку за эмиром Шамс-ад-дином была закреплена территория, находившаяся в обладании его предков[4] и управляемая после его смерти его потомками, под сюзеренитетом то Кара-Койунлу, то Ак-Койунлу, то кызылбашского шаха, то османской Турции до 1531 г.[5] Наследственность сойургала оговорена в подтвердительной грамоте ардебильского шейха Хайдара Сефеви на имя потомков шейха Захида 1483 г., упомянутой нами выше.[6] Наследственный характер пожалования ясно виден в опубликованной в 1939 г. В. Ф. Минорским сойургальной грамоте царевича Касима ибн-Джихангира Ак-Койунлу 903 г. х. (1498 г.) на имя его вассала, владетеля округа Эгиль (близ Дийарбекра).[7]

Вместе с тем сойургальное пожалование предоставляло владельцу более значительные права, нежели икта' монгольского периода. Согласно ярлыку Газан-хана 1303 г. о военных икта', определенный округ отводился под икта' для „тысячи" (хазарэ) военных чинов, т. е. для определенной

---

[1] Приведен у Рашид-ад-дина, в неопубликованной части Джами'-ат-таварих, стамбульская рукопись лл. 651—653. См. также: И. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. Известия АН СССР Отд. общ. наук, 1937, стр. 382 и сл. См. и весьма содержательную статью А. А. Али-Заде, К вопросу об институте „икта" при ильханах. Известия АзФАН, 1942, № 5, стр. 19—28.

[2] Матла-ас-садайн, ук. рук., л. 182а; Катрмер, франц. пер. стр. 103.

[3] В XVI в. термин „икта'" встречается, напр. в Тарих-и ильчий-и Низам-шах (Schéfer, т. II, перс. текст, стр. 64, 83, 101); в Шереф-намэ, ук. изд., т. I, стр. 289, 308, 309, 316, 355 и др.; в XVII в. — в Тарих-и 'алем арай-и 'Аббаси (техранское литогр. изд. перс. текста, стр. 78, 104, 235, 531, 532, 551, 644); в Раузат ас-Сефевийя (рук. ИВР АН УзССР, № 26, л. 390б), в XVIII в. в Тарих-и ахвал-и шейх-и Хазин (изд. перс. текста Бельфура стр. 154).

[4] Шереф-намэ, ук. изд., т. I, стр. 375.

[5] Там же, т. I, стр. 437—447. — Ахсанат-таварих, ук. изд. перс. текст, стр. 238—239.

[6] Сильсилет ан-насаб, ук. рук., л. 160; изд. „Ирэншехр", стр. 103—104.

[7] V. Minorsky, ук. соч., стр. 930 (из текста грамоты: انعامی مخلّد بر دوام واکرامی مؤبّد مالا کلام شناسند). Поскольку в данной статье дан подробный комментарий к тексту грамоты, мы здесь не рассматриваем подробно содержания данного документа.

племенной группы кочевников, поставлявшей 1000 воинов в ополчение (черик), и жалованная грамота выписывалась на имя эмира „тысячи", т. е. наследственного племенного главы и одновременно военачальника. Эмир „тысячи" делил территорию икта' на доли и производил жеребьевку их. Власть эмира „тысячи" распространялась только на мелкие ленные участки военных чинов, но не на соседние земли частных землевладельцев, или вакфные земли.[1] Между тем цитированная грамота Кара-Юсуфа подчиняла эмиру Шамс-ад-дину всех без исключения эмиров, феодальных владетелей, знатных людей и духовных лиц („ученых", т. е. мусульманских богословов) очень обширной территории. Сойургальная территория эмира Шамс-ад-дина, расположенная в южн. Армении, к западу от озера Ван, была больше самого крупного из армянских княжеств (Сюник) нахарарского периода.[2] Мы не имеем сведений и о пожаловании столь обширных территорий в икта' при монгольском владычестве.

Затем жалованная грамота Кара-Юсуфа предоставляла эмиру Шамс-ад-дину не только налоговый, но и административно-судебный иммунитет: никому из представителей центральной государственной власти или соседних владетелей не разрешалось вмешиваться в управление сойургальной территорией и даже вступать на нее.[3] Право разбора судебных для (казайа) ра'ийатов и вообще жителей сойургальной территории было предоставлено эмиру Шамс-ад-дину и поставленным им казиям.[4] Владельцы икта' монгольского периода пользовались только налоговым иммунитетом, но их земли не были изъяты из подчинения чиновникам центрального государственного аппарата; последние не только имели право доступа на территории военных икта', но даже обязаны были ежегодно являться туда для ревизии и отбирать „доли" икта' у тех воинов, которые оказались бы неисправными по службе или не приняли бы мер к обработке своих земель прикрепленными к ним крестьянами.[5]

Но уже в джелаиридском сборнике официальных документов „Дастур-ал-катиб" (60-е годы XIV в., на персидском яз.), в одной из приведенных там жалованных грамот на имя мелика Шамс-ад-дина Мухаммеда, мы находим упомянутую уже формулу административного иммунитета „калам

---

[1] Рашид-ад-дин, Стамбульская рук., л. 653, 656.

[2] См. данные о нахарарствах по „Воинской грамоте" („Зора-намак"), приведенные в книге Н. Адонца. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 251—265 (текст и анализ „Воинской грамоты").

[3] Выражение грамоты پیرامون نگردند — „пусть они [чиновники] не околачиваются (буквально: «не вращаются [вокруг]»)" — выражение, как увидим далее, часто встречающееся и в жалованных грамотах XVI—XVIII вв., — трудно понимать в соответствии с общим духом документа иначе, как запрещение доступа на иммунитетную территорию. В сойургальной грамоте Касима Ак-Койунлу 903 г. (1493 г.) это запрещение формулировано яснее: قلم و قدم از آنجا کوتاه و کشیده دارند. „Пусть они [чиновники] перья и ноги укоротят и уберут оттуда" (см. V. Minorsky, ук. статья, перс. текст, стр. 930). То же выражение см. в тексте вакфной грамоты султана Я'куба Ак-Койунлу на имя мутаваллия медресэ Мансурийэ в Ширазе, известного ученого Садр-ад-дина Мухаммеда, от 7 зу-л-хиджжи 893 г. х. (13 октября 1438 г.), приведенной в Фарс-намэй-и Насири (литогр. изд. 1313 г. х., стр. 82). Выражение это в XV—XVIII вв. становится обычной формулой сойургальных документов (см. ниже).

[4] Право судебного иммунитета ясно оговорено в жалованной грамоте шаха Аббаса I от 1009 г. х. (1600/1 г.) на имя управителя (мутаваллы) вакфных имуществ святилища (гробницы шейха Сефи-ад-дина) в Ардебиле, приведенной в Сильсилет ан-насаб (ук. рук., л. 171, изд. „Ираншехр", стр. 109).

[5] Рашид-ад-дин, ук. рук., л. 653.

ва кадам кутах ва кешидэ даренд" — „пусть укоротят и уберут перья и ноги".[1]

Административный иммунитет был общим правилом для сойургала. Это обстоятельство позволяет нам видеть в сойургале XV в. дальнейшее развитие института икта'. Административный иммунитет как особенность сойургала мы отметили еще раньше (в 1935 г.).[2] И сойургал, и икта' могли быть разных размеров.

Развитие иммунитета, сперва налогового, затем и судебно-административного, было выражением процесса роста военно-ленной системы и феодальной иерархии. Крупное феодальное землевладение было базой иммунитета, а жалованные грамоты центральной государственной власти были лишь юридическим признанием сложившихся независимо от ее воли отношений.

Шаханшахи династии Сефевидов продолжали раздавать сойургальные пожалования. Хондемир упоминает о пожаловании первым шахом из династии Сефевидов Исмаилом I „приличного сойургала" одному из шейх-ал-исламов.[3] Мир Яхья ал-Хусейни, хронист половины XVI в., подчеркивает особое благоволение шаха Исмаила I к представителям шиитского духовенства — сейидам, казиям, богословам: „много сойургалов им и прочим разрядам (служилых людей) пожаловали".[4] Известно, что при этом шахе много земель было роздано знати кочевых кызылбашских племен, занявших руководящее положение внутри класса феодалов в новом государстве. Но при этих пожалованиях выражение „сойургал" встречается реже, нежели в период господства обеих туркменских династий, в XV в.; при первых же Сефевидах заметно желание центральной власти чаще раздавать пожалования без права иммунитета либо ненаследственные пожалования с правом налогового иммунитета (тиул). Хронисты передают случаи, когда шах Исмаил I, отбирая сойургальные территории у мятежных владетелей, подчинившихся кызылбашам неохотно и не оставлявших стремлений к независимости, передавал эти территории представителям кызылбашской знати, но уже на правах тиула, а не сойургала.[5] Тем не менее и раздача сойургалов далеко не прекратилась. Шах Тахмасп I раздавал сойургалы представителям духовенства и бюрократии.[6] При этом шахе одно время видное положение при дворе занимал сейид эмир Садр-ад-дин Махмуд с тремя братьями „из сейидов Хусейни", т. е. из потомков третьего шиитского имама Хусейна. Притязания этих сейидов на высшие государственные посты вызвали их удаление от двора. Шах Тахмасп приказал им жить в их селении Аскуйя и заниматься сельским хозяйством, запретив им являться ко двору, но утвердив за ними те сойургалы, которые были раньше пожалованы их предкам.[7]

---

[1] Дастур ал-катиб, рукопись ИВ АН, без № (составленная В. Тизенгаузеном копия венской рукописи № 185), л. 222 б.

[2] См. нашу статью: К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв., ИС, № 4, изд. Акад. Наук СССР, 1935, стр. 63—64.

[3] Хабиб-ас-сийар, ук. изд., т. IV, ч. 3, стр. 113.

[4] Любб-ат-таварих, ук. рук., л. 169б; ср. там же лл. 161б, 162а — о пожалованиях шиитскому духовенству Ирака арабского.

[5] Тарих-и илчий-и Низам-шах (Schèfer, т. II, стр. 99—101, об округе Хезарджериб). Округ Хезарджериба давал ежегодно 500 туманов тебризских мал у джихата и мог поставить 1000 всадников и пехотинцев в войско.

[6] См., напр., Ахсанат-таварих, ук. изд., перс. текст, стр. 375.

[7] Мир Мехди Ширази, изд. перс. текста П. Хорна, ZDMG, т. 45, стр. 289—290; Ахсанат-таварих, ук. изд., стр. 301—302; Тарих-и алем-арай, стр. 107.

По рассказу Искендера Мунши, представителей бакинской знати, восставшей против Турции и вырезавшей турецкий гарнизон (1606 г.), шах Аббас I „одарил и отличил ценными почетными одеждами [хил'а], пожалованиями и сойургалами".[1]

Также после взятия шахскими войсками Шемахи (лето 1607 г.) некоторые из „людей ширванских", державших при турецком владычестве сторону Турции, состоявших в числе сипахиев, тимариотов и заимов (владетелей зиаметов, т. е. тех же тимаров, но более обширных и большей доходности), теперь перешли на шахскую службу, получив от шаха прощение. Нескольких человек из них шах отличил „милостями", „каждому из них пожаловав тиул и сойургал".[2] При отвоевании у османов Дербенда тем же шахом были даны сойургальные пожалования местной знати.[3]

При Сефевидах, особенно в XVII—XVIII вв., мы уже не встречаем упоминаний источников о пожалованиях в сойургал, по крайней мере новых, таких обширных территорий, какие жаловались в XV в. черно-баранными, белобаранными и тимуридскими султанами. Сефевидские сойургалы — чаще всего сравнительно небольшие земельные владения.

Чем был сойургал при Сефевидах, можно судить по трем характерным документам, приведенным в Сильсилет ан-насаб.

Первое из этих владений — пахотные земли Джура, Маджура и Урункад в Муганской области, принадлежавшие потомкам суфийско-дервишеского шейха Захида. Шейх Тадж-ад-дин Ибрахим ас-Санджани, по прозванию шейх Захид, умерший в 700 г. х. (1300/1 г.) был в течение 25 лет „старцем" (пир) и наставником (мюршид) св. шейха Сефи-ад-дина Исхака, умершего в 735 г. х. (1334 г.), предка шахов из династии Сефевидов. Прямые же потомки шейха Захида оказались в подчинении у Сефевидов, однако все же они занимали среди мюридов и вассалов Сефевидов довольно видное и почетное положение.

Одному из Захидиев, шейху Кутб-ад-дину, сефевидский шейх Хайдар, бывший владетелем Ардебильской области, выдал удостоверение (васика), помеченное месяцем раджабом 888 г. х. (5 августа—3 сентября 1483 г.),[4] о том, что земли Джура, Маджура и Урункад на Мугани достались этой ветви Захидиев в „день раздела"[5] имений между потомками шейха Захида, составив долю (бахш) одного из них, шейха Шамс-ад-дина Захиди. Потомки последнего владели этими имениями как наследием[6], закрепленным за ними жалованными грамотами „султанов" Сефевидов,[7] в то время собственно владетелей Ардебильской области; „а у прочих высоких потомков... шейха Захида, — по словам грамоты, — в тех упомянутых землях права (буквально: «документа») и доли нет". Выражение „сойургал" в данном документе не встречается, но в более позднем документе 1559 г. это же имение названо сойургалом.

---

[1] Тарих-и алем арай, стр. 515.
[2] Там же, стр. 529.
[3] Там же стр. 516.
[4] Сильсилет ан-насаб, ук. рук., л. 160; изд. „Ираншехр", стр. 103—104.
[5] Там же: در روز مقاسمه
[6] Там же: ابا عنجد ارث مانده است
[7] Там же: بموجب سند سلاطین ماضی. В этом же документе названы имена шейхов Захидиев, потомственно владевших названными сойургальными землями: шейх Шамс-ад-дин, шейх Хамид, шейх Рафи'-ад-дин, шейх Кутб-ад-дин.

Автор „Сильсилет ан-насаб" шейх Хусейн, сам происходивший из фамилии Захидиев, рассказывает, что после того, как Исмаил I Сефеви стал шахом, он „повелел пожаловать многие указы (ахкам) относительно му'афи[1] имений (амлак) сойургала их (Захидиев) на имя прежних шейха 'Абд-ал-Ваххаба и шейха Шерифа, которые были современниками того государя". Шах Тахмасп I также выдал ряд указов о сойургальных правах и му'афи имений Захидиев на имя современного этому шаху их представителя.[2] Из указов шаха Тахмаспа I автор „Сильсилет ан-насаб" приводит один фирман 996 г. х. (1559 г.) Фирман этот содержит указания на некоторые новые черты сойургала по сравнению с досефевидской эпохой. Поэтому мы приведем его здесь целиком в переводе.

„Таков указ. Высочайший фирман последовал о том, что основная (или: первоначальная) поземельная подать (асл-и малуджихат) с пахотных земель (мазари') Джура, Маджура и Урункад Муганской области (улькай-и Муганат), согласно указу того, кому подчиняется мир, определена и утверждена в сойургал высоким потомкам шейха божьего, шейха Захида, — да освятится славная гробница его, — и изменения в том не произошло. И так как отмеченная щедростью высочайшая благосклонность наша к ним достигла высшей степени, посему мы повелели установить: славнейший, справедливейший, могущественный, отмеченный титулом султанским Абу-л-Фатх Бахрам-мирза,[3] — да продлит жизнь его аллах всевышний, — векили[4] его и мелики[5] упомянутой области и откупщики налогов (мустаджиран) с пахотных земель Муганской области пусть никоим образом ничего не требуют с пахотных земель сойургала их (потомков шейха Захида) под предлогом взимания прироста (буквально: «разницы» — тафавут) и излишка (тауфир) мал у джихата и не взимают поголовного сбора (серанэ). И если бы оказался прирост за годы прошедшие, настоящие и будущие, пусть его признают, согласно первоначальному правилу (дастур-и асль), их вечным сойургалом и вечным пожалованием. А что из той суммы вышеуказанному славнейшему, справедливейшему брату [нашему] определили в тиул, то пусть признают уничтоженным и обстоятельства того [пожалования в тиул] пусть подробно выяснят. И благородные казначеи (мустауфийан) высочайшего дивана, исключив [те суммы] из [статьи] тиула, пусть признают их, согласно сему указу, сойургалом их (потомков шейха Захида) и, оказывая должное внимание, пусть остерегаются противления, каковое — основание для наказания. Даруга, мелики и тушмали[6] указанной области пусть признают [это пожалование], согласно содержанию приказа, и пусть не предъявляют [на земли сойургала] ассигновок (хавалат) ради взыскания [податей] ихраджат, хариджийат, тауджихат под предлогом отмены налоговых льгот (тахфифат-и масдудэ), под каким бы то ни было названием и на каком бы то ни было основании. Пусть они (должностные лица) укоротят и уберут свои перья и ноги [от земель сойургала] и пусть не околачиваются вокруг [них]. А если бы что-нибудь было [уже] взыскано, пусть возвратят и пусть не удерживают под какими бы то ни было отговорками. Зная приказ по этому поводу, пусть от [исполнения] приказанного

---

[1] Освобождение от податей, налоговый иммунигет, см. ниже.

[2] Сильсилет ан-насаб, ук. рук., л. 161; изд. „Ираншехр", стр. 104.

[3] Младший брат Тахмаспа I.

[4] В данном случае — заместители по управлению Муганью царевича Бахрам-мирзы, для которого титул правителя Мугани был лишь почетной и доходной синекурой.

[5] В данном значении — сельские старосты.

[6] Низшие агенты административно-полицейской власти.

не уклоняются и пусть не требуют ежегодно возобновления грамоты. И пусть, числя исполнение на своей ответственности, остерегаются жалоб [потомков шейха Захида]. Шах-Гази,[1] признав приказ, согласно вышеписанному, пусть не вступается в [дела] саркара[2] их (потомков шейха) и не околачивается вокруг [их земель]. И пусть числит [те земли] исключенными из откупа (муката'а) меликов и откупщиков (мустаджиран) пахотных земель Муганской области. Писано 20 джумады II 966 года" (30 марта 1559 г.).[3]

В этом указе мы, прежде всего, встречаемся с двояким значением термина „сойургал". С одной стороны, сойургалом именуются пахотные земли, т. е. сама территория,[4] и таково было бытовое значение этого термина, утвердившееся уже в XV в. С другой стороны, в соответствии с официальной теорией централизованной монархии, признававшей верховным собственником земли государство, сефевидские чиновники, составлявшие шахские указы, пытались истолковать понятие сойургала лишь как пожалование владельцу имения права взимать в свою пользу те или иные налоги. Эта последняя точка зрения усердно отстаивалась гражданской бюрократией, состоявшей в Кызылбашском государстве почти сплошь из персов. Но эта точка зрения не признавалась верхушкой класса феодалов — военно-кочевой кызылбашской знатью — и всегда оставалась лишь официальной теорией, далекой от живой действительности. Тем не менее попытки применения этой теории на практике делались. И в данном случае издание шахом Тахмаспом I нового указа, подтверждающего сойургальную привилегию Захидиев, было вызвано тем, что финансовые чиновники ('уммаль) и откупщики государственных налогов (мустаджиран) Муганской области пытались истолковать сойургальную привилегию Захидиев в том смысле, что последним шах предоставил право удерживать в свою пользу не все государственные подати, а лишь существовавшие исстари; вновь введенные же подати подлежали, согласно этому истолкованию, передаче чиновникам дивана или откупщикам. Надо иметь в виду, что в Кызылбашской державе, в результате предпринимавшихся по временам шахским центральным правительством повышений размеров податей, поземельная подать (мал у джихат, иначе — мал, бахра или харадж) увеличилась в размере.[5] Различали основной или первоначальный (асль) мал у джихат[6] и позднейшие приращения и начисления на него, обозначавшиеся арабскими терминами „тафавут" (буквально „разница") или „тауфир" (буквально: „излишек"). Насколько значительны были эти начисления, видно из того, что только в одной из областей Кызылбашской державы — Ираке персидском — в конце XVI в. они давали в шахскую казну более 50—60 тысяч туманов ежегодно.[7] Вот эту-то „разницу" муганские чиновники и пытались собирать с сойургала Захидиев в пользу казны.

[1] Векиль Бахрам-мирзы.

[2] В данном значении термина — управитель имений, точнее, лицо, распоряжавшееся поступлением доходов с них, поскольку крупное землевладение не соединялось с крупным помещичьим хозяйством, и управление имением в основном сводилось к взиманию ренты с крестьян-общинников и арендаторов-издольщиков.

[3] Сильсилет ан-насаб, ук. рук., лл. 162—164; изд. „Ираншехр", стр. 104—105. По техническим причинам перс. текста не приводим. Перевод наш.

[4] Сильсилет ан-насаб, изд. „Ираншехр", стр. 105: مزارع سيورغال ايشان; то же, ук. рук., л. 162.

[5] Согласно Тарих-и алем арай, стр. 405, в течение XVI в. она выросла на 1/5. Снижение произошло при шахе Аббасе I.

[6] Об этом термине см. там же.

[7] Там же; о термине „тафавут" см. также. V. Minorsky, ук. ст., стр. 956—957.

Шахский указ запрещает эти сборы, приказывая чиновникам вернуть даже то, что уже было взыскано с них. Указ подтверждает, что и „разницу" следует считать сойургальным пожалованием Захидиям, как и остальные налоги. Автор „Сильсилетан-насаб" так поясняет смысл этого шахского указа: шах издал „подтвердительный указ (хукм-и та'кид) по этому поводу с таким обязательством, что когда государственные контролеры (мумейизан) найдут «излишки» (или «разницу» — тафавут) в сойургале их (Захидиев), пусть их по этой причине не стесняют",[1] т. е. пусть не требуют этих „излишков" в казну. Надо иметь в виду, что со стороны шахской власти эта была уступка не в пользу крестьян, а в пользу владельцев сойургала, к которым и переходило право взимать „тафавут".

Шахский указ запрещает чиновникам взимать в сойургале и другие подати: серанэ — поголовный сбор;[2] ихраджат — установленные „издержки" на местные расходы казны; хариджийат — чрезвычайные сборы такого же рода; тауджихат, — повидимому, синоним очень обычного еще со времен монгольского владычества термина „мутаваджжихат-и дивани", которым обозначалась совокупность всех налоговых сборов, взаимавшихся в пользу дивана (казны). Любопытна ссылка фирмана на какие-то льготы или „облегчения" при взимании податей, очевидно, сделанные было шахским правительством, но затем отмененные (тахфифат-и масдуда, т. е. буквально: „прегражденные льготы"). Отмена этих льгот служила для финансовых чиновников поводом для предъявления новых требований к владельцам сойургала и их ра'ийатам.

Далее, мы видим что муганские финансовые чиновники, считая, что налоговый иммунитет владельца сойургала не распространяется на ряд податных сборов, допускали возможность передачи права взимания с территории сойургала этих сборов на правах тиула[3] разным служилым людям или правителю Бахрам-мирзе. Шахский фирман объявляет эти тиульные пожалования недействительными. Фирман подтверждает полностью права владельцев сойургала не только на налоговый, но и на административный иммунитет: местным чиновникам запрещается доступ на сойургальную территорию, как это ясно видно из приведенного текста фирмана.

Чтобы яснее представить себе положение Захидиев как сильных феодалов, надо иметь в виду, что их богатства составлялись не только из доходов с их муганских имений. Со времен шаха Исмаила I мутаваллии (попечители) фамильного святилища Сефевидов — мечети с гробницами Сефи-ад-дина и других сефевидских шейхов в Ардебиле, бывшие одновременно распорядителями огромных вакфных имуществ этого святилища, назначались из фамилии Захидиев.

Второй из характерных сойургальных документов сефевидской эпохи датируется 1113 г. х. (1701 г.). Этот документ дает возможность проследить судьбу одного сойургального владения на протяжении по меньшей мере одного столетия. Речь идет об одном из сойургалов, принадлежавших семье усердных вассалов Сефевидов, наследственных владетелей (хакимов)[4] горного округа Карадаг (иначе Караджа-даг, „Черная Гора") в южном (иранском) Азербайджане. Еще в XI в. здесь было большое число при-

---

[1] Сильсилет ан-насаб, ук. рук., л. 161; изд. „Ираншехр", стр. 104.

[2] Взимавшийся со времен монгольского владычества, под разными названиями, вопреки мусульманскому праву, и с мусульман.

[3] В данном значении — пожалование ренты или части ее с какой-либо территории.

[4] Это название округа, в персидской форме — Сийах-кух („Черная гора"), встречается уже у Хамдуллаха Казвинского (Нузхат-ал-кулуб, изд. GMS, перс. текст, стр. 197, 223).

верженцев, суфиев-мюридов, ордена Сефевия и его наследственных шейхов, ардебильских Сефевидов; к числу этих мюридов принадлежали прежде всего местные феодальные владетели. „Суфии Караджа-дага" вместе с другими кызылбашскими племенами оказали деятельную поддержку выступлению шаха Исмаила I в 1499—1500 г.[1] После победы Исмаила I и образования Кызылбашского государства звание хакимов Карадага осталось наследственным в семье Караджа Ильяса,[2] соратника Исмаила I. Члены этой семьи продолжали считаться „дервишами", „суфиями" и „мюридами" Сефевидов и носили дервишеский сан „халифэ", т. е. „наместников" Сефевидов как главных шейхов дервишеского ордена Сефевийя. Еще при шахе Исмаиле I этим карадагским халифэ были пожалованы разные сойургалы,[3] но Карагадский округ в целом нигде в источниках не именуется сойургалом. Тот сойургал, о котором мы говорили выше, — мелкое имение, какими, возможно, были и остальные сойургалы семьи карадагских халифэ.

Во второй половине XVI в. представитель этой семьи Халифэй-и Ансар,[4] хаким Караджа-дага и одно время беглербег Ширвана, играл видную роль при дворе шаха Тахмаспа I. Один из сыновей Халифэй-и Ансара, Сохраб-бек, жестоко усмирил восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г.[5] Другой сын Халифэй-и Ансара, Шахвердихан, хаким Караджа дага, в 1588 г. перешел на сторону Турции, изменив шаху.[6] За это он и ряд членов его семьи, после изгнания османов кысылбашами в 1603 г., были казнены. Но все же новым хакимом Караджа-дага был назначен один из представителей — верных шаху — той же семьи, Максуд-султан.[7] Семья эта, таким образом, не утратила своих наследственных прав на Карадаг, не потеряла и своих сойургальных имений. Кочевые традиции в Кызылбашском государстве были настолько сильны, что семья карадагских халифэ вместе со своими вассалами и своим феодальным ополчением (кошун) официально считалась особым „племенем". В ряду кызылбашских племен, судя по приведенным Искендером Мунши данным,[8] „племя Карадаглу" занимало восьмое место,[9] непосредственно после семи главных кызылбашских племен.

Приведенные нами подробности относительно семьи карадагских халифэ могут показаться длинными и скучными, но они кажутся нам необходимыми для выяснения одной из наиболее характерных черт сойургального владения — наследственности. Упомянутый нами сойургальный документ 1701 г. — фирман шаха Хусейна, выданный на имя Байандур-султана, хакима караджадагского, о пожаловании его сыну Мухаммед-Касим беку в сойургал суммы в 6 туманов 3096½ динаров „из статьи малуджихата и других сборов [вуджухат]" в районе Дизмар в том же Карадаге. Судя

---

[1] Ахсанат-таварих, ук. изд., стр 41.
[2] См. о нем там же, стр. 35.
[3] Тарих-и алем арай, стр. 622.
[4] Ахсанат-таварих, ук. изд., стр. 437.
[5] Там же, стр. 455—457; Тарих-и алем арай, стр. 90—91. Подробнее об этом см.: И. П. Петрушевский. Восстание ремесленников в Тебризе в 1573 г. Известия АзФАН, 1942, № 3; то же, 2-е изд., ССИА, 1949.
[6] Тарих-и алем арай, стр. 271.
[7] Там же, стр. 622.
[8] Тарих-и алем арай, стр 761—764.
[9] Там же, стр. 752.

по небольшим размерам пожалованной суммы,[1] эта сумма могла составляться из налоговых сумм, взимавшихся не со всего Дизмарского округа, а, вероятно, лишь с одного или нескольких селений этого округа. Пожалование в сойургал суммы доходов — обычная формула сефевидских фирманов; практически, как это и видно из текста данной грамоты, эта формула означала и пожалование самой территории, с которой взимались налоги. Сойургал был пожалован Мухаммед-Касим беку под условием доставки в шахское войско семи человек снаряженных и вооруженных из людей сойургала.[2] В тексте мы встречаем такое место: „Пусть кедхуды (старшины селений) и ра'ийаты указанного махала, признавая упомянутое прибежище высоты и величия (т. е. Касим-бека) обладателем сойургала своего, из года в год представляют ему малуджихат, [другие] сборы (вуджухат) и подати диванские (хукук-и дивани), [следуемые] с них, по тому же обычаю, как они выполняли необходимые повинности предшествовавшим обладателям сойургала (сахибан-и сойургал) и вышеупомянутому роду, ничего не упуская и ничего не утаивая".[3]

В общем, характер сойургального владения в этом фирмане обрисован таким же, как и в рассмотренных нами более ранних документах. Отметим, что и здесь сойургалом названа пожалованная территория. Помимо этого, в тексте фирмана мы находим три особенности, резко отличающие сойургал от другого вида условного владения — тиула, распространенного при Сефевидах.

1. Обязанность владетеля сойургала поставлять вооруженных людей в шахское войско предполагает подчинение пожалованных селений его власти, тогда как в жалованных грамотах Сефевидов на тиульное держание такое право, по крайней мере официально, не давалось.

2. В отличие от тиула, пожалование данного сойургала — как и всякого вообще сойургала — было наследственным. Из текста фирмана видно, что хотя при вступлении во владение наследника сойургала требовалось возобновление пожалования шаханшахом, но такое возобновление носило формальный характер. Порядок наследования соблюдался достаточно строго, и только в случае отсутствия прямого наследника сойургал мог перейти к родственникам по боковой линии; ни шаханшах, ни местный каким (хан) не изменяли порядка наследования. В данном фирмане пожалование сойургала Мухаммед-Касим-беку мотивировано тем, что после предыдущего владельца Бурхан-ад-дин-халифэ не осталось прямых наследников (сыновей), вследствие чего сойургал и был пожалован шахом ближайшему родственнику покойного — Мухаммед-Касим-беку. В фирмане

[1] Судя по дошедшей до нас купчей грамоте 1704 г., следовательно, современной упомянутому фирману шаха Хусейна 1701 г., за сумму в 6 туманов тебризских в то время можно было купить целое селение (Ерев. № 1/8).

[2] Персидский текст фирмана опубликован с французским переводом Н. Ханыковым (Lettre de M. Khanykov à M. Dorn, precedée d'un rapport de cet Académicien. MA, 1857, t. III, livr. I, téxte pers, стр. 71—74, traduction franç., стр. 74—76). Текста фирмана полностью мы здесь не приводим; он приведен и разобран в нашей статье „К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв." (ИС, № 4, изд. Акад. Наук СССР, 1935, стр. 58—67). Об этом документе см. также: V. Minorsky. ук. ст., стр. 958—959.

[3] Ук. фирман, стр. 74: کل خدایان و رعایاء محال مزبوره رفعت و معالی پناه مزبوررا صاحب سیورغال خود دانسته سال بسال مالو جهات و وجوهات و حقوق دیوانی خودرا بدستور که بصاحبان سیورغال سابق مهم سازی مینموده اند و اصل مشارالیه ساخته چیزی قاصر و منکسر نسازند...

приведены имена шести членов семьи карадагских халифэ, владевших этим сойургалом.[1]

1. Ильяс-халифэ
2. Шамс-ад-дин-халифэ
3. Двоюродный брат его Махмуд султан, хаким карадагский
4. Ильяс-халифэ
5. Бурхан-ад-дин-халифэ
6. Сараджан-Мухаммед-Касим-бек[2]

Наследственный характер сойургала достаточно доказывается целым рядом документов. Напротив, в тиульных пожалованиях признания наследственности, по крайней мере до конца XVII в., мы не находим.

3. В данном фирмане налицо и черты налогового иммунитета. Сверх того, правителям и финансовым чиновникам вообще запрещался доступ на территорию сойургала в тех же выражениях, какие мы видели уже в рассмотренных нами документах.[3] Иначе говоря, сойургал был связан с правами и налогового и административного иммунитета. Тиульное пожалование таких прав не предоставляло.

Термин „сойургал" встречается в нескольких сефевидских указах из небольшой серии персидских жалованных грамот, относящихся к мазару (гробнице) чтимой шиитами святой Биби-Хейбат, сестры седьмого шиитского имама Мусы Казима, близ г. Баку, в нын. биби-эйбатском нефтяном районе (в так называемой „Шиховой деревне"). Копии этих грамот, снятые акад. Б. Дорном, хранятся в рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук СССР;[4] подлинники, повидимому, не сохранились. Все грамоты касаются вакфных имуществ, главным образом, селения Зыг или Зых близ Баку. Мазаром управляли наследственные шейхи (пиры) из сейидов-Алидов. Повидимому, при мазаре существовал ханаках — дервишеская обитель. Прямого упоминания о ней в документах нет, но часто упоминается о дервишах,[5] живших близ мазара.

Термин „сойургал" встречается в четырех фирманах упомянутой серии[6] и во всех случаях в применении к вакфному владению, т. е. к недвижимости, завещанной религиозному учреждению, в данном случае мазару. В фирмане, например, шаха Аббаса II, изданном в месяце зу-л-хиджже 1066 г. х. (20 сентября — 19 октября 1656 г.), сказано, что указанное

---

[1] Там же.

[2] Подчеркнуты имена членов династии хакимов карадагских, владевших дизмарским сойургалом. Цифрами отмечен порядок смены владельцев сойургала.

[3] Там же: цитата приведена ниже, стр. 256, прим. 1.

[4] ИВ АН СССР, рук. отд., из архива, фонд 15, № 44/584, 8. Мы предполагаем опубликовать все десять фирманов этой серии, поэтому приводить здесь тексты фирманов целиком представляется излишним.

[5] См., напр., в док. № 2 той же серии, фирман шаха Тахмаспа 1, изданный в месяце мухарреме 963 г. х. (16 ноября — 15 декабря 1555 г.): درویشان و عملهٔ آنجا او — „И дервиши и работники тамошние, признавая его (шейха Буньяда) мутаваллием тамошним, от речей и благих деяний его да не уклоняются".

[6] Док. №№ 3, 4, 7, 8 той же серии (фирманы 1015=1607 г., 1060=1650, 1066=1656 г., 1078=1668 г.).

селение[1] определено со всем имуществом и состоянием в сойургал... гробнице,[2] тогда как в других фирманах этой серии то же селение Зых названо „вакфом", „вакфной местностью"[3] гробницы. Это обстоятельство показывает, что термин „сойургал" прилагался и к вакфному владению, если с ним связывались наследственность звания попечителя (мутаваллия) его и право налогового и административного иммунитета. То и другое, следовательно, считалось основным признаком сойургала.

Какими же чертами рисуется сойургал в упомянутых фирманах? Прежде всего, здесь, как и в фирмане шаха Хусейна 1701 г., сойургал — наследственное владение, со строгим соблюдением порядка наследования, что вполне допускалось вакфным правом. Этот порядок наследования по упомянутым фирманам удается проследить на протяжении 4 поколений шейхов, управлявших мазаром в течение более чем столетнего периода (1547—1668 г.).

Шейх Буньяд, умер в 963 г. х. (1555/6 г.)

|

Шейх Гулям-'Али, был еще жив в 1015 г. х. (1606/7 г.)

|

Шейх Хаджи 'Аскер-'Али, зять шейха Гулям-'Али, умер ранее 1064 г. х. (1653/4 г.) = дочь шейха Гулям-'Али[4] (имя не названо)

|

Шейх Мухаммед-Муким,[5] был еще жив в 1078 г. х. (1667/8 г.)

Далее, мы видим здесь признаки того же иммунитета, что и в рассмотренном выше фирмане шаха Хусейна 1701 г. Этот иммунитет (му'афи) в фирмане шаха Аббаса I, изданном в месяце зу л-ка'да 1015 г. х. (28 февраля—29 марта 1607 г.), обрисован так: „...Цвет шейхов, шейх Гулям-'Али, сын шейха Буньяда, мутаваллия преблагословенной гробницы дочери имама, достойной почитания и уважения, и община (или «сборище») дервишей-служителей указанной гробницы... представили благороднейшее прошение о том, что селение Зых, из зависимых местностей Бадкубэ[6] ширванского, согласно указу его величества, обитающего [ныне] в раю,[7] есть вакф правителя (саркар, т. е. шейх Гулям-'Али) преблагословенной гробницы. И поземельная подать (мал у джихат) с того [селения] определена в сойургал и му'афи[8] на упомянутой гробнице. Просили о [подтверждении] му'афи и сойургала на упомянутое селение и [уступки сбора] десятины ('ушр) с трех нефтяных колодцев, что находятся в окре-

[1] Зыг (زق) или, как теперь обычно пишут это название, Зых, находится к юго-востоку от гор. Баку.

[2] Док. № 7 той же серии: بسيورغال آستانهٔ متبرّکه مقرّر فرموده

[3] Док. № 6 той же серии: محال وقفی

[4] Док. № 4 той же серии — фирман шаха Аббаса II, изданный в месяце мухарреме 1060 г. х. 4 января — 2 февраля 1050.

[5] Док. № 5 той же серии — фирман, изданный в месяце джумаде II 1064 г. х. (1654 г.).

[6] Обычная в документах иранизованная форма названия г. Баку.

[7] Т. е. покойного шаха. Обычно это титулование давалось шаху Тахмаспу I. См. Тарих-и алем арай, стр. 34—126, passim.

[8] Араб.-перс. термин „му'афи"—„состояние му'афа". Му'аф — персидское видоизменение арабского „му'авваф" — „изъятый, освобожденный (от податей)".

стностях указанной гробницы, [вместе] с чобан-беги [с числа] около 1500 голов баранов мутаваллия, дервишей указанной гробницы и ра'ийатов селения Зых,[1] налогов с садов (мал-и баг), десятиной ('ушр) с хлопка и посевов хлеба, которые дервиши производят на земле Дуль—дерэ".[2]

Как видно из того же фирмана, просьба шейха Гулям-'Али „по беспредельной милости шахской", была удовлетворена в полной мере. Привилегия сойургала и му'афи, данная, как видно из фирмана, еще шахом Тахмаспом I, была подтверждена. „Служителям (хадамэ)", т. е. низшим должностным лицам мазара, и „работникам (а'малэ ва фа'алэ)", повидимому, крестьянам, предписывалось „признать шейха Гулям-'Али своим мутаваллием и не уклоняться от его законных и правильных речей и благих деяний".[3]

Цитированный фирман показывает, как и рассмотренные нами выше документы, что все перечисленные в указе подати не были сняты с ра'ийатов, но уступлены государством мутаваллию вакфа для умножения его доходов.

В фирманах, выданных на имя биби-эйбатских шейхов, содержится запрещение чиновникам вступать во владения сойургала, притом иногда в тех же выражениях, что и в рассмотренных нами выше сойургальных документах. Из фирманов на имя биби-эйбатских шейхов фирман шаха Тахмаспа I изданный в месяце мухарреме 954 г. х. (21 февраля — 22 марта 1547 г.), выражается точнее всего: правителям, обладателям тиулов и даругам (хуккам ва тиулдаран ва даругэган) края предписывалось не вступать на территорию владений мазара Баби-Хейбат и не заводить переписки об исчислении податей с нее. Буквальное выражение текста „пусть укоротят и уберут перья и ноги"[4] — то же самое, какое есть и в рассмотренном нами выше фирмане шаха Хусейна 1701 г., в котором сказано, „Правители (хуккам) и финансовые чиновники (уммаль) указанного края: не вступаясь в [дела] сойургала вопреки обычаю, пусть укоротят и уберут перья и ноги (т. е. «пусть не ведут переписки и не вступают туда» — иной смысл подыскать трудно, — *И. П.*) и пусть, под предлогом [взыскания подати] ихраджат и чрезвычайных сборов ('аваризат), закрыв врата взы-

[1] Чобан-беги — налоговый сбор за пастьбу скота. См. о нем Тарих-и алем арай, стр. 405; Хулясет-ас-сийар, рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 303, л. 124 б; Ерев., № 3/33.

[2] Рук. отд. ИВ АН СССР, из архива, фонд 15, № 44/584, 8, док. № 3: زبدة المشايخ شيخ غلامعلى ولد شيخ بنياد متولى آستانهٔ متبركهٔ امام زاده واجب التعظيم و التكريم و جماعت درويشان خدمهٔ آستانهٔ مزبوره... عرض اشرف رسانيدند كه قريه زق ازاعمال بادكوبه شيروان بموجب حكم اعليحضرت جنت مكانى وقف سركار آستانهٔ متبركه است و مالوجهات آن بسيورغال و معافى آستانهٔ مذكوره مقرر بوده واستدعاى معافى و سيو رغال قريه مذكور و عشر سه حفره چاه نفط كه درحوالى آستانه مزبوره است باجوبان بيكى موازى پكهزار و يا نصد راس كوسفند متولى و درويشان آستانهٔ مزبوه ورعاياى قريه زق و مال باغ وعشر پنبه و زراعت غله كه درويشان درزمين دول دره مى نمايند نمودند...

[3] Там же.

[4] Док. № 1 той же серии: ... قلم و قدم كوتاه وكشيده دارند

скания, не стесняют, на каком бы то ни было основании, ра'ийатов округа (махал) вышеупомянутого сойургала".[1]

Встреченное нами в нескольких фирманах выражение „пусть укоротят и уберут перья и ноги" („калам ва кадам кутах ва кешидэ даренд") была довольно обычной формулой при пожаловании административного иммунитета.[2]

Сравнивая данные цитированных выше документов друг с другом, мы можем допустить, что для сойургала наиболее характерны две черты: наследственный характер держания и налоговый и административный иммунитет. Вакфное владение, поскольку оно сопровождалось этими двумя особенностями, в XVI—XVII вв. также именовалось сойургалом.

Там, где этих черт, особенно податных льгот, не было, мы не встречаем и названия „сойургал" Таким образом, при Сефевидах привилегии сойургала жаловались и представителям духовной знати.[3] Согласно „Тазкирет ал-мулюк", главе шиитского духовенства Ирана — великому садру (в начале XVIII в.) было присвоено право получать $^1/_{20}$ долю дохода со всех сойургалов.[4] Не видно, чтобы в поздне-сефевидский период с духовных владетелей сойургалов требовали несения лично службы в ополчении.

Мы уже видели, что в указах нередко термины: монгольский — „сойургал" и арабо-персидский — „му'афи || ма'афи" встречаются рядом.[5] При этом термин „му'афи" — „свобода от податей и повинностей" выступает в значении, близком к значению слова „сойургал", как оно рисуется в цитированных перед тем документах. Это обстоятельство отмечено В. Ф. Минорским, который указывает, что трудно сказать, в чем отличие му'афи от сойургала.[6] Нам думается, что термином „му'афи" обозначалась одна сторона сойургального держания — налоговый иммунитет. Если сойургал всегда предполагал и му'афи, то зато последняя привилегия могла быть пожалована и без сойургала. Не останавливаясь здесь на всех видах пожалования му'афи, на которые указывают нарративные источники и особенно документы, отметим лишь, что термином „му'афи" обозначалось и право налогового иммунитета, предоставлявшееся шаханшахом отдельным городам.

---

[1] Lettre de M. Khanykov à M. Dorn, MA, 1857, t. III, livr. I, p. 74: حكّام و عمّال الكاء مز بور بخلاف حساب دخل در سيور غال ننموده قلم و قدم كوتاه و كشيده دارند و بعلت اخراجات و عوارضات مسدود الابواب بهر اسم و رسم كه بوده باشد مزاحمت محال (вероятно بحال) رعاياى محال سيورغال مشاراليه نرسانند

[2] См.: Фирман шаха Тахмаспа I 1559 г. — Силсилет ан-насаб, ук. рук., л. 163, изд. „Ираншехр", стр. 105. — Фирман Касима ибн Джихангира Ак-Койунлу (V. Minorsky, ук. ст., перс. текст, стр. 930). Такое же значение имеет выражение ببرامون نگردند — „пусть [чиновники] не околачиваются [буквально: «не вращаются»] вокруг" (Шереф-намэ, ук. изд., перс. текст, т. I, стр. 377). Упомянутая персидская формула قلم و قدم كوتاه و كشيده دارند — „пусть укоротят и удалят и перья и ноги" (арабская параллельная формула مرفوع القلم و مقطوع القدم находит себе параллель в европейской средневековой формуле „sine introitu iudicum".

[3] См. так же: V. Minorsky, Tadhkirat al-muluk, Introduction, стр. 27.

[4] Там же, стр. 86.

[5] См. в ук. серии фирманов на имя биби-эйбатских шейхов, док. №№ 3, 4; ср. Тарих-и-алем арай, стр. 622.

[6] V. Minorsky, ук. соч. 27.

Налоговые иммунитеты городов не были общим правилом. Это были льготы, предоставленные шахами в силу каких-либо особых соображений. Шах Тахмасп I, быть может напуганный грандиозными размерами восстания ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г.,[1] счел необходимым дать этому городу льготы, дабы обеспечить Сефевидам поддержку верхушки горожан. Шах „подарил" тебризцам налог с ремесла и освободил (му'аф даштэ) город от всех податей в диван (такалиф-и дивани).[2]

Шах Аббас I предоставил в 1606 г. такие же права полного налогового иммунитета городу Ордубаду в Нахичеванском крае.[3] Эта льгота была дана по просьбе шахского первого везира „и'тимад-ад-даулэ" („доверие государства") Хатим-бека Ордубади, происходившего из фамилии Насирийэ Тусийэ, потомков знаменитого ученого XIII в. Насир-ад-дина Туси. Со времен шаха Исмаила I члены фамилии Насирийэ Тусийэ и сам Хатим-бек были наследственными калантарами (городскими старшинами) города Ордубада и крупнейшими феодалами (меликами) в округе его.[4] Тогда же льгота му'афи была предоставлена Аббасом городу Дербенду[5] в виде награды за содействие, оказанное местной знатью и городской верхушкой шаху в борьбе с Турцией.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского Археологического общества.
ЕРЕВ. — Персидские (сефевидские) документы Государственного Архива Армянской ССР в г. Ереване (ныне в гос. хранилище „Матенадаран").
ИВ АН — Институт востоковедения Академии Наук СССР.
ИВР АН УзССР — Институт восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР (в Ташкенте).
Известия АзФАН — Известия Азербайджанского филиала Академии Наук СССР.
ИС — Исторический сборник Института истории Академии Наук СССР.
ЛГПБ — Ленинградская Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина.
ССИА — Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, изд. Акад. Наук Азерб. ССР, Баку, 1949.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Российского Археологического общества.
BSOS — Bulletin of the School of oriental studies (University of London).
EI — Encyclopédie de l'Islam.
JRAS — Journal of Royal Asiatic Society.
GMS — Gibb memorial series.
MA — Mélanges Asiatiques.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
MQ — Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstländer des Kaspischen Meeres. Herausgegeben von B. Dorn, тт. I—IV, СПб., 1850—1858.
SCHÉFER — C. Schéfer, Chréstomatie Persane.

---

[1] См. выше, стр. 251, прим. 5.
[2] Тарих-и алем арай, стр. 225.
[3] Шахский указ по этому поводу, вырезанный над порталом соборной мечети (масджид-и джами') в Ордубаде, опубликован Ханыковым в его Quelques inscriptions musulmanes du Caucase, Paris, 1863, перс. текст, стр. 94—95, франц. пер., стр. 95—96; о том же см. Тарих-и алем арай, стр. 508.
[4] Тарих-и алем арай, стр. 506—511.
[5] Там же, стр. 516.

Я. Б. РАДУЛЬ-ЗАТУЛОВСКИЙ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НАКАЭ ТЁМИН 中江兆民

Виднейшим представителем философской мысли, резко расходившейся с официальной японской государственной философией, во второй половине XIX и в самом начале XX вв. является Накаэ Тёмин (настоящее имя — Токусукэ 篤介).

Накаэ Тёмин происходит из разорившейся и обедневшей семьи военных. Он родился в княжестве Коти в 1847 г. Таким образом, в 1947 г. исполнилось сто лет со дня рождения этого выдающегося человека. О детстве и раннем воспитании Накаэ нам известно очень мало. Некоторые японские историки считают Окумия Дзōдзай 奥宮存齋 (1811—1878) первым учителем и влиятельным наставником юного Накаэ. Шестнадцати — семнадцати лет Накаэ интересовался школой известного Сатō Иссай (1772—1826) — теоретика и поборника японской школы субъективно-идеалистической философии Ван Ян-мина — „Оёмэй-гакуха" 王陽明學派. Окумия Дзōдзай философствующий скептик и вольнодумец. Он заимствовал у сторонников учения Сато дух оппозиции к неоконфуцианской схоластике. Накаэ привлекали рассуждения Окумия, в которых он высказывает свои сомнения в „правильности учения Чжу Си". Окумия считает буддизм, даосизм и конфуцианство, проповедуемые традиционной литературой, „препятствием для утверждения здравого смысла в поднебесной". Семнадцатилетним юношей Накаэ ближе познакомился с этими взглядами Окумия Дзōдзай и они несомненно оказывали влияние на развитие его умонастроения в то время.

Накаэ преуспевал в изучении китайских классических книг, и во дворце влиятельного князя о нем отзывались как о молодом многообещающем ученом. Неизвестно, из каких источников осведомился юный Накаэ насчет паломничества многих японцев, стремившихся к знанию, в провинцию Бунго, где они, вопреки строжайшим запретам, знакомились с европейскими книгами. Накаэ еще не было девятнадцати лет, когда он был послан от княжества Коти учиться в Нагасаки. Изучение французского языка поглощало здесь все время настойчивого, но весьма застенчивого провинциала. В Нагасаки же Накаэ впервые познакомился с европейскими книгами. Это были большей частью голландские книги. Накаэ получал объяснение их на французском языке. Скоро юноше представился случай переехать в Эдо (Токио). Он продолжал здесь изучать французский язык. Круг его интересов расширялся с каждым днем. Накаэ составил

себе на скромные сбережения маленькую библиотеку. Эта библиотека сыграла большую роль в определении судьбы всей дальнейшей жизни философа. Прочитав в своих книгах о состоянии науки в Европе и о деятельности университетов, Накаэ проникся страстным желанием во что бы то ни стало отправиться за границу. Он вынужден был несколько раз отказаться от попыток бежать во Францию. Накаэ были хорошо известны последствия подобных попыток, раскрытых соглядатаями.

Между тем, в 1872 г. Накаэ узнал, что правительство отправляет специальное посольство в Европу и Америку во главе с Ивакура Томоми для переговоров по поводу пересмотра неравноправных договоров. Правительство назначило также известного государственного деятеля Ито Хиробуми для сопровождения этого ответственного посольства. Ито слыл за европейски образованного человека. Еще в 1863 г. Ито вместе с Иноуэ Каору, рискуя жизнью, нарушил токугавские запрещения и под видом матроса отправился в Англию учиться. У Накаэ возникла мысль обратиться к Ито с просьбой о содействии его отъезду во Францию. Но как было встретиться со столь высокопоставленным лицом? Накаэ был очень беден и незнатен. Получить аудиенцию у именитого вельможи не было надежды. Подать прошение установленным путем и ждать результатов также не было смысла, тем более, что срок отъезда посольства уже наступал. Тогда Накаэ прибег к рискованной хитрости. Он посвятил одного из лакеев, сопровождавших карету Ито, в свои сокровенные планы и на каких-то необычайных условиях сумел уговорить его уступить свою одежду и место позади кареты для того, чтобы иметь возможность увидеть вице-министра. Когда карета въехала во двор, Накаэ упал ниц перед изумленным высокопоставленным сановником. Он начал громко и быстро излагать мотивы своего дерзкого поступка. Эта „аудиенция" у Ито Хиробуми закончилась неожиданным результатом: Накаэ оказался в числе лиц, сопровождавших посольство Ивакура.

Он прибыл вместе с посольством во Францию. На улицах Парижа еще совсем недавно пролилась кровь героических коммунаров. Еще продолжался террор версальцев над сочувствующими делу Коммуны. Среди последних было немало студентов, с которыми Накаэ встречался в Сорбонне. Накаэ Тёмин остался во Франции. С жадностью человека, добравшегося в зной и духоту до источника живительной влаги, он читал книги по истории, философии, праву и литературе. Увлекался Руссо и прочитал „Общественный договор" десятки раз, готовясь сделать это произведение доступным также для японской публики. Впоследствии он выполнил это свое намерение, правда, написав свой несовершенный перевод камбуном, т. е. по китайски, и в сокращенном виде. Накаэ читал Вольтера, Монтескье, читал Канта и Гегеля, но, главным образом, модных в то время во Франции, позитивистов.

В 1874 г. Накаэ вынужден был вернуться в Японию, так как казеннокоштные студенты, обучавшиеся в заграничных университетах лишались и тех скудных средств, которыми они до тех пор довольствовались. В 1875 г. Накаэ поступил на государственную службу в гэнрōин (сенат) в качестве переводчика-секретаря. Здесь он мог видеть образец бюрократии в ее совершенно неприкрытом виде, вместо творческой законодательной деятельности, которой гэнрōин был фактически лишен. Накаэ ушел в отставку и открыл свою школу, называвшуюся в то время „Фуцугакудзюку" 佛學塾(„Школой французской науки"), в которой обучали французскому языку, истории, литературе, знакомили учащихся с современной философией и естествознанием.

Еще состоя на службе в гэнрōбин, Накаэ Тёмин был знаком с известным членом гэнро князем Сайёндзи, игравшим в течение своей долголетней жизни значительную роль в политической жизни Японии. В те времена Сайёндзи не отказывался от случая подчеркнуть свой либерализм и одно время даже отзывался о парижских коммунарах как о смелых борцах. Однажды Сайёндзи снизошел до того, что стал убеждать Накаэ сделаться сотрудником либеральной газеты, которую князь собирался издавать. Накаэ смеялся в душе над скандированной речью Сайёндзи по поводу „перспектив народного процветания и развития талантов". Великолепно зная цену этим напыщенным фразам, Накаэ решил оригинальным и, нужно сказать, рискованным образом отделаться от непрошенного патроната. По этому поводу в Японии был распространен довольно любопытный рассказ, кстати сказать, попавший и в европейскую литературу.

Накаэ постарался внушить князю мысль о том, что тот может „пополнить" свои „знания"... нужд народа, „чаяний низов", посетив инкогнито любую таверну, где-нибудь на окраине столицы, где живет беднота. Там, когда вино развяжет уста посетителям, князь услышит вещи, которые он никогда не услышит на заседаниях или на законодательных совещаниях. Сайёндзи и Накаэ отправились в одну из дальних таверн, которую как раз посещали грузчики. Сайёндзи был вынужден отведать простого вина и торжествовал по поводу такого искреннего применения своей добродетели: он щедро угощал грузчиков сакэ. Подбивший его на это Накаэ, подливал масла в огонь, и его незадачливый спутник заставлял хозяина добавлять водки всем присутствующим. Наступил момент расчета за изрядное количество сакэ, выпитое посетителями благодаря такому счастливому случаю, и карманных денег Сайёндзи оказалось недостаточно для того, чтобы покрыть и половину долга. Предвидя развязку устроенной им комедии, не обещавшей никаких „либеральных" идиллий, Накаэ под каким-то предлогом оставил, будто бы на короткий срок, своего сиятельного спутника одного в таверне, благополучно вышел на улицу и был таков. „Благодарности", выраженные Сайёндзи, были весьма недвусмысленными и князь был милостиво отпущен владельцем таверны только после того, как он открыл свою фамилию. В Токио об этом не весьма приличном случае с князем знало немало лиц. Накаэ не сделался сотрудником предполагавшейся газеты Сайёндзи.

В 1875 г. в Японии развернулось движение за установление представительных форм правления, известное под названием „дзиюминкэн ундō" 自由民權運動 „движение за народные права". Накаэ близко принял к сердцу судьбу этого движения. Совместно с группой единомышленников он задумал в 1876 г. издавать газету. Организация этой газеты была подавлена правительством в самом ее зародыше, и Накаэ вместе с другими членами сложившейся редакции подвергся преследованиям. Незадолго до своей смерти Накаэ описал этот эпизод своей общественной деятельности.

„В 8 или 9 году Мэйдзи, — пишет он, — я..., Хакуда Сэймон, Мацуда Масахиса, Мацудзава Кэн (арестованный несколько времени спустя в связи с нашей газетой и умерший в тюрьме), Уэсудзи Нобуцуги и Хаяси Сёмэй создали свою газету и назвали ее „Тоё дзиюсимбун" 東洋自由新聞 — „Восточная свободная газета". В то время еще не существовала „Дзиютō" 自由黨, (так называемая либеральная партия, официально оформившаяся в 1881 г. — *Я. Р.).* Слово „дзию" — „свобода" тогда еще не применялось в практических делах и это, таким

образом, было началом его применения. Мы провозгласили и отстаивали величие принципов свободы и равенства и для тогдашнего правительства сделались врагами. Спустя короткое время получились соответствующие наставления, исходящие от правительства, а вслед за этим Мацудзава и еще два человека были запрятаны в тюрьму. Издательское общество было запрещено и распущено. Затем возникла „Дзиютō", и я совместно с господами Симамото Накамита и Умаба Синтё восстановили газету и стали писать для нее. С тех пор я сделался основным корреспондентом газет „Тоун симбун" 東雲新聞 и „Нитикан сэйрон", связанной с графом Гото, „Дзиюсимбун" 自由新聞, „Риккэндзию симбун" 立憲自由新聞 и „Минкэн симбун" 民權新聞, где не упускал случая с исключительной силой нападать на тогдашнее правительство и вообще на правительство".[1] Накаэ считал себя обязанным принять самое активное участие в движении за народные права и за учреждение парламента.

Через некоторое время появилась в свет его первая работа „Сэйрисёдан" 政理叢談. Это были беседы на политические темы. За ними последовал перевод „Общественного договора" Руссо, как уже было сказано, неполный и несовершенный, написанный по-китайски.[2] Накаэ принимал деятельное участие в партии „Дзиютō". Он выступал как пропагандист народоправства, занимая левое крыло в партии. В связи с свирепыми полицейскими законами, изданными в декабре 1887 г., и запрещением общественных организаций и объединений, Накаэ был арестован и выслан как видный деятель запрещенной „Дзиютō". После опубликования конституции в 1889 г. он был амнистирован. Вернувшись в Токио, Накаэ принимал живое участие в восстановлении партии и сделался редактором „Дзиюсимбун". На этом посту Накаэ Тёмин приобрел немало противников из среды наиболее правых кругов „Дзиютō".

Защитник прав бывших отверженных париев, так называемых „эта", Накаэ был выдвинут ими в парламент от города Осака. Вскоре, однако, он отвернулся от парламента, не будучи в состоянии примириться с этой отвратительной картиной. Накаэ открыто называл куцый японский парламент „зоологическим садом бескровных червей". Он не в состоянии был молчать, видя разложение, фальшь и циничную продажность „Дзиютō". Накаэ Тёмин публично заявил свою категорическую просьбу не считать его членом этой партии и тем самым оградить его имя от бесчестия. Обращаясь к высокопоставленным заправилам „Дзиютō", Накаэ говорит: „Нужно уничтожить титулы и пожалованные награды в обществе при помощи награды совести. Нужно удалить за тысячи ри живых соломенных чучел, именующихся благородными джентльменами, порхающих на высоких башнях и украшенных пурпуром и киноварью. Нужно отдать все настоящим людям без титулов и званий".

Условия складывались таким образом, что Накаэ решил отойти от литературной и политической деятельности. Нужда, долги и долги, постоянные заботы о хлебе насущном также одолевали его. Жена Накаэ, его верный друг и неизменный секретарь, разделяла с супругом эти унизительные хлопоты в постоянных поисках средств для содержания семьи. Накаэ принимался за торговлю бумагой, устраивался на строительстве железной дороги, делался членом акционерных компаний. Но вся

---

[1] Накаэ Токусукэ. „Полтора года", изд. Хакубункан, Токио, 1902, стр. 106.

[2] См.: „Мэйдзи бунка" 明治文化 (т. VII).

эта деятельность кончилась еще большей неудачей. Огромная библиотека, собранная философом, была продана. Нужда истощала организм. Он сам говорит: „Собранные фолианты таяли. Они исчезали один за другим и обменивались на рис".[1] Нужда семьи Накаэ возросла во время его тяжелой и роковой болезни, когда он находился в Осака. Накаэ рассказывает, как группа его старых учеников, когда-то окончивших его „Фуцугакудзюку", человек двадцать с лишним, вспомнили о нем в это тяжелое для него время. „Они собрали шестьдесят золотых и преподнесли мне, — пишет он с благодарностью. — Что я мог сказать моим старым питомцам? Денежные дела, как всегда, у меня были плохи, и я принял подношение, как будто бы приобрел десять тысяч золотых".[2]

С ноября 1899 г. Накаэ заболел. Известный в то время врач Хориути, осмотрев больного, вынес свой приговор: „рак горла". Хирург заявил, что болезнь прогрессирует и что необходима операция. В осторожных выражениях он изложил свой взгляд на ее серьезность и сложность. Накаэ Тёмин со свойственной ему жизнерадостностью, не оставлявшей его до последнего вздоха, стал ободрять смущенного хирурга рассуждениями о том, что все ведь случается, что один из десяти больных выживает после этой довольно интересной, с точки зрения медицины, операции. „Однажды, — пишет Накаэ, — я обратился к Хориути с просьбой прямо сказать, сколько месяцев и дней я могу, по его мнению, существовать на земле? Я был совершенно спокоен и даже шутил по поводу того, что и в течение одного дня можно совершить чрезвычайно много полезных вещей. Это настроение передалось повидимому и доктору Хориути, и так как он был совершенно безвредный специалист, то, подумав минуты две-три и сделав вид, как будто хочет сказать что-то очень страшное, произнес: «Полтора года! Если будете хорошо питаться и следить за собой, то и два года!». А я думал всего месяцев пять-шесть, — обрадовался Накаэ. — В таком случае это будет самое плодотворное для меня время". И действительно, совершенно больной и истощенный, Накаэ принялся за написание своей известной книги, которой он дал название „Полтора года".

В это критическое время философ не отвернулся от жизни. Он слишком любил свой народ, чтобы быть бездушным наблюдателем жестокого произвола в управлении его судьбами, народ, оказавшийся в руках клики тупых бюрократов, продажных политических дельцов и биржевых спекулянтов, опиравшихся на полицейский аппарат буржуазно-помещичьей монархии. Друзья доставляли ему газеты. Он был в курсе всех событий, происходивших в стране и за океаном, близко интересовался политической борьбой и живо реагировал на деятельность парламента и политические интриги, вдохновляемые правительством.

Когда премьер министр Ито Хиробуми приступил в 1900 г. к организации реакционной партии „Сэйюкай" 政友會, в которую влилось большинство членов „Дзиютō", Накаэ выступил против него, против этого „японского Бисмарка". Он иронизирует над Ито и разоблачает его как политического дельца. Он дает не только отрицательную оценку партии „Сэйюкай" и „Дзиютō", к которой прежде сам принадлежал, но и всем основным политическим партиям, существовавшим в последние годы жизни Накаэ Тёмин.

---

[1] Накаэ Токусукэ, ук. соч., стр. 109.
[2] Там же, стр. 60—61.

Выступления против князя Ито Хиробуми были делом не простым; во всяком случае Накаэ пренебрегал остатком своих сил и даже тем кратким сроком жизни, который ему предсказывали врачи. В иронических выражениях, проникнутых чувством возмущения и ненависти, пишет Накаэ об Ито Хиробуми — князе и премьере. „Любимый, талантливый человек, у которого на груди действительно красуется большой орден хризантемы. Капиталист, китайское образование которого заключается только в сочинительстве плохих стихов. Захудалый помещик, европейское образование которого заключается только в том, что он заучил наизусть какой-нибудь каталог. Он поверг когда-то в великое изумление гэнрō и затем замолчал окончательно. Этот златоуст решил выждать случая. Он обладал «талантом» секретаря, да кроме того «способностями» получившего высшую ученую степень — доктора литературы 翰林, но ему нехватало одного — данных для занятия поста премьер-министра. Поэтому, будучи причастным к выработке конституции, он до ее введения и после этого проявлял некоторую эффективную деятельность и достиг поста премьера. Но он имел только одни неудачи и в конце концов не пришел к успешному результату. Единственно, что стало известно, что сам он талантами вовсе не обладает. Поэтому-то, сделавшись князем, Ито стал придумывать разительные планы и превратился в весьма неискусного рыболова. Запасшись всевозможной провизией, Ито уселся в свой челнок, нанизал приманки на крючок и закинул бамбуковую удочку. Рыбки хоть и много, да не клюет. Знаменитая административная реформа 行政刷新, урегулирование денежной системы 財政整理 — разве все это не дела неискусного удильщика рыбки? Одним словом, амбиции у него много, а ума и смелости нехватает. Если бы он остановился на должности главного секретаря кабинета министров, то это и было бы его настоящее место“.[1] Административная реформа, о которой говорит Накаэ, выразилась в 1885 г. в создании кабинета министров на европейский манер. Ито не был далек от теоретических упражнений, которыми занимались некоторые японские правоведы, подражавшие Гнайсту и Блюнчли. Он боготворил Бисмарка и старался подражать ему. Вернувшись из своей вторичной поездки в 1882 г. в Европу, предпринятой им специально для изучения применения конституций в различных странах, он воскуривал фимиам Бисмарку, системе и духу прусской конституции. Что же касается урегулирования денежной системы, которую характеризует Накаэ, то речь идет о важной финансовой реформе, проведенной в жизнь Ито в 1886 г. В результате проведения этой реформы был поднят авторитет государственного банка, получившего монопольное право денежной эмиссии во все империи. Подобно тому, как оппозиционно настроенной буржуазии вовсе не улыбались диктаторские стремления Ито, так и мелкой буржуазии, и прежде всего пролетариату, ненавистны были результаты усилившегося биржевого ажиотажа и спекуляций. Покупательная способность валюты возросла, а жизненный уровень эксплоатируемых масс населения значительно снизился. В другом месте Накаэ пишет: „Партия «Дзиютō» беспринципна и лишена экономической теории. Этих своих позиций она не в состоянии скрыть. Старая плесень не снята с нее и старые традиции живут в ней. Ито в своих пропагандистских статьях захотел очистить «Дзиютō». Князь решил сделаться Конфуцием или Буддой и обязательно создать

[1] Там же, стр. 32.

политическую партию, которая слила бы воедино сердца всего населения страны, все их желания и помыслы, все их чувства долга, но потерпел фиаско".[1] Разумеется, что партия „Сэйюкай", о которой здесь идет речь, была отдалена даже от интересов мелкой буржуазии, не говоря уже об интересах бедноты.

В своей заметке под названием „Судьба Сэйюкай" 政友會の運命 Накаэ пишет: „... Дзиютō представляет в Сэйюкай основную часть ее членов. Исторически заняла в ней [в Дзиютō] твердую почву компания лиц, исходивших во всей своей практике из принципов бэнтамовского утилитаризма и помышлявших исключительно о собственной выгоде и никогда не знавших, что такое человеческий стыд. В ней давно уже образовались группы и группочки ... Все они гоняются за выгодами, стараются избежать материального ущерба для себя и другой идеи у них нет. Даже те, о которых думали, что они в какой-то степени пекутся об общественном благе, постепенно стали склоняться к подобным идейкам. Отвратить партию от разложения уже нельзя было. И даже те лица, которые заботились о своих пристойных этических качествах, попали в такую компанию, что сделались бессильными и безвольными субъектами, копошащимися в этой среде, подобно червям, долгие месяцы и даже годы. Они не принесут стране пользы и сами не достигнут ее. Облака растаяли и рассеялся туман. Увы! такова судьба Сэйюкай!" ...[2] „А ведь кто такой Ито? Он сам как будто бы являлся коноводом во время всех этих затруднений. Члены Дзиютō по своему простодушию, совсем не знали, что имеют дело с врагом, преследующим только собственную выгоду".[3] В самом деле, Ито всеми средствами стремился разложить „Дзиютō", а затем превратить ее в молчаливого свидетеля политического произвола правящей буржуазно-помещичьей верхушки, если нельзя будет создать из нее активного помощника или опоры для правительства.

За три года до смерти Накаэ появилась новая, правда только по своему названию, партия „Симпотō" 進歩黨, так называемая „Прогрессизная партия". Накаэ пришел к выводу, что эта партия, состоящая из таких же элементов, что и „Дзиютō", прикрывает свою поддержку реакционных дел правительства пустопорожними рассуждениями о великих принципах благоденствия для всего государства. Накаэ пишет: „Беспринципность и отсутствие экономической теории у Симпотō те же, что и у Дзиютō. Правительство сперва вошло в коалицию с Дзиюто, а затем с Симпотō. Дзиютō первая демонстрировала свою положительную политику (в отношении правящей верхушки, — *Я. Р.*), а вслед за ней это сделала и Симпотō. В роли не приносящей пользы государству Симпотō единственная в своем роде, а в роли приносящей вред своими политическими традициями она также единственная в своем роде".[1]

Накаэ Тёмин не оставляет в покое продажное чиновничество. „Что такое администрация? — спрашивает он. — Разве ее сущность не заключается в том, чтобы служить народу? Однако мы видим теперь другое. Народ как будто существует, для того, чтобы служить чиновникам. На каком же основании имеют место подобные вещи? Кто с давних пор кормит и одевает этих чиновников? Разве не от народа они получают свое содержание? Разве не народ кормит их? Разве не от народа зависит сама их жизнь? Имущество и деньги чиновников 官の物金錢,

[1] Там же, стр. 36.
[2] Там же, стр. 33.
[3] Там же, стр. 36.

разумеется, нигде не падают с неба и нигде не вырастают из земли. Все это появляется из народного кармана 皆人民の嚢中より生ぜしに非ざる莫し. Народные массы являются первым владыкой чиновничества и их должно уважать".[1]

Между тем болезнь усиливалась. Становилось труднее дышать и в минуты участившихся спазм он не раз смотрел смерти в глаза, преисполненный сожаления по поводу того, что не успел закончить начатых произведений. Жена было отговорила его от операции. Она ухаживала за ним в надежде, что все же удастся спасти этого большого человека. Временами казалось, что Накаэ внемлет мольбам жены и откладывает кисть для того, чтобы больше не писать, закрыв глаза на то, что происходит кругом. По ночам, когда жена, утомленная за день, отдыхала в своей комнате, Накаэ вставал с постели, прислушивался — спит ли она, и принимался за работу. В тиши таких бессонных последних ночей он творил, угасая, и рукописи множились и разрастались. Он задавал сам себе вопросы и тут же записывал ответы на них. Так родились его последние записи, посвященные оценке так называемой „теории народоправства". В одной такой записи, содержащей также и нелепые рассуждения, все же выделяется основное заявление: „Народные права — верховный закон; свобода и равенство — это великие принципы. Те, которые противостоят этому закону, неминуемо подвергаются каре".[2] На глазах у Накаэ умирали последние остатки японского буржуазного либерализма. Отражая интересы левого крыла либеральной партии, интересы мелкобуржуазной интеллигенции, Накаэ обращается к давно известному эфемерному образу „просвещенного монарха", существующего, будто бы, на основании „общественного договора" для того, чтобы противопоставить все это японской монархической действительности. Он рассуждает далее, что именно почитание народных прав в качестве верховного закона свободы и равенства, в качестве „великих принципов", ведет к уважению подобного правителя. Он ссылается при этом на Мэн-цзы, поставившего, будто бы, и прежде чем об этом узнали в Европе и Америке, вопрос о верховенстве народных прав. И тут же в записи под названием „Еще не существовало этого" говорит: „Не существовало королей, князей, военачальников и министров, а народ существовал, — так было, но чтобы не существовало народа, а короли, князья, военачальники и министры существовали, — такого еще не бывало. Это — закон, над которым нужно глубоко подумать!".[3] Подобные рассуждения уже подкапывались под основные догмы японской монархии, освященные синтоизмом, как „великие принципы божественной монархии по своему происхождению и сущности". Правящая клика князя Ито официально декларировала, что будто бы прямой потомок богов — микадо „дарозал" стране конституцию. Здесь же утверждалось, что народ существовал прежде чем появились микадо и все, что связано с императорской властью. Ясно подчеркивалось, что народ является верховным носителем власти, а не император. Вот почему идеологи фашистского „японизма" изымали из библиотек произведения Накаэ Тёмин и запрещали книготорговцам продавать их.

Накаэ с упорством продолжал писать свою книгу „Полтора года" 年有半 и, повидимому, реагируя на предостережения напуганных

[1] Там же, стр. 69.
[2] Там же, стр. 70.
[3] Там же, стр. 70.

друзей, он сделал запись, названную им „Пусть разящая кисть сотрется до конца, — я не остановлюсь“ 攻撃の筆は死すれても休まず.

В этой записи он с беспечным юмором говорит: „... Я теперь болен и пишу свои „Полтора года“. Если мне суждено жить еще полтора года, то я буду продолжать писать то же, что пишу сейчас. Я намерен спешить писать для нападения, пока я в состоянии сопротивляться смерти. Разве я могу переродиться? Ха! Ха! Ха!“.[1]

Его интересуют все более или менее значительные события тогдашней японской общественной и научной жизни, а еще более они волнуют и возмущают его. Когда министерство просвещения приветствовало выдачу 29 июня 1900 г. дипломов об окончании университета 30 юристам, математикам и медикам, Накаэ высмеивает эту „дипломированную ограниченность“. Головы этих лиц — говорит он — наполнены цитатами из древних китайских и японских книг да кое-какими сведениями о Ньютоне и Лавуазье, а к теоретическим обобщениям не приучены и не способны. Какие же это культурные люди и ученые, если они не склонны к самомалейшей теоретической работе? — восклицает Накаэ. Когда в это время раздавались голоса некоторых литераторов в пользу латинизации японской письменности, Накаэ откликнулся на это специальной заметкой, в которой предлагает конкретные меры для осуществления этого дела.

Он выступает против буддийских и синтоистских сект и требует их запрещения. В то время начинала широко распространяться мистическая секта под названием „Тэнрикё“ 天理教. Основательница этой секты „пророчица“ и кликуша Мицуко стала пользоваться большой известностью почти во всей стране. Власти долго отказывались зарегистрировать секту, но, когда во время русско-японской войны ее заправилы внесли несколько миллионов иен в „фонд преуспеяния японского оружия“, на нее обратили особое внимание. Оказалось, что эта секта, насчитывающая в числе своих членов крупных капиталистов, помещиков и даже военных, распоряжается большими денежными средствами и значительными земельными владениями. Она имеет свои храмы, типографии, предприятия, гостиницы и т. п. Мне довелось читать „молитвенник“ этой секты, изданный в 1926 г. Его лейтмотив: ненужность классовой борьбы и агитация против революционного движения. Во времена Накаэ эта секта уже проявляла лихорадочную деятельность. Характерно, что ее агенты еще тогда избрали промышленный город Осака местом для особенной своей активности. Накаэ Тёмин и в своем тяжелом состоянии не упускал случая для того, чтобы выступить с разоблачениями деятельности секты мракобесов и с требованием ее запрещения.[2]

Друзья не приносили Накаэ утешительных вестей. Верхушка „Сэйюкай“ во главе с Ито Хиробуми давно пошла на союз с концерном Мицуи. Жалкие политиканы из ее среды воспевали „расцвет“ национальной промышленности — и „народного благосостояния“, в то время как этот „расцвет“ совершался на основе феодальных японских, т. е. одних из самых варварских в мире методов эксплоатации рабочего класса, а „народное благосостояние“, например в деревне, достигалось ограблением налогами и поборами крестьянства, которое дошло до страшной нищеты. Свирепый полицейский закон „об охране порядка“, изданный в 1900 г., дополнял картину общественной жизни в островной империи того времени. Этот

[1] Там же, стр. 107.
[2] Там же, стр. 56.

закон вызывал возмущение в среде рабочих и ремесленников, а также в среде мелкой буржуазии, в особенности в среде мелкобуржуазной интеллигенции, не только неуверенной в завтрашнем дне, но не знающей, как ей обойтись со своими скудными средствами сегодня. „В этом обществе эпохи Мэйдзи, — пишет Накаэ Тёмин, — я не нахожу никакого удовлетворения. Берешься за кисть и сразу же вынуждаешься писать для штурма, откроешь рот и сразу же вынуждаешься ругать все и бранить. В моем положении, когда опухоль захватила все горло и не поддается лечению, остается сложить руки и ждать своей кончины или ждать, навлеку ли на себя кару со стороны этого общества, или она минет меня".[1]

Еше с бо́льшим возмущением реагировал Накаэ на выставление так называемой академической печатью Като Хироюки и Иноуэ Тэцудзиро̄ в качестве виднейших философов или творцов новой японской философии. Япония приобрела, наконец, своих настоящих философов! Она, стало быть, и в области „сияющей культуры" должна стоять в одном ряду с цивилизованными государствами мира — вот общий смысл похвальных отзывов о Като Хироюки и Иноуэ Тэцудзиро̄. Като Хироюки еще в последние годы существования токугавского режима начал свою деятельность с декларирования идей народоправства, свободы и равенства, с восхваления труда, выставляя даже напоказ свои рассуждения в духе метафизического материализма. Затем, в течение первых же десятилетий после незаконченной буржуазной революции 1867—1868 г., он так же демонстративно и резко отвернулся от своих прежних взглядов и заявлений, сжигал свои ранние сочинения, зарекомендовал себя поборником монархии и достиг, наконец, поста ректора императорского университета. Като кончил свою карьеру бесстыдным апологетом японского военно-феодального империализма, охарактеризовав его как естественное проявление жизненных качеств страны восходящего солнца в сравнении с другими странами Азии и приспособив для этой своей пропаганды фальсифицированное и изуродованное до совершенной неузнаваемости учение Дарвина. Что же касается Иноуэ Тэцудзиро̄, действительного члена японской Академии наук и главного редактора так называемого академического „Философского журнала" 哲學雜誌, то во времена Накаэ Тёмин этот идеалист, теолог и рьяный проповедник „японизма" еще пользовался славой создателя собственной и „оригинальной" „теории идентитетреализма" 現象實在論. „Оригинальность" этой теории заключалась в глупейших и нелепейших заявлениях Иноуэ о том, что с опубликованием его „теории" будто бы навсегда исчезает спор между материализмом и идеализмом, что изобретенный им „идентитетреализм", стоящий „выше материализма и идеализма", точно определяет, что психическое есть физическое, а физическое есть психическое. В кругах мыслящих людей, таких, как, например, Накаэ Тёмин, над Иноуэ смеялись, как над „бездарным школьником", и тут же отдавали такую же дань и его стараниям, проявленным в комиссии по составлению императорского манифеста от 12 октября 1881 г., в котором обещалось ввести конституцию в 1890 г. В этой комиссии „философ" подвизался по назначению правительства. Иноуэ учился в Германии, где слушал лекции Вундта, а по возвращении в Японию объявил Вундта и Паульсена единственными ... конфуцианцами в Европе. Он выразил слова Канта

[1] Там же, стр. 105.

„категорический императив" иероглифами 無上命法 и urbi et orbi кричал о том, что вдвойне облагодетельствовал „восточную философию". Во-первых, он выразил „основной принцип учения Канта иероглифами" и тем самым познакомил с ним народы Дальнего востока, что „до него никто не был в состоянии сделать". Во-вторых, он пришел к убеждению, что „Кант является только систематизатором древних идей Востока", что Кант систематизировал идеи Конфуция и канона махаянистского буддизма и т. д. и т. п. Мне пришлось читать статью Иноуэ Тэцудзиро, напечатанную в „Философском журнале" („Тэцугакудзасси") уже в 1937 г. Этот престарелый идеолог японской буржуазно-помещичьей монархии и здесь превозносит свои заслуги в оценке категорического императива Канта и в отведении для Канта места систематизатора, а не творца этического учения, которого придерживаются кантианцы. Накаэ Тёмин совершенно правильно считал Иноуэ хвастливым выскочкой и публично высказывал свое мнение. Когда же Иноуэ дополнил свою „оригинальную теорию" объяснением, что „идентитетреализм стоит между материализмом и идеализмом, но склоняется к идеализму", терпению Накаэ пришел конец. Он сделал для своего произведения „Полтора года" следующую запись: „В наше время такие люди, как Като и Иноуэ, выставляют себя философами, а общество допускает это. Они ввозят в нашу страну в таком виде, как они есть, те учения Запада, которые они сами как-нибудь изучали. На вершине горы Кун-лунь не растут жужубы; Като и Иноуэ не являются философами ...[1] Нет у нас философов! Мы народ неспособный к философскому мышлению и к какому угодно другому углубленному мышлению ...[2] Легковесность мысли и ограниченность сделались нашей основной болезнью. Эта легковесность мысли и ограниченность привели к тому, что собственной философии нет у нас. В политике мы беспринципны. Борьба партий у нас отличается непоследовательностью. Практицизм, малоинтеллигентность — вот черты нашего народа. Нужно преобразовать наше просвещение, наш долг требует оставить сторонников всего мертвого в науке и обратиться к жизни, к живому народу, и только это!".[3]

В мае 1901 г. доктор Хориути сделал Накаэ Тёмин операцию горла. Больному стало легче дышать и принимать пищу, но он лишился голоса, а серебряная трубка в горле причиняла новые страдания, повидимому вследствие того, что была изготовлена не совсем удачно. Накаэ лежал в г. Осака в постели. Несколько почитателей навещали мыслителя и, наконец, помогли ему вернуться в Токио. Первая опасность миновала. Начинались новые „Полтора года", и он принялся писать свое произведение „Нет богов и нет души" 無神無靈云鬼, навсегда вписавшее имя философа в историю японского материализма и атеизма. Это произведение состоит из двух частей, содержащих 27 глав, и из краткого „заключения". Текст этой чрезвычайно интересной японской работы занимает 116 печатных страниц.

Упорный труд над произведением подрывал остаток сил философа. Накаэ написал его в течение двух месяцев. Почувствовав приближение рокового часа, он пригласил к себе своего ученика, Котоку Сюсуи (Дэндзиро), и заявил, что только ему одному он может вверить свои

[1] Там же, стр. 27.
[2] Там же, стр. 28.
[3] Там же, стр. 29.

рукописи. Накаэ попросил Кōтоку отредактировать его публицистические записи и, оставив без изменения философские работы, опубликовать их, если он закроет глаза до того как успеет это сделать сам. Доктор Кōтоку, как известно, был пламенный революционер. Длительное пребывание в тюрьмах не сломило его воли. В 1906 г. в Токио на митинге рабочих он ссылался на учение Маркса и Энгельса и призывал к политической организации японского пролетариата. Ложно обвиненный в террористическом заговоре, этот образованный, высококультурный и неподкупный революционер, хотя и допустивший ряд анархо-синдикалистских ошибок, был казнен японским правительством в 1911 г.

Кōтоку счел за честь предложение Накаэ. Спустя четыре месяца после операции и недели через две после того, как рукопись была завершена, силы Накаэ Тёмин стали быстро падать и рано утром 12 декабря 1901 г. философа не стало. Оплакиваемый семьей, близкими друзьями и почитателями, Накаэ был похоронен в ненастный сумрачный день. Несмотря на это, и вопреки предостережениям полиции, на кладбище пришло немало людей. Было в точности исполнено завещание философа: ни один бонза не был допущен к его праху и, кажется, впервые в Японии на могиле Накаэ Тёмин была устроена гражданская панихида.

Доктор Кōтоку издал произведение „Нет богов и нет души“ под названием „Еще полтора года“ 續一年有半, как это намеревался сделать сам автор. Имея в виду исторический интерес, который представляет большая работа Накаэ, написанная в 1886 г. и носящая название „Философские глубины“ 理學鉤去, он включил ее в книгу „Еще полтора года“ в качестве приложения.

Что касается этой ранней работы Накаэ, то она представляет исторический интерес не только с точки зрения оценки дальнейшей философской эволюции ее автора. Она содержит в себе иероглифические композиции, выражающие философские термины, теперь уже не употребляющиеся в японской философской литературе. Накаэ снабдил эти иероглифические композиции французскими эквивалентами. К сожалению, эта его сложная эгзегетическая работа была методологически несостоятельной и, за малым исключением, пропала даром. Тем не менее, для историка философии изучение и сравнение этой терминологии Накаэ с современной японской философской терминологией является предметом отдельного и благодарного исследования.

В 1886 г. Накаэ еще стоял полностью на позициях позитивизма. Он считал Конта своим учителем и прямо говорит в своей книге, что отправляется от его концепции. Напротив, в своем произведении „Нет богов и нет души“ Накаэ резко выступает против позитивизма и посвящает целые страницы его принципиальной критике. Прошло четыре десятилетия с лишним со дня опубликования этого интересного произведения, и вряд ли кто-нибудь из современных японцев в состоянии без специальной подготовки читать его точно так же, как он в состоянии читать любую другую, даже самую сложную по своему содержанию, философскую книгу. Причина этого лежит главным образом не в предмете и специфическом стиле философствования Накаэ Тёмин, а опять-таки и прежде всего в иероглифических композициях, использованных философом для выражения своих мыслей, и вообще в специфическом колорите стилистического оформления, свойственном научным произведениям, написанным в последние годы токугавского режима и в первые два десятилетия после революции 1867 г. Накаэ Тёмин пользуется терминами, выражениями

и повествованиями, заключающимися в И-цзине, Мэн-цзы и в произведениях Сыма Цяня.

Накаэ Тёмин начинает свое произведение „Нет богов и нет души" с декларации своих исходных и основных философских воззрений. Я считаю целесообразным привести эту декларацию полностью, а не излагать ее в парафразе.

„При исследовании в области науки об [основных] принципах [бытия] или того, что повсюду называется философией, — пишет Накаэ Тёмин, — нельзя в конечном счете ограничиваться пределами [нашего] тела [ростом] в [каких-нибудь] пять сяку. Хотя можно было бы так поступать, но в [конечном итоге] все то, что будет [нам] говорить [такая философия], невольно [незаметно для нас] неизбежно окажется лишенным какой бы то ни было связи. Нельзя также ограничиваться пределами рода человеческого. Нельзя и ограничивать себя пределами атмосферы [толщиною] в [каких-нибудь] восемнадцать ри, равно как и пределами солнечной системы.

„По своей природе, пространство, время, вселенная — все это есть одно, а не два. И как бы ни воображать с [нашей] ограниченной силой воображения, — нет оснований утверждать, что в таких вещах, как пространство, время, вселенная, должно существовать начало, нет оснований утверждать, что вверху или внизу, на западе или востоке существует предел. Однако [обычно] размышляют, ограничиваясь либо пределами [нашего] тела [ростом] в [каких-нибудь] пять сяку, либо родом человеческим, либо атмосферами [толщиной] в [каких-нибудь] 18 ри, находясь при этом на поводу у своих собственных интересов и желаний. Размышляют, выделяя только одно существо, именуемое человеком, пренебрегая и третируя все прочие живые существа — царство животных.

„Поэтому и выходит, что говорят нелепости, предельно нелогичные, предельно нефилософские, нагромождая удобные для этого живого существа [именуемого человеком] теории о существовании бога, о бессмертии души, т. е. о том, что и после физической смерти каждый все-таки сохраняет свою душу.

„Трудно удержаться от смеха, когда подумаешь о том, что Платон, Плотин, Декарт, Лейбниц, будучи все мужами глубоких и всеобъемлющих знаний, вместе с тем размышляя, сами того не сознавая, о том, что будет с ними после смерти, и завлеченные интересами живых существ того же рода, что и они сами, т. е. интересами человека [в целом], выпускали в изобилии книги и теоретизировали без смущения в лице о рае, аде, едином боге, бессмертии души, не отдавая себе отчета в том, что все это лишь словесная пена, дым, и даже не дым, ибо, как никак, а дым имеет реальность. Крайне смешно, что большинство европейских и американских ученых, находясь под воздействием заблуждений, впитанных с молоком матери, проникших в их плоть и кровь, думали, что говорить о небытии бога или о небытии души — это все равно, что совершить величайшее преступление.

„В самом деле, если принять во внимание, что разбойник Дао Чжи 盜跖,[1] прославившийся своей жестокостью и произволом, прожил долгие годы, а Янь Хуй (любимый ученик Конфуция, — *Я. Р.*), прозванный даже вторым святым [после Конфуция], умер преждевременно, далее, что многие господа бандиты и воры имели обыкновение следовать „дао" — „пути", когда уже владели страной, и отвращаться от „дао", когда захватывали

[1] Заимствовано из „Ши-цзи" Сыма Цяня.

бразды правления,[1] эти господа бандиты и воры процветали, а лица, хранившие справедливость, умирают, не имея даже хлеба насущного. повторяю, когда видишь все это, то для большинства людей окажется наиболее удобным говорить, что в будущем должен наступить истинный и справедливый суд. Особенно большим утешением, я думаю, окажется утверждение, что есть все любящий [всемилосердный], высокосправедливый бог, что душа бессмертна, т. е. что она и после физической смерти человека может сохранить свою самостоятельную природу для тех, кто, будучи тяжело болен год, полгода, изо дня в день приближается к смерти. Как же в таком случае быть с величием философии? Где же тогда качества, необходимые для философа, который должен беспристрастно рассматривать лишь основные принципы? Прожив вот уже пятьдесят пять лет и имея знакомство с достаточным количеством книг, и понимая логические принципы, я не имею, к несчастью, в себе мужества извергать бессмыслицы вроде того, что есть бог или что душа бессмертна.

„Я думаю, что в области философии обязанность философа, более того, его природа заключается в том, чтобы быть абсолютно холодным, абсолютно прямым, абсолютно незаинтересованным. Поэтому я и отстаиваю решительно несуществование Будды, несуществование синтоистских богов, несуществование души, то есть чисто материалистическое учение. Я отстаиваю эту теорию, выставляя здесь свою независимую точку зрения, будучи безразличным к учениям предшественников и оставляя в стороне догмы, не замыкаясь в узких пределах человеческого тела [ростом] в [каких-нибудь] пять сяку, человека, как такового, атмосфер [толщиною] в [каких-нибудь] 18 ри, солнечной системы, небесной сферы, а пребывая в самом центре пространства и времени (если только в том, что не имеет начала и конца, ни предела, ни границы, есть этот самый центр)“.[2]

理學即ち世の所謂哲學的事條を研究するには五尺の軀の内に局して居ては到底出來ぬ出來ることは出來でも，其言ふ所ろ，が知らず識らずの間皆沒交渉と成るを免れぬ，人類の内に局して居てもいかぬ，十八里の零圍氣の内に局して居ても，大陽系天體の内に局して居てもいかぬ元來空間と云ひ，時と云ひ，世界と云ひ，皆一つ有りて二つ無きもの，如何に短窄なる想像力を以て想像しても此等空間，時，世界てふ物に，始めの有るべき道理が無い，又上下とか東西とかに，限極の有る道理が無い，然るを五尺軀とか，人類とか，十八里の零圍氣とかの中に局して居て而して自分の利害とか希望とかに拘牽して，他の動物即ち禽獸蟲魚を疎外し輕蔑して，唯た

[1] Сыма Ши-цзи (Лу-гу-цуань).

[2] Еще полтора года (續一年有半). Издано Котоку Сюсуи (Дэндзиро) и Такасахи Синтаро, Токио, 1902, стр. 1—5.

人と云ふ動物のみを割出しにして考索するが故に，神の存在とか，精神の不滅，即身死する後猶ほ各自の靈魂を保つを得るとか，此動物に都合の能い論說を并べ立てゝ，非論理極まる，非哲學極まる囈語を發するとてに成る

プラトンや，プロタンや，デカルトや，ライブニツトや，皆宏遠達識の傑士で有りながら，知らず識らずの間已れの死後の都合を考慮し，已れと同種の動物即ち人類の利益に誘はれて，天道，地獄，唯一神，精神不滅等，煙の如き否な煙なら現に有るが，此等の物は唯言語上の泡末で有ることを自省しないで，立派に書を著はし，臆面も無く論道して居るのは笑止千萬で有る，又歐米多數の學者が，孰れも母親の乳汁と共に吸收して身軀に血管に浹洽して居る迷信の爲めに支配せられて，乃ち無神とか無精魂とか云へば大罪を犯したるが如く考へて居るとは笑止の極で有る

成程人の肉を肝にして恣睢暴戾を極めた盜跖が長壽して，亞聖とも云はるゝ顏回が夭死し，其他世上往々逆取順守を例とせる盜賊的紳士が榮へて，公正の行を守る人物が糟糠だにも飽かずして死するを見ると，未來に眞個公平の裁判所が有るど云ふが如きは，多數人類に取りて都合の好し言ひ事で有る，殊に身大疾に犯され，一年，半年と日々月々死に近つきつゝ有る人物等に在ては，深仁至公の神が有リ，又靈魂が不滅で有て，即ち身後猶ほ獨自の資を保ち得るとしたならば，大に自ら慰むる所が有るであろう，供し夫では理學の莊嚴を奈何せん，冷々然唯道理是れ視る可き哲學者たる資格を奈何せん，生れて五十五年，稍や書を讀み理義を解しして居ながら，神が有るの靈魂が不滅と云ふやうな囈語を吐くの勇氣は，余は不幸にして所有せぬ

余は理學に於て，極めて冷々然として，極めて剝出しで，極めて殺風景に有るのが，理學者の義務否な根本的資格で有ると思ふので有る，故に

余は斷して無佛, 無神, 無精魂郎ち單純なる物質的學說を主張すので有る, 五尺軀, 人類十八里の零圍氣, 大陽系, 天體に局せずして, 直ちに身を時と空間との眞中(無始無終無邊無限の物に眞中有りとせば)に居いて宗旨を眼底に置かず, 前人の學說を意に介せず, 玆に獨自の見地を立てゝ, 此論を主張するのである.

Несколько приподнятый тон этой декларации и наивный антиисторизм, пронизывающий заключающиеся в ней рассуждения о существе и значении религии, ни в малейшей степени не затмевают ее достоинств как бесстрашного вызова, брошенного лагерю японских проводников идеализма и мистики, буддийской теологии и философии, теоретикам так называемого „чистого", или классического, синтоизма и синтоизма „обновленного" и воинствующим клерикалам. Даже в среде университетских профессоров подвизалось немало явных и тайных сикофантов, которым ближе были полицейские инструкции, чем новое слово науки, новые мысли. Можно представить себе впечатление, вызванное в этой среде подобной декларацией нападения. Тем не менее, по крайней мере в первые пять лет после появления в свет книги „Еще полтора года", одна часть японских университетских профессоров просто не в состоянии была печатно ничем воспрепятствовать возрастающему интересу к ней, в то время как другая часть решила бороться с ней игнорированием и неизменным замалчиванием. Причиной этого факта является широкий интерес, вызванный книгой в целом. Она выступала против позитивизма и прагматизма и требовала мыслительной работы, философских обобщений. Это было время, когда в Японии позитивизм и утилитаризм постепенно начинали уступать место немецкой классической философии. Гегель не нашел здесь в то время заметного распространения. Его ждала в островной империи странная судьба: во многих японских сочинениях он был превращен, как отчасти и Спиноза, в буддиста. Зато Кант, с легкой руки Иноуэ Тэцудзиро̄ и его учеников, был принят, опять-таки в связи с учениями об этике. Еще не существовало тогда той критики Канта справа, которую японские выученики, сперва Марбургской школы (Куваки Гэнёку), а затем Фрейбургской (Канэко Тикусуи) и прочие неокантианцы, предприняли после русско-японской войны для того, чтобы по образцу своих европейских наставников очистить Канта от материализма, устранить его дуализм и приспособить для служения новым политическим устремлениям агрессивной японской буржуазии. Тем не менее, несмотря на радушный прием, оказанный кантовскому категорическому императиву японской буржуазной философией, „антиномии" Канта не давали покоя и самому „профессору — emeritus" Иноуэ Тэцудзиро̄. С университетской кафедры приходилось произносить утомительные речи по поводу того, что буддийская философия и неоконфуцианская чжусианская метафизика подтверждают положение Канта о существе и значении антиномий, определяющихся ограниченностью нашего „я", неспособного выйти за пределы опыта.

Появившаяся в свет книга Накаэ „Еще полтора года" настораживала университетскую молодежь, которая имела возможность, читая это произведение, проникнуться сомнением во всем том, что преподавалось

в связи с кантианским идеализмом. Произведение Накаэ Тёмин „Нет богов и нет души“ („Еще полтора года“) зачитывалось до дыр. Интерес к этой книге возрос в такой же степени, как и к книге „Полтора года“. Два произведения одного и того же автора наглядно свидетельствовали о его общетеоретической и философской эволюции и толкали молодежь к углубленной мыслительной работе, к анализу и теоретическим обобщениям.

В то время ни одно произведение не сыграло в Японии такой роли, какую сыграло в этом отношении материалистическое и атеистическое произведение Накаэ Тёмин. Поэтому-то многие университетские популяризаторы идеализма и мистики просто были бессильны ослабить интерес к декларации философа и печатно не в состоянии были в то время дискредитировать даже стиль произведения.

Другая же группа университетских боэз считала что игнорирование есть наиболее действенное средство для ослабления интереса публики к подобной, неслыханной дотоле, философской декларации.

Антиисторичность декларации Накаэ Тёмин заключается также в том, что наш философ смешивает в одно целое стадии философского мышления, представленные в учениях Платона, Плотина, Декарта и Лейбница, и игнорирует мнения „предшественников“. Накаэ был далек от правильного понимания законов общественного развития. Он был далек от понимания того, что формы идеологии, включая философское мышление и религиозные представления и учения, в конечном счете, определеляются всей историей развития способа производства и неразрывно связанной с ним историей общественных классов и классовой борьбы.

Вместо этого он говорит о заблуждении философов и ученых и удобном для личных интéресов самообмане простых людей вообще.

Французские материалисты, как известно, говорили о действии религиозного обмана на простых людей. Накаэ говорит о заблуждении высокообразованных людей и приятном или удобном самообмане обыкновенных людей.

Рассуждая о том, что философы были „завлечены интересами живых существ того же рода, что и они сами, т. е. человека, как такового“, Накаэ обнаруживает здесь свою теоретическую беспомо щность как историк и философ.

Вместе с тем, некоторым извиняющим Накаэ Тёмин обстоятельством могла бы служить сама цель смешения, о котором я только что говорил. Наш философ ставил себе целью проповедывание атеизма, а в данном случае — декларирование в общей форме своих атеистических воззрений. Поэтому он и выделяет признание сверхъестественного творца философами, идеалистами, противоречащее научному мышлению.

Материалист и непримиримый атеист, Накаэ выступает против своих прежних учителей.

В первой главе произведения „Нет богов и нет души“, названной „Мир (вселенная)“ 世界, Накаэ в самой резкой форме отзывается о так называемой „позитивистической школе“. „В предыдущих разделах я опровергал мнения сторонников религии и философов спиритуалистов. Я рассуждал о том, что, напротив, душа умирает и исчезает, а тело не исчезает бесследно, и что нет благоразумных доводов о существовании бога. В настоящей главе я намерен опровергнуть философию, называемую обычно среди публики позитивистической. Эта философская школа берет свои истоки во Франции в учении Сен-Симона. Огюст Конт является ее защит-

ником. Прежде она оспаривала мнения спиритуалистов и не миловала их темные фантазии и иллюзии. Все отстаивавшееся ею она стремилась в деталях проверять на опыте. Это является особенностью школы. Она почитает науки и в особенности шесть научных областей: физику, химию, математику, астрономию, физиологию и социологию, соединяя в одно их жатвы и достижения, составляющие систему философии позитивизма. Такова специфика этой школы. Поэтому лица, придерживающиеся ее, являются учеными широко осведомленными в естествознании и, конечно, весьма отличаются от господ спиритуалистов, обладающих только силой поэтического воображения. Такой, как Литтре, является человеком, пропитавшимся учением позитивизма и потонувшим в нем. Он слывет за несравненного знатока и наиболее сильного популяризатора его теорий. Когда поразмыслишь об этом, то видишь, что эта школа, которая, казалось бы, должна опираться на истину, слишком цепляясь за явления, зачеркивает все, что не представлено простым и наглядным доводом и вообще не доказывается путем эксперимента. Сама являясь ограниченной, сама впав в скудоумие, она в своем убожестве премного клевещет на способность нашего духа и доходит до того, что умаляет его достоинства и ценность. Вот, где поистине непреодолимый порок этой школы!".[1] Позитивисты — продолжает наш философ — не в состоянии ответить на вопросы об основных принципах бытия, они предоставляют безнадежным фантазерам и церкви отвечать на эти вопросы по-своему, ничуть не стесняясь своего положения ограниченных людей, регистрирующих факты, добытые „шестью науками", — занятие, давно сделавшееся для них самоцелью.

Я, — говорит Накаэ, — придерживаюсь точки зрения, противоречащей основному смыслу учения позитивистов. И если они сводят основные принципы бытия к выводам астрономии, физики, химии, физиологии и т. п., то исчерпывающего ответа на эти вопросы от них ждать нельзя.

В настоящее время, — продолжает Накаэ, — в публике принято считать за истинное только то, что видит глаз и слышит ухо в научном эксперименте. Все ли может быть исследовано в опытах изыскателя? Нет, не может быть такого положения, чтобы, например, абстрагирующие способности человеческого ума, способности нашего духа были разложены на первоэлементы в лаборатории ученого экспериментатора.

Не может быть исследовано на основании узкого эксперимента также правильное положение о том, что вселенная (мир) не имеет границ. Между тем, обратное заявление, а именно, что вселенная имеет границы — является максимально неправильным, максимально иллюзорным представлением 限極が有る云へば變大怪大幻詭で有ると謂はねばならぬ.[2] Мир нельзя свести к одной какой-либо вещи, имеющей ограниченный объем, несмотря на то, что он обязательно обладает протяженностью. Звездное небо, атмосфера, солнечная система, а также другие солнечные системы, вероятно существующие, — все это совершенно не допускает доводов о том, что мир имеет границу. Разве можно утверждать, что мир имеет предел и научно исследовать его? Основания позитивистической школы в конечном итоге так же иллюзорны, как иллюзорны подобного рода допущения. Причиной этому является трусость, которой от природы наделены позитивисты, предоставляю-

[1] Там же, стр. 54.
[2] Там же, стр. 56.

щие решать все эти важнейшие вопросы не в области теории, а профанировать их в области необузданной фантазии.[1]

Говорят также, — продолжает Накаэ, — что безграничный мир имеет какую-то первопричину. Если бы существовали сотни заманчивых взглядов, опирающихся, будто бы, на науку о том, что мир возник из ничего, то всем этим взглядам, вместе взятым, верить нельзя, как нельзя верить (надуманной) бессмыслице теологов. Часто рассуждают и так, что из небытия не может возникнуть бытие. Рассуждения первого рода неосновательны в такой же мере, как и расуждения второго рода, по той причине, что мир вечен, не имеет начала и конца и никем не сотворен.

Мир не может также погибнуть или исчезнуть по той причине, что в его основе лежит не дух, а материя. „Нет логических положений, что субстанция實質 должна исчезнуть. Она может переменить место, изменить форму, но чтобы она совершенно погибла, такого положения быть не может“ 實質が如何にするも消滅すべき道理が無い，場所を替へ，形を易ゆることは有つても純然消えて無となる道理が無い。

То, о чем здесь говорится — продолжает Накаэ, — есть закон. Он[2] не изобретен человеком. Это — не закон, действующий только в пределах атмосфер толщиною в каких-нибудь 18 ри. Это — закон существования вселенной. И как только дело касается этого важного вопроса, то разве поведение и способ рассуждения позитивистов нельзя назвать непростительной трусостью? Повторяю, — говорит Накаэ, — что мир не имеет границ, не имеет творца или создателя в прошлом и сверхъестественного владыки над собой в настоящем.

Итак, мир обширен, беспределен, вечен и множественен. Хотя мир множественен, — говорит Накаэ, — но он является целокупностью некоторого количества элементов, составляющих его телесную природу. Количество этих элементов достигает числа 60 с лишним. Возможно — продолжает он, — что научное исследование будет развиваться, и это число элементов возрастет до 70, 80 или до 100. Возможно, что многие из них погибнут и их окажется потом 50 или 30, но факт таков, что некоторое количество вещественных элементов, взаимосочетающихся в известной пропорции, образуют форму и цвет тела А, и вновь отделяясь друг от друга, в новом взаимосочетании, в новой пропорции образуют форму тела Б. Все вещи постоянно подвергаются изменению и развитию 萬物變化し進化し. Возможно, что солнце и земля отделятся друг от друга спустя сотни миллионов лет, но погибнуть до последней частицы они не могут, и возможно, что где-нибудь в новом месте они опять оформятся в какое-нибудь тело. Поэтому я говорю — продолжает Накаэ, — что субстанция совершенно не может исчезнуть. Накаэ утверждает, что взаимосоединение различных телесных элементов образует новые тела. Они оформляются в человека, травы и деревья, в нашу солнечную систему и т. д. и т. п. Человечество, живущее на земном шаре в атмосфере толщиною в 18 ри, подвержено вместе с тем всеобщим законам вселенной. Что же касается неразрушимости духа или души, то это является такой же химерой, как вечность существования отдельного тела и разрушимость и исчезновение вечной субстанции.

---

[1] Там же, стр. 57.

[2] Там же, стр. 53.

В вопросе об отношении мышления к бытию Накаэ Тёмин дает свое совершенно четкое определение, как он выражается, „субъективной и объективной точек зрения".

„Субъективная точка зрения 主觀 [в философии] заключается в утверждении, что вещи и явления объективно не существуют, несмотря на то, что мы видим и слышим их или мыслим и судим о них. Они являются, будто бы, только созданием нашего духа, владычествующего и определяющего наши идеи [понятия]. Мы сами существуем, будто бы, постольку, поскольку признаем себя существующими. Имеются теории, утверждающие, что мыслить — значит существовать. По мнению некоторых философов, пространство и время — даже эти вещи — являются субъективными категориями и в действительности не существуют".

Накаэ считает сторонников подобного взгляда на мир порочными людьми и утверждает, что они наносят „славе человеческого духа" такой же ущерб, какой наносят ему непосредственные служители церкви. „Субъективная точка зрения в философии", как выражается Накаэ, не отличается в своих основаниях от бреда больного или нетрезвого человека. Все же и здесь есть различие. Больной или пьяный не навязывает этот свой бред в качестве руководства для других, в то время как субъективно-идеалистическая философия сознательно навязывает другим свою интерпретацию мира в качестве „незыблемого закона". Субъективные идеалисты — разъясняет Накаэ — превращают собственные мысли в реальные вещи, т. е. порождают в своей голове себе подобных, а также животных и растения, и водворяют их в наш мир постольку и в такой мере, в какой они порождаются нашим разумом. Накаэ отказывается даже полемизировать со сторонниками этой „пьяной философии".

Существует, — говорит Накаэ Тёмин, — „объективная точка зрения [в философии] 客觀." „Эта точка зрения, единственно правильная, заключается в том, что признает объективное и независимое от нашего сознания существование мира вещей". „Что касается объективной точки зрения, то это есть теория о том, что вещи существуют реально и вне нас и их образы копируются нашим духом, о том, что в таких двух вещах, как наше я, пространство и время, действительно существует объективность, т. е. что эти две вещи существуют величественно и неумолимо".[1] „Объективная точка зрения, — продолжает Накаэ, — не отбрасывает совершено субъективную точку зрения в том смысле, что мы субъективно в каждом отдельном случае воспринимаем объективную действительность. Мы рассуждаем о молекулах света, теплоты и электричества, не видим их и, стало быть, не можем отразить в нашем сознании их формы. Тем не менее, молекулы реально существуют, что мы и знаем на основании научного анализа".[2] Добрая половина наших понятий, — говорит далее

---

[1] 客觀とは,外間現其物が有て,其影象を吾人の精神に寫し來るので有る,吾に人の空間,時の二者に於ける,正に客觀的で有る,即ち此二者儼然存在して居るとの說で有る. Там же, стр. 80.

[2] Там же, стр. 81.

Накаэ,— является созданием нашего разума. Однако это вовсе не значит, что эти понятия не соответствуют определенным реальным вещам, явлениям, связям и т. п. Многого мы еще не знаем, не исследовали и т. п., но это не значит, что предположение об их существовании недопустимо или не определено самими условиями нашего бытия как людей, обладающих активным сознанием. Напротив, сумасшедший человек галлюцинирует. У него перед глазами совершенно отчетливо плывут, движутся и действуют самые причудливые вещи. Однако это не значит, что эти вещи имеют объективное и реальное существование. Теологи проповедуют самостоятельное существование души и неразрушимость ее после физической смерти человека, существование духов и демонов, хотя в действительности все это не существует. Повторяю, — говорит Накаэ, — что есть понятия о вещах, являющиеся плодом нашей рефлексии. Но эти понятия, в конечном счете, также являются плодом объективного восприятия. Эти вещи действительно объективно существуют, но наш дух или отражает их вследствие того, что уже познал, или предполагает их и выводит их существование на основании бытия и связей между другими вещами и еще непосредственно не познал их 省知し得ない. Агностики и скептики ничего общего не имеют с реальным познанием объективной действительности. Что же касается идеалистов и проповедников религии, — продолжает Накаэ, — то они утверждают, что вещи существуют как творение бога, и их представление о мире является иллюзорным. Оно является глупостью и возбуждением.[1]

Накаэ посвящает специальную главу рассмотрению „способности духа (сознания)" 精神の能.

Сознание является деятельностью нашего организма и берет свое исходное начало в самом организме 精神卽ち軀體の作用は. 軀體より發し.[2] Сознание не замыкается, однако, пределами нашего существа. Оно „пронизывает атмосферу [толщиною] в 18 ри, уходит за пределы солнечной системы", проникает в тайны вселенной. Возникая в нашем маленьком теле, оно неизменно развивается. Наше соображение, „строящее замки в небесах и теремы на дне морском", равно как и строгие логические построения — все это характеризует могущество сознания. Мы в состоянии на склоне лет четко вспомнить то, что занимало нас в четырехлетнем возрасте. Вот, почему я утверждаю, — говорит Накаэ, — что „... процесс развития нашего сознания зависит от способности памяти. Наш повседневный опыт окончательно втискивается в хранилище интеллекта [мозга] и не стирается. Этот-то процесс является цепью образования представлений и понятий, получаемых благодаря изучению старого и познанию нового. Различие между мудрым и глупым человеком в значительной степени связано со степенью силы и совершенствования памяти. Кроме того, чувства, восприятие ощущений, поведение — все это есть виды раскрытия нашего духа".[3] „Способность нашего духа величественна; наше сознание в состоянии схватывать сущность беспредельного мира".[4] Наше сознание, — продолжает Накаэ, — есть свет драгоценнейшего брил-

[1] Там же, стр. 81.
[2] Там же, стр. 81.
[3] Там же, стр. 70.
[4] Там же, стр. 72.

лианта, зарождающегося в этом маленьком теле величиной всего в каких-нибудь пять сяку. Однако невежественные люди превращают этот свет в основную сущность мира, превращают его в господина человека, превращают тело последнего в раба, что является совершенной бессмыслицей".[1] Накаэ выступал против идеалистического учения об индетерминизме и отстаивал принципы детерминизма.

В эволюции философских и политических взглядов Накаэ Тёмин рельефно обнаруживаются два периода. В первом периоде — приблизительно с середины 70-х и до середины 90-х гг. — весь комплекс воззрений философа отражал интересы, стремления и идейные запросы, если позволено будет выразиться, левого крыла японского буржуазного либерализма, интересы мелко-буржуазной интеллигенции, оскудевшей сразу же после своего появления на общественной арене. Либеральная буржуазия, и в первую очередь ее интеллигенция, относились в одних случаях настороженно, в других — резко отрицательно к блоку промышленной и финансовой буржуазии, помещичьей полуфеодальной аристократии и клановой военщины, образовавшемуся на монархическо-полицейской, военно-феодальной основе сразу же после революции 1867 г. Во время японо-китайской войны 1894—1895 г., когда началось осуществление далеко идущих агрессивных планов японского империализма, либеральная буржуазия действовала вместе с ним. От ее прежних деклараций борьбы с правительством и за „народные права, свободу и равенство" не осталось и следа. Накаэ бичует теперь буржуазию как „подсобника 加功者" „титулованной и высочайше награжденной" клики, развязавшей войну, „покрывшей страну величайшим позором, и оставшейся в непревзойденных дураках". „Они (представители буржуазии, — *Я. Р.*) превратились в пособников, занимающих кресла в парламенте... От цивилизованных и сильных иностранцев они получили плевки и довольны и горды. Называют себя первейшей нацией, кричат и расписываются в качестве владыки союза Восточной Азии, размахивают мотыгами и завертывают акции (мечтая о концессиях, — *Я. Р.*); выпили сакэ, и занявшись своими цветниками, задремали. Спохватились. Бросили взгляд по ту сторону моря, но дележ и рассечение Китая, имеющие важное историческое значение в мировой истории XX века, уже был закончен в три года...". Накаэ преисполнялся ненавистью к классовому и политическому буржуазно-помещичьему блоку. Он пишет: „Только мы, народ, не думаем об этом. Поэтому кабинет, правительство знает только подчиняться его величеству тэнно, а о долге по отношению к нам, народу, оно забыло. Оно медлит и бездействует, преследуя собственные интересы. Оно исподтишка и с совершенным хладнокровием обворовывает народный кошелек".[2] Накаэ прямо говорит о стирании граней между буржуазными партиями, объединяемыми империалистическими целями. „Что касается крестьян и горожан, то в прежние времена их физически резали и расшвыривали. Теперь режут и расшвыривают их кошелек. Теперь народные права — дело устарелое! Народные права, грабеж народного кошелька, жадность и произвол государственных чиновников — это все уже старинка! Зато есть новое, свежее — захват мест в парламенте, взаимопокорность между политическими партиями. Для нынешних

[1] Там же, 72.
[2] Там же, приложение, стр. 36.

партийных деятелей народные права — старинка, а общественного мнения нет. Зато есть свежее — империализм! Все общественное мнение представляется мнением лиц, завладевших парламентскими местами. Нынешние партийные деятели грабят и обворовывают народный кошелек, грабят и обворовывают общественное мнение".[1] Философ был полон возмущения против этого блока и его идеологической пропаганды.

На службу этому блоку его идеологи, во времена, предшествовавшие японо-китайской войне, поставили официальную школьную философию, пропаганду синтоистской мистики и конфуцианской этико-политической догматики, сдобренную всякого рода импортированными идеалистическими идеями и прежде всего спенсерианским позитивизмом. На Спенсера молились, им клялись. В университете существовала специальная „спенсерианская" кафедра во главе с известным Тояма Масакадзу. Сочинения Спенсера „Представительное правительство" и др. в течение ряда лет после 1876 г. являлись даже учебниками в университете. В своем учении о так называемых регулятивных системах Спенсер, как известно, отстаивал положение, что в организме наличествуют две регулятивные нервные системы — центральная и вегетативная. Вегетативная, учит он, независимо от центральной, регулирует деятельность органов исключительно важных для хозяйства организма. Английский читатель, таким образом, наводился на мысль, что поскольку вегетативная система играет исключительно важную роль, то и следует признать, что организмы, обладающие такой развитой системой, стоят неизмеримо выше организмов с развитой центральной системой и, стало быть, королевская центральная власть обязательно должна быть связана и ограничена парламентскими представителями торговых фирм, банков, посреднических организаций и т. п., т. е. как раз теми „органами" буржуазного общества, которые в Японии еще домогались известной „демократизации" и реформы органов правительственной власти, контролировавшихся старой феодально-аристократической бюрократией. Недаром будущий министр в кабинете Ито, граф Итагаки Тайсукэ, приехав в 1883 г. Лондон, специально отправился к Спенсеру, чтобы „ближе", „интимнее 親 し く побеседовать и услышать его рассуждения о политике и науке".[2] Спенсер пришел в восторг от рассказов графа об успехе его произведений в „стране богов" и о множестве их переводов на японский язык. Доходило до того, что даже сам посол Мори препроводил в Японию главу сочинения Спенсера „Основания социологии" с надписью и инструкциями автора, которую и опубликовали под названием „Сюкесинкарон" („Теория эволюции религии") и с предисловием Итагаки. Накаэ отвергал режим, который отстаивала империалистическая буржуазия, и вместе с ним ее идеологию — фальшивый синтоистско-конфуцианско-спенсерианский синкретизм. После японо-китайской войны, в противовес усиленной буржуазной шумной пропаганде националистической мистики, ускорялся окончательный переход Накаэ на противоположные — материалистические позиции. Философ искал не только идейных связей со всем прогрессивным в стране, но, как свидетельствуют факты, и личных связей с видными деятелями революционного движения, за развитием которого он внимательно следил.

---

[1] Там же, стр. 41.

[2] Мотодэ Дзюнкити. Изучение общественных идей времени мейдзи. 下出集吉, 明治社會思想研究, Токио, 1932 г., стр. 42.

Изучение воззрений таких философов прошлого, как Андō Сёэки, Накаэ Тёмин и ряда других мыслителей материалистов прошлого, является благородной задачей прогрессивных японских историков.

Лучшие люди в Японии глубоко верят, что наступит время, когда реакция, всячески поддерживаемая и поощряемая американскими хозяевами империализма, возглавляющими борьбу монархически-черносотенных сил в Японии, безусловно падет. Прогрессивный демократический лагерь в Японии борется против этой реакции, против темных сил, уродующих сознание масс мифами об обреченности всего народа на верноподданическое рабство. Лучшие люди борятся с „японизмом" — этой идеологией японского империализма.

Борьбу за освобождение народа возглавляет японская коммунистическая партия. Она объединяет в этой борьбе против своей, японской буржуазно-помещичьей монархии, а также против американских оккупантов-насильников самые передовые силы японских трудящихся.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЭПИГРАФИКА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В РОССИИ ДО 1850-х гг.

Задолго до упадка монументального строительства в средне-азиатских ханствах, в Крыму и на Кавказе, в России пробудился интерес к арабской письменности и эпиграфике. В начале он был слабо выражен, не имел характера самостоятельной научной задачи. Сведения о восточных и южных странах проникали в Московское государство через таких торговых людей, как Афанасий Никитин (1466—1472 гг.);[1] доставляли вести русские гонцы, послы XVI—XVII вв. в Закавказье и Персию, иноземные купцы и иностранные посольства к русским царям. Дипломатические документы этого времени не всегда имеют прямое отношение к настоящей теме, но почти все без изъятия связаны с нею косвенно. Пробраться на восток или юг было трудно. Так, например, Григорий Веревкин вынужден был возвратиться с пути в Кахетию в 1616 г., не достигнув цели, из-за нашествия Шāха ʻАббāса I.[2] Еще в 1522—1523 гг. Исмāʻил I, родоначальник династии Сефевидов, представители которой заливали кровью Грузию, построил в Тбилиси „на конце моста" существующую до настоящего времени мечеть с арабскими надписями. Светские постройки в персидском стиле, по традиции обильно украшенные шрифтовым орнаментом, появлялись в Тбилиси как в XVI, так и в XVII в., особенно в эпоху Шāха ʻАббāса. I. Чего не увидел из-за военных действий Григорий Веревкин, то мог свободно наблюдать князь Ф. Ф. Волконский в течение девятимесячного пребывания в Кахетии в 1638—1639 г. при Теймуразе I, двор которого был организован по персидскому образцу.[3] Посольству князя Волконского пришлось возвращаться не по тому пути, по которому оно прибыло, через Тушетию, вдоль западного побережья Каспийского моря и увидеть таким образом Шемаху и Дербенд.[4] Предпоследний сефевидский Шāх Тахмāсп II в период оккупации Азербайджана оставил ряд строительных надписей, особенно на Апшеронском полуострове.

---

[1] М. А. Полиевктов, Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис. 1935, стр. 53—55. — Хожение за три моря Афанасия Никитина. Под редакцией акад. Б. Д. Грекова и чл.-корресп. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1948.

[2] V. Minorsky. Tiflis. Enz. d. Isl., IV, 1934, стр. 821 и сл. — М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 29.

[3] V. Minorsky, ук. соч., стр. 822.

[4] М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 29—30.

Устные переговоры и переписка с иноземцами происходили при участии переводчиков. Переводчики, или, как их тогда называли, „толмачи" Посольского приказа, должны были разбирать и составлять разнообразные документы. Из Казанского дворца поступали поручения перевести письма с татарского языка или требования прислать соответствующего толмача. То отправляли из Посольского приказа грамоты в Персию, то к турецкому султану; заключали договоры с хивинскими, шемахинскими и иными ханами, встречали муров, пытались взыскать материальные убытки ... Толмачам в середине XVII и в начале XVIII в. было не мало дела, трудного и ответственного. Они должны были обладать не только в известной мере знаниями восточных языков, но и владеть восточной, очень сложной и разнообразной каллиграфией. Архивные документы свидетельствуют о том, что Посольский приказ не всегда располагал нужным контингентом людей. Доказательством служит, например, указ от 3 августа 1700 г.: „... из Казанского в Посольский приказ о переводе присланных из Астрахани персидских писем Посольского же приказа переводчикам и при том сказка того же приказу переводчика Дмитрия с товарищами ко смотру оных писем, сказал, что те письма фарсовского языка и перевести оных не могут." Ответ на приведенный указ 1700 г. показывает, что в это время знатоков персидского языка в Посольском приказе не было: имевшиеся там толмачи могли лишь установить язык писем.[1]

Наряду с послами, направлявшимися в христианские и мусульманские страны, в связи с ростом Московского государства и его политикой на Востоке, знакомились с Кавказом воины и ученые. С запада двигались на Кавказ миссионеры, путешественники, художники. Каждый из наблюдателей реагировал на впечатления от виденного в пути, но только в исключительных случаях можно отметить у них фиксацию надписей. К числу редких исключений принадлежит французский путешественник Обри де-ла-Мотре (Aubry de la Motraye). В 1711 г. он посетил Бахчисарай,[2] от Керчи путешествовал по Северному Кавказу до Астрахани. На обратном пути в руинах обширного города, предположительно Маджар, он срисовал, а впоследствии издал изображение найденной там надписи,[3] в которой некоторые лигатуры напоминают арабское монументальное письмо.

Вехи будущих исследований XIX в. стали намечаться еще в XVIII в. Для вопросов истории культуры имеют большое значение материалы, собранные дипломатами и военнослужащими XVIII в., преимущественно по изучению Прикаспийских областей и особенно с петровского времени. Инициатива исследования восточных надписей в России принадлежит Петру I; ему мы более всего обязаны. В 1715—1718 гг. проехал из Астрахани в Исфахан и обратно А. П. Волынский с дипломатическими поручениями. Вскоре, с 1720 г., было положено начало собранию восточных монет, рукописей и редкостей в петровской Кунсткамере.[4] Сам Петр I в 1722 г., когда его проницательные взоры были прикованы к Востоку, обратил внимание на надписи в Булгаре и приказал их списать казанскому

[1] О деятельности Посольского приказа и толмачах указанного периода см.: И. Ф. Токмаков. Сборник документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском Главном архиве Министерства иностр. дел и его Библиотеке, I. Труды IV Археол. съезда, т. II, отделение IX, стр. 233, 284, 285, 237, 290, 291.

[2] В. Гернгросс. Ханский дворец в Бахчисарае. Старые годы, апрель, 1912. стр. 6, примеч. 15.

[3] М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 143—150. — Aubry de la Motraye. Voyage en Europe, Asie et Afrique, т. II. La Haye, 1727, гл. III, стр. 95—97, табл IV, рис. 10.

[4] B. Dorn. Das Asiatische Museum. СПб., 1846, стр. 3.

губернатору.[1] Русские войска вышли из Астрахани, заняли Дербенд и Баку. Во время этого похода князь Дм. К. Кантемир сочинил для походной канцелярии „турецкий" наборный шрифт. Будучи в Дербенде, Кантемир срисовал некоторые надписи. Так, в одном и том же году началось в России собирание копий надписей, исполненных арабским шрифтом, в таких крупных и важных в историческом отношении центрах, как Булгар, Баку, Дербенд, и создан был впервые в России печатный арабский шрифт.[2]

Десять лет спустя, в 1732 г., развернулась деятельность выдающегося знатока арабской письменности Георга Кера. Он состоял переводчиком в Коллегии иностранных дел, а кроме того разбирал и описывал восточные монеты в собрании Кунсткамеры.[3] Главный нумизматический труд Г. Кера не был опубликован и сохранился только в рукописи, но в 1724—1725 гг. опубликованы две монографии.[4] Самым важным достижением Г. Кера в области арабской эпиграфики и палеографии была дешифровка и определение одной трудной разновидности арабского шрифта, так называемого кӯфӣ. Доказательство Кера о происхождении куфического шрифта от арабского вывело из тупика неведения всех специалистов и подготовило почву для последующих работ в России и за границей. Г. Кер умер в С.-Петербурге в 1740 г., не дождавшись опубликования своей замечательной для того времени разгадки арабских письмен на императорской мантии в Нюрнберге; печатание было осуществлено три года спустя.[5]

Из приобретений Кунсткамеры в правление Екатерины I особенно важна одна шкатулка; она поступила по завещанию вместе со всеми коллекциями, после смерти составителя их, из „кабинета редкостей" графа Якова Виллимовича Брюса, потомка шотландских королей, начальника артиллерии и крупного деятеля при Петре I (1670—1735 гг.).[6] При жизни Кера палеографическое и эпиграфическое значение этой шкатулки оставалось в тени и она приобрела широкую известность лишь в первой четверти XIX в.[7]

---

[1] Подробнее о Петре I в Булгаре см.: W. Barthold. Bulghar. Enz. d. Isl., т. I, стр. 824. — И. Березин. Булгар на Волге. Казань, 1853, стр. 29.

[2] Вл. Пятницкий. К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе. Публичная Библиотека СССР имени В. И. Ленина, сб. I, М., 1928; отд. отт., стр. 132—133. Первый печатный арабский алфавит появился в Западной Европе в 1486 г., в издании путешествия в Палестину, которое Бернхард фон Брейденбах совершил в 1483—1484 гг.; знаки арабского и других восточных алфавитов, так же как карты, ландшафт и костюмы зарисовал сопровождавший Брейденбаха художник Эрхард Рейвих (Erhard Reuwich) из Утрехта. См.: Bernhard von Breydenbach and his journey to the Holy Land 1483—4. A Bibliography. Compiled by Hugh Wm. Davies. London, 1911, стр. XXVI, табл. 39 верх, 40—41.

[3] О ней см., между прочим, у А. Кубе. Кунсткамера. Нов. энц. слов. Брокгауза-Ефрона, т. XXIII, П., столб. 655—557.

[4] G. Kehr. Monarchiae Asiatico-Saracenicae status, qualis VIII et IX seculi fuit, ex nummis argenteis priscà Arabum scripturà kufică cusis et nuper proper Gedanum [Гдыня] effosis, illustratus. Lipsiae, 1724. — Monarchae Mongolo-Indici numisma è gazophylacio Gothano explicatum. Lipsiae, 1725. (Цит. П. С. Савельев. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, т. I, гл. XIII, прим. 8).

[5] См.: Erklärung der auf dem kaiserlichen Mantel zu Nürnberg alten arabischen Mohrischen Buchstaben. Joch. Pet. von Ludwigs gelehrten Anzeigen, Halle, 1743. Биографию Г. Кера см.: Г. Г. Гульбин. Био-библиографический словарь., 1940 (рукопись в ИВ АН СССР), стр. 283—293.

[6] П. П. Майков. Брюс. Русск. биогр. словарь, т. „Бет — Бяк", СПб., 1908., стр. 416—419. — В. Dorn, ук. соч., стр. 6, 133.

[7] О Х. Д. Френе см. стр. 278 и сл.

На год раньше, чем Г. Кер, в С.-Петербурге начал свою работу доктор медицины Иван Яковлевич Лерхе. Он занял должность военного врача с 1731 г. В составе астраханского корпуса русского войска, действовавшего против персов в 1733—1735 гг., а в 1745—1747 гг. при русском посольстве в Персии, И. Я. Лерхе дважды проехал через Кавказ. Описания его путешествий были изданы сперва на немецком языке, а в конце XVIII в. вышли в русском переводе в академическом издании.[1] Они содержат упоминания некоторых пунктов и памятников, интересных в археологическом отношении и важных для эпиграфических изысканий, как, например, Дербенд и др.

Физик и доктор медицины по прямой специальности, И. Я. Лерхе был первым из естествоиспытателей XVIII в., доставившим, благодаря своей разносторонности и наблюдательности, материал для вспомогательных исторических дисциплин, собранный на территории России. При этом И. Я. Лерхе использовал и опубликовал рукописные материалы других очевидцев за первую половину XVIII в.: майора русской службы в прикаспийских областях Исаака Вольфа[2] и шотландского хирурга Шнезе, сопровождавшего в Персию в 1733—1736 гг. русского посла князя С. Д. Голицына.[3]

Прошло с лишком двадцать лет после возвращения И. Я. Лерхе из Персии и почти полвека после пребывания Петра I в Булгаре, когда настал следующий благоприятный момент для обследования эпиграфических памятников, но и на этот раз инициатива исходила не от специалистов в этой области. В 1768 г. начал первое длительное путешествие по Восточной Европе и Сибири широко и разносторонне образованный Петр Симон Паллас, член Академии Наук с 1767 г.[4] В течение ряда лет, помимо прочих областей науки, более близких ему по основной специальности, он занимался этнографией и археологией. В описании путешествия П. С. Палласа упомянуты, между прочим, ворота „с Арапскими надписями“[5] и встречается впервые такйя с надгробиями в Каси-

---

[1] Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche Lerche von 1733 bis 1735 von Moscau nach Astrachan und in die auf der Westseite des Caspischen Sees gelegenen Länder gethan hat. — Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der Kaiserl. Russische Collegienrath Herr D. Johann Jacob Lerche von 1745—1747 gethan hat... (Fr. Büsching, III, стр. 1—44; X, стр. 355—476). Русский перевод: „Новые ежемесячные сочинения, издаваемые Академией Наук“. СПб., 1790 и 1791, ч. XLIII, стр. 1—5; XLIV, стр. 69—97; XLV, стр. 86—100. Автобиография Лерхе с примечаниями и дополнениями Бюшинга (Büsching): Joh. Jac. Lerche. Lebens- und Reisegeschichte von ihm selbst geschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen herausgegeben von D-r Ant. Friedrich Büsching. Halle, 1791.

Подробнее освещены материалы Лерхе у М. А. Полиевктова, ук. соч., стр. 141—142. Биографию И. Я. Лерхе см.: Нов. энц. слов. Брокгауз-Ефрон, т. XXIV, стр. 408. — Русск. биогр. словарь, т. „Лаб — Лаш“, 1914, стр. 316—317. — В. Г. Тизенгаузен. Материалы для библиографии мусульманской археологии... из бумаг... издали К. А. Иностранцев и Я. И. Смирнов, СПб., 1906 (Записки Восточного отделения и Русского археологического общества, т. XVI, стр. 0257), отд. отт., стр. 0188—0189; под словом „Лерх“ перечислены некоторые археологические объекты. Библиография Тизенгаузена цитируется ниже сокращенно: Тиз. Библ.

[2] М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 191—192.

[3] Там же, стр. 173—174.

[4] См. его биографию в Русск. биогр. словаре, т. „Пав — Петр“, СПб., 1902, стр. 154—159 (сост. Кеппен).

[5] Об этом упоминает В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах..., стр. 71. Возможно, что „портал или врата великого храма“ в Билярске, о которых знал Татищев, не были лишены надписей. Ср. С. М. Шпилевский. О задачах деятельности Казанского Общества ист., археол. и этногр. Казань, 1884, стр. 10.

мове.[1] В 1785 г. Паллас докладывал Конференции Академии Наук о 12 куфических монетах, найденных в Смоленской губернии и определенных татарским муллой.[2] П. С. Паллас посетил также Булгар.

Плодотворны для арабской эпиграфики были труды Лепехина и Георги — двух спутников П. С. Палласа во время его первого путешествия. Иван Иванович Лепехин, ординарный академик, сын солдата Семеновского полка, закончил путешествие по России, начатое одновременно с Палласом, в 1772 г. Он собирал сведения по этнографии, археологии и языку среди народов, у которых была распространена арабская письменность, как, например, у татар и калмыков, описывал здания и монеты. В его известных „Дневных Записках" дан русский перевод надгробных надписей Булгара, которые были сняты по приказанию Петра I.[3]

Другой спутник Палласа, этнограф Иоганн Готтлиб Георги, также побывал в ряде местностей, где имелись надписи арабским шрифтом, между прочим в Касимове. В труде, охватывающем результаты путевых наблюдений 1773—1774 гг., Георги посвятил несколько страниц описанию астāна, т. е. „портика",[4] некрополей и надгробий у деревни Томра в Уфимской губернии,[5] датированных 744/1343—1344 и 1107/1695—1696 гг.

Следует упомянуть еще двух крупных исследователей Кавказа, путешествия которых относятся к тому же грандиозному циклу экспедиций, организованных Академией Наук: Гильденштедта (1768—1755 г.)[6] и Гмелина „младшего" (1769—1744 гг.).[7] Особенно важны детальные описания прикаспийских городов и памятников, главным образом Баку, Дербенда, Шемахи, у Гмелина, который был захвачен в плен на обратном пути и умер в Каякенте. Издание капитального труда Гмелина снабжено иллюстрациями, между прочим, видами местностей по рисункам двух рисовальщиков, Ив. Борисова и Фед. Баура, которые его сопровождали.[8]

К началу восьмидесятых годов относятся два путешествия меньшего охвата, но дающие конкретный материал. Штедер, работавший по военным поручениям на северном и центральном Кавказе в 1781 г., упомянул в путевом дневнике о намогильных памятниках на южном берегу речки Назран в Ингушетии.[9] Почти одновременно со Штедером появились

---

[1] W. Bartold. Kasimow. Enz. d. Isl., II, стр. 857. Термин „такīйя" означает „странноприимный дом", „монастырь дервишей".

[2] B. Dorn, ук. соч., стр. 10, 123, 183—189.

[3] И. И. Лепехин. Дневные записки, I, 1795, стр. 271—283. И. Березин, ук. соч., стр. 291. Биографию Лепехина см.: Русск. биогр. словарь, т. „Лаб — Лаш", СПб., 1914, стр. 259—260.

[4] J. B. Belot. Vocabulaire arabe-français. Beyrouth. 1899, стр. 323 („колонна, столп, цилиндр") أُسْطُوَانَة мн. أَسَاطِين. — Проф. В. Гиргас. Словарь к арабской хрестоматии и Корану, Казань, 1881, стр. 19 („портик, колонна".).

[5] Bemerkungen auf einer Reise im Russischen Reich, Kaiserl. Akad. der Wiss., St.-Peterburg, т. II, 1775, стр. 727—733.

[6] Путевые записи Гильденштедта изданы в 1781—1791 гг. П. С. Палласом под заглавием: „Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge" (I—II, St.-Petersburg 1787—1791). Био-библиографические сведения о Гильденштедте см.: Полиевктов, ук. соч., стр. 122—126.

[7] Там же, стр. 116—120.

[8] S. G. Gmelin. Reise durch Russland zur Untersuchung der Natur-Reiche. St.-Petersburg. 1770—1784; особенно ч. IV, 1772—1774 г. См. М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 119—120.

[9] М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 210—211.—А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. Зап. Колл. востоковедов, т. V, 1930, стр. 685, 690—693, 733 и сл. (ряд цитат из дневника Штедера, особенно стр. 692).

из Сарепты на Кавказе „Моравские братья" — миссионеры Грабш и Груль (Grabsch, Gruhl, 1781). Путешествие их протекало в благоприятной обстановке и им удалось прожить шесть дней в селении Кубачи в Дагестане. Наблюдения Грабша и Груля над своеобразной культурой, памятниками и надписями аула Кубачи стали известны не от них непосредственно, а через обитателя Сарепты, Виганда.[1]

В 1792 г. ахун, т. е. старший мулла в городе Касимове, Абдулла Баклеев, по распоряжению епископа города Рязани Симона Лагова, списал надгробные надписи в усыпальнице Касимовских ханов и на Старопосадском кладбище. Распоряжение было дано епископом „во исполнение монаршего повеления". Рукопись предназначалась для отправки тогдашнему обер-прокурору Синода, А. И. Мусину-Пушкину; полуистлевший отпуск ее был обнаружен в 1859 г. в бумагах старого архива рязанской консистории.[2]

В этом сообщении интересует прежде всего вопрос, о каком повелении идет речь и когда оно последовало. Распоряжение могло исходить от Екатерины II, после присоединения Крыма в 1783 г., под впечатлением путешествия в Новороссию и пребывания в Бахчисарае в мае 1787 г.[3]

Однако в „Полном собрании законов Российской империи[4] следов узаконений подобного содержания времени Екатерины II нет. Мало того, приходится по этому вопросу вернуться ко времени Петра I, к его известному указу: „В монастырях осмотреть и забрать древния жалованныя грамоты и другия курьезныя письма оригинальныя, также книги историческия, рукописныя и печатныя, потребные к известию",[5] и к двум аналогичным постановлениям его — об отобрании у частных лиц харатейных книг[6] и о присылке из всех епархий и монастырей в Синод древних исторических рукописей.[7]

Повеление, в силу которого действовал Симон Лагов, восходит к указу Петра I и было выполнено через 70 лет по распоряжению из Рязани. Поразительно, что отклик на указ имел место только однажды: никаких аналогий до сих пор неизвестно. Факт этот объясняется особым положением Рязанской епархии в петровское время. На несколько лет ранее указа об изъятии грамот, писем и рукописей был уничтожен Патриарший Разряд, и Патриарший духовный приказ был передан в ведение Рязанского митрополита.[8] За отсутствием иных данных приходится предположить, что только Симон Лагов по какой-то причине вспомнил давнее распоряжение, которое распространялось одинаково на все епархии.

Через год после того как Баклеев копировал надписи в Касимове, началось второе путешествие П. С. Палласа (1793—1794 гг.), который проехал от Астрахани через Северный Кавказ в Крым. На этом пути П. С. Паллас посетил развалины Маджар. В атласе гравюр работы лейпцигского художника Хр. Гейсслер, приложенном к появившемуся в 1799—1801 гг. на немецком языке изданию „Замечания в пути в южные

---

[1] См.: М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 206—207, с упоминанием письма Виганда от 5 мая 1805 г. к графу Яну Потоцкому. О последнем см. ниже.

[2] См. сообщение действ. члена РАО архимандрита Макария на заседании Отделения восточной археологии 14 сентября 1859 г. Известия РАО, т. II, стр. 255—257.

[3] Ср. В. Гернгросс. Ханский дворец в Бахчисарае. Отд. отт. из журнала „Старые годы", за апрель 1912 г., стр. 13, 15, 17—18, 20 и др.

[4] 1-е изд. 1830 г.

[5] Полное собрание законов Российской империи, т. VI, 1720—1722, стр. 3693.

[6] Там же, стр. 3784.

[7] Там же, стр. 3908.

[8] Там же, т. IV, 1706—1712.

наместничества русского государства в 1793 и 1794 гг." П. С. Палласа,[1] были помещены планы Маджар, вид и разрез одного из татарских мавзолеев.

Завершается XVIII век путешествием графа Яна Потоцкого (1798 г.); он посетил многие пункты Северного Кавказа и Закавказья, в которых побывали его предшественники. Культурный уровень Я. Потоцкого был выше, чем у некоторых из них; описание путешествия, уделяющее большое место археологии и истории, заслуживает полного внимания.[2]

Итак, за весь XVIII век несколько исследователей России и Кавказа производили попутно и несистематически регистрацию памятников арабоязычной письменности. Собирание текстов, без их графического воспроизведения, связанное с инициативой Петра I, продолжалось и при Екатерине II. По распоряжению Екатерины II в Бухаре было построено обширное медресе Ирьназар; в нем было около 60 комнат. Традиция преподавания арабского письма не прерывалась и в XIX в.; в бухарских медресе в качестве важных предметов изучали арабское правописание и каллиграфию „ʿильм-и хатти ʿараби".[3]

Графические воспроизведения в печатных изданиях арабских надписей в XVIII в. представляют большую редкость и исключение. Они принадлежат различным лицам: одно сделано в 1711 г. с надписи в развалинах Маджар Обри де-ля-Мотре; другие рисунки из Дербенда принадлежат Кантемиру. Что Дм. Кантемир был достаточно тонким знатоком арабской письменности и каллиграфии, видно из поручения подготовить литеры для манифеста Петра I от 15 июля 1722 г. и из самого оформления документа (рис. 1).[4] Научные исследования в области шрифта, принадлежащие Кантемиру, неизвестны.

В России находились дальновидные люди, далеко не безразличные к развитию русской науки. Так, например, М. И. Веревкин, первый директор Казанской гимназии, основанной в 1758 г., докладывал в 1759 г.: „...здешний город есть главный целого царства татарского национального диалекта. Не повелено ли будет завести в гимназиях класс татарского языка. Со временем на оном отыскиваемы быть могут многие манускрипты: правдоподобно, что оные подадут некоторый может быть не малый свет в русской истории".[5] Другой деятель конца XVIII в. А. Я. Италинский, посланник в Неаполе с 1795 г., разбирал надпись мальтийского надгробия Маймуны.[6] Но ни предложения М. И. Веревкина, ни эпизодический опыт в области эпиграфики А. Я. Италинского не привели к сколько-нибудь ощутимым результатам.

---

[1] Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Stathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, I—II. St.-Petersburg. 1799—1801. Подробнее библиографию см. Пол, 158.

[2] Voyages dans les steps d'Astrachan et du Caucase. Paris, 1829 (изд. Клапрот). Ср. Полиевктов, ук. соч., стр. 162—164, с оценкой этих сторон работы Я. Потоцкого: „Везде — упор на историю, археологию, этнографию, фольклор...."

[3] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 86, прим. 14, 219.

[4] О Дм. Кантемире см. выше, стр. 284. Рис. Дербенда см.: Operele principelui Demetriu Cantemiru, publicate da Academia Romana, т. VII, Bucuresci, 1883. Оригиналы рукописи находятся в Архиве ИВ АН СССР, в бумагах акад. Бейера.

[5] С. М. Шпилевский. Указатель исторических достопримечательностей Казани: ..., Казань, 1873, стр. 38—39 (разрядка моя — *В. К.*).

[6] См.: Fundgruben des Orients, I, стр. 393—397. — J. Fück. Die arabischen Studien in Europa, Beiträge..., Leipzig, 1944, стр. 246. — F. Fresnel. Lettre à M. le Dr. G. Vassalo, Journal Asiatique, IV série, t. X, стр. 437—438, с рисунком.

Глубоко аналитическая работа, которую вел Г. Кер, к сожалению, достойную оценку получила много времени спустя. Неудача Г. Кера в этом направлении понятна: в России не был еще подготовлен соответствующий круг читателей и совершенно отсутствовали востоковедные кадры.

Отличительной чертой научной деятельности в XVIII в. следует считать то, что не все труды быстро оформлялись в печатном виде. Положение стало заметно улучшаться в начале XIX в. В 1804 г. открылся университет в Казани. Со следующего 1805 г. в составе профессоров Казанского университета появилась замечательная личность — доктор медицины К. Фукс (1776—1846 гг.), прослуживший военным врачом в Петербурге с 1801 г. до назначения в Казань, по рекомендации Министра народного просвещения М. Н. Муравьева. За более чем тридцатилетнюю врачебную практику и исключительную гуманность он приобрел среди жителей огромную популярность и пользовался большим авторитетом в университете: был деканом врачебного отделения в 1820—1824 гг., затем ректором до 1827 г. Для нас важна не эта сторона кипучей деятельности, которую развивал в Казани Карл Федорович Фукс.[1] Богато одаренный, он интересовался стариной, историческими судьбами края. К. Ф. Фукс стал исследователем в области археологии, истории и этнографии Поволжья.[2] К. Ф. Фукс знал татарский и арабский языки и с большим вниманием составил первую и очень редкую коллекцию восточных монет. Для нумизматического круга интересов Фукса обстановка оказалась как нельзя более удачной. Материал давался легко, но самое главное — К. Ф. Фукс, обосновавшись в Казани, очень скоро, всего через два года, получил достойного ценителя и критика своих трудов.

С 1807 г. кафедру восточных языков в Казанском университете занял Христиан Данилович Френ. Первая нумизматическая работа Френа, появившаяся в Казани в 1808 г., была написана и напечатана на арабском языке.[3] Лучший ориенталист на Западе, Сильвестр де-Саси, основатель французской арабистической школы, признал эту работу выдающейся. Пребывание в Казани дало Френу возможность широко развернуть свои изыскания. С 1811 г. до 1821 г. в Казани выходили „Казанские известия“ с целью „принести пользу и занять любопытство разных классов граждан всего восточного края России...“.[4] В № 32 „Казанских известий“ за 1811 г. Х. Френ напечатал объявление, что он

---

[1] Биографию К. Ф. Фукса см.: Русск. биогр. слов., т. „Фабер—Цявловский“, СПб., 1901, стр. 243—249.

[2] К. Ф. Фукс. Краткая история города Казани. Казанские Известия, 1817, №№ 67, 68 и сл. (на стр. 42—43 упомянута арабская надпись на камне, найденном в Казанском гостином ряду).

[3] Заглавие ее: كتاب صفة بعض الدراهيم التى ضربوها بنو سامان وبنو بويه الديلمى ومعظمها غير معلوم لذى اهل العلم الى هذا اليوم

Биографию Х. Д. Френа см.: Русск. биогр. словарь, т. „Фабер — Цявловский“, 1901, стр. 226—229.— П. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, Приложения, 1, стр. 59, № 4.— И. Ю. Крачковский. Арабистика за 20 лет. Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г. Тр. Инст. вост., в. XXXVI, М.—Л., 1941, стр. 7—9, 24.— Он же. Очерки истории арабистики в России и СССР. Уч. Зап., в. 107.— Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. вторая, изд. МГУ, Москва, 1945, стр. 103, 104; ч. IV, стр. 106—108, 112, 118.

[4] См.: Изв. Общ. археол., истории и этногр., т. II, Казань, 1379, Приложение 1, 1880, стр. 5.

покупает „рукописи на арабском языке, особенно исторического содержания, и стихи, древние восточные монеты".[1] Чтение восточных рукописей на арабском, персидском и татарском языках и усиленные занятия нумизматикой превратили молодого профессора в прекрасного палеографа.[2] Среди частных собраний монет, которые прошли в Казани через руки Х. Д. Френа (коллекции Потó, Венга, Неелова и Фукса), собрание К. Фукса, несомненно, было самым важным. В 1815 г. был выпущен в свет „Атлас

Рис. 1. Манифест Петра I от 15 июля 1722 г. Заголовок.

восточных (преимущественно джучидских) монет из нумизматического собрания проф. Фукса";[3] собрание было приведено Х. Д. Френом в порядок и прямым откликом на эти труды можно считать две части трактата Френа „О древнейшей монете Волжских Булгар".[4]

---

[1] П. Пономарев. Полный систематический указатель статей местно-областного содержания... в „Казанских известиях" с 1811 по 1821 г. Казань, 1830.— Изв. Общ. археол., ист. и этногр., т. II, Казань, 1879. Приложение 1, 21.

[2] П. Савельев, ук. соч., стр. 16.

[3] Резал Л. Кальмон, Казань, 1815.

[4] Казань, 1816 и 1817 гг., на латинском языке: De numorum Bulgharicorum forte antiquissimo libri duo... Accedit hujus aliorumque aliquot musei Fuchsiani qui date occasione illustrantur numorum tabula aenea. I Paneg. memor. annivers. inaugur. Univ. litt. Casan, 1816; II. Ind. prael. in Univ. litt. Caesar., Casan, 1817.

Каков был масштаб работы в области нумизматики, проделанной Х. Д. Френом в течение десятилетнего пребывания в Казани, ясно говорят цифры: Х. Д. Френ открыл более четырехсот видов монет Золотой Орды, так называемых джучидских. Х. Д. Френ возвращался впоследствии к этой категории монет, но, по словам его биографа, П. Савельева, „с тех пор, в течение тридцати слишком лет, как ему самому, так и другим ориенталистам-нумизматам осталось на долю весьма мало открытий по этой части".[1]

Достижениями и новостями в области нумизматики Х. Д. Френ делился со своим учителем Тихсеном посредством переписки и обмена слепками из рыбьего клея с монет золотоордынских с Поволжья, из Крыма и других. Последняя посылка 40 слепков из коллекции К. Фукса датирована 20 сентября 1815 г.[2] Это был наилучший способ для широкого осведомления Запада о стремительном прогрессе восточной нумизматики в России.

Нумизматические труды выработали из Х. Д. Френа основательного историка Востока, знатока сложной титулатуры мусульманских правителей. Им установлено впервые самое существование некоторых династий, связанных в прошлом с историей России; этим одновременно облегчен был подход к эпиграфике на арабском языке, которой Х. Д. Френ начал заниматься еще в Казани, хотя на первых порах не на местном материале.[3]

Пребывание Френа в Казани подходило к концу, когда в 1816 г. ему пришлось посетить исторические развалины Булгара вместе с канцлером графом Румянцевым. В этом же году Х. Д. Френ издал работу „О судьбах города Биляра", но большие его труды, захватывающие интереснейшие страницы истории России, относятся уже ко второму периоду его деятельности.

Одновременно с появлением К. Фукса в Казани и за два года до прибытия туда Х. Д. Френа направлялся с посольством графа Головкина в Китай Генрих Юлий Клапрот. Может быть, путь через Казань дал случай Г. Ю. Клапроту, ориенталисту-лингвисту, ознакомиться с Булгаром, надписями из которого он занимался значительно позже.[4] В 1807 г., уже в звании адъюнкта Академии Наук, Г. Ю. Клапрот, по идее Потоцкого, был послан изучать языки народов Кавказа. Эта экспедиция 1807—1808 г. вызвала ряд работ Клапрота.[5] Одна работа представляет собой описание путешествия по Кавказу и Грузии, другая — описание восточного Кавказа; третья — переиздание первого описания путешествия; четвертая — русский перевод отрывка путешествия, помещенный в „Московском телеграфе" за 1825 г., под заглавием: „Исследование о развалинах маджарских на реке Куме".[6]

---

[1] П. Савельев, ук. соч., стр. 20.

[2] A. Hartmann. Ol. Gerh. Tychsen, B. II, Abt. 1, стр. 117—118.

[3] См. его сочинение о титулах и почетных прозвищах ханов Золотой Орды: Nonnulla de titulorum et cognominum honorificorum, quibus Chani Hordae Aurae uti sunt, origine, natura atque usu. Казань, 1814. (Catal. praelect. in Univers. litter. Casan 1815).— П. С. Савельев, ук. соч., стр. 19 и 60, № 9. Epitaphium cuficum Melitense, anni p. Ch. n. MCLXXIV. 1815. Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, 1818, т. VII; ср. П. Савельев, ук. соч., стр. 60, 16. Onyx cuficus Sorano-Neapolitanus, 1816, Mémoires..., 1819, т. VII.

[4] И. Березин, ук. соч., стр. 29.— W. Barthold. Bulghar, стр. 824.

[5] Библиография приведена в Русск. биогр. слов., т. „Ибак — Клюг". 1897, стр. 729.

[6] Библиографические указания собраны у В. Г. Тизенгаузена (ук. соч., отд. отт., стр. 0188).

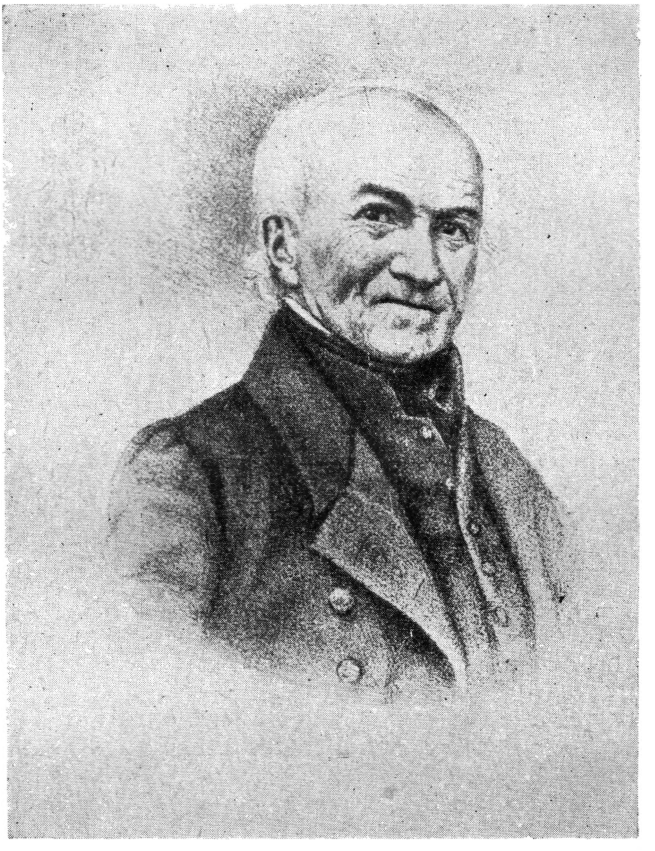

Рис. 2. Портрет академика Х. Д. Френа (1776—1851 г.).

В 1817 г. Х. Д. Френ покинул Казань и, будучи в С.-Петербурге, познакомился с совершенно неразобранным собранием восточных монет в Кунсткамере. Академия Наук предложила Х. Д. Френу заняться нумизматической коллекцией; 24 сентября 1817 г. Х. Д. Френ был утвержден ординарным академиком.

Классификация и описание монет шли очень успешно: 20 000 экземпляров были охвачены им в одно лето. После приобретения крупной коллекции восточных рукописей в 1818 г., по инициативе Френа и при поддержке графа С. С. Уварова, при Кунсткамере был образован „Восточный кабинет", с ноября 1818 г. переименованный в „Азиатский музей".[1] Директорство Х. Д. Френа, как известно, продолжалось до 1842 г. Личность и деятельность Х. Д. Френа, крупнейшего востоковеда в России в XIX в., освещалась многократно[2] и здесь следует подчеркнуть лишь отдельные штрихи (рис. 2).

В работе Х. Д. Френа в первые годы в С.-Петербурге количественный перевес был на стороне нумизматики. При исключительном трудолюбии он успевал также описывать рукописи и исследовать предметы с восточными надписями. Через два года после образования Азиатского музея в Записках Академии Наук[3] появились девять статей с исследованием редких памятников арабоязычной письменности, а среди них три посвящены предметам, возникшим или найденным в нашей стране. Ценность статей не исчерпывается всесторонним описанием, тонким анализом техники, шрифта и историческими выводами. Важно, что Х. Д. Френ поставил на очередь публикацию предметов редкого значения, причем некоторые из них почти сто лет оставались неведомыми в стенах Кунсткамеры. Наряду с двумя бронзовыми зеркалами из Билярска и Самары, была им издана только что приобретенная лампада с куфической надписью из Билярска[4] и серебряная шкатулка для Корана, находившаяся в Кунсткамере еще с 1736 г.; арабские надписи, покрывающие последнюю, благодаря имени и генеалогии владельца — Касимовского хана Ураз Мухаммада,[5] установленным Френом, сделали этот объект историческим источником[6] первостепенного значения.

Свои палеографические познания Х. Д. Френ всецело ставил в связь с нумизматикой. В зрелом возрасте он об этом высказался так: „Изучению арабской палеографии я посвятил лучшие годы своей жизни и не сожалею о том: потому что восточные монеты заслуживают, чтобы их

---

[1] См. Русск. биогр. слов., т. „Фабер — Цявловский", 1901, стр. 207.

[2] Деятельность Френа в качестве директора Азиатского музея обстоятельно освещена его преемником Б. Дорном в книге „Das Asiatische Museum der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg" (St.-Ptb., 1846).— И. Ю. Крачковский. Очерки истории арабистики в России и СССР, ч. IV. Уч. зап. Моск. ордена Ленина Гос. унив. им. Ломоносова, вып. 107, т. III, кн. 2, стр. 105—108.

[3] См.: B. Dorn, ук. соч., стр. 134, №№ 6 и 9; стр. 133, № 4.—П. Савельев, ук. соч., стр. 33—61.—В. В. Вельяминов-Зернов, ук. соч., ч. I (Труды ВОАО т. X, 1864, стр. 111—112; т. IX, табл. III).—В. Г. Тизенгаузен, ук. соч.

[4] B. Dorn, ук. соч., стр. 134, № 9.

[5] Uras Muhammedis Chani Kasimovensis quae in Academiae Imp. Scient. Museo Asiatico asservatur, theca koranica interpretatione illustrata. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersburg, т. VIII, 1822, стр. 497—522, табл. XIII.—De lampade cufica Bylarensi Musei Asiatici Acad. Imp. Scient., там же, стр. 523—530, табл. XIV.—De speculo aereo Bylarensi Samarovensi item de talismano Kasanensi, там же, стр. 557—568, табл. XV.—Ср.: W. Barthold. Kasimov. Enz. d. Isl., II, стр. 857.

[6] Ср. B. Dorn, ук. соч., стр. 28 и 6, 133, 169 (№ 51).

разыскивали, подобно тому, как в прошедшие столетия разыскивали и изучали монеты Греков и Римлян".[1]

Коллекции Азиатского Музея быстро обогащались, а директор Музея Х. Д. Френ также быстро оказался в фокусе всех востоковедных работ в России и Западной Европе. Взятые им линии научных изысканий стали ведущими для многих исследователей XIX в. в России. Так, например, к теме бронзовых зеркал с арабскими надписями обращались П. С. Савельев, А. Ф. Лихачев, Катанов и другие. В Азиатский музей, благодаря Х. Д. Френу, стекались подлинные экземпляры, слепки с оригиналов, найденных в наших пределах, например у Саратова,[2] и с образцов в музеях Запада, например из музея в Готе.[3]

В те же годы полезную услугу арабской эпиграфике оказал ученый энциклопедист, но не ориенталист, Петр Иванович Кеппен (1793—1864), впоследствии академик, родившийся в Харькове, умерший в Крыму. В его „Списке русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии"[4] (1822 г.) курильница с арабскими надписями из ризницы в Псково-Печорском монастыре напоминала ориенталистам петровский завет обследовать древние церковные хранилища Руси.

Изучение реликвий, в том числе и церковных, велось в Западной Европе еще в XVIII. Одной из благодарных тем для арабистов оказался сюжет, к которому после издания в 1743 г. работы Г. Я. Кера неоднократно в восьмидесятых и девяностых годах обращались Христиан де-Мурр, учитель Френа — Тихсен и многие другие западноевропейские ученые. Свою лепту в исследование надписи на мантии норманнского короля Сицилии Рожера II внес и Х. Д. Френ.

Расшифровка этой надписи составляет начальные шаги истории изучения арабского шрифта вообще, кӯфӣ — в частности. Относительно происхождения шрифта кӯфӣ на Западе и на Востоке еще в XVI в. царили легенды. Изображения арабских куфических надписей появились в печатных изданиях с середины XVI в., но обычно оставались непонятными. Первые слабые попытки чтения надгробных надписей почерком кӯфӣ восходят к началу XVII в. и принадлежат голландскому арабисту Адриану Реланд (Reland).[5]

Примерно со второй четверти XVII в. возникло предположение, что обрамление подола хранившейся в Нюрнберге роскошной мантии состоит не только из шитых золотом украшений, но может быть в нем имеются какие-то бӯквы. На образце отрывка надписи обрамления Г. Кер открыл ясно видимые арабские письмена; прочесть всю надпись он не мог по той простой причине, что полное воспроизведение ее, резанное на дереве в натуральную величину, было издано лишь в 1778 г. по рисунку

---

[1] Ch. M. Fraehn. Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Vorläufiger Bericht, St.-Ptbg., 1821, стр. 80.—П. С. Савельев, ук. соч., I, гл. XIV, стр. 10.

[2] B Dorn, ук. соч., стр. 134, № 7.

[3] Там же, № 8.

[4] Изд.: Москва, 1822, стр. 116—117, № 172. Изображение курильницы см.: Восточное Серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Составил Я. И. Смирнов. Изд. имп. археол. комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности. СПб., 2 февраля, 1909, табл. CXXIX, рис. 324. — Тиц. Библ., 0334. Биография Кеппена см.: Русск. биогр. словарь, т. „Ибак—Ключ", СПб., 1897, стр. 616—519.

[5] De numis Veterum Hebraeorum, Traj. ad Rhen. 1709; здесь включена „Dissertatio Marmoribus Arabicis Puteolanis" (о пяти надгробиях из Путеоли). Ср. A. Hartmann, ук. соч., стр. 123.

Х. де-Мурра.[1] Эта публикация позволила Тихсену отклонить бо́льшую часть ошибочных чтений и дать почти правильную арабскую транскрипцию. В 1808 г. во время войны с Наполеоном мантия была перевезена из Нюрнберга в Вену Две копии надписи на бумаге, изготовленные Х. де-Мурром лично и поднесенные 18 октября 1783 г. шведскому королю Густаву III, хранятся в Университетской библиотеке в Упсала. На первой копии имеется дата изготовления рисунка — 13 мая 1774 г. и имя нюрнбергского резчика по дереву Себастиана Роланда (1777 г.).[2] О работе Г. Кера, посвященной надписи на мантии, на Западе стало известно в 1731 г., но рукопись оставалась недоступной до опубликования ее в Халле в 1743 г.

Насколько трудна была задача Г. Кера и ближайших к нему поколений ученых, характеризует отрывок из письма наиболее выдающегося ориенталиста на Западе в XVIII в. — И. Я. Рейске (J. J. Reiske, род. 1716, ум. 1774 г.). В 1755 г. этот первый в Европе арабист, обративший внимание на арабскую нумизматику[3] и оценивший ее значение для истории,[4] писал: „Куфический шрифт.... в настоящее время совершенно вышел из употребления, так что сами арабы не могут его читать. Нужно передержать в руках много монет и старых письмен, если хочется их разобрать".[5] Так же показательно свидетельство датского арабиста Карстен Нибура (Carsten Niebuhr): „ни один ученый араб Йемена не мог в 1762—1763 г. прочесть куфические письмена на надгробиях, найденных им там".[6]

Многие европейские ориенталисты первой половины XVIII в. сами испытывали большие затруднения при дешифровке арабских письмен. Арабист и синолог Этьен Фурмон (Étienne Fourmont, 1688—1745 гг.), профессор в Париже между 1715 и 1745 гг., изложил своему коррес-

[1] Ol. Gerh. Tychsen. Erklärung der arabischen Schrift auf dem (in Nürnberg aufbewahrten) Römisch-kaiserlichen Krönungsmantel. Meklenburg-Schwerinsche Gelehrte Beiträge zu den Meklenburg-Schwerinschen Nachrichten, 1780, №№ 42—44. — Он же. Unparteysche Nachrichten und Urtheile, 1780, 1, 8 Stück, стр. 321—338. Ср. A. Hartmann, ук. соч., II, 2, стр. 123—137. — Kufische Saumschrift des kaiserl. Mantels zu Nürnberg. Murr's Beiträge, Erlangen, 1803, стр. 39—42. — C. Th. von Murr. Beschreibung der vornehmsten Merkwürdigkeiten in des H. R. freyen Stadt Nürnberg und auf der hohen Schule zu Altdorf. Nürnberg 1778, табл. 1—4; вторично издано в Nürnberg, 1801, без таблиц. — Inscriptio Arabica litteris Cuficis auro textili picta in infima fimbria palii imperialis, Panormi, a. C. 1133 confecti, inter S. K. Imp. Germ. Klinodia Norimbergae adservati. Delineata et explicata a Christophoro Theophilo de Murr. Norimbergae, 1790, табл. 1—3.

[2] Копии описаны у K. V. Zetterstéen. Die Arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala verzeichnet und beschrieben von..., II. Le Monde Oriental, Uppsala, 1935, vol. XXIX, VII, стр. 18—19; здесь поименованы еще: C. T. von Murr. Erläuterung der arabischen Umschrift, welche in goldenen karmatischen Schriftzügen auf dem unteren Saum des kaiserlichen Mantels gestickt ist, der in Nürnberg unter den Reichsinsignien aufbewahrt wird; nebst Herrn Hofrats Tychsen neuer Dechiffrirung derselben. Journal der Kunstgeschichte, т. X, стр. 318—374. — Das Pluviale, oder der kaiserliche Chormantel, там же, т. XV, стр. 236—238, с транскрипцией латинской и насхи, исполненной Казири (Casiri), с латинским и немецким переводом.

[3] Johann Jacob Reiske. Briefe. (G. Murr's Journal zur Kunstgeschichte u. Allgemein. Literatur, 1781, X, стр. 264—271. „Briefe über das arabische Münzwesen") в Repertorium für Biblische u. Morgenländische Literatur, 1731, т. IX, стр. 199—268; т. X., стр. 165—240; т. XI, стр. 1—44; ср. L. A. Mayer. Bibliography of moslem Numismatics India excepted (Oriental Translation Fund. Vol. XXXV). The Royal Asiatic Society. London, 1939, стр. 76—77. — Для биографии Рейске см.: Акад. И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. 2-е изд., М.—Л., 1945, VII, I: „Тени предков", стр, 140—144, с портретом.

[4] Ср. П. Савельев, ук. соч., XIII.

[5] Цитировано в переводе В. Крачковской.

[6] A. Hartmann, ук. соч., т. II, часть 2, стр. 123, 127, 148.

понденту взгляд на происхождение кӯфи и дал его ошибочную оценку. Рассматривая в Королевской библиотеке в Копенгагене фрагменты куфических Коранов, которые были приобретены Фредериди а Боквольдер (Frederici a Bockwolder) 18 марта 1626 г. в Каире, он определил их шрифт следующими словами: „...visiblement de l' Arabe, mais un Arabe Koufique ou de Coufa en Mésopotamie... en une certaine vogue pendant les 2 ou 3 premiers siècles du Musulmanisme, mais dans la suite cette écriture presqu'en tout Syriaque et en cela fort défectueuse parcequ'elle ne représente que fort imparfaitement les caractères arabes, et qu'il est comme impossible qu'elle les fasse distinguer, a été pour cela même abandonnée...[1] „... видимо арабский, но арабский куфический или из Куфы в Месопотамии..., в некоторой моде во время 2 или 3 первых веков мусульманства, но впоследствии этот почерк почти во всем сирийский и притом сильно испорченный, потому что он изображает весьма несовершенно арабские буквы, так что как будто невозможно, чтобы он давал возможность их [буквы] различить, и по этому самому [этот почерк] был оставлен...".

Выдержки из письма Фурмона старшего (Furmonti maioris) критически цитировал И. Гр. Хр. Адлер (J. Gr. Chr. Adler) при издании фрагментов куфических Коранов.[2] К статье Адлера приложена сравнительная таблица древне-сирийского и куфического шрифта и факсимиле листка куфического Корана в красках, с пунктуацией и огласовкой.

Необходимое условие для овладения почерком кӯфи, о котором говорил Рейске, было соблюдено в значительной мере ростокским профессором Тихсеном; благодаря усиленным занятиям нумизматикой его успех был обеспечен. Тихсену первому удалось установить историческое значение надписи и принадлежность мантии сицилийскому королю; однако в датировке надписи им была допущена неточность.

В связи с изданиями текста мантии в Западной Европе возникла обширная переписка и оживленный обмен мнений. Ученые Италии и Испании, двух государств Запада, наиболее тесно и непосредственно связанных с культурой арабского мира и насыщенных памятниками, не могли оставаться равнодушными к прогрессу в области арабской эпиграфики. Испанизированный сириец-маронит Мигуэль Казири (Casiri), в 1754 г. в зрелом возрасте переведший на латинский язык одну погребальную надпись в Севилье, восьмидесятилетним старцем предложил вариант чтения надписи мантии[3]. К середине XVIII в. в Италии образовались собрания арабских надписей. Известна коллекция музея в Вероне с надгробиями из Палермо и с острова Мальта, которые были изданы в 1749 г. и переизданы в 1788 г.[4] Выдающееся собрание в Риме принад-

[1] Descriptio Codicum Quorundum Cuficarum partes Corani exhibentium in Bibliotheca Regia Hafniensis et ex iisdem de Scriptum Cufica Arabum observationes novae. Altonae, 1780, стр. 22—23.

[2] О покупке Коранов в 1625 г. для датского короля упомянул J. J. Marcel, Paléographie Arabe. Paris, 1328, стр. 8 (об этой работе подробнее см. ниже). Описание копенгагенских фрагментов см: Codices Orientales Bibliothecae Regiae Hafniensis jussu et auspiciis regiis enumerati et descripti. Pars Altera. Codices Hebraicos et Arabicos continens. Hafniae, 1851, стр. 40—43, №№ XXXVI — XLI.

[3] A. Hartmann, ук. соч., стр. 125, 135—136. — K. A. Zetterstéen, ук. соч., стр. 18, прим. 4 (дата смерти Казири 1791).

[4] Scipion Maffei Museum Veronense. Veronae, 1749, три арабских погребальных надписи, стр. 187; объяснения к ним Joseph Simon Assemani, там же, стр. 488. — Переиздание: S. Assemani. Museo Cuffico Naniano, Parte II. Padova, 1788, стр. 187, с исправлениями. Ср. A. Hartmann, ук. соч., стр. 124—125.

лежало меценату и историку Стефану Борджиа; оно описано впервые Адлером.[1]

Контингент исследователей Испании и Италии вместе с островом Сицилией состоял в значительной мере из католического духовенства высшего ранга — ученых и профессоров. Изучение арабского языка принадлежало к кругу богословских дисциплин, а кроме того, по своему положению эти лица больше соприкасались с церковными ризницами, где хранилось немало восточных древностей. Таковы, например, Ангелини, хранитель библиотеки в Палермо, Марини, профессор Падуанского университета, Симеоне Ассемани (Simeone Assemani, 1752—1821). С именем последнего ученого итальянца связана нашумевшая среди западных ориенталистов полемика из-за куфической надписи на спинке мраморного кресла собора Петра в Венеции (рис. 3—4). Тихсен разоблачил совершенно явную недобросовестность перевода, посредством которой поддерживалась угодная католическому клиру легенда, и кресло выдавалось за реликвию. Среди ученых некоторые, несмотря на принадлежность к католическому вероисповеданию, как-то датчанин К. Нибур, испанец Артета, и многие другие поддержали Тихсена.[2] Особенно богатую жатву эпиграфистам романских стран по части лапидарных текстов, надписей на тканях и украшениях дали некрополи Палермо и погребения Генриха VI и Фридриха II; эти памятники освещены в работах Торремуцца,[3] Вассалли[4] и Грегорио[5] восьмидесятых и девяностых годов XVIII в.

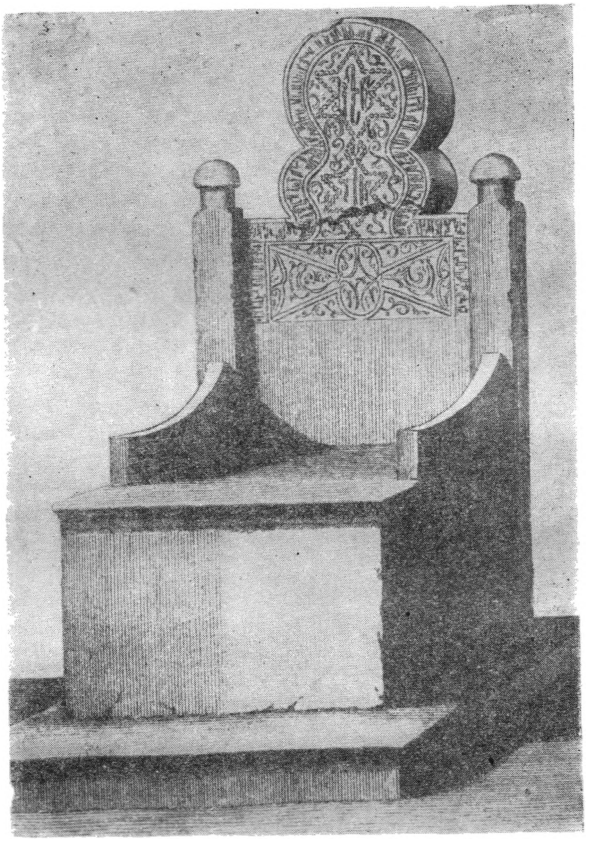

Рис. 3. Мраморное кресло собора Петра в Венеции.

[1] Jacob Georg Chr. Adler. Museum cuficum Borgianum Veletris. Pars prima. Romae, 1782; Pars secunda, Altonae, 1795, тт. I—II.

[2] A. Hartmann, ук. соч., стр. 155, прим, 63; 158; 166. — Изображение надписи было воспроизведено: Flaminii Cornelii Ecclesiae Venetae antique monumenta Decades XVI. Venetiis, 1749, 8 voll., vol. 2, стр. 194.

[3] Torremuzza. Siciliae et objacent insularum veterum inscriptionum nova collectio..., Panormi, 1784.

[4] M. A. Vassalli. Tria monumenta lapidea Sepulcralia Kufico-Arabico-Sicula. Romae, 1793,

[5] R. Gregorio. Rerum arabicarum quae ad historiam Spectant ampla collectio. Panormi, 1790, стр. 136—191: Monumenta Cufico — Sicula.

К надписям, извлеченным из местных памятников Западной Европы, в третьей и особенно последней четверти XVIII в. добавились зарубежные материалы от путешественников по Марокко, Египту, Южной Аравии и Индии, а параллельно росла специальная литература. Быть может наибольшую роль в развитии арабистики на Западе в этот период сыграла французская экспедиция в Египет. В числе сотрудников института, основанного Бонапартом в Каире в 1798 г., находился талантливый искусствовед и палеограф Жан Жозеф Марсель (Jean Joseph Marcel, Paris, 1776—1854 гг.). Интересны не только его исследования арабского шрифта,[1] но и подлинные образцы арабской каллиграфии, в том числе написанные почерком кӯфӣ, которые он вывез из Египта. Следует признать, что возможность черпать из нетронутого почти никем источника Ж. Ж. Марсель ценил правильно и постарался использовать.

Рис. 4. Спинка мраморного кресла собора Петра в Венеции.

Для своего времени „Арабская палеография" Марселя представляла огромный шаг вперед хотябы по масштабу работы, если сравнить составленные им многочисленные алфавитные таблицы с алфавитом Брейденбаха и с небольшой таблицей Адлера 1780 г. по копенгагенским фрагментам куфических Кораноа. Ж. Ж. Марсель, подобно Фурмону, Адлеру и некоторым другим, неправильно представлял себе историю семитических алфавитов и вел происхождение почерка кӯфӣ от сирийского алфавита. Марсель во многом ошибался, но уловил кое-что новое правильно. Так, например, он отметил в Египте особый арабский почерк, разновидность кӯфӣ, и описал ее, не устанавливая датировки и терминологии. Несомненно, что это описание и сопровождающая его

[1] J. J. Marcel. Paléographie Arabe ou Recueil des Mémoires sur différents monuments lapidaires, numismatiques, glyptiques et manuscrits, présentant des inscriptions kouliques et karmatiques. Paris, 1828. — Он же. Mémoires sur les inscriptions kouliques recueillies en Égypte et sur les autres caractères employés dans les monuments des Arabes. (Description de l'Égypte, t. XV, стр. 459 и сл., Atlas I, état moderne).

иллюстрация относятся к образцам шрифта, ныне именуемого „квадратный кӯфӣ.“.[1]

По теории, распространенной в XVIII в., арабский шрифт имел два асинхронных почерка: кӯфӣ, обычно представленный на памятниках четырех первых веков мусульманской эры, т. е. с VII по X в., и насхӣ на памятниках последующих веков и новейшего времени; между первым и вторым почерком, как предполагали некоторые, существовала особая разновидность — „карматский“ шрифт в качестве искусственной формы.[2] Многие западные ученые упорно держались этой классификации в начале XIX в. В „Арабской палеографии“ Ж. Ж. Марселя специальный параграф IV был посвящен определению „карматского“ шрифта как варианта или улучшенного образца синхронного с ним кӯфӣ, и происхождению самого термина. В последнем случае Ж. Ж. Марсель был в заблуждении, но зато весьма ценен намеченный им по подлинникам ареал распространения „карматского“ шрифта в Южной Европе с островами Средиземного моря.[3] Итальянский эпиграфист и палеограф Микеле Ланчи (Michele Angelo Lanci) предполагал, что шрифт арабов-мусульман, куфический, разделился с IV в. хиджры на две ветви: 1) „карматскую“ с подразделением на „украшенную“ и 2) шрифт известного арабского каллиграфа Ибн Мукла;[4] имя его: ал-вазир Абӯ ʿАлӣ Мухаммад ибн ʿАлӣ ибн ал-Ҳасан ибн Мукла, 272—328/886—939 гг.

Против этих теорий восстал Х. Д. Френ в специальной статье „О характере арабского почерка, называемого «карматским», напечатанной во французском востоковедном журнале в 1828 г. Он доказывал в ней всю несостоятельность термина „карматский“ шрифт, который он определял как „разновидность древнего арабского почерка или куфического, а именно того, который по своим украшениям и запутанным чертам противополагается сущности куфического шрифта, отличающегося своей вытянутостью и простотой“.[5] Термин возник в литературе в XVII в. вследствие неточного истолкования слов арабских лексикографов Джаухарӣ и Фӣрӯзабадӣ, допущенного Голиусом в его арабо-латинском словаре в 1653 г. После Голиуса д'Эрбело (d' Herbelot), Г. Кер и позднейшие авторы повторяли комментарий и объяснение к нему без проверки, усугубляли новыми ошибками. Было замечено противоречие между определением шрифта в первоисточнике (у Голиуса „тонкий, сжатый почерк“—по Джаухарӣ قرمطة, по Фӣрӯзабадӣ قرمطى) и теми сложными образцами, к которым оно прилагалось, но никто не усомнился в точности перевода. Поэтому Френ, подчеркивая всю неправильность положения об изобретении данной разновидности арабского шрифта

---

[1] См. J. J. Marcel. Paléographie Arabe, стр.—10. О н ж е. Notice sur quelques inscriptions koufiques, d'un genre singulier (carré). Journal Asiatique, 3 série, II, 1833, II, стр. 226—232 , avec 2 figs. Ср.: V. Kratchkovskaia. Notices sur les inscriptions de la mosquée Djoum'a à Véramine. Revue des Études Islamiques, 1931, Cahier I, стр. 41 и сл.; высказанное автором на стр. 42 предположение о наличии надписи квадратным кӯфӣ на башне Масʿӯда III в Газне теперь подтверждается: на левом панно второго яруса квадратных полей читается по диагонали: Масʿӯд = مسعود; ср. изображение: A Survey of Persian Art, v. IV, London — New York, 1938, табл. 356.

[2] См., например, A. Hartmann, ук. соч., стр. 120, 130, прим. 59; 158—159, 183.

[3] Hartmann, ук. соч., II.

[4] См. Lettera del' Abate Michele Angelo Lanci sul cufico sepolcrale monumento portato d' Egitto in Roma, 1819, особенно стр. 41 сл., 47—48, 51, 56: категории „Carmatiche“, „Tamureo“, „Moclesi“. Биографические данные см.: K. V. Zetterstéen. Ibn Mukla. Enz. d. Isl., II, 1927, стр. 430—431.

[5] Ук. соч., 379 (цитировано в переводе В. Крачковской).

сектой карматов, настаивал на необходимости исключить из работ европейских ученых само название „карматский шрифт", и все, что выдумано по этому поводу.[1]

Насколько актуальны были затронутые Х. Д. Френом вопросы терминологии и хронологической последовательности для разновидностей арабского шрифта, показывает безоговорочное пользование традиционной классификацией у Ж. Ж. Марселя в „Арабской палеографии" 1828 г.

Благодаря тесному контакту Франции с Египтом, открытые в 1824 г. около пирамид Саккара арабские папирусы были посланы в Париж для прочтения Сильвестру де-Саси, который положил начало арабской папирологии.[2]

Френу не пришлось приложить свои громадные знания к текстам папирусов за отсутствием в то время в России оригиналов или хороших копий с них. Но через руки Френа вскоре прошли два пергаментных листка куфического Корана VIII в. из Египта, подаренные Азиатскому музею в 1826 г.[3] итальянским ориенталистом и нумизматом Франческо ди Кастильоне (Castiglione, 1784—1849 г.).

Пополнения Азиатского музея состояли главным образом из монет и рукописей, но изредка встречались и копии надписей. В 1826 г. ученый естествовед, бывший профессор Казанского, а в ту пору профессор Виленского университета, д-р Эйхвальд (Eichwald) прислал в Академию Наук несколько изображений и собственноручных рисунков надписей, снятых во время путешествия по Кавказу и Закавказью. Конечно, Х. Д. Френ не преминул ими заняться, и в 1828 г. в номерах „Санкт-Петерсбургер Цейтунг" (№№ 20—23) появилась его статья под заглавием „Ди Иншрифтен фон Дербенд".[4] В статье имеется сводка всех упоминаний дербендских надписей, начиная с арабского автора X в. Мухаллаби, Контарини XV в. и Олеария, который был в Дербенде 7—13 апреля 1638 г.[5]

К счастью, современник Френа — Эйхвальд — зафиксировал некоторые надписи на эстампажах факсимиле типографской краской, но, к сожалению, на исходе первой четверти XIX в. обширный некрополь у Дербенда уже сильно пострадал. Олеарий насчитывал тут до 1000 надгробий с надписями; эпитафии, преимущественно рельефные, теперь почти стерлись и выветрились, многие плиты были использованы на постройки. Вполне справедливо Х. Д. Френ упрекнул всех предшественников Эйхвальда, не исключая Гмелина, за то, что ни один из них не подумал сделать копии и оттиски, когда надписи у Дербенда были читаемы.[6] Что касается рисунков Дм. Кантемира, то, проанализировав их, Френ легко установил ряд ошибок и промахов. За столетие со времени пребывания Петра I с Брюсом и Кантемиром в Дербенде произошло столько разрушений,

---

[1] C. Chr. Fraehn. Du caractère d'écriture arabe nommée carmatique; Dissertation où l'on prouve qu' il n'a jamais existé un caractère ainsi nommé. Journal Asiatique, 1828, t. I, стр. 379—391.

[2] Первая статья „Mémoires sur quelques papyrus écrits en arabe et récemment découverts en Égypte". Journal des Savants, août, 1825, стр. 462—473. Ср. A. Grohmann. Aperçus de Papyrologie Arabe. Études de Papyrologie, t. I, Le Caire, 1932, стр. 24.

[3] См. B. Dorn, ук. соч., Beil. 43, стр. 196—197.

[4] Перепечатку см.: B. Dorn, ук. соч., стр. 297—322. Русский перевод см.: Тр. и лет. Общ. ист. и древн. Российских, ч. VII, 1837, стр. 101—127. Ср. П. Савельев, ук. соч., стр. 33—65, № 60.

[5] М. А. Полиевктов, ук. соч., стр. 153. — B. Dorn, ук. соч., стр. 297—298.

[6] B. Dorn, ук. соч., стр. 301—302.

что все упущенное Френ считал погибшим безвозвратно. Поэтому особенно ценны общие выводы Френа, определение характера шрифта арабских надписей Дербенда и возможная для них датировка.

По всем палеографическим данным, Х. Д. Френ назвал шрифт дербендского некрополя „geschwungenes, geschnörkeltes Kufi", т. е. „размашистый кӯфӣ с завитушками", поднятыми вверх окончаниями и дополнительными украшениями, который появился с IV в. и резко отличается от простого, угловатого куфического почерка; лишь одно дербендское надгробие с врезанной надписью „чистым кӯфӣ, без украшений" Х. Д. Френ полагал возможным отнести к III—IV/IX—X вв. Попутно впервые в нашей отечественной печати повторяется разъяснение Х. Д. Френа относительно неправильности термина „карматский" шрифт.[1]

Взгляды Х. Д. Френа на эволюцию арабского шрифта отличались от представлений у его западных современников большей глубиной и ясностью. Он полагал, что „размашистый кӯфӣ", появившись однажды с IV в. хиджры, сохранялся позже, с более или менее различным оттенком, в течение столетий.[2]

Среди материалов, присланных Эйхвальдом, находился рисунок, скопированный им от руки по оборотной стороне „Железной двери" в Гелатском монастыре около Кутаиса. К статье о дербендских надписях Х. Д. Френ присоединил немецкий перевод с комментарием этого „древнейшего и замечательнейшего текста не орнаментированным кӯфӣ", так как по местной традиции считалось, что эта дверь была увезена Давидом Восстановителем из Дербенда. Несовершенство рисунка с поврежденного местами оригинала заставило Френа прибегнуть к поправкам и коньектурам, в надежде, что они подтвердятся в значительной мере, когда появятся точные оттиски с лицевой стороны надписи. В этой первичной обработке текста остались и пропуски. Автор призывал проезжающих через Дербенд просвещенных путешественников и представителей русского гарнизона снимать факсимиле надписей по способу французского художника Миллина.[3]

Через восемь лет Х. Д. Френ располагал двумя копиями лучшего качества. Одна была доставлена майором И. Д. Бартеневым[4] вместе с письменным изложением результатов осмотра двери в 1832 г. В особой статье[5] он дал новое пространное исследование и арабскую транскрипцию, более правильную, чем первая редакция: два слова не были им поняты, но зато он установил историческое значение текста и личность заказчика — амӣра из рода Шеддӑдӣ, правителей Арранӑ.[6]

Теперь на работу Френа откликнулась русская печать.[7] От клубка из рук Х. Д. Френа нить потянулась и на Запад: первым отозвался во

---

[1] Там же, стр. 309, 312—313.
[2] Там же, стр. 310.
[3] B. Dorn, ук. соч., стр. 320.
[4] Письмо И. Д. Бартенева от (26) 14 сентября 1833 г. Ср. M. Brosset, Bibliogr. Analyt., No No 51 и 118.
[5] „Erklärung der arabischen Inschrift des eisernen Thorflügels zu Gelati in Imereth". Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersburg, VI série, 1835, т. III.
[6] Ср. B. Dorn, ук. соч., стр. 318.
[7] См. Ж. М. Н. П., 1836, ч. XI, № 1, стр. 121—123. — Библиотека для Чтения, XV, 1836, март, „Смесь", стр. 1—5.

Франции,[1] еще до избрания в Академию Наук и прибытия в Россию,[2] грузиновед М. Броссе, который впоследствии неоднократно возвращался к этой теме.[3] Сомнения Френа относительно происхождения ворот из Дербенда оказались справедливыми, окутывавшая их легенда была развеяна; в свете арабских источников, армянских и грузинской надписи было окончательно установлено, что ворота были вывезены из Ганджи[4] грузинским царем Димитрием I после землетрясения 1139 г.

В тридцатых и сороковых годах XIX в. одним из деятелей, способствовавших развитию археологии, истории и эпиграфики в Крыму и на Кавказе, был князь Михаил Семенович Воронцов, командовавший оккупационным корпусом во Франции. С 1823 г. он был назначен генерал-губернатором Новороссии и зарекомендовал себя культурной работой в Одессе и Крыму.[5] В 1836 г. Н. Мурзакевич докладывал ему, что желательно дать точные переводы всех восточных надписей Бахчисарая. М. С. Воронцов поручил своему переводчику восточных языков А. А. Борзенко[6] составить списки и перевод надписей династии Гирай в Бахчисарае. А. А. Борзенко скопировал 29 надписей в Ханском дворце, во дворцовой мечети и на Ханском кладбище; 24 надписи перевел на русский язык и представил 4 октября 1839 г. свою работу в недавно основанное Одесское Общество истории и древностей.[7] В 1840 г. он доставил еще копии со 101 надписи.

Рукопись А. А. Борзенко в 1841 г. была отправлена на отзыв Х. Д. Френу. В ответном письме от 20 июня 1842 г. на французском языке, вместе с положительной оценкой работы, Х. Д. Френ выразил пожелание, чтобы А. А. Борзенко издал точные копии нескольких надписей, представляющих интерес со стороны палеографии. Гораздо строже отнесся к работе Борзенко тогдашний профессор Ришельевского лицея в Одессе (с 1838—1844 г.) Василий Васильевич Григорьев.[8] К рукописи А. А. Борзенко, который с 1843 г. служил уже на Кавказе, добавились в 1847 г. переводы 40 надписей из Бахчисарая и его окрестностей от Ф. М. Домбровского, переводчика восточных языков при Таврическом гражданском губернаторе. Небезупречная транскрипция и переводы потре-

---

[1] M. Brosset. Traduction de l'inscription qui se trouve sur un battant de porte. Journal Asiatique, 3 série, II, 1836, II, стр. 177—180. — Jahrb. f. wiss. Kritik, Berlin, 1838, December, стр. 841.

[2] Избран 14/2 декабря 1836 г., утвержден 7 апреля/26 мая 1837 г., прибыл в СПб. 8 апреля/27 мая 1837.

[3] См. Bibliographie Analyt., No No 51, 74, 118, 133, 148. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. VII, 1936, стр. 155, No 2649.

[4] W. Barthold. Gandja. Enz. d. Isl., II. 1927, стр. 136. — V. Minorsky. Tiflis. Enz. d. Isl., IV, 1934, Lief. M bis, стр. 817—818. — M. Brosset. Sur les portes de fer conservées au couvent de Gelath en Imérétie. Journal de St.-Pétersbourg, (28) 16 mars 1847, № 205. О повторениях и перепечатках этой статьи в русских изданиях см.: M. Brosset, Bibliogr. Analyt., стр. 199, № 118.

[5] См. биографию кн. М. С. Воронцова в Нов. Энц. слов., Брокгауз — Ефрон, т. II, стр. 666—667. — Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. Одесса, 1849, стр. 3. — M. Brosset, Bibliogr. Analyt., стр. XXVI—XXVII.

[6] Род. в Екатеринославе в 1806 г. Окончил Харьковск. унив. в 1828 г.; с 1823 г. продолжал специальное образование в Одесском Вост. инст., по окончании которого был командирован в Константинополь и Смирну. С 1850 г. переводчик вост. яз. при кн. М. С. Воронцове. Ум. в Одессе в 1867 г. См.: Г. Г. Гульбин, ук. соч., стр. 113—116.

[7] Основано 23 апреля 1839 г.

[8] Об отрицательном отзыве Григорьева у Н. И. Веселовского упоминает Г. Г. Гульбин, ук. соч., стр. 114.

бовали редакции, которую взял на себя ориенталист А. Ф. Негри,[1] избранный в вице-президенты Одесского Общества истории и древностей с 1844 г., а подготовку всего издания к печати вел профессор восточных языков Ришельевского лицея В. Н. Кузьмин. Несмотря на компетентность руководства изданием, пожелание Френа не было учтено, и ни одна надпись в нем не была воспроизведена. Заслуги Н. Мурзакевича не исчерпываются привлечением внимания кн. Воронцова и ориенталистов к надписям в Бахчисарае. За статьей 1849 г. последовала вторая в 1850 г.[2] и присоединилась к ней статья о надписи из Старого Крыма.[3]

Х. Д. Френ неустанно словом и делом пропагандировал эстампирование надписей, но прогресса очень заметного не было. Известен между прочим следующий случай. Ориенталист петербургской школы А. О. Мухлинский совершил путешествие на Ближний Восток с весны 1834 г. по декабрь 1835 г. В Египте он провел пол года (прибыл в Александрию в конце августа 1834 г., уехал из Египта в феврале 1835 г.)[4] и вывез арабское надгробие. Френ 23 февраля 1838 г. демонстрировал при докладе в Академии Наук точный оттиск с привезенной Мухлинским „очень старой" надгробной надписи 232 г. х., который он принес в дар Азиатскому музею.[5]

Отличительной чертой Х. Д. Френа была отзывчивость на все научные запросы, от кого бы они ни исходили. Едва ли можно найти ученого в 40-х годах, серьезно интересовавшегося восточной нумизматикой, археологией и арабской эпиграфикой, деятельность которого не соприкасалась бы с Френом. В середине тридцатых годов Х. Д. Френ уже не был так одинок в своей работе в С.-Петербурге. Один за другим в Академию Наук вступили крупные ориенталисты. Член-корреспондент с 1835 г. Б. А. Дорн (1805—1881), адъюнкт Академии Наук с 1839 г., после профессуры по кафедре восточных языков в Харьковском университете получил кафедру истории и географии Востока в Учебном отделении Министерства иностранных дел и в С.-Петербургском университете.[6] Он стал достойным продолжателем многих начинаний и традиций Френа, но в одной области оставил более значительный вклад.

---

[1] А. Ф. Негри род. в Константинополе в 1784 г., ум. в Одессе в 1854 г.; в 1818 г. ст. советник посольства в Персии; посол в Бухару в 1820—1821 г. С 1837 г. А. Ф. Негри принял участие в работах Одесск. общ. ист. и древн. „Все ценное, поступавшее туда на восточных языках, скоро переводилось при посредстве Негри на русский язык". (См. Русск. биогр. слов., т. „Наake", 1914, стр. 183—190. Бахчисарайские, арабские и турецкие надписи. Одесск. общ. ист. и древн. Одесса, 1849, стр. 3—4).

[2] Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., II, 2, Одесса, 1850, стр. 439—528.

[3] Н. Мурзакевич. Эски-Крымская арабская надпись. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., II, 2, Одесса. 1850, стр. 529—531.

[4] См. его биографию: Wł. Kotwicz i M. Kotwiczówna. Orientalista Anton Muchliński życie i dzieła. Wilno, 1935.

[5] Chr. M. Frachn. Sur une pierre tumulaire rapportée de l'Égypte par M. Moukhlinsky. Bulletin scientifique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, т. IV, 1838, № 2 (№ 74), стр. 31 и сл. Ср. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея Палеографии. Труды музея палеографии, III, Л., 1929, стр. 2, прим. 1, табл. V. Подлинная надгробная плита, вывезенная А. О. Мухлинским из Египта, после преобразования Азиатского музея в Институт востоковедения, обнаружена среди лапизарных материалов Отдела рукописей; в настоящее время она находится в Отделе востока Государственного Эрмитажа. — См. также Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. I, Le Caire, 1931, стр. 251, № 319.

[6] Биографию Б. А. Дорна до 1863 г., см.: Gustave Dugat. Histoire des orientalistes de l'Europe du XII-e au XIX-e siècle, T. I. Paris, 1868, гл. IX, стр. 72—99.

Описание арабской астролябии в конце XVI в. на Западе было единичным;[1] только в последней четверти XVIII в. проявилось серьезное внимание к арабским астрономическим инструментам в различных странах Запада. Одной из первых стала известна нюрнбергская астролябия, благодаря Тихсену,[2] затем небесная сфера из „Museum Borgianum", опубликованная Сим. Ассемани.[3] Конечно, Френ в свою очередь не замедлил высказаться по этому вопросу в 1820 г.[4] С той же тематикой связано несколько исследований Б. Дорна 1829—1844 гг. Первое из них — описание небесного глобуса, находящегося в Лондоне — издано до переезда Б. Дорна в Харьков, во время пребывания в Англии.[5] Описание астролябий, находившихся в России (астролябии Публичной библиотеки в С.-Петербурге и в частных собраниях) осуществлялось уже в С.-Петербурге. В дальнейшем Б. Дорн углубил свои изыскания в этой области.[6]

Б. Дорн задумывался над важной не только для эпиграфистов проблемой транскрипции восточных слов и имен. Он снисходительно относился к неустойчивой передаче их у Френа и объяснял встречающиеся у него маленькие колебания большим интервалом времени между ранними и поздними отчетами о состоянии Азиатского музея. Однако сам Б. Дорн не отличался ни строгой принципиальностью, ни последовательностью в этом отношении. Вот как он смотрел на этот вопрос: „...надо только соблюдать единообразие, которое, как я вижу не без огорчения, не везде существует; настоящее произношение никогда не сможет быть воспроизведено".[7]

М. Броссе, грузиновед по основной специальности, вполне естественно связал свою деятельность с Кавказом и кавказоведением, но способствовал также росту арабистики.[8] Через месяц по прибытии в Россию в 1837 г. он писал редактору „Журналь Азиатик" по поводу раннего применения арабских цифр на памятниках; он установил этот факт, изучая копию Дюбуа де Монпере в грузинской надписи XI в. на соборе в Кутаиси.[9] Дальнейшие публикации М. Броссе, имеющие прямое отношение к арабской эпиграфике, падают на сороковые и пятидесятые годы XIX в.

---

[1] Joh. Stoeffler. Elucidatio fabricae ususque Astrolabii. Colon. Agripp. 1594, cum tab.

[2] Ol. G. Tychsen. Erklärung eines kufischen Astrolabiums. Memorabilia bibliothecarum Norimbergensium..., t. I, Norimb., 1785, табл. VII; t. II, 1788, стр. 318—321; Murr's Journal, t. XV, стр. 333—335, 338.

[3] Globus caelestis Cufico-Arabicus Veliterni Mus. Borgiani, a Sim. Assemano illustratus. Patav., 1790.

[4] Chr. M. Fraehn. Astrolabii Norimbergensis saeculi XIII post Chr. Natum inscriptio cufica, novis post Tychsenium curis tractata. Mémoires de l'Académie imp. de St.-Pétersbourg, VIII, 1820= Antiquitatis Muhammedanae Monumenta Varia. Part. II, 1822, стр. 73—75.

[5] B. Dorn. Description of an Arabic Celectial Globe. Transactions of the royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, vol. II, London, 1830.

[6] Он же. Kurze Nachricht von zwei Astrolabien mit morgenländischen Inschriften. Bullet. scientif. de l'Académie imp. de St.-Pétersbourg, t. V, No 6, 1839, стр. 81—96, табл. A, B. — Он же. Ueber ein drittes, in Russland befindliches Astrolabium mit morgenländischen Inschriften, ib., t. IX, No 5, 1842, стр. 61—53, табл. A, B. — Он же. Ueber ein viertes in Russland befindliches Astrolabium mit morgenländischen Inschriften. Bull. de la Classe hist.-phil. de l'Académie imp. de St. Pétersbourg, I, 1344, t. I, стр. 353—366. Свои работы и все западно-европейские исследования ближневосточных астрономических инструментов, в том числе включенные в математические и астрономические трактаты, Б. Дорн пересмотрел подробно в монографии „Drei in der kaiserlichen Bibliothek zu St.-Petersburg befindliche astronomische Instrumente mit arabischen Inschriften von B. Dorn" (Mémoires de l'Académie imp. de St.-Pétersbourg, VII Série, t. IX, No 1. St.-Pétersbourg, 1865).

[7] См. B. Dorn, ук. соч., стр. XI.

[8] Ср. выше, стр. 300—301 по поводу „Железных ворот" в Гелатах.

[9] См. Journal Asiatique, 3 série, t. III, mai 1837, 465—472. Ср. Bibliographie Analytique, стр. 106, No 57. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. VI. Le Caire, 1935, стр. 48—49, No 2096.

Кроме коллег близких специальностей, Х. Д. Френа окружали в Академии Наук представители младшего поколения. Стареющему основателю русского востоковедения выросла в стенах С.-Петербургского университета в середине 30-х годов достойная смена и вскоре выделились два ученика профессора Сенковского — Павел Степанович Савельев[1] и Василий Васильевич Григорьев.[2] Оба они с университетской скамьи поступили в Институт восточных языков при Министерстве иностранных дел, с октября 1834 г., в так называемое Учебное отделение Азиатского департамента. П. С. Савельев, не особенно усердно занимавшийся у Сенковского, пробыл в Учебном отделении год с небольшим. За это время П. С. Савельев и В. В. Григорьев сблизились. Свою востоковедческую линию оба нашли не сразу, но В. В. Григорьев еще в Одессе попал в атмосферу востоковедных интересов, занялся восточными монетами из кладов в России и Прибалтике и дал за 1841—1842 гг. две работы.[3] П. С. Савельев скоро погрузился в литературную работу, следил со стороны за успехами востоковедения и примкнул к его движению сперва пассивно. Когда Френ пожелал сделать доступным для русских читателей напечатанный им „Топографический обзор раскопок старых русских денег в России..."[4] и старался усилить приток в Академию монетных находок, то по его просьбе П. С. Савельев перевел и опубликовал это сочинение и извлечения из него в 1842 г.[5] В процессе работы Савельев увлекся перспективами, которые восточная нумизматика сулила для истории Руси и Востока и стал серьезно ею заниматься. По словам биографа, В. В. Григорьева, П. С. Савельев „быстро подвинулся в куфической палеографии".[6] Это замечание поучительно: видимо и сам Григорьев смотрел на занятия восточной нумизматикой как на школу в арабской палеографии. Доказательством успеха Савельева на новом для него научном поприще служит заметка под заглавием: „Какая польза от восточных монет, находимых в России", в которой он был уже в состоянии дать дополнение к работе Х. Д. Френа.[7]

В дальнейших работах В. В. Григорьева и еще в большей мере у П. С. Савельева, подобно Керу и Френу, преобладает нумизматика.

---

[1] Род. в 1814 г. в С.-Петербурге, ум. в 1859 г; в С.-Петербургском университете 1830—1834 гг.; член-учредитель Археол.-нумизматического общества в 1846 г.; секретарь того же общ. с 10 января 1849 по 16 декабря 1851 г.; секретарь Восточного отделения общ. с 22 декабря 1851 по 1858 г.

[2] Род. в 1816 г. в С.-Петербурге, ум. в 1881 г. там же. Окончил С.-Петербургский университет в 1834 г. со званием кандидата. Преподавал в Ришельевском лицее в Одессе в 1836—1844 гг. Профессор С.-Петербургского университета 1863—1881 гг. См. Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887. — Г. Г. Гульбин, ук. соч., стр. 199—201.

[3] Описание куфических монет X в., найденных в Рязанской губ. в 1839 г. Изд. Одесского общества истории и древностей. СПб., 1841. — О куфических монетах, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории. Одесса, 1842 (Записки Одесского общества истории и древностей).

[4] Topographische Uebersicht der Ausgrabungen vom alten arabischen Gelde in Russland nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Bulletin scientifique de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg, t. X, 1841, №№ 20—21.

[5] П. С. Савельев. О восточных монетах, находимых в России. Исследования ак. Френа. Сын отечества на 1842 год, месяц июль, отд. 51—100. — Он же. Клады с восточными монетами, находимые в России. С.-Петербургские ведомости на 1842 г., №№ 235—238; Московские ведомости, 1842, №№ 95—97.

[6] В. В. Григорьев. Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб, 1861, стр. 31; 67—68.

[7] См. заметку: Сын отечества, 1842, № 10, окт., Отд. 7, „Смесь", стр. 30—31.

Дело не в слепом подражании авторитетнейшему предшественнику, а в наплыве из пределов отечества свежего материала, перворазрядное значение которого так ясно обрисовалось в работах Френа. Занявшись нумизматикой, исследователь неизбежно становился палеографом-практиком, хотя и сравнительно узким, в рамках, которые диктовала специфика нумизматики. Расширение палеографических знаний было возможно с привлечением объектов другого рода, de visu или в точных воспроизведениях. Но в начале XIX в. их было известно очень мало и потому каждая новинка долго обсуждалась чуть ли не всеми существующими ориенталистами.

Любопытно, что к надписи на мантии Рожера II, ставшей уже достоянием историков, вернулся в 1846 г. французский ориенталист Ж. Т. Рейно (Joseph-Toussaint Reinaud, 1795—1867). Здесь арабский текст с французским переводом установлен был по кальке 1818 г., находившейся в библиотеке Барберини (Barberini) в Риме. Публикуя арабскую транскрипцию надписи, Рейно предполагал, что до него ни один ориенталист не издавал текст полностью,[1] хотя его редакция только в двух словах отличается от чтения, принятого Х. Д. Френом в 1818 г. Расхождение в определении спорных знаков „дāль“ и „рā“, в одном случае в лигатуре „лām-джӣм“ или „лām-мӣм-джӣм“ — в другом случае, иллюстрирует те трудности, которые ставил перед каждым палеографом арабский шрифт из-за тождества в начертании нескольких знаков. С 1846 г. редакция текста, вышитого на мантии, не подвергалась изменениям и опубликована шведским ориенталистом К. Цеттерстéеном (Karl Zetterstéen) в 1935 г. по упсальской копии в том же контексте, но с добавкой точного определения характера шрифта: „цветущий кӯфӣ“.[2] Два года спустя в очередном, VIII т. сводного издания „Хронологический список арабских надписей“, 1937 г. (стр. 184, № 3058), к сожалению, публикация К. Цеттерстéен прошла незамеченной. Приходится также пожалеть, что два места текста не были пересмотрены вновь.

Сопоставленные в статье Х. Д. Френа на латинском языке[3] в § 3, под заглавием „Критические и филологические замечания“, на стр. 543 слова из текста мантии, где встречается буква „дāль“, склоняют на его сторону; приходится предпочесть прежде всего по палеографическим данным чтение *„би-л ʿиззи ва-р-риʿāйати* вм. *ва-д-диʿāйати ...“* (рис. 5). Этот вариант подсказывает также следующее рифмующее словосочетание: *„ва-л-хифзи ва-л-химайати“* т. е. (пожелание) „славы и управления, и сохранения, и защиты“. Х. Д. Френ, по обычаю, тщательно проштудировал статью Де-Мурра и на таблицах к ней перенумеровал слова; данная группа обозначена № 23—31 на экземпляре Френа в ИВ АН СССР. Транскрипция второго слова (№ 8) у Х. Д. Френа *ал-джадд*, вм. *ал-маджд* (рис. 6) также вполне приемлема, так как в графике его коленчатые изгибы между буквами „лām“ и „джӣм“ не обязательно понимать как незамкнутый „мӣм“: такие изгибы свойственны „кӯфӣ“ данного типа. Этот пример показывает всю тонкость подхода Х. Д. Френа к памятнику и напоминает о необходимости не забывать его труды.

На базе френовских работ выросла и была опубликована в 1844—1846 гг. „Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории“ Савельева, с топографией кладов VIII—XI вв. в России и Прибалтике

[1] См. Journal Asiatique, 4-me série, T. VII, стр. 383: „...aucun, je crois, ne l'a rétablie en entier“.

[2] Zetterstéen, ук. соч., стр. 19.

[3] Inscriptionis cuficae palii imperatorum germanicorum inauguralis interpretandae spicilegium.

и картой.[1] Она важна и помимо поставленных в ней задач. Работа получила прекрасные отзывы от двух строгих критиков — Френа и Дорна — и была премирована. Торговые пути Руси, намечаемые по монетным наход-

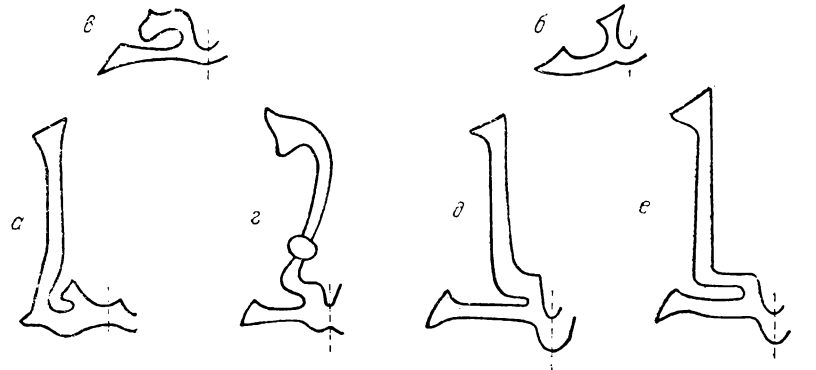
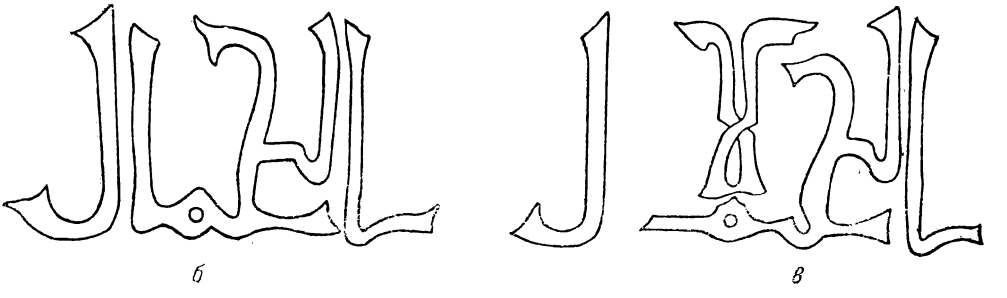

Рис 5. Буквы из шигэй надписи на мантии Рожера II: *а* — *б* — *ра*; *в* — *е* — *даль*.

кам, были проводниками вещевых материалов с Востока, а последние во многих случаях полезны для палеографа. П. С. Савельев (рис. 7) указывал,

а

б *в*

Рис. 6. Детали шигэй надписи на мантии Рокера II: *а* — الجد или المجد; *б* — الجمال; *в* — الجلال.

что надписи на арабских монетах содержат данные для географии, исторических дисциплин и письменности и что год и место чеканки всегда изо-

[1] В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 96—70; анализ монографии там же, приложение V, стр. 202 сл. — И. Н. Березин. Ж. М. Н. П., 1917, ч. 55, авг. отд. 4, стр. 128—136 (рецензия).

бражены на них буквами.[1] Само название „куфических" монет он производил „от города Куфы, где установлено старинное арабское письмо, употребленное для их надписей" и ссылался при том на работы Адлера, Тихсена и Сильвестра де-Саси.[2] О взглядах на этот вопрос Ж. Марселя он умалчивает, между тем здесь Марсель стоял на правильной точке зрения. В дальнейшем П. С. Савельев и его друг В. В. Григорьев не отрывались от нумизматических тем. Благодаря В. В. Григорьеву, заинтересованные лица могли познакомиться еще с характером оформления ярлыков, т. е. указов Золотоордынских ханов.[3]

Немного моложе П. С. Савельева и В. В. Григорьева был Илья Николаевич Березин. Девятнадцатилетним юношей, в 1837 г., он вышел со степенью кандидата исторического факультета из Казанского университета (род. 1818, ум. 1896 г.). В 1841 г. он сдал магистерские экзамены и отправился в путешествие на Восток, продолжавшееся три года (1842—1845). Главные линии исследований И. Н. Березина составляли история Востока и лингвистика, но он не уклонился от нумизматики и палеографии, хотя и обратился к ним несколько позднее. С лапидарными памятниками и арабской эпиграфикой он столкнулся непосредственно еще в Дагестане и Закавказье в начале путешествия, отчеты о котором он направлял в Казань.[4] Отклик на работы И. Н. Березина со стороны П. С. Савельева, который неустанно пропагандировал словом и делом изучение восточной нумизматики и археологии в России,[5] последовал в 1847 г.[6]

В 1849 г. И. Н. Березин опубликовал первый том „Путешествия по Востоку", охватывающий Дагестан и Закавказье, который на следующий год вышел вторым изданием;[7] рецензия П. С. Савельева появилась немедленно,[8] а когда Березин посвятил специально небольшую статью арабским надписям в Дербенде,[9] Савельев сопроводил ее примечаниями.[10]

Следующий по возрасту, будущий востоковед, Николай Владимирович Ханыков (1822—1878 г.) окончил Царскосельский лицей в 1837 г. и только два года слушал лекции в С.-Петербургском университете. Служебное положение с самого начала заставило его соприкоснуться с Востоком в должности чиновника особых поручений Оренбургского губернатора (1839 г.) и переводчика Азиатского департамента (с 1840 г.). В короткий срок Н. В. Ханыков совершил два путешествия по Средней Азии: при экспедиции в Хиву (с сентября 1839 по апрель 1840 г.) и с посольством

---

[1] П. С. Савельев, ук. соч., ч. 1. гл. XV.

[2] П. С. Савельев, ук. соч., гл. XI, XV.

[3] В. В. Григорьев. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея в литографированных снимках работы К. Я. Трамонина. Археологический вестник, 1844, I, стр. 337—347.

[4] См. Ученые записки Казанского университета, Казань, 1845, т. I, III.

[5] См. речь П. С. Савельева „О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России", произнесенную 13 января 1847 г. на заседании Археологическо-нумизматического общества; (Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St.-Pétersbourg, т. I, 1847, стр. 191—200). Русский перевод речи см.: Ж. М. Н. П. на 1847 г., ч. III, отд. II, стр. 262—272. Ср. Изв. РАО, II, вып. 2, 1861, стр. 66.

[6] См. заметку: Трехлетнее путешествие по Востоку профессора Березина. Финский Вестник на 1847 год, № VIII, Смесь, стр. 20—22; ср. В. В. Григорьев, ук. соч., Прилож. I, стр. 195, № 55.

[7] Казань, 1850.

[8] В Ж. М. Н. П., на 1850 год, ч. I, XV, отд. VI, стр. 103—119.

[9] Записки СПб. Нумизматического общества, II, 1850, стр. 64—68, рис. V—VI — Mém. de la Soc. Archéol. et Numism., т. V, 1851, стр. 67—70, табл. III—IV.

[10] Там же, стр. 68—71. — В. В. Григорьев, ук. соч., Прилож. II, стр. 180, № 15.

Рис. 7. Портрет П. С. Савельева.

в Бухару (в мае 1841 г., закончившемся летом 1842 г.). Немедленно монетное собрание Азиатского музея пополнилось средне-азиатскими монетами.[1] Монография Н. В. Ханыкова „Описание Бухарского ханства" (СПб., 1843) представляет до настоящего времени один из классических трудов в области изучения истории и культуры Средней Азии. В этой ранней работе автор упоминает цитаты из Корана в Гур-и Эмире в Самарканде, на стенах первой комнаты, а во второй комнате — гробницы Тимура и его потомков, наконец — плиты с надписями в склепе.

Любопытны сообщаемые Н. В. Ханыковым сведения о переплаве на медную монету при амире Хайдаре бронзовых створ с восточного входа в мечеть Бибй Ханым, и предание о грандиозном Коране с огромными буквами; эту рукопись видел в семидесятых годах XVIII в. Филипп Ефремов.[2] Никаких надписей Н. В. Ханыков не скопировал, возможно, из-за неблагоприятной обстановки. Тем не менее, беглый просмотр содержания текстов и все разнообразие шрифтов дали превосходную практику в чтении восточных монументальных надписей на арабском и персидском языках, которой в С.-Петербурге он не имел. С января 1845 г. Ханыков переводится на Кавказ.[3]

В начале сороковых годов развернулась деятельность Гордия Семеновича Саблукова (1804—1880 г.). Около 1841 г. он разбирал по поручению Саратовского архиерея восточные древности нижнего Поволожья из Укека (Увека) и Царева и описывал монеты. Благодаря знанию татарского и арабского языков, занятиям историей Кипчакской орды, в частности исследованию о месте кипчакской столицы[4] и восточной нумизматикой,[5] он стал полезным консультантом А. В. Терещенко при раскопках Сарая в 1843—1844 гг. В качестве рецензента очерка Г. С. Саблукова о „Внутреннем устройстве Кипчакского царства" выступил В. В. Григорьев.[6] Вслед затем Г. С. Саблуков начал переписку с Х. Д. Френом по вопросам описания джучидских монет, благодаря последнему получал необходимые академические издания и книги из личной библиотеки Френа.

Когда в 1849 г. Г. С. Саблуков покидал Саратов, так как был переведен в Казань, сослуживцы по Саратовской духовной семинарии поднесли ему серебряный, вызолоченный кубок, украшенный изречениями, как нельзя лучше подходящими для скромного востоковеда: на татарском, арабском, еврейском и персидском языках повторялись слова, характеризовавшие в высшей степени достойную личность Г. С. Саблукова;[7] построение надписи не случайное: она остроумно была составлена в духе типичных арабских пожеланий „славы, успеха, процветания, долгоденствия..." и тому подобных часто встречающихся выражений.

---

[1] B. Dorn, ук. соч., стр. 103, 683, 691.

[2] Н. В. Ханыков. Описание Бухарского Ханства, стр. 102—104. — Странствование Филиппа Ефремова. Казань, 1811, стр. 17, 94 и др. Ср. V. V. Véliaminof-Zernof, Mél. Asiat., III, стр. 578, прим. 7; 580, прим. 12.

[3] См. Quelques inscriptions mus. d'Ani... (Письмо 28 января 1849 г. к М. Броссе). Bull. hist.-philol. de l'Académie de St.-Pétersbourg, VI, № 13=Mél. Asiat., I 1852, 70—73.

[4] Г. С. Саблуков. Исследование о месте Сарая — столицы Кипчакской Орды. Уч. зап. Каз. унив., 1842, II, стр. 55—75. — Он же. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Саратовские губ. ведомости, 1844, №№ 26—36.

[5] Он же. Монеты Золотой Орды. Саратовские губ. ведомости, 1844, №№ 2—4.

[6] Отзыв о первом издании напечатан в 1845 г. под заглавием: „О местоположении столицы Золотой Орды — Сарая", стр. 40, 86, 87.

[7] Биографию Г. С. Саблукова см. Русск. биогр. словарь, т. „Саб — Смы", 1900, стр. 11 и сл. — И. Ю. Крачковский. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков. Сб. „Н. Г. Чернышевский". Труды Научной сессии к пятидесятилетию со дня смерти. Изд. Ленингр. Гос. унив., Л., 1941, стр. 34—45. — Г. Г. Гульбин, ук. соч.

За двадцать пять лет директорства в Азиатском музее к шестидесяти годам Х. Д. Френ утомил зрение напряженной работой над рукописями и монетами, и потому оставил музейную деятельность в 1842 г. Своему преемнику Б. Дорну он передал музейные фонды в образцовом порядке, распределенными на пять отделов. В третий отдел вошли, кроме рукописей на еврейском языке, рисунки и оттиски с монументальных надписей арабским шрифтом, частью с переводами Х. Д. Френа,[1] гравированные на меди изображения восточных монет из статей Френа,[2] изображения предметов из коллекций Азиатского музея и иных хранилищ.[3] Четвертый отдел, называвшийся „Минцкабинет", представлял редчайшее собрание монет, по преимуществу из восточных стран и чеканенных мусульманскими правителями.[4] Наконец, пятый отдел содержал древне-восточные подлинные памятники, мусульманские и всякие азиатские редкости. При передаче музейного имущества Х. Д. Френ вручил Б. Дорну собственноручную опись всех предметов V отдела в количестве 65 номеров, принесенных в дар, приобретенных на скромные отпускаемые суммы или найденных на городищах и в руинах.[5]

Покинув пост директора Азиатского Музея, Х. Д. Френ не порывал связи с ориенталистами и деятелями столицы и окраин. В сороковых годах переписка и научный обмен с Кавказом заметно оживились. Одно за другим входили в Азиатский музей интересные поступления от представителей администрации и военных чинов. В 1837 г. на Кавказе выполнял административные поручения член Государственного совета барон фон-Хан (von Hahn). В 1840 г. он подарил Минцкабинету изображение резаной на камне надписи из селения Кубачи, копии с одиннадцати надписей из Дербенда и листок куфического Корана из Баку,[6] а в 1841 г. доставил копии нескольких надписей из Бакинской провинции в арабской транскрипции, с русским переводом.[7] Аналогичные поступления связаны с именем генерала Феси (Fähsi).[8] К сожалению, все копии изобилуют ошибками.[9]

В 1844 г., 24 февраля прибыл впервые на Кавказ геолог Герман Вильгельмович Абих (1806—1886 гг.). Сорок два года жизни он посвятил исследованию кавказских гор. Его путевые письма за десять лет насыщены интереснейшими наблюдениями природы и описаниями древностей в прекрасном эпистолярном стиле.[10] Одним из иностранных предшественников Абиха на Кавказе в ближайшие годы был доктор медицины и философии профессор есествознания в Иене К. фон Кох (von Koch), посетивший Грузию в 1836—1838 гг. и собравший ряд грузинских надписей.[11] Впослед-

---

[1] B. Dorn, ук. соч., стр. 125 и сл.: Zeichnungen und Abdrücke, №№ 105—112, 115—117; с переводами — № 107, A и T.

[2] Там же, № 120.

[3] Там же, № 131.

[4] Там же, №№ 128—131.

[5] Там же, №№ 131—141.

[6] Там же, стр. 91—92; 125; III Abt., № 107.

[7] Там же, стр. 125, № 108.

[8] Там же, стр. 91, под 1840 годом.

[9] Ср. там же отзыв Броссе, стр. 691—692, Beil., № 146.

[10] Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe von Hermann Abich. Herausgegeben von dessen Witwe, B. I., Wien, 1896, Vorwort, VII; в дальнейшем цитируется сокращенно: Abich, Reisebr.

[11] M. Brosset. Quelques remarques sur un livre intitulé: „Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus, in den Jahren 1836, 1837, 1838, von K. Koch... Stuttgart u. Tübingen, 1843, vv. I—II, 8". Bull. hist.-phil., t. IV, 1848, Col. 49—80 = № 4, 5, émis le 23/11 mars 1847. — M. Brosset, Bibliogr. Analyt., стр. 198, № 117.

ствии в специальной статье о Гелатском монастыре он коснулся знаменитой „Железной двери".[1]

Путешествие на Кавказ Абих задумал в 1842 г. и еще до выезда из С.-Петербурга собирался побывать в Ани. Одиннадцатого января 1844 г. он писал родным и предвкушал удовольствие от экскурсии к руинам знаменитого города, который бегло повидали Кер Портер, Хамильтон, Кох:[2] „Я буду так счастлив с должным досугом посетить удивительное городище Ани...".

Параллельно с откомандированием Абиха началось в мае 1844 г. второе путешествие по Кавказу М. Броссе; продолжалось оно до 15 сентября 1844 г. Поездку в Ани Абих совершил после отъезда Броссе, 24 октября 1844 г., и описал подробно результат осмотра городища в письме к своей матери от 15 февраля/30 января 1845 г. Абих в полной мере понял значение анийских руин и надписей для истории Армении.[3] По возвращении в Тифлис он отложил все прочие занятия и тщательнейшим образом обрабатывал все собранные снимки надписей, планы городища, чертежи и рисунки памятников, чтобы послать их вместе с официальным письмом министру народного просвещения, и успокоился только тогда, когда все намеченное закончил. Представленным отчетом о древностях Ани Абих рассчитывал заинтересовать министра. В письме от 28 января 1845 г. он писал:[4] „У меня трудная задача обработать все мои съемки в Ани; это завершилось, я закончил начисто три больших листа и я знаю, что по ним можно сразу гравировать на меди... Я хочу иметь надписи Ани, я этого могу достичь, если я выеду в конце июля... Чтобы склонить министра к моему желанию, я ему написал и послал ему мои работы об Ани. Теперь все могло бы быть исчерпано, почему должна пройти эта возможность неиспользованной... Мои исследования в Ани могут принести много пользы истории Армении, и уже они одни могли бы ведь вознаградить путешествие сюда..."

Археологи и эпиграфисты одинаково многим обязаны Абиху-геологу, с достойным преклонения усердием копировавшему надписи.[5] Заблуждения Абиха в определении шрифта и языка текста, что случилось, например, при перечислении надписей на главной стене мечети Манучехра, извинительны для не-ориенталиста: самую выдающуюся по размерам арабскую куфическую надпись он принял за армянскую, но зато одним намеком в начале той же фразы письма он заставляет предполагать, что в его время на другом минарете, ближе к середине города, находился, кроме известной персидской надписи, пояс куфической надписи крупного масштаба.

Вскоре состоялось назначение князя М. С. Воронцова на Кавказ. В приложении к археологии, лингвистике, эпиграфике это назначение создало с этого времени в Закавказье более благоприятные условия

---

[1] H. Koch. Das Kloster Gelathi (Ausland, 1343, 78). — См. выше, стр. 300—301, 303, прим. 8.

[2] H. Abich, ук. соч., стр. 1, 8 и 180. (Письма Абиха цитируются в переводе В. Крачковской).

[3] Там же, I, стр. 178—205, № 18, 5/17 декабря 1844 г.

[4] Там же, № 19. Письмо было доложено М. Броссе в заседании Академии Наук (26) 14 марта 1845 г., незадолго до выезда Броссе на Кавказ, и опубликовано в Bull. hist.-phil., t. II, col. 351. — Ср. M. Brosset, Bibl. Analyt., стр. 190—191, № 111.

[5] Ср. M. Brosset, Bibl. Analyt., стр. 293, 296, 212, 294, 302, 303, 311. — Ср. Н. Я. Марр, резюме доклада „История Ани и раскопки на месте городища". ЗВО, т. XVII, СПб., 1907, стр. XXV.

работы. С января 1845 г. в дипломатической канцелярии Главного управления Закавказского края уже состоял Николай Владимирович Ханыков, которому был открыт доступ к наместнику. У М. Броссе возник в 1847 г. проект большого археологического путешествия по Закавказью, чтобы выяснить многие вопросы из истории Грузии, изучить надписи и документы. М. Броссе вступил в переписку с хорошо ему знакомым Н. В. Ханыковым; через последнего о планах М. Броссе был осведомлен граф Воронцов, который поддерживал проект экспедиции и согласился финансировать ее в значительной мере.[1] Подробный план путешествия и смету вырабатывал Н. В. Ханыков.

В августе 1847 г. М. Броссе выехал из С.-Петербурга, а с сентября по июль 1848 г. разъезжал по Кавказу. Четыре дня в июне он посвятил специально осмотру собора в Гелатах, проверяя, очевидно, свои соображения относительно „Железной двери", высказанные в 1847 г.[2] Из отчетов М. Броссе, представленных наместнику, в третьем проанализированы, между прочим, надписи, собранные Абихом в Ани.[3] К третьему отчету присоединено описание поездки в Ани Н. В. Ханыкова 25/13 декабря 1848 г., во время которой Ханыков увидел своими глазами и списал ряд анийских надписей.[4] Н. В. Ханыков сообщал в послании к М. Броссе; 28 января/9 февраля 1849 гг. о поездке в Ани, тексты нескольких анийских надписей и одной надписи из „Шиховой" деревни около Баку, наконец, о двух монетах XIX в., поднесенных им Академии Наук.

Значение этого послания, где впервые фигурировала копия текста ярлыка Хулагидского хана Абӯ Са'ӣда и надписи 595/1198—1199 г. на минарете Кей Султāна (обе на персидском языке), хотя и с небезупречным чтением, было столь важно, что Броссе доложил в извлечениях письмо Ханыкова на заседании историко-филологического отделения Академии Наук 4 апреля/23 марта 1849 гг. — всего через шесть недель после отправки его Н. В. Ханыковым. В печатном виде эти выдержки появились 31/19 мая 1849 г., с комментариями и объяснениями Б. Дорна и М Броссе, которые говорят о живом интересе, вызванном сообщением Ханыкова.[5] В сентябре 1849 г. Н. В. Ханыков находился в С.-Петербурге и подписал для печати 10/22 сентября свой отчет[6] о поездке в Ани, совершенной в декабре 1848 г. Последний был тоже должен М. Броссе на заседании Академии Наук 3 сентября/21 ноября 1849 г. Так началась серия публикаций Н. В. Ханыкова и М. Броссе, развернувшихся шире во второй половине XIX в.

С 1850 г. на Кавказ был переведен И. А. Бартоломей (1813—1870 г.). Страстный любитель нумизматики, превратившийся в замечательного знатока и коллекционера, он содействовал процветанию всех интересую-

---

[1] См. Bibl. Analyt., стр. XXVI—XXVII.

[2] Sur les portes de fer conservées au couvent de Gelath en Imirétie. Ср. выше, стр. 300 - 301; 303, прим. 8; 310.

[3] M. Brosset. Rapport sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 sous les auspices du Prince Vorontzof, Lieutenant du Caucase, par... Avec un Atlas de 45 planches lithographiées. St.-Pétersbourg, 1851. Третий отчет вышел 1-ым выпуском в 1849 г. Ср. Bibl. Analyt., стр. 195, № 148, стр. 84—114.

[4] M. Brosset, ук. соч., Excursion à Ani en 1848 par M. N. Khanykof, стр. 133—143.

[5] Quelques inscriptions d'Ani et des environs de Bakou; extrait d'une lettre de M. Khanykof. Bull. hist.-phil., t. VI, 1849, col. 193—200 = Mél. Asiat., I, 1852, стр. 70—78. Ср. там же, стр. 553, о поправке Дорна к чтению надписи в мечети Бӣбӣ Халӣфа.

[6] Отчет включен в работу M. Brosset, ук. соч., I livraison, 1849, III Rapp., под заглавием: „Excursion à Ani en 1848" стр. 121—150; на стр. 144, прим. 1 помещен отзыв профессора С.-Петербургского университета, Шейха Тантави.

щих нас дисциплин. На Кавказе он провел двадцать последних лет своей жизни. До перевода на Кавказ И. А. Бартоломей был одним из деятельных членов и членом-учредителем Русского Археологического общества, которое возникло, как известно, 15 мая 1846 г. по инициативе хранителя Эрмитажа Кёне, при содействии нумизмата Рейхеля. В программе работ общества особенно было выдвинуто изучение археологии и нумизматики, западной и восточной, новейших времен, причем „новейшие" противополагались классической древности. Секретарем общества был И. А. Бартоломей, который наблюдал за изданием первого выпуска первого тома „Записок" Археологического общества до 10 января 1849 г. В конце 40-х годов, при разделении общества на отделы, был выделен Отдел II Восточной археологии.

Не менее, если не более активным деятелем Археологическо-нумизматического общества, особенно Восточного отделения, стал П. С. Савельев. В речи, произнесенной на заседании в начале второго года существования этого научного объединения (13 января 1847 г.), П. С. Савельев красноречиво говорил „о важности изучения восточной нумизматики и археологии", и о той помощи, которую арабская палеография может оказать при определении недатированных предметов с арабскими надписями различных периодов, находимых в России.[1]

Итак, в середине XIX в. в России группа ученых, обладавших специальными знаниями, с увлечением исследовала вопросы, для разрешения которых одним из средств была эпиграфика арабская и палеография. Нумизматика и археология завоевали прочное положение. Появились на смену Х. Д. Френу новые эпиграфисты, и когда престарелый ученый доживал в 1851 г. свои дни, он вправе был надеяться, что дело его жизни не умрет, будет расширяться и расти. Впрочем, вероятно, не без горечи читал он транскрипции надписей в Баку и в Бакинском уезде, которые И. Н. Березин опубликовал в Прибавлениии к первому тому „Путешествия по Востоку". Копии были сняты учителем Бакинского уездного училища муллой Абдуль Рахимом Имам Алиевым, и, хотя в издании значилось, что они проверены на месте, изобиловали ошибками.[2] Неутешительно было также, что И. Н. Березин, вопреки стараниям Х. Д. Френа, не уклонялся от термина „карматский", заведомо неверного.[3] В области эпиграфики и палеографии И. Н. Березин несомненно не сумел подняться до уровня Х. Д. Френа, но П. С. Савельев, В. В. Григорьев и Н. В. Ханыков в своих трудах во второй половине XIX века достойно продолжали заветы первого эпиграфиста в России.

---

[1] Напечатана в „Mémoires de la Société d'Archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg" (Livre II, стр. 191—200); в русском переводе: Ж. М. Н. П., 1847, № 8, отд. отт., стр. 1—15.

[2] См. Прибавление к I т., „Путешествие по Востоку", т. II, стр. 61—72.

[3] Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, Изд. 2, ч. II, стр. 22.— Inscriptions de Derbend, стр. 70.

Ю. Я. ПЕРЕПЕЛКИН

МЕНОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СТАРОЕГИПЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В научной печати не раз говорилось, как малоденежно было хозяйство Египта в пору Древнего царства. Пожалование или предоставление на договорных началах земли и людей, выдача содержания продовольствием, умащением и тканью, объединение в крупных владениях сельско-хозяйственного и ремесленного производств — все это, конечно, были обстоятельства, не способствовавшие обмену. Но если они его не развивали, следует ли отсюда, что они его исключали? Не могла ли сложная общественно-хозяйственная обстановка Древнего царства порождать запросы, которые проще всего удовлетворялись обменом, а большая правовая и управленческая сноровка подсказывать удобные способы такого их удовлетворения?

Данные, сопоставленные в настоящей статье, не новость для науки, однако, хорошо известные в отдельности, они не были, кажется, оценены в своей совокупности.

Сведения о тогдашнем обмене немногочисленны, что, при общем обилии источников, могло бы показаться признаком его неразвитости, но такое заключение было бы неосторожным. Мало ли, например, в гробницах Древнего царства земледельческих изображений, но среди них, как будто бы, нет ни единого, где были бы представлены осушка или орошение пахотной почвы. Следует ли отсюда, что Древнее царство чуждалось осушительно-оросительных мероприятий? И не надо ли скорее дивиться богатству свидетельств о меновых отношениях: ведь подавляющее большинство дошедших памятников заупокойного назначения.

А. КУПЛЯ — ПРОДАЖА НЕДВИЖИМОСТИ

1. Земля. Отчуждение земли за плату, притом путем скупки одним лицом у многих и в большом количестве, засвидетельствовано уже для начинающейся IV династии. В гробничном жизнеописании сановника *Mtn* из Саккара дважды сказано: „Достал он за вознаграждение [разночтение: «(за) вознаграждение» — с пропуском «за»] пашни 200 сōт (сōт, греч. ἄρουρα, = 2735 кв. м) у *św. tj. w* многих“.[1] „Достать за вознаграждение“

[1] R. Lepsius. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien, Abt. 2: Denkmäler des Alten Reiches, табл. 3,6. — H. Schäfer. Aegyptishe Inschriften aus den k. Muscen zu Berlin, H. 2, Leipzig, 1903, стр. 74, 79. — K. Sethe. Urkunden des aegyptischen Altertums, Abt. 1: Urk. d. Alten Reichs, Leipzig, 1903, стр. 2,4; переиздано и продолжено в 1932 г. (Возможностью использовать для этой статьи продолженное издание я обязан любезности акад. В. В. Струве). — A. Moret. Donations et fondations en droit égyptien. Rec. de trav. relat. à la philol. et à l'archéol. égypt. et assyr., 29 ann., Paris, 1907, стр. 65.71.

(*inj r św*) — обычное выражение для „купить" уже в Древнем царстве (ср. последующие примеры). Общественное положение *św. tj. w*, несколько раз упоминаемых в староегипетских надписях, к сожалению, неясно.

Несколько моложе „завещание" некоего вельможи из гробницы в Гизэ, запрещающее, в частности, заупокойным жрецам („рабам двойника") отчуждать землю, предоставленную им для несения с нее заупокойной службы: „Не даю (я) возмочь рабу двойника какому-либо (заупокойного) владения (моего) отдать пашню, люд, [вещь какие-либо, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать по (мне)] с них, за вознаграждение людям каким-либо".[2] „Отдать за вознаграждение" (*rdj r św*) — устойчивое выражение для „продать". Запрет продавать отведенную землю предполагает возможность такой продажи.

Сходный запрет от второй половины Древнего царства из гробницы судьи и жреца *Śn. nw* (*j?*)-*śnḫ* не перечисляет состава выделенного имущества: „Не даю (я) возмочь и[м (т. е. заупокойным жрецам) отда]ть за вознаграждение (или) по завещанию людям каким-либо" и т. д.,[3] однако, надо думать, что и здесь в первую очередь имелась в виду земля.

2. Строения. Второй половине Древнего царства, как правильно определено К. Зете по облику письмен, принадлежит каменный список купчей на дом с царского кладбища в Гизэ.[4] Верх плиты поврежден, и звание покупателя не установлено; только он, наверно, был рядовым представителем кладбищенской среды, судя по убожеству (дешевизне) дома, скромному общественному положению свидетелей, из которых многие, если не все, были связаны с кладбищем, и заключению сделки в кладбищенском управлении. Продавец дома назван писцом. Купчая составлена явно по установленным правилам, с соблюдением установленного правового обряда, что, конечно, свидетельствует о частоте и давности подобных сделок. Сперва изложен предмет сделки с поименованием сторон, затем заявление продавца о своем удовлетворении ценой (?), отказе от всяких прав на дом в дальнейшем (?) и получении платы, наконец, удостоверение со стороны присутствия и свидетелей. Способ расплаты тот же, что был распространен в последующие времена.[5] Дом оценен в „деньгах" — в 10 *śˁ.t(j?)*, но оплачивается не ими, а тремя предметами обихода, цены которых, указанные для каждого в отдельности в тех же *śˁ.t(j?)*, вместе составляют цену дома (3 + 4 + 3 = 10).

„[Такой-то] сказывает: Достал (я) дом этот за вознаграждение у писца *Tntj*. Дал (я) 10 *śˁ.t(j?)* за него:

---

[2] E. de Rougé. Inscriptions hiéroglyphiques copiées en Égypte. Études égyptol., 9 livr., Paris, 1877, табл. 1. — H. Brugsch. Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum, 5. Abt., Leipzig, 1891 стр. 1210. — K. Sethe, Urkunden (1903), стр. 12. — A. Moret, ук. соч., стр. 79.

[3] A. Mariette. Les mastabas de l'Ancien empire, Paris, 1889, стр. 318. — K. Sethe, Urkunden (1903), стр. 36. — A. Moret, ук. соч., стр. 92.

[4] K. Sethe. Ägyptische Inschrift auf den Kauf eines Hauses aus dem alten Reich. Ber. ü. d. Verhandl. d. k. Sächsischen Ges. d. Wiss. zu Leipzig, Philol.-histor. Klasse, 1911, B. 63, Heft 6, стр. 135—150, табл. 5. — U. Hölscher. Das Grabdenkmal des Königs Chephren. Veröff. d. Sieglin Exped. in Ägypten, B. 1, Leipzig, 1912, стр. 111—112. — H. Sottas. Étude critique sur un acte de vente immobilière du temps des pyramides. Paris, 1913. — E. Revillout. Un contrat d'aliénation d'une maison par voie d'échange sous l'Ancien empire égyptien. Rev. égyptol., Paris, 1914, 14 v., стр. 87—92. — Fr. W. v. Bissing. Ein Hauskauf im IV. Jahrtausend, vor Chr. Sitzungsber. d. Bayerischen Akad. d. Wiss., Philos.-philol. und hist. Klasse, 1920, 14. Abh., München, 1921. — E. Chassinat. Un type d'étalon monétaire sous l'Ancien empire. Rec. de trav. relat. à la philol. et à l'archéol. égypt. et assyr., t. 39, Paris, 1921, стр. 79—88. — J. Capart. Memphis à l'ombre des pyramides, Bruxelles, 1930, стр. 191—193. — K. Sethe. Urkunden, стр. 157—158.

[5] E. Chassinat, ук. соч., стр. 82—84.

«четверное» полотно (?)	1 —	*š.t(j?)*	3
кровать	1	„	4
«двойное» полотно (?)	1	„	3

Писец *tntj* сказ[ал]: (Как) жив царь, дано (что) правильно, удовлетворен я(?) им, так что(?) (может?) явиться завещание любое дома этого (и?) передача (?); выполнил ты возмещения эти передачею(?)[6]

Запечатлено в сделке (относящейся к) *ḫt*, перед присут с[тви]ем (пирамиды), Небосклон(ный житель —)?) Шуфе (Хеопс)', перед свидетелями многими: резником *Tntj*, строителями (т. е. каменщиками) *'Inj* (и) *R'-ḥr-tp*, надзирателями (жреческой) череды *Nh. wt(j?)* (и) *K(;)-m-'pw*, кладбищенским (каменосечцем) *Mḥ-'*, рабом двойника (т. е. заупокойным жрецом) *'Ij-n.j*, рабом двойника *Ś;b...*, рабом двойника *'N(j)-'nḫ-ḥr...*".

Было бы очень любопытно знать, что крылось за старо египетским *š.t(j?)*? Определитель, „изображающий" слово, написанное одновременно звуковыми знаками, имеет вид яйца широким концом вниз, с заостренным выступом посреди него, и похож как на знак хлеба, так и на знак руды. *š.t* созвучно и *šw.t* „жирный медовый полбяной пирожок" и *š.tj*, слову конца Среднего и времени Нового царства для золотой или серебряной „деньги" весом примерно в $7^1/_2$ г. Ввиду второго совпадения, толкование староегипетского *š.t(j?)* как металлического мерила ценности представляется правдоподобным.[6]

Из „Палермского камня" известно, что в конце II династии каждые два года в стране производился — в податных целях — переучет не только полей, но и золота, причем золото названо первым: „раз 7 счета золота (и) поле(й)" и через год: „раз 8 счета золота (и) поле(й)".[7] Очевидно, если правильно принятое толкование этого места (а другого толкования, как будто бы, не придумать), золото уже тогда приобрело особое хозяйственное значение, а наличие его — определенную текучесть.

Другой случай покупки постройки, на этот раз усыпальницы, засвидетельствован, повидимому, „ложной дверью" сановника *Rdj-n(j?)-pth* в Гизэ. Можно, правда, при желании, истолковать „покупку" („достать за вознаграждение", *inj r išw*) как оплату изготовителей, но для этого нет достаточных оснований. Нет их и для сведения покупки к приобретению одной „ложной двери". „Достал (я) это на кладбище за вознаграждение. Никогда не сотворил (я) кривды (?)там".[8]

Б. РАБСКИЙ РЫНОК

Запрет вышеупомянутого „завещания" из Гизэ касается продажи не только пашен, но и людей и вещей, предоставленных в условное владение заупокойному жречеству. При этом показателен самый способ

[6] E. Chassinat, ук. соч. — T. E. Peet. The unit of value *š't* in Papyrus Bulaq 11. Mélanges Maspero, I, 1 fasc. (Mém. publ. par les membr. de l'Inst. Francais d'archéol. orient. du Caire, t. 66), Le Caire, 1934, стр. 186; ср. A. Erman und H. Grapow. Wörterbuch der aegyptischen Sprache, 4. B., Leipzig, 1930, стр. 418.

[7] H. Schäfer. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen, Anhang zu den Abhandl. der k. Preussischen Akad. d. Wiss. zu Berlin 1902, Berlin, 1902, стр. 26—27, табл. 1; и многократно в других местах.

[8] W. M. Flinders Petrie. Gizeh and Rifeh. Brit. School of Archaeology in Egypt and Egypt. Research Account, 13 year, 1907, London 1907, табл. 7. — B. Grdseloff. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire. Ann. du Serv. des Antiq. de l'Égypte, t. 42, Le Caire, 1943, стр. 38 (возможностью использовать эту статью я обязан любезности проф. И. М. Лурье). — H. Junker. Giza VI. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-histor. Klasse, Denkschr., 72. B., 1. Abh., Wien, 1943, стр. 5, прим. 1.

выражения: люди упомянуты на равных основаниях с неодушевленными предметами, между недвижимостью и движимостью, и могут быть проданы, как вещь: „Не даю (я) возмочь рабу двойника (т. е. заупокойному жрецу) какому-либо (заупокойного) владения (моего) отдать пашню, люд [вещь какие-либо, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать по (мне)] с них, за вознаграждение людям каким-либо". Восстановление К. Зете — в прямоугольных скобках — вполне надежно, так как в других местах надписи читается: „пашня, люди, вещь какие-либо, сотворенные (мною) им, чтобы возглашать по (мне) с них", „[пашня], люди, вещь какие-либо, сотворенные мною им, чтобы возглашать по (мне) с них", „пашня, люди, вещь какие-либо, данные (мною) ему, чтобы возглашать по (мне) с [них]".[9] Конечно, запрещение продавать людей предполагает возможность торговли людьми.

Прямое свидетельство о покупке людей содержит надпись Каирского музея: „*iśw* (заупокойного) владения (моего) — достал (я) их за вознаграждение, (причем) запечатлены были они в сделке, относящейся к *ḥt*, затем чтоб возглашали они по (мне) на кладбище".[10] Слово *iśw*, „определенное" знаками мужчины и женщины, возможно, одного корня с *iśw* „вознаграждение" („вознагражденские" — приобретенные за вознаграждение?).[11] В этой надписи невольники *iśw* предназначаются для заупокойной службы по хозяине; на гробничных изображениях в Гизэ можно видеть двух карликов, названных каждый *iśww* с последующим египетским именем и бывших, повидимому, домашними слугами: в руках у одного переносное ложе и изголовье, у другого — трость и обувь, очевидно, господские.[12]

В. ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА

Данных о торговле съестными припасами и предметами обихода относительно много, но только, насколько знаю, все они — гробничные изображения, хотя и снабженные обычно короткими приписками, почти всегда разговорами действующих лиц, изредка пояснениями. В этих приписках многое неясно и многое повреждено, но все же, в сочетании с изображениями, они позволяют довольно отчетливо представить себе повседневный обмен того времени.

Мне известны следующие изданные изображения:[13] (1) в крытом ходе

---

[9] E. de Rougé, ук. соч., табл. 1. — Brugsch, ук. соч., стр. 1211, 1210, 1211. — K. Sethe, Urkunden (1903), стр. 14, 12, 13. — A. Moret, ук. соч., стр. 84, 77, 81.

[10] J. J. Clère. Le fonctionnement grammatical de l'expression pri ḥrw en ancien égyptien. Mélanges Maspero, I, 2 fasc. (Mém. publ. par les membr. de l'Inst. Français d'archéol. orient. du Caire, t. 66), Le Caire, 1935—1938, стр. 785.

[11] J. J. Clère, ук. соч., стр. 785, прим. 1. — H. Junker, Gîza V. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse, Denkschr., 71. B., 2. Abh., Wien, 1941. стр. 10.

[12] H. Junker, Gîza V., стр. 9.

[13] (1) Selim bey Hassan. Excavations at Saqqara 1937—1938. Ann. Serv. Antiq. de l'Égypte t. 38. Le Caire, 1938, табл. 96.

(2) R. Lepsius, ук. соч., табл. 96. — G. Maspero. Sur une représentation de bazar égyptien remontant à l'Ancien empire. Études de mythol. et d'archéol. égypt. IV (Biblioth. égyptol., t. 8), Paris, 1900, стр. 253—257 и многократно в других местах.

(3) Lepsius, ук. соч., табл. 49b.

(4) G. Steindorff. Das Grab des Ti. Veröff. d. Sieglin Exped. in Aegypten, B. 2, Leipzig 1913, табл. 133. — H. Schäfer und W. Andrae. Die Kunst des Alten Orients, Propyläen-Kunstgeschichte II, Berlin 1925, стр. 248. — H. Schäfer. Gräber des Alten Reiches (= W. Wreszinski. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte, T. 3), Leipzig 1930-ые годы, табл. 35.

(5) J. Capart. Une rue de tombeaux à Saqqarah. Bruxelles 1907, табл. 31—32.

(6) F. W. v. Bissing. Die Mastaba des Gem-ni-kai, B. I. Berlin, 1905. — H. Schäfer, Gräber, табл. 9.

к пирамидному храму последнего царя V династии Унноса, (2) в гробнице некоего сановника в Сакkара (самое подробное, но поврежденное и ныне погибшее, так что приходится довольствоваться воспроизведением столетней давности), (3) в гробнице *'Ij-mrjj* в Гизэ второй половины Древнего царства, (4) в гробнице *Tj* в Сакkара V династии, (5) в гробнице *ʿnḫ-mʿ-ḥr* там же, VI династии, (6) в гробнице *K}(.j)-gm(.w).n(.i)* в Сакkара того же времени, (7) в гробнице *Pth-špss* в Абусире (мне известны лишь описание и надпись), (8) на обломке гробницы *Tp-m-ʿnḫ* из Сакkара(?).

На первый взгляд кажется, что мена на гробничных стенах изображена самая что ни на есть простая. Правда, на продажу выносятся разнообразные предметы: рыба (1, 2, 5), зерно (см. ниже), хлеб (6; вероятно, 1 и 5), пирожки (2), овощи (1, 2, 5, 7), плоды (5), масло (3, 4, 6, 8; возможно 2), мазь (?2), обувь (2, 4, 8), бусы (2, 6), зеркало (6), палки (4, 6), веера (2, 6), изголовье (5), ларцы (1, 5), но денег не видно, и в ряде случаев вещь определенно меняется на вещь: хлеб на лук (7), хлеб (?) на рыбу (1), мазь (?) на масло (? 2, ср. 6), обувь на пирожки (2) и зерно (8), бусы на пирожки, овощи или зерно (?) (2), палки на зерно (4), веера на овощи или зерно (?) (2), ларец на рыбу (1). Часто и не скажешь с достоверностью, предлагается ли предмет, взят ли для осмотра, или уже приобретен, и кто продавец, а кто покупатель. Тем не менее, пристальный взгляд улавливает черты и иного порядка.

Среди изображенных лиц немало таких, у которых вид заправских торговцев. Они сидят, порой на земле (2), порой на особой подстилке со спинкой или даже седалище (1), и покупатели к ним подходят. У большинства столько добра, что его выставляют в больших корзинах на низкой „ножке“ (известных и вне торгового обихода) (1, 2, 5), реже в глубоких корзинах без таковой (5). В корзинах бывает по нескольку видов предметов (но все же одного рода — снедь): рыба — овощи — плоды (1), рыба — хлеб (?) — овощи (1,5), овощи — плоды (5), овощи— зерно (?, 2), но также и один вид предметов: только рыба (1), только сладкие пирожки (2), только украшения (?, 2), и притом в значительном количестве. Присевших на землю продавцов с кошелями, набитыми рыбою, к „заправским“ торговцам осторожней, быть может, не относить, так как точь-в-точь в таких же сумках носили рыбу заправские рыбаки. Сидения и единообразные корзины — „лотки“ свидетельствуют о сложившемся рыночном быте. О том же говорят, возможно, и мерки — „стаканы“ у продавцов масла,[14] несущих его в мехах (3, 4, 6), и одинаковые холщевые (потому что белые — 2) сумы-мешки, надетые через плечо у многих как продавцов, так и покупателей (1, 2, 3, 4. 6, 8).[15]

Также и рыночная речь выработала уже свои устойчивые обороты. Предложение охотно вводится обращением к покупателю, с тем, чтобы перейти тотчас же в восхваление предлагаемого добра: „Смотри, хлеб

(7) P. Montet. Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien empire. Publ. de la Fac. d. lettres de l'Univers. de Strasbourg, fasc. 24, Strasbourg, 1925, стр. 325.

(8) J. Capart. Recueil de monuments égyptiens. Bruxelles 1902, табл. 13.

Сводные обзоры: L. Klebs. Die Reliefs des Alten Reiches (2980—2475 v. Chr.). Abhandl. Heidelberger Akad. d. Wiss., Stiftung H. Lanz, Philos.-hist. Klasse, 3. Abh. Heidelberg 1915, стр. 116 („Tauschhandel“). — Montet, ук. соч., стр. 319—325 („Scènes de marché“). — A. Erman, Reden, Rufe und Lieder auf Gräberbildern des Alten Reiches. Abh. d. Preussischen Akad. d. Wiss., 1918 Phil.-hist. Klasse, Nr. 15, Berlin 1919, стр. 47—51.

[14] L. Klebs, ук. соч., стр. 116.

[15] Там же.

добрый" (6), „Смотри, пирожки сладкие" (2), „Смотри, умащение сладостное весьма" (6), „Смотри, обувь прочная"(2), „Смотри, бусы добрые..."(2), „Смотри, ... доброе для..." (о зеркале или украшении?) (6), „Смотри, палка добрая весьма плясовая сухая (т. е. сухого дерева?)" (4). „Смотри (*m. k*)" может отсутствовать, но похвала предлагаемому от этого не убывает: „(Рыба) *bg. t* добрая весьма, мастер (или: «мастера?»)" (1), „[Лю]безный, эти — здоровенные (т. е. прочные, о сандалиях)"(8), „Палка это добрая озерная" (6). Покупающий требует „посмотреть" предлагаемое (2, 5) и готов „дать вознаграждение" (1, 2). Любопытны обращение к покупателю „любезный" (4, 8) и относительная частота рыночных обращений к „мастерам" (*ḥm(ww)* 5, 8, может быть, 6; *ḥm(w).t(j)* — или *ḥm(w).t?* — 1). „Мастеру" считается, повидимому, не лишним и польстить. Мальчик, сопровождающий взрослого продавца с ларцем и изголовьем, говорит, очевидно, покупателю последнего: „Мастер этот! Ты, что муж изрядный" (5).

Относительная частота обращения „мастер" может указывать на то, что ремесленники были обычными посетителями рынка. Иногда покупателем выступает, как будто бы, само вельможное хозяйство, хотя это и кажется неожиданным, ввиду соединения в нем богатых сельско-хозяйственного и ремесленного производств. Тем не менее, трудно понять иначе появление двух продавцов в сапожном и (?) масляном (елейном) производствах, работающих на сановника (3). Один из пришельцев предлагает сандалии(?)[16], другой — (растительное) масло. У первого через плечо обычная рыночная сума, у второго на плечах не только мех с маслом, но и мерка — „стакан", как то принято было в рыночном обиходе (см. выше). Словно для того, чтоб не оставалось никакого сомнения в торговых намерениях пришельцев, к изображению первого приписано: „продажа" (*s[w]n.t*), к изображению второго: „продажа (*swn.t*) умащения". С последним изображением и припиской уместно, быть может, сопоставить слова мужчины, шествующего в обществе явных продавцов, с запечатанным „стаканом" в руке: „... [приш]ло умащение для *Tp-m-ʿnḫ*" — очевидно, для собственника гробницы (8).

Примечательно видное место, принадлежащее зерну в повседневном обмене. Когда речь заходит о цене, она выражается в четвериках (*ḥk*.*t* = *4,785* литра): „... четверик за эти тебе" — говорится при покупке сандалий (8), „Пшеницы четверик за них" — требует продавец плясовых палок (4).[17] Любопытно, что в обоих случаях покупатели сами не продавцы, не держат ничего из своего добра, дают и узнают, так сказать, отвлеченную цену. Однако на втором изображении (4) за продавцом палок другой мужчина левой рукою прижимает к груди сито для просева зерна(?),[18] а правой придерживает на плече предмет, который может быть только четвериком,[19] притом, ввиду его положения, надо думать, полным. Этот предмет выглядит сбоку, как прямоугольник, длиннее в вышину, чем поперек, имеет по верхнему и нижнему краю по ободку и поперечную же полоску посередине. Точно такой же „прямоугольник" с поперечными полосами придерживает правой рукой на плече и мужчина на другом рыночном изображении (8). В речи продавца палок, следова-

[16] Ср. N. de G. Davies. The rock tombs of Deir el Gebrâwi, p. 1, Archaeol. survey of Egypt, 11 mem., London, 1902, табл. 25.

[17] О последнем изображении см.:H. Junker. Zu einigen Reden und Rufen auf Grabbildern des Alten Reiches, Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse, Sitzungsber., 221. B., 5. Abh., Wien, 1943, стр. 52—55.

[18] H. Schäfer, Gräber, стр. 62.

[19] Там же, высказано предположительно: „Kornmass (?)".

тельно, по соседству с мужчиной с ситом (?) и „прямоугольником“, слово „четверик“ написано прямоугольной меркой точь-в-точь с такими же тремя обручами, как на „прямоугольнике“ у мужчины. С тремя обручами этот знак написан и в ряде других староегипетских надписей[20] (в иных случаях налицо только средний обруч, а иногда не видать и его). Если поискать уже не знаков, а полноценных изображений четвериков в гробницах Древнего царства, то там найдется немало изображений несомненных мерок (так как ими отмеривается зерно или мелкие плоды), ничем не отличающихся от рыночных „прямоугольников“: те же очертания, те же размеры, те же три обруча на концах и посередине[21] (в иных случаях, как и у знаков, наличествует только средний обруч, а иногда нет и его).

О подробном рыночном изображении в Саккара (2) Г. Масперо писал, что оно в трех случаях из десяти ничего не влагает в руки покупателям, кроме „ларчиков“, тождественных по виду и размерам, и что в этих „ларчиках“ должен был быть металл.[22] Что в „ларчиках“ таилось некое единообразное покупное средство, отличное от пестрого скопления вещей, несомых на обмен другими покупателями, — вывод вполне правдоподобный, но только „ларчики“ настолько похожи на несомненные четверики других рыночных изображений (4, 8, см. выше), что, возможно, тоже будут мерками с зерном. Как и те, они „прямоугольны“, длиннее в вышину, чем поперек, оперты — в двух случаях из трех — о плечи покупательниц, придерживаются рукой, и имеют три обруча, по верхнему и нижнему краю и по середине. Размеры тоже одинаковые. Единственное, что существенно отличает „ларчики“ от упомянутых четвериков, это „решетчатые“ стенки. Они как бы состоят из отвесных дощечек, разделенных просветами и скрепленных вверху, по середине и внизу поперечными перекладинами. Это делает „ларчики“ похожими на клетки. Для суждения о природе „решеток“ имеющееся воспроизведение — столетней давности! — плохое основание, но, даже по нему судя, „ларчики“ вряд ли были действительно решетчатыми. Во-первых, на одном из них две нижних, а на другом все три поперечины показаны черными в отличие от коричневых „прутьев“. Это могло бы указывать на различие в веществе: черная медь и коричневое дерево. Клетки же с медными поперечинами при деревянных прутьях малоправдоподобны. Во-вторых, хотя просветы между „прутьями“ в двух „ларчиках“ показаны такими же серыми, как окружающее поле, в третьем они имеют отличный от него желтоватый оттенок и потому не выглядят, как пустоты. Странным образом, на воспроизведении „прутья“ и „перекладины“ там, где последние не зачернены, перекрываясь, остаются одинаково видными, как если бы были прозрачными. Это может быть только ошибкой художника, притом, наверно, европейского: в решетчатых ларчиках такое явление было бы столь же непонятным, как и в нерешетчатых. Если само воспроизведение заставляет заподозрить решетчатое строение „ларчиков“, то не меньшее право дают на то общие соображения. Если в „ларчиках“ хранились мелкие ценности, с которыми покупатели отправлялись на рынок, с какой стати стенки делались не сплошными, а решетчатыми, с крупными проемами, и как могло случиться, что такое странное устройство было возведено в образец, и все

[20] Напр.: H. Schäfer, Gräber, табл. 64 (= F. W. v. Bissing. Die Mastaba des Gem-ni-kai, B. 2, Berlin, 1911, табл. 9) несколько раз, табл. 80.

[21] Напр., R. Lepsius, ук. соч., табл. 51; H. Schäfer, Gräber, табл., 51, 64/65 (= F. W. v. Bissing, Gem-ni-kai II, табл. 8, 9, 12) несколько раз, табл. 71.

[22] G. Maspero, ук. соч., стр. 257.

покупательские „ларчики" устроены единообразно, именно таким способом? Разгадку „решетчатости" саккарских „ларчиков" дает, как будто бы, одно из изображений отмеривания зерна там же в Саккара, в гробнице верховного сановника Птах-хотпа.[23] Здесь несомненный четверик не только „прямоуголен" и перехвачен вверху, внизу и посередине положенными тремя обручами, но являет и загадочные „прутья": промежутки между поперечинами прорезаны отвесными чертами. Очевидно, четверик был устроен на подобие наших кадушек: вокруг круглого дна расставлены отвесно узкие дощечки, прижаты к нему обручем и обручем же скреплены посередине и по открытому верху. Круглая в поперечном сечении (сверху и снизу), такая мерка была прямоугольной в сечении продольном (сбоку). На соседнем изображении отмеривания зернистого плода *w'ḥ* мерка также являет в промежутках между обручами отвесные черточки (швы между дощечками), только стенки ее поднимаются ото дна не совсем отвесно, а немного воронкообразно, расступаясь кверху, и обручей у нее четверо. Единственно, что остается не объясненным в „решетчатых ларцах" это — чередование коричневых полос („прутьев") с серыми („пустотами"). Цвета четверика на изображении отмеривания зерна, к сожалению, неизвестны.[24] Потому можно только предположить, что „решетчатые ларчики" собраны из темных и светлых дощечек. Допустить это будет, пожалуй, проще, чем не допустить тождественности полосатых „ларчиков" с четвериками.

Толкуя об особом месте зерна в староегипетском обмене как единообразного оценочного и покупного средства, будет уместным напомнить о существовании тогда и зерновых ссуд. Современник VI династии князь II верхнеегипетской области (нома) Ми-ра-нофр, по прозванию *K;r*, бывший одновременно заведующим верхнеегипетским ячменем, в своей гробнице близ Эдфу повествует о себе так: „Давал (я) хлеб голодному, одежду нагому, коих находил (я) в области этой. (Раз)давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верхнеегипетский из дома владения этого голодному, коего находил (я) в области этой. (Что) до мужа какого-либо, коего находил (я) в области этой (с) зерновой ссудой от другого за ним, это я возмещал ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома владения этого. Это я погребал мужа всякого области этой, у которого не было сына, из достояния владения этого".[25] Тем самым, для конца Древнего царства засвидетельствованы сразу и ссуды зерном, и особое для них слово (*ḫ;b.t*), и неоплатно задолжавшие зерно должники, которых выручать из рук заимодавцев приходилось, согласно надписи, местному князю. Зерновые долги стали уже настолько часты, что превратились в обычное общественное бедствие.

Г. ОПЛАТА ЕДИНОВРЕМЕННЫХ УСЛУГ

В гробницах Древнего царства мертвец нередко заверяет посетителей, что за сооружение гробницы мастерам было сполна заплачено,[26] предупреждая тем самым всякое посягательство на его „праведное" достоя-

[23] R. Lepsius, ук. соч., табл. 103a.

[24] На цветном воспроизведении одной из беглых гробничных росписей конца Древнего царства четверик сплошь желтый с коричневатыми наружным очерком и средним перехватом. H. Junker. Gîza IV. Akad. d. Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse, Denkschr., 71. B., 1. Abh., Wien, 1940, табл. 12.

[25] G. Daressy. Inscriptions du mastaba de Pepi-nefer à Edfou. Ann. du Serv. des Ant. de l'Égypte, t. 17, Le Caire, 1917, стр. 136. — K. Sethe. Urkunden, стр. 254—255.

[26] Общая работа по этому вопросу: A. Volten. Bauherr und Arbeiter im Alten Reich. Acta orientalia, v. 9, p. 4, Leiden, 1931, стр. 370—373.

ние. Обилие подобных заявлений косвенно свидетельствует о привычке к меновым делам, и, хотя деньги, как водится, нигде не упоминаются, и есть только упоминания об оплате вещами, хозяева гробниц изъясняются порою, как заправские покупатели: „сотворить за вознаграждение (*ỉrj mỉśw*)", „сотворить за (*ỉrj ḥr*) что-нибудь", „дать вознаграждение (*rdjỉśw*)", „дать возмещение (*rdj ḏbꜣ.w*)", „быть довольным вознаграждением (*ḥtp ḥr ỉśw*)", „быть довольным сделкой (*ḥtp ḥr ḥtm.t*)".

1. Плата за сооружение гробницы. (1) Гробница судьи и жреца *Ḥỉp-ḥr-ḫꜣ.t(j)*, вторая половина Древнего царства: „Сотворил (я) гробницу эту из достояния (моего) праведного: никогда не брал я вещи человека какого-либо. Что до людей каких-либо, которые сотворили (мн)е вещь (т. е. что-либо) в (ней), сотворили они, славя ради (меня) бога за то очень весьма: сотворили они это (т. е. гробницу) за хлеб, за пиво, за одежду, за умащение, за ячмень (и) полбу большие (т. е. обильные) весьма. Никогда не сотворил я вещи какой-либо в качестве могущего (против?) человека какого-либо. Любит бог вещь праведную. Я — чтимый у царя".

(2) Гробница *N(j)-w(j)-kꜣ-rˁ* в Гизэ, конец Древнего царства: „Сотворил (я) гробницу эту за хлеб (и) пиво, данные (мною) мастерам всем, сотворившим гробницу эту, причем также дал (я) им возмещения в большом (количестве) весьма добром всяким, потребованным ими, (так что) славили они ради (меня) бога за то".

(3) Гробница *Ḥa-ma-ρ̄ꜥ* в Гизэ, конец Древнего царства. „(Что) до гробницы (моей) (заупокойного) владения (моего), сотворил (я) ее, благодаря [бытию (моему) в чести у царя?]---данные (мною) мастер[ам]---добром всяким---".

(4) Там же: „(Что) до гробницы этой, сотворил (я) ее, благодаря бытию (моему) в чести [у царя,], причем мастера---за (?)---".

(5) „Ложная дверь" неизвестного лица в Британском музее: „Сотворил (я) это (т. е. гробницу) за хлеб, за пиво".

(6) Гробница *Mr(j)-ˁnḫ.f* в Гизэ, вторая половина Древнего царства: „(Что) до мастеров каких-либо, сотворивших работу эту, дал (я) славить им ради (меня) бога — за вознаграждение, данное (мною) им".

(7) Гробница чиновника *Nfr-ḥr-n-pth* в Гизэ: „Кладбищенский (каменосечец) *Ppj* был удовлетворен сделкой (*ḥtm.t*), сотворенной (мною) с ним".

(8) Часть ложной двери „старейшины дома" *Mnj* в Мюнхене, вероятно, IV династия: „(Что) до мужа какого-либо, сотворившего для (меня) это, никогда не серчал он на (меня), будь то мастер, будь то кладбищенский (каменосечец) — удовлетворял (я) его".

(9) Гробница местного князя *ʾIntj* в Дэшашэ, вторая половина Древнего царства: „(Что) до мастеров каких-либо, [сотворявших для (меня) эт]о, сотворяли [о]ни для (меня) это, славя ради (меня) бога за то".

(10) Гробница местного князя *ʾIdw* „II" в Дэндэра, конец Древнего царства: „[(Что) до гробницы этой, удовлетворил (я) мастеров всех, сотворивших (?)] для (?) (меня) работу в ней, так что славили они ради (меня) бога".

Несмотря на плохую сохранность, это и предыдущее сообщения ценны, так как свидетельствуют, что даже в таких глухих уголках, как тогдашняя Дэндэра или Дэшашэ, гробницы сооружались за плату, притом самими князьями.

(11) Сюда же, вероятно, надо отнести надпись из гробницы домоправителя Нӯфэ в Гизэ, конца Древнего царства: „Сотворил (я) это из подношения (?), сотворенного (мн)е владыкой (моим) соответственно бытию (моему) в чести у него. Никогда не...(неизвестный глагол *ỉnḏ/nḏ*) мастер из-за этого".

2. Плата за изготовление гробничной двери. (12) Гробница сановника *Jr.tj* в Саккара, притолока, VI династия. „Завещание" в пользу заупокойного жреца *Hnm.t*, говорящего о хозяине: „Сотворил он дверь эту за вознаграждение, (одежду) *d(?)jw* малую (?)".

3. Плата за изготовление изваяний. (13) Изваяние царского „чистителя" *Mmj* из его гробницы в Гизэ: „Дал (я) сотворить изображения эти ваятелю, (причем) был удовлетворен он вознаграждением за то, тем, что сотворил (я) ему".[27]

4. Изображение единовременной работы за плату можно найти в гробнице *Tjj* в Саккара, V династия. Здесь с краю рыночного изображения представлены двое мужчин вполне рыночного вида, с сумами через плечо. Стоящий, слегка нагнувшись, смотрит, как сидящий продырявливает печатку. Над мастером надпись: „(Про)резывание печатки печатником". Что этот „печатник" не случайный пришелец на рынке, а пришел сюда основательно поторговать своим ремеслом, доказывает плетенка, на которой он с удобством обосновался.[28]

Ссуды. См. в конце раздела В.

„Деньги". О мериле стоимости *š.t(j?)* см. в подразделе А, 2, об особом оценочном и покупном значении зерна см. во второй половине раздела В.

Внешняя торговля. Сознательно опущена. Как ни обильны, подчас даже подробны, известия о „мирных" походах за границу, из них не удается узнать, каким способом приобретались там искомые ценности — грабежом, вымогательством или обменом?

Подводя итог сказанному, придется признать, что как ни малоденежны были меновые отношения в староегипетском обществе, они были достаточно сложны и развиты и имели немалое общественное значение.

---

[27] (1) A. Mariette, ук. соч. стр. 342. — K. Sethe, Urkunden (1903), стр. 49–50. — A. Volten, ук. соч., стр. 370.
(2) Selim Hassan. Excavations at Gîza 1930–1931. Cairo 1936, стр. 173, табл. 61(2).
(3) Там же, табл. у стр. 220.
(4) Там же, стр. 213.
(5) P. P. Scott-Moncrieff. Hieroglyphic texts from Egyptian stelae, etc. in the British Museum, p. I., London, 1911, табл. 43. — K. Sethe, Urkunden, стр. 226.
(6) Selim Hassan, ук. соч., v. III, 1931–1932, Cairo 1941, стр. 16, 18, табл. 6.
(7) Petrie, Gizeh a. Rifeh, 7. — B. Grdseloff, ук. соч., стр. 33. — H. Junker, Gîza VI, стр. 5, прим. I.
(8) K. Sethe, Urkunden (1903), стр. 23. — F. W. v. Bissing, Denkmäler ägyptischer Sculptur, Tafeln I, München, 1914, табл. 15, — H. Fechheimer. Die Plastik der Ägypter, Berlin, 1914, табл. 110; 1920, табл. 120. — A. Volten, ук. соч., стр. 373.
(9) W. M. Flinders Petrie. Deshasheh 1897, 15 memoir of the Egypt Exploration Fund, London 1898, табл. 7. Sethe, Urkunden (1903), стр. 70.
(10) W. M. Flinders Petrie. Dendereh 1898, 17 memoir of the Egypt Exploration Fund. London 1900, табл. 6; K. Sethe, Urkunden, стр. 271.
(11) K. Sethe, Urkunden, стр. 225–226; H. Junker, Gîza VII, Akad. d Wiss. in Wien, Philos.-hist. Klasse, Denkschr., 72. B., 3. Abh., Wien, 1944, стр. 147.
(12) B. Grdseloff, ук. соч., стр. 31–32. На эту надпись обратил мое внимание проф. И. М. Лурье, любезно предоставивший мне для ознакомления оттиск статьи.
(13) G. Steindorff. Der Ka und die Grabstatuen. Zeitschr. f. ägypt. Sprache und Altertumskunde, Leipzig, 1910, 48. B., стр. 156. — K. Sethe, Urkunden, стр. 225.
[28] G. Steindorff, Ti, табл. 133. — Schäfer-Andrae, ук. соч., стр. 260. — H. Schäfer, Gräber, табл. 35.

А. С. ТВЕРИТИНОВА

К ИСТОРИИ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ВРЕМЯ

Условия Белградского мирного договора 1739 г., которым закончилась война России и Австрии против Османской Империи, на длительный период определили официальное содержание взаимных отношений Турции и России.

При активном „содействии" Франции, являвшейся, в лице своего представителя маркиза де-Вильнёва, посредницей в заключении названного мира, России не удалось сколько-нибудь успешно осуществить все более остро необходимую для ее экономического развития цель — выход в Черное море и организацию через него широких торговых связей с внешним миром. По Белградскому договору, как известно, за Россией не было признано право постройки и содержания флота в водах Азовского и Черного морей. Азовскую крепость надлежало разрушить, подобно тому, как ранее (по договору 1711 г.) был срыт Таганрог. По пункту 9-му договора российским купцам разрешалось осуществлять „коммерцию" по Черному морю только на „судах турецким подданным принадлежащих".[1]

Таким образом, работа комиссии по разграничению, срытие Азова, разбирательство пограничных инцидентов между казаками и крымскими татарами, размен пленными, а также неоднократно и в различных формах поднимавшийся российской стороною вопрос о мерах для развития торговли, — таково содержание взаимных дел, которые в соответствии с Белградским договором достались в наследство от ее предшественников дочери Петра — Елизавете, вступившей на престол в конце 1741 г.

Однако сложная международная обстановка в Европе, возникшая в связи с рядом непрерывно следующих друг за другом в середине XVIII в. войн, — война за польское наследство (1733—1735), война за австрийское наследство (1740—1748) и, наконец, Семилетняя война (1756—1763) — привносили в русско-турецкие отношения многое, что являлось откликом на европейские события и, разумеется, не предусматривалось условиями Белградского договора.

Известно, что в основе всех этих конфликтов лежала, прежде всего, борьба Англии и Франции за колонии и мировое господство, а также борьба Пруссии и Австрии за главенствующую роль в Германии, ко-

[1] Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. 1869, стр. 15—24.

торую Англия и Франция всегда старались использовать в своих интересах.

Известно также, что и удельный вес России в международной жизни того времени начал неуклонно возрастать.

Выход на мировую арену такого мощного государства, каким стала с начала XVIII в. Россия, серьезно тревожил европейские державы и особенно Англию и Францию. Стремясь, с одной стороны, использовать силу России в своих интересах, они, с другой стороны, прилагали огромные усилия для того, чтобы в случае необходимости располагать возможностью нейтрализовать успехи России при помощи созданного ими постоянного враждебного окружения ее. Для этой цели дипломатические агенты Франции, а потом и Англии, вели непрекращающиеся интриги против России в соседних ей государствах — Швеции, Пруссии, Польше и Турции. Потому-то любой вопрос между Россией и Турцией, связанный ли с условиями Белградского договора, или возникавший помимо них, всякий раз значительно осложнялся в результате прямого или косвенного вмешательства иностранных представителей в Турции. И потому, конечно, русские резиденты в Стамбуле должны были значительную часть своего внимания уделять не столько разрешению тех или иных вопросов с Турцией, сколько тщательному и бдительному разведыванию происков Франции и Швеции, направленных против России, чтобы иметь возможность своевременно устранить их вредные для своего государства последствия. Переписка между русским правительством и стамбульскими резидентами, хранящаяся в архиве Коллегии иностранных дел,[1] является ярчайшим свидетельством того, как много забот доставляла эта деятельность иностранных агентов русским представителям при Порте.

Как известно, при непосредственном содействии Франции и по ее настоянию, 22 декабря 1739 г. между Турцией и Швецией был заключен оборонительный трактат, направленный, разумеется, в первую очередь против России. С интересами Франции в значительной мере совпадали и условия Белградского договора 1739 г. Вспомним, что для Франции в этот период было крайне важно сохранить свои прочные позиции как в самой Турции, так и в левантийской торговле вообще, которым Россия с выходом на международную арену могла сильно повредить. Не выказывая своей прямой враждебной деятельности в Турции по отношению к России, Франция стремилась всеми возможными средствами, в том числе и своим положением посредника и примирителя, извлечь максимальные выгоды для себя. В этом направлении и развернул свою активную деятельность французский посол в Стамбуле де-Вильнёв, а затем и его преемники — Кастеллан (с 1742 г.) и Дезаллёр (с 1746 г.).

Двуличная игра Франции с самого начала была известна и понятна в Петербурге. В императорских рескриптах русским резидентам в Стамбуле настоятельно предписывается следить за всеми действиями французских, а также и шведских представителей и любыми средствами предотвращать вредные для России последствия их происков.

Так, в рескрипте Елизаветы, отправленном из Петербурга 24 марта 1742 г. русскому резиденту в Стамбуле Вешнякову,[2] как и во многих

---

[1] Архив б. Коллегии иностранных дел России — АКИДР.

[2] Алексей Андреевич Вешняков (ум. в 1745 г.) — русский резидент в Стамбуле с 1735 по 1745 г.

других предписаниях, предшествующих и последующих, настоятельно подчеркивается: „На французские и шведские предвосприятия и при Порте неотменно происходящие внушении и побуждении, вы наиприлежнейшее смотрение и разведывание свое продолжать также и к опрозержению и к уничтожению оных все потребные меры употреблять не приминете... Непрямодушие и опасные Французского двора поступки из того толь наивяще явствуют, что в самое то время, когда при Порте такие против нас вспоможение Шведам внушении и явные побуждении употребляет с другой стороны нам наисильнейшие обнадеживании своей дружбы и к поспешествованию между нами и Швециею мирного дела доброжелательного намерения учинит...“.[1]

Главная задача Франции первоначально состояла в том, чтобы ослабить успех России в войне со Швецией (1741—1743), путем привлечения на сторону последней Польши и Турции. Для достижения этой цели французские дипломаты прибегали к самым разнообразным средствам, из которых основным являлось постоянное запугивание „злостными намерениями России“ в отношении ее соседей. Французский посол в Петербурге Шетарди, претендовавший после восшествия на престол Елизаветы на роль ее главного советника по вопросам внешней политики России, вместе с тем был тесно связан секретной перепиской с французским представителем в Стамбуле де-Вильнёвом и с знаменитым авантюристом, игравшим не малую роль в тот период во внешней политике Турции, Бонневалем,[2] постоянно информируя их о внутреннем состоянии России.[3] Общими усилиями, прямыми и косвенными путями, все эти деятели французской дипломатии тщательно изыскивали способы заставить Турцию начать военные действия против России. В секретной реляции № 14 от 14 мая 1742 г. Вешняков доносил в Петербург: „... посол французский имеет от двора его указы и по тем всеми силами побуждать на ваше императорское величество или явным действием или тайным то есть через татар под каким ни есть вероподобным протекстатом или деньгами, внушая, что Порте есть свой крайний интерес дабы швед содержать в войне с вашим императорским величеством...“.[4]

Одновременно с этим Франция всеми средствами добивалась создания более широкой коалиции, направленной против русско-австрийского союза. В эту коалицию должны были войти Порта, Франция, Швеция, король прусский и Польша.[5] Уже в том же 1742 г. все чаще мелькают сообщения о французских и шведских происках в этом направлении, причем и здесь используются не только прямые, но и всевозможные косвенные

---

[1] АКИДР. Сношения с Турцией, 1742, № 3, л. 34—35.

[2] Граф Бонневаль (1675—1747) — французский офицер, после ряда авантюр в Западной Европе в 1732 г. нашел себе приют в Турции, где, приняв мусульманскую веру, под именем Ахмет-паши Бонневаля, на долгое время сделался любимым советником турецких султанов в вопросах внешней политики. Ему принадлежал и план оборонительного союза Швеции, Польши и Турции против России (см. История Дипломатии, под ред. В. П. Потемкина, т. I, 1941, стр. 183).

[3] Вешняков в письме к русскому послу в Вене Лачинскому от 10 января 1742 г. приводит содержание письма Шетарди к французскому послу в Стамбуле де-Вильнёву, в котором Шетарди, сообщая о напряженном экономическом и финансовом положении России и о том, что войска русские стянуты к Шведской границе, добавляет: „...и тем границы турецкие обнажены, опричь некоторых гарнизонов. Сие единое приняв в рассуждение подает случай Порте, какова может быть никогда не подаст...“ (АКИДР. Сношения с Турцией, 1747, № 4, л. 69).

[4] Там же, л. 456.

[5] Там же, 1742, № 5, л. 356.

пути и средства. Так, например, в реляции № 15 от 29 апреля 1742 г. Вешняков сообщает, что „французский посол и шведский посол Карлсон ищут способ через молдавского князя Георгия Гику между прусским королем и Портою трактат алианйии заключить".[1]

Повидимому, подозрения Вешнякова не лишены были основания и в отношении цели посещения Порты польским послом Павлом Бенуа 28 декабря 1742 г.[2]

Швеция, поощряемая Францией и пользуясь прямой поддержкой своей покровительницы, начала проявлять дипломатическую активность в Турции. Вешняков приводит копию письма шведского короля к крымскому хану, в котором правитель Швеции настоятельно просит последнего, во что бы то ни стало, склонить Порту к выступлению против России. Стараясь действовать на турок страхом, он не стесняется до предела сгущать краски: „А паче будучи Московитяни как ей Блистательной Порте так и нам вредны учинением злодейства обоим сторонам как ясно видно есть, что с той стороны расширить свое владение намерены, весьма сходственно махомеданскому закону было ежелиб Блистательная Порта для безопасности своей на отмездие поступила. Вследствие чего уповаем от императорской державы Блистательной Порты, что по силе согласий наших, между нами и ею, нам помощь подаст. Особливо же что будучи сии зломышления неприятеля нашею армиею с морской стороны окружены и заперты. Ежели Блистательная Порта таким же образом с другой стороны атаковать их похощет, то с божиею помощию стоя крепко желаемую общую безопасность необходимо возымеем".[3]

Нельзя сказать, чтобы турецкие правители равнодушно выслушивали все эти призывы и уговоры „истинных друзей" Османского государства. Нельзя сказать также, что курс внешней политики Турции в тот период отличался твердостью, последовательностью и самостоятельностью. Несмотря на то, что видимой опасности со стороны России все-таки не было, правящая верхушка Турции, тем не менее, во всем проявляла к русским постоянное недоверие, деятельно подогреваемое иностранцами. В любых предложениях со стороны России старались видеть они злонамеренность и дальнюю цель. Отвергая все без разбора, старательно защищали турки чужие интересы, даже в ущерб своим прямым выгодам. И хотя внутреннее положение страны, как и реальная угроза поражения со стороны Ирана, в этот период настоятельно требовали сохранения мирных отношений с Россией, Порта, следуя советам многочисленных „друзей" своих, под внешним покровом дружбы с Петербургским правительством на самом деле тайно оказывает материальную поддержку Швеции,[4] ведет подозрительные переговоры с поль-

[1] Там же, № 4, л. 509.
[2] Там же, 1743, № 4, л. 349—358.
[3] Там же, 1742, № 4, л. 243.
[4] В письме к русскому послу в Вене Лачинскому от 9 июля 1743 г. Вешняков сообщал: „8-го июня Порта Швецию о дружбе своей наикрепчайше обнадежила; не ведаю обещала ли то движение татар, но подлинно денежную помощь и с тем послал Карлсон своего конюшего; а 14-го и денег действительно дала, за подлинно слышу что будто-бы не более 500 мешков [мешок — турецкий „кесе" — равен 40 000 акче или около 500 рублей по тогдашнему курсу], хотя по некоторым околичностям и является, что может быть и тысячу мешков дала, с которыми в краткие дни потом Карлсон отправил морем на шведском корабле королевского секретаря Лилиенберга". (Там же, 1743, № 5, л. 426).

В приложенном к реляции Вешнякова № 11/58 от 22 апреля 1743 г. сообщении одного из его тайных осведомителей при Порте говорится, что во время беседы между Бонневалем и великим везирем о помощи Швеции, последний заявил: „ежели Швеция какую услугу Порте оказала, за то щедро воздала, ибо де поныне сия дружба Порте уже более полутора миллионов стоит..." (там же, 1743, № 4, л. 442).

скими шляхтичами[1] и позже, уступая настояниям французских, а затем английских представителей, постепенно склоняется и к союзу с Пруссией против России.[2]

Однако до поры до времени, несмотря на все нажимы, Порта под разными предлогами уклонялась от прямого военного выступления против России.

Между прочим, современная турецкая буржуазная историография ставит в упрек политическим деятелям Османского государства первой половины XVIII в. то обстоятельство, что они не использовали весьма, якобы, благоприятной международной ситуации для „окончательного" поражения России, и считает, что политическая „недальновидность" руководителей Турции того времени была одной из основных причин дальнейших неудач Османского правительства на внешнеполитической арене.[3]

Делая подобного рода упреки своим далеким предкам, указанные турецкие авторы не учитывают в достаточной мере того, что Османская империя в XVIII в. была уже не в состоянии поступать со своими соседями так, как это ей удавалось полтора—два столетия тому назад. Соседние государства, и среди них в первую очередь Россия, к этому времени внутренне значительно окрепли и имели возможность противопоставить теперь агрессии турок такие силы, с которыми справиться становилось все труднее.

Правда, прусский король Фридрих II в 1757—1760 гг., опираясь на поддержку английских представителей в Стамбуле, деятельно уговаривал султанское правительство заключить военный союз против России. Стараясь разжечь захватнические аппетиты турок, Фридрих II в письме Султану Мустафе III от 30 марта 1760 г. писал, что более благоприятного момента для выступления османов не выпадет, что противники Пруссии являются одновременно врагами всей Европы и османов. Вследствие этого, подобно тому, как прусский король сражается против врагов, с давних пор сжимающих его страну, так и Османское государство, чтобы не потерять дружбу Пруссии, обязано принять предусмотрительные меры. В таком случае оно легко получит и Темешвар, и Будин, а другим движением (подразумевается движение против России) к османским землям легко будет присоединить Украину вместе с построенными крепостями в области, называемой „Новая Сербия".[4]

Как мы знаем из истории, этому далеко идущему по замыслам союзу не удалось осуществить задуманных планов. Намеченные ими жертвы оказались сильнее, чем они предполагали, и сумели постоять за свои земли. Но тот факт, что некоторые современные турецкие историки, подчеркивая столь давнюю общность интересов Пруссии и Османского государства, явно сожалеют о том, что Порта в XVIII в. оказалась неспособной осуществить деятельную помощь своим „естественным союзникам", — сам по себе в достаточной мере примечателен, так как он весьма характерен для современной официальной турецкой науки, состоящей на службе у реакционных фашиствующих кругов.

---

[1] См. упоминаемое выше сообщение Вешнякова.

[2] АКИДР. Сношения с Турцией, 1754, № 13, лл. 9—14 и 190—200.

[3] Tarih, cilt III, Istanbul, 1933, стр. 144. — Akdes Nimet Kurat. XVIII yüzyıl başı „Avropa umumî harbi"nde Türkiye'nin tarafsızlığı. Belleten, 1943, c. VII, sayı 26, стр. 245—272.

[4] Dr. Salahaddin Tansel. Büyük Fridrih devrinde Osmanlı — Prusya münasebetleri hakkında. Belleten, 1946, c. X, sayı 37, стр. 147—148.

Подобно тому, как в свое время Порта не отказалась от союза со Швецией и оказывала ей посильную материальную помощь в войне против России, так в конце-концов анти-русский договор был заключен и с Пруссией в период Семилетней войны (22 марта 1761 г.). Однако, как уже выше отмечалось, несмотря на явную склонность многих государственных деятелей Порты в течение всего царствования Елизаветы Петровны принять участие в борьбе против России, на деле они не осуществили этого своего намерения. Причина такой „нерешительности", как мне кажется, заключалась в том тяжелом внутреннем экономическом и политическом кризисе, который в эту эпоху переживала Османская империя и который очень связывал внешнеполитические тенденции ее правящей военнофеодальной верхушки.

В дополнение к этому необходимо помнить, что на Ближнем Востоке к тому времени непрекращающееся соперничество между Османской империей и Ираном вновь обострилось и нашло свое выражение в ряде постоянных военных столкновений, которые, затихая на короткий срок, вспыхивали вновь с неослабевающей силой на протяжении почти всей первой половины XVIII в. Эти войны требовали от Османского правительства огромного напряжения, тем более, что экономически Турция была к ним абсолютно не подготовлена. Внутреннее состояние страны было катастрофическим во всех отношениях. Период успешных завоевательных походов для турок давно закончился. Каждая война теперь не только не приносила богатой добычи и дани, но, наоборот, требовала мобилизации всех внутренних материальных ресурсов государства. Между тем производительные силы страны находились на самом низком уровне развития и ни в какой мере не могли удовлетворить все возрастающие запросы государственного казначейства и султанского двора. Господствовавшие во всех областях хозяйственной и политической жизни взяточничество, торговля государственными должностями и откупная система взимания налогов в свою очередь весьма отрицательно сказывались на источниках доходов, способствуя еще большему расстройству государственного бюджета. Сельское хозяйство и крестьянский труд — этот теперь почти единственный источник доходов страны — эксплоатировались самым варварским и хищническим способом. Серьезные недороды в течение ряда лет как в азиатских, так и в европейских провинциях были, повидимому, следствием не только крайне низкой сельскохозяйственной техники, но и прямого запустения значительной части районов, разоренных бесконечными поборами и покинутых сельским населением.

В трудах авторов турецких хроник XVIII в., современников описываемых ими событий, мы, к сожалению, не очень часто можем встретить объективное описание переживаемых страной внутренних трудностей. Эти авторы, являясь официальными регистраторами преимущественно событий придворной жизни, даже в тех случаях, когда они касались обстоятельств вне этого круга, соблюдали строго официальную точку зрения, точку зрения правящей верхушки, которая, конечно, абсолютно не была заинтересована в полном и правдивом отображении жизни подданных Османской империи. Тем не менее отдельные сообщения о частых народных волнениях и „беспорядках", возникающих то в одной, то в другой провинции, проникают и на страницы названных официальных турецких хроник. Такого рода сообщения, найденные нами в „Истории Субхи",[1]

[1] Тарих-и Субхи (летопись событий в Османской империи с 1730 по 1743 год), Стамбульское издание 1198/1784 г., лл. 148, 218, 232—233 и др. (арабский алфавит).

в „Истории Иззи“,[1] в „Истории Васыфа“,[2] позволяют составить некоторое представление о том, какова была обстановка внутри Османского государства в интересующий нас период.

Однако наиболее яркие и полные картины внутреннего состояния страны рисуются в многочисленных донесениях русских резидентов из Стамбула. Нужно сказать, что до сего времени донесения русских дипломатических представителей в Турции вообще чрезвычайно мало использованы в науке для изучения внутреннего состояния Османской империи. Между тем, даже поверхностное ознакомление с этими документами показывает, каким важным источником они должны явиться для каждого историка Турции и как помогают они понять, чем определялась та или иная позиция Порты на различных этапах ее внутренней и внешней политики. В самом деле, как это ярко подтверждают использованные архивные документы, и Алексей Вешняков, проживший в Стамбуле почти 10 лет, и Адриан Неплюев, исполнявший обязанности резидента 5 лет, и Алексей Обресков, прослуживший в Стамбуле в общей сложности около 20 лет, не только прекрасно знали состояние государственных дел Турции, но и разбирались во всех тонкостях внутренней и внешней политики Порты не хуже самих турок. Потому-то их свидетельства и являются для нас особенно интересными и ценными.

В письме к русскому чрезвычайному послу в Лондоне С. К. Нарышкину от 10 августа 1742 г. Алексей Вешняков следующим образом характеризует внутреннее состояние Османской империи: „... Что сия великая империя есть в толь великом непорядке и худом состоянии, что ни мало не в силе никакому знатному предприятию, и не достойна того мнения, каковое по безщатию во всей Европе о турках и их силах имеет оставшееся от застарелого страха прежней их свирепости и много причиненного зла, яко в первых надлежит ведать то, что ныне не те уже турки, которые тому 50 или 60 лет назад толико страшили, но токмо стень (?) их, понеже ныне нрав здешнего народа и прежде бывший воинский дух совсем отменился...“.[3]

Рассказывая далее о том, что в стране безнаказанно господствуют взяточничество, подкуп, интересы личной наживы, Вешняков делает вывод, что об улучшении государственных дел, собственно, никто и не заботится, так как каждый более всего стремится оградить личные интересы и как можно больше урвать от государства для себя. Все это „от того происходит, — продолжает Вешняков, — что не будучи ни в чем порядка, ни в сборах, ни в накладах государственных, не имеет ни пятой доли доходов государственных яко всего на все положенного едва с 60 000 000 левков[4] или 36 000 000 рублев собраться может... и из тех по малой мере четвертая доля при сборах раскрадена и в казну не доходит... а в военное время остальная половина раскрадена... ныне казна столь в крайней скудости... что уже доходы 1744 года ныне все собраны, а в казне денег нет...“.[5]

---

[1] Тарих-и Иззи (обнимает события периода 1744—1751 гг.) Стамбул, 1199/1785, лл. 206, 269 и др. (арабский алфавит).

[2] Тарих-и Васыф (события периода 1752—1774 гг.), Булакское издание, 1246/1830 г., т. I, стр. 48, 97—98 и др. (арабский алфавит).

[3] АКИДР. Сношения с Турцией, 1742, № 5, л. 623.

[4] Левок (по-турецки — гуруш) — небольшая серебряная монета, содержала в себе 40 пара или 120 акча. По курсу того времени левок был равен, примерно, 60 копейкам.

[5] АКИДР. Сношения с Турцией. 1742, л. 626.

Подобного рода сообщениями пестрят донесения Вешнякова и его преемников и во все последующие годы. В 1743 г., сообщая об огромных богатствах, скопленных в руках отдельных государственных деятелей, имена которых он называет, Вешняков добавляет: „Толь великие суммы не удивительны быть имеют, яко всяк крадет, грабит и всеми силами и неправдами собирает без великого опасения, по дачам начальным: чем великий торг и навигация, всякие промыслы, всего изобилие и множество промышленных вольных народов по пространству сей империи случай подают. И есть неисчислимые богатства. Но единой беспорядок и нерадение об общем благе причиною, что государственные доходы так малы и тех едва треть исправно доходит и расходится...“.[1]

Разумеется, что при таких методах пользования благами „промысла и торговли“, последние не только не проявляли тенденции к развитию, но наоборот, хирели и приходили в упадок.

Между тем, положение государственной казны становится все более катастрофическим. Бесконечные займы у стамбульских ростовщиков,[2] внеочередные „наклады“ на армян, греков, евреев и их религиозные учреждения и общины,[3] конфискация имущества разжалованных и умерших сановников [4] и тому подобные крайние меры, конечно, не могли способствовать устранению столь тяжелого экономического и финансового положения в стране, тем более, что хлебородные провинции были разорены, население в них голодало и не в состоянии было что-либо еще выделить в казну.

„... в Эрзеруме и в окрестных, — сообщает Вешняков в 1742 г., — несказанная нужда и дороговизна хлеба и прочих съедобных вещей, от чего войска, собирающиеся из дальних мест, а паче отсюда приходящие все бегут, ибо малою платою по той дороговизне пробавляться не могут. Но и той уже несколько месяцев не получали“.[5]

В 1744 г. Вешняков сообщает о присылке в Порту писем, в которых сообщается „о бедствовании всех вавилонских [т. е. багдадских] провинций — Басры, Мосула и Диярбекира и об опасности, в которой находится [тамошний наместник] за неимением денег, войска, артиллерии, амуниций, а паче всего за недостатком в провианте“.[6]

Не изменилось положение и в следующем, 1745 г.: „Государственная казна начисто опустошена, — сообщается в докладной записке Обрескова после смерти Вешнякова, — провинции в Азии разорены и помочь не могут... деньги за два года вперед взяты... войска два года жалованье не получали... Прежде всего за свою охоту на войну ходившие, ныне сию ненавидят и слышать об ней не хотят...“.[7]

„В Урфе и окрестных местах обитатели бунтуют и указов Порты не слушают...“.[8] „Войска румелийские охотнее отказываются от тимаров (земельных ленных владений, — *А. Т*) своих, нежели на персицкую войну итти“.[9]

В 1746 г. картина остается неизменной: „В Эрзеруме и Карсе равномерно ж толь великий недород, что тамошние жители, а наипаче карские

[1] Там же, 1743, № 4, л. 527.
[2] Там же, 1746, № 4, л. 35.
[3] Там же, 1743, № 5, л. 226; 1744, № 3, л. 147.
[4] Там же, 1743, № 5, л. 427.
[5] Там же, 1742, № 5, л. 546.
[6] Там же, 1744, № 5, л. 80.
[7] Там же, 1745, № 6, л. 337
[8] Там же, № 4, л. 384.
[9] Там же, № 4, л. 380.

от великого голоду жилища свои оставили", — пишет в своих донесениях А. Неплюев.[1] Переводчик при русском резиденте в Стамбуле Николай Буйдий, прослуживший в этой должности более 10 лет, приезжая в 1748 г. с поручением в Киев, докладывал:

„На полях бендерских, где прежде около 40 деревень молдавских было, ныне только с восемь осталось, от непристойных налогов; и тако все молдавцы, жители оных деревень, перешли в Польшу...".[2]

В 1752 г. тот же Николай Буйдий, вернувшись из Стамбула в Петербург, составил „Краткое объявление о тогдашнем состоянии Оттоманской Порты", в котором бедственное положение ее описано особенно ярко:

„Между тем, — писал Буйдий, — государственная казна будучи оскудена, тако ж и во всех провинциях, а особливо азиатских, находящихся в крайнем разорении... В защищении убо такого тиранства, народы тех провинций принуждены находились свои жилищи и полевое земледелие оставить, из которых народов часть для своей обороны прибегла в главные провинциальные города, а часть из многих опустошенных деревень собравшись в едино поселение, где хотя за недостатком землесеяния претерпевает глад, однакож все единодушно принявшись за оружия, противятся насилию Порты Оттоманской и тем средством освободились от денежных похитительных сборов и по своему произволению отдают Порте такие подати, какие сами похотят. Не токмо в большой Азии одна за другой приняли такое средство к непослушанию, но и в меньшей Азии провинции уже следуют тому же примеру. Чего ради в коротком времени не токмо государственные доходы весьма убавились, но и все те народы вовсе лишились послушания и почтения к министерству и не иного чего ожидает, как токмо случая открыть явно свое непослушание".[3]

В этот же период к перечисленным выше трудностям финансово-экономического характера добавилось еще все более увеличивающееся беспокойство султанского правительства за целостность османских владений. Дело в том, что отдаленные провинции империи — Эрзерум, Эрзинджан, Мосул, Диярбекир, Багдад, Басра, Египет и др., населенные армянами, курдами, арабами, т. е. народами, покоренными в свое время турками, — ни экономически, ни политически не тяготели к Османскому государству. Более того, всякий раз, когда внутренние и внешние затруднения стамбульского правительства особенно обострялись, они немедленно проявляли тенденцию к освобождению из под турецкого гнета. Правда, феодальные правители провинций часто пользовались подобного рода движениями в своих сепаратных целях. Но это обстоятельство не облегчало положения Порты. Война с Ираном в описываемую эпоху как раз создавала очень благоприятные условия для подобного рода движений на окраинах империи. И действительно, не только реляции русских резидентов, но и турецкие исторические хроники пестрят сообщениями о частых восстаниях то в Эрзеруме и других восточных областях Анатолии, то в Багдаде и Диярбекире, то в Египте.[4]

Подобного рода известия поступали в Стамбул не только из восточных, но и из европейских провинций. Неповиновение и „беспорядки",

---

[1] Там же, 1746, № 4, л. 27.

[2] Там же, № 2, л. 95.

[3] Там же, 1752, № 7, л. 2. Повидимому, под выражением „меньшей Азии" Буйдий имеет в виду собственно малоазиатские владения, а к „большой Азии" относит принадлежавшие тогда туркам земли Сирии, Ирака, Аравии и т. д.

[4] Там же, 1742, № 5, л. 547; 1743, № 5, лл. 20, 530; 1748, № 2, л. 27; 1752, № 7, л. 3 и т. д. Тарих-и Субхи, лл. 148, 232, 233; Тарих-и Иззи, лл. 205, 269 и т. д.

как уже говорилось выше, имели место и в Албании, и в Боснии, и даже в Крыму.[1]

Последнее обстоятельство, т. е. проявление признаков непокорности в Крыму, и в связи с этим некоторая неуверенность в том, какую позицию займут крымские татары в случае нового столкновения с Россией, особенно беспокоили Порту и также заставляли ее придерживаться внешне миролюбивой политики в отношении русского правительства. Еще в 1743 г. Вешняков доносил в Петербург: „... от многих я обнадежим, а паче от Галанского посла, от Венского посла от Пенклера, от венецкого посла от нашего миралема и от Якуб аги,[2] что главная сего министерства боязнь есть, что при первом случае татары уже не похотят сносить другого от наших войск разорения и гибели, но скорея под высочайший вашего императорского величества покров подадутся. И на них же турок подымутся. Потому же их ныне против шаха послать боятся. И по претендуемой алиации с шахом при первом нашем движении отпадения от них Крыма боялися".[3]

Приведенных материалов вполне достаточно для того, чтобы была понятна та крайне напряженная внутренняя обстановка, которая господствовала в Османской империи в середине XVIII века. Разумеется, переживаемые страною трудности имели постоянное и самое непосредственное влияние на внешнюю политику Порты. Прежде всего нужно было как можно скорее закончить войну с Ираном, так как продление ее угрожало отложением ряда восточных провинций, население которых склонялось перейти под покровительство Надир шаха. „А что более страшит, — писал Вешняков, — что народ весь в Анатолии ему (Шаху, — *А. Т.*) склонен, оный же (т. е. народ, — *А.Т.*) зело от турок оскорблен долголетним разорением и ныне в крайнюю нужду и голод приведен".[4]

У османских правителей нехватало сил ни преодолеть народное недовольство, ни помочь населению в крайне бедственном его положении, ни победить армию Надир Шаха. Война угрожала затянуться долго и исход ее был абсолютно неясен. В такой обстановке у некоторых политических деятелей в Стамбуле возникала мысль прибегнуть к посреднической роли России и с ее помощью ускорить окончание войны. Правда, русское правительство, зная о подозрительных связях Порты с враждебными России государствами, не предлагало своего посредничества.[5] Но при одной только мысли о том, что Россия может выступить „медиатором" и потребовать за это право свободной торговли в Черном море, у турецких правителей возникал такой страх, что они соглашались лучше бесконечно продолжать эту, крайне изнурительную для страны войну, чем обратиться к помощи России.

Вот как об этом сообщал в своей реляции от 7 ноября 1744 г. Вешняков: „... а медиации и гарантии просить гордость их претит, а паче всего недопустить их имеющее мнение, что за то нужно будет вашему императорскому величеству какие великие авантажи дать, а особливо я думаю боятся того, чтоб не было требовано пункта всякой навигации и в портах их на Медитеранском море, в Архипелаге и сюда, а всего наивяще во всем Черном море с построением Таганрога и вольности

[1] АКИДР. Сношения с Турцией 1748, № 2, л. 23.

[2] Миралем, имени которого мне установить не удалось, и капыджибаши Якуб ага — чиновники Дивана.

[3] Там же, 1743, № 5, л. 523.

[4] Там же, 1743, № 5, л. 20.

[5] Там же, 1744, № 2, л. 191.

всякие корабли сюда иметь. Сей последней никогда не допустят, разве бы уже дошли до самой крайности, яко то свыше всего почитают вравне с покорением Крыма; потому лучше похотят с шахом всегда войну иметь и многие бедства понести, нежели на то поступить...".[1]

Вопрос о свободном выходе на внешний рынок через Черное море становился для России все более насущно острым. Вслед за Вешняковым в разрешении этой проблемы немало положили труда и Адриан Неплюев, и Алексей Обресков.[2] Однако результат был один: Порта категорически противилась всем предложениям России о свободе торгового судоходства на Черном море, несмотря на все выгоды, которые ей в связи с этим представлялись. Так, 11-го декабря 1744 г., во время беседы Вешнякова с реисэфенди (государственный секретарь по вопросам внешних сношений) Али ходжой, последний завел разговор о возможном обращении Порты к России за медиацией, причем тут же сказал, что Порта не согласится на свободную торговлю в Черном море. На это Вешняков ответил, что он еще не знает, каков будет ответ на это его правительства, а что касается торговли, то „толико может сказать, что такая навигация ежелиб паче чаяния когда-либо от России требована была, более к пользе и прибыли турецкой послужила; что одной России касается, когда б оная дозволилася на каких-либо сходных от обоих сторон пределах, нежели настоящее воспрещение оныя, которые никакова рассудного рассуждения не имеет оприч безосновательного подозрения и чтоб не познали мест и пути по оному и то весьма всуе; яко что до моря надлежит — до самого последнего пристанища глубины и мели то есть до самого Серкского мызу все давно уже ведомо не только в России, но и во всей Европе публичными печатными картами...". От обоюдной торговли „...не малая была бы прибыль турецким подданным и от пошлин государственной казне, но когда здесь того разуметь не хотят и об общем благе нет попечения, то не стоит труда более о сем рассуждать".[3]

Не трудно было уже тогда заметить (на это обращает внимание и Вешняков), что не столько заботясь об интересах своего государства и своего народа, сколько во имя „безосновательных опасений" следуя советам западно-европейских дипломатов, османские правители тщательно ограждали себя от всяких, даже самых скромных, предложений со стороны России, предусматривающих в тот период, как правило, обоюдные с Турцией интересы.

Таким образом, противопоставляя себя России во всем и борясь с нею всеми средствами за свою „самостоятельность", Османская империя вместе с тем уже тогда постепенно начинала склонять голову перед усиливающимися державами Западной Европы, оказывавшими ей деятельную поддержку в этой борьбе. Естественно, возникает теперь вопрос: не в этом ли и была одна из важнейших причин того, что Турция в последующий период все более теряла свою независимость в пользу западных держав, причем не только уже во внешней, но все больше и во внутренней политике? Анализ приведенных выше фактов, кажется мне, позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Разумеется, при этом нельзя забывать, что уровень общего экономического и культурного развития Турции, начиная с того времени, представлял также благоприятную почву для проникновения и закрепления иностранного влияния в различных формах.

[1] Там же, 1744, № 7, л. 21—22.

[2] В. Уляницкий. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883, стр. 71 и сл.

[3] АКИДР. Сношения с Турцией, 1744, № 7, лл. 288—296.

Не случайно именно к этому периоду (1740 г.) относится заключение второго договора о капитуляциях, предоставляемых Франции,[1] который подтверждал и закреплял „навечно" не только дарованные ранее французам льготные условия торговли в турецких владениях, но и предусматривал ряд дополнительных привилегий для французских подданных, находящихся в Турции. Как известно, окончательное закабаление Османской империи иностранным капиталом относится ко второй половине XIX в., но исторически почва для этого подготовлялась, конечно, гораздо ранее, в течение предшествующих столетий. Приведенные выше факты, относящиеся к такому сравнительно короткому отрезку времени, как два десятилетия середины XVIII в., дают ясное представление о тех конкретных средствах, при помощи которых западные державы уже тогда стремились удержать (и удерживали) Османскую Турцию в сфере своего влияния.

„Попечение о торговле, — писал в 1762 г. российский канцлер князь М. Л. Воронцов, — которое все европейские народы с некоторого времени за главное в правительстве правило принимать стали, было причиною, что каждая корона, стараясь о распространении своей, старалась при том и о уменьшении соседственной".[2]

Что касается позиции России по отношению к Османской империи в рассматриваемый период, то несомненно, что она характеризовалась последовательным дружелюбием и стремлением разрешить обоюдные вопросы, вытекающие в эти годы из общей международной и внутриполитической обстановки, путем мирного урегулирования и соблюдения взаимных интересов. Самым существенным и для России продолжал оставаться вопрос об организации и расширении торговли через Черное море как с турецкими владениями, так и с другими государствами Леванта и Западной Европы. Однако, как мы уже видели, в этом пункте все начинания России обречены были на неудачу,[3] по причине крайней подозрительности и недоверчивости турок ко всем предложениям, исходившим со стороны России.

Русскому правительству было ясно, что если бы не крайне тяжелое внутреннее состояние Османской империи, турки попытались бы осуществить ряд серьезных операций против России. Правительство Елизаветы особенно беспокоило стремление Османских правителей расширить свои владения за счет прикаспийских территорий, принадлежавших Ирану, и зайти таким образом в глубокий тыл России. В цитированной записке канцлера М. Л. Воронцова „Описание состояния дел во время государыни императрицы Елизаветы Петровны", составленной в июне 1762 г., при перечислении пунктов, по которым следует опасаться агрессий со стороны Порты, это обстоятельство поставлено в ряду первых: „Российскому двору однако ж нужно на нынешнее время того престерегать, чтоб турки по польским делам пребыли в покое и чтоб не похотели они учинить приобретение над Персиею, и особливо близ Каспийского моря, понеже в таком случае не трудно им будет не токмо заведенный на том море Российский торг ниспровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы российские".[4]

Несмотря на заключенный в 1739 г. трактат „вечного мира", в Петербурге никогда не было уверенности в прочности позиции турок, так как

[1] Первая капитуляция была дарована французам Сулейманом Кануни в 1535 г.

[2] Архив кн. Воронцова, кн. 23, стр. 273.

[3] Вспомним проекты об организации черноморской торговли кн. Юсупова (Ульяницкий, ук. соч., стр. 71 и сл.).

[4] Архив кн. Воронцова, кн. 25, стр. 301.

здесь чувствовали и знали, что позиция эта в любой момент может измениться самым неожиданным образом. Воронцов, часто непосредственно соприкасавшийся с бесчисленными уловками турецкой дипломатии, писал по этому поводу: „Упомянутый трактат вечного мира во всех его артикулах Россия хранит с точностью, но Порта Отоманская нередко поступает в противность оному, по своенравию владеющего султана или верховного визиря. И понеже долговременное искусство довольно доказало, что на добрую веру и совесть турков полагаться не можно, но паче они... всегда содержат вредные намерения... и заключенные трактаты вероломно нарушают...то Россия и Австрийский дом, почитая Порту Отоманскую общим себе неприятелем, как для собственной обороны своей, так и для содержания турков в их должности, вступили между собою в тесный союз..."[1] Этот союзный трактат 1746 г. с Венским двором был в 1753 г. подтвержден особым актом, в котором оборонительные обязательства против турок закреплялись „навечно". В целях той же обороны, на случай нападения турок, Петербургским правительством было принято решение построить крепости на тех направлениях, со стороны которых турки более всего могли угрожать. Такими направлениями были: пограничные с Турцией земли в низовье Дона, где собирались построить крепость св. Дмитрия вместо разоренной ранее крепости св. Анны, и пограничные земли на реке Ингуле, где должна была возникнуть крепость св. Елизаветы.

Однако Порта, узнав о предполагаемой постройке крепостей, категорически воспротивилась, доказывая, что это противоречит условиям договора, хотя было вполне ясно, что названные крепости строились на значительном расстоянии от „барьерных земель" и располагались во внутренних границах Российского государства. В итоге долгих споров по этому поводу, русское правительство, не желая обострять отношений, вынуждено было временно отказаться от постройки крепостей. Однако после развязавшейся войны с Пруссией, узнав о чрезвычайной активности английского представителя в Стамбуле и о склонности Порты к заключению договора с Пруссией, русское правительство нашло нужным усилить свои гарнизоны в пограничных с турками областях на Украине и на Дону.

Русское правительство принимало энергичные меры и к тому, чтобы ликвидировать те многочисленные конфликты, которые часто возникали на границе между крымскими татарами и казаками. Так, между Россией и Турцией существовала договоренность, на основании которой запорожские казаки могли ездить за солью в Крымские степи и ловить рыбу в низовьях Днепра. Однако крымские татары чинили препятствия этому, часто нападали на казацкие обозы и подвергали их ограблению, а также вообще нападали на близлежащие к границе селения казаков.

В ответ на это, конечно, и казаки в свою очередь не оставались в долгу и, при удобном случае, мстили татарам за нанесенные обиды. Вследствие этого и возникала частая необходимость разбирать подобного рода конфликты, разыскивать и наказывать виновных и т. д. Чтобы упростить наблюдение за пограничными дорогами, по предписанию из Петербурга, резидент Обресков имел 23 марта 1752 г. конференцию с великим везиром по вопросу „об учреждении в границах Российской империи и Оттоманской Порты к воздержанию запорожских казаков и татар от продерзостей". Было решено учредить в наиболее проходимых местах пограничные заставы. Однако, несмотря на то, что Порта дала согласие

[1] Там же, кн. 25, стр. 302.

на учреждение подобного рода застав, она всячески оттягивала его исполнение и не давала указаний Крымскому хану по этому поводу.[1] В конце концов заставы были построены в 1754 г. только со стороны России на реке Каменке и на реке Ингуле.[2]

На неоднократные предложения со стороны России об учреждении в Крыму русского консульства, в задачу которого входило бы разбирательство разного рода пограничных конфликтов и наблюдение за безопасностью русских купцов в Крыму, Порта отвечала категорическим отказом.[3] (Между тем, французский посол, для которого, по существу, не было никакого дела в Крыму, давно сидел там).[4]

Свидетельством тому, сколь не обеспечены были интересы русских купцов в Крыму, являются такие факты, как, например, описанный в мемореале, поданном Вешняковым Порте 11 июня 1745 г. В нем излагалась жалоба резидента на произвол турецких таможенных чиновников в Крыму, которые произвольно облагали русских купцов многочисленными обременительными пошлинами, не предусмотренными соглашением о торговле.[5]

Подобные случаи, как подчеркивает там же Вешняков, были не единичны, и, таким образом, торговля русских купцов в турецких владениях в столь ненадежных условиях сопряжена была с большим материальным риском. В ответ на подобного рода жалобы резидента султан посылал грозные указы в Крым и Еникале, но указы эти не всегда были достаточно действенны и все оставалось по-старому. Пребывание в Крыму русского консула способствовало бы созданию более благоприятных условий для российских купцов, однако Порта не соглашалась допустить в Крым русского наблюдателя.

Крымские татары держались султанским правительством в качестве боевого резерва на случай войны с Россией и не в интересах Порты было строго укрощать татарскую вольницу. Более того, желая расширить свое влияние, турки стремились подчинить своей власти и близлежащие к Крыму земли Ногайских татар, которых они усиленно переманивали в свое государство. „Главнейшая претензия на турок, — писал в 1762 г. Воронцов, — ныне в том состоит, что они в 1742 году бывшую в Российском подданстве орду ногайских татар, в противность последнему мирному трактату, приняли под свою протекцию и оных, не взирая на сильные о выдаче их здешние представления и требования, у себя держат".[6]

Не менее важно было также следить и за тем, чтобы Порта, пользуясь поддержкой Франции, Швеции и Пруссии, не усилила своих позиций в Польше, откуда она могла серьезно угрожать России. Это обстоятельство неоднократно и настоятельно подчеркивается в многочисленных документах изучаемой нами эпохи. Так, например, русский резидент в Варшаве Глембовский в записке от 11 января 1746 г., поданной ко двору, о происках в Польше Пруссии, Франции и Швеции, писал: „... равно как и Оттоманская Порта, (будет) пользоваться искать, дабы силе Российской, на кого они завистливыми очами смотрят, каким либо образом пределы положить и что его величество Петр Великий... сие довольно признавая, Польшу всегда за зело потребную России барьеру оборонял, с Саксониею и Австриею в рассуждении Порты тесный союз содержал".[7]

[1] АКИДР. Сношения с Турцией, 1746, № 8, лл. 21—32.
[2] Там же, лл. 42—43.
[3] Там же, 1747, № 3, л. 13.
[4] Там же, № 7, л. 75.
[5] Там же, 1745, № 5, л. 352 и сл.
[6] Архив кн. Воронцова, кн. 25, стр. 305.
[7] Там же, кн. 7, стр. 123—124.

Сформулированные Воронцовым пункты о претензиях к османскому правительству наиболее полно отражают все те вопросы, которые более всего причиняли беспокойство Петербургу в связи с общей международной обстановкой к начальному периоду царствования Екатерины II.

„Россия при европейских замешательствах, — писал Воронцов, — от Порты опасаться имеет —1) чтоб не похотела она воспользоваться смятениями персидского государства и на ущерб его учинить приобретения, особливо ж распространиться до Каспийского моря, в каком случае Россия принуждена будет обратить свою атенцию с той стороны; 2) чтоб не напала войною на Австрийский дом, за который Россия, по силе вышеупомянутых обязательств и ради собственных интересов своих, вступиться принуждена; 3) чтоб не вмешалась в нынешние ссоры христианских государей, в таком случае все они вообще, и особливо Россия, приведены будут в заботу; 4) чтоб при будущем избрании нового короля Польского, в случае кончины нынешнего, не приняла она участия в польских делах, а сие для России равномерно вредительно; 5) чтоб по заключении ныне трактата дружбы и коммерции с королем прусским не постановила вредных обязательств противу соседних держав и особливо противу России, так как она уже действительно вступила в оборонительный союз противу ея с шведами в 1739 г., о чем прусские министры при Порте тщательно стараться не оставят".[1]

Такой чрезвычайно острой общей международной обстановкой характеризовались отношения между Россией и Османской империей в эпоху царствования Елизаветы Петровны. Россия, крайне заинтересованная в свободном выходе в Черное море и в расширении внешних торговых связей, пока еще не предъявляла открыто никаких серьезных претензий к Порте. Заинтересованная более всего в сохранении мира на юге, Россия зорко следила за поведением этого своего, не очень надежного, соседа. Между тем, Порта, по всей видимости, не прочь была использовать благоприятную международную обстановку в собственных интересах и „ласкала" в Стамбуле своих возможных союзников против России, но переживала крайне тяжелые внутренние финансово-экономические затруднения, которые не позволяли ей встать на путь новых военных авантюр. Эти обстоятельства, пожалуй, и определяли в решающей степени тот не всегда ровный характер „дружбы" Османской Турции по отношению к России, который показан выше, а также те весьма странные выходки турецких дипломатов, которые они позволяли себе не только в Стамбуле или в Крыму, но даже и в российской столице, как это неоднократно бывало при посещении Петербурга посланниками Порты.

Охарактеризованная выше политика правящих кругов Турции, находившая серьезную поддержку в среде аккредитованных при стамбульском дворе дипломатов западно-европейских держав, так и не позволила разрешить мирными средствами ни одной из тех проблем, которые прочно встали в порядок дня русско-турецких отношений с начала XVIII в. Это обстоятельство и привело к новым столкновениям между Турцией и Россией в конце XVIII в., в результате которых уже силою оружия было положено начало разрешению для последней как вопроса о черноморском судоходстве, так и вопроса о выходе русских судов из Черного моря во внешние моря.

---

[1] Там же, кн. 25, стр. 305.

Г. М. ПЕТРОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ РУССКО-ИРАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII в.

Дружественные отношения между Россией и Ираном существовали с давних времен. Они возникли в конце XV в. и в XVI в. были довольно оживленными, носившими характер дипломатических связей Московского государства с двором Сефевидов.[1] Оба государства, взаимно обменивавшиеся пышными посольствами, стремились к сближению и установлению тесного союза в борьбе против общего врага — турок.

Более или менее прочное экономическое сотрудничество Ирана с Россией достигло заметного развития в XVIII в., несмотря на то, что внутриполитическая обстановка в Иране в то время была очень напряженной. В течение нескольких десятков лет там шла ожесточенная кровопролитная междоусобная борьба. Отдельные феодальные правители и вожди племен, воспользовавшись распадом сефевидского государства, без устали бряцали оружием, оспаривая власть друг у друга. В то время ареной многочисленных военных столкновений была почти вся территория Ирана, но в наибольшей степени от этих военных действий пострадали центральные и южные области Ирана,[2] в экономическом отношении тяготевшие к Персидскому заливу, в портах которого на иранском побережье находились иностранные фактории (преимущественно английские), существовавшие там еще со времен шаха Аббаса I.

Основной причиной упадка хозяйственной жизни в указанных выше провинциях было то, что как во время афганского нашествия в Иран, так и в результате последовавших после изгнания афганцев междоусобных войн были поражены источники и средства орошения — плотины и канаты,[3] без которых нормальная жизнь в деревнях и городах, если учесть климатические условия этих провинций, была невозможной. Нормальная хозяйственная жизнь этих провинций в значительной мере зависела от восстановления и приведения в порядок оросительной системы. Но канаты и плотины являлись собственностью либо государства, либо отдельных

---

[1] В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 173—175. — Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890.

[2] Центром сефевидского могущества был г. Исфаган, а при Керим-хане-зенде столицей государства был г. Шираз.

[3] Канат (فنات)— подземное ирригационное сооружение, подземный канал, водопровод.

феодалов или крупных землевладельцев. В те тревожные и неспокойные десятилетия в стране царила анархия и прочной государственной власти не было. Местным правителям, занятым междоусобной борьбой и лишенным уверенности в своем завтрашнем дне, было не до того, чтобы заниматься восстановлением оросительной системы. С другой стороны, значительные массы крестьянства и кочевников, в связи с привлечением их к участию в многочисленных походах, отвлекались от своих основных занятий на длительное время. Это вызвало упадок сельскохозяйственного производства, которое и без того было на низком уровне. Непомерные требования продовольствия и фуража для снабжения войск приводили к тому, что крестьяне, доведенные до крайней степени разорения, были вынуждены покидать свои деревни и переселяться в отдаленные от больших дорог места, скрытые от взоров военачальников. Такому вынужденному переселению способствовало и то обстоятельство, что крупные землевладельцы и водовладельцы районов, ставших ареной военных действий, выезжали в безопасные места, оставляя на произвол судьбы принадлежавшие им деревни и крестьян. Нарушение обычной связи между городами южной и центральной части Ирана, явившееся результатом военной обстановки, вызвало упадок ремесленного и кустарного производства и сокращение объема торговли. Следствием этого было разорение мелких производителей и мелких торговцев, которые в поисках лучшей жизни устремлялись преимущественно в города северных и северо-западных, а также северо-восточных провинций Ирана.

Иностранные наблюдатели того времени оставили нам интересные сведения, которые дают представление о крайнем упадке экономической жизни южных и центральных провинций Ирана. Так, например, Отте в конце XVIII в. писал, что в Исфагане было много разрушенных домов и опустевших кварталов. В таком же состоянии — писал он — находились и другие города.[1] Оливье утверждал, что в его время в Исфагане — этом крупнейшем центре сефевидского могущества — было лишь 50 000 человек.[2] Говоря об опустении Хамадана, он указывал, что производство шелковых тканей в этом городе замерло и что город не восстановит своего былого величия до тех пор, пока в стране не воцарится спокойствие.[3] В Куме, в котором в XVI—XVII вв. было не менее 100 000 жителей, Оливье нашел почти развалины.[4] Кашан, в котором в XVI—XVII вв. насчитывалось не менее 150 000 жителей, по свидетельству Оливье, имел не более 30 000 жителей.[5] Такую же картину опустения Оливье наблюдал и в деревнях.[6] Он не без сожаления отмечал, что европейские купцы постепенно отказывались вести торговлю с Ираном и что с ним торгуют только русские купцы.[7]

Иранские источники, в достоверности которых нельзя сомневаться, подтверждают указанную выше характеристику экономического состояния центральных и южных провинций Ирана, объясняя упадок экономики в них плохим состоянием ирригационной системы, приведенной в расстройство в результате внутренних неурядиц в стране.[8] Ахмед Тахири, автор „Истории

---

[1] M. Otter. Voyage en Turquie et en Perse, t. I., Paris, 1798, стр. 224.
[2] G. Olivier. Voyage dans l'Empire Othman, l'Égypte et la Perse. Paris, t. V., 1807, стр. 178—180.
[3] Он же, т. V, стр. 52.
[4] Он же, т. V, стр. 163.
[5] Он же, т. V, стр. 178—180.
[6] Он же, т. V, стр. 164—165.
[7] Он же, т. V, стр. 311.
[8] شفق („Шефаг"), 23 ноября 1932 г.

Иезда", указывал, что при Сефевидах в Иезде было около 100 000 жителей, а в 1921 г. насчитывалось не более 35.000 жителей. Уменьшение числа жителей города автор объяснял тем, что часть населения эмигрировала в Ирак, Индию и другие страны, вследствие голода и часто повторявшейся засухи.[1] Насколько в Иезде ценится вода, подтверждал Шеталов. Он указывал, что в деревнях провинции Иезд каждая семья платила за воду до 100 туманов (около 200 руб.) в год и что одна только расчистка и поправка Мехдиабадского каната, имевшего в длину около 50 километров и заброшенного в течение 20 лет, обошлась в 72 000 туманов.[2]

По данным نامهٔ کشاورزی, в одном лишь районе Джирафт Керманской провинции имеется 300 канатов, из коих 150 канатов заброшены и вышли из строя.[3]

Следующая таблица дает представление о роли искусственного орошения в экономике Керманской провинции в целом.[4]

Наименование шахристанов	Число деревень	Число действующих канатов
Бам и Нармашир	255	200
Окрестности Кермана	161	—
Рафсенджан	237	117
Сейрджан	648	350
Икта	235	400
Зеренд	477	467
Равар и Кухбенан	130	149
Шахдод	97	72
Бардсир	197	252
Итого:	2437	2007[5]

Нетрудно сделать вывод о том колоссальном значении, какое в этой провинции, как и в других южных и центральных прозинциях Ирана, имела и имеет проблема ирригации и ценой какого огромного труда создавались искусственные ирригационные сооружения, если почти для каждой деревни приходилось рыть канаты протяжением по несколько десятков километров.[6]

[1] احمد طاهری تاریخ یزد سال ۱۳۱۷ صفحه ۲۰ (Ахмед Тахири. „История Иезда". 1938 г., стр. 20).

[2] Н. И. Шеталов. Город Иезд. Сб. Ср.-Аз. общ. востоков., в. I, СПб., 1907, стр. 72—73.

[3] نامهٔ کشاورزی شمارهٔ ۲—۱ سال ۱۳۱۹ صفحه ۵۱—۵۶ (Сельско-хозяйственный журнал, 1940, № 1—2, стр. 51—56).

[4] Данные относятся к 1940 г., но это не должно смущать нас, так как степень зависимости деревень Кермана от искусственного орошения, учитывая отсталость сельского хозяйства в Иране, была, повидимому, такой же, как и в XVIII в.

[5] نامهٔ کشاورزی شمارهٔ پنجم سال ۱۳۱۹ صفحه ۲۸۸—۲۹۲ (Сельско-хозяйственный журнал, 1940, № 5, стр. 288—292).

[6] Эти работы выполнялись специалистами. Так, например, когда в районе Бехбехана (Фарс) в 60-х годах XIX в. решили рыть канат протяжением до 14 км, то за отсутствием на месте специалистов правитель Фарса Хусам-эс-Салтане выписал из Мешхеда мастера, некоего Хаджи Мухаммад Казима, который вместе со своими двенадцатью подручными выполнил эту работу в течение трех лет. См. فارس‌نامه „Фарс-наме" Хаджи Мирза Хасан Хусейни (Тегеран, 1313, стр. 324).

Совершенно очевидно, что хозяйственная жизнь большинства деревень в южной и центральной части Ирана находилась в прямой зависимости от состояния оросительной сети, а она-то больше всего и подвергалась разорению.

В четырех районах Малаира насчитывается 252 деревни, которые пользуются водой для орошения из 514 канатов.[1] Хузистан в известной мере потерял свое экономическое значение вследствие разрушения Ахвазской плотины, о восстановлении которой помышлял Насир-ад-дин-шах.[2]

При крайне неблагоприятных условиях жизни в центральных и южных провинциях Ирана, где, помимо всего прочего, отряды южных иранских племен совершали нападения на торговые караваны и грабили купцов, экономическое значение этих провинций снижалось из года в год. В связи с этим потерял свое былое значение и путь к портам Персидского залива. Темпы возрождения хозяйственной жизни в этих провинциях были крайне медленными, ибо восстановление и приведение в годное состояние ирригационной системы находилось в прямой зависимости от упрочения власти центрального правительства.

В северных, особенно Прикаспийских, провинциях Ирана в этом отношении дело обстояло иначе. Нарушенная чрезвычайными событиями экономическая жизнь, быстро затем входила в свою нормальную колею, так как благодаря обилию осадков система искусственного орошения не играла здесь такой большой роли, как в других провинциях Ирана.

Постепенное перемещение центра экономической жизни на север страны, происходившее в XVIII в., совпало по времени с ростом могущества Российской империи. И по мере того как владения России все приближались к границам Ирана, экономическое сотрудничество Ирана с Россией становилось все более оживленным и прочным, приобретая для Ирана характер жизненно необходимого условия, благоприятствовавшего восстановлению и развитию экономики Ирана. Уровень промышленного развития России был значительно выше уровня промышленного развития соседнего с ней Ирана. Это и обусловило стремление иранских правящих кругов и отдельных местных феодальных правителей пользоваться выгодами экономического сотрудничества с Россией и искать у нее расположения и поддержки для осуществления своих политических целей. Не следует забывать о том, что еще в 1851 г. Энгельс писал Марксу, что „Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку“ и что „господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар“.[3]

Экономическое сотрудничество Ирана с Россией, приобретая с течением времени все более широкие размеры, приводило к установлению и развитию культурных и политических связей между обеими странами, порождало традиции в производстве и сбыте экспортных товаров. Это, в свою очередь, создавало сравнительно устойчивую конъюнктуру экспортных возможностей той и другой стороны. Насколько важными и прочными были экономические связи России с Ираном, свидетельствует тот факт, что в XVIII в. Англия получила на время право торговли

---

[1] نامهٔ کشاورزی شمارهٔ ششم سال ۱۳۱۹ صفحه ۳۰۰—۳۰۸ (Сельско-хозяйственный журнал, 1940, № 6, стр. 355—358).

[2] کسروی تبریزی تاریخ پانصدسالهٔ خوزستان ۱۳۱۳ طهران صفحه ۲۱۳—۲۱۴ (Кесрави Табризи. 500-летняя история Хузистана. Тегеран, 1934, стр. 213—214).

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XXI, стр. 211.

с Ираном транзитом через Россию. Получения такого же права добивались правительства ряда европейских стран, но безуспешно.

Иран не имел своей торговой флотилии. Известная в XVIII в. попытка Надир-шаха основать морской флот в Персидском заливе не увенчалась успехом.

По тем временам Россия сделала много, чтобы превратить путь через Каспийское море в удобное и дешевое средство сообщения для обмена товарами. Нельзя отрицать того благотворного влияния, какое оказала Россия на развитие экономики Северных провинций Ирана и Закавказских ханств учреждением Российских торгующих мореходных компаний. Регулярные и хорошо налаженные в те времена хозяйственные связи Ирана с Россией, развивавшиеся в интересах обеих сторон и создававшие традиции дружественных добрососедских отношений между Ираном и Россией, в известной мере способствовали перемещению центра экономики Ирана на север, ближе к Прикаспийским провинциям, которые, как и полунезависимые Закавказские ханства, в экономическом отношении тяготели больше к России.

Отношения между Россией и Ираном развивались преимущественно по линии расширения торговых связей. Правительство России всемерно поощряло инициативу русских купцов в этом отношении. Так, в декабре 1723 г. указом Петра I было учреждено „Торгующее в Персии купеческое общество".[1] В 1730 г. всем иранским подданным был разрешен свободный въезд в Астрахань для торговых целей.[2] В 1734 г., 23 сентября, был опубликован царский манифест об условиях Рештского трактата 21 января 1732 г., в силу которого русские купцы могли беспошлинно торговать в Иране и пользоваться другими привилегиями.[3] По свидетельству Ханвея, астраханские купцы в середине XVIII в. вели большую торговлю с Ираном. Торговый флот, на котором они перевозили товары в Иран и из Ирана, состоял из 38 судов.[4] Из Астрахани везли в Иран сафьян, меха, полотна, шерстяные ткани, а вывозили из Ирана кашанские шелковые шарфы, украшенные позолотой, рис, хлопок и особенно шелк-сырец.[5]

Существование „Торгующего в Персии купеческого общества", учрежденного Петром I в 1723 г., было подтверждено сенатом в 1758 г. Оно продолжало действовать до 1762 г., с основным капиталом в 600 000 рублей.[6]

В 1752 г. определением сената была учреждена в Астрахани компания для содержания и эксплоатации 25 морских судов. Только этой компании разрешалось перевозить товары из России в Иран и из Ирана в Россию.[7] В 1775 г. была создана „Российская в Персии торгующая первая компания" с основным капиталом в 150 000 рублей.[8]

Указом 3 апреля 1756 г. по частной жалобе одного фабриканта сенат предложил „привозимый в Астрахань шелк-сырец отпускать без пошлины, дабы в размножении российских шелковых мануфактур от неимения

---

[1] П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., т. III, СПб., Изд. Академии Наук, 1869, стр. 23.

[2] Он же, стр. 42.

[3] Он же, стр. 52.

[4] J. Hanway. The historical account of the British trade over the Caspean Sea, vol. I. London, 1753, стр. 126.

[5] Он же, т. I, стр. 127; т. II, стр. 313.

[6] П. Г. Бутков, ук. соч., т. I, стр. 147.

[7] М. Чулков. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего. Т. II, кн. 2., СПб. и Москва, 1785, стр. 334.

[8] Он же, стр. 226, 290.

довольного числа лучшего шелка остановки и помешательства не было".[1]

В 1758 г. право иметь свои суда получила учрежденная сенатом „Компания Персидского торга от Астраханского и Кизлярского портов", с основным капиталом в 600 000 рублей.[2]

Монопольный характер указанных обществ ограничивал частную инициативу и, повидимому, вызывал недовольство и протесты со стороны других купцов, которые хотели торговать с Ираном. Указом сената 10 августа 1762 г. монополия этих обществ была отменена и всем купцам разрешалось торговать с Ираном. Окрестности Астрахани объявлялись свободными для поселения иностранцев в течение 30 лет. Иностранцы освобождались от налогов и могли строить здесь фабрики и заводы.[3]

Наконец, в 1773 г. был обнародован проект учреждения новой компании для торговли в Иране и других областях, лежавших по берегам Каспийского моря. Основной капитал компании устанавливался в сумме 2 500 000 рублей.[4]

Итак, в XVIII в. экономические связи России с Ираном заметно выросли. Рост их также объяснялся стремлением правительства России „многократно доселе и от многих лет начинавшуюся без успеха коммерцию между Россиею и Персиею через Каспийское море учредить ныне на таком основании, чтобы не токмо единожды сия коммерция принять могла твердость свою на будущие времена, но и год от году процветать к вящщему обогащению государственному и народному".[5]

Важное место в развитии русско-иранских экономических отношений занимали Прикаспийские провинции Ирана. Следует помнить, что в этих провинциях выращивался рис, который охотно покупали русские купцы. Здесь же, особенно в Гиляне, производился шелк-сырец, на который существовал большой спрос за пределами Ирана. Согласно торговому договору Англии с Россией, заключенному 2 декабря 1734 года, английским гражданам разрешалось вести торговлю с Ираном через Россию с уплатой установленных пошлин. В 1738 г. англичане учредили в Гиляне свою торговую факторию. В 1746 г. транзитный путь в Иран через Россию был закрыт для Англии.[6]

Ввоз европейских товаров в Иран транзитом через Россию за 1742—1746 гг. характеризовался следующими относительными данными:

В 1742 г.	100%	В 1745 г.	148.7%
„ 1743 „	85.2	„ 1746 „	11.7[7]
„ 1744 „	60.3		

С другой стороны, вывоз шелка-сырца из Ирана в европейские страны транзитом через Россию в 1743—1749 гг. в относительном выражении составлял:

В 1743 г.	100%	В 1747 г.	10.8%
„ 1744 „	41.6	„ 1748 „	10
„ 1745 „	51.6	„ 1749 „	27.5[8]
„ 1746 „	42		

[1] М. Чулков, ук. соч., стр. 316.
[2] Он же, стр. 336, 337, 340, 349.
[3] Он же, стр. 384—385.
[4] Он же, стр. 410—411.
[5] Он же, стр. 409.
[6] П. Г. Бутков, ук. соч., т. I, стр. 221—222.
[7] J. Hanway, ук. соч., т. II, стр. 101.
[8] Он же, стр. 101.

Интересны данные русской статистики того времени, относящиеся к торговле России с Ираном, а также данные о торговле с Ираном английских купцов транзитом через Россию. Согласно этим данным ввоз товаров в Иран и вывоз товаров из Ирана за время с 1737 г. по 1745 г. выражался в следующих суммах:

	Ввоз в Иран	Вывоз из Ирана
Русскими купцами на сумму	416 005 р. 41 к.	631 570 р. 31¾ к.
Армянскими „ „ „	2 484 024 „ 51½ „	1 597 943 „ 00⅝ „
Английскими „ „ „	689 133 „ 91½ „	200 460 „ 02¾ „ [1]

Из приведенной выше таблицы видно, что русские капиталы (в противоположность английским) в то время еще не служили средством колониального закабаления Ирана и что с точки зрения ирано-русских отношений внешнеторговый баланс Ирана был активным.

Возросший удельный вес в экономике Ирана его северных провинций стал одной из причин перемещения на север и политического центра, каковым стал Тегеран с 1785 г., объявленный Ага-Мухаммад-шахом столицей иранского государства. Да и для упрочения власти каджаров, оспаривавших ее в течение многих лет у других претендентов, имело немалое значение то, что каджарская знать пользовалась относительным благополучием экономической жизни северных провинций Ирана, а также и тем, что им, каджарам, не угрожала опасность с севера.

Наоборот, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что отдельные феодальные правители Ирана в XVIII в. сами стремились к политической зависимости от России, чтобы только получить с ее стороны защиту и покровительство. Так, например, правитель Гиляна Хидайят-уллах-хан в 1773 г. просил через посредство русского консула Боголюбова о принятии Гиляна под покровительство России.[2] Он просил также о том, чтобы по первому известию о смерти Керми-хана зенда, который в то время имел власть в Иране, к нему было направлено 3000 русских солдат для охраны его владений. При этом он принимал на себя обязательство содержать этих солдат и ежегодно платить России дань в сумме 200 000 рублей и 2000 батманов (6000 кг.) шелка-сырца.[3]

Наследник Керим-хана зенда Абуль-Фатх-хан (ум. в 1782 г.) через посредство указанного выше Хидайят-уллах-хана просил Россию оказать ему вооруженную помощь в борьбе против своих врагов, обещав отдать под покровительство России всю территорию Ирана.[4]

Другой претендент на шахский трон — Али-Мурад-хан зенд — решил заключить торговый договор с Россией. С этой целью в 1784 г. он направил к Потемкину знатного курда Мухаммад-хана, тайно поручив ему добиться того, чтобы его, Али-Мурад-хана, Россия признала шахом Ирана. За это признание он обещал уступить России все ее прежние владения[5] и, кроме того, Карадаг и области Нахичеванскую и Ереванскую.[6]

Сам Ага-Мухаммад-шах каджар, воспользовавшись в 1786 г. пребыванием в Тегеране грузинского князя Захара Цицианова, просил его заверить

---

[1] П. Г. Бутков, ук. соч., т. I, стр. 221—222.

[2] Броневский. Исторические выписки об отношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича доныне. Рукопись, хранящаяся в ИВ АН СССР, лл. 53б, 54б.

[3] Он же, лл. 53б, 54б.

[4] П. Г. Бутков, ук. соч., т. II, стр. 94.

[5] Повидимому, имелись в виду завоевания Петра I в Иране.

[6] П. Г. Бутков, ук. соч., стр. 148; т. III, стр. 179.

царя Ираклия в своих дружественных чувствах по отношению к нему, в желании заключить с ним союз и выразил готовность передать в его полное распоряжение весь Азербайджан.[1] Через царя Ираклия Ага-Мухаммад-шах стремился получить благосклонность Екатерины II. Он состоял в переписке с Потемкиным и сообщил ему о своей готовности строго выполнять все трактаты, заключенные с Россией, а также оказывать содействие русским купцам, о чем, как он заявлял, было дано указание правителям всех округов. В декабре 1786 г. Потемкин благодарил шаха за письмо и обнадежил его благосклонным отношением Екатерины II к установлению торговли Ирана с Россией.[2] В знак своего расположения к России и желания установить добрососедские отношения[3] Ага-Мухаммад-шах в 1787 г. направил в Петербург в качестве своего посла Мирза-Мухаммад-Али, который и проживал в России до 1792 г.[4]

В 1785 г. брат шаха Муртаза-кули-хан каджар, намеревавшийся завладеть Гиляном, заявил о своем желании вступить в российское подданство.[5] Будучи изгнан из пределов Ирана, он нашел общий язык с Бакинским ханом, с помощью вооруженных сил которого ему удалось в декабре 1787 г. завладеть Гиляном. Вскоре однако он был вытеснен оттуда шахскими войсками. В 1791 г. ему вновь удалось завладеть Гиляном, но и на этот раз его постигла неудача и ему пришлось покинуть пределы Гиляна. Преследуемый отрядами шаха, он бежал к Талышинскому хану. Продолжая рассчитывать на поддержку России, Муртаза-кули-хан в августе 1792 г. поручил своему уполномоченному, который с 1789 г. проживал в России, представить следующие условия, на которых он, Муртаза-кули-хан, соглашался перейти в российское подданство:

1) чтобы его наследственные области были освобождены от власти Ага-Мухаммад-шаха и находились под охраной достаточного гарнизона. Все доходы с этих областей должны были бы поступать в царскую казну, а на содержание его, Муртаза-кули-хана, должно выдаваться жалованье по усмотрению Екатерины II. Власть над областями должна была принадлежать ему, Муртаза-кули-хану, а после его смерти — его наследникам из рода в род по праву первенства;

2) если в случае необходимости потребуется держать в Энзели постоянный гарнизон, то он, Муртаза-кули-хан, принимает на себя все расходы и обязуется давать ежегодно на содержание гарнизона по 10 000 рублей. Всем русским подданным разрешалась бы всюду беспошлинная торговля и рыбная ловля.

Кроме того, Муртаза-кули-хан просил прислать в Энзели 3 военных судна и командировать в Решт 300 русских солдат, чтобы противник знал и видел, что он находится под покровительством России.[6]

Итак, в конце XVIII в. в Иране среди различных феодальных группировок определенно существовало стремление ценою добровольного под-

---

[1] Ага-Мухаммад-шах путем таких заверений и обещаний хотел расторгнуть союз Грузии с Россией и подчинить Грузию Ирану.

[2] П. Г. Бутков, ук. соч., т. II, стр. 305.

[3] Эти отношения были испорчены в связи с инцидентом, в котором был замешан Войнович, командующий морской Каспийской флотилией. Войнович со своим экипажем высадился на иранской территории (недалеко от Астрабада) и возвел там укрепление. Он был задержан шахом и ему было предложено разрушить созданное им укрепление. Его освободили лишь после того, как он выполнил это предложение.

[4] П. Г. Бутков, ук. соч., стр. 304.

[5] Там же, стр. 304.

[6] Там же, стр. 321—322.

чинения России, территориальных и материальных уступок в пользу России получить с ее стороны защиту и покровительство.

Все приведенные выше факты достаточно веско и убедительно свидетельствуют об огромном престиже Российского государства и его большой роли в отношениях с Ираном, которые, — если учесть, что Россия позже других европейских стран вступила на путь развития промышленного капитализма, — в то время носили характер экономического сотрудничества, осуществлявшегося в интересах обеих сторон на основе дружественных добрососедских отношений.

Д. И. ТИХОНОВ

ХАРАКТЕР НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В СИНЬЦЗЯНЕ В XIX в. И ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

В течение всего XIX в. в Синьцзяне происходили восстания местного населения. Первое выступление произошло в 1816 г. Оно было подавлено в самом начале, но через десять лет, в 1826 г., последовало второе, уже охватившее все крупные города Кашгарии.

Представитель династии ходжей, правившей до завоевания страны Китаем в 1759 г., Джагангир захватил власть и управлял страной около девяти месяцев. Конечно, и эта победа носила временный характер. Однако население увидело, что китайское господство не так прочно, как казалось первоначально.

Да и мог ли Джагангир прочно закрепить свою победу? Войско Джагангира, состоявшее из его последователей, хотя и было довольно многочисленно, все же не имело выучки, вооружения и представляло плохо организованную массу. Притом, если первое время Джагангир встречал активную поддержку местного населения, ожидавшего его как избавителя от непосильного гнета со стороны китайской и местной администрации, то скоро, разочаровавшись в своих надеждах, местное население перестало проявлять к нему прежнюю приверженность. Едва ли чем другим можно объяснить то обстоятельство, что многочисленное ополчение Джагангира, встретившись с китайскими войсками, насчитывавшими значительно меньше солдат, разбежалось, не приняв решительного сражения.

В 1830 г. ходжи при помощи кокандских войск снова на некоторое время захватили в Кашгарии власть в свои руки. Но как только кокандские войска покинули Кашгар, ходжи оставили свой престол, вернувшись обратно в Коканд с надеждой вновь выступить, как только будет благоприятствовать обстановка. Политические обстоятельства для ходжей складывались благоприятно и в 1847 г. они решили снова выступить в Кашгарию. Успех был кратковременный. В 1857 г. произошла новая попытка.

В Кашгарии было две группы ходжей, боровшихся за политическую власть в стране: белогорцы и черногорцы. Белогорские ходжи представляли более сильную группу, их влияние распространялось на все оазисы, хотя наибольшее число последователей было в кашгарском оазисе и среди киргиз. Сторонники черногорских ходжей находились главным образом в оазисах кучарском и яркендском. Борьба белогорцев и черногорцев продолжалась на протяжении длительного времени. Иногда черногорцам

удавалось захватить политическую власть, но их правление было непродолжительным. Династия белогорцев установила более прочное господство.

В первой половине XIX в. восстания начинались в Кашгаре, а затем уже распространялись на всю страну. Кашгар стал центром освободительной борьбы в силу того, что белогорские ходжи, выступавшие руководителями движений, находили себе сторонников больше всего здесь, и особенно среди киргиз. Первые отряды повстанцев всегда состояли из киргиз. Кроме того Кашгар расположен ближе других городов к границе Кокандского ханства, и ходжи, покидая территорию Коканда, где они проживали под надзором, устремлялись сюда в полной надежде найти поддержку.

Но события 1864 г. начались с востока. Призыв к борьбе с китайскими властями раздался в Кучаре, ближе расположенном к районам дунганского восстания. И на этот раз на политическую арену, после длительного перерыва, выступили черногорские ходжи.

Восстание 1864 г. является самым значительным по территории распространения и по своим последствиям. Если в прежних восстаниях выступали киргизы и уйгуры, то теперь участвуют дунгане, калмыки, выходцы из Средней Азии, из Бадахшана, Куляба и Афганистана. Восстание охватило не только Кашгарию, но и Джунгарию и Илийскую долину. Китайский император, занятый подавлением тайпингов, а затем дунган, не мог выслать войска для усмирения волнений в отдаленных западных областях своей империи. Местные гарнизоны не в силах были остановить нараставшую волну народного возмущения против непосильного гнета и несправедливостей. На этот раз победа оказалась более прочной. Независимое государство просуществовало около пятнадцати лет.

Возникает вопрос, почему так часто в Восточном Туркестане в XIX в. происходили народные волнения, какие причины побуждали местное население почти каждое десятилетие браться за оружие, против кого были направлены эти восстания? Ответ на эти вопросы можно получить, рассмотрев положение страны в системе Китайской империи.

Политические события XIX в. имели большое значение для истории страны и рассматривать их следует в той конкретной обстановке, в которой они происходили.

При изучении всякого социального вопроса мы должны руководствоваться указанием В. И. Ленина на то, что „Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи".[1]

После завоевания Джунгарии и Кашгарии в 1759 г. китайское императорское правительство установило в этих областях колониальный режим. Характер колониальной политики определялся внутренним социальным строем в самом Китае. Поскольку в Китае господствовали феодальные отношения, то и колониальная политика носила феодальный характер. Сущность этой политики сводилась к внеэкономическому грабежу.

Административные, земельные и налоговые реформы, проведенные в Кашгарии в 80-ых годах XVIII в., с наибольшей полнотой отразили интересы господствующего феодального класса Китая.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 431—432.

Китайский император не упразднил местную административную систему, а лишь создал аппарат из китайских чиновников, который обязан был следить за туземными чиновниками. Такая административная система облегчала китайскому правительству проведение политики грабежа местного трудового населения. В двух оазисах — Хамийском и Турфанском, где местные феодалы проявили особую преданность китайскому императору, была установлена наследственность княжеской власти.[1]

Создавая огромную армию чиновников, китайский император не собирался проявлять щедрость за счет казны. Чиновники за исполнение своих обязанностей не получали жалованья. Была установлена другая система компенсации. Каждый чиновник получал участок земли и прикрепленных крестьян. Размер земельного участка и количество крестьян устанавливались в зависимости от ранга чиновника.[2] Чиновники высших классов получали по 150—200 батманов земли и по 70—100 человек крестьян. Право пользования землей и крестьянами сохранялось за чиновником только до тех пор, пока он занимал должность. Эта система оплаты была крайне выгодна Китайской империи. Расходы на содержание административного аппарата и в значительной части расходы по содержанию гарнизонов ложились на плечи трудового населения. Валиханов указывает на наличие клиентов даже у китайских солдат. Кроме того, население содержало войска во время их походов. Эта реформа создавала новый слой средних чиновников-феодалов, которые должны были стать социальной опорой китайского императора в стране и проводить политику ограбления местного населения.

Несмотря на слабое экономическое развитие страны и примитивность общественных отношений, административный аппарат отличался чрезвычайной громоздкостью. Самая большая группа чиновников исполняла различные обязанности финансового ведомства, затем следовала группа чиновников, занятых общественными работами, и военного ведомства, но совсем нет в номенклатуре должностей чиновников, на обязанности которых лежала бы забота о развитии хозяйства страны, о здоровье и культуре. Следовательно, основная задача административного аппарата заключалась в ограблении населения внеэкономическими методами.

Весьма существенную долю доходов китайских чиновников составляла внешняя торговля, особенно чайная, бывшая монополией китайских фирм с участием крупных чиновников.[3]

Налоговая политика тоже была направлена к укреплению политического господства китайского феодализма. Согласно действовавшему закону, налоги платил только простой народ. Чиновники и духовенство от уплаты налогов освобождались, между тем как они владели большой земельной собственностью лучшего качества и огромными табунами скота. Мечеть Аппак ходжи около Кашгара имела земли 43 470 га. Комульский

---

[1] Таарих-и Эминие. История владетелей Кашгарии. Сочинение Муллы Мусы бен Мулла Айса Сайрамца. Изд. Н. Н. Пантусова, Казань, 1905 стр. 31.

[2] Подробно об этом см. Ч. Ч. Валиханов, Сочинения, под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904, стр. 409—410. — Л. И. Думан. Аграрная политика цинского (манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 228—229, прил. № 6.

[3] Ч. Ч. Валиханов, ук. соч., стр. 465. — К. Скачков. О торговле русских в Чугучаке, стр. 25. — В. Д. Скачков. Наши торговые дела в Китае. СПб., 1863, стр. 32. — Пав. Зенков. Чайная торговля в Семиречье. Туркестанские ведомости, 1876, № 32.

ван (князь) имел столько лошадей, что за один раз дарил не одну сотню. Овец было 260 котанов, каждый котан от 700—1200 голов.[1]

Налог вносился деньгами и натурой. Доля натурального налога определялась местными китайскими властями в размерах, необходимых на содержание войск и чиновников. При сдаче налога натурой цены устанавливались обычно ниже рыночных, а размеры вьюка определялись на глаз и злоупотребления здесь ничем не ограничивались, но еще больших размеров злоупотребления достигали при сдаче налогов на откуп.

Поскольку товарно-денежные отношения в крестьянском хозяйстве были развиты очень слабо, уплата денежных налогов создавала большое осложнение для трудового крестьянства. В период платежей на рынок выбрасывалось много хлеба, и цены падали, но весной перед новым севом, когда скудные запасы у большинства крестьян подходили к концу, цены на хлеб поднимались. На резком колебании хлебных цен наживались баи, ростовщики, чиновники.

Тяжелое положение, долги часто заставляли крестьян покидать землю и уходить на поиски лучших условий существования. Китайское правительство, не желая терпеть убытки в этих случаях, раскладывало казенные подати на общину. Кроме государственных налогов, взималось много различных сборов на местные нужды, которые часто превышали налоги государства.[2]

Однако, как ни обременительны были различные налоги и поборы, все же самым тяжелым бременем была трудовая повинность, применявшаяся на различного рода государственных и общественных работах: постройка и ремонт крепостей, дорог, мостов, каналов и т. д. Трудовая повинность в рабочее время оставляла крестьянина без нормального урожая на целый год и превращала его в должника баю или ростовщику.

Ростовщичество в Восточном Туркестане достигло чудовищных размеров. По свидетельству путешественников, почти в каждом селении имелся ломбард, где крестьянин мог получить ссуду. Этот способ ограбления трудового населения проник во все области жизни страны.

Налоговые тяготы, трудовая повинность особенно усилились когда в Китае поднялось восстание тайпинов в 50-х годах, а затем дунган в западных провинциях Китайской империи. Дотации от центрального правительства в сумме 2 млн. лан серебра на содержание китайской администрации и войск прекратились. Для покрытия расходов пришлось ввести дополнительные налоги.[3] Началось укрепление крепостей. Для покрытия недостатка в деньгах открыли серебряные рудники. Условия труда были ужасные, никто не шел туда работать, и местные власти принудительным порядком привлекали на работу в рудниках. Крестьянство разорялось. Многие бросали свою землю, имущество и уходили. Продажа должностей получила широкое распространение и производилась совершенно открыто.

Города Восточного Туркестана в XIX в. не являлись промышленными центрами, в них ремесло, так же как и в кишлаках, чаще всего носило подсобный характер. Признаков мануфактурного производства не наблюдалось и поэтому крестьянин, бросивший свой участок, не мог в городе

---

[1] G. Raquette. Eine kaschgariche wakf urkunde aus der Khodscharcit ost Turkestans. Lund, 1930, стр. 4. — Таарих-и Эминие, стр. 112.

[2] Подробно об этом см. Ч. Ч. Валиханов, ук. соч., стр. 423.—Р. Ша. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара (прежней Китайской Татарии). СПб., 1872, стр. 338.

[3] Ч. Ч. Валиханов, ук. соч., стр. 424. — Таарих-и Эминие, стр. 41—42. — Мухаммед Алям, рукопись ИВ АН СССР, В. 2322, л. 1-б и сл.

получить работу, а если и получал — поденную, то за самую низкую плату.[1] Это обстоятельство приводило к широкому распространению испольной аренды.

Для трудового крестьянского хозяйства Кашгарии характерно как в XIX в., так и позднее малоземелье и чрезвычайно большая доля непроизводительного капитала. Основную долю составляла стоимость земли и построек и значительно меньшую — рабочий скот и инвентарь. Но даже и при таком положении средний размер участка крестьянского хозяйства составлял 1—1.5 га.

Малоземелье, тяжелые налоги, различные поборы приводили к обнищанию трудового крестьянства. Сельхозорудия оставались самыми примитивными: серп, деревянная соха; но значительная часть хозяйства не имела и этого инвентаря. Более чем у двух третей хозяйств не было своего рабочего скота. При отсутствии скота крестьянин не мог регулярно удобрять свое поле и поэтому получал низкий урожай.

И не удивительно, что почти каждое десятилетие возникали восстания местного населения, искавшего выход из бесправного и полуголодного положения. Следует заметить, что ни при ходжах, ни при Якуб-беке оно не добилось облегчения своей участи. Якуб-бек, устранив крупное землевладение китайских чиновников, создал новый слой землевладельцев из военных начальников, выходцев из Коканда. Более заслуженные лица получали союргал.[2] Почти непрерывные войны и походы приводили страну к разорению. Большая часть населения, участвуя в походах, не занималась производительным трудом, а те труженники, которые возделывали свои поля, вынуждены были вносить большой албан и давать подарки Якуб-беку и чиновникам. Много времени отнимали работы по ремонту мостов, дорог и укреплений. Сбор налогов отдавался на откуп. Чиновники, не считая свое положение прочным, как и откупщики, старались урвать себе как можно больше.

Восстания XIX в. имели то общее между собой, что они все были направлены против китайского господства. Руководили восстаниями феодалы и представители бывшей династии ходжей. Крестьянство своих требований организованно не выставляло, не выделило своих вождей, а следовало за ходжами. Религиозный мотив объединял на некоторое время вокруг ходжей различные социальные слои населения.

Однако движение 60-х годов имело свои особенные черты, отличавшие его от всех предыдущих. Положение самого Китая после Нанкинского договора изменилось. Капиталистические страны получили открытый доступ со своими товарами и целый ряд привилегий. На востоке происходило восстание дунган, последовавшее за тайпинским, волна которого катилась к западу, захватывая новые районы дунганского населения и оказывая влияние на остальное население. Кокандское ханство, сохраняя интерес к политическим событиям в Кашгарии, не могло проявлять прежней активности, поскольку русские войска в 1860 г. при Узун-Агаче нанесли поражение основным силам Кокандского ханства, а в 1865 г. уже заняли Ташкент. В этих условиях кокандский хан, оказывая покровительство посольствам из Кашгарии, не мог дать серьезной помощи. Англия проявляла исключительную активность, чтобы укрепить свое положение и по другую сторону Гималаев. Границы России придвинулись к западным границам Китайской империи.

---

[1] Р. Ша, ук. соч., стр. 338.
[2] Таарих-и Эминие, стр. 115, 150, 177—178.

Характер восстания определяется основными задачами, которые оно решает. При рассмотрении событий XIX в. в Восточном Туркестане встречаются трудности. Документальные данные весьма ограничены, особенно по истории первой половины XIX в. Правда, несколько лучше дело обстоит со второй половиной. Здесь имеется несколько уйгурских рукописей, скорее мемуарного характера, написанных современниками и участниками событий. В них содержится много нового материала, позволяющего полнее представить общий ход событий и правильнее осветить некоторые вопросы. Опубликованы описания страны путешественниками, доступны архивные материалы.

Во всех восстаниях XIX в. решающей силой было крестьянство и городское население. Эта трудовая часть населения выносила на своих плечах всю тяжесть политических событий, а руководство принадлежало феодалам.

Восстания первой половины XIX в. происходили в Кашгаре и начинались после прибытия из Коканда ходжей. Кратковременное их правление распространялось только на Кашгарию и никем не оспаривалось. В 1864 г. события почти одновременно последовали в Урумчи, Кучаре, Кашгаре, Хотане и других городах. В каждом из этих оазисов местные феодалы захватили власть и не хотели признавать своей зависимости от кого-либо другого.

В Урумчи было создано дунганское владение, в Кучаре правил Рашид-ад-Дин ходжа, претендовавший на всю Кашгарию. Во главе Хотанского владения стоял Хабибулла, а в Кашгаре власть захватил предводитель киргиз Садык-бек. В Илийской долине образовалось таранчинское султанатство.

Феодальная верхушка с самого начала использовала восстание в своих интересах. Борьба между отдельными оазисами ослабляла общие усилия и мешала объединению страны.

Производительные силы страны были настолько слабо развиты, что каждый оазис жил самостоятельной хозяйственной жизнью. Хотя и существовала торговля между оазисами, все же экономической зависимости одной области от другой не было.

Естественно, что прочных экономических предпосылок к созданию единого государства в этой борьбе еще не было, как не было еще и социальных сил, которые бы боролись за единое государство и защищали бы общие интересы.

Общим лозунгом, объединявшим все классы, был „газават" — война против неверных. Этот лозунг объединял только до тех пор, пока шла борьба с китайскими войсками, но как только одерживалась победа, разногласия между местными феодалами принимали характер вооруженной борьбы. Такой ход приняли события в Уч-Турфане. После разгрома китайского гарнизона здесь вспыхнуло восстание против кучарских ходжей.

С прибытием Бузрука как хана всей Кашгарии и представителя белогорских ходжей и Якуб-бека борьба приняла еще более острую форму. Первым потерпел поражение Садык-бек. Вскоре после взятия Яркенда Якуб-беку удалось захватить Хотан. Затем он нанес полное поражение Рашид-ад-Дину и подчинил себе остальные города Кашгарии до Хами. Потерпели поражение и дунгане. Вместо нескольких владений образовалось одно феодальное теократическое ханство.

События 60-х годов развивались быстро и успешно. Везде население, вооруженное чем попало, уничтожало китайские гарнизоны, китайских чиновников, ростовщиков. В некоторых случаях убивали и туземных чинов-

ников, если они слишком усердно проводили интересы китайской администрации или продолжали оставаться верными присяге китайскому императору и в период восстания.[1]

Несмотря на различные интересы отдельных классов, все они выступали против китайского господства. Крупные феодалы стремились вернуть утраченное политическое господство, они боролись за право безраздельного грабежа страны. Торговцы хотели получить свободу внешней и чайной торговли, составлявшей монополию китайских фирм. Ростовщичество, дававшее огромные доходы, в случае победы переходило от китайцев в руки туземных торговцев. Городская беднота освобождалась от обременительных долгов, несения обязанностей клиентов.

Крестьянство стремилось уменьшить непомерные налоги, сократить трудовую повинность, избавиться от долгов. Духовенство следовало за ходжами и проявляло большую активность в борьбе с китайским господством. На стороне китайцев оставалась менее значительная часть средних феодалов-чиновников, получивших от императора должности, землю, крестьян и различные льготы.

Таково было распределение сил в ходе освободительных движений в Синьцзяне в XIX в.

В нашей литературе по этому вопросу имеются другие взгляды на характер движений XIX в. в Синьцзяне.[2] В одном случае они характеризуются как антифеодальные, а в другом — как национально-освободительные. Говорить о национальном характере движений в Синьцзяне в XIX в. преждевременно, поскольку не было еще налицо необходимых условий для формирования национальностей и отсутствовало национальное самосознание, но их нельзя определять и как антифеодальные. Они не были направлены против феодального строя, крестьянство не отнимало земли у феодалов, не лишало их всех прав и привилегий. В ходе событий земля, скот и другие богатства перераспределялись между правящей группой китайских и местных феодалов.

Все восстания XIX в. в Синьцзяне были направлены против китайского господства. Освободительный характер движений подтверждается всем ходом событий и материалами источников. В Таарих-и Эминие, основном источнике по истории Синьцзяна XIX в., об этом подробно говорится на страницах 41—45. Автор, описывающий события в Хотане, говорит, что население Хотанского оазиса обратилось к Хабибулле с просьбой избавить его от гнета иноземцев, дать свободную жизнь.[3] В Ташкенте в архиве обнаружилось письмо из Кашгара и Яркенда на имя Хаким хан тюря, в котором пишется о том, что он должен притти в Кашгар, объявить „газават" и избавить народ от китайского господства.[4]

Освободительные движения не привели к окончательной победе, независимое ханство Якуб-бека прекратило свое существование, китайские императорские войска снова присоединили страну к империи. Тем не менее, их роль исключительно велика как в политической истории, так и в формировании сознания населения.

---

[1] Там же, стр. 44.

[2] Л. И. Думан, ук. соч., 216. — В. Шахматов. Очерки по истории уйгуро-дунганского национально-освободительного движения в XIX в. Тр. Казахского Инст. нац. культ., т. I, 1935, стр. 51.

[3] Мухаммед Алям, рукопись ИВ АН СССР, В. 2322, лл. 4а, 4б.

[4] Центральный архив Уз. ССР, ф. 1, опись 29, дело 523, лист 2—3.

Положительным фактором освободительных движений XIX в. в Синьцзяне является укрепление в сознании у населения необходимости борьбы с китайским господством. Это сознание проявлялось и в дальнейших, уже более слабых, попытках борьбы, это нашло отражение и в большой рукописной литературе на уйгурском языке, посвященной XIX в. Участники современники событий, особенно второй половины XIX в., оставили литературные памятники, на которых должны воспитываться новые поколения.

Китайское правительство после разгрома ханства Якуб-бека приняло в 1883 г. некоторые меры по упорядочению налогов и администрации, не изменяя самого принципа своей политики. По-прежнему оставалась местная и китайская администрация. Уйгуры не брались в войска и могли занимать должности не выше начальника уезда. Сборы в пользу местной администрации никем не ограничивались.

Все мероприятия проводились с таким расчетом, чтобы вызвать вражду между отдельными народностями. Калмыки формировали конные части и за это освобождались от уплаты налогов. Киргизы платили налоги по более низким нормам, чем оседлое население. Такая политика несомненно имела свои последствия. Но все же ни куцыми реформами, ни политикой разделения китайским властям не удавалось добиться полного спокойствия, поскольку причины, приводившие к восстаниям, продолжали оставаться. Недовольство было как среди трудового населения, так и среди некоторой части феодалов. Желая предотвратить новые выступления, китайские власти усилили гарнизоны, изъяли лошадей, чтобы лишить возможности организовать подвижные отряды повстанцев.

Однако следует заметить, что хотя недовольство китайским режимом и было, но открытых выступлений такого характера, какие наблюдались до конца XIX в., уже не произошло. События XX в. носят другой характер и связаны с политическими событиями в самом Китае.

Боксерское восстание в Китае слабым эхом отозвалось в Синьцзяне и привело в движение лишь незначительную часть наиболее активных противников китайского господства, что касается широких масс трудового населения, то оно осталось безучастным.

Революция 1911—1913 гг. получила более широкий отклик, однако и здесь события проходили без участия широких трудовых масс местного населения. События приняли форму правительственного переворота. Власть в провинции перешла из рук одной группы чиновников в руки другой, поддерживавшей республику.

Губернатором провинции был назначен кашгарский губернатор. Назначение нового губернатора несколько успокоило положение и в Илийской долине и в Кашгарии. В Урумчи жизнь тоже стала входить в свою обычную норму. Провинциальные деятели отправили телеграмму Юань Ши-каю с выражением верности республике и информировали о принятых мерах для поддержания порядка и спокойствия. Казалось, что республиканцы почти без борьбы захватили в свои руки провинциальную власть. Однако неожиданно последовало выступление сторонников императорской власти. Они проникли в ямынь, убили нового губернатора и некоторых других чиновников, стоявших за республику, сорвали республиканские флаги с правительственных зданий, вооружили своих людей и установили контроль за деятельностью правительственного аппарата.

Но поскольку противники республики смогли организовать выступление лишь в одном городе Кашгаре, то не создалось общей угрозы новому порядку, тем более, что в самом Китае манчжурская династия уже давно уступила место республике.

В революции 1912 г. участвовала главным образом китайская часть населения: чиновники, офицеры и войска. Уйгуры, киргизы да и другие народности стояли в стороне от этих событий.

Революция 1911—1913 гг. ограничилась правительственным переворотом. Общественный строй не изменился, несмотря на победу республики. Трудовое население ничего не получило: ни земли, ни политических прав, ни свобод. Положительным моментом всех событий XX в. явилось то, что народы Синьцзяна вступили на путь борьбы за улучшение своего материального и политического положения вместе с демократическими силами Китая.

Следует заметить, что в 1912 г. империалистические государства, особенно Германия, пытались использовать местное население в своих интересах. В южных районах Синьцзяна Германия через турок вела агитацию за создание мусульманского государства в Синьцзяне. Правда, идея эта не нашла широкого круга последователей, но дальнейшие события использовались для ее осуществления.

Политические события последующего периода должны рассматриваться с учетом новых факторов, которые определяли характер этих событий. Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила феодальный гнет в Узбекистане, Казахстане, Киргизии. Свободные народы перестраивают свое хозяйство из отсталого в передовое, технически оснащенное, создают промышленность, развивают свою национальную культуру. Свободное развитие народов Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции явилось новым и исключительно важным фактором для Синьцзяна. Сталинская национальная политика Советского Союза, отвечающая насущным нуждам отсталых народов, испытывающих гнет империалистических держав, освещает путь борьбы трудящихся за свою независимость.

Империалистические государства в XX в. усилили свою работу в Синьцзяне, развивая экономическую и политическую активность. Япония после войны с Россией в 1905 г. стала проявлять особенную активность в Синьцзяне. В 1907 г. в Синьцзян приехал с целью изучения страны майор Хино. С этого времени японские агенты не прекращают своей работы. Почти в это же время проникла в Синьцзян и Германия. После поражения Германии в первой мировой войне, Япония с 1918 г. усиливает работу по созданию Туранской империи и с этой целью создает общество „Туран".

В таких условиях началось восстание 1931—1934 гг. Оно обусловливалось внутренним положением провинции. Гоминдан, после убийства в 1928 г. губернатора Яна, сторонника Чзан Цзо-лина, не признававшего Нанкин, хотя и объявил программу экономического возрождения провинции, демократизм и равенство, а на самом деле положение в стране продолжало ухудшаться. Даже правительственная печать не могла скрыть этого процесса и писала о росте цен на продовольствие, об ухудшении положения в стране, о разорении крестьянских хозяйств. Но дальше этого дело не пошло. Гоминдан ограничился лишь одной декларацией. Даже наследственная княжеская власть в оазисах Турфана и Хами продолжала оставаться до 1931 г.

На ход политических событий в Синьцзяне в 1931 г. оказало влияние восстание дунган в 1929 г. в провинции Ганьсу. После подавления его в Синьцзян хлынула волна беженцев, бóльшая часть которых осела в соседнем Хамийском оазисе. Непосредственным поводом к восстанию послужила реорганизация Хамийского княжества, лишение князей наследственной власти и ряда других привилегий.

В апреле 1930 г. группа вооруженных крестьян в 200—300 человек напала на уездное управление. Одновременно другая группа повстанцев захватила город Баркуль и склад оружия.[1] В мае повстанцы захватили город Хами.

В июне к повстанцам примкнул генерал Ма Чжу-ин со своими войсками, численностью около 1000 человек, и начал наступление на города Гучен и Пичан.

Провинциальное правительство стало принимать все меры, чтобы ликвидировать восстание и не допустить волнений в других оазисах. Был затребован отряд всадников из Карашара, но хан торгоутов отказался дать войска и объявил борьбу за самостоятельность. Правительство вынуждено было снять войска с Хамийского оазиса и перебросить их против торгоутов. Тем временем повстанцы захватывают весь оазис Хами и города Баркуль и Гучен.

Военные операции потребовали дополнительного хлеба, фуража, перевозочных средств и т. д. Все это взималось главным образом в соседнем оазисе Турфанском, что в свою очередь вызвало восстание населения в этом оазисе. Стали появляться повстанцы и в районе Урумчи. Их отряды предприняли атаки аэродрома и крепости, где укрылись китайские войска.

В Кашгарии губернатор Ма также начал борьбу за самостоятельность. Командир дивизии Илийского округа отказался подчиниться провинциальному правительству Цзиня. На Алтае агентам Ма Чжу-ина удалось поднять восстание. Провинциальное правительство оказалось в исключительно тяжелом положении. События могли принять такой размах, что китайское правительство становилось перед опасностью потерять провинцию.

Потеря провинции затрагивала интересы чиновников, купцов, ростовщиков и помещиков. Естественно, что они не могли допустить дальнейшего развития событий. Выходом из затруднительного положения явился правительственный переворот 1934 г. Во главе правительства стал Шень Ши-цай. Вина за все беспорядки была возложена на прежнего председателя провинциального правительства Цзиня, который не проводил в жизнь приципы Сун Ят-Сена.

Новое правительство было сформировано из представителей всех национальностей. Оно разделило гражданскую и военную власть[2] и выпустило декларацию, в которой говорилось, что все народности пользуются одинаковыми правами, устанавливается свобода слова, печати и народного образования. Религия отделялась от государства. Все природные богатства есть собственность государства и используются для развития промышленности. Правительство принимало на себя обязательство развивать хозяйство и торговлю. Договоры с соседними государствами пересматривались, устанавливалась дружественная политика по отношению к СССР.[3]

Хотя декларация нового провинциального правительства была написана в тот период, когда оно еще не чувствовало себя достаточно сильным и шло на более значительные уступки, она все же ограничивала политические свободы рамками законов об охране Республики, и всякая деятельность, направленная на дальнейшее развитие демократических принципов в стране, преследовалась законом в силу того, что угрожала Республике.

---

[1] Бюллетень прессы Среднего Востока, № 13—14 за 1932 г.

[2] Цзинь был председателем провинциального правительства и командующим всеми военными силами провинции.

[3] Архив Института востоковедения АН СССР, разр. 1, опись 1, дело № 122, листы 1—2.

В декларации ничего не говорилось о крупной земельной собственности феодалов и чиновников и о мерах, направленных к прекращению массового обезземеливания и обнищания трудового крестьянства. Правительство не решилось на проведение земельной реформы.

Был создан парламент, в который входили представители от всей страны. Но парламент, как и правительство, состоял из крупных чиновников, феодалов и купцов. Обращение парламента к народу исходило из принципов декларации нового правительства.[1]

Новый председатель провинциального правительства заявил о верности великим принципам Сун Ят-Сена, от которых отказалось прежнее правительство.

Генерал Шень Ши-цай провозгласил политику шести принципов: борьба с империалистами, дружба с СССР, равенство национальностей, бескорыстие чиновников, мир и строительство хозяйства.

Декларация шести принципов отражала основные требования широких народных масс и поэтому силы повстанцев значительно ослабли, тогда как новое провинциальное правительство приобрело популярность. Продолжительные беспорядки тяжелым бременем лежали на населении и в установлении порядка были заинтересованы все слои провинции.

Но надежды трудового населения и демократических элементов не оправдались. Шень Ши-цай вскоре стал отходить от этих принципов и проводить реакционную политику гоминдановского правительства.

Шень Ши-цай начал проводить энергичные меры к прекращению восстания. Во все районы провинции выехали представители правительства для разъяснения принятых мер. Повстанцам были сделаны уступки. Руководитель восстания на Алтае Шарип-хан был назначен губернатором Алтайского округа.

Глава хамийских повстанцев Нияз Хаджи получил в управление Турфанский и Хамийский оазисы, Чжан Пэнь-ань остался в Или в должности помощника главнокомандующего, а Ма Чжу-ин был назначен начальником Восточного гарнизона (Гучен-Баркуль). Принятые меры позволили быстро установить спокойствие во всей Джунгарии.

В Кашгарии события продолжали развиваться. По мере того как провинциальное правительство снимало свои части в Кашгарию, начинала оживляться антиправительственная деятельность и в Джунгарии. В самом Урумчи имелась значительная группа чиновников, требовавшая от Шень Ши-цая более радикальных мер. С другой стороны, Чжан Пэн-ань, Ма Чжу-ин вступили в переговоры с Ма (Кашгария) для общего выступления против правительства. Однако Чжан Пэн-ань был разбит прежде чем Ма Чжу-ин выступил со своей 10-тысячной армией. К этому времени правительственные войска насчитывали 46 000 солдат.[2] Следовательно, правительство располагало силами для нанесения полного поражения Ма Чжу-ину, который после неудачных сражений двигался на юг Кашгарии, где и потерпел полное поражение.

В сентябре 1933 г. в Кашгарии было создано мусульманское государство во главе с купцом Сабит-Дамуллой, которое объявило о полном своем отделении от Китая. Правительство Сабит-Дамуллы пыталось установить дипломатические отношения с Индией и Афганистаном, но, не успев сделать в этом направлении сколько-нибудь реальных шагов,

---

[1] Архив Института востоковедения АН СССР, разр. 1, опись 1, дело № 121, листы 1—5.

[2] „Правда", 26 декабря 1933 г. Сообщение ТАСС.

потерпело поражение. Летом 1934 г. правительственные войска заняли Кашгар.

Восстания Нияз-Хаджи, Ма Чжу-ина, Чжан Пэн-аня, Сабит-Дамуллы и другие были спровоцированы иностранной агентурой, они не отражали интересов широких народных масс, а служили целям прежде всего японских и немецких империалистов. Японские империалисты ставили своей целью создать мусульманское государство, наподобие Манчжоу-Го, во главе с турецким принцем Абдул Керимом.

Руководители восстания использовали стихийные недовольства населения в своих целях. Крестьянство, составлявшее главную силу повстанцев, не могло выдвинуть своих требований и организовать борьбу за их осуществление.

Если в XIX в. успешная борьба народов Синьцзяна могла привести к образованию независимого государства, освободить страну от военно-феодального гнета китайской империи, то в XX в. борьба за отделение от Китая была выгодна империалистическим государствам, а не народам Синьцзяна.

Весь ход событий XX в. показывает, что успех борьбы трудового населения Синьцзяна может быть достигнут только совместно с народно-освободительным движением в Китае.

Трудовое население Синьцзянской провинции убедилось в процессе борьбы, что должно объединить свои усилия с демократическим движением Китая.

В процессе политической борьбы трудовое население Синьцзяна начинает осознавать свои интересы и пути их достижения. Феодальной верхушке все труднее становится поднимать широкие массы на борьбу за свои интересы. Таков основной итог политических событий в Синьцзяне в XIX веке и первой трети XX столетия.

Н. Д. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

К ВОПРОСУ О НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ИРАНЕ ПРИ ШАХЕ АББАСЕ I (1587—1629)

Царствование шаха Аббаса I справедливо считается важнейшим, переломным периодом в истории сефевидского Ирана (1502—1722). Шаху Аббасу I удалось восстановить пошатнувшееся в результате внутренних смут и междоусобиц внешнеполитическое положение сефевидского государства и вернуть ему утерянные Ираном в последней четверти XVI в. области Хорасан и Кандахар на востоке, Восточное Закавказье, Азербайджан и другие области на западе. В результате ряда успешных войн и удачной политики в царствование шаха Аббаса I сефевидский Иран достиг пределов территориального расширения и небывалой дотоле высоты внешне-политического могущества.

Однако правление Аббаса I важно не только успешными войнами и удачной внешней политикой; не меньшее значение имела и внутренняя политика шаха Аббаса. Эта политика своей основной целью ставила укрепление центральной власти и превращение Ирана в мощное централизованное государство. Шаху Аббасу I удалось достигнуть многого в этом направлении. В XVI в., до шаха Аббаса I, сефевидский Иран представлял собою слабо централизованное государство, в котором господствующую роль играла знать кочевых, так называемых кызылбашских племен. В руках кызылбашской знати была основная военная сила сефевидского государства, которую составляло тогда ополчение кочевых кызылбашских племен.

Власть на местах, в провинциях, также находилась в руках кызылбашских ханов: почти весь Иран был разделен между кызылбашскими ханами, которые, выступая номинально в качестве шахских правителей отдельных областей и округов, фактически были в очень небольшой зависимости от центральной власти.

В результате реформ шаха Аббаса I (создание регулярной армии) и всей его внутренней политики могущество кызылбашской знати было значительно подорвано, и центральная власть сильно укреплена; влиятельное положение в государстве, вместо кызылбашской знати, заняла всецело зависимая от шаха бюрократия. Следствием всего этого явилось превращение Ирана в довольно мощное централизованное государство. Это обстоятельство, в большей степени, чем успешные войны, определяет царствование шаха Аббаса I как важнейший и переломный период в истории сефевидского Ирана. Правление Аббаса I открывает новый период

в истории сефевидского Ирана как государства с сильной шахской властью и развитой бюрократией, который продолжается с начала XVII в. вплоть до крушения сефевидской державы в начале XVIII в.

Внутренняя политика шаха Аббаса I, приведшая к превращению сефевидского Ирана в мощное централизованное государство, до настоящего времени изучена довольно слабо. Отдельные стороны этой политики совершенно не исследованы. Между тем, без всестороннего изучения внутренней политики шаха Аббаса I нельзя нарисовать полной картины развития Ирана в этот исключительно важный период его истории. К числу почти совершенно не изученных вопросов внутренней политики шаха Аббаса I относится его налоговая политика; материалы о ней, хотя и довольно скудные и фрагментарные, содержатся в известном труде историографа шаха Аббаса I, его современника Искандера Мунши „Тарих-и-алемара-и-аббаси". Сведения Искандера Мунши, несмотря на их отрывочность и краткость, все же позволяют представить себе основные направления налоговой политики шаха Аббаса I.

Мероприятия шаха Аббаса I в области налогового дела в хронологической их последовательности на основании труда Искандера Мунши рисуются вкратце в следующем виде.

В 999 г. х. (1590/91 г.) известный впоследствии государственный деятель царствования Аббаса I Хатим-бек Ордубади был назначен главой финансового ведомства (мустоуфи-ал-мамалик) и приступил к составлению реестра نسخهٔ تشخیص доходов и расходов государства. При одном из его преемников Ага-Мирза-Али, занимавшем должность мустоуфи-ал-мамалик с 1006 г. х. по 1011 г. х. (1597—1602 г.), эта работа была закончена, и составленный им реестр, как указывает Искандер Мунши „ныне является правилом и законом августейшего дефтерханэ".[1]

В 1002 г. х. (1593/94 г.) шахом Аббасом был отправлен в Гилян первый министр (итимад-ад-доулэ) с группой финансовых чиновников, с заданием, „дабы они подати и налоги диванские того вилайята установили бы согласно закону справедливости, и если какой-либо неправильный налог установился во время хана Ахмеда и прежних правителей [Гиляна], его бы уничтожали; и делам того вилайята дали бы порядок в соответствии с пользой государства и благополучия райятов и бедняков".[2] Как указывает далее Искандер Мунши, приказ шаха был выполнен и налоговое дело в Гиляне было упорядочено „соответственно справедливости и попечению о подданных".[3]

В 1007 г. х. (1598/99 г.) шахом Аббасом было проведено одно из важнейших мероприятий в области налоговой политики. В 1007 г. х., после победоносной войны с узбеками, вернувшей под власть Сефевидов утерянный в период смут в Иране Хорасан, шах Аббас I произвел большое облегчение налогового бремени для населения центральной области Ирана — Ирака персидского. По свидетельству Искандера Мунши, население Ирака персидского было освобождено от уплаты налогов на общую сумму приблизительно в 100 000 иракских туманов. Налоги частью были уничтожены, частью значительно сокращены, а частью временно отменены. Был уничтожен налог чубан-беги, который „взимается с овец и приносил доход в 20 000 иракских туманов ежегодно".[4]

---

[1] Искандер Мунши. Тарих-и-алемара-и-аббаси. Литограф. изд., Тегеран, 1317, стр. 766.
[2] Там же, стр. 412.
[3] Там же, стр. 412.
[4] Там же, стр. 405.

Другой налог, называемый „амалкард-и-хуккам", ставший современем употребительным в Ираке, собираемый в пользу тиулдаров и даруг и возросший в 5 раз, был понижен до своих первоначальных размеров. Налог этот приносил доходу казне свыше 50—60 тысяч туманов. Наконец, Исфахан — главный город Ирака персидского и к этому времени столица Ирана — был освобожден на год от уплаты всех налогов. Ежегодное поступление от налогов с Исфахана составляло сумму около 20 000 туманов.[1]

Мероприятия эти были проведены шахом Аббасом I, по словам Искандера Мунши, в награду за то, что „население Ирака с начала хорасанского бедствия [т. е. завоевания Хорасана узбеками] до настоящего времени, оказывая [своей] жизнью и имуществом поддержку победоносным войскам и давая убежище хорасанцам и всякому роду людей [пострадавших от внешних нашествий], испытало многие тяготы и трудности".[2] Освобождение Исфахана от налогов также рассматривалось как награда шаха за „службу и верность, которую проявило население Исфахана".[3]

Следующие налоговые мероприятия шаха Аббаса I были вызваны разорением отдельных местностей и племен Ирана в связи с войнами с внешними врагами — турками на западе и узбеками на востоке, а также необходимостью укрепить позиции сефевидского государства на его окраинах.

В 1015 г. х. (1606/07 г.), после отвоевания Азербайджана у турок, шах Аббас I освободил „от всех диванских податей"[4] население города Ордубада. Мотивом для этого послужили приверженность населения Ордубада к шиизму и верность сефевидской династии, за что оно жестоко поплатилось во время завоевания Азербайджана турками. Население Ордубада — пишет Искандер Мунши — „во время владычества румийцев несколько раз по этой причине подвергалось всеобщему избиению, и полное разрушение наступило в том райском городе и расстройство в делах тамошних жителей и людей, в особенности из высокого рода Насирийэ-и-Тусийэ".[5] Здесь имеются в виду потомки знаменитого Насир-ад-дина Туси, бывшие представителями местной ордубадской знати. При этом не малую роль сыграло и то обстоятельство, что первым министром (итимад-ад-доулэ) шаха был в то время Хатим-бек, сам происходивший из Ордубада и принадлежавший к упомянутому роду Насирийэ-и-Тусийэ.

В результате освобождения от налогов жители Ордубада сделались, по словам Искандера Мунши, предметом зависти „во всем вилайяте Азербайджан".[6]

Эти сведения Искандера Мунши находят полное подтверждение в эпиграфических данных. В статье М. Н. Ханыкова „Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase"[7] приводится текст фирмана шаха Аббаса I, высеченного над порталом соборной мечети города Ордубада. Этим фирманом, датированным 1016 г. х. (1607 г.), жителям Ордубада был пожалован налоговой иммунитет в награду за их верность Сефевидам и за жертвы, понесенные ими в связи с этим во время владычества турок в Азербайджане, причем в фирмане, как и в сообщении Искандера

---

[1] Там же, стр. 405.
[2] Там же, стр. 405.
[3] Там же, стр. 405.
[4] Там же, стр. 506.
[5] Там же, стр. 506.
[6] Там же, стр. 506.
[7] Journal Asiatique, 1862, août, стр. 150—151.

Мунши, особо подчеркиваются заслуги в этом отношении рода Насирийэ-и-Тусийэ.

Под тем же 1015 г. х. (1606/607 г.) Искандер Мунши сообщает об освобождении от налогов населения г. Дербента. Это обстоятельство было связано с переходом на сторону Ирана дербентцев во время войны шаха Аббаса I с турками. После взятия кызылбашскими войсками города Баку, жители Дербента объявили себя шахсевенами (т. е. приверженцами сефевидского шаха) и выслали из города пашу, назначенного там османским правительством. В награду за это местную знать Дербента пожаловали сойургалами, а „жителей города освободили от диванских податей".[1]

Войны, которые вел Иран с Османской империей в конце XVI и начале XVII вв., протекали главным образом на территории современного иранского Азербайджана. Поэтому эта область и ее население были страшно разорены. В связи с этим шахское правительство было вынуждено принять меры к известному облегчению положения населения Азербайджана.

Под 1018/19 г. х. (1609/10 г.) Искандер Мунши сообщает об освобождении от налогов некоторой части райятов Азербайджана, пострадавших от нашествий турок; райятов — писал Искандер Мунши — „в этом году и на следующий год освободили от поземельного налога и чрезвычайных диванских сборов".[2]

Освобождение от налогов, в связи с разорением от вражеских нашествий, коснулось не только западных областей Ирана, но и его восточных окраин, и не только оседлого населения, но и кочевников. Под тем же 1018/19 г. х. (1609/10 г.) Искандер Мунши рассказывает об освобождении от уплаты налогов племени Кара-Баят в Хорасане.

Это племя чагатайского происхождения жило в Хорасане в районе Нишапура. Во время завоевания Хорасана узбеками баяты сохранили верность Сефевидам и вели упорную борьбу с завоевателями, за что довольно жестоко пострадали. „В награду за это самопожертвование — указывает Искандер Мунши — все племя Баят освободили от всех диванских податей".[3]

Следующие налоговые мероприятия Аббаса I относятся к Исфахану и свидетельствуют о большом внимании к нему со стороны шаха. В 1022/23 г. х. (1613/1614 г.), сообщает Искандер Мунши, „трехлетний налог, следуемый с землевладельцев и крестьян всего того вилайята, а также одну десятую долю всего урожая, следуемую по тамошним кадастровым спискам, что составляло [в целом] приблизительно свыше 15 000 шахских иранских туманов, подарили землевладельцам (арбаб), крестьянам [райия] и земледельцам с диванских земель [зари'ан-и-амлак-и-дивани]".[4] Шах Аббас, указывает Искандер Мунши, провел это мероприятие „в награду за услуги населения Исфахана".[5] Непосредственным поводом к нему послужила торжественная встреча, устроенная населением Исфахана Аббасу при его возвращении сюда из Ферахабада в 1022/23 г. х., весьма понравившаяся шаху.[6]

В 1024/25 г. х. (1614—1615 г.) Исфахан постигло бедствие — неурожай. В связи с этим — рассказывает Искандер Мунши — „крестьяне и бедняки

[1] Искандер Мунши, ук. соч., стр. 516.
[2] Там же, стр. 583.
[3] Там же, стр. 586.
[4] Там же, стр. 609.
[5] Там же, стр. 609.
[6] Там же, стр. 609.

были встревожены".[1] Шах Аббас I опять проявил внимание к их бедственному положению и „им простили [буквально „пожаловали"] диванские подати (хукук-и-дивани) этого года".[2] „Так же простили, — указывает далее Искандер Мунши, — десятину (ушри) земледельцам с диванских земель".[3]

На тот же 1024/25 г. х. (1615/1616 г.) падает другое и, несомненно, одно из важнейших мероприятий шаха Аббаса I в области налоговой политики. В этом году шах освободил от уплаты налогов в месяце рамазане шиитское население Ирана. По словам Искандера Мунши, Шах Аббас „пожертвовал шиитам всех областей Ирана"[4] „диванский поземельный налог (мал ва харадж-и-дивани), арендную плату [иджарэ] и ренту (мустакаллат) одного месяца ежегодно"[5] в части, приходящейся на месяц рамазан.

Искандер Мунши не приводит самого текста фирмана, которым шиитское население Ирана освобождалось от уплаты налогов в месяце рамазане. Однако текст этого фирмана имеется в труде Сани'-ад-доулэ „Матла'-аш-шамс". В своем труде Сани'-ад-доулэ приводит текст одного фирмана шаха Аббаса I, высеченного на камне, находящемся в соборной мечети города Демавенда. Дата и содержание этого фирмана без труда позволяют отождествить его с фирманом, о котором рассказывает Искандер Мунши.

В этом фирмане говорилось: „относительно шиитов округа [улка] Демавенда, Хара и Фирузкуха мы постановили прощение и пожертвование их податей [малуджихат] с начала года мыши в месячной доле [приходящейся на] месяц рамазан, кроме подати (توجيهات), которая отдается в откуп. Высокие мустоуфи высочайшего дивана, занеся этот милостивый указ [ракам] в свои дефтеры, пусть не допускают изменений и перемен в его правилах".[6]

„Тиулдары округа [улка]... — указывалось далее, — пусть признают уничтоженным из своего тиула одномесячную долю [налогов], приходящуюся на упомянутый месяц [рамазан], и не предъявляют никаких требований".[7]

Затем шло весьма любопытное указание: „калантары и кядхуда упомянутого округа [улка] пусть выяснят, и если окажется суннит среди шиитов или там будут люди какого-либо махала [местности] из махалов [других], пусть им освобождение [от налогов] не дается".[8] После этого в фирмане идет предписание сделать на месте соответствующие изменения в дефтерах и послать их в „августейший дефтер-ханэ".[9]

В заключительной части фирмана содержалась обычная угроза божьей карой всем тем, кто допустит какие-либо его нарушения. В конце фирмана говорилось „следует, чтобы [этот] благородный указ, начертив на камне, установили в соборной мечети и не забывали бы призывать

---

[1] Там же, стр. 625.
[2] Там же, стр. 625.
[3] Там же, стр. 625.
[4] Там же, стр. 632.
[5] Там же, стр. 631.
[6] Сани'-ад-доулэ. Матла'-аш-шамс. Литограф. изд., Тегеран, 1301—1303 г. х. (1884—1886), стр. 12—13.
[7] Там же, стр. 13.
[8] Там же, стр. 13.
[9] Там же, стр. 13.

вечное благословение на славное государство".[1] Фирман этот датирован месяцем шаба'ном 1024 г. х. (август — сентябрь 1615 г.) и ценен тем, что вполне подтверждает правильность вышеприведенных сведений Искандера Мунши относительно освобождения шахом Аббасом от уплаты налогов в месяце рамазане шиитского населения Ирана, дополняя их некоторыми любопытными деталями. В частности, весьма интересно содержащееся в фирмане указание относительно суннитов. Это указание лишний раз свидетельствует, что освобождение от налогов в месяце рамазане не касалось всего мусульманского населения Ирана, а только шиитского. Основное же значение этого указания заключается в подтверждении того, что в начале XVII в. при шахе Аббасе I сефевидское правительство допускало возможность существования суннитского населения в центральных районах Ирана.

Под тем же 1024/25 г. х. (1615—1616 г.) Искандер Мунши сообщает еще об отмене шахом Аббасом некоторых дополнительных сборов (вуджухи-ихдас'), установившихся при прежних правителях Ирана и взимаемых доругами и тиулдарами с населения. Эти сборы, которые, как пишет Искандер Мунши, „в священных владениях в практике чиновников (уммал) и тиулдаров составляли сумму приблизительно в 30 000 шахских туманов, имеющих хождение в Иране",[2] было приказано уничтожить.

Таковы основные сведения о налоговых мероприятиях шаха Аббаса I, которые содержатся в труде Искандера Мунши. При всей фрагментарности и краткости этих данных, они тем не менее дают возможность, как нам представляется, установить, хотя бы в общем виде, основные черты налоговой политики шаха Аббаса.

Прежде всего необходимо отметить стремление шаха Аббаса I несколько упорядочить налоговое дело, уничтожить имеющиеся там злоупотребления. Это нашло свое выражение в таких актах, как составление в начале царствования Аббаса I росписи доходов и расходов государства, как отправка в Гилян специальной комиссии во главе с первым министром (итимад-ад-доулэ) с заданием упорядочить налоговое дело в этой области.

Другой характерной чертой налоговой политики шаха Аббаса I, тесно связанной с предшествующей, следует признать его стремление несколько облегчить налоговое бремя для населения, выразившееся в отмене или сокращении некоторых дополнительных и чрезвычайных налогов. Так, мы видели, были отменены в 1024/25 г. х. чрезвычайные сборы, взимаемые в пользу тиулдаров и даруг, в 1007 г. х. был сокращен для Ирака персидского налог амалкард-и-хуккам и т. д. В связи с этим стремлением смягчить налоговый гнет необходимо также указать на то внимание, которое в этом отношении шах Аббас I оказал шиитскому населению Ирана, освободив его в 1024 г. х. от уплаты налогов в месяце рамазане. Следует, впрочем, заметить, что хотя мы и не встречаем подобных мероприятий у предшественников Аббаса I, все же в данном случае он не был оригинален, а только продолжал политику прежних сефевидских шахов, направленную на укрепление шиизма — государственной религии державы Сефевидов.

Наконец, последней чертой, которую можно считать характерной для налоговой политики шаха Аббаса I, было его покровительство центральной области Ирана — Ираку персидскому и в особенности ее главному городу и столице сефевидского государства — Исфахану.

---

[1] Там же, стр. 13.
[2] Искандер Мунши, ук. соч., стр. 632.

Покровительство Ираку персидскому особенно ярко сказалось в освобождении шахом Аббасом I в 1007 г. х. населения этой области от уплаты налогов общей стоимостью в 100 000 шахских иракских туманов. Тогда, между прочим, был отменен весьма разорительный для населения налог на скот „чубан-беги", о чем свидетельствует не только Искандер Мунши, но и армянский историк XVII в. Аракел Тебризский, который также отмечает, что эта подать была уничтожена только в Ираке персидском (Аракстав).[1]

Что же касается покровительства, оказываемого шахом Аббасом Исфахану, то оно проявилось, как мы видели, в неоднократных освобождениях этого города от уплаты налогов.

Покровительство Ираку персидскому и Исфахану со стороны шаха Аббаса I особенно ясно видно при обзоре тех налоговых мероприятий, которые проводились им в других областях и городах государства. Там тоже при шахе Аббасе I были случаи освобождения от налогов, но они всегда вызывались исключительными, чрезвычайными обстоятельствами — разорением населения от нашествия внешних врагов (как, например, в Азербайджане, Ордубаде) или политической необходимостью (как в Дербенте).

Таковы выводы, которые материал, имеющийся в труде Искандера Мунши, позволяет сделать относительно налоговой политики шаха Аббаса I. Выводы эти находятся в полном соответствии с обстановкой, существовавшей тогда в Иране, и с общей политикой, проводимой шахом Аббасом I.

Как известно, в конце XVI в. Иран был сильно опустошен вражескими нашествиями и внутренними смутами. Это обстоятельство и усилившаяся в последней четверти XVI в. феодальная эксплоатация, о чем свидетельствует Искандер Мунши, указывая на ряд дополнительных налогов и сборов, сделавшихся употребительными в это время в Иране, привели к страшному разорению населения. В связи с этим, шахское правительство было вынуждено пойти на некоторое смягчение налогового гнета для населения.

С другой стороны, известное облегчение налогового бремени при Аббасе I было вызвано и политическими соображениями.

Для того, чтобы сокрушить или по крайней мере подорвать могущество кочевой кызылбашской знати, Аббасу I необходима была помощь и сочувствие мощных социальных сил, заинтересованных в укреплении центральной власти. Этими силами, как известно, были бюрократия, шиитское духовенство и оседлая знать, представлявшие иранский элемент в господствующем классе сефевидского государства и весьма страдавшие от безраздельного господства кочевой кызылбашской знати.

Шах Аббас I оказывал, естественно, всякое покровительство этим группам господствующего класса и они, в ущерб кызылбашской знати, заняли очень влиятельное положение (особенно бюрократия) в созданном им централизованном государстве. Однако для успешной борьбы с кызылбашской знатью было недостаточно поддержки отдельных групп господствующего класса, нужна была помощь и сочувствие более широких слоев населения — массы оседлого коренного иранского населения. С целью обеспечить себе эту поддержку и сочувствие шах Аббас I и проводил политику известного облегчения налогового бремени для населения, особенно основной его массы — шиитов.

Что же касается покровительства в отношении налогов Ираку персидскому и Исфахану, то это было связано с тем обстоятельством, что при Аббасе I центр сефевидского государства переместился из отуреченного

[1] Collection d'Historiens Armeniens, t. I, traduit par Brosset, стр. 351—355.

сев.-зап. Ирана, из Казвина, в эту область. Еще в первой половине царствования шаха Аббаса I Ирак персидский сделался основной областью сефевидского государства, а Исфахан его столицей. Естественным поэтому было то особое внимание, которое оказывал шах Аббас I Ираку и Исфахану по сравнению с другими областями и городами Ирана.

Искандер Мунши, в неизданной части „Тарих-и-алемара-и-аббаси", рассказывая об освобождении от налогов Ирака персидского, прямо связывает это мероприятие с тем особым положением, которое занимал Ирак в сефевидском государстве в качестве его центральной важнейшей области, и местонахождением там столицы.

Искандер Мунши писал: „жителей тех областей [Ирака], который является центральной и населеннейшей частью Ирана и местопребыванием вечного салтаната, этой высокой милостью [т. е. освобождением от налогов] отличали от людей прочих областей".[1] Упоминавшийся выше армянский историк Аракел Тебризский даже считал, не без известного основания, что шах Аббас I сознательно проводил политику разорения некоторых окраин государства [в частности Азербайджана и Армении] с тем, чтобы обеспечить за их счет процветание центра Ирана и в особенности города Исфахана.[2]

Таковы были те причины, которые обусловили некоторое смягчение налогового гнета в Иране и, в особенности, в Ираке персидском и Исфахане в царствование шаха Аббаса I.

Налоговая политика шаха Аббаса I, как и в целом вся его внутренняя политика, имела огромное значение. В его царствование Иран достиг не только вершины политического могущества, но и экономического расцвета.

Наибольшего расцвета в этот период достигла особо покровительствуемая шахом Аббасом I коренная иранская область — Ирак персидский и город Исфахан. Начиная с Аббаса I, Ирак персидский становится основной и важнейшей областью сефевидского государства. Вместе с тем в правление шаха Аббаса I было подорвано могущество кочевой кызылбашской знати — в массе своей тюркской по происхождению и языку; за ее счет усилилось значение других социальных групп — бюрократии, шиитского духовенства и оседлой знати, представлявших иранский элемент в господствующем классе.

Оба эти обстоятельства привели к усилению в целом иранского элемента в сефевидском государстве, что в свою очередь сыграло огромную роль в формировании современной иранской нации и государства.

---

[1] Искандер Мунши, ук. соч., Рукопись Института по изучению восточных рукописей АН Уз. ССР, Инв. № 614, л. 355.

[2] Аракел Тебризский, ук. соч., стр. 354—365.

О. И. СМИРНОВА

СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Предисламский период истории Средней Азии сравнительно мало изучен. Наше представление о политическом строе и социальных отношениях Средней Азии того времени, в том числе и ее области Согда, нуждается в уточнении. В частности, среднеазиатская титулатура, изучение которой имеет большое значение для выяснения специфических черт правящего слоя господствующего класса тогдашней Средней Азии, нам почти не известна. Наши сведения о ней, основанные на данных письменных источников, далеко не полны. Даже хронология правителей Согда окончательно не установлена. Арабоязычные авторы понимают под Согдом различные территориальные единицы, — факт, обративший на себя внимание В. В. Бартольда и не нашедший себе еще объяснения.

Основная причина малой разработанности вопросов истории и истории культуры Средней Азии этого времени заключается в скудости и специфичности источников, имевшихся в разпоряжении исследователей, и почти полном отсутствии местных письменных памятников. Для истории предисламского периода основными и пока что фактически единственными были труды китайских авторов. Признавая всю ценность последних, следует однако сказать, что, во-первых, будучи в основной своей массе официальными хрониками китайских династий, они касаются преимущественно тех сторон и фактов жизни Средней Азии, которые представлялись интересными с точки зрения китайского чиновника; во-вторых, китайская передача местной терминологии дается в такой форме, что действительное ее значение остается неясным. Для эпохи арабского завоевания главными источниками служат работы арабских географов и историков, отстоящие почти на два века от интересующего нас периода.

Принимая во внимание вышесказанное, понятно то большое значение, которое должны иметь местные среднеазиатские источники, непосредственно относящиеся к VII—VIII вв. К сожалению, они крайне малочисленны. Если, благодаря производимым за последнее время раскопкам, исследователи получили в свое распоряжение большое количество предметов материальной культуры, то письменные памятники единичны. В этом отношении исключительное значение имеет находка в 1932 г. согдийских документов в развалинах замка на горе Муг в Таджикистане.

Документы эти представляют собой переписку местных владетелей и датируются первой половиной VIII в. Согдийские документы полностью еще не изданы, но даже та небольшая их часть, которая сейчас нам доступна по работам А. А. Фреймана, дает материал для уяснения некоторых сторон прошлого Согда и дополнительные данные по согдийскому языку.

Согдийские монеты лишь недавно вошли в науку. Начало их изучению положила находка во время раскопок на горе Муг медных монет, китайских по форме. Тогда же учеными, принимавшими участие в раскопках, было высказано предположение, что монеты эти согдийские.[1]

В 1936 г. аналогичные монеты были найдены во время раскопок в Талибарзу под Самаркандом. Пишущей эти строки была поручена работа над ними. Было окончательно установлено, что шрифт легенд на монетах — согдийско-буддийское письмо. Чтение этих легенд дало имена трех владетелей Согда. Дальнейшая работа над монетами аналогичного типа, хранящимися в различных собраниях Советского Союза, позволила выделить среди среднеазиатского нумизматического материала группу согдийских монет VII—VIII вв. Монеты, принадлежащие к этой группе, были известны исследователям под названием тюрко-китайских монет. Монеты вновь выделенной группы объединяются между собою общностью шрифта своих легенд (согдийско-буддийское письмо) и знаками, помещающимися на них. Вся группа в целом разделяется на две подгруппы: „монеты китайского образца“ и „монеты местного образца“. Монеты китайского образца, как показывает принятое для них название, отлиты по типу китайских монет Танской династии и имеют посредине характерное для типа этих монет квадратное отверстие или его изображение. Подгруппа монет китайского образца в свою очередь разделяется на несколько типов и видов. Два основных типа этой подгруппы условно нами названы монеты „китае-язычные“ и монеты „согдо-язычные“. На монетах „китае-язычных“ помещаются легенды на китайском и согдийском языках. Согдийская легенда состоит из одного слова. Легенды на монетах „согдо-язычных“ — на согдийском языке и содержат титул, передаваемый идеограммой MLK', и имя правителя, выпускавшего монету. Легенды расположены в две строки. Все монеты медные, литые. Подгруппа монет „местного образца“ не имеет квадратного отверстия. На лицевой стороне монет, принадлежащих к этой группе, находятся либо изображения животных, либо изображение бюста правителя. Легенды расположены на оборотной стороне в две строки и содержат титул и наименование лица, их выпускавшего. Как и предыдущая подгруппа, они имеют несколько типов и видов. Монеты медные, литые.

Как было указано выше, основные и пока единственные источники, дающие нам представление о политической карте Средней Азии VII—VIII вв.,— китайские анналы, для более позднего времени — арабские географы. Китайские источники дают нам в общих чертах представление о политическом делении Средней Азии и сведения о принятом Китаем в середине VII в. административном делении для империи „западных тюрков“. Это административное деление, о характере которого мы можем пока судить только по данным китайских авторов, как было показано Шаванном,[2] отражало

---

[1] Согдийский сборник. Л., 1894, стр. 31.

[2] Ed. Chavannes. Documents sur les tou-kiue (Turcs) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, IV, СПб., 1903, стр. 273—274.

реальную политическую географию этой территории и фактически лишь оформило местную политическую структуру, не внося в нее существенных изменений. Территориальное деление Средней Азии, дошедшее до нас в арабской географической литературе, в сущности, является налогово-административным делением, установленным для этой территории завоевателями, которые ставили перед собою задачу облегчения управления и упорядочения налоговой системы в подчиненных им областях. Однако, эта картина арабской административной организации края имеет для нас реальное значение. Административное деление страны, установленное арабами, отражало, как и китайское, существующее местное политическое деление, поэтому списки областей и округов, которые приводятся у арабских географов, позволяют нам восстановить политическую карту края в эпоху арабского завоевания. Большинство арабских географов отождествляет понятие Согда с понятием Самаркандской области, в состав которой входило все пространство между Осрушаной и Кеоминией. Истахри называет всю эту территорию сердцем Согда (قلب الصغد), иначе говоря, основной частью Согда. Самарканд был главным городом Согда. Бассейн Кашка-дарьи составлял Кешскую область с центром в г. Кеше (совр. Шахрисябз). По другим сведениям, он причислялся к Согду. К Согду же некоторые авторы причисляли и Бухару с ее областью. Фергана составляла отдельную область с центром в Касане. Области разделялись на рустаки.[1] Так же, как и арабские источники, китайские отмечают доминирующее положение, занимаемое Самаркандом. В приводимых ими сведениях об административном делении отражается зависимость, которая существовала между отдельными владениями. Так, владение Кана (Самарканда) выделяется в особую областную единицу с центром в Самарканде и получает название „Кангю".[2] Владение Ми (Меймург) и Хэ (Кушания) были переименованы в округа. Округа эти входили в состав области Кан, или Кангю (Самарканда). Исторические факты подтверждают существование определенной зависимости между Меймургом и Кушанией, с одной стороны, и Самаркандом, с другой. Владение Ши (Кеш) переименовано, как и владения Меймурга и Кушании, в округ и, следовательно, видимо причислялось ранее к области Кангю. Владение Бухары также переименовывается в округ, тогда как Ше (Шаш) выделяется в особую областную единицу с центром в Кан-хэ (Канка). О Хорезме сведений нет. Судя по косвенным данным, он, как и Ташкент, должен был быть выделен в отдельную областную единицу. Эти немногочисленные данные об административном делении, внесенном Китаем в Среднюю Азию, отражают возвышение Самарканда и упадок Кеша, о былом значении которого мы можем судить по данным тех же источников.

Область Кангю[3] китайских авторов, с центром в Самарканде, географически и политически соответствует Согду арабских источников.

---

[1] Ср. схему административного деления Ферганы у Истахри: لفرغانة كور لكل كورة منها مدن لكل مدينة منها رستاق فيها عدة قرى „У Ферганы округа, у каждого из ее округов города, у каждого ее города рустак, в нем некоторое количество селений" (BGA I, стр. 374).

[2] Ed. Chavannes, Documents ..., стр. 137.

[3] Название Кан-гю встречается лишь в китайских источниках. Для разного времени оно имеет различное значение. Возможно, этому факту следует искать объяснение в этимологии названия Кан-гю. Иероглиф *Кан* имеет значение 'цветущий', 'спокойный', *гю* — 'местожительство, страна'. Все название в целом может быть этимологизировано как

Засвидетельствованный в согдийских документах и в арабских материалах титул „ихшид Согда" (в док.: *swγuδk MLK'*, в арабск. текстах اخشيد الصغد), показывает, что под Согдом понималось единое политическое целое.

Титул „ихшид Согда" носили владетели Самарканда Тархун и Уграк. (Гурек). Для этого последнего арабские авторы сохранили нам также другой сложный титул „ихшид Согда афшин Самарканда".[1] Владетель Кеша, согласно изданию хроники ат-Табари, имел титул „ихрид" (?!)[2], а владетели Несефа (совр. Карши) — „ишканд". Владетели Осрушаны носили титул „афшин" — один из титулов владетеля Самарканда Уграка. Китайские источники упоминают наименование владетелей Кангю „чжао-ву". Г. Гибб[3], а за ним и К. Ширатори[4] видят в наименовании чжао-ву родовое имя и считают, что большинство владетелей Мавераннахра принадлежали к этому роду. Старшие представители этого рода правили в Самарканде, младшие его линии — в остальных владениях, находившихся в известной зависимости от Самарканда. Происхождение этого рода, известного в науке под наименованием „правящего рода Кан", не установлено. Различные попытки, сделанные в этом направлении исследователями, оставляют этот вопрос открытым.[5]

Власть местных владетелей была далеко не абсолютна. Сан владетеля или князя обозначал лишь известное первенство. Местная знать, о которой говорят исследователи, обладала известной политической самостоятельностью. В. В. Бартольд говорит о местных владетелях, как о „первых дворянах", к которым источники применяют общее обозначение „дихкан", независимо от значимости их носителя; он считал, что на основании материалов, имевшихся в его время в распоряжении ученых, у них не было достаточно данных для решения вопроса о том, были ли среди этого слоя населения различные иерархические ступени, как это имело место в Персии того же периода.[6]

Имена правителей Согда известны нам либо в их искаженной китайской передаче, либо в арабской.

Согдийская нумизматика вводит в науку новый источник, дающий нам необходимые добавочные данные для уточнения вопросов хронологии, титулов и политической карты Согда в рассматриваемый нами период его истории. Дешифровка согдийских монет дала нам четыре титула

'цветущее местожительство'. Во всяком случае, название *Кан-гю* китайских авторов отнюдь не может быть сопоставлено, как это делается исследователями, с названием *Канка*, засвидетельствованным в персоязычных источниках и сохранившимся в современной топонимике района Ташкента в названии остатков городища на Ангрене. Название *Канка* передается в китайских источниках как *Кан-хэ* (Ed. Chavannes, Documents..., стр. 140). Местонахождение этого города не вызывает сомнения. Сведения китайских авторов позволяют говорить о существовании его в VI—VII вв.

[1] В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ с горы Муг в Таджикистане. Согдийский сборник, 1934, стр. 64, пр. 9.

[2] Может быть ошибка писца вместо „ихшид"? Текст: „В этом году Давуд ибн Ибрахим напал на население Кеша и убил ал-ихрида, их царя...". الاخريد ملكها (сер. III, стр. 79, 15), а также: „Таран — брат ал-ихрида" طران اخو الاخريد (сер. III, стр. 80).

[3] H. Gibb. The arab conquests in Central Asia. London, 1923, стр. 5.

[4] K. Shiratori. A study on Su-t'ê, or Sogdiana. Toyo-Bunko, Tokyo, 1928, No. 2, стр. 100—107.

[5] О некоторых мнениях, существующих по этому вопросу, см.: V. Bartold. Die historische Bedeutung der Alttürkischen Inschriften. Neue Folge, St.-Petersburg, 1899, стр. 13.

[6] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1909, стр. 183.

(*MLK'*, *MR'y*, βγγ, γωβ ω) и семь имен собственных (*šyšpyr*, *βšwm'n*, *twk'sp'δk*, *trγwn*, *'wγrk*, *twrγ'γ*, *mtčyr*).

Первые два титула *MLK'* и *MR'y* представляют идеограммы. Кроме монет, эти идеограммы засвидетельствованы в согдийско-буддийских текстах и в согдийских документах с горы Муг. Титул, передаваемый идеограммой *MLK'*, помещается только на монетах китайского образца. На монетах „местного образца" с именем сына Уграка Матчира в нижней строке легенды находится идеограмма *MR'y*[1]. Идеограммы *MLK'* и *MR'y* могут скрывать под собою любой титул. Обе идеограммы засвидетельствованы в документах с горы Муг, соответствующих монетам по времени и месту своего написания. Сопоставление титула правителя Самарканда Уграка в арабских источниках „ихшид Согда афшин Самарканда" с титулом Диваштича *swγδyk MLK'smrκnδč MR'y* позволило А. А. Фрейману установить значение этих идеограмм в согдийских документах.[2] Титулу, передаваемому на монетах и в документах идеограммой *MLK'*, соответствует титул, передаваемый арабоязычными авторами как „ихшид" (титул, засвидетельствованный в согд.-будд. текстах в форме **xšēwan*, в согд.-маних. **xšēδ*), идеограмме *MR'y* — „афшин" арабских текстов. Одновременное употребление этих титулов в отношении одного и того же лица указывает на их различие. Ни этимология титулов „ихшид" и „афшин", ни сведения о них в письменных источниках не дают достаточно данных для уточнения существующей между ними разницы. Титул ихшид (*MLK'*) помещается на монетах шести правителей Самарканда, время правления которых охватывает, примерно, одно столетие (с середины VII в. по середину VIII в.). Все эти монеты китайского образца. На монетах местного типа этот титул не засвидетельствован. Арабоязычные авторы дают титул ихшида правителям Самарканда первой половины VIII в. Тархуну и Угураку. Эти данные позволяют установить, что титулом правителей Самарканда (Согда) с середины VII в. по середину VIII в. был титул „ихшид" (*MLK'*). Тот же титул носили правители Ферганы.

Титул „афшин" (*MR'y*) присвоен владетелю Меймурга (на монетах), владетелю Пянджикента (в документах) и, наконец, владетелям Самарканда и Осрушаны (в арабск. источниках). Эти владения находились в зависимости от Самарканда и входили в понятие Согда арабских источников, Кангю (Самаркандского) — китайских. Владетель Самарканда Уграк носит одновременно оба титула „ихшид Согда афшин Самарканда". Уграк является одновременно верховным правителем владений, входящих в состав Согда (Кангю кит. авторов), откуда его титул „ихшид Согда", и он же „афшин Самарканда" (Самаркандского округа арабск. авторов, Кан — кит. источников), являющегося политическим и экономическим центром Согда. В таком случае понятно, что некоторые арабские авторы называют Уграка ихшидом Согда, но он нигде не имеет титула „афшин Согда". Предполагаемое осмысление титула „ихшид" (*MLK'* монет и документов), подтверждается арабскими источниками, согласно которым „ихшид" на ферганском языке имеет значение *малик-ал-мулūк* („владетель владетелей").[3] Любопытно отметить, что в некоторых согдийских документах (письмах), адресованных к согдийскому ихшиду (*swγδyk MLK'*), титулу предшествует обра-

[1] 1939, т. 4, стр. 100.

[2] А. А. Фрейман. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 12.

[3] الاخشيد بلسان الفرغانة ملك الملوك

щение „'t βγw γwβw rβčh 'ywth" ('богу царю великому единому').[1] Употребление при обращении к лицу, носящему титул ихшид Согда, выражения „единый" может быть рассмотрено как указание на известный суверенитет этого последнего.

Нумизматический материал показал, что монеты китайского образца выпускались только в Кеше и Самарканде. На монетах Самарканда засвидетельствовано пять имен его владетелей, носивших титул *MLK'*— „ихшид." Первая по времени монета Самарканда относится к середине VII в., последняя — к середине VIII в. На монетах Кеша прочитано имя владетеля первой половины VII в. — Шишпир.[2] По времени эти монеты предшествуют известным нам монетам владетелей Самарканда.

Отсутствие монет Кеша в дальнейшем вызывает недоумение. В середине VII в. владетель Самарканда утверждается Китаем как правитель вновь выделенной областной единицы Кангю. Владение Ши (Кеш) переименовывается в округ Кюйша и входит в состав области Кангю. Несмотря на еще недостаточное количество согдийских монет, имеется основание предположить, что с этого времени за владетелем Самарканда закрепляется привилегия выпуска монет китайского образца. Кеш, потеряв свою политическую самостоятельность, перестает их выпускать. Отсутствие монет Кеша китайского образца для более позднего периода может служить подтверждением сведений нарративных источников об упадке Кеша и возвышении Самарканда.

Кроме двух вышеприведенных идеограмм, на монетах прочтены титулы βγy и γwβ(w). На монетах китайского образца титул βγy (иранск. *baga*) государь (в согд.-будд. текстах βγ-„господин") стоит изолировано, без имени выпускавшего монету лица.[3] Тот же титул встречается на монетах с изображением бюста царя индопарфянского типа на лицевой стороне и квадратного отверстия на оборотной стороне. Оборотная сторона монеты оформлена по типу куфических монет, надписи стилизованы под арабское куфическое письмо.[4] Внутри рамки, передающей квадратное отверстие, надпись, состоящая из одного слова βγy. Круговая легенда содержит имя лица, выпускавшего монету, название места выпуска (?) и титул γwβ. Тот же титул γwβ(w) на других типах монет местного образца стоит в сочетании с именем владетеля.[5]

Этимология титула γwβ(w) не ясна. В тексте „Vesantara Jataka" и в других буддийских текстах γwβw значит „царь", — то же, что γwt'w.[6] По своему значению этот титул должен быть сопоставлен с наименованием владетелей Средней Азии у китайских авторов — „чжао-ву"[7], в кото-

---

[1] А. А. Фрейман. Опись согдийских документов с горы Муг в Таджикистане. Согдийский сборник, 1934, стр. 45 (документ 35 А 14). Цитата дана в транскрипции и переводе издателя. Документ полностью пока не издан.

[2] Краткие данные об этом правителе см.: Рабочая хроника ИВ АН СССР, т. I, Ташкент, 1943, стр. 37—38.

[3] ВДИ, т. 4, 1939, стр. 99.

[4] Монеты подготовляются к изданию. Тип этих монет мог появиться в Средней Азии только после арабского завоевания и принятия арабского алфавита в качестве официальной письменности Согда, т. е. не ранее, чем во второй половине VIII в.

[5] Монеты подготовляются к изданию.

[6] О. И. Смирнова. Об одном средне-азиатском титуле. Рабочая хроника ИВ АН СССР, 1944, II, стр. 41—42 (предложенное в статье чтение *swβw* неправильно, следует сохранить установленное чтение γwβw).

[7] О различных трактовках этого термина см. W. Barthold, Die altürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. Neue Folge, St.-Petersburg, 1899, стр. 16—17. — K. Shiratori, ук. соч. стр. 103—107.

ром следует видеть титул, а не родовое название, и титулом čozbo в документах харошти.[1]

Как и предыдущие, титул γwβ(w) встречается в тексте согдийских документов, где он входит в формулу обращения 't βγw γwβw ('богу царю').[2] Помещение термина γwβ(w) на монетах с именем владетеля показывает, что он имел значение титула. С другой стороны, включение его в формулу обращения, предшествующую имени и титулу правителя, указывает на его иной смысл. В этих формулах термин γwβ(w) так же, как и термин βγy, видимо, не имеет значения титула, а является признаком принадлежности определенного лица к привилегированному сословию. В данном случае употребление его аналогично употреблению термина дихкан у арабских авторов. Соответствие формулы обращения в согдийских документах VIII в. со сложным титулом на согдийских монетах, битых по типу арабских, крайне интересно.

У ат-Табари и Ибн ал-Асира под 225 г. х. (839—840 гг. н. э.) приведен допрос осрушанского афшина Хайдара ибн Кауса, обвиняемого арабами в ереси.[3]

В этом отрывке упоминается о формуле обращения на осрушанском языке к осрушанскому афшину. В тексте формула на осрушанском языке заменена арабским выражением بكذا و كذا „так то и так то" и дается ее перевод на арабский язык: 'богу богов от раба его такого-то, сына такого-то' (الى اله الاهتى .من عبده فلان بن فلان).

Перевод не дословный, как об этом позволяет судить контекст, и передает лишь содержание фразы.[4]

Как следует из отрывка, эта формула была традиционной при обращении к владетелям Осрушаны. По словам осрушанского афшина, так обращались к его отцу и деду и к нему самому до принятия им ислама. В документах с горы Муг, обращенных к Диваштичу или написанных от его лица, основному тексту предшествует обращение 't βγw γwβw... MN γurδ βntk... „богу царю... от его раба [такого-то]". Сопоставление формулы письменного обращения к афшину Осрушаны с формулой эпистолярного обращения в согдийских документах к Диваштичу, носящему то титул ихшида Согда, то титул афшина Пянджикента, представляется неизбежным. Эпистолярная формула обращения в согдийских документах совпадает со сложным титулом βγy γwβ(w) на согдийских монетах VIII в. Совпадение этой формулы с формулой обращения в IX в. к осрушанскому афшину, упомянутой в тексте ат-Табари и Ибн ал-Асира, говорит об ее устойчивости. Интересна также одиозность этого выражения для арабов, которые вносят его в обвинительный материал. Они предъявляют афшину обвинение в величайшей с их точки зрения ереси — обожествлении личности. Афшин отстраняет от себя это обвинение и говорит, что он допускал это обращение к своей особе, лишь следуя обычаю своих предков, для того, чтобы не потерять престижа у своего народа. Приведенные факты говорят о существовании определенных установленных обычаем традиций и позволяют судить о том значении, которое им придавалось. Весь мате-

[1] T. Burrow. A translation of the kharosthi documents from Chinese Turkestan, London, 1940.

[2] В приведенных цитатах из согдийских документов сохраняется транскрипция и перевод их издателя А. А. Фреймана.

[3] Ат-Табари, сер. III, стр. 1312.

[4] В тексте: „И сказал Марзбан: «А не пишут они, обращаясь к тебе так-то и так-то?». [بكذا و كذا]. Сказал [афшин]: «da!». Сказал Марзбан: «А нельзя ли это истолковать по-арабски как..!.». И сказал афшин: «da!»..."

риал в целом дает возможность говорить о существовании в Согде трехстепенной иерархичкости. Лицо, носившее титул ихшид (*MLK'*), занимало верхнюю ступень местной иерархической лестницы. Титул „ихшид" (*MLK'*) был высшим титулом. Следующий за ним был титул „афшин" (*MR'y*) и последним γwβ (*w*). Эпистолярный стиль согдийских документов с горы Муг позволяет придти к тем же выводам. Какова бы ни была социальная значимость титула γwβ (*w*), факт выпуска монет отдельными владетелями Согда, носившими этот титул и находившимися в зависимости от Самарканда, говорит об их известной самостоятельности. Выпуск этими владетелями монет со своими именами и закрепление прерогативы выпуска монет китайского образца с титулом „ихшид" (*MLK'*) за владетелями Самарканда указывает, с одной стороны, на политическую раздробленность Согда, с другой — на известное единство.[1] Интересно отметить, что политическая карта Мавераннахра, обрисовывающаяся на основании сведений, имеющихся в китайских источниках, и нашедшая себе подтверждение в данных, полученных в результате дешифровки согдийских монет, соответствует в основном налогово-административному делению арабских географов. Это соответствие позволяет предположить, что политическая география Мавераннахра, отраженная у арабских географов, в X в. оставалась примерно та же, что и в VII в. Повидимому, арабы не внесли существенных изменений в политическую структуру подвластных им областей, а лишь оформили ее принесенной с собою терминологией. Любопытно, что эта терминология оказалась настолько жизненной для Средней Азии, что закрепилась там и сохранилась вплоть до эпохи монгольского завоевания.

Первый по времени правитель Согда в VII в., время правления которого нам известно, носил имя Фо-ху-ман, дошедшее до нас в китайской передаче. В 1903 г. Шаванном было высказано предположение, что китайское Фо-ху-ман должно было передавать „старую форму" персидского имени Bahman (بهمن).[2] Предположение Шаванна нашло подтверждение в чтении легенды на одной из согдийских монет (*βγšwm'n MLK'* — ʿихшид Вахшуман').[3] Согд. *βγšwm'n* **βxšūmān* закономерная передача, авест. *Vaŋhave Manaŋhe*, нов.-перс. *bahman* ʿобладающий доброй мыслью'.[4] Сведения китайских источников о преемнике Вахшумана расходятся. Согласно одним, после Фу-ху-мана (Вахшуман) правителем Самарканда (Кана) был утвержден главный его старейшина Ду-са-бо-ти. После Ду-са-бо-ти правителем был поставлен его сын Ни-ни-цы-шэ. По другим — Ни-ни-шы-шэ был сыном Фу-ху-мана (Вахщумана) и его преемником на самаркандском престоле. На согдийских монетах прочитана легенда *twk'sp'δ'k MLK'* — ʿихшид Тӯкāспāдāкʾ. **tōkāspāδāk* идентифицируется с китайской передачей имени правителя Кана (Самарканда) Ду-са-бо-ти. Идентификация имени на монете с именем Ду-са-бо-ти китайских источников позволяет установить, что лицо, его носящее, действительно было правителем Самарканда.

---

[1] Как было отмечено выше, на основании эпистолярного стиля документов можно придти к выводу о том, что титул „ихшид" (*MLK'*) был высшим титулом и лицо, его носившее, занимало первое место в местной иерархии. Вывод этот подтверждает предложенное толкование титула „ихшид" (*MLK'*).

[2] Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 135. прим. 6.

[3] ВДИ, т. I, 1938, стр. 117—118.

[4] Ср. название второго дня иранского календаря в согдийских документах — *'šwmynrwč*, ӯ ал-Бируни بهمنز или * شمين — конъектура А. А. Фреймана (Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935, М.-Л., 1936, стр. 145).

Согласно тем же источникам, начало его правления падает на октябрь 696 г., а конец — на август 698 г.[1]

Преемником Ду-са-бо-ти (Тукаспадака) был Ни-ни-шы-шэ. Имя этого правителя нам известно лишь из китайских хроник. В арабоязычных сочинениях это имя не встречается. Монет с именем этого правителя пока не обнаружено. Время его правления было весьма кратким, косвенным подтверждением чему служит отсутствие монет с его именем. Преемником Ни-ни-шы-шэ был Тархун (кит. передача Ту-хунь). Лицо это упоминается как в китайских, так и в арабских источниках. Личность Тархуна и роль, которую он играл в истории Средней Азии достаточно ясны для исследователей, занимающихся этим периодом.[2] Имя этого правителя засвидетельствовано на согдийских монетах в форме *trγwn*.[3] В том же написании оно встречается в согдийских документах с горы Муг, где оно имеет также второе написание *twrγn*.[4] Сопоставление согдийских форм этого имени с его китайской передачей Тухун показало, что оно должно было произноситься *turxūn*. Согласно данным арабских авторов, Тархун был смещен и убит в 710 г. Год его воцарения нам не известен. Его имя впервые упоминается у ат-Табари под 704 г. х. Среди согдийских документов находят два — датированные 10-м годом *trγwn MLK'*. В Хорезме существовал обычай датировки годами правления.[5] Датированные документы с горы Муг показывают что в Согде существовал аналогичный обычай. Документы, датированные 10-м г. владетеля Тархуна, дают возможность установить, что это лицо правило не менее 10 лет. Отсюда следует, что он не мог занять престол Самарканда позднее 700 г., с другой стороны, и не ранее 698 г., т. е. даты, на которую падает конец правления Тукаспадака. После Тархуна правителем Самарканда становится Уграк, носивший, согласно арабским источникам, титул „ихшид Согда афшин Самарканда". Китайская передача этого имени У-ле-га. На монетах засвидетельствована согдийская форма имени этого правителя *'wγrk* **uγrăk*. А. А. Фрейман возводит это имя к др.-иранск. *ugraka* 'сильный', 'могущественный'.[6]

В 738 г. после смерти Уграка правителем Самарканда становится его сын Догэ.[7] Имя этого правителя было знакомо исследователям в его китайской передаче. Сведений об его личности почти нет. Известно лишь, что до своего воцарения Догэ был правителем в Цао.

На этот пост он был утвержден китайским императором в 731 г. по просьбе Уграка. Одновременно с ним его брат Мочо был утвержден правителем в Ми (Меймурге). После утверждения Догэ правителем Кана (Самарканда), правителем в Цао утверждается Ко-ло-пу-ло.[8] Ни в одних источниках, кроме китайских, имени Догэ не встречается. Отсутствие упоминания об этом лице в арабских источниках вызывает некото-

---

[1] Ed. Chavannes, Notes additionnelles sur les Toukiue (turcs) occidentaux. T'oung Pao, 1904, 2 sér., vol. 5 p. 25.

[2] Общие данные об этом правителе см.: В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, ук. раб., стр. 61—63. — А. А. Фрейман, ук. раб. стр. 161—165.

[3] ВДИ, т. I, 1939, стр. 116—117.

[4] О существовании этого второго написания мне любезно было сообщено А. А. Фрейманом.

[5] Chronologie orientalischer Völker von Alberûnî. Leipzig, 19 1923, стр. 35 (перевод, стр. 41).

[6] Об этимологии этого имени см.: А. А. Фрейман К имени согдийского ихшида, Гурека. ВДИ, 3 (4), 1938, стр. 147—149. Издание монеты: ВДИ, 1939, т. 4, стр. 99.

[7] Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 210.

[8] О них см. Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 136, 210, 294.

рое недоумение, так как время его правления падает на середину VIII в. и имя его отца Уграка было хорошо известно арабам. На согдийских монетах прочитано имя *twrγ'γ*. Имя Тургаг правильная, фонетическая передача имени сына Уграка, известного нам в его китайской транскрипции.[1] Имя Тургаг на иранской почве не этимологизируется и, видимо, тюркского происхождения (ср. тюрк. имя *turgai*), что позволяет предположить, что сын Уграка, его наследник на самаркандском престоле, носил тюркское имя. В истории Бухары Нершахи упомянут сын Уграка Язид.[2] В имени Язид у Нершахи следует видеть, как нами предполагалось ранее, мусульманское имя сына Уграка. Подобный факт крайне интересен и говорит о том, что в середине VIII в. сын правителя Самарканда принял мусульманство. Конец правления Тургага нам не известен.

Таким образом, данные нумизматического материала и нарративных источников дают возможность уточнить хронологическую последовательность правителей Самарканда VII—VIII вв. и установить согдийскую форму их имен, бывших нам известными до настоящего времени только в их китайской или арабской передаче.

В хронологию правителей Самарканда (Согд) начала VIII в. некоторую неясность вносят согдийские документы. Основное действующее в них лицо — Диваштич. Диваштич был современником двух последовательно правивших правителей — Тархуна и Уграка. В согдийских документах Диваштич носит титул, приписываемый арабскими историками Уграку „ихшид Согда афшин Самарканда". И. Ю. Крачковский, отметив этот факт, указывает на странность сосуществования двух правителей Согда, носивших один и тот же титул.[3] А. А. Фрейман[4] предлагает разрешить этот вопрос, идентифицируя личность Диваштича с Тархуном, предшественником Уграка. Эта идентификация вызывает некоторые сомнения. Независимо от окончательного установления личности Диваштича, данные, сосредоточенные в арабских источниках, позволяют установить, что он возглавлял в Самарканде движение согдийцев против арабов, начавшееся в 721 г., и после его ликвидации арабами в 722 г. был казнен. Движение согдийцев продолжалось два года (721 и 722 гг.). Документы, где Диваштич именуется ихшидом Согда афшином Самарканда, датированы его первым и вторым годом. Тот же титул он носит в нескольких документах, не имеющих даты. Следовательно, он носил этот титул не менее двух лет. Во время этих событий Уграк оставался на стороне арабов, тогда как Диваштич покинул Согд с населением, не желавшим подчиниться их условиям. Встав во главе восставшего населения, Диваштич принимает титул, присвоенный правителю Самарканда Уграку, и в течение двух лет (721 и 722 гг.) два лица носят один и тот же титул „ихшид Согда афшин Самарканда".

Хронологическая таблица правителей Согда может быть представлена в следующем виде:[5]

---

[1] ВДИ т., I, 1939, стр. 117.

[2] Description topographique et historique de Boukhara, par Mohammad Nerschakhy..., publ. par Ch. Schefer, Paris, 1892 (public. de l'École des langues orient. viv., III série v. XIII, стр. 32, строка 15.

[3] В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, ук. ст., стр. 63 и сл.

[4] Датированные согдийские документы..., стр. 161—165.

[5] Список правителей Согда и краткие сведения о них см. также: О. И. Смирнова. Резюме доклада „К хронологии правителей Согда VII—VIII вв. н. э.". Бюллетень А. Н. Уз. ССР, 1945 г., № 6, стр. 27—30.

Ихшиды Согда

Ихшиды	Согдийск.	Китайск.	Арабск.	Годы правления
Вахшуман	*βγšwm'n*	Фу-ху-мань	—	650/55—696
Тукаспадак	*twk'sp'δk*	Ду-са-бо-ти	—	696—698
Нинишышэ	—	Ни-ни-шы-шэ	—	698 не позднее 700
Тархун	*trγwn*	Ту-хун	طرخون	не позднее 700—710
Уграк	*'wγrk*	У-ле-га	غورک	710—712
Уграк Диваштич	*'wγrk* *δyw'štyč*	У-ле-га —	غورک ديواشتی	721—722
Уграк	*'wγr'k*	У-ле-га	غورک	721—738
Тургаг	*twrγ'γ*	До-ге	يزيد	783 — не известно

Известия китайских авторов говорят о существования в самаркандском владении правящего рода. Представители этого рода правили в областях, зависимых от Самаркандского центра. У арабоязычных авторов мы находим некоторые сведения, косвенно подтверждающие существование родовой связи между правителями Самарканда и отдельных владений, входивших в состав Согда. На согдийских монетах с легендами помещаются различные знаки. Таких знаков пока отмечено четыре. Как показывают сопровождающие их легенды, эти знаки были своеобразными гербами владетелей. Один из них помещается на всех без исключения монетах китайского образца, а также на некоторых монетах „местного образца". Изображение одного и того же знака на монетах правителей Согда, хронологически следующих друг за другом, может служить подтверждением принадлежности этих последних к одному роду, представителям которого он был присвоен. Тот же знак в различных своих вариантах находится на монетах Шишпира, правителя Кеша, и Матчира, правителя Меймурга. Как правители Кеша, так и правители Меймурга, по свидетельству китайских источников, принадлежали к правящему самаркандскому роду. Помещение вариантов основного знака согдийских монет на монетах этих правителей понятно. Каково было его происхождение — для нас не ясно. Решение этого вопроса принадлежит будущему. Отметим лишь тот факт, что иранские имена известных нам представителей Самаркандского рода, если и не противоречат общепринятому мнению об его тюркском происхождении, то во всяком случае указывают на то, что этот род подвергся сильной иранизации.

Предположение Гибба и Ширатори о принадлежности большинства владетелей Мавераннахра к одному роду нуждается в некотором уточнении. Согдийские монеты помогают нам в этой задаче Название „чжао-ву" китайских авторов не родовое имя, а титул. Титул γωβω („чжао-ву" кит. авторов) на монетах местного образца встречается с другим родовым знаком. Отсюда следует, что владетели, его носившие, не все принадлежали к одному роду.

Итак, сведения нарративных источников находят себе подтверждение на материалах согдийских монет. В свою очередь осмысление знаков на согдийских монетах как символа княжеской власти подкрепляется

данными письменных памятников. Помещение на монетах правителями Согда своего родового знака отнюдь не единичное явление в нумизматике и находит подтверждение в материалах других ее отраслей.

Согдийские монеты и документы с горы Муг — первые памятники согдийско-буддийской письменности, найденные на территории собственно Согда. Они являются местными памятниками, свидетельствующими о том, что официальной письменностью Согда в VII и VIII вв. было согдийско-буддийское письмо, названное Готье „согдийской национальной письменностью". Монеты, легенды которых стилизованы под арабское куфическое письмо, дают возможность проследить процесс вытеснения согдийской письменности арабской, начавшийся в конце VIII в.

Дальнейшее исследование различных типов согдийских монет может пролить некоторый свет на вопрос о культурных связях Индии, Китая Ирана и Средней Азии — факт общепризнанный, но еще совершенно недостаточно изученный.

О. П. ПЕТРОВА

АДМИРАЛ Е. В. ПУТЯТИН В БУХТЕ ХЭДА

(К истории русско-японских отношений в середине XIX в.)

В 1899 г. в Японский фонд Азиатского музея Академии Наук поступило небольшое собрание (13 названий) из библиотеки адмирала К. Н. Посьета. Оно состояло из карт Японии, изображений японских рыб и книг по истории японской армии и японского флота.

„История японского военного флота" состоит из 9 книг в 25 выпусках. Составитель этого труда, известный деятель конца Бакуфу[1] (период Токугава)[2] и начала эпохи Мэйдзи,[3] граф Кацу Ава (1823—1900), собрал подлинные документы, относящиеся к истории создания японского флота в последние десятилетия Бакуфу, и издал свой труд при содействии товарища военно-морского министра Кабаяма в 1890 г. служебным изданием военно-морского министерства. Труд графа Кацу охватывает период с основания флота до конца Бакуфу, т. е до 1867 г., когда в Японии было отменено обучение военно-морскому искусству английскими инструкторами.

В небольшом предисловии к „Истории японского военного флота" Кацу говорит, что им приведены полностью все правительственные приказы, декларации, декреты и т. п. официальные документы в том виде, в каком они были выпущены в свое время, а письма правительств иностранных держав в наиболее точном переводе, хотя самые длинные из них сокращены.

Во втором выпуске первой книги Кацу приводит документы, относящиеся к пребыванию в водах Японии русских моряков под командованием генерал-адъютанта Ефима Васильевича Путятина на фрегате „Диана" в 1854—1855 гг.

О плавании отряда русских военных судов в Японию и Китай 1852—1855 г. имеется довольно много сведений в русских источниках, список которых был любезно мне сообщен капитаном 1-го ранга Николаем Васильевичем Новиковым, а некоторые отрывочные сведения сообщаются и в западно-европейской и американской лигературе. Но све-

---

[1] Бакуфу — правительство династии Токугава.

[2] Токугава — династия сёгунов (светских правителей) феодальной Японии, господствовавшая в Японии около двух с половиной столетий, с 1603 по 1857 г.

[3] Революция Мэйдзи — незавершенная буржуазная революция 1857—1858 г. в Японии, свергшая токугавский режим под лозунгом возвращения полноты власти, узурпированной сёгунами династии Токугава, законному императору, выполнявшему при сёгунате чисто сакральные функции.

дения, сообщаемые Кацу о том, какое значение имело пребывание русских моряков в деле создания японского флота, представляют особенно большую историческую ценность, так как японские источники об этом до сих пор на европейских языках не были опубликованы.

Одним из мотивов для издания истории японского флота домэйдзийского периода Кацу считал то обстоятельство, что во время революции Мэйдзи в 1868 г. многие описания, таблицы, списки и другие материалы, по его выражению, „пришли в беспорядок" или были утеряны. Подлинных документов осталось очень мало; да и имеющиеся налицо документы во многих случаях сохранились в неполном виде, без начала или без конца. Поэтому Кацу спешил собрать все уцелевшие материалы, дополнив их личными свидетельствами некоторых лиц, а также собственными воспоминаниями.

Сам Кацу был далеко не заурядным лицом в японской истории. Он известен как создатель и организатор японского флота (недаром за ним укрепилось в мировой литературе имя „отца японского флота"), как военный и политический деятель конца Бакуфу, боровшийся за открытие Японии для внешних сношений, как первый японский капитан, совершивший плавание через Тихий Океан в Америку на судне „Канрин-мару",[1] а также как непосредственный участник революции Мэйдзи. Кацу был не только писатель и поэт; его перу принадлежит большое количество работ самого разнообразного содержания. Как историограф он известен фундаментальными трудами по истории не только японского флота, но и армии, а также „Историей внешних сношений Японии".

Человек, которого современники считали неподкупно честным, прямым и откровенным, он старался наиболее точно и беспристрастно рассказать о событиях, свидетелем которых он был в большинстве случаев. В этом ценность его работы как первоисточника.

„4-го ноября первого года Ансэй[2] [11-го декабря 1854 г.] в Дзусю [Идзу] произошло ужасное землетрясение, — пишет Кацу.— В это время в порту Симода стоял на якоре русский корабль, фрегат «Диана». Внезапно началось «цунами» [моретрясение]. Поднялся огромный вал. Жилища в порту были разрушены. В городе было снесено волной 18 кварталов. Среди населения пострадало 3900 человек, из них 85 человек погибло. Русский корабль не мог также избежать этого бедствия. Его бросило на риф и он чуть было не перевернулся и не затонул. Благодаря героическим усилиям всего экипажа корабля ему удалось избежать гибели, однако днище корабля было очень повреждено и ничего сделать было невозможно. Когда наводнение кончилось, все русские высадились на берег и могли принять меры к приводу корабля внутрь порта.

„На берегу благодаря этому стихийному бедствию совершенно обезлюдело, поэтому бедственное положение русских еще более усугубилось.

„В это время Россия находилась в состоянии войны с европейскими державами. Английские корабли рыскали по всем портам, чтобы нападать на русские. Поскольку русские не могли относиться спокойно к этому обстоятельству, они обратились с просьбой к нашему правительству пре-

[1] „Канрин-мару" — 3-мачтовая шхуна-корвет, заказанная правительством Бакуфу и построенная в 1856 г. в Голландии. В 1857 г. прибыла в Нагасаки. В 1860 г. совершила впервые в истории Японии транспацифический рейс в Америку, имея на борту исключительно японский экипаж и командование.

[2] Годы Ансэй — годы императора Комэй (1854—1859). По японскому летосчислению, каждый император при вступлении на престол объявляет начало новой эры, давая ей особое название.

доставить удобную гавань, где они могли бы произвести ремонт корабля, и не встретили возражений против этого со стороны нашего правительства. Присмотрев удобную гавань Хэда, они намеревались войти в нее. Наше правительство не могло остаться безучастным к их бедствию и в конце концов удовлетворило их просьбу об этом. Русские прибыли в Хэда, основались лагерем, обезопасив себя от противника, и решили привести туда находившийся в порту Симода разбитый корабль. Когда они огибали мыс Идзу, внутрь корабля хлынула вода, справиться с которой было невозможно. В конце концов корабль затонул. В этом месте глубина моря достигает 78 хиро,[1] поэтому опять-таки ничего невозможно было предпринять. Экипаж корабля пересел в шлюпки и чудом спасся.

„В довершение бедствий русских прибавилась еще утрата корабля. Однако, благодаря необычайной доблести, они не растерялись, и опять обратившись к нам, просили прислать строительный материал, кузнецов и строительных мастеров. Возглавив этих строительных мастеров и кузнецов, они заново приступили к судостроительным работам. Усердие офицеров и матросов было поистине удивительным. В конце концов они построили 2 шхуны.[2] На них погрузились и отплыли в направлении северного моря.

„Это несчастье русских послужило счастьем для нас. Наши мастера, преодолев все трудности, на практике овладели способами европейского судостроения. В это время нам впервые были показаны способы постройки судна, начиная от постройки киля и стапелей, установки форштевня и ахтерштевня, постановки шпангоутов, укрепления бимсов, вплоть до обшивки, а также крепления всего корпуса обшивными поясьями, и прокладка толстой просмоленой бумаги при обшивке медными листами. Затем обжиг сосновых кореньев и выгонку из них смолы, смоление пеньки, плетение канатов и прочее бесконечное количество вещей мы узнали одновременно.

„Мы должны сказать: какое это было счастье для нас!

„После этого по их способу было построено одно за другим 3 однотипных судна под названием «Кимидзава» 君澤 первый, второй и третий. И построенное русскими судно, на котором они отплыли, впоследствии также ими было отправлено назад и передано нам, чему мы были в то время чрезвычайно благодарны.

„Большинство мастеров, работавших в то время под руководством русских, было направлено потом в военно-судостроительную верфь правительства Бакуфу. Из них еще и теперь (1889 г.) известно несколько человек, которые, как хорошие мастера, прибыли в Иокосука и стали руководителями других мастеров.

„Чиновники, командированные в то время в означенное место, докладывая мне, говорили: «Доблесть русских поразительна. Встретившись с таким ужасным стихийным бедствием, они нисколько не растерялись. В предвидении, что если вдруг в море Симода появится иностранное судно, то это непременно будет английский корабль, офицеры и матросы под единым командованием расположились лагерем под своим национальным флагом, имея целью, если это произойдет, дать решительный бой».

---

[1] Хиро — мера измерения глубины, равная 1 морской саж. или 1.83 м.

[2] О постройке двух шхун больше не упоминается в работе Кацу. Это не подтверждается также и русскими источниками. Однако о постройке двух шхун говорит виконт Огасавара в своей „Истории японского военного флота“ (1912), а также Рамминг в своей работе (1926), посвященной посольству Путятина.

„И во время постройки судна, за которую они принялись в этих условиях с поразительной энергией, они вели себя таким же образом. Наблюдая характер этих смелых соколов, мы поистине должны воздать хвалу их доблести.

„Кроме того, когда русский корабль, потерпев аварию, стоял в порту Симода, его артиллерию свезли на берег, а затем в знак благодарности они отправили ее нашему правительству.

„Число орудий было следующее:

чугунных	60-фунтовых длинноствольных пушек	4
„	30-фунтовых короткоствольных „	18
„	20-фунтовых длинноствольных „	30
	Итого . . .	52

„На основании записей того времени, русский корабль, фрегат «Диана» в октябре 1854 г. пересек наше море Тюгоку и вошел в порт Осака. После переговоров с местным бугё,[1] фрегат оставил порт и направился в порт Симода. 4-го ноября того же года (по яп. летосч.[2]) состоялся прием у русских бугё. Поскольку в моем распоряжении имеются официальные документы, относящиеся ко времени после бедствия корабля, адмирала Путятина и старшего офицера Посьета, то я не пренебрегаю ими и помещаю их здесь. Кроме того, чтобы более подробно осветить события, я снабжаю для руководства и предшествующей перепиской".

Затем Кацу цитирует: письма бугё порта Осака к бугё порта Симода относительно пребывания фрегата „Диана" в закрытом для иностранцев порту Осака, где невозможно было вести переговоры, и отплытия его для ведения переговоров в порт Симода, и приводит копию проходного свидетельства, выданного русскому кораблю; донесения в адрес бугё порта Симода о направлении русского корабля в порт Симода и о наблюдении за русским кораблем во время пути его следования; японский перевод письма капитан-лейтенанта Посьета от 21 декабря 1854 г. относительно церемониала, которым должен быть обставлен прием русских представителей у бугё порта Симода. Далее Кацу приводит три официальных письма японских властей о предоставлении возможности русским произвести ремонт корабля, потерпевшего аварию во время землетрясения в Симода, и о предоставлении им с этой целью удобной для произведения ремонта бухты, а также необходимых материалов, продовольствия и мастеров. Наконец, следуют: донесения с изложением обстоятельств гибели фрегата „Диана" во время буксирования его после аварии в порт Хэда для ремонта; отношение от 22 декабря (по яп. летосч.) на имя бугё Симода о заключении трактата с русским послом Путятиным; отношение от 8 февраля (по яп. летосч.) на имя бугё порта Хакодате об отправлении части экипажа погибшего фрегата „Диана" на американском торговом судне на Камчатку для возвращения на родину. В заключение приводятся краткие данные о пребывании и гибели фрегата „Дианы" в Японии и судьбе его экипажа в виде следующего свидетельства:

„Прибывший 15 октября 1854 г. [по яп. летосч.] русский военный корабль — фрегат, название — «Диана», длина корабля свыше 32 кэнов.[3]

---

[1] Бугё — крупные чиновники правительства Бакуфу различных степеней и обязанностей.

[2] Японское летосчисление. До 1873 г. Япония имела лунный календарь, в силу чего счет месяцев и дней не соответствовал европейскому.

[3] Кэн — японская сажень, путевая мера, равная 1.81 м.

Посол — Путятин, капитан корабля — Лесовский, старший офицер, переводчик Посьет. Команда — 501 человек (из них трое матросов во время стоянки умерли и похоронены при храме Гёкусэндзи 玉泉寺 в деревне Какисаки 梯崎).

„Означенный корабль, во время стоянки для заключения договора в ноябре 1854 г., вследствие морского вала [моретрясения] получил повреждения, поэтому для произведения ремонта ему была предоставлена бухта деревни Хэда в Идзу. 26-го числа того же месяца означенный корабль направился в указанную бухту. 2-го декабря в море у деревни Миядзима в Суруга корабль жестоким шквалом был перевернут и затонул.

„На пришедшей 2-го февраля американской шхуне часть экипажа в составе: офицеров 9 человек и нижних чинов 150 человек, покинула Хэда 29-го числа того же месяца.

„23-го марта того же года Путятин и с ним около 100 человек экипажа отбыли на Камчатку на вновь построенной ими в бухте Хэда шхуне.

„1-го июня того же года остальные русские во главе с офицерами Шиллингом, Урусовым, Пущкиным, Ковалевским, унтер-офицеры и команда на американском торговом судне «Грета» покинули Хэду".

Заключительным официальным документом является доклад императору о заключении с русскими договора о границах между Японией и Россией.

Кроме этих официальных документов, Кацу собрал также письма к русским офицерам фрегата „Дианы" от их друзей из России, пришедшие в Японию после отъезда русских и переведенные на японский язык. Приводя эти письма, Кацу объясняет, почему он считает необходимым опубликовать частную переписку русских офицеров.

„Нижеприводимые письма не были доставлены, когда русские находились на стоянке у нас в Японии, а пришли с опозданием уже после их отъезда. Хотя они не имеют прямого отношения к нам, но поскольку при чтении их вполне достаточно можно себе представить нравы их страны, я их помещаю здесь. Помещаю потому, что русские, во время бедствия, случившегося с их страной [Крымская война], в то время как были отправлены в чужую страну и когда сами подверглись непредвиденному стихийному бедствию, испытав ряд несчастий, оставались энергичными, смелыми и нисколько не согнулись перед ними. Однако такова же и глубина сочувствия им у тех, кто находится на их родине. Какое крепкое единение чувств! И не в этом ли достижение того, чтобы называться могущественной страной в мире?!" И Кацу помещает текст десяти частных писем, адресованных русским офицерам с родины.

Таково краткое перечисление документации, сохраненной Кацу в „Истории японского военного флота".

Для того, чтобы осознать все значение событий, описываемых Кацу, обратимся и к русским источникам, в первую очередь к двум отчетам генерал-адъютанта адмирала Путятина: рапорт его управляющему морским министерством от 1/13 февраля 1855 г., отправленный из порта Симода, и „Всеподданнейший отчет о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай в 1852—1855 годах", составленный уже после возвращения Путятина в Москву в конце 1855 г.

Ценными дополнениями к отчетам Путятина служат опубликованные в „Морском сборнике" за 1855 и 1856 гг.: „Выписка из шканечного журнала фрегата «Диана»", „Заметки о гидрографических занятиях

в 1853—1855 гг." старшего штурманского офицера фрегата, поручика Елкина, и извлечения из писем в редакцию ряда офицеров, принимавших участие в событиях, постигших русское судно в японских водах.

В 1854 г. Путятин прибыл в Японию уже вторично. В первый раз 9/20 августа 1853 г. он бросил якорь на Нагасакском рейде, куда прибыл на четырех судах, держа свой вымпел на фрегате „Паллада". Тогда, по поручению русского правительства, Путятин начал переговоры с японским правительством по вопросу об открытии портов для иностранных судов и начале торговых сношений между двумя соседящими государствами. Не успев закончить затянувшиеся переговоры, Путятин отбыл в конце января 1854 г. для устройства судов своего отряда на зимовку с тем, чтобы снова встретиться с японскими уполномоченными весной в заливе Анива на южном Сахалине.

Однако политическая обстановка в Европе за истекшее время изменилась. Шла Крымская война. К берегам Японии Путятин смог вернуться значительно позже. Оставив бывшие с ним раньше в Японии суда в заливе Де-Кастри, Путятин на этот раз для окончания переговоров прибыл в бухту Симода на фрегате „Диана".

По пути, от потерпевших крушение японцев, которых русское судно спасло и вернуло на родину, Путятин узнал, что отряд английских судов только в октябре отбыл из Нагасаки и получил разрешение заходить в Нагасаки и Хакодатэ для пополнения запасов. В обстановке военного времени это означало, что надлежало быть готовыми к столкновению с неприятелем в любое время.

В то время как переговоры продолжались своим чередом и подходили к благоприятному завершению, в бухте Симода фрегату „Диана" была обеспечена наиболее выгодная позиция на случай боя с противником, фрегат „был ошвартовлен у приглубого берега бухты, имея два якоря, на середине рейда, чтобы сдаваться на них при свежих ветрах, разводивших значительное волнение. На наиболее выдававшемся носу бухты устроен был, для наблюдения за приближением неприятеля, специальный пост", — сообщает Путятин.

Но военная обстановка не мешала нормальной жизни корабля. С того дня, как был брошен якорь в заливе Симода, были начаты гидрографические работы, сделаны определения координат, установлены постоянные наблюдения за склонением компаса и величиной приливов и за двадцать дней исполнены опись и промер бухты и составлена подробная ее карта, которой европейская гидрография до тех пор не имела. Для исправления такелажа судно было решено перевести в более спокойный для якорной стоянки северо-восточный угол бухты.

11/23 декабря на корабле готовились к отправке на берег последних подарков, передаваемых посольством, и к переводу на новое место якорной стоянки.

В 10 ч. утра фрегат испытал сильное сотрясение, невольно вызвавшее всю команду наверх. Но кругом все оставалось спокойным. Начатые работы продолжались попрежнему.

Через четверть часа командир фрегата заметил необычайно быструю прибыль воды к берегам бухты у города.

„Вышедши на палубу, я был поражен странными явлениями, — пишет Путятин во «Всеподданнейшем отчете». — За кормой фрегата... мутная и клокочущая вода распространялась концентрическими кругами, которые... вскоре заняли всю поверхность рейда. Большие джонки в устье реки быстрым потоком прилива были несомы вверх по долине, а здания

города постепенно погружались в мутные воды первого вала. Через несколько секунд сцена переменилась: все, что неслось к городу и северному берегу, мгновенно повернуло назад. Мимо фрегата несло все стоявшие в верховье бухты суда и частично обломки зданий... С этого времени прилив и отлив быстро сменялись: вода то поднималась сажени на 3 над обыкновенным уровнем, то настолько же понижалась от того же уровня. Между берегами и центральным островом Инубасири образовался водоворот, так что фрегат, увлекаемый стремлением его вод, делал неимоверно быстрые обороты и то приближался, то удалялся от скалистых берегов, которые не раз грозили ему разрушением. Во время этих кружений японские джонки часто садились на наши канаты и тем увеличивали напор течения, пока их не разламывало и не топило. С одной из таких лодок мы сняли двух японцев, но третий не хотел расстаться с судном и погиб вместе с ним. Для города Симода второй вал был самый пагубный... За этим валом бухта наполнилась частями домов, соломенными крышами, домашней утварью, человеческими трупами и спасающимися на обломках людьми. С фрегата были брошены концы, но несчастных относило от бортов и нам удалось спасти только одну почти уже окостеневшую старуху... Фрегат... с каждым оборотом приближался к северной мелководной и наполненной подводными камнями части бухты. Средства удержать его не было, канаты трех якорей, перепутанные между собою, не представляли более никакого препятствия, и фрегат свободно следовал за движением воды, пока в 12 часу, при быстро-убылой воде, не наткнулся на камень и не стал стремительно валиться на бок... При наклонении фрегата просвистали «все на верх». Казалось, фрегат опрокидывается, команда спасалась на сетках правого борта и в этом положении исполнила еще команду «закрыть люки». Затем воцарилась мертвая тишина. Это продолжалось около минуты; потом, с приливом воды, фрегат выпрямился, но снизу послышались стоны... одно [из орудий] убило попавшего под него матроса Соболева, унтер-офицеру Терентьеву переломило ногу, а матросу Викторову оторвало ногу выше колена. На фрегате оказалась сильная течь, так что немедленно приступили к действию всеми помпами. При следующей убыли воды фрегат, [уже] не имевший киля, кренило мало, — он только скользил по земле от сильного напора воды, несмотря на то, что виден был шток якоря. Колебания моря продолжались до 4 часов пополудни. В трюме прибывало воды до 2 футов в час.

„В Симоде из 1000 зданий едва уцелело до 16 домов... по окончании опасных колебаний, я отправил на берег доктора с предложением его помощи на случай, ежели бы нашлись увечные".

Осмотр показал, что в результате моретрясения у фрегата оторвало киль с частью дейдвуда и фальшкилем длиной в 90 фут., руль со старнпостом и со всеми петлями, часть фал старнпоста, так что задние концы обшивки были открыты и допускали свободный проход воде внутрь корабля. Он держался на воде только благодаря беспрерывной работе всех помп. Необходимо было килевать фрегат, к чему в открытой Симодской бухте не представлялось никаких возможностей. С согласия японских представителей два офицера фрегата, в сопровождении японских чиновников, отправились на розыски подходящей для килевания бухты. Через 20 дней они вернулись, разыскав подходящее место в бухте Хэда, в 35 морских милях от Симода.

Тем временем на корабле под кормовую часть был подведен прошпикованный парус, устроен временный руль. Прибыль воды уменьшилась

до 9 дюймов в час. Для облегчения корабля на берег были свезены пушки.

А на берегу продолжались и приближались к окончанию переговоры с прибывшими из столицы Японии полномочными представителями об открытии японских портов для иностранной торговли. Из разрушенной Симоды они были перенесены с 14 декабря в селение Какисаки.

Второго января при умеренном ветре был начат перевод „Дианы" из бухты Симода в бухту Хэда. Фрегат сопровождала большая японская джонка, укомплектованная русским экипажем на случай спасения людей, если судно не выдержит перехода. К 8 часам вечера ветер, постепенно свежея, развел огромное волнение. Следующее утро застало фрегат у бурунов, покрывавших прибрежье у подножия покрытого снегом пика горы Фудзи. На джонке вырвало парус; для спасения команды она вынуждена была выброситься на берег. Третьего и четвертого января фрегат медленно продолжал погружаться в воду. К вечеру 4 января от беспрерывного качания помпы начали ломаться. Ветер не стихал. Тогда Путятин решил начать перевозку команды на берег. Перед заходом солнца десятивесельный катер, взяв тонкий конец, под парусами благополучно выбросился на берег. Посланная по концу для опыта гичка разбилась в бурунах, хотя команда спаслась. Тогда, с утра 5 января приступлено было к свозу команды по лееру с фрегата на берег. К 4 ч. дня перевоз людей был закончен благополучно; последними покинули корабль адмирал и капитан.

„Во все время перезоза людей, — пишет Путятин, — японские чиновники, собравшиеся к этому месту, оказывали нам все возможные пособия. Они собрали в разоренных после землетрясения окрестных деревнях большое количество соломенных матов, и к вечеру почти вся команда была прикрыта от пронзительного ветра и мороза, доходившего до 3° по Реомюру".

6 января вода поднялась до кубрика, но корабль еще не погрузился. Японцы предложили попробовать все же отбуксировать фрегат в порт Хэда, находившийся в 15 милях. Угром 7 января свыше сотни японских лодок, на одной из которых находился Путятин, руководивший всей операцией, при наступившем штиле начали буксировку. За три часа они успели провести полупогруженный фрегат почти на 5 миль, когда внезапно, без малейшей видимой причины, бросили фрегат и с громкими криками рассыпались в разные стороны, торопясь добраться до берега. Причина стала понятной минут через десять, когда налетел жестокий шквал, разведший огромное волнение.

Лодка с русскими моряками едва укрылась в бухте Эноура. Фрегат, оставленный на произвол ветра и волнения, вскоре был опрокинут и затонул на большой глубине. Правильность рассказа Путятина полностью подтверждается приводимыми графом Кацу донесениями японских наблюдателей, находившихся на берегу.

Японцев поразила героическая борьба русских за спасение своего корабля, которая длилась беспрерывно в течение 27 суток с ежеминутным риском погибнуть вместе с кораблем. Поразила их также энергия и распорядительность адмирала Путятина, который умудрился в этих ужасных условиях не только сохранить в боеспособном состоянии свой экипаж, но еще и спасти артиллерию и оружие, патроны и прочее.

Наши моряки спасли также с тонущего фрегата казенную сумку с шнуровыми книгами, шканечный журнал, мореходные инструменты и даже часть багажа нижних чинов. Сигнальные книги с фрегатов „Пал-

лада" и „Диана" „в закупоренном с железом ящике" брошены были за борт.

Двухдневный пешеходный переход команды фрегата „Диана" к бухте Хэда проходил через местность, разрушенную землетрясением. Горные тропы во многих местах были преграждены грудами обрушившихся камней. У некоторых из прибрежных островов отвалились целые утесы.

„На привалах для обеда и ночлега, — пишет Путятин, — японские власти озаботились приготовлением пищи как для офицеров, так и для нижних чинов, которые на ночлег размещались в заранее очищенных домах.

„Когда русские моряки после утомительного перехода поздно вечером добрались до Хэда, оказалось, что и тут для них были приготовлены помещения. Офицеры были расположены в одном из буддийских храмов, а команда в нарочно построенных из досок и матов весьма опрятных казармах".

Неутомимый адмирал Путятин 17 января опять отправился в Симода для продолжения переговоров.

По пути туда он узнал, что вне Симодского рейда остановилось французское китобойное судно „Наполеон III", которым он решил завладеть для отправки команды на родину. Он тут же отправил одного из офицеров с приказанием капитан-лейтенанту Лесовскому выслать шлюпки для абордирования француза. Несмотря на 9-часовую погоню, сделав 45 миль, они возвратились без успеха, потому что „Наполеон III", узнав, что в Симоде находятся два русских офицера и два матроса, поспешно ушел.

Макклюни, капитан американского парохода „Паухатн" („Powhatan"), пришедший в порт Симода 26 января для размена заключенного американцами с Японией трактата, предложил русскому адмиралу перевезти весь экипаж в Шанхай, как в ближайший порт, лежащий на пути американцев.

„За это учтивое предложение русские были очень признательны, но деликатно его отклонили, — сообщал в американских газетах один из офицеров «Powhatan» в письме от 9 марта 1855 г. — «Наша обязанность, — говорили они, — призывает нас в Россию»; они решили остаться в Японии до апреля месяца... тогда они могут достигнуть Петропавловска или другого порта Восточной России, а оттуда спешить на защиту отечества... Мы достаточно насмотрелись на команду фрегата «Диана», на удивительную ее дисциплину, на ее твердость и терпение в опасности и несчастьи, все это... заставляет быть уверенным, что если бы русский фрегат не сделался жертвой ужасного несчастья, то в море был бы в состоянии померяться силами и отбить славу у англичан и французов".

Между тем переговоры Путятина наконец увенчались успехом. Трактат об открытии портов был подписан 26 января (7 февраля) 1855 г. и, при посредстве американского комиссара Адамса, на пароходе „Паухатн" тотчас отправлен в Россию.

После неудачной попытки захватить французского китолова наши моряки приступили в бухте Хэда к постройке шхуны для отъезда на родину.

Все имевшиеся на фрегате собрания теоретических и подробных планов и чертежей разных судов от фрегата до бота погибли, и первоначально предполагалось составить план шхуны на основании данных, сообщенных адмиралом Путятиным по памяти. Но в это время выяснилось, что по какой-то счастливой случайности был спасен один из кают-

кампанейских номеров „Морского сборника“ за 1849 г., в котором оказалось описание и расчетные чертежи шхуны „Опыт“, — яхты главного командира Кронштадтского порта.

Тогда адмирал приказал принять означенные в этой статье данные к руководству.

По этим данным тотчас было приступлено к составлению чертежа, на чистом воздухе, на опрокинутой вместо стола бочке, на случайно спасенном листе александрийской бумаги. Сам адмирал руководил составлением чертежа, приняв во внимание все потребности запроектированного судна и собственноручно поправляя все обводы. Длина шхуны между шпунтами по грузовой линии была 67 фут., а по палубе 71 фут.

Когда чертеж на бумаге был готов, сделали на избранном месте на берегу Хэда досчатый помост, на котором и вычертили обводы шпангоутов, а потом составили досчатые лекала и, наконец, вытесали сами члены. Для постройки элинга пришлось срыть часть горы, земля от которой пошла на утрамбовку элинга. По левую сторону его было отведено место под разбивной плаз, а далее предполагалось выстроить кузницу.

Сначала работа шла медленно за неимением инструментов.

2 февраля элинг был готов, стапель-блоки поставлены, приготовлен киль и плаз и начата разбивка.

Японское правительство всячески содействовало этой постройке. И вполне понятно, так как оно было кровно заинтересовано в овладении методом европейского кораблестроения.

Хотя Япония — морская страна, но в первой половине прошлого столетия она совершенно не имела морского флота. За два с половиной века изоляции от внешних сношений японцы успели совершенно забыть о кораблестроении, с которым они познакомились во время первых своих сношений с европейцами: в XVI в. — от португальцев и в начале XVII в. — от голландцев. Декретами Токугавского правительства было запрещено крупное судостроение, а чтобы верноподданные не могли далеко отплывать от японских берегов, было вменено в обязанность строить суда с рассеченной кормой, имевшие весьма слабые мореходные качества. Кроме того, японские суда не имели киля и обладали весьма слабой остойчивостью, поэтому были пригодны только для каботажного плавания.

Однако японские феодалы учли все преимущества обладания мореходными судами, поэтому, несмотря на запрещение правительства, начиная с 40-х годов прошлого столетия, отдельные даймё[1] стали обзаводиться судами европейской постройки. Но западно-европейские негоцианты отнюдь не были склонны обучать японцев судостроению и, тем самым, упускать выгоды от продажи готовых судов.

В истории японского флота Кацу приводит данные о попытке в 1838 г. построить судно по европейскому образцу. Японцы внешне удачно скопировали обводы судна, но не знали расчетов, поэтому построенное судно при спуске на воду тотчас перевернулось.

Японское правительство прямо-таки ухватилось за возможность на практике освоить секрет судостроения, поэтому немедленно предоставило в распоряжение адмирала Путятина плотников, кузнецов и потребные материалы.

Горе было в том, что японские мастеровые сначала не знали дела и работали с непривычки медленно и неискусно, хотя и очень усердно, так как их очень интересовала сама работа.

[1] Даймё — владетельные князья феодальной Японии.

К месту работы были приставлены специально двое чиновников, которые следили за всеми работами, записывали, что делалось каждый день, делали рисунки и записывали русские названия каждой вещи. То же делали и мастеровые: у каждого из них была книжка, в которую зарисовывалось все, что находилось в работе. Так „несмотря на то что малки шпангоутов были назначены на лекалах, каждый из японских мастеровых поставлял себе в непременную обязанность раз пять сбегать в чертежную, чтобы самому снять с плаза" — пишет мичман Колокольцев.

Когда начали ставить шпангоуты, каждый японский мастеровой стремился прирезать хоть один шпангоут. У русских моряков не было смолы, а поэтому шпангоуты присаживались на бумагу, пропитанную маслом, которая клалась также между рядами шпангоутов, в стыках футоксов и во всех замках. Однако без смолы было невозможно обойтись, поэтому наши моряки приступили к выгонке ее.

Японцы не имели ни малейшего понятия о смолокурении и с особой любознательностью следили за этим процессом. Для изучения смолокурения был приставлен специальный чиновник, который наблюдал, как закладываются, поджигаются и разгребаются ямы. Японцы знали, какую важную роль играет смола в корабельном деле, а поэтому с восторгом приняли это новое для них открытие.

Одновременно с постройкой судна готовилось и его вооружение, из которого немногое удалось спасти с погибшего фрегата, и нашим морякам пришлось сделать самим и рангоут и паруса.

Поскольку льняной парусины в Японии не было, пришлось по специально составленным чертежам шить паруса из бумажной парусины.

Тросы также пришлось плести самим. Поэтому для изучения спуска тросов и шитья парусов были также назначены японские мастеровые и чиновники, которых наши моряки окрестили „такелажмейстерами" и „парусниками".

Для вытачивания шкивов и юферсов был устроен токарный станок. Японцы тотчас же хотели сделать с него модель и отправить в Иедо, но им обещали отдать его по окончании постройки шхуны, что и было сделано.

Когда шпангоуты были поставлены и обнесены рыбинами, японцы, увидев образование судна не могли надивиться на остроту его подводной части, так непривычную для них.

Из выброшенных на берег и привезенных японцами частей погибшего фрегата особенно пригодилась форстеньга, из которой сделали фок-мачту для шхуны.

Седьмого марта привезли из Иедо медь. Специально присланные из столицы кузнецы работали в отдельной кузнице, в которую не впускали никого из посторонних. Когда японцы сделали болты и ерши, наши моряки приступили к обшивке. В это время уже было до 60 человек мастеровых и обшивку гнали с обоих концов, сверху и низу, и дело подвигалось довольно быстро вперед.

Четырнадцатого марта адмирал Путятин пришел из Симода на американской шхуне „Каролина Фут" („Carolina Foot"), которую он нанял для перевозки части команды в Петропавловск на Камчатке.

Капитан шхуны, сойдя на берег, был поражен, увидя целое адмиралтейство, а когда Путятин его спросил, каково мнение капитана о строющейся шхуне, тот ответил: „Это будет отличный ходок, и я не хотел бы с ним встретиться в море".

К 24 марта наружная обшивка была кончена, положены клямсы и привальные брусья, а также прирезаны бимсы. Вскоре после этого начали стлать палубу.

Японцы учились всему с большим прилежанием.

Шестого апреля наружная обшивка была оконопачена. Из Иедо привезли прекрасно выкованные вручную медные листы. Во время обшивки эти листы накладывались на бумагу, пропитанную смолой, что также отмечает Кацу.

Японцев страшно занимал вопрос, как шхуна будет спущена на воду. Когда наши моряки готовили полозья, делали спусковой фундамент и плот, который должен был служить продолжением спускового фундамента до глубины 12 фут., японцы совершенно не понимали этих приготовлений. Они привыкли спускать свои джонки на катках. Когда им объясняли, что шхуну поставят на полозья и потом она должна будет в несколько секунд сойти в воду, они не верили и смеялись.

Между тем, отказавшийся ранее от перевозки русских моряков, американский клипер „Йан Америка“ („Young America“), который приходил 4 апреля и с капитаном которого адмирал Путятин вел переговоры о перевозе команды в Петропавловск, но не сошелся в цене, возвратился 9 апреля и согласился перевезти команду в Петропавловск.

Тогда работы по постройке шхуны прекратили, японцам передали чертежи, такелаж, паруса и все принадлежности. Японцы умоляли только спустить шхуну на воду, так как совершенно не умели этого сделать сами. Адмирал обещал им, что если они успеют поставить шхуну на полозья до отхода клипера, то наши моряки ее спустят. Японцы работали изо всех сил, чтобы успеть приготовить все для спуска.

Однако к вечеру 11 апреля команда американского клипера взбунтовалась и капитан опять отказался перевозить русских.

Делать было нечего: надо было опять приниматься за постройку шхуны, так как это была единственная надежда попасть на родину. Но японцы чуть было не испортили совсем всю постройку. Когда наши вернулись к шхуне, то увидели, что японцы прорубили огромную дыру для пригонки руля по-своему, испортив для этого всю обшивку и подушки, положенные между контр-тимберсами, но, к счастью, еще не успели тронуть последних.

14 апреля шхуна торжественно была спущена на воду. Собралось очень много японских чиновников и народа, чтобы посмотреть на невиданные приготовления.

В 10 ч. утра, когда начали выколачивать подпоры, японцы опасливо отодвинулись назад. Когда же обрубили найтовы, тронули ваги и шхуна сначала тихо, а затем все быстрее и быстрее заскользила по стапелю и заколыхалась на воде, дружное русское ура слилось с восторженными криками японцев.

„После этого, — пишет мичман Колокольцев, — вся ватага чиновников, мастеровых и просто зрителей отправилась с поздравлениями к адмиралу, приседая, по своему обычаю, и низко кланяясь в благодарность за данный им урок“.[1]

---

[1] В Центральной Военно-морской библиотеке (Ленинград) хранится поступивший из библиотеки Морского министерства большой альбом из двадцати рисунков, исполненных в карандаше с гуашью и иногда с подцветкой акварелью участником похода „Дианы“ лейтенантом А. Можайским 2-м. Наряду с ландшафтами и портретами представителей японского правительства, участвовавших в переговорах с Путятиным, там имеются зарисовки двух этапов моретрясения в бухте Симода 11/23 декабря 1854 г.

После полного оснащения шхуны, названной адмиралом Путятиным в честь места постройки „Хэдой", 20 апреля офицеры и команда перешли на шхуну и после прощального обеда, данного ими японским чиновникам, в час пополудни, снялись с якоря и вышли из порта.

На переходе до Камчатки шхуна показала прекрасные мореходные качества, соединяя в себе ходкость с остойчивостью, поворотливостью и легкостью на волнении. 18 мая на переходе от Петропавловска к устью Амура шхуна выдержала 12-часовой шторм. Пятого июня шхуна вошла в Амурский лиман к мысу Лазарева, и 8 июня адмирал Путятин бросил якорь перед Николаевским постом.

На пути следования шхуне „Хэда" трижды пришлось повстречаться с неприятелем, но благодаря своей ходкости она уходила благополучно от преследования.

„Шхуна «Хэда», — пишет адмирал Путятин, — была сдана в Николаевском посте с тем, чтобы, по сделанному мною с японским правительством условию, при первой возможности она доставлена была в Хакодате или Симода". Это и было осуществлено в 1856 г.

После ухода шхуны „Хэда" (за две недели до отъезда из Японии последней части остававшейся еще там команды погибшего фрегата „Диана" на бременском бриге „Грета"), по приказанию из Иедо, были заложены еще три шхуны в Хэда, те самые, которые Кацу называет „Кимидзава" — I, II и III.

Остававшийся тогда в Японии лейтенант Мусин-Пушкин пишет: „Я старался содействовать японцам в работе как людьми, так равно и указанием и советами в том, что упущено было их вниманием, при постройке нашей шхуны".

Таким образом постройка шхуны „Хэда" послужила образцом для вновь создававшегося японского флота, а русские моряки увековечили память о русских как первых учителях японцев по европейскому судостроению.

Это подтверждается и другим японским источником, а именно: в капитальном труде Исторического общества при Отделении литературы Токийского императорского университета под названием „Мэйдзи исинси кэнкю", изданном в 1929 г., в главе III „Путятин дорай то Нитиро дзёяку", на стр. 249 говорится следующее: „Однако на другой день после возобновления переговоров между полномочными представителями обеих стран 4 ноября произошло моретрясение. Из-за аварии русского фрегата «Диана» Путятин, обратившись к правительству, получил разрешение от него на ремонт пострадавшего фрегата в бухте у деревни Хэда, но «Диана», не достигнув места назначения, затонула от внезапно налетевшего шквала в море в двух ри[1] от Косухама. Вследствие этого Путятиным было построено новое судно в Хэда. Наши корабельные мастера впервые познакомились тогда с европейским искусством кораблестроения. Тип судна, построенной в то время шхуны, был назван типом «Кимидзава» 君澤 по имени уезда, в котором находится деревня Хэда".

Постройка шхуны „Хэда" имела и другое исключительное значение. Она сблизила Россию с тогдашней феодальной Японией. Русские моряки своей доблестью, энергией, умением преодолеть невероятные трудности, а также своим бескорыстием и доброжелательностью выгодно отличались от других иностранцев, завязывавших отношения с феодальной Японией.

---

[1] Ри — японская миля, путевая мера, равная 3.927 км.

И недаром Зибольд[1] писал: „Я с удовольствием прочел в немецких газетах важное известие об открытии Японии мореплаванию и морской торговле всех народов. Это всемирное известие подтверждается и другими, дошедшими до меня из разных источников извещениями. Честь мирного склонения японского правительства на столь богатую последствиями меру единодушно и справедливо приписывается русской экспедиции под начальством адмирала Путятина, поскольку они достигли этого мирным путем".

В современных исследованиях, посвященных вопросу истории сношений Японии с европейцами, к сожалению, забыты заслуги русских моряков в деле открытия Японии для внешних сношений. Принято указывать на то, что только пушки коммодора Перри открыли двери этой замкнутой страны. Так, в изданном в 1936 г. труде Эдвина А. Фака (Edwin A. Falk) под названием „Togo and the rise of Japanese sea power" говорится: „In the meantime while the American squadron was still in Yedo Bay, naval vessels of several of the European maritime powers hovered in nearly Oriental waters. Learning of Perry's achievment, they swooped down and obtained favours similar to those yielded to their predecessor".[2]

Между тем в газете Чайна Мэйл („China Mail") в 1854 г. говорилось: „Посещение Японии коммодором Перри в июле прошлого года ускорило это событие, но удачным решением этого дела мы обязаны русским, а не американцам". А писалось это еще до катастрофы с фрегатом „Диана". Многомесячное же пребывание русских моряков непосредственно на территории Японии привело к тому, что между ними и местным населением установились исключительно дружеские отношения, в которых не было и тени „ненависти к иностранцам".

В биографии графа Кацу Ава, „Кацу Кайсю" 勝海舟, автор ее, Ито Тию, приводит записанный им интересный эпизод из воспоминаний старого Кацу.

Когда из Голландии пришло в Японию заказанное там судно „Каё-мару" 同陽丸, на его борту прибыли 13 голландских офицеров для обучения японцев морскому искусству. Это было в 1858 г. Незадолго до этого приехали также по приглашению Бакуфу несколько английских офицеров с той же целью. Между голландцами и англичанами сразу же началась ожесточенная вражда. Голландцы заявляли, что они прибыли в Японию не только по приглашению японского правительства, но и по повелению голландского короля, и поэтому они претендуют единолично на право обучения японцев военно-морскому искусству. Англичане заявляли приблизительно то же самое.

Бугё по иностранным делам правительства Бакуфу пришли в крайнее замешательство, не зная, как уладить конфликт, и обратились к Кацу с просьбой найти выход из этого затруднительного положения. Тогда Кацу, испросив себе свободу действия, обратился к голландцам со следующими словами:

„Бакуфу по различным соображениям пригласило вас специально прибыть сюда, однако в настоящее время обстоятельства изменились и

[1] Siebold. Urkundliche Darstellung der Bestrebung von Niederland und Russland zur Eröffnung Japan's für die Schiffahrt und den Seehandel aller Nationen, 1854.

[2] В книге: „Того и рост японского морского могущества" Фак пишет: „Пока еще американская эскадра находилась в Эдоском заливе, суда нескольких европейских морских держав выжидали поблизости в восточных водах. Учитывая достижения Перри, они ринулись по его следам и получили те же преимущества, которых добился их предшественник".

нет больше основания задерживать вас. В компенсацию этого я предлагаю вам трехлетнее содержание, предусмотренное договором, и прошу вас возвратиться на родину." И... голландские офицеры согласились. Кацу проводил их до гостиницы, выдал причитающуюся сумму и трехлетнюю стоимость питания и вина. После чего голландцы с благодарностью отбыли на родину.

Надо сказать, что весь этот эпизод изложен языком крайне трезвого политика, хорошо знавшего цену услугам иностранцев.

Тем большее значение получают слова Кацу о русских моряках: „Наблюдая характер этих смелых соколов, мы поистине должны воздать хвалу их доблести". Такой же восторженной оценкой заканчивается и дневник Кавадзи, участника переговоров с русскими в 1853—1855 гг.

Однако империалистическая Япония приложила все усилия к тому, чтобы было забыто, что руками русских моряков был построен „дедушка" современного японского флота и что именно России Япония обязана получением первых знаний в области европейского кораблестроения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Путятин Е. В. Рапорт генерал-адъютанта Е. В. Путятина Управляющему морским министерством. Морской сб., 1855, № 10, отд. офиц., стр. 231—257.
2. Понссет. Описание землетрясения в Симоде и крушения фрегата „Диана". Морской сб., 1355, № 4, смесь, стр. 293—296.
3. Некоторые подробности о погибшем фрегате „Диана" и заметки об Японии (из американских газет). Морской сб., 1855, № 4, смесь, стр. 146—153.
4. Сведения о фрегате „Диана". Морской сб., 1855, № 8, смесь, стр. 146.
5. Путятин Е. В. Всеподданнейший отчет о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай 1852—1855 гг. Морской сб., 1856, № 10, офиц. ст. и изв., стр. 22—104.
6. Построение шкуны „Хэда" в Японии. Морской сб., 1856, № 8, ч. неоф., стр. 279—299.
7. Елкин. Заметки о гидрографических занятиях во время кругосветного плавания на фрегате „Диана" 1853—1855 гг. Морской сб., 1856, № 10, офиц. ст. и изв., стр. 105—131.
8. Шанц И. И. Возражения на статью: постройка шкуны „Хэда". Морской сб., 1856, № 10, смесь, стр. 1—6.
9. Мусин-Пушкин. Извлечения из письма лейтенанта Мусина-Пушкина. Морской сб., 1856, № 2, офиц. ст. и изв., стр. 211—222.
10. Пещуров А. Шкуна „Хэда" в Татарском проливе. Морской сборник, 1856, № 6, смесь, стр. 1—4.
11. Кацу Ава. Кайгун рэкиси (История японского военного флота), кн. I, вып. 2. Токио, 1890.
12. Огасавара Наганари. Тэйкоку кайгун сирон (История японского военного флота). Токио, 1912.
13. Ramming M. Über den Anteil der Russen an der Eröffnung Japans für den Verkehr mit den Westlichen Machten. Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. B. XXI, T. B., Tokyo, 1926.
14. Falk Edw. A. Togo and the rise of Japanese sea-power. London—New York—Toronto. 1936.
15. Siebold, Ph. F. v. Urkundliche Darstellung der Bestrebungen von Niederland und Russland zur Eröffnung Japan's für die Schiffarth und Seehandel aller Nationen. Bonn, 1854.
16. Ито Тию. Кацу Кайсю (биография Кацу Ава). Серия Дзицуроку Исин дзюкэцу, т. VII. Токио, 1935.
17. Мэйдзи Исинси кэнкю (Исследование истории реставрации Мэйдзи). Сб. тр. Истор. общ. при Отд. лит. Токийского имп. инст. Токио, 1929, гл. III, стр. 249.
18. Кавадзи Кандо. Кавадзи Сэймо-но сёгай (автобиография Кавадзи). 1903.

Н. П. ШАСТИНА

АЛТЫН-ХАНЫ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ В XVII в.

Конец XVI в. и первая половина XVII в. в истории монголов являются своеобразным периодом, рубежом, определившим положение страны почти на три столетия. В этот период окончательно установилась вассальная зависимость монголов по отношению к манчжурам.

События истории монголов XVII в. еще недостаточно изучены и освещены. Мы можем пока лишь констатировать некоторые явления монгольской истории. К началу XVII в. процесс раздробления Монголии на отдельные княжества достиг наибольшей степени. Этот процесс сопровождался бесконечными войнами. Наряду с ним наблюдалось и другое явление — это стремление объединить монгольские племена под властью хана путем войны и насилия, путем создания кочевой монархии. Таких попыток в XVII в. было несколько. Некоторые из них облекались в форму религиозной борьбы. Особенно ярким примером такого рода попытки было стремление чахарского Лэгден-хана создать единую монгольскую монархию путем объединения князей Южной Монголии и отчасти Халхи под своею властью. Попытка эта окончилась крахом и даже ускорила процесс подчинения монголов манчжурам. Начиная с 40-х годов XVII в., неуклонно растут стремления завоевательной политики ойратов, вылившиеся во второй половине века в организацию Галданом-Бошокту ойратского царства. В конце концов Галдан потерпел крушение в своих замыслах объединить монгольские племена под властью единого хана. В XVII в. происходили и более мелкие попытки объединения, охватывавшие небольшие территории и немногие племена. В результате этих тенденций в Халхе к средине XVII в. выделились три крупнейших ханства: Дзасакту-хан, Сецен-хан и Тушету-хан. Но еще до этого в Западной Монголии с конца XVI в. существовало небольшое кочевое государство, известное под именем царства Алтын-хана, имевшее большое значение в западном районе Халхи. История создания и распада этого небольшого государства характерна для монгольской истории XVII в. В нем, как в фокусе, отразился весь сложный комплекс внутренних и внешних причин, повлекших за собой подчинение Халхи манчжурам и разрушивших ее стремления к самостоятельности.

Государство Алтын-ханов в истории монголов еще недостаточно изучено. О нем говорят лишь мельком А. М. Позднеев[1] и Г. Е. Грумм-Гржимайло.[2]

[1] А. М. Позднеев. Монгольская летопись „Эрденийн Эрихе". СПб., 1883, стр. 167—170.

[2] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Исторический очерк. Л., 1926, стр. 604—605, 652—653.

Больше внимания этому вопросу уделяют Х. Ховорс,[1] М. Куран и Дж. Бэддли.[2] Но зато о нем неоднократно упоминают историки Сибири. Дело в том, что Алтын-ханы были первыми монгольскими князьями, с которыми встретились русские в Сибири, с которыми Москва вела оживленный обмен посольствами в течение почти всего XVII в. Историками Сибири неоднократно высказывалось мнение, что государство Алтын-ханов было сильной кочевой организацией, с которой русским пришлось столкнуться при завоевании верховьев Иртыша и Оби[3] и которая задержала освоение юго-западной части Сибири на целое столетие.[4] Еще Г. Ф. Миллер писал в „Истории Сибири", что с начала XVII в. в русских документах появляется „гордое имя монгольского царя Алтын-хана".[5] Почти все историки Сибири, начиная с Миллера и Фишера, в той или иной степени уделяют внимание Алтын-хану. Это и понятно, так как именно сибирские архивы и Сибирский приказ сохранили материалы по сношениям Москвы с Алтын-ханами. Монгольские же летописи и документы уделяют не много внимания Алтын-ханам. Поэтому для изучения государства Алтын-ханов надлежит прежде всего обратиться к русским архивным материалам.

Уже первое знакомство с материалами Сибирского приказа, хранящимися в Центральном Государственном Архиве древних актов в Москве, дало нам богатейший материал об Алтын-ханах, который позволяет дополнить и осветить ранее известные сведения по данному вопросу.

Царство Алтын-ханов находилось в сев.-зап. части Монголии. Основателем этого царства следует считать Шолой Убаши Хун-тайджи.[6] О нем в Илетхел Шастир[7] приведены лишь следующие скупые сведения: ᠬᠤᠭᠴᠤ ᠳᠠᠶᠴᠢᠨ ᠭᠡᠷᠡᠰᠡᠨᠳᠡᠷᠡ ᠤᠨ ᠬᠤᠶᠠᠷ ᠬᠦᠦ ᠪᠠᠢᠵᠠ ᠭᠡᠵᠦ ᠪᠠᠢᠭᠠᠭᠴᠢᠨ ᠭᠡᠵᠦ ᠨᠡᠷᠡᠲᠡᠶ ᠪᠠᠢᠭᠠᠭᠴᠢᠨ ᠤ ᠨᠡᠷᠡᠲᠡᠶ ᠪᠠᠢᠵᠠ ᠭᠡᠵᠦ „Второй сын Тумен-Дара Дайчин, его сын называется Шолой Убаши со званием Хун-тайджи". Тумен-Дара, как известно, был вторым сыном Ашихая, старшего сына Геренсендзе, получившего в удел всю северную Монголию (Халху) и разделившего ее между своими сынами. Будучи сыном второго сына Ашихая, Шолой, согласно правилам монгольского наследования, должен был занимать второстепенное место среди монгольских феодалов, уступая первое место сынам Буян-Дары (старший сын Ашихая). Но в начале XVII в. Шолой выдвинулся на первое место и имел больше значения и веса, чем его старшие сородичи. Он знаменит своим походом на ойратов, о котором сложена героическая песня, известная в русской монголоведной литературе.[8]

---

[1] H. Howorth. History of Mongols, v. I. London, 1876, стр. 456—473.

[2] M. Courant. L'Asie centrale aux XVII—XVIII siècles. Lyon-Paris, 1912, стр. 27—33. — J. F. Baddeley. Russia, Mongolia and China, v. II. London, 1919 (см. оглавление).

[3] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, М. — Л., 1941, стр. 53. — И. Е. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774 (см. кн. 2, отд. 2; кн. 4, отд. 6). — С. В. Бахрушин. Очерки истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв., М., 1928, стр. 159.

[4] С. В. Бахрушин. Завоевание Сибири. Стенограмма лекции. М., 1938, стр. 14.

[5] Г. Ф. Миллер. ук. соч., т. I, стр. 317.

[6] H. Howorth, ук. соч., стр. 457. — M. Courant, ук. соч., стр. 27. — J. Baddeley, ук. соч., стр. 46.

[7] Тетрадь 61, стр. 3.

[8] См. переводы и публикации текста: К. Голстунский. Убаши Хун-тайджийн туджи. Литограф. изд. СПб., 1864 (текст на калм. яз.). — Г. Гомбоев. История Убаши Хун-тайчжия и его войны с ойратами. Тр. Вост. отд. РАО, 1858, т. VI, стр. 213—224 (текст на калм. яз. и перевод). — А. Попов. Грамматика калмыцкого языка. Казань. 1847, стр. 366—374 (отрывок текста, перевод, примечания). — С. А. Козин. Ойратская историческая песнь о разгроме халхаского Шолой Убаши Хунтайджи в 1587. Сов. востоков. т. IV, 1947, стр. 91—104 (перевод).

Шолой был полководец и основатель династии Алтын-ханов, организатор кочевого государства, с которым столкнулись русские в верхнем течении Енисея в начале XVII в. Киргизы и ойраты называли его Алтын-хан (т. е. Золотой хан) и этим именем его называют также в русских архивных документах. Возникновение этого прозвища основано на успехе и значении Шолоя в Западной Монголии и на монгольском обычае не называть собственным именем знатных лиц — своеобразный запрет повторять их имена, восходящий к шаманским верованиям. Обычай этот зафиксирован, кстати сказать, и в русских архивных документах. Так Томилко Петров, ездивший весною 1616 г. к ойратам и наводивший, между прочим, справки об Алтын-хане, пишет: „а про Алтыново прямое имя люди его не сказывают, а называют его все только Алтыном, а толды де ему подлинное имя будет ведомо как его не станет".[1]

Подробные сведения о Шолое дошли до нас в статейных списках первого посла к нему из Москвы Василия Тюменца, побывавшего осенью 1616 г. в его ставке у оз. Упса. Непритязательный, но живой, наполненный мелкими подробностями и описаниями рассказ сметливого казачьего атамана рисует перед нами яркую картину жизни и быта крупного монгольского феодала. Внешность Шолоя („...лет с 60, бороду бреет только ус; волосом черн, ростом дороден и плечист, и собою во всем пригож..."),[2] его одежда, пышный прием, оказанный послам, любопытное описание буддийского богослужения, все это рассказано Тюменцом просто и выразительно. Из его же описания мы можем судить и о владениях Шолоя, в состав которых входил весь район оз. Упса, на берегу которого находилась его ставка во время приезда Тюменца, и район р. Тесс, где застал его через два года Иван Петлин. На севере граница его владений простиралась до Саян, через которые часто проникали его отряды и собирали дань с жителей Минусинских степей. На юге кочевки его доходили, возможно, до предгорий Монгольского Алтая. Районы оз. Сангин-Далай и р. Дэлгэр-Мурэн составляли восточную границу его владений, на западе он соприкасался с ойратами, которые впоследствии под его напором передвинулись на север к Ямышеву озеру.

Шолой Убаши Хун-тайджи умер, повидимому, в конце 20-х годов XVII в. Пока не удалось отыскать даты его смерти в монгольских материалах, а русские сведения об Алтын-ханах имеют перерыв на целое десятилетие, и когда посланный в Монголию в 1631 г. Казый Карякин,[3] прибыл к Алтын-хану, то имел дело уже с его сыном и наследником Омбо-Эрдени. Русский посол поехал к Алтын-хану по его же настоятельной просьбе, вызванной опасениями о возможном походе на Халху Лэгден-хана чахарского. Омбо-Эрдени, в поисках возможного союзника, прислал в Томск своего гонца с дипломатическим поручением, которое томские воеводы растолковали следующим образом: „чтоб ево Алтына великий государь пожаловал велел ево со всею ево ордою принять под свою государезу царьскую высокую руку велел бы ево от Чачиркана оборонить".[4] Такое толкование просьбы Алтын-хана Омбо-Эрдени повлекло за собою крупные последствия, так как Московское правительство пошло навстречу

[1] См. публикацию расспроса Томилки Петрова: J. F. Baddeley, ук. соч., v. I, стр. CCXVIII (Appendix of Russian texts).

[2] См. публикацию донесения В. Тюменца: Ф. И. Покровский. Путешествие сибирского казака Ивана Петлина в Китай в 1618 г. Изв. ОРЯС, т. XXVIII, стр. 277.

[3] Стат. список Казыя Карякина, до сих пор неизвестный, хранится в ЦГАДА, фонд 214, столб. 74, л. 402—390 (листы подшиты в обратном порядке).

[4] Там же, л. 398.

Алтын-хану и отправило к нему пышно составленную грамоту[1] и богатые подарки[2] с особым посольством, во главе которого стоял один из сибирских администраторов Яков Тухачевский, впоследствии Мангазейский воевода.

Вслед за этим посольством было отправлено еще два — в 1636 г. и в 1638 г. Обширная переписка и материалы статейных списков этих посольств дают много новых и интересных сведений о жизни монгольских феодалов в XVII в.

Поведение Омбо-Эрдени при приеме этих посольств ясно показывает, что он и не думал стать подданным Московского государя или, согласно терминологии XVII в., „принести шерть".[3] Он рассматривал эту шерть скорее как договор о дружбе, и требование Якова Тухачевского подтвердить клятвою принесение шерти вызвало в нем искреннее негодование. Ко времени приезда Якова Тухачевского к Омбо-Эрдени летом 1634 г. опасность войны с чахарским Лэгден-ханом отпала, так как последний умер во время бегства в Куку-нор под напором манчжурских войск.[4] Союз с Москвой перестает быть важным для Омбо-Эрдени и он с раздражением говорит государеву послу, что, посылая в Томск гонца (перед приездом Карякина), он, Алтын-хан, просил „от Чагарского де Дючины хана оборонить и особо государьском де я жаловании велел же бить челом, а о шертованя де я не приказывал".[5]

Томские же воеводы заставили гонца принести шерть, велев ему при этом есть хлеб с ножа, „да стояли над шеею с саблею".[6] Тухачевский также настаивал, чтобы Омбо-Эрдени после прочтения составленного в Москве акта присяги — шертной грамоты, пил воду с золота. Омбо-Эрдени ни за что не хотел этого сделать, прервал аудиенцию и после бесплодных переговоров с послом уехал на три недели в другое кочевье.[7] Но получить богатые дары московского царя ему хотелось и в конце концов он пошел на компромисс, велел принести за себя присягу двум своим приближенным „табунам" (تابون „княжеский зять"). Табуны также долго отказывались „пить с золота", боясь „порчи", и сделали это лишь тогда, когда сам посол „золото прикусил". После этого шерть была зачитана, вода „с золота" выпита. Омбо-Эрдени в юрте не было. Казалось бы, Яков Тухачевский сделал большое дело, привел к присяге московскому государю крупного монгольского феодала, но последний вовсе не так понимал значение этого факта, что и отразилось весьма ярко на приеме двух последующих посольств — посольства Степана Греченина и Бажена Карташева в 1636 г. и посольства Василия Старкова и Степана Неверова в 1638 г. Оба эти посольства были посланы с целью укрепить значение принесенной Алтын-ханом присяги, которую он явно ни во что не ставил.

В промежутке между этими посольствами произошло еще одно происшествие, которое не могло не вызвать подозрения монголов по отношению к русским. Это было покушение на монгольского посла в Томске, зятя

---

[1] Там же, лл. 331—335.

[2] Роспись подарков (там же, лл. 344—346).

[3] Шерть — присяга на верность.

[4] В. Горский. Начало и первые дела Манчжурского дома. Тр. членов росс. дух. миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 147.

[5] ЦГАДА, фонд 214, столбец 74, л. 225.

[6] Там же, л. 225.

[7] Стат. список Тухачевского, см. там же, л. 227—229.

Алтын-хана, Дурал-табуна в 1636 г.[1] Один из сопровождавших посла киргиз выстрелил в него из лука, когда тот спал, и прострелил ему горло. Монгольская свита тут же изрубила стрелявшего в куски. Встревоженный происшедшим, томский воевода И. Ромадановский „учинил розыск" и принял меры к излечению раненого. Некий томский стрелец взялся его лечить и, действительно, через три месяца посол уже мог явиться к воеводе „на съезжую избу", где ему были вручены подарки.[2]

Этот случай не мог не прибавить недоверия у Алтын-хана к русским. Когда к нему прибыл в 1638 г. В. Старков с большим казачьим эскортом, то прием ему был оказан весьма пренебрежительный. Старков, по возвращении в Томск, подал подробный статейный список всех происшествий, случившихся с ним у Алтын-хана. Список этот весьма пространен.[3] Он ярко рисует все те притеснения, которым подвергались послы в ставке Алтын-хана: им не давали „корму", требовали подарков, отбирая даже носильное платье послов, потребовали сдачи всего оружия и в конце концов не дали нужного количества подвод при отъезде, и послы „дорогою волоклись пеши потому что подвод не дали, а покупные лошади попристали, путь далекой, а дорога нужная, а которые даны были невеликие подводы и у нево свои покупные и те лошаденки попристали, а иные попадали".[4] Продолжительное пребывание послов в ставке дало им возможность приглядеться к жизни монгольского князя и выяснить некоторые любопытные детали. Так, например, выяснилось, что Алтын-ханы имели постоянную и тесную связь с Тибетом, что у Омбо-Эрдени в ставке жил лама Мерген Ланза в качестве „отца духовного и учителя", „а живет он по найму, на год емлет по сту баранов, служит ему по их вере, а по руски вместо попа".[5] Этот самый лама Мерген Ланза играл не малую роль при Алтын-хане. Он выполнял даже дипломатические поручения и бывал в Томске и Москве с монгольскими послами.

Переговоры с Вас. Старковым окончились неудачей. Алтын-хан отказывался считать себя подданным Московского государя, предъявлял неумеренные требования в отношении подарков и получения воинской помощи, силой которой он намеревался свести счеты со своими недругами.[6] В результате московское правительство приостановило посылку даров и послов к Алтын-хану, отношения с которым возобновились лишь через 19 лет.

За этот период времени в Монголии произошли большие изменения, в частности с Алтын-ханами. Алтын-хан Омбо-Эрдени с конца 40-х годов становится в вассальные отношения к манчжурскому императору.[7] Все внимание его переносится на события в Монголии, в которых он принимает непосредственное участие. Илетхел Шастир сообщает о нем следующее:[8] ᠳᠡᠭᠡᠳᠦ ᠶᠡᠬᠡ ᠣᠷᠣᠨᠳᠤ ᠪᠠᠢᠨ ᠪᠠᠢᠰᠢᠨᠭᠬᠤ ᠮᠠᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤᠭᠤᠯᠠᠵᠤ ᠪᠠᠢᠬᠤ ᠳᠤᠷᠠᠯ ᠲᠠᠪᠤᠨᠠ ᠪᠠᠢᠰᠢᠨᠭᠬᠤ ᠮᠠᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤᠭᠤᠯᠠᠵᠤ ᠪᠠᠢᠬᠤ „

[1] Отписка томского воеводы Ромадановского, см. там же, л. 16—18.

[2] Там же, л. 18.

[3] Архив АН СССР. „Портфели Миллера", фонд 21, опись 4, дело 17, лл. 330—372. Краткое изложение списка см.: И. Е. Фишер, ук. соч., стр. 496—508. Перевод изложения Фишера на англ. яз. см. J. F. Baddeley, ук. соч., т. II, стр. 113—120.

[4] Архив АН СССР. „Портфели Миллера", фонд 21, опись 4, дело 17, л. 367.

[5] Там же, л. 357.

[6] Там же, л. 350—351.

[7] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 14.

[8] Илетхел Шастир, тетрадь 61, л. 6.

„Седьмой год;[1] Омбо-Эрдени охотясь с целью обмана, с умыслом перешел границу Хухе-хотана, для того чтобы похитить табуны и скот". Такие же сведения приведены и в Илетхел Шастир Тушету-хановского аймака.[2]

Этот поступок Омбо-Эрдени не остался без последствий; ему пришлось объясняться со специальным посланцем императора Шунь-чжи. Уже из самого факта отправления посланца, с целью розыска виновного в набеге, явствует, что Шунь-чжи считал себя вправе требовать отчета от своего вассала. Алтын-хан, еще так недавно „шертовавший" Московскому государю, был связан с конца 40-х годов более крепкими узами с Дайцинами.

Вскоре же после набега на Хуху-хото Омбо-Эрдени передает княжескую власть своему сыну Лубсану Эринчину Хун-тайджи. Обстоятельства передачи княжеской власти выясняются из русских архивных документов. Они довольно любопытны и заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее.

Алтын-хан Омбо-Эрдени появился в русских пределах в 1652 г. вместе со своим сыном Лубсаном.[3] Это появление было организованным военным походом против киргиз, являвшихся данниками русских и монголов одновременно. В 50-х годах XVII в. киргизы достигли наивысшего расцвета своей общественной организации. Во главе киргизских князей стоял энергичный и умный князь Ишей, первый пытавшийся объединить разрозненных киргизов и оградить их от непрощенных собирателей дани.[4] Против этих попыток и был направлен поход Омбо-Эрдени. Сначала к киргизам явился с небольшим отрядом Мерген-тайджи (Мергень-тайша русских документов), приходившийся племянником Алтын-хану, и стал просить защиты у киргиз от своего дяди.[5] Осторожный Ишей не поверил этой просьбе, заподозрил военную хитрость и Мерген-тайджи должен был остановиться и стать лагерем в горах около устья р. Ербы. Как и предвидел Ишей, приход Мерген-тайджи вызвал появление монгольского войска во главе с Омбо-Эрдени и его сыном Лубсаном. Красноярский воевода, ведомству которого подлежали земли, куда вторгся Алтын-хан, отправил в Москву донесение, в котором писал: „пришел Мугалские земли Алтын-царь с сыном своим Лоджаном и с ними пришло воинских людей четыре тысячи человек".[6] Алтын-хан осадил Мерген-тайджи в его лагере, но пострадали при этом киргизы, которых он „погромил": „киргизских и тубинских всех лутчих князцов поимал Алтын-хан к себе силою 70 человек и его Алтыновы люди у киргиз и у тубинцев и у всех иноземцев кони и скот отгоняют и животы их на лабазах грабят и из земли выкапывают... киргизцы в страхе бежали в дальние места, в камень и в черные леса".[7] Киргизы бросились за помощью в Красноярск, откуда для разведки выехал к Алтын-хану Степан Коловский, из осторожности сам не поехавший к монголам, а выславший вперед переводчика. В результате переговоров Алтын-хан

---

[1] Правления имп. Шунь-чжи, т. е. 1650 г.

[2] Илетхел Шастир, тетрадь 45.

[3] В русских документах он называется Лоджан, Лодзан, Лодзян, Лоузан, что довольно точно воспроизводит особенности произношения имени Лубсана в зап.-монг. диалектах.

[4] В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 41.

[5] Дополн. к актам историч., т. III, № 108, стр. 379.

[6] Там же, стр. 380.

[7] Там же, стр. 385.

ушел из русских пределов, но постарался объяснить свой приход. Он уверял, что только хотел представить киргизам своего сына и наследника Лубсана, которому собирается передать правление. Лубсан, действительно, стал во главе правления, и с этого времени имя его не сходит со страниц русских документов и монгольских хроник в течение целой четверти века. Неясные указания Илетхел Шастир, использованные Позднеевым, подтверждаются в данном случае русскими материалами.[1]

Лубсан-тайджи следует считать третьим по счету Алтын-ханом. Так называет он сам себя в своем письме к царю Алексею Михайловичу в 1662 г.[2], так именуют его в Москве послы, им посылаемые неоднократно в 60-х годах.

В Халхе он несомненно пользовался уважением, так как он оказывается в числе первых дзасаков, назначенных манчжурами в 1655 г.[3] В списке дзасаков его имя стоит шестым, он назван Лубсан-нояном. Получение звания дзасака показывает, что Манчжурское правительство считало его крупным феодалом. Звание дзасака еще более укрепляло его положение.

Это был человек предприимчивый и энергичный, характера неукротимого и своевольного, вовлекавшего его в ситуации сложные и путаные, из которых ему не всегда удавалось выйти победителем. Он является законченным образцом вольного степного феодала, у которого чувство гордости и своеволия часто берет верх над расчетами разума, а ненасытное властолюбие толкает его на поступки, неизбежно ведущие к падению. Таким рисуется он по многочисленным архивным документам Сибирского приказа, связанным с посольствами, отправленными к нему в 1657, 1658, 1662, 1664, 1665 и 1678 гг.[4]

Еще в сентябре 1656 г. Лубсан-тайджи появился в Киргизской земле „с воинскими людми с семью тысячи человек безвесно и стал со всеми людми серед киргиские и тубинские земли на речке Ербе от Красноярского острогу в пяти днищах".[5] Лубсан-тайджи действовал весьма агрессивно. По словам того же документа он „стоит на том месте с осени со всеми людми июля по 3 число нынешнего 7165 году (т. е. 1657 г.). И будучи у киргиз и у тубинцев и у керетцев поимал в аманаты[6] детей и братей и племянников и затем аманаты их пограбил, лошади и рогатый скот и животы и куяки и шишаки и всякую сбрую пограбил у всех без остатку". Мало того, Лубсан-тайджи в погоне за бежавшими в Красноярский острог тубинскими „князцами" отправил воеводе М. Ф. Скрябину „мугалское письмо с грозами", требуя возвращения бежавших. Таковы были обстоятельства, вызвавшие отправление к Алтын-хану первого посольства после 19-летнего перерыва.

Отношения между Москвой и Алтын-ханами возобновились и были весьма оживленными. За 8 лет было отправлено 5 посольств, считая первую поездку из Красноярска конной сотни пятидесятника Родиона Кольцова, которую воевода в своих отписках называет „доездом". Посещение Кольцовым Алтын-хана Лубсан-тайджи и поведение последнего вызвало отправление из Москвы другого посольства с дарами в 1658 г.

---

[1] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 162.
[2] ЦГАДА, фонд 214, столб. 1469, л. 80.
[3] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 58.
[4] Посольства 1652. 1664 и 1678 гг. в монголоведной литературе известны не были. См.: ЦГАДА, фонд 214, столб. 1469, 709, 610.
[5] Там же, столб. 513, л. 19.
[6] Аманат — заложник.

Дело в том, что посылая к Алтын-хану Кольцова, воевода Скрябин, по наказу Москвы, велел ему напомнить о присяге, принесенной Омбо-Эрдени еще в 1634 г. На это Лубсан-тайджи отвечал, что хоть отец его „и шертовал да он де стар, а лаба шертовал тот умер, Турал табун шертовал в Томском городе тот умер же, а я не шертовал... когда де царь царю бывает в подданстве, когда де царь царя возмет войною, тогда и бывает в подданстве".[1] Словом Алтын-хан не хотел признавать прошлой присяги и, держась независимо, утверждал, что пришел в свои собственные земли — „какая де земля вашего государя, земля де извеку наша".

Для выяснения положения и напоминания Алтын-хану о присяге и было отправлено из Томска, по особому указу Москвы, посольство Степана Греченина в 1658 г.

Еще до приезда Греченина из Томска, туда приехал посланец от Алтын-хана Мерген-Дега, привезший письмо на монгольском языке и на словах рассказавший, что Алтын-хан интересуется, будут ли ему посланы из Москвы такие же дары, какие посылались его отцу. Этот приезд Мерген-Дега ускорил отправление посольства Греченина.

Греченин нашел ставку Алтын-хана в его старинном родовом кочевьи, неподалеку оз. Упса,[2] и прожил там около трех недель, прежде чем был принят Алтын-ханом, уезжавшим на это время к брату. Когда Алтын-хан вернулся, то принял послов с честью, выслушал длинную наказную память, в которой излагались причины посольства, имелись обещания даров — „государева жалованья", в случае признания старой шерти, и даже угрозы: „за твои Лобзяновы неправды велят на тебя послать и с Казани и из Астрахани и из Сибири многих своих государевых ратных людей с вогненным боем и з болшим нарядом и велят тебе Лобзяну такое же раззоренье чинить".[3] На все это Алтын-хан ответа не дал, а пообещал дать ответ, когда будет отпускать послов, сам же распорядился о перекочевке. Вместе с его ставкой кочевали и послы. Только в мае отпустил послов Алтын-хан обратно в Томск, причем, отпуская их, произнес весьма тонко составленную речь, в которой было дано и объяснение прихода к киргизам, и намерение поддерживать добрые отношения с Москвой, оставаясь в то же время независимым. Эта речь, добросовестно изложенная Гречениным в статейном списке,[4] может служить образцом дипломатической речи монголов в XVII в. Заканчивается она объяснением, почему Алтын-хан не может считаться подданным Москвы: „какая де прибыль великому государю, что я учинюся в подданстве, а в нашей земле то бесчестье болшое, взмолвят околные мои братья мугалские цари и князи и властели, что де Лобзян Саин Кон Тангы над собою видел что учинился великому государю в подданстве, войны и порабощенья над собою не видя".[5] Дары, которые пришлет Московский государь, по словам Алтын-хана, „истлеют толко одно имянишко мое останетца". Быть подданным Алтын-хан не соглашался, а предлагал

[1] ЦГАДА, фонд 214, столб. 513, л. 40.

[2] Стат. список Греченина см. там же, столб. 614, л. 12—35. Краткое изложение списка см.: И. Е. Фишер, ук. соч.; перевод этого изложения, см.: J. F. Baddeley, ук. соч.; последний отмечает: „The Moscow Archives apparently have no record of this journey" (v. II стр. 170). Между тем в Сибирском приказе имеется этот список прекрасной сохранности.

[3] ЦГАДА, фонд 214, столб. 614, л. 23.

[4] Там же, л. 29—32.

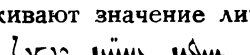
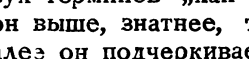
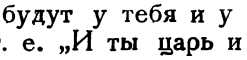
[5] Там же, л. 32.

писать его в грамотах „меньшим братом" Московского царя.[1] Греченин пенял ему на такие „невежливые слова", но Лубсан-тайджи больше на них не настаивал. Так дипломатично обойдя одно из требований Москвы, Лубсан несомненно принял к сведению другое требование — не вторгаться в сферу влияния русской администрации, „под государевы городы и уезды войною не приходить и русских и ясашных людей не грабить".[2]

Затем он отпустил посольство с честью и вместе с послами отправил в Москву своих послов во главе с Ачиту-бакши.

Лубсан-тайджи оставил в покое русские владения и перенес свое внимание на Халху, вмешавшись в дела наследования Дзасакту-хана. Он попросту сместил неугодного ему кандидата, который был убит им в бою, а возвел на ханский престол удобного для себя брата убитого. Дело это получило широкую огласку в Халхе и в монгольской истории известно как „смута Лубсана".[3] Самый факт вмешательства Лубсана говорит о том, что он пользовался властью и положением. С этого момента начинается падение значения Алтын-хана. Он вступил во враждебные отношения с монгольскими князьями, что повело к созданию союза князей против него.

Русский посол Петр Лавров (1662—63 гг.) застал его в этот критический момент. Особенно любопытно в этом отношении письмо Лубсан-тайджи, отправленное им в Москву вместе с послами, посланными им с возвращавшимся обратно Лавровым. Оно дошло до нас в подлиннике[4] и является первым известным экземпляром монгольского частного письма XVII в. (второй образец такого письма также хранится в ЦГАДА, фонд 214, столбец 513, л. 80 и является тоже письмом Лубсана к царю Алексею Михайловичу в 1665 г.).

Первое письмо интересно не только как образец эпистолярного монгольского стиля, но и со стороны содержания, которое ярко отражает сложное политическое положение Алтын-хана. Обращение и первая фраза письма подчеркивают значение личности Алтын-хана: („Великому государю белому хану. Алтан хаган письмо поклонясь подносит"). Московского царя Лубсан-тайчжи называет „белый хан", а себя величает „Алтан хаган". Сопоставление этих двух терминов „хан" и „хаган" не случайно. Лубсан хочет показать, что он выше, знатнее, так как „хаган" более почетный титул чем „хан". Далее он подчеркивает эту свою мысль в четвертой фразе письма: „Ныне пусть будут у тебя и у нас любовь и расположение с единым правлением", т. е. „И ты царь и я царь", форма правления одинакова, (). Далее в письме Лубсан просит прислать ему в помощь 10 туменов[5] цириков [ратных людей], обещая при этом покорить для Московского царя не только монголов, но и „народ по имени китайцы" (). Кроме присылки войск Лубсан просит

[1] Там же, л. 33.
[2] Там же, л. 22.
[3] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 168. — Мэн-гу-ю-му-цзи, стр. 13, 102, 104, 112. Краткое описание этого события см. в Илетхел Шастир, тетрадь 61, стр. 20—21.
[4] ЦГАДА, фонд 214, столб. 1469, л. 29.
[5] 10 туменов, т. е. 100 000 человек.

построить город на истоках р. Кемь. Письмо составлено в надменных и заносчивых выражениях, сквозь которые чувствуется тревога Алтын-хана перед создавшимся положением. Вражда с князьями внушала ему опасения. Получить помощь от „белого хана" было для него важно. Он просит прислать ратных людей на конях, так как в нападении на „этот халхаский народ конные цирики хороши будут" (ᠡᠨᠡᠬᠡᠨᠳᠡ ᠬᠠᠯᠬᠠ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠳᠡᠭᠡᠭᠡᠷ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠨ ᠴᠡᠷᠢᠭ ᠤᠨ ᠪᠠᠭᠲᠠᠬᠤ ᠪᠤᠯᠤᠨ᠎ᠠ) — добавляет он.

С такой просьбой отправился в Москву его посол „Уран с товарищи", который был торжественно принят в Москве и отправлен обратно с дарами и новым русским послом Зиновием Литосовым. Сохранились описание церемониала этого приема, подорожная память послов и другие документы, рисующие пребывание в Москве посольства Алтын-хана.[1]

Посольство З. Литосова в 1664 г. и следующее за ним посольство Романа Старкова в 1665—66 г. были посланы для выяснения вопроса о возможности постройки нового острога по просьбе Алтын-хана и перспективы войны, для которой он настойчиво просил прислать ратных людей. Каждый раз послы привозили ему богатые подарки. В том числе: „шубу отлас золотной на соболех"[2] или „пищаль да пансырь", „дюжину очков [!]".[3] Следует отметить, что по составу подарков можно определить отношение Московского правительства к Алтын-ханам. Если в первый период отношений роспись подарков приближалась к тому государеву жалованью, которым дарила казна сибирских властителей за выплату ясака, то состав подарков в последний период отношений становится другим. Он носит более дружественный характер, так дарят скорее младшего родственника, чем подданного. И Алтын-хан отдаривает на этот раз послов более сердечно, дарит им лошадей, соболей, овчинные шубы, а Московскому царю посылает „аргамак гнед, крушка серебряная, камень хрусталь, камка лазоревая и т. д."[4] Особенно надо отметить подношение лошади и овец „в корм", что по монгольскому обычаю подчеркивает особую приязнь и сердечность со стороны дарившего. Если же дарят рогатый скот или верблюдов, то это официальный подарок, сделанный по необходимости, без желания и расположения. Когда Омбо-Эрдени с неудовольствием принимал у себя посольства 1636 г. и 1638 г., то это неудовольствие отражалось и на подарках. Так, Вас. Старков сообщает, что „скудно телятишек приводить учали маленьких".[5] Вряд ли русский посол понял тогда внутреннее значение этого подарка. Но в 60-х годах положение изменилось. Алтын-хан вел войну с „семью мугалскими царями", с запада ему начали угрожать ойраты, и он по другому одаривает и принимает послов „белого хана". Если раньше он надменно отказывался вставать и выслушивать стоя, без шапки, государеву грамоту, то теперь „Лобжан царевич (так называет Лубсана-тайджи Зин. Литосов) против великого государя грамоты встал и жалованную грамоту принял и поцеловал положа на голову".[6] Изменилось отношение, изменились поведение Алтын-хана и подарки послам.

---

[1] ЦГАДА, фонд 214, столб. 1469, л. 12—73.
[2] Стат. список Романа Старкова, см. там же, столб. 645, л. 66.
[3] Стат. список Зин. Литосова, см. там же, столб. 610, л. 24.
[4] Там же, л. 27.
[5] Архив АН СССР, фонд 21, опись 4, дело 17, л. 351.
[6] Стат. список Литосова, л. 26.

Лубсан-тайджи тревожила создавшаяся против него в Халхе коалиция князей. Видя себя не в силах противостоять ей, он вступает с князьями в мирные переговоры. Роман Старков рассказывает о такой попытке: „Сентября в 11 день Лоджан царь пошел из улусу от себя за Енисей реку на мирове с Саин Хэн Колко" (т. е. Халха).[1]

Но мир заключен не был, и Лубсан-тайджи настойчиво просит построить город на Упсе реке (т. е. значительно севернее, чем он предполагал в первый раз в 1662 г.), куда он мог бы „прибегать на время летним временем от неприятелей".[2] Повидимому, он, под давлением с юга, отходил на север, так как осенью 1666 г. он спешно прикочевал на Упса реку и „стал со всеми своими людми и с кочевья на ясачной земле от Красноярского острогу в четырех днищах".[3]

Красноярский и Томский воеводы были встревожены этим появлением Лубсана, но он через посланцев просил помощи в виде вспомогательного войска и настаивал на постройке крепости. Он начал сам строительство такой крепости, остатки которой были известны еще в XVIII в. Местное население называло их „Лозоновы осады". Под этим названием они описаны Радловым.[4] На карте Радлова развалины ее помечены на речке Сизой при впадении ее в Енисей. Лубсан засел в своей крепости. Томский воевода, боясь воинственного соседа, начал „жить усторожливо" и собирать ратных людей. Его подозрения усиливались, так как Лубсан, несмотря на видимую покорность, стал собирать с киргиз ясак в свою пользу. Киргизы же группировались вокруг него, так как к нему „пристал" самый крупный киргизский князь Иренак Ишеев. Создалось трудное положение: Лубсан, прося помощи, явился в то же время угрозой ясашным людям и вызвал недоверие у воевод. Киргизы, пользуясь моментом, собирались под властью Иренака. Действия каждой из сторон вызывали взаимное недоверие. Окончилось это положение вмешательством извне. Ойратский князь Сенге, уже давно угрожавший Алтыну, выступил против него и взял его в плен. О его пребывании в плену любопытно рассказал посол к „черным калмыкам" (ойратам) Павел Кульвинский. „...Июня в 12 день [1657 г.] Сенга тайша привез Мугалского царя Лоджана, детей ево трех сынов, один лет 20, а другой лет пятнадцати, а третий лет десять, а сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану царю Сенга велел руку правую по запять отсечь и собачья мяса Лоджану велел в рот класть".[5] Кроме Лубсан-тайджи Сенге привез и много полону: „тысячи две лутчих ближних ево людей". Словом разгром был полный.

Сколько времени пробыл Алтын-хан в плену неизвестно. Илетхел Шастир лишь кратко сообщает, что Алтын-хан бежал к олотам.[6] Из русских документов мы видим, что это было не бегство, а плен. Только в 1678 г. он опять появляется в русских пределах и начинает переговоры с Красноярским воеводой, послав к нему Бочю Баатыря с письмом, в котором было написано, судя по отписке воеводы, следующее: „Милости просит у него великого государя чтоб ему Лоджану царю

---

[1] Стат. список Ром. Старкова, л. 69.
[2] Стат. список Ром. Старкова, л. 71.
[3] Дополн. к актам историч., т. V, № 24.
[4] В. В. Радлов. Сибирские древности. Приложения, стр. 80.
[5] См. стат. список П. Кульвинского в кн.: J. F. Baddeley, ук. соч., т. I, стр. CCXXXIV.
[6] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 169. — Илетхел Шастир, тетрадь 61, л. 9.

вместе с государевыми людми воевать киргиз. А ныне де он Лоджан царь кочует от Красноярсково не в далных местех".[1]

Кроме Бочю Баатыря от Алтын-хана прибыл посол Дзорикту Тархан (Ерокту Тархан русских документов), который должен был проехать прямо в Томск, а оттуда в Москву. Этот посол был сперва задержан в Красноярске, но затем отправлен в Москву, а тем временем из Томска к Алтын-хану выехал русский посланец Степан Тупальский для переговоров. Посол этот опять должен был привести Алтын-хана к шерти. Кочевал Алтын-хан значительно восточнее Красноярска, за Удинским острогом в районе р. Оки (нынешняя Иркутская область).

Статейный список Тупальского[2] очень интересен. Он дает подробное описание длительных препирательств с Алтын-ханом по поводу церемониала приема. Алтын-хан отказывался спрашивать первым про „многолетное здоровье великого государя" и только после длительного спора и уговоров прием состоялся. На этом приеме Алтын-хан сказал о себе: „я был от киргиз и от калмыцких людей в разорении. А ныне де я от войны вышел и живу на своей мугалской земле".[3] Повидимому, вышел он из войны значительно обессиленным, так как при состоявшемся приведении к шерти с ним вместе шертовали „дети его и лутчие люди яйзаны" (дзайсаны), которых всего оказалось только 12 человек. Способ принесения шерти любопытен. Алтын-хан при этом „воздев на небо руки... около головы своеи... руками обводил и по лицу своему потирал и нохти лизал".[4]

После шерти Алтын-хан настойчиво говорил послам о своем требовании поставить для него острог и начать совместно с русскими войну против киргиз. С таким наказом он и отпустил послов.

Это было последнее посольство к Алтын-хану. Он вскоре после этого ушел в Халху и с этого времени имя его исчезает со страниц русских документов.

Из „Эрденийн эрихе"[5] известно, что Лубсан-тайджи, пользуясь покровительством Галдана-Бошокту, в 1681 г. представлял дань манчжурам и добивался восстановления в звании дзасака, которого был лишен за смуту с Дзасакту-ханом. Добившись восстановления в этом звании, он продолжает свою борьбу с Дзасакту-ханом, которая приводит его окончательно к полному разорению и гибели его маленького царства.

Сведения монгольских и китайских (в русском переводе) источников дают возможность кратко сообщить о дальнейшей судьбе Алтын-хана, об его бессильных попытках удержать власть, об его метаниях от одного покровителя к другому.

В 1682 г. он затеял войну с Дзасакту-ханом, который захватил его и держал под арестом.[6] В этом же году он бежал к Галдану, который помог ему отбить семью и имущество у Дзасакту-хана[7]. Через некоторое время Алтын-хан оказывается в Тибете у Далай-ламы.[8] И в конце концов он появляется в Пекине с полной повинной перед манчжурским императором. В 1691 г. он принимает участие в Долон-норском съезде[9], а через

---

[1] ЦГАДА, фонд 214, столб. 709, л. 317.
[2] Там же, ч. II, л. 371—396.
[3] Стат. список Тупальского, л. 386.
[4] Там же, л. 387.
[5] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 60.
[6] M. Courant, ук. соч., стр. 31.
[7] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 180.
[8] Мэн-гу-ю-му-цзи. Перев. П. Попова, стр. 112.
[9] Мэн-гу-ю-му-цзи. Перев. П. Попова. стр. 112.

год зачисляется в свиту манчжурского императора[1]. В 1696 г. он умер во время похода Кань-си против Галдана, сопровождая императора в этот поход.[2]

Так окончил свои дни третий из Алтын-ханов. Титул этот прекратил свое существование вместе с ним. Управление его землями передано было манчжурами в 1686 г. двоюродному брату его Гендуну-Дайчину, который не смог восстановить былого значения „царства Алтын-ханов". Главная роль среди князей западной Монголии давно перешла к Дзасакту-ханам.

Кочевое общество Центральной Азии дает не один пример создания подобного эфемерного могущества, каким в истории монголов является царство Алтын-ханов. Алтын-ханы в своем стремлении создать свое царство встретились с подобного же рода стремлением ойратских князей и Дзасакту-ханов. Вступив с ними в войну, они не смогли удержать власти в руках. Феодальные войны были основной причиной падения царства Алтын-ханов. Это царство просуществовало почти целое столетие, и факт его исторического бытия ярче всего освещен в русских архивных документах, разбор которых и дал нам возможность дать более или менее полную картину его существования.

---

[1] M. Courant. ук. соч., стр. 31.
[2] Мэн-гу-ю-му-цзи. Перев. П. Попова, стр. 112.

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛА В ПИСЬМАХ ИЛЬ-ХАНОВ АРГУНА (1289 г.) И УЛЬДЗЭЙТУ (1305 г.)

Дипломатические письма иль-ханов Аргуна и Ульдзэйту, которые изучаются уже более ста лет, все еще „представляют неисчерпаемый интерес для монголиста", как справедливо заметил один из исследователей этих памятников — акад. С. А. Козин.[1]

Первое воспроизведение текста писем в виде литографии дал Абель-Ремюза, который вместе с тем сделал попытку изложить их содержание.[2] Однако честь первого прочтения и перевода их принадлежит нашему монголоведу — акад. И. Я. Шмидту,[3] что было отмечено В. Л. Котвичем.[4]

Работы Абель-Ремюза и акад. И. Я Шмидта были использованы Г. Потье,[5] Ж-Б. Шабо[6] и А. М. Позднеевым,[7] но эти авторы, как заметил В. Л. Котвич, основывались главным образом на том, что сделал акад. И. Я. Шмидт, и сами почти ничего не прибавили.[8]

Для дальнейшей работы по дешифрованию этих памятников большое значение имело издание их текста в виде гелиогравюры в известном „Атласе" Р. Бонапарта.[9] Большие успехи монголоведения — в особенности

---

[1] С. А. Козин. Язык первого периода истории монгольской литературы. ИОН 1935, № 5, стр. 478.

[2] Abel-Rémusat, Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs mongols. Second mémoire, Relations diplomatiques des princes chrétiens avec les rois de Perse de la race de Thinggis depuis Houlagou jusqu'au règne d'Abousaïd. Mémoires de l'Institut royal de France, Académie des Inscriptions et Belles Lettres, tome septième, Paris, 1824. стр. 335—448.

[3] I. J. Schmidt. Philologisch-kritische Zugabe zu den von Herrn Abel-Rémusat bekannt gemachten, in den königlich-französichen Archiven befindlichen zwei mongolischen Original-Briefen der könige von Persien Argun und Öldschäitu an Philipp den Schönen. St.-Petersburg, 1824.

[4] В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем персидских иль-ханов. Зап. колл. востоков. 1. Л., 1925, стр. 342.

[5] G. Pauthier. Le livre de Marco Polo, 11. Paris, 1865, стр. 775—781.

[6] J.-B. Chabot. Histoire de Mar Jabalaha III, Patriarch des Nestoriens et du moine Rabban Cauma, Ambassadeur du roi Argoun au Occident. Paris, 1895, стр. 220—229.

[7] А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы, I. СПб., 1896. стр. 79—123.

[8] В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем..., стр. 342.

[9] Prince Roland Bonaparte. Documents de l'époque mongole des XIIIe — XIVe siècles. Paris, 1895. табл. XIV.

нашего отечественного — дали возможность внести значительные поправки и уточнения в имеющиеся переводы, а также установить правильное чтение и понимание целого ряда отдельных слов и выражений в этих документах. Ставя перед собою сравнительно ограниченные задачи, В. Л. Котвич,[1] акад. Б. Я. Владимирцов[2] и А. К. Богданов[3] в большой мере способствовали выяснению общего содержания этих памятников, в особенности письма Аргуна.

Совершенно новое понимание обоих памятников пытался дать И. А. Клюкин.[4] Однако акад. Б. Я. Владимирцов не согласился с предложенным им толкованием целого ряда слов.[5] В. Л. Котвич в еще более категорической форме заметил, что „чтение отдельных слов, а также истолкование всего текста в целом представляются столь мало вероятными, что невозможно признать их правильными".[6]

В. Л. Котвич произвел новое исследование этих документов в специальной работе,[7] главная ценность которой заключается в весьма содержательных примечаниях и комментариях, основанных на новейших успехах монгольской филологии.

В своей работе он внес значительные уточнения в перевод акад. И. Я. Шмидта, однако основную мысль письма Аргуна — о совместных военных действиях монголов и франков против Египта — В. Л. Котвич понимает так же, как и акад. И. Я. Шмидт.

На основании последнего перевода В. Л. Котвича (а также переводов предыдущих авторов) создается впечатление,— как заметил акад. С. А. Козин,— что в письме Аргуна „дело идет об обязательствах только лишь монгольской стороны".[8] Путем тщательного филологического анализа и оценки взаимоотношений сторон, ведущих дипломатическую переписку о походе против Египта, акад. С. А. Козин весьма убедительно показал, что письмо Аргуна является напоминанием королю франков об его обязанностях союзника и вместе с тем сообщением Аргуна о готовности выполнить взятые на себя обязательства. Таким образом этот памятник, изучавшийся так тщательно и в течение такого продолжительного времени, акад. С. А. Козиным объяснен совершенно по-новому.

Исследование письма иль-хана Ульдзэйту, которое велось одновременно с изучением письма Аргуна, до самого последнего времени не давало определенных результатов — цель и смысл этого документа оставались неясными, вследствие чего он и не был достаточно оценен. По этой причине новейшие западно-европейские историки, напр. Л. Каэн и Р. Груссэ

---

[1] См: В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем..., стр. 342—344, где он, напр., дает правильное чтение и перевод „Гүрүс 'камни'", что П. Пеллио читал и переводил „körüg 'portrait'" (P. Pelliot, Sur quelques mots d'Asie Centrale attestés dans les textes chinoises. Journal asiatique, XI Série, t. I, n° 2, mars—avril (1913, стр. 453).

[2] Б. Я. Владимирцов. Об одном слове, встречающемся в письме иль-хана Аргуна. ДАН-В, 1928, стр. 152—153.

[3] А. К. Богданов. К значению слов jigür-e ayulγan в письме иль-хана Аргуна к Филиппу Красивому. ДАН-В, 1928, стр. 237—240.

[4] И. А. Клюкин. О чем писал иль-хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г, Владивосток, 1925. — Он же. Письмо Улдзэйту иль-хана к Филиппу Красивому, Эдуарду I-му и прочим крестоносцам. Владивосток, 1926.

[5] Мнение акад. Б. Я. Владимирцова приведено в первой из названных работ И. А. Клюкина, стр. I—II.

[6] Władyslaw Kotwicz. En marge des lettres des il-khans de Perse, retrouvées par Abel-Rémusat. Lwow, 1933, стр. 3.

[7] Ук. соч.

[8] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 479—480.

больше и не упоминают об этом письме.[1] Изучение письма Ульдзэйту возобновил В. Л. Котвич. Он представил новый перевод этого памятника[2] и показал, что в нем сформулированы основные задачи внутренней и внешней политики монгольской империи в начале XIV в. — поддержание мира внутри государства и создание мировой федерации народов и государств. Одним из шагов для осуществления последней задачи и является, по мнению В. Л. Котвича, посольство с письмом Ульдзэйту к Филиппу IV.[3]

Эта работа была подробно рассмотрена акад. С. А. Козиным,[4] который внес некоторые поправки в перевод В. Л. Котвича, а также предложил новый перевод.

Ответом на последнюю работу акад. С. А. Козина явилась статья В. Л. Котвича: „Еще несколько слов о письмах иль-ханов Персии, найденных Абель-Ремюза“,[5] в которой он соглашается с некоторыми замечаниями акад. С. А. Козина, но остается при прежнем мнении по отдельным вопросам истолкования текста документа.

В итоге указанных трудов содержание писем Аргуна и Ульдзэйту было установлено с большой точностью, и только отдельные слова и выражения в них остаются еще не выясненными окончательно.

В большой работе по дешифрованию этих памятников труды наших монголоведов занимают выдающееся место. В течение свыше ста лет перевод акад. И. Я. Шмидта был основой для целого ряда переводов и исследований (Г. Потье, Ж.-Б. Шабо, А. М. Позднеева, Э. Шаванна, П. Пеллио, В. Л. Котвича и др.). Труд акад. С. А. Козина, в котором дано совершенно новое понимание письма Аргуна, несомненно является наиболее значительным научным достижением во всей работе по изучению этого документа.

Исследование аналогичных монгольских документов, обнаруженных в Ватиканском архиве в 1920 г., было начато П. Пеллио.[6] К сожалению, оно не получило дальнейшего развития. Письма Аргуна (1290 г.) и Газана (1302 г.)[7] до настоящего времени еще не изучались.[8] Даже содержание их неизвестно.

Фрагменты монгольских документов Тегеранского Музея также ожидают исследователя. Из краткого предварительного сообщения П. Пеллио[9] видно, что первый из них представляет собою инвокативную формулу; второй — окончание (судя по печати) эдикта Аргуна (без даты); третий (наиболее сохранившийся) — эдикт Абу-Саида (1320 г.).

Работы по дешифрованию писем иль-ханов в большинстве случаев сопровождались изучением особенностей орфографии, лексики и морфоло-

---

[1] Dr. Władysław Kotwicz. Les Mongols promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV-e siécle. Varsovie, 1933, стр. 3.

[2] Он же. En marge des lettres..., стр. 33—48.

[3] Он же. Les Mongols promoteurs de l'idée..., стр. 3—5.

[4] С. А. Козин. К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских иль-ханов. ИОН, 1935, № 7, стр. 645—655.

[5] Władysław Kotwicz Quelques mots encore sur les lettres des il-khans de Perse, retrouvées par Abel-Rémusat. Wilno, 1936.

[6] P. Pelliot. Les Mongols et la Papauté. Extrait de la Revue de l'Orient chrétien, 3-e Série, t. III (XXIII), №№ 1 et 2 (1922—1923), стр. 3—30.

[7] Там же, стр. 3.

[8] P. Pelliot. Les documents mongols du Musée de Teheran, Athār-é Īrān. Annales du Service archéologique de l'Irān, Paris, 1936, стр. 37.

[9] Там же, стр. 35—44, рис. 27—31.

гии этих памятников. Особое внимание этим вопросам уделил В. Л. Котвич.[1] Акад. С. А. Козин дал общую характеристику монгольского письменного языка первого периода его развития, а также исследовал отдельные вопросы монгольского синтаксиса в связи с изучением писем Аргуна[2] и Ульдзэйту.[3]

Большой интерес представляет исследование структуры этих памятников — монгольских эпистолярных документов XIII—XIV вв. Еще Абель-Ремюза отметил три формулы в начале письма Аргуна, а также то, что две из них отсутствуют в письме Ульдзэйту. Он обратил внимание также на особое расположение наименований автора и адресата и указал на происхождение этой особенности монгольских официальных документов XIII—XIV вв.[4] Несколько кратких замечаний по этим же вопросам имеется у Ж.-Б. Шабо.[5] А. М. Позднеев ограничился повторением сказанного по этому поводу А. Ремюза.[6] Г. Потье и И. А. Клюкин совсем не уделили внимания особенностям структуры писем иль-ханов. В большом труде Э. Шаванна о китайских надписях и официальных документах монгольской эпохи[7] встречаются отдельные замечания об инвокативных формулах в этих памятниках. Для сопоставления с ними привлечены инвокация в письме Аргуна—в транскрипции и переводе акад. И. Я. Шмидта, а также некоторые другие монгольские инвокативные формулы.[8]

В связи с опубликованием письма Гуюка (1246 г.) П. Пеллио кратко остановился на вопросах особого расположения некоторых слов и выражений, начальной формуле, дате, печатях и т. п. в тексте монгольских документов XIII—XIV вв.[9] Этими вопросами занимался и В. Л. Котвич.[10] Особенно подробно он рассмотрел состав начального протокола (protocole initiale), в котором его интересовала главным образом начальная формула (formule initiale). Рассмотрение особенностей монгольских официальных документов, которое В. Л. Котвич произвел в общей форме и в виде постановки ряда вопросов, представляет все же очень большой интерес ввиду того, что таким путем он впервые наметил структуру монгольских официальных документов XIII—XIV вв.

Специальное исследование В. Л. Котвич посвятил начальным формулам в самых различных монгольских памятниках той эпохи — эдиктах императоров и других лиц, дипломатических письмах, надписях на пайдзах, легендах монет и т. п. Установив классификацию этих формул, он останавливается на вопросах об их возникновении, времени введения их в употребление и т. п. Особенно тщательно рассмотрены им вопросы о происхождении и значении некоторых слов (suu, jali и др.).[11] Замечания В. Л. Котвича о структуре монгольских официальных документов XIII—XIV вв. были

---

[1] Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 8, 12—29, 35—48.
[2] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 484—500.
[3] Он же. К вопросу о дешифровании..., стр. 643—655.
[4] Abel-Rémusat, ук. соч., стр. 366—369, 392—394.
[5] J.-B. Chabot ук. соч.,стр. 224.
[6] А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 90—92, 103—105, 107.
[7] Ed. Chavannes. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole. T'oung Pao, II Série, v. V, стр. 357—447; v. VI, стр. 1—42; v. IX, стр. 297—423.
[8] Там же, vol. V, стр. 395, сноска 2; стр. 383, сноска 2.
[9] P. Pelliot, ук. соч., стр. 24.
[10] Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 3—8.
[11] Wł. Kotwicz. Formules initiales des documents mongols aux XIIe et XIVe ss. Rocznik Orjentalistyczny, t. X, 1934, стр. 131—157.

в виде схемы изложены акад. С. А. Козиным. Наряду с этим он дал также свою, несколько отличную, схему.[1]

При анализе конструктивных элементов и особенностей структуры этих писем оставалась мало изученной формула, встречающаяся в обоих документах.

1. В письме Аргуна она имеет следующий вид:

Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei
„Да ведают Сила Неба и Счастье-Величие Императора!".[2]

2. В письме Ульдзэйту имеется ее краткий вариант:

Tngri medetügei „Да ведает Небо!".

Ещё Абель-Ремюза отметил, что в конце письма Аргуна „снова призываются сила неба и милость хана",[3] что он считал повторением подобного же призывания в начале этого документа.[4] Однако, говоря о формулах в письме Аргуна, Абель-Ремюза не упоминает об этом вторичном призывании как об особой формуле. Изложение содержания письма Ульдзэйту он заканчивает словами: „Таким путем будет достигнуто то, что угодно небу".[5] Как видно, формула Tngri medetügei в этом письме осталась непонятной для его первого исследователя.

В первом переводе писем иль-ханов акад. И. Я. Шмидт отнес формулу Tngri-yin Kücün Xaγan-u Suu medetügei в письме Аргуна к последней фразе деловой части этого документа:... Basa... soyurγaγuyi...

Также и формула Tngri medetügei в письме Ульдзэйту переведена им как относящаяся к последнему предложению деловой части: Edüge... buri-yer deger-e anu ömerin bayiγuyi... Совершенно так же понимали отношение этих формул к предыдущему тексту Г. Потье,[6] Ж.-Б. Шабо,[7] А. М. Позднеев[8] и И. А. Клюкин.[9]

По мнению И. А. Клюкина, оно представляет собою „призывание в свидетельство при написании ярлыков и писем силы верховного божества, а не то, что они [ханы] силою и властью его полагали писать",[10] т. е. отнюдь не инвокативную формулу, что находится в полном противоречии с общепризнанным пониманием начальной формулы как инвокации в письме Аргуна и ряде других документов той же эпохи.

---

[1] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 499. Схемы этих исследователей были рассмотрены автором настоящей статьи в диссертации „Монгольские документы эпистолярного характера" (см. Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. Отд. языка и лит. АН СССР, М. — Л., 1945, стр. 31).

[2] Так акад. Б. Я. Владимирцов (Общественный строй монголов. М. — Л., 1934, стр. 100, 125, прим. 2, 146, 194) переводит suu, что наиболее полно передает значение этого слова и является самым правильным его переводом. К нему присоединяется акад. В. Л. Котвич, который установил соответствие suu древне-тюркскому qut (sütu — qutluγ); см. Wł. Kotwicz. Formules initiales..., стр. 147; ср. переводы П. Кафарова (ниже, стр. 418, прим. 5).

[3] Abel-Rémusat, ук. соч., стр. 371.

[4] Ср. И. А. Клюкин. О чем писал иль-хан Аргун..., стр. 43.

[5] Abel-Rémusat, ук. соч., стр. 397.

[6] G. Pauthier, ук. соч., стр. 781.

[7] J.-B. Chabot, ук. соч., стр. 223.

[8] А. М. Позднеев (см. ук. соч., стр. 119—123) ограничился изложением перевода акад. И. Я. Шмидта.

[9] И. А. Клюкин. О чем писал иль-хан Аргун..., стр. 41. — Он же. Письмо иль-хана Улдзэйту..., стр. 22, 24.

[10] И. А. Клюкин. О чем писал иль-хан Аргун..., стр. 1.

Как уже было отмечено, перевод акад. И. Я. Шмидта оказал значительное влияние на перевод В. Л. Котвича. Это видно и в том, что В. Л. Котвич относит эти формулы так же только к последней фразе деловой части писем.[1]

Совершенно по-новому рассматриваемый здесь вопрос был поставлен и решен акад. С. А. Козиным. Занимаясь вопросами монгольского синтаксиса, связанными с изучением письма Аргуна, акад. С. А. Козин совершенно правильно отметил, что „signum accusativi [в строке 28] в данном случае покрывает собою в с е предыдущее изложение (да ведает небо о том, что...), т. е. инкорпорирует придаточное дополнительное предложение, состоящее из в с е г о п р е д ы д у щ е г о т е к с т а" (в обоих случаях подчеркнуто мною, — *Л. П.*). „Это обстоятельство, — добавляет акад. С. А. Козин, — и поныне очень характерно для монгольского синтаксиса в его всеми отмеченном стремлении к сугубой периодизации речи".[2]

Таким образом акад. С. А. Козин пришел к выводу, что „заключительная инвокативная формула...[3] как начинает, так равно и заканчивает документ, и в конце письма, при помощи signum accusativi, относящегося ко всему письму, призывает те же небесные силы н а в с е д е л о п е р е г о в о р о в (подчеркнуто мною, — *Л. П.*), а не на случайное упоминание о самоцветах".

При этом акад. С. А. Козин отмечает, что „в правильности такого именно понимания дела окончательно убеждает меня присутствие такой же инвокации, только в несколько сжатом виде, и в конце письма Öljeitü-хана".[4]

Следствием того, что все авторы, занимавшиеся переводами письма Аргуна, не придавали показателю винительного падежа того большого значения, которое он имеет для правильного понимания всего текста письма, являлись переводы, согласно которым „высшие авторитеты" („Сила Неба" и „Счастье-Величие Императора") призывались лишь на дело о присылке подарков — „дело деликатное столько же, сколь и маловажное", по удачному выражению акад. С. А. Козина.[5]

Только основываясь на правильном понимании значения показателя винительного падежа, акад. С. А. Козин впервые установил, что призывание „высших сил" имеет в виду все, весьма важное и серьезное, содержание письма Аргуна — напоминание союзникам об их обязанностях, — которое должно было иметь большое значение для взаимоотношений монголов и франков.

Вместе с тем акад. С. А. Козин показал, что выражение Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei представляет собою определенную формулу, которая имеет свое место и значение в структуре документа. В схеме акад. С. А. Козина она указана как п. 5 — „заключительная инвокация". Кроме того, „начальная инвокация", (т. е. формула Möngke Tngri-yin Küčündür Xaγan-u Suu-dur) является п. 1 той же схемы.[6]

В этих пунктах схемы кратко выражено мнение акад. С. А. Козина о том, что в письме имеются две инвокации. В другом месте они названы

---

[1] Wł. K o t w i c z. En marge des lettres..., стр. 12, 35.
[2] С. А. К о з и н. Язык первого периода..., стр. 499.
[3] По определению акад. С. А. Козина (там же, стр, 498, 499).
[4] Там же, стр. 498.
[5] Там же. стр, 497.
[6] С. А. К о з и н. Язык первого периода..., стр. 499.

двумя частями инвокационной формулы, между которыми расположен весь текст документа.[1]

Однако формула, имеющаяся в начале письма Аргуна, представляет собою пространный вариант монгольской инвокации, который в монгольской, китайской и персидской версиях встречается в нескольких памятниках второй половины XIII в., как указывает В. Л. Котвич.[2]

Другие виды инвокаций и памятников, в которых они содержатся, рассмотрены в той же работе В. Л. Котвича о начальных формулах в монгольских памятниках XIII—XIV вв.[3]

Описание инвокативных формул в письмах иль-ханов, посылавшихся мамлюкским султанам Египта, имеются у арабского автора ал-Калкашанди в сочинении о способах составления и формах дипломатических писем.[4]

В отделе, где рассмотрены „Письма, прибывающие [в Египет] от великих ханов из потомков Чингисхана",[5] различаются „Дела до вступления их (чингисханидов) в религию ислама" и „Дела после принятия ими (чингисханидами) мусульманской религии". В „Делах" первого рода, по словам арабского автора, он „... не нашел (ничего ни) относительно размера листов бумаги их писем, ни относительно порядка переписки...". При описании же „Дел" второго рода он сообщает „о двух способах" написания писем.

При составлении писем по „первому способу" письмо начинается с „басмалы" — мусульманской инвокации [„Во имя Аллаха милостивого, милосердного"], которой отводятся 2 особых строки. За нею следуют формулы: „Силою Аллаха Всевышнего" (она занимает еще 2 строки) и „Благодатью Кана" (1 строка). Эти формулы, столь отличные от „басмалы" и так напоминающие монгольские Möngke Tngri-yin Küčün-dür и Хаγan-u Suu-dur, несомненно, я думаю, восходят к этим монгольским инвокациям.

При „втором способе" составления писем в начале письма также имеется „басмала" (в одной строке), а затем формулы: „Силою Аллаха Всевышнего" и „Благодатями веры мухаммеданской" (каждой из них отводится по одной строке). Таким образом вся инвокация, следующая за „басмалой", приобретает вполне мусульманский характер.

При таком, по существу полном, исчезновении монгольских — шаманских — инвокативных формул новая мусульманская инвокация по своей форме все же значительно отличается от „басмалы" и, несомненно, составлена по образцам монгольских инвокативных формул. Для подтверждения своего описания ал-Калкашанди приводит письма Ахмеда и Газана к султанам Калауну и Мухаммеду ибн-Калауну[6]. Тексты и переводы этих писем[7] не дают, однако, полного представления об их структуре.[8]

---

[1] Там же, стр. 484.

[2] Wł. Kotwicz. Formules initiales..., стр. 138.

[3] Wł. Kotwicz. Formules initiales..., стр. 134—142.

[4] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды т. I. Извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884, стр. 395.

[5] Там же, стр. 415—416.

[6] Там же, стр. 416.

[7] Там же, стр. 416, сн. 1.

[8] В работах д'Оссона, Гаммера и Г. Вейля содержатся только переводы, по которым нельзя судить о структуре интересующих нас формул. В труде Катрмэра арабский текст и перевод также не воспроизводят числа и расположения строк инвокативных формул, которые описаны у ал-Калкашанди.

В ответных письмах египетских султанов[1] инвокации составлены по образцам инвокативных формул в письмах Ахмеда и Газана. Как было показано выше, эти формулы по своей структуре являются монгольскими.[2]

Инвокация

„Силою Аллаха Всевышнего
Благодатями веры мухаммеданской",

по своей структуре восходящая к пространной монгольской инвокативной формуле, встречается в описании письма Мухаммеда ибн-Калауна — хану Узбеку[3] в сочинении ал-Мухибби.[4]

О формах переписки мамлюкских султанов с Абу-Саидом, его везиром, беклярибеком (старшим эмиром), эмирами и нойонами[5] сообщает ал-Омари.[6] Еще одна монгольская инвокативная формула в сочетании с мусульманской инвокацией содержится в I монгольском фрагменте Тегеранского музея. В работе П. Пеллио даны ее фотокопия (рис. 27), транскрипция:

Mongka t(ä)ngri-yin Küčün-dür
Muhamad baiqambar-un iman-dur
Yäkä suu ǰali-yin ibägä-dür

и перевод[7] (который здесь приводится по-русски):

„В силе Вечного неба,
В милости (?)[8] пророка Мухаммеда
В покровительстве великого Счастья".

По мнению П. Пеллио, не исключена возможность, что эта инвокация относится к III фрагменту, в котором недостает начала текста, т. е. к эдикту Абу-Саида (1320 г.). Формула Yeke Suu ǰali-yin Ibege-dür имеется в несколько другом виде — Yeke Suu ǰali-yin Igegen-dür в монгольской, китайской и русской версиях в целом ряде памятников[9] (см. ниже, стр. 419).

Все инвокативные формулы, известные по памятникам или по их описаниям, представляют собою одно целое — даже в тех случаях, когда инвокация состоит из двух предложений, — как это имеет место в про-

[1] Quatremère. Histoire des sultans mamlouks, t. II, part 1, Paris, 1342, стр. 162—165, 192—199; part 2, 1845, стр. 291—294 и 293—306. — C. d'Osson. Histoire des Mongols, Amsterdam, 1852, t. III, стр. 570—580; t. IV, стр. 295—309. — Hammer-Purgstall. Geschichte der Ilchane, B. I, Darmstadt, 1842, стр. 335—342, — G. Weil. Geschichte der Kalifen, B. IV, Stuttgart, 1830, стр. 244—253.

[2] Не только инвокация, но и другие элементы начального протокола, например, вводная формула „.... [имя автора]. Слово наше" (например: „Аргун. Слово наше"), в письмах обоих султанов составлены по монгольскому образцу. Краткое указание на то, что египетский султан в своем ответе Ахмеду старался воспроизвести формуляр письма этого иль-хана, имеется у Абель-Ремюза (ук. соч., стр. 354). Вопрос о воспроизведении в ответном письме форм полученного письма в дипломатической переписке с монголами XIII—XIV вв. представляет большой интерес, но выходит за пределы настоящей статьи. В связи с этим можно указать на сообщение ал-Омари о том, что письма, посылавшиеся из Египта хану Золотой Орды Джанибеку (преемнику хана Узбека), писались по-арабски, но большею частью по-монгольски. При этом названы лица, которым было поручено это дело и в числе их — толмач Аргадак. (В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 251). Также и ал-Мухибби упоминает о том, что в переписке с Абу-Саидом пользовались арабским и монгольским языками (там же, стр. 341—342).

[3] В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 331.

[4] Там же, стр. 342.

[5] Там же, стр. 249—250.

[6] Там же, стр. 208.

[7] P. Pelliot, ук. соч., стр. 37.

[8] Знак вопроса — у П. Пеллио.

[9] Wł. Kotwicz, ук. с., стр. 135—137.

странных инвокациях, или же когда она изложена в нескольких строках, например, в письмах Ахмеда и Газана и в ответных письмах египетских султанов. Все эти инвокации не имеют второй — заключительной — части. Другими словами, нам не известны памятники, текст которых расположен между двумя частями инвокационной формулы: одной в начале текста, а другой — в конце его.

Поэтому трудно допустить, что инвокативная формула в письме Аргуна состоит из двух частей, из которых первая является „начальной инвокацией", а вторая — „заключительной инвокацией."

Из рассмотрения этих памятников и описаний их структуры можно видеть, что инвокативная формула — в соответствии с ее особым характером и назначением — во всех случаях располагается в начале текста. На этом основании различные типы инвокаций В. Л. Котвичем были обозначены общим наименованием „начальных формул". Формулы же, завершающие текст монгольских официальных документов XIII—XIV вв., имеют особый характер и назначение. Так, например, заключительные формулы в эдиктах Мангала 1276 г., Буянту-хана 1314 г., его же 1314 г. (другому лицу) и вдовы Дармабала 1321 г. имеют целью устрашить тех, кто, ссылаясь на дарованный эдикт, будет допускать злоупотребления. Такова, например, формула в конце первого из названных эдиктов: „Разве они не убоятся, когда будут их совершать". Подобными формулами заканчиваются и остальные эдикты.[1] Предупреждение возможным нарушителям законов имеется также в указе Ульдзэй-Тэмура 1408 г.[2] Надписи на пайдзах (Минусинской, Нюкской и Боготольской) при всей их краткости содержат предупреждение и угрозу. Устрашающий характер заключительных формул монгольских эдиктов в общей форме был отмечен П. Пеллио при рассмотрении легенды на печати в письме Гуюка.[3] Эти формулы, еще подробно не изученные, предварительно можно назвать формулами устрашения.

То, что инвокативные формулы монгольских официальных документов расположены в начале текста показывает, что формула Tngri... medetgüei (как пространная, так и краткая) не представляет собою заключительной инвокации. Все эти соображения свидетельствуют о том, что рассматриваемая формула вообще не является инвокацией в том смысле, в каком этот термин принят в дипломатике.

Для того, чтобы определить значение формулы Tngri... medetügei, следует сопоставить ее с формулой Möngke Tngri-yin Küčün-dür Xaγan-u Suu-dur. С этой целью необходимо проследить возникновение, а затем установить содержание и назначение обеих формул.

В заключительной формуле, как и в инвокации, в письме Аргуна названы Tngri-yin Küčün — „Сила Неба" и Xaγan-u Suu — „Счастье-Величие

---

[1] Тр. Инст. Востоков. АН СССР, т. XXI, М.-Л., 1941, стр. 61, 65, 69, 73.

[2] G. J. Ramstedt. Mongolische Briefe aus Idiqut-Schähri bei Turfan. Sitzungsberichte der königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1909, XXXII, стр. 224, табл. VI.

Выражение ülü ayiγun aldaγun Г. И. Рамстедт переводит: „[Разве] вы не боитесь быть убитыми?". Однако, как можно видеть из перевода надписи на пайдзе Абдулла-хана (Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Д. Банзарова, СПб., 1891, стр. 52), aldaγu ~ aldaγun является формой будущего времени глагола aldaγu 'упускать', 'ошибаться', 'совершать проступок', а не формой страдательного залога от alaγu 'убивать'. Поэтому ülü ayiγun aldaγun следует перевести: „[Кто] не будет бояться [указа] совершит проступок" ~ „будет виновен".

[3] P. Pelliot, ук. соч. стр. 24.

Императора", что уже привлекало внимание исследователей (Абель-Ремюза, И. А. Клюкин).

Повидимому, это сходство и побудило предполагать, что формула Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei является повторением начальной формулы и в дальнейшем привело к мнению, что она представляет собою вторую часть инвокации или же заключительную инвокацию.

Действительно, как в одной, так и в другой формуле в качестве „высших авторитетов" названы „Сила Неба" и „Счастье-Величие Императора". Однако назначение и роль их в обоих формулах не одинаковы. Занимаясь исследованием вопроса о происхождении монгольских инвокативных формул, В. Л. Котвич и акад. С. А. Козин показали, что в этих формулах выражены представления монголов XIII—XIV вв. о „Силе Вечного Неба" и „Счастьи-Величии Императора". Ими же были подробно исследованы вопросы о происхождении и развитии представлений о tngri и suu.[1]

При рассмотрении вопроса о времени введения в употребление инвокативных формул В. Л. Котвич в общей форме упомянул о том, что в „Сокровенном сказании" имеются довольно многочисленные выражения, соответствующие начальным формулам.[2] Необходимо добавить, что там же имеются выражения, которые соответствуют формуле Tngri... medetügei.

Данные „Сокровенного сказания" — памятника, по выражению акад. Б. Я. Владимирцова, „так образно и детально рисующего подлинную жизнь"[3] — представляют особую ценность для выяснения вопроса о формуле Möngke Tngri-yin Küčün-dür Xaγan-u Suu-dur.

Самая древняя и вместе с тем наиболее часто встречающаяся формула Möngke Tngri-yin Küčündür, впервые засвидетельствованная в письме Гуюка (1246 г.), имеет свой прототип в одном выражении повеления Чингис-хана об учреждении гвардии (1206 г.): Edoe Muȣke Teȣkeri-yin Kučun-tur Teȣkeri Qajar-a kuču aoqa nemeǯdeǰu...".[4] „Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей".[5] [„Ныне, когда Силою Вечного Неба [мои] силы Небом умножены на земле..."].[6] Кроме приведенного здесь свидетельства „Сокровенного сказания", можно указать также на сообщение „Сборника летописей" о том, что Чингис-хан, посылая своих полководцев для преследования хорезмшаха, приказал: „... Идите следом за Султаном Мухаммедом Харезм-Шахом... Силою Бога Великого [Неба] пока не возьмете его в руки, не возвращайтесь..." Приказ заканчивается словами „Силою Великого Бога [Неба] столько этих дел учинено нами; по возвращении домой, таковая же судьба будет".[7]

---

[1] Этими вопросами занимались Абель-Ремюза, акад. И. Я. Шмидт, Д. Банзаров, В. Григорьев, П. Кафаров, А. М. Позднеев, акад. Б. Я. Владимирцов, Э. Шаванн, П. Пеллио и другие исследователи.

[2] Wł. Kotwicz, Formules initiales..., стр. 123.

[3] Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 8.

[4] С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monγol-un niγuča tobčiyan, Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник, т. I, М. — Л., 1941, стр. 287, § 224.

[5] Там же, стр. 168. Ср. перевод П. Кафарова из Юань чао би ши: „Ныне, когда небо повелело мне править всеми народами...", „Старинное монгольское сказание о Чингис-хане". Тр. чл. Росс. Дух. Миссии в Пекине, т. IV, стр. 125.

[6] В квадратных скобках здесь и в дальнейшем мною предложен более точный перевод.

[7] Труды ВОРАО, т. XV, стр. 50—61.

Для того, чтобы отметить участие и роль „Вечного Неба“ в событиях и в действиях людей, имеющих большое значение, Чингис-хан и его сподвижники пользовались также и несколько иными выражениями.

В повелении Чингис-хана Субэгэдэю о преследовании сыновей Тохтоа („Сокровенное сказание“, § 199) встречается фраза

... Munke Tenkeri-de
Küčü auqa nemegdeǰü,
Toqtoa-in koudi
Qar-turiyan orouluasu...[1]
...„Если же Вечное Синее Небо,
Силу и мощь вам умножа,
В руки предаст вам сынов Тохтоа...“.[2]

Далее (там же, § 260) сообщается, что стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган говорили Чингис-хану перед походом на Халибо-Солтана: „...dain-irkeni ba Tenkeri Qaǰar-a küčü nemegdeǰü altan-munku, aurasuntabar, irken-orqan Čimada abčirasuqai![3] „... мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами и людей с жилищами их“[4] [Когда Небо умножит [наши] силы на земле мы доставим тебе...“].

Такое же выражение имеется в докладе Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху — Чингис-хану.[5]

См. также выражение Munke Tenkeri-de kuču nemegdeǰü[6] в словах Чингис-хана по случаю казни Илуху-Бурхана — „Вечное Небо умножило мои силы...“[7] [„Мои силы умножены Вечным Небом“].

Кроме того, для выражения помощи и других видов покровительства со стороны „Вечного Неба“ в судьбах Чингис-хана и его сподвижников, употреблялись глаголы iheekü ‘хранить’ (нов. монг. ibegekü), а также iheekdekü ‘быть ‘хранимым’ Tenkeri-ku iheeba ǰe![8] „Само Небо хранило его“ [Джэльмэ].[9]

Повеление Чингис-хана Субэгэдэю (см. выше) заканчивалось словами

Deere Tenkeri-de ber
Iheekdemui ǰe ta[10]
„Помощь придет к вам с небесных высот!“[11]
[„Вы будете хранимы Вышним Небом“].

---

[1] С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 272;

[2] Там же, стр. 153. „Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки ваши Тогтагеевых сыновей“ (там же, стр. 154). Ср. перевод П. Кафарова: „Если покровительством и помощью Неба поймаешь детей Тохтоа“ ...(ук. соч., стр. 111).

[3] С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 303. Ср. подобное выражение в том же параграфе.

[4] Там же, стр. 188. Ср. перевод П. Кафарова: „... если Небо поможет нам и мы победим врагов, то золото, серебро, ткани, все принесем тебе“ (ук. соч., стр. 148).

[5] С. А. Козин, ук. соч., стр. 308, § 260 (текст); стр. 183 (перевод); ср. пер. П. Кафарова (ук. соч., стр. 148).

[6] С. А. Козин, ук. соч., стр. 311, § 267.

[7] Там же, стр. 191; ср. пер. П. Кафарова (ук. соч., стр. 152).

[8] С. А. Козин, ук. соч., стр. 239, § 145.

[9] Там же, стр. 118. В пер. П. Кафарова (ук. соч., стр. 71) это выражение отсутствует.

[10] С. А. Козин, ук. соч., стр. 272, § 199.

[11] Там же, стр. 153; ср. „... Вечное Небо будет вам покровительствовать...“ (стр. 154); ср. пер. П. Кафарова: „В пути небо, конечно, сохранит тебя и поможет тебе.“ (ук. соч., стр. 112). Подобные выражения имеются еще в §§ 187, 203, 206, 208, 240, 265 „Сокровенного сказания“.

Приведенные примеры показывают, что такого рода выражениями пользовались в тех случаях, когда речь шла о весьма важных и значительных событиях или действиях, которые происходили или совершались благодаря „содействию", „помощи", „покровительству" или другим видам „участия" особой, „высшей" силы — „Силы Вечного Неба". Эта сила указывалась как источник могущества, власти, успеха даже самого Чингис-хана.

Из всех рассмотренных выражений одно — Tngri-yin Küčün-dür — наиболее полно и совершенно выражало воззрения монголов той эпохи на значение и роль „Вечного Неба" в жизни главы государства, его сподвижников и отдельных людей.

Этим выражением пользовались как в устной речи, так и повелениях (напр. об учреждении гвардии), которые, возможно, были облечены в письменную форму. Выражение это имело преимущество перед другими выражениями благодаря краткости и четкости, с которой в нем была сформулирована основная суть монгольского шаманизма — „концепция о Небе, как об извечной силе, лежащей в основе материи".[1] Те же качества делали это выражение наиболее удобным для „обоснования" феодальной (вполне земной) власти земных „представителей" „Вечного Неба" путем ссылки на „силы небесные". Частое и постоянное пользование этим выражением сделали его традиционным, а потребности развивающегося и укрепляющегося феодализма и его государственного аппарата превратили это выражение в инвокативную формулу, которая встречается наиболее часто.

В кратком, первоначальном виде она существовала как самостоятельная формула и впервые встречается, как заметил В. Л. Котвич, в письме Гуюка. Более правильным будет считать, что этот документ является первым дошедшим до нас памятником, в котором содержится эта формула. Исключительно большое — решающее — значение, которое монголы XIII—XIV вв. придавали „Силе Вечного Неба", видно и из того, что формула Möngke Tngri-yin Küčün-dür занимала первое место в двух пространных инвокациях:

1) ~ Xaγan-u Suu-dur
„Силою Вечного Неба, Счастьем-Величием Императора" [2]
2) ~ Yeke Suu-ǰali-yin Iγegen-dür
„Силою Вечного Неба, Покровительством Великого Могущества",[3]

о которых будет сказано ниже.

В „Сокровенном сказании" сообщается также о донесении, которое Бату послал Угэдэю из кипчакского похода 1238 г. В нем имеется фраза Mungke Tenkeri-in Kučun-tur Qaqan-abaqa-in su-tur Meket balaqasun ebdeǰü.[4]

„Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет...".[5]

---

[1] Акад. С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 482.

[2] По классификации В. Л. Котвича — III формула. Wł. Kotwicz. Formules initiales., стр. 133—139.

[3] По той же классификации — II формула (там же стр. 135—136).

[4] Акад. С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 315.

[5] Там же, стр. 194. Ср. перевод соответствующего места в „Юань чао би ши": „Силою Вечного Неба и счастьем царя-дяди народы всех одиннадцати государств покорены" (П. Кафаров, ук. соч., стр. 156—157) со ссылкой на примеч. 675 (стр. 256) — *фуинь* покровением счастья; ср. „..., таинственным покровительством великого счастья". (Он же. Старинные следы христианства в Китае. Восточный сборник, СПб., 1877 стр. 29).

Как видно из этого текста, Бату „обосновывал" свою силу, могущество и т. п. путем ссылки не только на „Силу Вечного неба", но и на „Счастье-Величие Императора": в качестве источника своей власти вассал указывал на „силы небесные", а также на „силы земные" — „Счастье-Величие" сюзерена.

Это выражение несомненно является прототипом пространной инвокативной формулы Möngke Tngri-yin Küčün-dür xaγan-n Suu-dur, которая служила для обоснования власти вассалов — правителей отдельных областей империи, находившихся на различных степенях зависимости от сюзерена-императора и пользовавшихся большей или меньшей самостоятельностью. Например, Аргун (в письме 1289 г.), Мангала (в эдикте 1276 г.) и другие лица[1] при помощи пространной инвокации выражали свое отношение к императору.

Выражения, в которых значение и роль „Вечного Неба" передавались при помощи глаголов iheekü и iheekdekü, возможно послужили прототипами или же оказали более или менее значительное влияние на образование формулы Yeke Suu ǰali-yin Igegen-dür, которая отдельно не употреблялась, а составляла часть пространной инвокации Möngke Tngri-yin Küčün-dür, Yeke Suu ǰali-yin Igegen-dür „Силою Вечного Неба, Покровительством Великого Могущества". В несколько измененном виде эта формула имеется в I монгольском фрагменте Тегеранского музея (эдикте Абу-Саида?) в составе композиции (в равной мере интересной и для монголоведа и для тюрколога)

Mongka t(ä)ngri-yin Küčün-dür
Muhamad baiqambar-un iman-dur
Yäkä suu ǰali-yin ibägä-dür

(см. выше, стр. 403).

Остается заметить, что каких-либо формул, в которых в той или иной степени проявилось влияние выражений Tngri küčü nemegdeǰü и т. п., не встречается. Эти выражения, повидимому, являлись более применимыми в том или ином случае для указания на значение и роль „Неба", но не были столь обобщающими и не указывали так выразительно и определенно на „небесный" источник земной власти, как выражение Möngke Tngri-yin Küčün-dür. Поэтому выражение Tngri küčü nemegdeǰü и подобные ему и не получили в дальнейшем общего применения в виде инвокативных формул.

Применение инвокаций в монгольских официальных документах XIII—XIV вв. показывает, что они служили прежде всего для обоснования власти лиц, от имени которых эти документы исходили. Императоры обосновывали свою власть „Силою Вечного Неба", а их вассалы — правители уделов еще и „Счастьем-Величием Императора".

Для выяснения вопроса о происхождении формулы Tngri... medetügei в ее пространном и кратком вариантах следует обратиться к тому же „Сокровенному сказанию". В нем сообщается, например, что когда четыре богатыря-кулюка, посланные Чингис-ханом, спасли от найманов народ Ван-хана, последний горячо благодарил Чингис-хана и закончил свою речь словами Haci qariulqu-i Teŋkeri Qaǰar-un iheel medetukai[2] „Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности".[3]

[1] Wł. Kotwicz. Formules initiales..., стр. 138—139.
[2] С. А. Козин. Сокровенное сказание..., стр. 247.
[3] Там же, стр. 126, § 163.

При переводе этого выражения следует руководствоваться указанием акад. С. А. Козина о том, что „√medе — дает ряд параллельных значений по линиям: 'знать' — 'ведать' (в смысле управлять, волеизъявлять)".[1] И в данном случае medekü имеет значение 'ведать', 'ведать чем-либо', 'иметь волю над чем-либо или в чем-либо', 'иметь попечение', 'определять', 'решать' и т. п.

Необходимо принять во внимание и шаманское мировоззрение монголов XIII—XIV вв., основная суть которого заключалась в признании изначальной творческой „Силы Неба".[2] Значение, которое „Вечное Небо" по воззрениям монголов той эпохи имело в их жизни и действиях, несомненно признавалось и в этом случае.

Поэтому слова Ван-хана должны быть переведены следующим образом: „Да будет воля Покровительства Неба и Земли на то, что [~ в том, что] я воздам благодарность за оказанное благодеяние".

Как видно из предыдущего текста,[3] Ван-хан хотел выразить Чингис-хану благодарность, соответствующую исключительно большой помощи, оказанной ему. Ввиду особого значения и важности, которые Ван-хан придавал выражению своей благодарности, он ставил осуществление ее в зависимость от ведения воли „Покровительства Неба и Земли", подобно тому как в особых случаях, приведенных выше, большие и важные события и действия „основывались" на различных видах „участия" в них „Силы Вечного Неба".

Вместе с тем обращение к „высшим авторитетам" является призыванием их в свидетели серьезности и искренности намерений Ван-хана выразить особую благодарность Чингис-хану. Это призывание, сделанное Ван-ханом для подтверждения обещания достойным образом отблагодарить своего спасителя, приобретает характер и значение клятвы.[4]

В другом случае Чингис-хан в пространной речи напоминает Ван-хану об их прежних хороших отношениях и приводит слова, некогда сказанные Ван-ханом отцу Чингис-хана — Иесугай-хану (в связи с тем, что последний спас народ Ван-хана из рук Гур-хана):

Ene ṭusa-yin ćino hači uruɲun uruqa čino hači qariulqa-i Deere Teŋkeri Qaǰar-un Iheel medetukai.[5]

„Да помогут мне Всевышнее Небо и Земля воздать благодеянием за твое благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их" [6] [„Да будет воля Покровительства Высокого Неба и Земли на то, что (~ в том, что) я воздам благодарность потомкам твоих потомков за благодеяние, которое ты оказал мне этой твоей помощью."].

Таким образом выполнение своего обещания — воздать благодарность „потомкам потомков" за оказанное ранее благодеяние — Ван-хан представляет на усмотрение „высшей воли", которую он вместе с тем призывает

---

[1] О н ж е. Язык первого периода..., стр. 499. Ср. E. Haenisch. Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an. Leipzig, 1939, стр. 103.

[2] С. А. К о з и н. Язык первого периода..., стр. 482.

[3] О н ж е. Сокровенное сказание, § 103.

[4] В подтверждение такого понимания слов Ван-хана можно указать на перевод П. Кафарова: „Клянусь покровительством и помощью неба, что я постараюсь отплатить за такие благодеяния!" (ук. соч., стр. 82). В примечании поясняется: „Ху цзу чжи е чжэ: да ведает покровительство и помощь; *да ведает* — монголизм (курсив мой — *Л. П.*) в смысле *клянусь*" (курсив П. Кафарова; там же, стр. 203, прим. 275).

[5] С. А. К о з и н. Сокровенное сказание, стр. 255, § 177.

[6] Там же, стр. 135. Ср. пер. соответствующего места из „Юань чао би ши" у П. Кафарова „... За такое благодеяние твое я отплачу твоим детям и внукам; клянусь в том небом" (ук. соч., стр. 92).

в свидетели. Тем самым Ван-хан торжественно подтверждает данное им обещание.

Выражение еще более близкое к изучаемой формуле можно также найти в „Сокровенном сказании" (§ 265). Выразив свой гнев и возмущение ответом Аши-Гамбу и объявляя о своем решении итти войною на тангутов, Чингис-хан в заключение воскликнул: Mu∍ke Te∍ngkeri, Či mede![1] „Да будет воля Вечного Неба"[2] [„Ведай [этим] ты, о Вечное Небо"] ~ [„Да будет [на это] твоя воля, о Вечное Небо!"]. Осуществление большого дела, каким является война с тангутами, Чингис-хан предоставляет воле „высшей силы" и этими же словами разгневанный Чингис-хан призывает „силы небесные" в свидетели для подтверждения серьезности своего намерения совершить поход и клянется отомстить Аши-Гамбу.

Выражение наиболее близкое к изучаемой формуле содержится в том же памятнике (§ 172), в сообщении о том, что на другой день после сражения с Ван-ханом Чингис-хан увидел подъезжавшего к нему человека. Узнав в нем Боорчу, которого он считал погибшим, Чингис-хан обнажил грудь свою и воскликнул Mu∍ke Te∍ngkeri medetukai![3] „О, Вечное Небо, твоя воля!".[4]

Из описания этого события и приведенных слов видно, что спасение Боорчу могло произойти по представлениям Чингис-хана только по воле „Вечного Неба" и благодаря ему. Поэтому Чингис-хан выразил свою полную покорность „высшей воле" и вместе с тем призвал „Вечное Небо" в свидетели глубины и искренности своей радости и благодарности, в знак чего он обнажил свою грудь.[5]

В приведенных примерах показаны обращения к „Покровительству Неба и Земли" и к „Вечному Небу", в которых возникновение и течение важных событий, а также осуществление особо значительных действий отдельных лиц (в том числе и самого Чингис-хана) предоставлялось ведению, воле, определению или решению „высших авторитетов" — „небесных сил". Тем самым в таких обращениях выражалась зависимость больших и серьезных событий или поступков от этих „авторитетов" и „сил", покорность и подчинение им.

Вместе с тем в этих выражениях те же „авторитеты" и „силы" призывались для торжественного подтверждения серьезности и твердости принятых решений, а также глубины и искренности выраженных намерений и чувств. Поэтому такие торжественные выражения имели значение клятв.

Из нескольких выражений, в которых „Вечное Небо" признавалось источником силы, власти, могущества, одно—Möngke Tngri-yin Küčün-dür — с течением времени превратилось в инвокативную формулу. Так же и одно из нескольких обращений к „Покровительству Неба и Земли" и „Вечному Небу", более полно, чем другие, выражающее значение и роль „высшего авторитета" и вместе с тем наиболее обобщающее и чеканное — выраже-

---

[1] С. А. Козин, ук. соч., стр. 310.

[2] Там же, стр. 190. Ср. пер. П. Кафарова: „Умру, но потребую, у него [Бурхана] отчета; клянусь в том Вечным Небом!" (ук. соч., стр. 150).

[3] С. А. Козин, ук. соч., стр. 252.

[4] Там же, стр. 132; ср. стр. 132, прим. 1: „Да будет воля Вечного Неба!". Ср. у П. Кафарова: „... Чингис-хан, ударив себя в грудь, воскликнул к небу «О!»" (ук. соч., стр. 89); ср. „Ба!" восклицание; собственно значит: „Кончено!" [?] (там же, стр. 206, прим. 300). Ср. E. Haenisch. Wörterbuch zu Manghol un Niuča Tobča'an. Leipzig, 1939, стр. 108.

[5] Ср. С. А. Козин, ук. соч., § 103.

ние Tngri... medetügei, в дальнейшем стало определенной формулой, получившей применение в официальных документах.

Формула Möngke Tngri-yin Küčün-dür при дальнейшем развитии феодализма путем прибавления слов Хаγan-u Suu-dur стала выражать взаимоотношения вассала и сюзерена. В соответствии с развитием этого процесса подверглась изменению также и формула Tngri medetügei.

Весьма ценное указание по этому вопросу имеется в „Сборнике летописей" Рашид-ад-дина, которому „удалось дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен".[1] Персидский историк приводит донесение, которое Джэбэ и Субэгэдей послали Чингис-хану. Сообщая о смерти хорезмшаха Мухаммеда и других событиях, полководцы Чингис-хана заканчивают свое донесение словами: „Мы... можем притти к сроку, назначенному повелением указа, через Кыпчакский Дербенд в сторону Могулистанскую, о чем ведает могущество великого бога и благополучие Чингис-хана".[2]

Это сообщение Рашид-ад-дина было отмечено В. Л. Котвичем в его работе о монгольских начальных формулах, как одно из первых указаний на время введения этих формул в употребление в монгольских официальных документах, причем В. Л. Котвич заметил, что слова „могущество великого бога и благополучие Чингис-хана" „составляют в точности текст одной из наиболее распространенных формул".[3]

Ввиду того, что В. Л. Котвич в этой работе занимается рассмотрением только инвокативных формул, несомненно, что и в данном случае он имеет в виду одну из монгольских инвокаций.

К такому заключению В. Л. Котвича, надо полагать, привело то, что полководцы Чингис-хана призывали „могущество великого бога" и „благополучие" Чингис-хана подобно тому, как это имеет место в одной из инвокативных формул (формуле III по классификации В. Л. Котвича).[4]

Все же то, что слова, которыми заканчивается донесение монгольских полководцев, не вполне точно соответствуют тексту (III) инвокативной формулы, повидимому, побудило В. Л. Котвича выразить сомнение в том, что Рашид-ад-дин имел в своем распоряжении точную копию донесения Джэбэ и Субэгэдэя, и вместе с тем высказать предположение, что персидский историк сам дополнил это донесение в соответствии с позднейшей практикой монгольских канцелярий.[5]

Однако В. Л. Котвич не приводит полностью слов Джэбэ и Субэгэдэя в русском переводе И. Н. Березина, которым он пользовался.[6] Более подробное рассмотрение этого перевода дает возможность установить следующие соответствия русского текста монгольским значениям слов полководцев Чингис-хана: 1) „о чем ведает" ~ [Да будет воля] — medetügei; 2) „могущество" — Küčün; 3) „великого бога" — Tngri-yin; 4) „благополучие" — Suu („Счастье-Величие", согласно акад. Б. Я. Владимирцову); 5) „Чингис-хана" Хаγan-u. Относительно последних слов следует заметить, что, как известно, в инвокативных формулах

---

[1] Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 6.
[2] Труды ВОРАО, т. XV, стр. 89.
[3] Wł. Kotwicz. Formules initiales..., стр. 132.
[4] Там же, стр. 138—139.
[5] Там же, стр. 132.
[6] Ср. „фу-инь" в переводах П. Кафарова (см. выше, стр. 418, сн. 5).

личное имя императора не указывалось, а помещался только его титул.[1] Это же правило применялось и в формуле Tngri medetügei, о чем свидетельствуют употребление в данном случае титула „Чингис-хан", а также вторая фраза той же формулы в письме Аргуна 1289 г. Хаγan-u Suu medetügei.

Перевод И. Н. Березина (а следовательно и Рашид-ад-дина) является настолько точным, что в нем без труда можно видеть передачу монгольской формулы Tngri-yin Küčün Хаγan-u Suu medetügei, которая имеет не инвокативный, а совершенно иной характер и назначение.

Эта формула в ее кратком варианте восходит к выражениям, которыми пользовались Чингис-хан и его сподвижники, как об этом свидетельствует „Сокровенное сказание". Поэтому представляется весьма вероятным, что и ее пространный вариант Tngri-yin Küčün Хаγan-u Suu medetügei встречался и в тех письменных источниках — книгах и свертках монгольских летописей,[2] которыми пользовался Рашид-ад-дин и одну из которых — „Алтан дептер"[3] он даже называет.

Весьма вероятно также, что при переводе их на персидский язык Рашид-ад-дину оказали помощь те лица, „знающие древний монгольский язык", которые были к нему приставлены.[4] Поэтому можно полагать, что персидскому историку не было надобности самому составлять эти слова по позднейшим образцам монгольского феодального делопроизводства. Напротив, имея возможность пользоваться теми монгольскими источниками, которых мы лишены, персидский историк представил нам весьма ценное свидетельство о том, что еще во времена Чингис-хана при особенно важных и значительных обстоятельствах пользовались формулой Tngri-yin Küčün Хаγan-u Suu medetügei с теми целями, которые были указаны выше. При этом обращались не только к „Вечному Небу", но и к его „представителю" на земле — императору. Таким путем вассал выражал свое отношение к сюзерену.

О пользовании подобной формулой сообщается в Эрдэнийн Тобчи — труде Санан-Сэцэна (1662 г.), где повествуется[5] о том, что перед сражением (1454 г.) между Молан [~ Молон]-хаганом и его вассалом Мулухай [~ Мулихай ~ Магулихай]-онгом последний совершил жертвенное кропление небу и государю (ejen), т. е. Чингис-хану, и воскликнул: Degere Möngke Tngri či mede, ded anu Ejen Boγda či medel . . „В вышних — ведай ты, Вечное Небо, а затем ведай ты, Эдзэн-Богда . . .". В этих и дальнейших словах Мулухай-онга разрешение конфликта между ним и его сюзереном Молан-хаганом, потомком „золотого рода" (altan uruq), представлялось на усмотрение „Вечного Неба" и „Эдзэн-Богда" — осно-

[1] Только в инвокативных формулах китайских версий эдиктов Хайду и Хубилая 1257 и 1258 гг. (T'oung Pao, II Série, t. V, стр. 388 и t. IX, стр. 368—369), а также в легенде (по-персидски) одной монеты, указанной В. Л. Котвичем (Formules initiales. . ., стр. 138) названо имя Мункэ-хана. Для обозначения автора документа также указывалось не личное имя (императора или лица, от которого документ исходил), а его титул. Исключения — ярлыки ханов Золотой Орды — указаны В. Л. Котвичем (там же, стр. 142).

[2] Труды ВОРАО, т. XV, стр. 101. Ср. „В некоторых списках монгольских летописей. . ." (там же, т. V, стр. 183).

[3] Там же, т. V, стр. 183.

[4] Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-гази, хивинского хана. Пер. и пред. Г. С. Саблукова с пред. и прим. Н. Катанова, Казань, 1906, стр. 32.

[5] Рукопись Комитета наук МНР, л. 60-а (фотокопия ИВ АНФ. В. 60). Ср. I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen... St.-Petersburg, 1829, стр. 172—173, а также „Алтан Тобчи" Лубсан-Дандзана. Рукопись Комитета наук МНР, лл. 153в — 154а; (фотокопия ИВ АН Ф. В. 65).

вателя этого рода, т. е. Чингис-хана. Как видно, еще и в середине XV в. для одного из вассалов монгольского хагана „высшими авторитетами" являлись „Вечное Небо" и „Эдзэн-Богда".

Для того, чтобы определить характер и значение формулы Tngri ...medetügei в письме Аргуна, необходимо рассмотреть ее в контексте второй половины деловой части этого документа.

1) Ali bar kelen aman... В комментариях к своему переводу письма Аргуна В. Л. Котвич решительно возражает против перевода этих слов, данного акад. И. Шмидтом: „послы различных народов и языков", правильно заметив, что „для монголов было совершенно безразлично, кто прибудет к ним в качестве посланца с подарками".[1] Далее В. Л. Котвич сопоставляет выражение ali bar kelen aman со словами ali bar üges в письме Ульдзэйту и на основании их сходства приходит к заключению, что ali bar kelen aman ilčin следует понимать как „послы с различными известиями" или, строго говоря, „какой бы то ни было посол, с известиями".[2] Вместе с тем, В. Л. Котвич полагает, что в XIII в. „вполне мог существовать специальный термин для обозначения послов, которым поручали передачу известий".[3] Однако на наличие такого рода послов не имеется никаких указаний ни в монгольских источниках, ни в трудах таких авторов, как Рашид-ад-дин, Плано Карпини, В. Рубрук, Марко Поло и др. Самая же надобность в них представляется сомнительной. Такие послы могли быть нужны при развитых дипломатических сношениях в новейшее время, но не в XIII—XIV вв. Поэтому предположение В. Л. Котвича представляется мало вероятным. К такому предположению В. Л. Котвич пришел, повидимому, на основании того, что слова ali bar kelen aman он считал определением к ilčin и соответственно этому переводил „послы с различными известиями"[4] — „посол с различными известиями".[5] Такому решению в большой степени способствовало то, что в транскрипции текста письма, а также и в переводе им был опущен показатель орудного падежа iyer.[6] Однако он-то и вносит полную ясность в понимание этого места. В действительности слова ali bar kelen aman „различные известия" являются прямым дополнением к jigür-e aγulγan — сказуемому этого дополнительного предложения. Показатель винительного падежа при этом дополнении опущен, что очень часто наблюдается в монгольских текстах как старого, так и нового монгольского письменного языка. В данном случае показатель винительного падежа опущен по той причине, что за прямым дополнением непосредственно следует:

2) Косвенное дополнение ilčin-iyer-iyen „через своих послов".

3) Оба дополнения относятся к сказуемому jisir-e aγulγan, перевод которого представлял наиболее значительные затруднения.

Из всех объяснений этого выражения особого внимания заслуживает предложенное А. К. Богдановым.[7] Отметив, что дословный перевод jigür-e aγulγan „вкладывая в крыло" ничего не объясняет, он указывает факты,

---

[1] Wł. Kotwicz. En marge des lettres... стр. 27

[2] Там же, стр. 27.

[3] Там же, стр. 23.

[4] Там же, стр. 27.

[5] Там же, стр. 12.

[6] Что впоследствии было им отмечено, см. Wł. Kotwicz. Quelques mots encere sur les lettres il-khans... стр. 8, прим. 1.

[7] А. К. Богданов, ук. соч., стр. 237—240.

которые „проливают некоторый свет на уяснение содержания того понятия, которое выражалось этими словами".[1]

Одним из них является то, что „не так давно у бурят, при отправлении спешного извещения, к сургучной печати конверта прикреплялось перо птицы" для указания на необходимость возможно более спешной доставки письма. Кроме того, „в Монголии — и, насколько известно, до самого последнего времени — на письмах срочного характера рисовалось изображение птицы".[2] Эти явления А. К. Богданов правильно считает „отголоском эпохи великого монгольского государства, когда монголы имели идеально — для своего времени — поставленный аппарат связи и спешных доставлений". В связи с этим указанием А. К. Богданов отмечает еще изображение кречета на металлической пластинке, дававшей право передвигаться с наибольшей быстротой.[3] Все эти факты, заключает А. К. Богданов, говорят о том, что „перо и изображение птицы были символами быстроты передвижения".[4]

Указание на такой способ пересылки известий имеется в „Алтан-Тобчи" — сочинении Лубсан Дандзана (XVII в.), которое содержит почти полностью „Сокровенное сказание", как отметил акад. С. А. Козин,[5] а также в ряде других произведений, восходящих к первой половине XIII в.[6] В нем приведено (л. 120b) наставление Чингис-хана Мункэту-батору (при выделении последнему удела), которое заканчивается словами — Хоуina-γsi kilinča-yin jigür-e ilege!

Это выражение было отмечено в работе „Монгольские летописи XVII в.", где оно переведено „Обратно посылай весть на крыльях".[7] Все же слова kilinča-yin остаются неясными, что было замечено там же.[8]

Такое же обыкновение существует и в настоящее время у долган — населения Хатанского района Таймырского национального округа Красноярского края. Снабженное пером — символом быстроты — письмо следует с наибольшей скоростью. О таком письме говорят: „кётёр курдук кётёр судук" „письмо, которое летит как птица" [„письмо, вроде летящей птицы"].[9]

На основании сказанного можно полагать, что выражение jigür-e aγulγan имело в виду спешность (ср. русское „как на крыльях").

Все же А. К. Богданов не дает перевода всей фразы и ограничивается общим выводом о том, что „Аргун, употребляя в своем письме выражение: jigür-e aγulγan... ögči ilebesu..., имел в виду, очевидно, спешность доставления".[10]

При этом остается не совсем ясным: к чему же относится эта спешность? Выяснению этого вопроса в большой степени может способствовать то обстоятельство, что сказуемое этого дополнительного предложе-

[1] Там же, стр. 239.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] С. А. Козин. Сокровенное сказание..., стр. 19,
[6] Тр. Инст. востоков. т. XVI, М. — Л., 1936, стр. 80.
[7] Там же, стр. 117; ср. монгольский текст там же, стр. 113.
[8] Там же, стр. 117, прим. 1.
[9] Об этом мне любезно сообщил В. М. Наделяев — преподаватель кафедры монгольской филологии Вост. фак. Ленинградского государственного Ордена Ленина университета имени А. А. Жданова. Во время пребывания в указанном районе ему самому пришлось прибегнуть к такому способу для ускорения доставки письма из Корго-Куэльского кочевого совета в с. Хатангу (в апреле 1939 г.).
[10] А. К. Богданов, ук. соч., стр. 239—240.

ния дано в форме слитного деепричастия aγulγan, которое служит для выражения одновременности действия дополнительного предложения ali bar kelen aman... jigür-e aγulγan и предложения Berenggüd-ün γaǰar-un tangsuγ-ud... ögčü ilebesü... Поэтому ali bar kelen aman ilčia-iyer-iyen jigür-e aγulγan следует перевести: „Спешно посылая через своих послов всякого рода известия, вместе с тем ~ одновременно с тем...".

4) В следующем предложении... Berenggüd-ün γaǰar-un tangsuγ-ud... перевод слова singχud „кречеты", данный В. Л. Котвичем, имеет значительные преимущества перед переводом „новинки".[1] Посылка кречетов в виде подарка главе государства являлась одним из обыкновений не только той эпохи, но и значительно более позднего времени, причем сообщения об этом обычно входили в состав дипломатических писем.[2]

5) Выражение ögčü ilebesü в переводе В. Л. Котвича „если... пошлешь"[3] — передано слишком дословно. При решении вопроса о переводе этого выражения следует руководствоваться указаниями акад. С. А. Козина о том, что „сочетания условных деепричастий с глагольной или именной формой, в которых деепричастия эти непосредственно предваряют глагольное или именное понятие о долженствовании, соответствии, целесообразности, полезности и т. п....",[4] являются псевдо-условными. В данном случае долженствование выражено формулою Tngri... medetügei „Да ведают...". Как видно, в форме ögčü ilebesü нет никакой условности и ее следует перевести: „о присылке [тобою]" ~ „о том, чтобы [ты] прислал". „...Да ведают [этим] Сила Неба и Счастье-Величие Императора".

6) Выражение ker-be soyurχaχu требует при переводе особого внимания. Правильное понимание его в значительной степени поможет установить значение формулы Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei, а также уточнить перевод письма в целом.

Текст в транскрипции и его подстрочный перевод дана акад. И. Я. Шмидтом в следующем виде:

...ker-ba ssojorchachoji...

„...Wie auch es verliehen werden wird..."

т. е. „как бы ни было это[5] даровано[6]", что является вполне правильной передачей этого выражения.

Неясным остается, однако, почему обобщающее значение ker-be (как бы ни...), верно переданное в подстрочном переводе, не получило выражения в его литературной версии „Wie es verliehen werden wird",[7] т. е. как это будет даровано...

---

[1] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 498.

[2] Например, в ответном письме Аргуну Эдуард I сообщил о посылке в подарок кречетов: „.... vobis mittimus de nostris Girofalcis..." (В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем..., стр. 344); см. также письма среднеазиатских ханов московским царям в сборнике „Материалы по истории Узбекской. Татжикской и Туркменской ССР", ч. I. Л. 1933, стр. 156, 231, 275 и др., ср. стр. 137—138: „... а кречеты потеха царская и посылает их государь от своей любви к великим государем".

[3] Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 12.

[4] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493.

[5] Т. е. все то, о чем идет речь в письме.

[6] Слова „Wie auch... es verliehen werden wird" переданы А. М. Позднеевым: „Если [?] это сделается [?]" (ук. соч., стр. 119).

[7] I. J. Schmidt, ук. соч., стр. 5.

Относительно ker-be следует заметить, что в различных словарях оно дано в слитном написании со значениями: а) 'если,' 'ежели', 'в случае',[1] б) 'ужели' 'будто', 'разве'.[2]

Кроме того, необходимо отметить следующее указание А. Бобровникова: „От частицы ᠪᠠ ᠪᠠ, чрез наращение частицы ᠯᠠ ᠯᠠ (в древнем языке иногда ᠪᠠᠭᠠ) образуется ᠪᠠᠭᠠᠰᠤ ᠯᠠᠭᠠᠰᠤ". И далее: „Эта частица употребляется при условном деепричастии для показания, что при известном условии то или другое следствие необходимо. Поэтому значение ее можно выразить словами: во всяком случае".[3] (выделено А. Бобровниковым).

В новейших грамматиках ker отнесено к вопросительным местоимениям. Как известно, из мастоимений этой категории: ali 'который' и yambar 'какой' путем прибавления частицы ba образуются неопределенные местоимения: aliba 'который бы то ни был' и yambar-ba 'какой бы то ни был'.

Можно полагать, что по аналогии с этими образованиями вопросительное местоимение ker 'как' в сочетании с частицей be ~ ba представляет собою местоименное наречие ker-be 'как бы ни', 'как бы ни было', 'как бы то ни было', 'каким бы то ни было образом', что не было отмечено существующими грамматиками и словарями. Как видно, значение ker-be было в общем правильно передано акад. И. Я. Шмидтом и нуждается только в некотором уточнении. Подобным образом переводил ker-be и В. Л. Котвич „de quelque manière" 'тем или иным способом'.[4] Перевод акад. С. А. Козина: 'очень [всячески]' уже в более сильной степени отдаляется от основного значения ker-be.[5]

Soyurχaχu акад. И. Я. Шмидт передает словами 'verliehen werden wird' ('будет даровано' ~ 'дано'). Этот глагол действительно имеет значения 'пожаловать', 'оказать милость' 'даровать', 'дать', 'допустить'. Однако значение „вознаградить", которое придает этому слову В. Л. Котвич, является в значительной мере произвольным и потому нельзя согласиться с его переводом — '. . . nous (te) récompenserons. . .'[6] 'Мы (тебя) вознаградим. . .'

Акад. С. А. Козин переводит soyurχaχu как 'обяжете' полагая, что это слово имеет значение 'пожаловать', 'быть благодарным, обязанным'.[7] Последние два значения представляются, однако, не вытекающими из первого и значительно от него удаленными.

В то же время трудно допустить, чтобы за столь незначительное одолжение, каким является присылка подарков, Аргун мог бы считать себя обязанным королю франков, которому он послал письмо в таком высокомерном тоне (см., напр., выражение kemen öcijü ilegsen . . . ты [нам] прислал доклад).[8]

Как видно, перевод акад. И. Я. Шмидта является не только наиболее точным в филологическом отношении, но и совершенно правильно пере-

[1] О. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. III, стр. 2515.— К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь, т. III, стр. 427.— К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, Монгольско-русский словарь, стр. 527.

[2] К. Ф. Голстунский, ук. соч., стр. 427.

[3] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 194.

[4] Wł. Kotwicz. En marge des lettres . . ., стр. 12.

[5] С. А. Козин. Язык первого периода . . , стр. 493—499.

[6] Wł. Kotwicz. En marge des lettres . . ., стр. 12.

[7] С. А. Козин. Язык первого периода . . ., стр. 493—499.

[8] С. А. Козин. Язык первого периода . . ., стр. 480.

дает представление Аргуна, что все, о чем идет речь в деловой части его письма — поход против Египта, а также присылка подарков — 'будет даровано' ~ 'будет дано'. Выше было указано на представления монголов той эпохи о решающей роли и значении „Вечного Неба" в ходе событий, а также в действиях отдельных лиц, в том числе и императоров — „земных представителей" „Вечного Неба".

Так же и в выражении ker-be soyurɣaɣu 'как бы ни было даровано' содержится полное и безусловное признание автором письма зависимости его дел и поступков, а также разного рода событий от „высшей воли". Поэтому выражение ker-be soyurɣaɣu следует понимать: 'как бы ни было' ~ „каким образом бы ни было даровано" ~ „дано" [„свыше"] (все то, о чем сказано в письме).

Поэтому нельзя согласиться с теми переводами, которые подразумеваемым логическим подлежащим при сказуемом soyurɣaɣu считают:

1) автора письма „... мы (тебя) вознаградим..."[1] или же

2) короля франков „.. [Вы] очень обяжете...".[2]

Из установленного понимания ker-be soyurɣaɣu следует также, что это выражение нельзя считать относящимся только к вопросу о присылке подарков, а необходимо отнести ко всей деловой части письма Аргуна.

Вопрос о том, каким образом „будет даровано" все, что составляет содержание этого письма, решается формулой Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei.

7) За рассмотренным здесь выражением следует показатель винительного падежа yi. Его значение и функция были исчерпывающим образом установлены акад. С. А. Козиным.

8) Формулу Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei акад. И. Я. Шмидт и последующие авторы считали относящейся только к последней фразе письма (к вопросу о присылке подарков). Неправильность этих переводов была выяснена акад. С. А. Козиным, который и показал, что эта формула относится ко всему письму, точнее ко всей его деловой части.

Все же акад. И. Я. Шмидт правильно перевел форму medetügei словами mag... wissen (entscheiden) „да ведает (решает)".[3]

В. Л. Котвич переводит medetügei как „да ведают, да знают [que sachent]".[4] Указав, что это обращение к „высшим силам" имеется в письмах как Аргуна, так и Ульзэйту, В. Л. Котвич отметил, что оно должно было придавать обещаниям значение клятвы.[5]

Действительно, как показано выше, такого рода призывания служили для клятвенного подтверждения обещаний. Однако они прежде всего выражали признание зависимости от „высшей воли". Такой именно характер и назначение призывания „высших сил" в письме Аргуна выражены в переводе акад. С. А. Козина „... [На все сие] да будет воля..."[6].

Формула Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei в письме Аргуна и показывает, что „Силе Неба" и „Счастью-Величию Императора" предоставлялось решение вопроса о том, каким именно образом будет „даровано" ~ „дано" все, что составляет содержание этого документа.

---

[1] Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 12.
[2] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493.
[3] I. J. Schmidt, ук. соч., стр. 11.
[4] Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 12.
[5] Там же, стр. 44.
[6] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 498—499.

Из сказанного можно видеть, что medekü имеет значения:
1) 'ведать' — „знать что-либо" 2) 'ведать чем-либо' — „иметь волю над чем-либо или в чем-либо".

Последнее значение medekü дает возможность перевести форму medetügei вполне точно словами „да ведает [этим~тем]". Таким образом перевод формулы Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei будет: „Да ведают [всем, о чем в письме идет речь] Сила Неба и Счастье-Величие Императора" ~ „Да будет воля Силы Неба и Счастья-Величия Императора [на все это]...".

9) Деловая часть письма заканчивается фразой kemen Müskeril χorči-yi ilebei „сказать [обо всем этом] [мы] послали стрельца Мускериля".

В итоге сказанного вторую половину деловой части письма Аргуна следует перевести:

„Еще [о том, чтобы ты], как можно быстрее, посылая через своих послов разного рода известия, вместе с тем прислал редкостей, кречетов и разноцветных камней земли франков. Как бы ни было [все, о чем мы пишем] даровано [„свыше"] да ведают [этим] Сила Неба и Счастье-Величие Императора. Сказать [обо всем этом] мы послали стрельца Мускериля".

Краткий вариант изучаемой формулы Tngri... medetügei в письме Ульдзэйту исследователи этого документа переводили словами: „Да ведает Небо...", причем эти слова ими понимались как призывание „высшего авторитета" в свидетели заявления Ульдзэйту об его готовности охранять мир.[1]

Такое понимание этой формулы имеется и в переводе акад. С. А. Козина: „Ныне призываем Небо в свидетели...". Однако и в этом переводе формула Tngri... medetügei отнесена только к словам о готовности Ульдзэйту „всемерно защищать высшее из них [благ]...",[2] т. е. к последней фразе деловой части.

Все эти переводы правильно отмечали, что обращение к „Небу" представляет собою призывание его в свидетели, что однако является только одною из черт этого обращения. Основное значение его было иным, о чем более подробно сказано выше. Кроме того, и в данном случае необходимо применить указание акад. С. А. Козина о том, что показатель винительного падежа и заключительная формула должны быть отнесены ко всему письму (см. выше, стр. 412), точнее — ко всей его деловой части.

Поэтому последнее предложение письма Ульдзэйту... Edüge bidan-dur ba tandur bar ülü ǰokilduχun-í Tngri-yin Küčün-dür büri-yer deger-e anu ömerin bayiχuyi tngri medetügei... следует перевести:

„Ныне мы Силою Неба готовы всемерно защищать высшее из них (благ), в том случае, если возникнет несогласие, будь то у нас или же у вас.[3] Да ведает Небо [всем, о чем мы пишем]!".

В формуле Tngri-yin Küčün Xaγan-u Suu medetügei Аргун обращался к тем же „авторитетам", предоставляя их ведению ~ воле все, о чем он писал королю франков: как большое — поход против Египта,

---

[1] I. J. Schmidt, ук. соч., стр. 19. — G. Pauthier, ук. соч., стр. 731. — А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 123. — И. А. Клюкин. Письмо Ульдзэйту иль-хана, стр. 22, 24. — Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 35. — Он же, Les Mongols, promoteurs de l'idée du paix universelle..., стр. 4, 5.

[2] С. А. Козин. К вопросу о дешифровании..., стр. 654.

[3] С. А. Козин. К вопросу о дешифровании..., стр. 654.

так и малое — присылку подарков. Те же „авторитеты" призывались Аргуном в свидетели серьезности его решения участвовать в совместных военных действиях и искренности его обещаний выполнить свои обязанности союзника. Таким образом, Аргун давал клятву исполнить взятые на себя обязательства.

Так же и Ульдзэйту при посредстве формулы Tngri... medetügei ставил большие и важные задачи внутренней и внешней политики в зависимость от воли „Неба", роль которого в этих вопросах неоднократно отмечалась в этом же документе. Тот же „высший авторитет" призывался в свидетели готовности защищать мир, что представляло собою клятву осуществить эти намерения.

Обращение к „Силе Неба" и „Счастью-Величию Императора" — пространное в письме Аргуна и краткое в письме Ульдзэйту — облечено в этих документах в определенную формулу. Однако разнообразие значений делает затруднительным общее определение формулы Tngri... medetügei, в котором были бы выражены все ее функции.

Ввиду того, что в формуле Tngri... medetügei призывались те же „высшие силы", как и в инвокации, изучаемая формула в письме Аргуна имела такую же большую значимость, как и пространная инвокация в этом документе. Об этом свидетельствует и ее особо-почетное положение: каждое из двух выражений:

1) Tngri-yin Küčün
2) Xaγan-u Suu medetügei,

в письме Аргуна помещено в отдельной строке, начало которой выдается над общим уровнем соседних строк. В письме Ульдзэйту формула Tngri medetügei тоже начинается выше других строк.

Таким образом придавалось исключительно большое значение документу как предмету, на который обращалось внимание „Силы Неба" и „Счастья-Величия Императора", и создавалась его особая авторитетность во мнении не только его автора, но и адресата.

То обстоятельство, что и письмо Ульдзэйту, не имеющее инвокации, завершается формулой Tngri medetügei, показывает ее необходимость и значение для дипломатического письма.

Из сказанного следует, что формула Tngri... medetügei представляет собою одну из наиболее существенных конструктивных формул писем Аргуна и Ульдзэйту — памятников монгольской дипломатической переписки XIII—XIV вв.

В пространной инвокативной формуле Аргун призывал „Силу Неба" и „Счастье-Величие Императора" для признания своей зависимости от этих „высших авторитетов" и тем самым для „обоснования" своей власти. Таким путем получили выражение его политические и религиозные взгляды.

Они выражены также в пространном варианте формулы Tngri... medetügei, в котором Аргун предоставлял этим же „авторитетам" решающую роль и значение в тех вопросах и с теми целями, о которых было сказано. Таким образом и в этой формуле он признавал свою зависимость от них и этим обосновывал свою власть.

Кроме того, Аргун в этом же письме выразил свою зависимость от Неба в следующих выражениях: а) Tngri-yi ǰalbariǰu... möriležü „помолясь Небу... выступим...", б) Tngri-de mör" ögdežü tede irge abubasu... „Если Небо дарует удачу и мы завладеем теми народами...".

В письме Ульдзэйту инвокативная формула отсутствует, что уже отмечалось исследователями. По мнению В. Л. Котвича, возможно, что Ульдзэйту в качестве мусульманина-неофита предпочитал не применять шаманскую формулу. Однако, Ульдзэйту не являлся мусульманином-неофитом. До него в ислам перешли Ахмед и Газан, которые в своих письмах пользовались „басмалой", а также мусульманскими инвокациями, составленными по монгольским образцам (см. выше стр. 413—414).

В связи с мнением В. Л. Котвича, акад. С. А. Козин заметил, что „неупоминание в формуле его [Ульдзейту] об императоре может иметь, кроме религиозных еще и политические причины, требующие своего выяснения".[1] Последняя задача выходит за пределы настоящей работы. Все же следует сказать, что в вопросах применения инвокативных формул политические причины являлись главными,[2] что подтверждается изучением этих формул.

Пространная инвокативная формула в письме Ахмеда содержит обращение к „Силе Аллаха Всевышнего" и к „Благодати Кана", что представляет собою признание автором письма своей зависимости от этих „высших сил".

В инвокации письма Газана „Кан" не упоминается. Это свидетельствует о том, что автор письма считал себя независимым от „великого хана". Выражением независимости Газана является также то, что на монетах этого иль-хана слова Qā'ān al — a'ẓam, в которых его предшественники выражали свою зависимость от императора, были заменены словами Tngri-yin Küčün-dür.[3] Можно полагать, что по этой же причине Ульдзэйту не применил в своем письме призывания императора и вместе с тем и всей инвокативной формулы.

Остается неясным, почему Ульдзэйту не воспользовался инвокацией наподобие той, которая имеется в письме Газана. Повидимому, Ульдзэйту в начале своего правления (к этому времени и относится изучаемое письмо) в большей степени, чем Газан, придерживался монгольских традиций. Это можно видеть, например, из того, что он сохранил монгольское имя Ульдзэйту, принятое им при вступлении на престол, а в письме 1305 г. неоднократно ссылался на „Небо" и пользовался формулой Tngri... medetügei...

Следует напомнить уже отмеченный В. Л. Котвичем[4] факт — мусульманин Ульдзэйту писал: Edüge Tngri-yin Küčündür bida yeke or-a saγuγsandur... „Ныне мы силою Неба вступив на великий престол...". Можно указать еще на следующие выражения в том же письме: 1) Edüge Tngride sedkil ögdejü... „Ныне же — Небо внушило (такие намерения)..."; 2) Edüge Tngride ibegdejü... „Ныне вспомоществуемые Небом..."; 3) Edüge Tngri-yin Küčün-dür büri-yer deger-e anu ömerin bayiχuyi... Tngri

---

[1] С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493.

[2] Например, по вопросу о взаимоотношении их Аргуна и Хубилая см. сообщения Рашид-ад-дина о том, что после вступления Аргуна на престол [11. VIII. 1284] „... от каана прибыл Урдукия и привез ярлык: «Аргун-хану быть ханом вместо отца»" .... [7. IV. 1286] Аргун-хан во второй раз воссел на ханский престол..." (Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. III. М. — Л., 1946, стр. 113, 116). См. также: „Das Verhältniss der Ilchane zum Gross-Chan" (B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Leipzig, 1939, стр. 265—269).

[3] B. Spuler, ук. соч., стр. 267.

[4] Wł. Kotwicz, Formules initiales..., стр. 144.

medetügei... „Ныне призываем Небо в свидетели того, что силою Неба готовы защищать высшие из них (благ)".[1]

Отсутствие инвокации и применение краткого варианта этой формулы, в которой император не упоминается, показывает отношение Ульдзэйту к „высшим авторитетем" — его стремление считать себя независимым от „великого хана"[2] и в то же время признание своей зависимости от „Неба". Как известно, формулы в начале письма Аргуна привлекали внимание исследователей этого памятника, начиная с Абель-Ремюза, который заметил, что первая из них встречается почти во всех известных монгольских письмах, а в письмах Бачу [Байджу] нойона, Ильчикатая [Эльджигэдэя] и Мангу [Мункэ]-хана являлась „свидетельством их достоверности"[?], а вторая — выражала зависимость Аргуна от „великого хана". Отметив, что в письме Ульдзэйту начальные формулы отсутствуют, Абель-Ремюза ограничился замечанием, что особенно странным является отсутствие второй формулы в письме, на котором имеется печать, дарованная великим ханом.[3]

В. Л. Котвич указал, что в инвокативных формулах государи удельных владений для утверждения своей власти ссылались на „Небо", а также на императора, который передавал им в известных пределах часть своего могущества.[4]

При изучении вассалитета у монголов акад. Б. Я. Владимирцов отметил, что „все царевичи, владельцы уделов, являлись вассалами монгольского императора и правили xaγan-u sü-dür, т. е. «счастьем-величием императора»"[5] и далее... „когда царевичи хотели отметить, что они признают сюзеренитет великого хана, то в грамотах своих писали xaγan-u sü-dur «в счастье-величие хагана»".[6]

Эта формула применялась и в эдиктах — памятниках квадратной письменности.[7]

Еще одна пространная инвокация — „Силою Вечного Неба, Покровительством Великого Могущества" — представляет интерес в том отношении, что ею пользовались как императоры, так и ханы Золотой Орды. Причины этого, по мнению В. Л. Котвича, возможно, заключаются в том, что Золотая Орда обладала большею степенью самостоятельности, чем всякий иной монгольский удел.[8] Это предположение требует, однако, дальнейшего изучения и обоснования.

Таким образом в пространных инвокативных формулах путем призывания императора устанавливалась зависимость правителей отдельных областей монгольской империи от ее главы. Эта зависимость выражалась также в пространном варианте формулы Tngri... medetügei в письме Аргуна, которая имела еще и другие функции.

Отсутствие пространной инвокации или же неупоминание в ней императора свидетельствует о том, что автор документа считал себя более или менее независимым от него. Этому соответствует употребление краткого варианта формулы Tngri... medetügei в письме Ульдзэйту.

---

[1] С. А. Козин. К вопросу о дешифровании..., стр. 647 (текст) и стр. 653—654 (перевод).

[2] Со своей стороны Хубилай прислал ему утверждение через своих послов в конце 1305 г. (B. Spuler, ук. соч., стр. 107).

[3] Abel-Rémusat, ук. соч., стр. 393.

[4] Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 4.

[5] Акад. Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 100.

[6] Там же, стр. 125, прим. 2.

[7] Тр. Инст. востоков., т. XXI, М. — Л., 1941, стр. 59—61, 71—73.

[8] Wł. Kotwicz. Formules initiales..., стр. 142.

Как видно, все эти формулы служили для выражения того или иного отношения вассалов-правителей уделов империи к сюзерену-императору. Поэтому изучение этих формул имеет большое значение для исследования писем иль-ханов Ирана, а также других монгольских официальных документов XIII—XIV вв. Как заметил акад. Б. Я. Владимирцов,[1] они содержат материалы для изучения монгольского феодализма той эпохи.

Отношение вассалов-владельцев уделов к сюзерену-императору является одной из основных проблем исследования монгольского феодализма, которая в целом относится к компетенции соответствующих специалистов. Однако и филологический анализ указанных формул в монгольских официальных документах XIII—XIV вв. несомненно может в значительной степени способствовать ее изучению. Поэтому необходимы дальнейшие исследования как этих, так и других конструктивных формул (напр. формулы Üge Manu „Слово Наше") и особенностей (напр. расположения наименований автора и адресата), а также структуры в целом монгольских официальных документов XIII—XIV вв.

Такие исследования будут иметь большое значение также для изучения монгольской феодальной дипломатики, которая до настоящего времени еще в недостаточной степени привлекала внимание монголоведов, но представляет большой интерес как для историков Монголии, так и для филологов.

---

[1] Акад. Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 11.

К. Б. СТАРКОВА

ПИСЬМО ИЕХУДЫ ХАЛЕВИ К ḤАБИБУ АЛ-МАХДЕВӢ

Введение

Среди чисто художественных произведений знаменитого еврейского поэта Иехуды Халеви (ок. 1080—1140 гг.) количественно слабее всего представлен жанр дружеских посланий в рифмованной прозе. Если стихотворения-письма, определяемые в еврейских диванах термином „касыда", занимают значительное место в собрании стихотворений Иехуды Халеви, то дошедшие до нас письма в прозе едва достигают десятка. Между тем, они заслуживают внимания своей формой и содержанием. Несмотря на то, что создавая подобное послание, поэт имел ввиду в первую очередь дружеское общение и часто лишь отвечал на обращение к себе, тем не менее, оно так оформляется, что производит на читателя впечатление законченного художественного произведения. Основными литературными приемами такого письма служат: 1) рифмованная проза (сᶜадж); 2) так называемый „мусивный стиль", т. е. пронизывание текста сплошь цитатами из Библии, которые в конце концов во многих случаях органически срастаются с текстом самого произведения, становясь средством выражения мысли поэта; 3) наконец, изобилие фигур и тропов, частью опять-таки заимствованных из Библии, частью введенных под влиянием родственного творчества арабов. Оформленные таким образом послания являют нам образцы эпистолярной литературы той эпохи, отображающие ее вкусы и интересы. Как было уже упомянуто, в „диване" Иехуды Халеви писем в рифмованной прозе весьма небольшое количество. Все известные до сих пор опубликованы в изданиях „дивана" Гаркави и Броди.[1] Однако II Коллекция Фирковича рукописного отделения Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина дала нам новые материалы этого рода. Именно, две рукописи, являющиеся фрагментами „дивана" Иехуды Халеви, между другими его произведениями содержат неизвестное до сих пор письмо к некоему р. Хабибу ал-Махдевӣ. В одной из этих рукописей (№ 44-[1] по инвентарному списку) содержится лишь начальная часть письма. В другой (№ 110-[1]) оно приведено почти целиком, нехватает, повидимому, лишь нескольких заключительных строк. Подробное описание этих рукописей

[1] H. Brody. Diwan des Abu-l-Hasan Jehuda ha-Levi, Berlin, 1896—97, т. I, стр. 207—225; т. II, стр. 328—330. — А. А. Гаркави. Рабби Иехуда Халеви, т. е. Сборник стихотворений Рабби Иехуды Халеви. Изд. „Ахиасаф", Варшава, 1393, т. I, стр. 146—164; т. II, стр. 74—77.

дано в другой моей работе,[1] поэтому ограничиваюсь здесь указанием их дефектов. Прежде всего, приходится отметить, что обе они, хоть и вполне пригодны для использования текста, но все же значительно пострадали от времени, в них встречаются прорывы бумаги, стертые и не поддающиеся разбору места. Их не так много, но в отдельных случаях они вредят связности текста, хотя общий смысл его остается вполне понятным. Затем, немаловажным дефектом является небрежность переписчиков, работавших механически и допустивших ряд ошибок, без труда поддающихся исправлению. К таковым относятся замена: *waw* = *jod*, *reš* = *daleth*, и наоборот. В нескольких случаях писец исказил слова, явно не уловив в них смысла. Все подобные случаи могут быть исправлены в контексте с помощью рифмы и мусивности. Необходимо отметить, что та часть письма, которая содержится в обеих рукописях, приводит незначительные по смыслу варианты. Таких разночтений на протяжении, примерно, страницы in quarto я насчитала одиннадцать. Вероятно, во всем письме их набралось бы минимум несколько десятков.

Композиция письма совсем не сложна. 1) Введением к нему служит цитата из книги Иова, назначение которой — сразу обратить внимание на молодость корреспондента Иехуды Халеви, силу его красноречия и многосторонность способностей. 2) На описание последних поэт, как опытный панегирист, не жалеет красок. Многочисленность добрых качеств р. Ḫабӣба вызывает у него горькие жалобы на невозможность личного свидания и на необходимость ограничиться письменным общением. 3) Это обращает его мысли к письму р. Ḫābӣба, описание которого он и дает в характерных для подобных описаний словах и выражениях. 4) Однако полученное письмо при всех его достоинствах огорчает поэта: он лишен возможности выполнить то, чего хочет от него проситель. Изложением причины этого занята несомненно наиболее интересная часть письма. 5) Отчет о выполненном по заказу р. Ḫабӣба поручении заполняет последнюю часть послания. 6) За нею следует концовка, содержащая, как обычно, ряд благих пожеланий, от которых сохранилось только начало. Все части письма логически между собою связаны и переход от одной к другой незаметен. Все они обусловлены внутренним единством развития мысли поэта. В целом создается впечатление хорошо обдуманного художественного произведения.

Уже из обзора композиции видно, что письмо является ответом Иехуды Халеви на обращенное к нему из Сев. Африки письмо-запрос юноши по имени Ḫабиб, который происходил из города Махдийа[2] и, повидимому, жил там. Мы не имеем никаких сведений о его биографии, но можно думать, что принадлежал он не к бедной семье. Об этом я заключаю из того обстоятельства, что Иехуда Халеви отказывается от предложения юноши побывать в Махдийи. Если ученик, столь юный, что поэт говорит о „детях, его сверстниках“ ילדים אשר בנילך, мог предложить гостеприимство знаменитому поэту, гордости своего поколения, очевидно он принадлежал к уважаемой и обеспеченной семье. Мы располагаем сведениями о том, как встречали и чествовали Иехуду Халеви те европейские общины, которые он посетил позднее на пути в Палестину. Для того, чтобы принять с почетом знаменитого современника и оказать ему внимание, нужно было обладать известными средствами и обстановкой.

---

[1] „Ленинградские фрагменты «дивана» Иехуды Халеви“, гл. 2.
[2] См. прим. I к переводу.

Запрос р. Ḫабӣба, как это вполне очевидно из контекста ответа, касался круга идей, связанных с талмудической литературой. Некоторые из выдвигаемых вопросов должны были через посредство Иехуды Халеви достигнуть прославленного авторитета в этой области, Иосифа ибн Мигаша, о дружбе которого с Иехудой Халеви корреспондент последнего, видимо, хорошо знал. Кроме того, юноша интересовался литературой, а возможно, сам писал стихи. На это как будто намекают слова Иехуды Халеви ואולם ראותי... וחרוזי מהלליך „однако видя... бусы твоих славословий". חרוזים обозначает в средневековом языке и ожерелья и стихи. В этом месте письма метафорически термины речи обозначаются предметами украшения. Скорее всего, выражение חרוזים намекает именно на стихи Ḫабӣба ал-Махдевӣ, прославлявшие знаменитого корреспондента. Свой интерес к литературе, в частности к поэзии, р. Ḫабӣб проявляет также просьбой к поэту познакомить его со своими последними произведениями. Термин письма מדקדק указывает на специальные занятия грамматикой. Согласно правилам вежливости той эпохи, юноша не поскупился на похвалы Иехуде Халеви, его таланту и учености. Далее он, видимо, стремился выказать собственную эрудицию, может быть даже блеснуть ею перед знаменитым современником. Заголовок к письму указывает, что р. Ḫабӣб ал-Махдевӣ был учащимся Махдийской школы מן תלאמיד מהדיה. Такие фразы Иехуды Халеви, как: מתי קרא ושנה ומתי יסד ובנה הציב תלפיות לתורה וקרה עליות ויפה קרית שנית ויפה לגמדה... и вполне определенно обрисовывают круг занятий молодого студента: это Библия и Талмуд. На специальный интерес к казуистике указывают следующие слова ответного письма: מפרק הרי תושיות ומהדק ומשבר כלעי קושיות... הקשית לשאול והעמקת עד שאול. Видно, что р. Ḫабӣб не только искал разрешения сомнений у авторитетов Сефарада, но и сам предлагал какие-то толкования. Иехуда Халеви выражает это словами והלוה עליהם חידות ומליצות ומזמות ומועצות... Письмо было двуязычным, это отмечено в ответе מצפצפת פעם יהודית ופעם אדמית [אנרתך]. Таково в общих чертах послание из Махдиййи, на которое Иехуда Халеви дает обстоятельный ответ.

Каких-либо значительных событий в жизни Иехуды Халеви письмо не описывает. Тем не менее, для биографа его оно имеет немаловажное значение. Оно рисует повседневную жизнь поэта, его настроение, отношение к своей работе, уточняя таким образом известное место послания к Давиду Нарбони.[1] Далее оно дает сведения о научных занятиях поэта и богослова, о круге его интересов в пожилые годы.

Прежде всего следует отметить, что несмотря на всю вежливость Иехуды Халеви, несмотря на все комплименты уму и талантам молодого человека, в которых сквозь традиционную форму мадҳа сквозит несомненное доброжелательство, поэт в мягких и деликатных выражениях отклоняет почти все просьбы, обращенные к нему. Он отказывается посетить своего корреспондента, отговариваясь своим пожилым возрастом, множеством занятий и трудностями пути. Затем отказывается от ответов на поставленные р. Ḫабӣбом вопросы. Причина отказа в том, что это не по специальности Иехуды: вопросы слишком трудны, а он не занимался традиционной литературой с юных лет и хоть хорошо помнит святыню, размышляя о ней, но вернуться в ее сферы уже не может, так как слиш-

[1] А. А. Гаркави, ук. соч., т. I, стр. 150—151.

ком занят другим. Ввиду важности этого места, привожу выдержки из него: לולי הונעתנו שככה השבעתני הקשית לשאול... אנכי נלאה לתת את שאלתך ולעשות את בקשתך וזה הבקשה עלי קשה ואם נקלה היא בעיניך היא נפלאת בעיני מי יתן ואחלי ואשרי וישיבני רחמן לקדמות וינהיגני עלמות ואשוב ללמוד ואעלה בקדש ולא אוקיר כי מדי דברי בו זכור אזכרנו אבל מה לעשות אחרי אשר אפסו הצחורות על השחורות.. И далее ряд жалоб на ушедшую юность, на тяжесть лет и событий, в результате которых לא מצאו רעיוני חזון מיוי. Круг занятий, отвлекающих поэта от родной литературы, очерчен им вполне определенно: это медицина и арабская и греческая философия, последняя, разумеется, в арабской передаче: אקרא שם המקום עמק כי התעמקתי עמו שמני נוטר הכרמים זירזנו לדברי רפואות הרפני מדברי נבואות יון וחכמתו בטיט היון הטביעני וקדר ולשונו בקדרות צבעוני ואדום מלפנים דמני והדמני. В последней части отрывка Иехуда Халеви жалуется на притеснения, перенесенные от христиан когда-то раньше מלפנים, по всей вероятности, в молодости.

Все биографы Иехуды Халеви единодушно отмечают высокий уровень философского образования, полученного им, как предполагают, в академии Люсены.[1] О незаурядных познаниях его в этой области свидетельствует книга „Козари", содержание которой трактует проблемы юдаистической теологии, выказывая в то же время основательное знакомство со светскими науками, прежде всего с философией арабов. Тем не менее, те же биографы согласны между собою в том, что Иехуда Халеви считает эти знания чем-то посторонним, гораздо менее значительным в сравнении с традиционной литературой. Казалось бы, поэт высказал эту мысль в следующих выражениях:

ואל תשיאך חכמה יונית אשר אין לה פרי כי אם פרחים
ופריה כי אדמה לא רקועה וכי לא אהלי שחק מתוחים
ואין ראשית לכל מעשה בראשית ואין אחרית לחדוש הירחים
שמע דברי נבוניה נבוכים בנוים על יסוד תוהו וטוחים
ותשוב לך בלב ריקם ונעור ופה מלא ברב שינים ושיחים

„Пусть не вводит тебя в заблуждение греческая мудрость,
у которой нет плода, а только [одни] цветы.
А плод ее таков: земля не распростерта, и небо не разостлано,
И нет начала у всех дел Мироздания, и нет конца возникновению месяцев.
Слушай сбившиеся с пути, смешанные с известью слова
ее разумников, построенные на фундаменте пустоты.
И ты воротишься с сердцем пустым и потрясенным и устами,
полными шлака и колючек".[2]

В другом стихотворении дается такой совет:

תורה וחקיה מנדיך מקרא וסודיה ערניך
משנה ורזיה כאחיך תלמוד וקושיותיו כבניך
שמי ונם הלל חבריך יוסי ורב אסי שכניך

[1] Там же, т. I, חיי רבי יהודה הלוי ושיריו, раздел א.

[2] Луццато. Divan, Lyck. 1864, № 86, במר עובר, стихи 20—24.

„Тора и законы ее пусть будут твоим лакомством, Библия
и тайны ее твоим наслаждением.
Мишна и загадки ее тебе братьями, Талмуд и трудности его —
сыновьями.
Шаммай, а также Хиллель — твои товарищи. Йосе и раб Асе —
твои соседи".[1]

Не сопоставляя этих двух отрывков, безошибочно можно установить то предпочтение, которое Иехуда Халеви оказывает родной литературе в наиболее популярной ее отрасли. Однако сделать из этого вывод, что поэт следует собственному совету и замыкается в круг именно этих занятий и интересов, было бы преждевременно. Наше письмо показывает, что несмотря на презрительный отзыв о светской науке — мудрость Греции сравнивается с илистой тиной, арабский язык пачкает „мутью, темным", — жизненным делом поэта оказывается именно она; изучением ее он занят постоянно. В талмудической литературе Иехуда Халеви объявляет себя недостаточно компетентным, признавая превосходство здесь своего корреспондента. Конечно, подобную оговорку нельзя принять безусловно: традиционная вежливость заставляет скромно отзываться о себе и своих познаниях и всячески превозносить собеседника. Все же решительный отказ от интересующих р. Ҳабӣба разъяснений, не может быть объяснен только скромностью поэта. Ему не стоило бы труда дать исчерпывающий ответ, если бы вопросы не лежали вне поля его зрения и не расходились бы с кругом его занятий в этот период жизни. Единственное, чем он может выразить сочувствие интересам юноши, — передать его вопросы и толкования на суд своего друга, знаменитого раввина Иосифа ибн Мигаша. В этом он дает отчет в конце письма.

Кроме того, письмо полностью подтверждает известные до сих пор сведения о врачебной профессии Иехуды Халеви: жители города, где он обитает, „побуждают его к делам врачевания", отвлекая от пророческих слов דברי נבואות (букв. „слова пророчества", так же как следующее несколько ниже חזון „видение", „откровение во сне" в средневековой поэзии иносказательно означают стихи, в особенности культового содержания). Пьеса, отсылаемая к р. Ҳабӣбу, т. е. упомянутая в заголовке письма касыда מי יעבר לנו,[2] является исключением, специально написанным в честь р. Хабӣба. Готовых же произведений у поэта нет, в этом он клянется своей жизнью, нет ни единого полустишия ואפילו דלת אחת. Интересно сообщение Иехуды Халеви о том, что он многое начал, но бросил или не успел закончить, так как все это несвоевременно. Наконец, последняя часть письма информирует р. Ҳабӣба о том, что вопросы его к Иосифу ибн Мигашу переданы последнему и ответы на них готовы. В немногих словах Иехуда Халеви рисует живую картинку занятий в средневековой талмудической академии, что само по себе интересно для историка культуры. Учитель, глава школы, держит в руках вопросы, полученные издалека, разъясняет их ученикам, обращая внимание на правильность их постановки, при этом он выражает свое удовольствие по поводу остроумия и основательности присланных шӗӗлӧт.

Тут же он диктует свои ответы, которые записываются в книгу. В таких своего рода семинарах был создан, вероятно, не один респонс

[1] А. Я. Гаркави, ук. сб., т. II, אם כמשך יקרה, стр. 64, стихи 8—10.
[2] H. Brody, ук. соч., т. II, стр. 251—255.

гаонов испанской школы, чей авторитет признавался далеко за пределами Пиренейского полуострова.

Похвалы, которые ибн Мигаш расточает проницательности молодого ученого Махдиййи, являются предлогом для Иехуды Халеви прибавить еще несколько благих пожеланий к выраженным ранее. На этом текст обрывается, как можно думать, в самом конце письма.

Только ознакомившись с содержанием письма, можно поставить вопрос о том, когда и где оно было написано. Казалось бы, внешние данные не дают и не могут дать на это определенного ответа. Однако мы находим в самом послании несколько опорных пунктов, которые по крайней мере направляют наше исследование по определенному пути и способствуют решению вопроса, хотя бы пока приблизительно и гипотетически. Прежде всего, намечает хронологические рамки ante quem и post quem. Они широки: именно 1103—1141 гг., т. е. дата перехода люсенского раввината под управление Иосифа ибн Мигаша и дата его смерти, ибо он оставался на занятом почетном посту до дня своей кончины.

Если хронологическая рамка письма равна 38 годам, то к какой части этого периода можно его отнести с большей вероятностью? Мне думается, оно было написано скорее в середине этого сорокалетнего промежутка, ближе к концу его, приблизительно между 20-м и 30-м годом XII в. Я исхожу при этом из упоминания Иехудой Халеви своего возраста, уже являющегося препятствием в его начинаниях. Он — пожилой человек, „белое окружило черное", т. е. волосы его поседели. Родился Иехуда Халеви около 1080 г., предположительно, между 1080—85 гг. Все биографы его сходятся на том, что путешествие его было предпринято около 1140 г., когда возраст его приближался к 60-му году. Путешествие в Палестину в тогдашних условиях, в разгар крестоносных войн, не могло совершиться без заранее составленного и хорошо обдуманного плана. Иехуде Халеви надлежало устроить материальные дела, оставить привычную обстановку, семью, друзей и почитателей и, вероятно, навсегда, так как некоторые из его „сионид" выражают желание поэта умереть и быть схороненным в „святой" земле его предков.[1] При подобных обстоятельствах, мне кажется, мысль о путешествии могла зародиться на много лет раньше ее исполнения. Но, во всяком случае, заботы практической жизни, научная деятельность и поэзия удаляли мысль о паломничестве, и в жизни поэта, несомненно, были такие периоды, когда он откладывал свой замысел в сторону и не думал об его осуществлении. Именно таков и тот период, когда было написано письмо Ха̀бӣбу ал-Махдевӣ. Об этом свидетельствует решительный отказ от путешествия, который Иехуда Халеви высказывает. Он не ссылается на намеченный маршрут, оставляющий Махдиййю в стороне, на недостаток времени или на иную, схожую с этими, причину. Он просто говорит о невозможности путешествия вообще, вследствие трудностей дороги и своего пожилого возраста.

Следовательно, решение совершить путешествие, не считаясь ни с чем, пришло к Иехуде Халеви уже позднее, через несколько лет после переписки с махдийским студентом.

С другой стороны, характерным обстоятельством жизни Иехуды Халеви в это время было прекращение на известный срок поэтической деятельности. Существование такого периода в жизни знаменитого поэта, помимо письма, о котором идет речь, ясно подтверждает свидетельство одного из его

[1] А. А. Гаркави, ук. сб., том I, стр. 33, לך נפשי בטוחה או חרדה, стих 16.

друзей. Последний обращает к Иехуде Халеви двустишие, которое упрекает певца в том, что он оставил песни и призывает его прервать свое молчание.[1] Имеется и ответ Иехуды, мотивирующий отказ от стихотворчества. Помимо того, существует свидетельство ученика Иехуды Халеви, филолога Соломона Пархона, который в своем словаре, написанном около 1160 г., говорит: עשח תשוביה בסוף ימיו שלא יפייט לעולם. Глагол יפייט (√פייט), как удалось мне показать с достаточным, надеюсь, основанием в другой работе, означает здесь не исключительно пайтанскую поэзию,[2] которая обычно определяется этим термином, но поэзию вообще. Отнести это свидетельство к самым последним годам жизни Иехуды Халеви, которые были проведены в странствии, — невозможно. Этому противоречит тот ряд стихотворений, который был написан поэтом во время подготовки к путешествию и в период самого путешествия. Содержание, адресаты и примечания к заголовкам их исключают всякие сомнения на этот счет. Допустить же, на основании свидетельства Пархона, что Иехуда Халеви вернулся в Испанию и прожил еще несколько лет, оставив занятия поэзией, — очень трудно. Для этого нет никаких данных. Я полагаю, что Соломон Пархон имел в виду тот же период, к которому относятся и стихи неизвестного и письмо к Ḫабӣбу ал-Махдевӣ. Этот период действительно относился к концу жизни Иехуды Халеви, хоть не к самым ее последним годам. Но через двадцать лет Пархон уже не стремился точно определить момент подобного настроения своего учителя и характеризовать его определенней. Решение Иехуды Халеви не писать стихов не было совершенно непоколебимым; он ведь отозвался стихами на стихи, обращенные к нему, и приложил касыду к ответу р. Хабӣбу. Но основное его настроение и занятия в эти несколько лет отвлекали его от стихотворства. Приходится допустить, что стихи, упрекающие его за молчание, и письмо к р. Ḫабӣбу относятся к одному отрезку времени, все равно, определим ли мы его несколькими годами, или несколькими месяцами (первое, мне кажется, предпочтительнее), в противном случае следует принять, что поэт исключительного таланта и популярности среди современников бросал занятия поэзией несколько раз. Если же предположим, что упомянутые стихи и письмо в Махдиййю разделены небольшим промежутком времени и характерны для одного и того же жизненного этапа Иехуды Халеви, возникает вопрос: чем он был занят в это время. Занятия медициной были его ежедневным необходимым трудом, очевидно, средством к существованию. Но помимо этого, как мы уже видели, он занимался философией, привычным языком этих занятий был арабский язык לשון קדר. Какое из произведений Иехуды Халеви написано на арабском языке и выказывает явное влияние арабской философии? Ответ может быть один: знаменитая „Хозарская книга“. Это произведение, которое в европейском издании занимает не менее 180 страниц мелкого шрифта и охватывает основные вопросы еврейской теологии, должно было потребовать на подготовку и написание не один год жизни Иехуды Халеви. Как известно, эта выдающаяся апология юдаизму заканчивается утверждением превосходства Палестины над остальными странами и признанием необходимости паломничества в ее пределы. В этом заключении видят выражение задушевной мысли самого Иехуды Халеви, выражение той идеи, осуществление которой стало делом последних лет его жизни. В конце работы над „Хозарской

[1] Там же, том I, стр. 130 и примечание к этому стихотворению.
[2] „Ленинградские фрагменты «дивана» Иехуды Халеви“, гл. I.

книгой" теоретическая предпосылка путешествия должна была стать ясной автору во всех деталях. Трудно думать, чтобы он признавал необходимость поездки лишь в теории, раз нам известно, что он вскоре же осуществил ее практически. И потому, если в конце работы над „Козари" Иехуда Халеви был убежден в необходимости путешествия в Палестину, и в то же время часть этой работы совпадает с написанием письма, отвергающего всякую мысль о путешествии, то, скорее всего, оно было написано во время создания самого начала „Козари" или подготовки материала для нее.

Упоминание в письме о том, что автор его „своими глазами видел" разбор Ибн Мигашем запросов р. Хабиба, и сам факт обращения к Иехуде Халеви с просьбой ходатайствовать перед знаменитым раввином показывают, что махдийскому корреспонденту отлично были известны дружеские связи этих выдающихся людей и возможность для них личного свидания. Идриси в своем описании Испании указывает, что от Люсены до Кордовы 40 миль. (Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi, par R. Dozy et M. I. De Goje. Leyde, 1866, стр. 205/266). Как известно, Идриси считает не обычными арабскими милями $=1/3$ фарсаха $=1920$ метров, а западными, романскими, т. е. одна миля Идриси приблизительно $=0.5$ км. Тогда все расстояние составит около 20 км. Если Иехуда Халеви в пожилом уже возрасте и при большой занятости достаточно часто преодолевал это расстояние, очевидно его сильно влекли в этот городок дружеские связи с его обитателями и, может быть, воспоминания о годах своей молодости.

В настоящем издании тексту придана огласовка. При передаче текста устранены, как обычно принято, лишние ך и ', обозначающие в средневековых рукописях удвоение следующей за ними согласной или передающие гласные *о* и *е*. Библейская тетраграмма יהוה в рукописи заменена лигатурой יוי, которая сохранена в издании. Сочетание согласных אל в рукописях, как правило, передается лигатурой א, что также сохранено. В квадратные скобки заключены слова и буквы, отсутствующие или сильно поврежденные в рукописи, но без труда восстанавливаемые по контексту. В тексте перевода квадратными скобками отмечены слова, отсутствующие в оригинале, но необходимые для связи и гладкости текста. Слова, пропущенные вследствие дефекта рукописи, обозначаются многоточием.

ТЕКСТ ПИСЬМА

שנט ולה מנאובה אי בעץ תלאמיד אלמהדיה אסמה רחביב[1] מע אלקציד אלדי אולה
מי יעבר לנו לעבר ים

אָמַרְתִּי יָמִים יְדַבְּרוּ וְרֹב שָׁנִים חָכְמוּת יְחַבְּרוּ[2] אָכֵן רוּחַ הִיא בָּאֱנוֹשׁ

תְּבִינֵם וְנִשְׁמַת שַׁדַּי תְּבִינֵם[3] וְהִנֵּה עֲדֵי בְיָדִי וְשָׁהֲדִי עִמָּדִי[4] הִנֵּה בֵּן נוֹלַד

בְּאַפְרִיקִי מָפָרֵק דֶּרֶי תוּשִׁיוֹת וּמְהַדֵּק וּמְשַׁבֵּר סַלְעֵי קוּשְׁיוֹת וּמְדַקְדֵּק וְקוֹלֵעַ

אֶל־הַשַּׁעֲרָה וְלֹא יְחֻטִיא[5] נַעַר וָרַךְ לַנִּבּוּרָה וּמְשׁוֹחַ מִלְחֲמוֹת הַתּוֹרָה מָח אֲעָשָׂה

---

[1] На полях рукописи 110—3 после слов חביב ר' приписано другим почерком коричневыми чернилами עזרה בן יש. Диалектизм: קציד

[2] Кн. Иова. гл. 32, 7—8.

[3] Иов, 16, 19.

[4] I кн. Царей, 19, 11.

[5] Кн. Судей, 20. 16

וּבַמֶּה־ אֶתְרַצֶּה וּמָה אֲדַבֵּר וְעַד כַּמָּה אֲחַבֵּר[6] הֲיֵשׁ לְהַאֲרִיךְ אוֹ לְקַצֵּר[7] אִם לְהַרְחִיב אִם לְהָצַר[7] אִם לְפִי רֹב תְּבוּנוֹתָיו וְאִם לְפִי מְעוֹט[8] שְׁנוֹתָיו מָתַי קָרֹא וְשִׁנֵּא[9] וּמָתַי יָסַד וּבָנָה[10] דְּצִיב תַּלְפִּיוֹת[11] לַתּוֹרָה וְקָרָה[12] עֲלִיוֹת לַגְּמָרָה וְלַסְּבָרָה וְהַלְוָה עֲלֵיהֶם חִידוֹת וּמְלִיצוֹת וּמְזִמּוֹת וּמוֹעֲצוֹת הֲגֵה כֹּה עָשָׂה וְלֹא נָגַע עַד כֹּה אַךְ[13] כִּי יָבֹא[14] בַּיָּמִים הֲלֹא יְסַכֵּל הֶכְמִים וְיַעֲמֵד לְגֶם עַמִּים לוּא קָרַעְתִּי[15] שָׁמַיִם וְרָקַעְתִּי נִכְבֵּדִי מַיִם[16] וְשָׁבַחְתִּי הֲמוֹן[17] גִּלִּים וְנִצַּחְתִּי מְרוּצַת גַּלְגַּלִּים וְעָזַבְתִּי נַפְּיֵי אֲרָחוֹת וְרָכַבְתִּי כַּנְפֵי רוּחוֹת וְדָרַכְתִּי צִיּוֹת וְדוֹלַכְתִּי[18] אֲנִיּוֹת וְיָנַעְתִּי וְלֹא הֵרַגְתִּי כִּי נָנַעְתִּי וּפָנַעְתִּי בְּמָאוֹר הָעֵינַיִם וּמֶתֶק הַשְּׂפָתַיִם וְנוֹעַם הָאָזְנַיִם נָקַלּוֹתִי עוֹד מִזֹּאת וְהָיִיתִי עָצֵל בְּעֵינַי[19] וְאוּלָם הַיָּמִים כְּלָאוּנִי וְתוֹלְדוֹתֵיהֶם דָּלְאוּנִי[20] וּבְעַל כָּרְחִי הֲמִירוּנִי שָׁלוֹם שֶׁבְּעַל פֶּה בְּשָׁלוֹם שֶׁבְּכָתָב וְאֶעֱמוֹד עַל אֵם הָאֲרָחוֹת וְעַל שִׁפְעַת הָאוֹרְחוֹת אֶתְהַנֵּן אֲלֵיהֶם וְאֶצְוֶה עֲלֵיהֶם לָשֵׂאת שְׁלוּמוֹת בְּעִמְקֵי תְּהוֹמוֹת וְכִרְקִיעֵי מְרוֹמוֹת וּכְמֶרְחֲבֵי אֲדָמוֹת[21] וְלַהֲבִיאָם רַפְסוֹדוֹת אֶל אִישׁ חֲמוּדוֹת[22] מִסַּעַד דַּתּוֹרָה וְעַמּוּד הַמּוֹרָא מְהֵיר צֶדֶק[23] מַטַּע יי לְהִתְפָּאֵר[24] מוֹדַע מַדָּע[25] וְרֵעַ רַעְיוֹן בְּהִתְנַפֵּר מַעְיַן רַעְיוֹנָיו לֹא יְכַזְּבוּ מֵימָיו[26] וְלֹא

---

6 В рукописи 44—1 אחפה или אחבה.

7 В рукописи 110—3 эти слова пропущены.

8 В рукописи 110—3 — מעט.

9 В рукописи 44—1 — קרה ושנה.

10 יסד (букв. значение: „закладывать основание", „фундамент", „основывать"), בנה („строить"). В поздней литературе — это специальные термины, обозначающие логические построения.

11 תלפיות встречается в Библии единственный раз. Песня Песней, гл. 4, 4 (см. Gesenius—Buhl. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament).

12 Рукопись 44—1 — וקרא.

13 Рукопись 110—3 — אף.

14 Отсюда до слов לגם текст рукописи 44—1 вырван.

15 Отсюда до слова מים текст рукописи 44—1 вырван.

16 Притчи, гл. 8, 12.

17 На полях рукописи 44—1 поправка המון, в тексте שאון. Трудно сказать, какой из вариантов воспроизводит подлинную мысль поэта, так как оба подтверждаются приемом мусивности. См. кн. Иеремии, 51, 42; псалом 65, 8; кн. Исайи 17, 12; кн. Иеремии 51, 55.

18 В рукописи 110—3 והלכתי.

19 II кн. Самуила, 6, 22.

20 В рукописи 110—3 — הניאוני.

21 В обеих рукописях предлоги при существительных в status'e constructus'e расставлены сбивчиво: употребляются то ב, то כ. Однако כ как сравнительная частица вряд ли здесь подойдет по смыслу и, ввиду параллелизма конструкции, следует, видимо, выдержать во всех трех случаях предлог ב.

22 איש חמודות — выражение, редкое в Библии (кн. Даниила, гл. 10, 11, 19 и гл. 9, 23 с пропуском איש), но весьма употребительное в средневековых поэтических текстах; значение его „желанный", „драгоценный", „любимец" (бога).

23 В рукописи 44—1 — צדה, что не дает никакого смысла. Выражение מהיר צדק заимствовано из кн. Исайи, гл. 16, 5.

24 Кн. Исайи, гл. 41, 3.

25 Здесь текст рукописи 44—1 обрывается, далее текст передается по одной рукописи 110—3.

26 Кн. Исайи, гл. 53, 12.

יֵעָצְרוּ שָׁמָיו[27] וְלֹא יְכָלְאוּ בְשָׁמָיו כִּי מִן הַמִּקְדָּשׁ הֵמָּה יוֹצְאִים[28] מָה נֶּחְמַד פְּרִיוֹ וּמָה נָּעִים מֹר חָבִיב אָהוּב וְחָבִיב מֵאִתִּי יְהוּדָה הַלְוִי יְהוֹדוּךָ שִׁירוֹתַי וְיַלְוּוּ עָלֶיךָ[29] זְמִירוֹתַי צִלְצַלֵי שָׁמְעֶךָ הִלְוּוּ (ו)[30] וּמְנַעֲנְעֵי מַדָּעֶךָ הֵאִירוּ וְרֵחֵי[31] לְבוֹנָה.... הִזְכִּירוּ וּמֹר עוֹבֵר בְּשָׁמְךָ[32] הֶעֱבִירוּ נִשְׁמַע הַפִּתְשֶׁנֶן[33] וְנוֹדַע הַסֶּנֶן[34] זֶה כַּמָּה אֵלֶיךָ נִכְסַפְתִּי וְכִמְעַט עַפְתִּי אֵלֶיךָ בְּרֹאוֹת[ו][35] [אִגֹּר]ת אָגוּר מְצַפְצֶפֶת בֶּעָגוּר פַּ[ע]ם יְהוּדִית וּפַעַם אֲרָמִית טוּרֵיָה בְתַרְשִׁישׁ מְמַלְּאִים וּבְתֵרֵיָה[36] בַּפַּז מְסַלְּאִים רַעֲיוֹנֶיךָ רְקָמוּהָ וּזְמָמֶיךָ קִרְמוּהָ מוֹעֲצוֹתֶיךָ קִבְּצוּהָ וּמַעֲרָכֶי לִבְּךָ[37] שִׁבְּצוּהָ וּמַחְשְׁבוֹתֶיךָ אַרְגְּוָהּ וְרִקְמוּהָ[38] רִקְמַת שָׁדֶד אֲשֶׁר לֹא נִרְאָה בִסְפָרַד אֲפִלּוּ חֲצַבְתָּ פְּנִינָהּ וּמֵאַיִן מָשַׁכְתָּ עְנִינָהּ מְקוֹם סַפִּיר אַבְנֶיהָ רָאמוֹת וְנָבִישׁ וְשֹׁהַם וְתַרְשִׁישׁ בְּאַבְנֵי חֵן הֶחְלוֹתָ וּבְאַבְנֵי חֶפֶץ יוּי הֲתְמוֹתָ בְּפָנִינִים מְתֻנוֹסָסוֹת וּבְכֶשֶׁמִים מְתֻבוֹסָסוֹת יְצַקְתָּ תַּמְרוּקֶיהָ לֹא בָּא כְבָשֶׁם הַהוּא עוֹד אֵלֵינוּ וְלֹא נִרְאָה בְּנִבּוּלֵינוּ כֹּל שָׂדֶה בְּרוּדָה עַל שִׁפְתֵיךְ סְדוּדָה הַחָכְמָה מָשַׁכְתָּ[39] וּמַתְּכוֹתֶיהָ הַתַּבְתָּ וּמַעֲבוֹתֶיהָ[40] נָסַכְתָּ וְעַמּוּדֶיהָ סָמַכְתָּ וּמֶרְקָחֶיהָ מָסַכְתָּ וְעָלֶיהָ גִּסְלַכְתָּ(?)[41] עַד אֲשֶׁר מָלַכְתָּ וּבְתוֹךְ אַבְנֵי אֵשׁ הִתְהַלַּכְתָּ[42] בְּתַעֲנוּגֵי דְיָנֶיהָ הִתְעַדַּנְתָּ וְיָפָה דַּנְתָּ[43] כִּי לֵאלֹהִים הִנְדַּלְתָּ וְהִשְׁכִּילְתָּ מִן הַיְלָדִים אֲשֶׁר בְּגִילְךָ וַיְהִי דְבָרְךָ לִי לְשָׂשׂוֹן וּלְשִׂמְחַת לְבָבִי יַד רָצוֹן פָּשַׂטְתָּ וְשַׂרְבִּיט אַהֲבָה הוֹשַׁטְתָּ[44] וַאֲנִי רָצִיתִי וְאָצְתִּי וְלֹא נֶחְלַצְתִּי

---

27 Кн. Царей, гл. 8, 35.

28 Кн. Иезекииля, гл. 47, 12.

29 Возможно, намек на кн. Чисел, гл. 18, 2.

30 Место, очевидно, испорчено. На основании мусивности можно предположить, что глаголом-сказуемым при שמעך могла бы стоять הוליכו (кн. Эсфири, 9, 4), хотя эта форма не дает рифмы.

31 В рукописи ירחי לבונה, что не дает смысла, следует читать ורחי (=וריחי); waw и jod в этом курсиве очень схожи и легко замещаются один другим.

32 Огласовка рукописи.

33 פתשנן см. кн. Эсфири, гл. 3, 14; 4, 8, 8, 13. Имеется ввиду письмо р. Хабиба.

34 В ед. ч. восстанавливается (см.: Gesenius—Buhl, см. ук. соч.), как סנן, в Библии встречается только множ. ч. Рифма показывает, что в средние века ед. число произносилось как סֵנֶן

35 Поврежденное место текста с уверенностью можно восстановить как אגרתך, на это указывают рифма, смысл, а также следующее слово, образующее с этим так называемый теджнис — излюбленный прием еврейско-арабской поэзии, многократно встречающийся и в настоящем послании.

36 В рукописи — בטריה.

37 Притчи, 16, 1.

38 Употребление этого же глагола в той же форме строкою выше, соседство его с глаголом ארג и образование, в случае исправления, так называемой figurae ethymologicae, столь часто применяемой в подобных текстах, заставляет предположить, что писец написал ורקמוה по ошибке вместо ורקמוה.

39 Кн. Иова, 28, 18.

40 В рукописи — מעכותיה.

41 Не поддается разбору одно слово: בטחת?

42 Кн. Иезекииля, 28, 14.

43 Испорчено.

44 Намек на кн. Эсфири, гл. 4, 11; 5, 2.

וַאֲחֻלָתָה מִמְּךָ כִּי טוֹב לִי עִמְּךָ וְאוֹמַר הֵיֵשׁ וְיֵשׁ תְּנָה אֹתִי יָדְךָ מָה בַּקַּשְׁתְּךָ עוֹד נַפְשִׁי
וְיָנַתָּן לָךְ [45] כִּי מִתְאַמֶּצֶת הִיא לָלֶכֶת אוֹרְךָ [צַף עַל פִּי] שֶׁיֵּשׁ בִּלְבִּי מור[א]ךָ וְהַתַּהֻתִּים
בַּדֶּרֶךְ אֵלּוּ הַיָּמִים יַעְזְרוּנִי וְתוֹלְדוֹתֵיהֶם לֹא יַעְצְרוּנִי אַז עַפְתִּי בְּנַנְפֵי הַיְדִידוּת לֹא אִישׁ
חֲמוּדוֹת וָאָבֹא לְנַסּוֹתוֹ בְּחִידוֹת דּוֹדִי מָה יְדִידוֹת אִמְרוֹתֶיךָ וּמָה נְגִידוֹת דְּבָרוֹתֶיךָ צָהוֹת
הִשְׁמַעְתַּנִי בְּצַחְצָחוֹת הִשְׁבַּעְתַּנִי לוּלֵי הוֹנַעְתַּנִי שֶׁבָּכַת הִשְׁבַּעְתַּנִי הִקְשִׁיתָ לְשָׁאוֹל
וְהֶעֱמַקְתָּ עַד שְׁאוֹל דּוֹדִי רְאֵה נַם רְאֵה כִּי אָנֹכִי נִלְאֵה לָתֵת אֶת שְׁאֵלְתְּךָ וְלַעֲשׂוֹת
אֶת־בַּקָּשָׁתְךָ וְזוֹ הַבַּקָּשָׁה עָלַי קָשָׁה וְאִם נִקְלָה הִיא בְּעֵינֶיךָ הִיא נִפְלָאת בְּעֵינַי
כִּי עֲוֹנוֹתַי עִוּוּ נְתִיבוֹתַי וּבָלְלוּ שְׁבָתַי הַעְנָיִן חָלַץ מֵהֶם וְדָבָר אֵין בָּהֶם וָאֶקְרָא שֵׁם
הַמָּקוֹם עֵסֶק כִּי הִתְעַסַּקְתִּי עִמּוֹ שָׁמַנִי נוֹטֵר אֶת־הַכְּרָמִים כַּרְמִי שֶׁלִּי לֹא נָטַרְתִּי [46]
זֵירַנִי לְדִבְרֵי רְפוּאוֹת וְהִרְפַּנִי מִדִּבְרֵי נְבוּאוֹת יָנֵן וְהָכְמָתוֹ בַּטִּיט הַיָּוֵן הִטְבִּיעַנִי וַקְדָר
וּלְשׁוֹנוֹ בְּקַדְרוּת צָבְעוּנִי וֶאֱדוֹם מִלְּפָנִים דִּמַּנִי וַהֲדַמַּנִי [47] כֹּל אֵלֶּה הִשִּׁינוּנִי וּכְלִי רִיק
הִצִּינוּנִי חַיֵּךְ יָדִידִי אִם יֵשׁ לִי מָעוֹג [48] וַאֲתָּה עָשִׂיר מִתְרוֹשֵׁשׁ שׁוֹעֵל עַל פֶּתַח מְקוֹשֵׁשׁ
וּלְךָ אֵיפָה מָה אֲעֻשָּׂה וּמִי יִתֵּן וַאֲהַלֵּל וַאֲשִׁרֵי וְיוֹשִׁיבֵנִי רְחָמָן לְקָדְמוֹת וְיַנְהֲגוּנִי עֲלָמוֹת
וָאָשׁוּב לְלַמֵּד [אשר].....[49] וַאֲעָמֵד בַּסּוֹד אֲשֶׁר לֹא עָמַדְתִּי [50] וְאֶשְׁקוֹד בֵּין הָעֲמוּדִים
לִשְׁמוֹעַ כִּיל מוֹרִים וַאֲעֻלֶּה בַּקֹּדֶשׁ וְלֹא אוֹקִיר [51] כִּי מִדֵּי דַּבְּרִי בוֹ זָכוֹר אֶזְכְּרֶנּוּ אֲבָל
מָה לַעֲשׂוֹת אַחֲרֵי אֲשֶׁר אָפְפוּ הַצָּחוֹרוֹת עַל הַשְּׁחוֹרוֹת וְהָיְתָה הַנַּעֲרוּת לִנְעוֹרֶת
וְהַשַּׁחֲרוּת שַׁחֲרְחֹרֶת חֲלִיפוֹת הַשָּׁנִים שִׁנּוּנִי וְהַמּוֹעֲדִים הִמְעִידוּנִי וְעַל נָחָלִים הֶעֱמִידוּנִי
[עַף עַלְפִּי] כֵּן הִתְעוֹרַרְתִּי וְגַם חָצְנִי נָעַרְתִּי [52] וְחָתַרְתִּי לְהָשִׁיב אֲלֵיהֶם וְלֹא יָכֹלְתִּי [53]
חַפַּשְׁתִּי חֲבִיוֹנַי וָאֶבְעֶה מַצְפּוּנַי וְאֵין חָזוֹן נִפְרָץ [54] וְלֹא מָצְאוּ רַעְיוֹנַי חָזוֹן מֵיוֹי
כִּי עָלוּ קַו הַיָּמִים וְהֶחְדְּשֵׁי הַזְּמַנִּים מָחוּ אֶת דָּעָב שֶׁכָּבַר נֶעֱדָרָה וְכִבּוּ אֶת נַחֲלָתִי אֲשֶׁר
נִשְׁאֲרָה [55] וְאוּלָם רְאוֹתִי פְּנִינֶיךָ וּמַחְבְּרוֹת עִנְיָנְךָ תּוּרִי מְשָׁלֶיךָ וַהֲרוּזֵי מַהֲלָלֶיךָ [56] שְׁבִיסֵי

---

[45] Кн. Эсфири, гл. 5, 3; 7, 2.
[46] Песня Песней, гл. 1, 6.
[47] רמני והרמני, очевидно, имеются ввиду тексты кн. Осии, гл. 4, 5 и кн. Иеремии, гл. 8, 14, — оба дающие одно значение: „уничтожать", „истреблять". В рукописи вместо второго глагола стоит הרמני, но ни от основы רמה, ни от основы רמם hifʿīl не встречается.
[48] I кн. Царей, гл. 17, 12.
[49] Лист прорван.
[50] Кн. Иеремии, гл. 23, 18.
[51] В рукописи אוקין, что не дает смысла. Hifʿīl √יקר в значении „сделать редким" см. кн. Исайи, гл. 13, 12 и Притчи, 25, 17. Здесь скорее всего значение непереходного глагола.
[52] Кн. Неемии, гл. 5, 13. Символическое движение, подтверждающее решение изгнать из общины.
[53] Кн. Ионы, I, 13.
[54] I кн. Самуила, 3, 1.
[55] В рукописи נחלתי, не дающее смысла; следует читать נחלתי. Место заимствовано из II кн. Самуила, 14, 17.
[56] В рукописи מחלליך; ה и ח в рукописях XII—XIV вв. почти не различаются.

דִּבְרוֹתֶיךָ וְקִשּׁוּרֵי אִמְרוֹתֶיךָ הִנָּבֵאתִי בַּאֲשֶׁר צִוִּיתָנִי וּמִי לֹא יִנָּבֵא[57] וַיִּתְלַקְּטוּ אֵלַי חֲרוּזִים
רַקִּים וּצְנוּמִים וְרַקִּים וְרֵקִים מְבֻקָּעִים וּמְצוֹרָרִים בְּעַל כֹּרַח מְנוֹרָרִים הוּא הַשִּׁיר
הַמְרוֹצֵץ עָדֶיךָ הַמִּתְרוֹצֵץ עַד שֶׁנִּגִּיעַ אֶל יָדֶיךָ אִם תַּעֲרֻכֵהוּ אֶל עִנְיָנֶיךָ הֲלֹא הוּא כְּאַיִן
בְּעֵינֶיךָ מְשֹׁךְ אֵלָיו חָנֶיךָ וּנְטֵה עָלָיו רְצוֹנֶיךָ וְלָקַחְתָּה מגרותי[58] מִיָּדִי כָּקָרְבָּן עוֹלָה וְיוֹרֵד
בִּי אֵין[59].....[60] בָּהֶם אִם נִשְׁאַר בְּיָדִי מִכֹּל דָּבָר אֲשֶׁר דִּבַּרְתִּיו וּמִכֹּל חִבּוּר
שֶׁחִבַּרְתִּיו וַאֲפִילוּ דֶּלֶת אַחַת וְכַמָּה דְּבָרִים הֶחְלוֹתִי לְחַבֵּר וְחָיַלְתִּים לְנַבֵּר אֲבָל לֹא
נִבְחַנְתִּי עֲדָנָא[61] כִּי אֲפִילוּת הֵנָּה אִם יִצְמְחוּ עֲדֶיךָ יִשָּׁלֵחוּ[62] וְאִם יָצִיצוּ אֵלֶיךָ יִרּוּצוּ לְמַעַן
יוי אֱלֹהֶיךָ וְלִקְדוֹשׁ יִשְׂרָאֵל כִּי פְּאֵרְךָ וְצֵ יַחְשֹׁב יְדִידִי וְנִכְבָּדִי כִּי נֶעֱצַלְתִּי[63] מֵעֲשׂוֹת
בַּקָּשָׁתוֹ אֵצֶל הָרַב הַגָּדוֹל מֹרֵינוּ וְרַבֵּנוּ יוֹסֵף הַלְוִי[64] כִּי אִם רָצִיתִי וַאֲצִיתִי וְאִלַּצְתִּי וְלֹא
חָלַלְתִּי מְחִפָּק עַד לֹא כָּל יוֹסֵף לְהִתְאַפֵּק[65] וּבְעֵינַי רָאִיתִי בְיָדָיו וּבִידֵי תַּלְמִידָיו
שְׁאֵלוֹתֶיךָ הַחֲטוּבוֹת וַעֲלֵיהֶן תְּשׁוּבוֹת מִלְּבָנָיו כְּתוּבוֹת מִפִּיו יִקְרָא אֲיֻדָּם אִמְרֵי שֻׁפָּ[ר]
וְהֵם כְּתוּבִים עַל דַּפֵּיהֶר וְנַם רְאִיתִיו מִתְפָּאֵר בָּהֶן וְשָׂמֵחַ עֲלֵיהֶן מוֹלֶה עַל אָמַתָּן
וּמַרְאֶה[66].....מֵעִיר רוּחַ וּמֵרִיחַ רֵיחַ מָרְקָחֶךָ וּמַרְבֶּה שְׁבָחֶיךָ שֶׁשָּׁאַבְתָּ מִמַּעְיָנָן
שָׁאַלְתָּ בְעִנְיָן וְיָפֶה קָרִיתָ וְיָפֶה שִׁנִּיתָ וְיָפֶה הִקְשִׁיתָ יְהִי רָצוֹן מִלְּפָנֶיךָ שֶׁתִּזְכֶּה לְהַרְבּוֹת
גְּדֻלָּתֶךָ וּלְהוֹסִיף עַל תְּהִלָּתֶיךָ וְחָכְמָתֶךָ[67].....

ПЕРЕВОД

№ 359. Ответ его одному из учащихся Махдиййи[1] по имени раб Ҳабӣб, [посланный] вместе с касыдой, начало которой „Кто перейдет к нам на тот берег моря“.

Я думал: годы говорят и долголетие слагает мудрые речи. Однако это душа в людях направляет их и дыхание Шаддая умудряет их. Вот, свидетель [в этом] под рукою у меня и очевидец при мне. Вот юноша[2] рожден в Африке, опрокидывает горы познаний, разбивает и сокрушает скалы трудных мест, углубляется в грамматику — и мечет пращу [с точностью], на волос не промахнется. Нежный отрок по силе, но освя-

---

[57] Кн. Амоса, гл. 3, 8.
[58] Непонятное слово. М. б. следует читать מנחתי?
[59] Кн. Аггея, гл. 2, 3.
[60] Прорыв бумаги, текст поврежден.
[61] Это слово в рукописи неясно.
[62] В рукописи ושולחו.
[63] В рукописи נעלצתי, следует: נעצלתי.
[64] רבינו יוסף הלוי — Иосиф ибн Мигаш — см. введение.
[65] Кн. Бытия, гл. 45, 1.
[66] Текст стерт.
[67] Здесь текст обрывается, кустод — תכבר.

[1] Махдиййа — город в Северной Африке. Сведения о нем см. в Enzyklopaedie des Islam (III, стр. 131—132).
[2] В оригинале בן букв. „сын“.

щен войнами Торы. Что мне делать и чем снискать [его] благоволение? Что говорить и до коих пор витийствовать? Следует ли продолжить [речь] или сократить, расширить или сжать [говорить ли], соображаясь с его многоразумием или с малолетством его? Когда он занялся Библией и Мишной и когда создал построение и основание, то воздвиг башни для Торы и устроил терема для Гемары и Сабары и присоединил к ним загадки и остроумные изречения, замыслы и советы. Все это он уже сделал и не достиг предела до сих пор. Когда же войдет в года, ведь станет вразумлять мудрецов и поставлен будет знаменем народам. О, если бы мог я разорвать небеса, разостлать глубины вод, одолеть ярость валов и победить бег сфер, покинул бы я поверхность дорог, оседлал бы крылья ветров, попирал бы пустыни и вел корабли, трудился бы, не отдыхая, пока не достиг встречи со светом очей, сладостью уст, приятностью [для] ушей. Но я слишком ничтожен для этого и [хоть] кажусь себе ленивцем, все же годы удержали меня и их события воспрепятствовали мне и насильно мне заменили привет устный приветом письменным. И я стою на перекрестке у множества путей, умоляю их и приказываю им отнести приветы через бездонные глубины, поднебесные своды и через просторы земли и доставить их плотами[1] желанному, опоре Торы, столпу богобоязненности, проворному на справедливость, славному насаждению Адонаи, родичу знания и другу мысли. Когда усилится источник его мыслей, то воды его не окажутся фальшивыми, не затворятся его небеса и не прекратятся ароматы, ибо из святилища они исходят. Как желанен плод его, как сладостен Мар Ḫабӣб, возлюбленный и любимый мною, Иехудой Халеви. Прославляют тебя мои песни, сопровождают тебя звуки моих струн, мои кимвалы распространяют твою славу, сестры мои твое знание освещают, ароматы ладана... заставляют вспомнить и каплющую мирру твоего благовония изливают. „Оглашен список[2] и стал известен наместник". Сколько раз я стремился, почти летел к тебе, видя письмо Агура.[3] Щебечет, как ласточка, то по-еврейски, то по-арамейски. Строки его усажены хризолитом и промежутки между ними равноценны золоту. Мысли твои пестро его соткали, замыслы твои натянули его, назидания твои составили его, размышления разума твоего расшили его золотом и думы твои спряли и соткали его пестрой тканью „серад", какой невидано в Испании. Где вырубил ты его жемчужины и откуда извлек его суть? Замена сапфиру его [драгоценные] камни, жемчуг, кораллы, хрусталь и хризолит. Самоцветными камнями ты начал и драгоценными камнями Господа закончил. Ты слил его благовония с растертым бальсамом и блестящими жемчужинами; до нас не доходил подобный аромат и не появлялся в наших пределах. Красноречие расположилось на твоих устах и обладание мудростью привлек ты, металлы ее перелил ты и опоки наполнил литьем, колонны ее ты поддержал и благовония смешал и на нее [надеялся],[4] пока не воцарился ты. Среди драгоценных камней ты прогуливался и негою законов ее [т. е. мудрости] ты наслаждался, прекрасно ты судил, ибо бог возвеличил тебя разумом из среды детей, твоих

[1] В оригинале רפסודות rafsodot (см. Библия, кн. Хроник II, гл. 2, стих 15) обычно понимается как „плоты" см. Gesenius — Buhl, ук. соч.; Иехуде Халеви нужна была рифма к חמודות (ḥămūdōt).

[2] Имеется ввиду „список" письма корреспондента; см. соответствующее примечание к тексту оригинала.

[3] Агур (Притчи 30, 1) — легендарный персонаж Библии, прославленный мудростью.

[4] Текст неясен, оригинал слегка поврежден в этом месте.

сверстников. И стало слово твое мне радостью, весельем сердца моего. Руку благоволения простер ты и протянул жезл любви, я бежал и спешил, но не снарядился. Приму твои слова как доброе предзнаменование,[1] ибо мне хорошо с тобою. И я говорю: „есть ли у тебя [просьба], если есть, будь со мною заодно, в чем твое желание"?... Хотя бы души моей [захотел ты], дана будет тебе, ибо старается она итти к свету твоему; несмотря на то, что в сердце у меня благоговение[2] к тебе, но ужасы на пути! Если бы годы помогли и события их не препятствовали мне, то полетел бы я на крыльях дружбы к желанному и пришел бы испытать его загадками. Друг мой, как милы твои слова и как разумны речи!... Красноречие дал ты мне услышать и насытил меня в пустыне. Если бы ты только не отягощал меня, заклиная таким образом; ты спрашиваешь трудное и углубляешься до преисподней. Смотри, друг мой, смотри, ведь я слишком слаб, чтобы удовлетворить твою просьбу и выполнить твое желание: это желание трудно для меня. Если оно и ничтожно в твоих глазах, то дивно в моих, ибо грехи мои сопровождают меня на тропах моих, бормочут уста мои невнятное, смысл ускользает от них и слова в них нет. И я назвал то место „эсэк", ибо трудился [там]. Народ его поставил меня стражем виноградников — своего виноградника не устерег я, — поощрял меня к делам врачевания, отвлек меня от пророческих речей. Яван и мудрость его в илистую тину погрузили меня, Кедар и язык его темным запятнали меня, Эдом еще раньше уничтожал и губил меня. Все это меня постигло и поставило пустым сосудом. Клянусь твоею жизнью, друг мой, нет у меня ни лепешки, а ты богач, прикидывающийся бедняком, просишь у двери собирающего по соломинке, а у самого — эфа. Что делать! О, если бы можно было, пусть бы Милосердный обратил меня к прошлому и привели бы меня к юности. Я бы снова стал учиться и предстал бы в совете, на котором не стоял,[3] узнал бы тайну, которую не знал, бодрствовал бы между колоннами, слушая всех поучающих, нередко поднимался бы к святыне, ибо, говоря о ней, я твердо ее помню. Но что делать после того, как белое окружило черное[5] и стала юность куделью,[4] а молодость [ведь] смугла. Череда годов изменила меня и времена сделали меня бессильным и поставили на раскаленные угли. Несмотря на то, я встрепенулся и отряхнул свою пазуху[6] и греб, чтобы вернуться к суше, но не смог. Обыскал я свои покровы в поисках спрятанного мною, но нет частого видения. Не находят мои мысли видения от Господа, ибо подняли шнур дней[7] и месяцы времени стерли то облако, что прежде стояло неподвижно, и загасили уголь мой, который [еще] оставался. Однако, видя твои жемчужины, ожерелья мыслей, подвески притч, бусы славословий, пояса речей и повязки слов, стал я пророчество-

---

[1] Перевод условный, т. к. в оригинале выражения, встречающиеся в Библии один лишь раз.

[2] Текст не ясен, оригинал слегка поврежден в этом месте.

[3] Возможен двоякий перевод: библейское выражение עמד בסוד букв. значит „стоять в совете" (кн. Иеремии, гл. 23, 18—22). В средневековом тексте глагол עמד с предлогом ב „знать", „узнавать" — точный перевод арабской идиомы وقف على, סוד может иметь значение „тайна" (кн. Амоса, гл. 3, 7; Притчи 11, 13; 20, 19; 25, 9). Таким образом, возможен перевод: а) „предстоял бы я в совете, в котором [раньше] не стоял", и б) „узнал бы я тайну, которой не знал".

[4] Имеются в виду седые волосы, появившиеся среди черных.

[5] Игра слов: נְעוּרוֹת „юность", נְעוֹרֶת „кудель".

[6] См. соответствующее примечание к оригиналу.

[7] Текст не ясен, рукопись слегка повреждена.

вать, как было мне приказано, и кто не стал бы пророчествовать! И собрались ко мне рифмы пустые и сухие, опустошенные и негодные, расколотые и связанные, насильно отесанные. Оно [послание] коснется на бегу тебя, теснясь, пока не дотронется до твоей руки. Если ты сравнишь его с замыслом своим — оно окажется ничем в глазах твоих. Привлеки к нему милость свою и обрати свое благоволение, прими как дар [?][1] моей руки, как жертву приносимую и низлагаемую, ибо нет... клянусь..., с которым связана моя жизнь, что не осталось у меня ничего из сказанного, ни одного сочинения из тех, что я сочинял, ни единого даже полустишия. Сколько вещей начинал я сочинять, собираясь с силами, но до сих пор они не написаны, ибо они запоздалые растения. Если б взошли — были бы отосланы к тебе, если б расцвели — побежали бы к тебе, ради Адонаи — твоего бога и ради святого Израиля, ибо [он] гордость твоя. Пусть не думает друг мой, почитаемый мною, что я медлю выполнить его просьбу к великому раввину, наставнику и господину нашему Иосифу Халеви. Напротив, я бежал, торопился и настаивал, стучался [к нему], не переставая, так, что „не смог Иосиф удерживаться". Своими глазами я видел в его руках и в руках его учеников твои четкие вопросы и ответы на них, записанные с его слов. Он лично диктовал им прекрасные слова и они записаны в книгу. А также я видел, что он гордится ими [т. е. этими вопросами] и радуется им, обращает внимание на их справедливость и указывает... ободряет дух и вдыхает запах твоих благовоний и умножает хвалы тебе. Ибо ты черпаешь из источника, спрашиваешь по сути дела, прекрасно толкуешь Библию и Мишну и прекрасно разбираешься в трудностях.[2] Пусть будут благосклонны к тебе небеса, умножив твое величие и прибавив к твоей славе и мудрости...

---

[1] Текст неясен, рукопись слегка повреждена.

[2] Буквальный перевод соответствующего места оригинала.

В. И. ЕВГЕНОВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЦИТАТА В ПАМЯТНИКЕ XXII ДИНАСТИИ

В одном[1] из изучаемых мною памятников XXII династии времени Осоркона II (ок. 850 г. до н. э.) и царя Хар-си-есе,[2] в тексте стелы, которую держит перед собой коленопреклоненный вельможа и жрец Амона Нехтефмути, мое внимание привлекла следующая законодательная цитата, начинающаяся словами „Сказано великим богом: «Дайте каждому человеку распоряжаться его имуществом»".[3] Согласно контексту обращения к богу Амону Фив, под „великим богом" здесь подразумевается Амон.

Как известно, до нас не дошло свода древне-египетских общих законов.[4] Но факты продажи земель и распоряжения собственностью посредством завещания свидетельствуют о наличии частного права уже в периоде IV династии;[5] о существовании законов мы знаем из указаний о действиях визиря „согласно закону, находившемуся в его руке",[6] а также из упоминаний общего характера о законах фараона, действовавших в стране.

Ввиду указанной ограниченности наших сведений о древне-египетских законах большой интерес представляют дошедшие до нас законодательные цитаты. До сих пор была отмечена одна маленькая законодательная цитата[7] в тексте Туринского иератического папируса, № 2021,[8] конца XX или начала XXI династии. Эта цитата касается брачного права

---

[1] G. Legrain. Statues et statuettes de rois et de particuliers, III. Cat. gen. des antiq. du Mus. du Caire. Le Caire, 1914, стр. 20—23, табл. XV et XVI.

[2] Из почти стертой надписи, помещающейся на верхнем борту стелы памятника 42203 следует, что статуэтка была пожалована жрецу Нехтефмути царем Хор-си-есе.

[3] G. Legrain, ук. соч., стр. 14 текста C.

[4] Проф. И. М. Лурье. К истории древне-египетского законодательства времени Нового Царства. Вестн. древн. истор., 1946, № 3, стр. 27—28.

[5] K. Sethe. Urkunden des Alten Reiches, I, Leipzig, 1933, стр. 2—5.

[6] N. de G. Davies. The tomb of Rekh-Mi-Re at Thebes. 1943, стр. 91—92. (The duties of the vizier, строка 19).

[7] A. Scharff und E. Seidl. Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des Neuen Reiches. — E. Seidl. Juristischer Teil. 1939, стр. 20.

[8] J. Černý and E. Peet. A marriage settlement of the twentieth dynastie. JEA, 13, (1927), табл., 14 (стр. 3, строки 4—5 папируса). В статье J. Cèrny La constitution d'un avoir conjugal en Egypte, BIFAO, т. 37, (1937), стр. 42—43, дан вторичный перевод сохранившейся части текста, после его нового сличения с подлинником.

женщины: „Сказал фараон: «Пусть дадут каждой женщине ее sfr.!»".[1] В ней отождествляются воля царя и закон.[2]

Вышеупомянутый иероглифический текст памятника,[3] заключающий интересующую нас цитату, был опубликован Легреном в 1914 г. в издании каталога Каирского музея за № 42208. Содержанием этого текста является просьба жреца Нехтефмути к богу Амону об утверждении передаваемого им имущества любимой дочери. Своеобразие памятника состоит в том, что часть текста определенного юридического значения, связанная с актом передачи, заключена в литературные рамки религиозной поэзии, напоминающей хорошо известные молитвы — просьбы бедняков.[4]

После окончания мною работы мне удалось познакомиться с переводом текста памятника Нехтефмути № 42208 Каирского музея, сделанного голландским египтологом А. Де-Бук,[5] издавшим его в 1940 г. с подтекстными примечаниями, без комментария. В примечании[6] к тексту автор ставит под знак вопроса, „является ли приводимое положение общепринятой правовой нормой в виде изречения великого бога Амона, или особым постановлением (оракулом)...".

Для нас прежде всего составляет интерес, что представляло собой имущество Нехтефмути, утверждение которого жрец передавал в руки Амона. Нехтефмути говорит об этом: „Чтобы ты (Амон) увековечил ей акт передачи имущества (дословно: документ того, что находится в доме)[7] из всяких вещей, которые я дал ей в твоих святилищах, в городе, в поле, — из рабов, скота, вещей, дома, всяких ценностей, данных ей повсюду (дословно: на воде и на земле)".[8]

Как указал Гриффис,[9] выражение „из храма, поля и города" было обычной фразой при перечислении источников жреческих доходов в официальных документах времени Дария I. В упомянутых Гриффисом документах передачи имущества мы находим эту фразу почти с теми же подробностями, которые имеются в перечне имущества Нехтефмути. Так, в одном документе[10] от 5-го г. Дария женщина хоахит-жрица („возливающая") передает своей дочери половину всей ее собственности, принадлежавшей ей „в поле, в святилище и в городе, состоявшей из домов, полей, рабов,

---

[1] Sfr, по указанию Черны, представляет эквивалент части, которая давалась мужем при организации общего супружеского имущества (см. ук. его соч., стр. 46). Последнее создавалось из $^2/_3$ собственности мужа и $^1/_3$, принадлежащей жене. J. Černý and E. Peet в ук. соч., стр 33, ставят под знак вопроса: содержит ли данное изречение Туринского папируса 2021 положение общего закона в Египте, или особый указ живущего царя.

[2] A. Scharff und E. Seidl, ук. соч.

[3] Был найден в 1904 г. в тайнике Карнака.

[4] B. Gunn. The religion of the poor in ancient Egypt. JEA, III, 1917, стр. 81 и сл. — И. Г. Франк-Каменецкий. Памятники египетской религии в Фиванский период. 1918. — М. Э. Матье. Религия египетских бедняков. Сб. „Религия и общество", 1926, стр. 29—40.

[5] A. de Buck. Een gelukkige familie? Jaarbericht van het vooraziatisch egyptisch gezelschap Ex Oriente Lux, стр. 294—293.

[6] Там же, 297, 22.

[7] Imjt-pr переводится в кн. A. Erman und Grapow, Wörterbuch der ägypt Sprache, 1, стр. 73, как „завещание", „наследство", „собственность"; Ал. Варилль, говоря о значении Imjt-pr указывает, что последнее выражает обычно акт передачи (см. его заметку в Mem. de l'Inst. Franc. d'Archeol. Orient., 1935—1938, t. LXVI, 2 fasc., стр. 565).

[8] G. Legrain, ук. соч., стр. 11—12.

[9] F. Ll. Griffith. Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands Library Manchester, III, Manchester, 1909, стр. 45, прим. 10.

[10] E. Revillout. Quelques textes démotiques, archaiques, Rev. égypt. V. 12, Paris, 1907, стр. 82.

серебра, меди, одеяний, быков, ослов, дома (?) горы, всего из имущества страны".

Жрец и вельможа Нехтефмути был высокопоставленным лицом. Как жрец он был связан преимущественно с культом в доме Амона и с несением административных обязанностей в его учреждениях. Он был четвертым жрецом Амона,[1] вторым жрецом Мут,[2] супруги Амона, вторым жрецом Хонса,[3] начальником сокровищницы Амона,[4] „заведующим великим архитектурным планом Амона" [5] и т. д. Его титул „жреца Осириса, владыки Бусириса в Карнаке" [6] объясняется наличием на территории Карнака храмов или часовен других богов, в виде отделений святилищ их основного местопребывания, жречество которых было подчинено верховному жрецу Амона.[7] Из остальных многочисленных, чуть ли не 24 его титулов, выявленных мною из текстов, написанных на его четырех статуях,[8] его титул „заведующего приношениями из хлеба, пива, быков и гусей" [9] указывает на его прямое отношение к приношениям, поступавшим в храм, и тем самым говорит о доходности места, которое он занимал. Вероятно Нехтефмути распоряжался приношениями, поступавшими на алтарь богов, и помещавшимися перед статуями знати. Некоторые титулы его отца Дже-хенс-еф-онх, — обеспеченного в старости царем доходным местом в Карнаке, — как, например, „руководителя праздниками в святилище Хонса [10] и „Возливающего",[11] также указывают на его близкое отношение к приношениям. Мать Нехтефмути Нес-хенс-пе-хред, согласно ее словам на одной из статуй ее сына, „сопровождала Мут, владычицу святилища, снабжая их (т. е. святилища) всем необходимым".[12]

В связи с просьбой Нехтефмути к Амону вспоминаются декларации жрецу Амона относительно передач имущества, о которых говорят официальные документы [13] от времени Тахарки, Псамметика I и Амасиса.

В эпоху XXI и XXII династий жреческая знать старалась в личных интересах использовать постановления оракула богов, олицетворявшие закон. Жрец Нехтефмути, сознавал, что передаваемое им любимой дочери имущество, связанное с жреческими доходами, возбудит притязания других детей,[14] родни и каждого человека [15] и начертал на памятнике, запечатлевшем интересный материал для оракула Амона, общее законоположение, которому должны были подчиниться немалочисленные претенденты на прибыльное имущество.

Естественно, что свободное распоряжение имуществом обязывало представлять сведения, которые бы утверждали право владения им. Данные Нехтефмути, сопровождающие законодательную цитату в словах: „Мне принадлежит имущество моего отца и моей матери, (от плода

---

[1] G. Legrain, ук. соч., № 42208 c. 1, 42206 a_1.
[2] Там же, № 42209 c_4.
[3] Там же, № 42206 f_1
[4] Там же, № 42206 a_1
[5] Там же, № 42203 b_3.
[6] Там же, № 42209 e_4.
[7] Он же. Notes d'inspection. Ann. de Service des antiq. V. 7, (1906), стр. 55.
[8] Он же. Statues et statuettes des roi et de particuliers, III. Cat. gen. des antiq. du Mus. du Caire. (№№ 42205, 42207, 42203, 42209).
[9] Там же, 42209 e_4.
[10] Там же, 42207 d_8.
[11] Там же, 42207 d_7.
[12] G. Legrain, ук. соч., 42206 e_4.
[13] E. Revillout, ук. ст., стр. 9[illegible], 98—103, 206.
[14] G. Legrain, ук. соч., 42203 c, 12, 13.
[15] Там же, 42203 c, 17.

работы[1]) моих рук, прочее от милости царей, которым я служил в мое время без того, чтобы была найдена во мне вина....",[2] производят впечатление, что соблюдение этого обязательства имело место в практике дома[3] Амона XXII династии. Геродот[4] приписывал Амасиду (Амасису — царю XXVI династии) издание закона, в силу которого каждый египтянин обязан был ежегодно указать областному начальнику все свои средства к жизни, при чем тот, кто этого не делал или не мог показать, что живет законным образом, наказывался смертью.

Подтверждением юридической значимости цитаты из текста Нехтефмути является материал упомянутого выше Туринского папируса. Названные тексты близки по времени и отчасти по месту происхождения — из района Фив.[5] Важно и то обстоятельство, что в Туринском папирусе распоряжение имуществом также основывается на общем законе в виде цитаты: „Сказал фараон: «Дайте каждой женщине ее Sfr.!»". Начало текста данного папируса (его первая страница почти утеряна), судя по первым словам обрывающейся фразы второй страницы „Бог отклонил...", могло относиться к оракулу.[6] В сохранившемся тексте[7] некий божественный отец Аменхев выступает перед визирем, членами судебной палаты и представителями от его детей от первой жены и объявляет свое распоряжение о супружеском имуществе, которое он делал в пользу своей второй жены. Целью этого распоряжения было показать, что в имуществе Аменхева — не было ничего из имущества, принадлежавшего ему совместно с его первой женой, переданного им его детям от первого брака.

Отметим, что выражение цитаты текста Нехтефмути „ир сехр" („делать распоряжение") встречается трижды в этом тексте (стр. 2, 1; 4, 1; и 3, 9). Чрезвычайно важен ответ детей Аменхева на вопрос об их отношении к распоряжению отца в пользу второй жены: „Мы слышали то, что сделал наш отец (т. е. его распоряжение), и в отношении того, что он сделал, кто сможет это оспаривать. Его имущество ему принадлежит, пусть он дает (кому он хочет)".[8] Это звучит совсем, как в цитате памятника Нехтефмути: „Дайте каждому человеку распоряжаться его имуществом".

Мы убедились в юридической силе законоположения, заключающегося в цитате памятника Нехтефмути. Что же можно попытаться сказать о том, каким образом действовало в быту оракула XXII династии и ранее, а также в обстановке обычного суда, законоположение, существование которого в той или иной форме можно допускать уже в эпоху Древнего царства.

Эпитет „великого бога" в памятнике Нехтефмути, относящийся к Амону в связи с законодательной цитатой, не исключает того, что эту цитату можно приписывать, вне указанного контекста, царю. Материал из практики

---

[1] Предполагаемое A. de-Buck (ук. соч., стр. 297) содержание стершегося места в 14 строке стелы правдоподобно по смыслу.

[2] G. Legrain, ук. соч., стр. 14—15.

[3] „Дом Амона" включал в себе понятие храма, имущества бога и храмового управления.

[4] Геродот, II, 177, в переводе Ф. Мищенко, стр. 212.

[5] Решение визиря в тексте Туринского папируса должно было быть зарегистрировано в храме Рамзеса III (бывшего в эпоху конца XX династии местопребыванием администрации Фиванского некрополя, см. Černý and Peet, ук. соч., стр. 37), а также в Великом суде Фив.

[6] J. Černý and E. Peet, ук. соч., стр. 36.

[7] Согласно переводу J. Černý (см.: La constitution d'un avoir conjugal en Egypte. Bull. de l'Inst. Francais d'Archéol. Orient., 1937, v. 37, fasc. 1, стр. 42—43).

[8] J. Černý, ук. соч., стр. 43 (стр. 3, строка 11-я папируса).

решений весьма популярного в правосудии оракула умершего царя Аменофиса I,[1] бывшего городским богом обитателей фиванского некрополя, проливает некоторый свет на поставленный выше вопрос. Постановление оракула Аменофиса из остракона Британского музея (№ 5625): „Дай жилище Кенна его собственнику обратно, оно принадлежит ему по указу (šḥn-t) фараона",[2] говорит о том, что иногда постановление оракула основывалось на указе фараона. Но трудно понять, означало ли это указ живущего фараона, или здесь подразумевалось постановление оракула умершего царя Аменофиса. Как известно, египетское слово „пер-о" (pr-ꜥ) — „фараон" обычно означало живущего фараона. Черни и Пит,[3] упоминая об этом, в то же время ссылаются в виде оговорки на интересное место Буллакского папируса 10, recto 9-10,[4] XX династии, которое привлекло и мое внимание. В последнем, представляющем, повидимому, проект жалобы по делу наследства, некий Хаи восклицает: „О если бы смог говорить закон (ḥp) фараона, жизнь, благополучие и здоровье — моего милостивого, жизнь, благополучие и здоровье — владыки, жизнь, благополучие и здоровье. [12] Смотрите, я стою перед членами (судебной палаты), пусть они сделают то, что есть справедливо". Вслед за этим он приводит пример решения другого подобного дела, говоря: „и ему дали ее (долю) перед членами (судебной палаты), и именно, дал царь Аменофис ее (долю) ему перед (или посредством) судебной палатой".[5] Это сопоставление Хаи определенно говорит о том, что постановление Аменофиса расценивалось наравне с законом (ḥp) царя, (если не предполагать большего, т. е., что его слова „закон фараона моего милостивого владыки", на стр. 11, относились к постановлению оракула Аменофиса). Поэтому о появлении законодательных цитат, представленных в Туринском папирусе № 2021 и в памятнике Нехтефмути № 42208 Каирского музея, можно высказать следующее предположение. Указ царя, касающийся в определенном юридическом смысле каждого человека, возникал, повидимому, в обстановке судебных решений и с этого времени в виде изречения (цитаты), выражающего общий закон[6] (ḥp), использовался для обоснования решений и распоряжений в светском суде и в правосудии оракула богов.

---

[1] См. A. Erman. Zwei Aktenstücke aus der thebanischen Gräberstadt b. Sitzber. Preuss. Akad., 1910, стр. 344—347; A. M. Blackman. Oracles in ancient Egypt. JEA 12, стр. 176—185 и обобщение материала об оракулах у И. М. Лурье: К вопросу о судебных оракулах. Зап. колл. востоков., IV, стр. 51—72.

[2] A. M. Blackman, ук. соч. 12, стр. 182, табл. 36,4.

[3] J. Černý and Peet, ук. соч., стр. 33, прим. 2.

[4] Вероятно соответствует стр. 11 транскрипции W. Spiegelberg. Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches d. dynast. XVIII—XXI. 1892, стр. 16—17.

[5] W. Spiegelberg, ук. соч., стр. 14—15.

[6] Следует отметить, что аналогичное предположение о процессе образования законов (ḥp), на основании материала иммунитетных грамот, высказал И. М. Лурье в упомянутой выше работе (стр. 29).

СОДЕРЖАНИЕ

I. Язык и литература

Стр.

А. П. Баранников. Индийцы о русской литературе 7
А. К. Боровков. Очерки истории Узбекского языка 24
П. В. Ернштедт. К детерминации в коптском языке 52
А. А. Фрейман. Хорезмийские глоссы в сочинении Кынйат ал-мунйа (Приобретение желанного..) хорезмийского законоведа XIII в. Наджм-ад-Дин Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газмини 63
Е. М. Колпакчи. Из истории японского сложного предложения 89
А. Н. Кононов Этимология слова *därïl* „не есть", „не" 97
А. А. Драгунов. Категория зависимой и независимой предметности в современном китайском разговорном языке 102
И. Н. Винников. Материалы по языку и фольклору бухарских арабов 120

II. История

В. В. Струве. Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура 149
И. Ю. Крачковский. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке 185
Н. В. Пигулевская. Общественные отношения в Неджране в начале VI в. н. э. 199
И. П. Петрушевский. К истории института сойургала 227
Я. Б. Радуль-Затуловский. Материалистическая философия Накаэ Тёмин. 247
В. А. Крачковская. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850 гг. . . 271
Ю. Я. Перепелкин. Меновые отношения в староегипетском обществе 302
А. С. Тверитинова. К вопросу русско-турецких отношений в елизаветинское время 312
Г. М. Петров. Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII веке 327
Д. И. Тихонов. Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в. 336
Н. Д. Миклухо-Маклай. К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I (1589—1629) 348
О. И. Смирнова. Согдийский монеты как новый источник для истории Средней Азии 356
О. П. Петрова. Адмирал Е. В. Путятин в бухте Хэда (К истории русско-японских отношений в середине XIX в.) 368
Н. П. Шастина. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. 383
Л. С. Пучковский. Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1239 г.) и Ульджейту (1305 г.) 396
К. Б. Старкова. Письмо Иехуды Халеви к Хиббу ал-Махдеви 423
В. И. Евгенова. Законодательная цигата в памятнике XXII династии 438

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Л. П. Пекуровская*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *В. К. Загорская* и
Н. А. Малевич.

*

РИСО АН СССР № 3053. Подписано
к печати 12/IX 1949 г. Печ. л. $27^3/_4$. + 2 вкл.
Уч.-изд. л. $36^1/_2$. М- 27027. Тираж 2500.
Зак. № 1328.

1-я типография Издательства Академии Наук
СССР. Ленинград, В.О., 9 лин., 12.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
34	4 сверху	اَبْفَى	اَبْقَى
269	20 снизу	в 1883 г. Лондон	в 1883 г. в Лондон

82 руб.